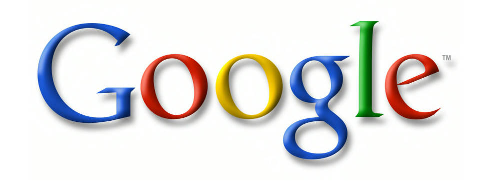
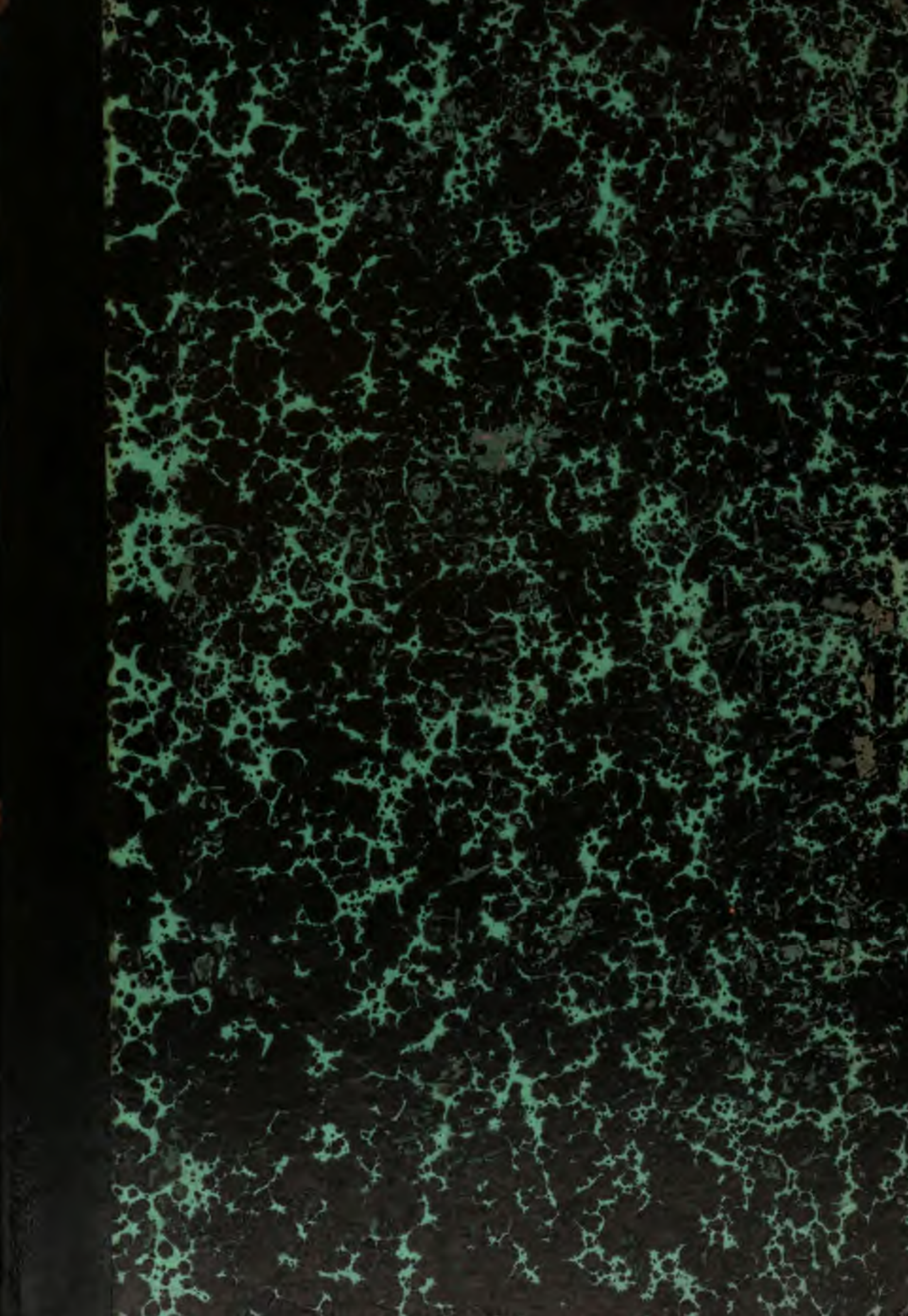
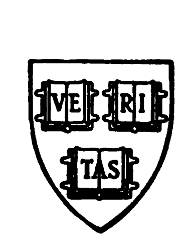





VE
RI
TAS

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

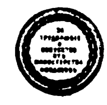
КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XXI.

СОДЕРЖАНІЕ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1904.



Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*.

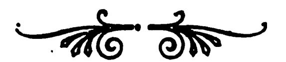
ОТЧЕТЪ

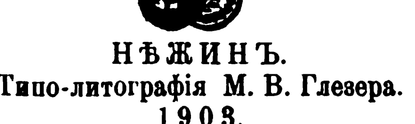
о состояніи

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

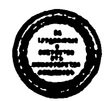
КН. БЕЗБОРОДКО

за 1902—1903 учебный годъ.





НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.



Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельбке.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко

за 1902—1903 учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующiя измѣненiя:

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 24 iюля 1903 г., магистръ греческой словесности экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ по греческой словесности.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 8 авг. 1903 г., преподаватель Института, с. с. *А. И. Шнукъ* назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора по римской словесности.

Приказомъ Г. Попечителя Кiевскаго Учебнаго Округа отъ 23 окт. 1902 г., уволенъ съ 20 сент. 1902 г., согласно прошенiю, по болѣзни, отъ службы экономъ и экзекуторъ Института титулярный совѣтникъ *Жила*.

Приказомъ Г. Попечителя Кiевскаго Учебнаго Округа отъ 16 нояб. 1902 г., утвержденъ въ должности эконома и экзекутора Института окончившiй курсъ реальнаго училища *Горячкинъ*.

Членами библiотечной коммиссiи были въ истекшемъ году профессора: *М. Н. Сперанскiй*, *В. К. Пискорскiй*, *М. И. Мандесъ*, *А. И. Покровскiй*, *Б. Ф. Бурзи* и преподаватель *В. И. Рѣзановъ*.

Членомъ Правленiя Института, по истеченiи годичнаго срока, вновь избранъ Конференцiей въ засѣданiи отъ 23 ноября 1902 г. на слѣдующiй годичный срокъ прежнiй членъ Правленiя, ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ*.

Всемилостивѣйше награждены орденомъ св. Станислава 2-й степе-

ни ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* и орденомъ св. Станислава 3-й степени наставникъ студентовъ и преподаватель Института *В. И. Рѣзановъ*.

Преосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Епископомъ Черниговскимъ и Нѣжинскимъ 4 ноября 1902 г., награжденъ фіалетовою скуфіею законоучитель Института священникъ *А. В. Лобачевскій*.

Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 12 ноября 1902 г., утверждены въ чинахъ, соотвѣтствующихъ ихъ должностямъ: ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* въ чинѣ статскаго совѣтника со старшинствомъ съ 2 янв. 1901 г., экстраординарные профессора *Б. Ф. Бурзи* въ чинѣ коллежскаго совѣтника со старшинствомъ съ 10 авг. 1901 г., *М. И. Мандесъ* и *К. Ф. Радченко* въ томъ-же чинѣ со старшинствомъ съ 14 сент. 1901 г.

Тѣмъ же Высочайшимъ приказомъ произведенъ, за выслугою лѣтъ, наставникъ студентовъ и преподаватель Института, надворный совѣтникъ *В. И. Рѣзановъ* въ чинъ коллежскаго совѣтника со старшинствомъ съ 10 сент. 1899 г.

Къ началу 1902/3 учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ*: въ I курсѣ—27, во II курсѣ—24, въ III курсѣ—35, въ IV курсѣ—14, а всего 100 студентовъ.

Въ началѣ отчетнаго года уволено, согласно прошенію, 2 студента I курса и принято 2 студента, одинъ—на III курсъ, выбывшій изъ числа студентовъ для перехода въ С.-Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ и до начала занятій изъявившій желаніе вернуться въ Нѣжинскій Институтъ, второй—на I курсъ, зачисленный кандидатомъ на случай, если-бы до истеченія перваго учебнаго мѣсяца открылась вакансія.

4 апрѣля 1903 г. скончался студентъ IV курса Сергѣй Юрьевъ.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ маѣ и іюнѣ 1903 г.—1) удостоены званія учителя гимназіи всѣ 13 студентовъ IV курса, въ томъ числѣ 1 классикъ, 6 словесниковъ и 6 историковъ;—2) переведены изъ III курса въ IV 35 студентовъ (1 классикъ, 22 словесника и 12 историковъ); одинъ студентъ, по болѣзни не державшій переводныхъ испытаній, оставленъ на второй годъ въ III курсѣ;—3)переведенъ изъ II курса въ III 21 студентъ, 2 студента оставлено на второй годъ во второмъ курсѣ и 1 студентъ уволенъ изъ

Института, согласно прошенію;—4) изъ 26 студентовъ I курса переведены во II курсъ 19 студентовъ, 2 студента оставлено на второй годъ въ I курсѣ и 5 студентовъ I курса уволено изъ Института, согласно прошенію.

Къ началу 1903/4 академическаго года заявило о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 32 человѣка, въ томъ числѣ 10 студентовъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, 21 воспитанникъ гимназій и 1 воспитанникъ коллегіи Галагана. Изъ нихъ принято въ I курсъ по аттестатамъ зрѣлости: 1) 18 воспитанниковъ гимназій, 2) 1 воспитанникъ коллегіи Галагана и 3) 1 студентъ университета. Такимъ образомъ, въ настоящее время состоитъ въ Институтѣ студентовъ: въ I курсѣ—22, во II курсѣ—21, въ III курсѣ—22 и въ IV курсѣ—35, а всего—100 студентовъ.

Изъ 13 студентовъ окончившихъ курсъ въ іюнѣ отчетнаго года получили назначеніе: *Кирилловъ*—въ Бердянскую гимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Шеллеръ*—въ Рыльскую прогимназію преподавателемъ древнихъ языковъ, *Михайловъ*—въ Бакинскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка, *Анненковъ*—въ Астраханское реальное училище преподавателемъ русскаго языка, *Незнамовъ*—въ Оренбургское реальное училище преподавателемъ русскаго языка и исторіи, *Горяиновъ*—въ Самаркандскую прогимназію преподавателемъ русскаго языка, *Грацкій*—въ Иркутское промышленное училище преподавателемъ исторіи, *Остроумовъ*—въ Екатеринодарскую мужскую гимназію учителемъ русскаго языка, *Романовскій*—въ Нарвскую гимназію учителемъ русскаго языка, *Шейковъ*—въ Эриванскую гимназію учителемъ древнихъ языковъ, *Яворскій*—въ Черниговское реальное училище учителемъ исторіи и географіи, *Бакаловъ*—въ Екатеринославское I реальное училище учителемъ русскаго языка. *Смирновъ*, по постановленію Конференціи, оставленъ въ настоящемъ году безъ назначенія по болѣзни.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ:

По *Закону Божію*—законоучитель священникъ *А. В. Лобачевскій* на III курсѣ (при 3 часахъ въ недѣлю) читалъ въ первомъ полугодіи общій курсъ изъ основного и догматико-апологетическаго богословія, во второмъ полугодіи объ основахъ христіанскаго нравоученія.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Мале-*

ванским студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) прочитанъ былъ курсъ формальной логики; студентамъ II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ психологіи самый основной и существенный отдѣлъ о первичныхъ психическихъ феноменахъ—ощущеніяхъ, чувствованіяхъ и стремленіяхъ; студентамъ III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) преподана исторія древней греческой философіи и исторія новой философіи до Канта включительно.

По *педагогикѣ*—преподаватель *М. И. Лилеевъ* излагалъ на III курсѣ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ гимназической педагогики и на IV курсѣ (также при 2 часахъ въ недѣлю) исторію педагогики.

По *греческой и римской словесности*—а) на I курсѣ *Директоръ Института* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи избранныя элегіи Тибулла, во второмъ 27-ую книгу Тита Ливія и (при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялъ студентовъ въ устныхъ и письменныхъ переводахъ съ русскаго на латинскій языкъ. Тѣмъ-же студентамъ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первомъ полугодіи XXXII и I рѣчи Лисія, во второмъ трагедію Еврипида «Медею». Кромѣ того (при одномъ часѣ въ недѣлю) руководилъ грамматическими упражненіями посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій.—б) на II курсѣ экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* (при 3 часахъ въ недѣлю) объяснялъ I книгу Θукидида и (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ исторіи классическаго періода римской литературы. На томъ-же курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* (при 4 часахъ въ недѣлю) объяснялъ въ первое полугодіе избранныя письма Горація, а во второе—рядъ систематически подобранныхъ отрывковъ изъ сочиненія Цицерона «Brutus»; и руководилъ въ оба полугодія грамматическими и стилистическими упражненіями тѣхъ-же студентовъ по латинскому языку (при одной лекціи) и по греческому языку (тоже при одной лекціи).—в) на классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ аѳинскихъ т. н. государственныхъ древностей, (при одномъ часѣ въ недѣлю) курсъ метрики и (также при одной лекціи) курсъ греческой эпиграфики и руководилъ переводами съ латинскаго на греческій языкъ. На томъ-же отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Туриевичъ* излагалъ (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ курса римскихъ древностей отдѣлъ о магистратурѣ, общую часть и (также при 2 часахъ въ недѣлю) упражнялъ въ семинаріѣ студентовъ въ

критикѣ текста и интерпретаціи избранныхъ мѣстъ изъ Annales и Historiae Тацита; а (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ переводами съ русскаго языка на латинскій.—г) на всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *М. И. Мандесъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) главы изъ «Поэтики» Аристотеля, опредѣляющія значеніе въ трагедіи сюжета и характеровъ. На тѣхъ-же отдѣленіяхъ тѣхъ-же курсовъ (сводно) и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) избранныя письма Плинія Младшаго.

По *русской словесности*—а) на I курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ исторію русской словесности древняго періода и экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (также при 2 часахъ въ недѣлю) курсъ фонетики и морфологіи древне-церковно-славянскаго языка.—б) на II курсѣ ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ курсъ исторіи русскаго языка и преподаватель *В. И. Рѣзановъ* (также при 2 часахъ въ недѣлю) далъ историческій обзоръ и объясненіе явленій русской литературы XVI—XVIII вв.—в) на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* объяснялъ (при 2 часахъ въ недѣлю) «Слово о полку Игоревѣ». На томъже отдѣленіи тѣхъ-же курсовъ (сводно) экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* читалъ краткій курсъ грамматики чешскаго и польскаго языковъ (при 2 часахъ въ недѣлю) и (при 1 часѣ въ недѣлю) курсъ исторіи древней болгарской литературы IX—XIV вв.—г) на словесномъ отдѣленіи III курса ординарный профессоръ *М. Н. Сперанскій* велъ семинарій по русской словесности (при 2 часахъ въ недѣлю).—д) на словесномъ отдѣленіи IV курса экстраординарный профессоръ *К. Ѳ. Радченко* (при 1 часѣ въ недѣлю) руководилъ семинарскими занятіями по славянскимъ нарѣчіямъ.

По предмету *теоріи словесности*—преподаватель *В. И. Рѣзановъ* далъ студентамъ словеснаго отдѣленія III и IV курсовъ (сводно) историческій обзоръ развитія драматической поэзіи итальянской, французской, англійской, нѣмецкой и русской.

По *всеобщей исторіи*—а) на I курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ (при 3 часахъ въ недѣлю) греческую исторію и б) на II курсѣ (также при 3 часахъ въ недѣлю) онъже—римскую исторію.—в) на историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (сводно) ординарный профессоръ *В. К. Пискорскій* (при 4 часахъ

въ недѣлю) излагалъ общій курсъ средневѣковой исторіи и г) на историческомъ отдѣленіи ІІІ курса онъ-же (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ практическими занятіями по изученію т. н. «варварскихъ законовъ».

По *русской исторіи*—ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* студентамъ I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ исторію Кіевскаго періода и студентамъ II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) обзоръ исторіи со временъ великаго княжества Владимирскаго и нашествія татаръ до царствованія Іоанна IV включительно. На историческомъ отдѣленіи III курса преподаватель *М. И. Лилеевъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ по новой русской исторіи, главнымъ образомъ, по исторіи царствованій Екатерины II, Павла I и Александра I. На историческомъ отдѣленіи IV курса ординарный профессоръ *М. Н. Бережковъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ русскую исторіографію въ ея главныхъ представителяхъ и въ важнѣйшихъ трудахъ. На томъ-же отдѣленіи того-же курса преподаватель *Е. И. Кашпровскій* (при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ спеціальный курсъ о Литовско-русскомъ государствѣ до начала XIV в.

По *географіи*— преподаватель *И. А. Сребницкій* излагалъ студентамъ историческаго отдѣленія III курса (при 2 часахъ въ недѣлю) изъ геологической географіи отдѣлы о метеорологіи и климатологіи, а студентамъ историческаго отдѣленія IV курса (при 1 часѣ въ недѣлю) географію Россіи и методику гимназическаго курса географіи.

По *французскому языку*—подъ руководствомъ преподавателя *Л. Н. Мишеля* студенты I курса (при 2 часахъ въ недѣлю) читали избранныя статьи изъ христоматіи Анспаха, а студенты II курса (при 2 часахъ въ недѣлю) отрывки изъ книги Faguet, Études littéraires sur le dix—huitième siècle.

По *нѣмецкому языку*—на I курсѣ преподаватель *А. А. Мартовъ* (при 2 часахъ въ недѣлю) руководилъ студентовъ чтеніемъ и объясненіемъ избранныхъ статей изъ сборника Jonas, Musterstücke der deutschen Prosa. На II курсѣ экстраординарный профессоръ *Б. Ф. Бурзи* (также при 2 часахъ въ недѣлю) читалъ со студентами Гёте «Страданія молодого Вертера».

Въ теченіе отчетнаго года по каждому акроаматическому курсу было до трехъ собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ:

а) Студенты I курса прочли подъ руководствомъ Директора Института 5-ую книгу Курція Руфа Historiae Alexandri Magni въ первомъ полугодіи, а во второмъ—13-ую книгу метаморфозъ Овидія и подъ руководствомъ преподавателя Шнука въ первомъ полугодіи Исократа Euagoras, а во второмъ—діалогъ Лукіана Ἁλιεύς.—Студенты II курса прочли подъ руководствомъ профессора Мандеса I и XII пѣсни Одиссеи и подъ руководствомъ преподавателя Шнука въ первое полугодіе XXXIX-ую книгу Тита Ливія, а во второе IV-ую книгу Энеиды Вергилія. Для руководства домашними чтеніями устраивались собесѣдованія—на I курсѣ еженедѣльно, на II—разъ въ двѣ недѣли, поочередно по греческому и латинскому языку; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ устномъ переводѣ и объясненіи отрывковъ изъ прочитаннаго.

б) Студенты III и IV курсовъ, по указаніямъ профессоровъ Бурзи, Мандеса и Турцевича, сами избирали себѣ для домашняго чтенія то или иное произведеніе греческой и римской литературы; провѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія посредствомъ собесѣдованій съ каждымъ изъ студентовъ отдѣльно.

2) Студенты I курса писали профессору Сперанскому семестровыя сочиненія по исторіи русской словесности.

3) Студенты II курса писали профессору Покровскому курсовыя сочиненія по древней исторіи.

4) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій: классики III и IV курсовъ—по римской словесности; словесники III курса—по исторіи русской литературы, IV курса—по славянской филологіи; историки III курса—по исторіи среднихъ вѣковъ и IV курса—по русской исторіи.

5) Студенты IV курса представили преподавателю Лилееву курсовыя сочиненія по педагогикѣ.

6) Студенты IV курса писали слѣдующія кандидатскія сочиненія: Профессору Турцевичу студентъ *Кирилловъ* представилъ сочиненіе на тему: «Мениппова сатира и ея образцы у Варрона и Лукіана». Профессору Сперанскому представлены были диссертаціи студентовъ: *Бакалова*: «Источники повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба», *Романовскаго*: «Похоронныя причитанія сѣвернаго края», *Смирнова*: «С. Т. Аксаковъ и его мѣсто въ современной ему литературѣ», *Горяинова*: «Историческій и поэтическій элементы въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ» и *Остроумова*: «Характеристика И. А. Гончарова какъ писателя». Студентъ *Анненковъ* представилъ профессору Радченку кандидатское сочиненіе на тему: «Константинъ Костенчскій» и его «Житіе деспота Стефана Лазаревича». Профессору Бережкову представлены были диссертаціи студентовъ: *Грацкаго*: «Польско-русскія отношенія при Св. Владимирѣ», *Незнамова*: «Крестьянскій вопросъ въ комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія 1767—68 гг., на основаніи матеріаловъ помѣщенныхъ въ Сборникѣ И. Рус Истор. Общества», *Шейкова*: «Ломоносовъ, какъ Историкъ» и *Яворскаго*: «изслѣдованіе о сочиненіи Татищева «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ»». Профессору Пискорскому представили сочиненія: студентъ *Михайловъ* на тему: «проектъ податной реформы во Франціи маршала Вобана» и студентъ *Шеллеръ* на тему: «о взаимныхъ отношеніяхъ между духовной и свѣтской властью по ученію Лютера».

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ состоящей при Институтѣ гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ: съ 23 октября по 13 ноября студенты IV курса для ознакомленія съ методами преподаванія и съ гимназическими программами посѣщали въ часы, оставленные свободными отъ лекцій, по особому расписанію, уроки въ гимназіи наставниковъ-руководителей I. В. Добіаша (по греческому языку), А. Ѳ. Абрамова (по латинскому языку), И. Н. Михайловскаго (по русскому языку) и И. А. Сребницкаго (по исторіи и географіи). 13, 15, и 16 ноября устроены были подъ предсѣдательствомъ Директора Института, общія бесѣды, на которыхъ наставники-руководители сообщали студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія и толковали гимназическіе учебные планы. Изъ этихъ бесѣдъ двѣ были посвящены преподаванію древнихъ языковъ, одна—преподаванію русскаго и церковнославянскаго языковъ и одна—преподаванію исторіи и географіи. Съ 18 ноября до 8 февраля студенты давали пробные уроки, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и

въ присутствіи Директора, профессоровъ и преподавателей Института. Каждымъ студентомъ даны были, въ присутствіи его товарищей по отдѣленію, 6 пробныхъ уроковъ. Студентъ классическаго отдѣленія далъ 2 урока греческаго языка въ IV и VII классахъ и 1 урокъ русскаго языка въ III классѣ. Каждымъ студентомъ словеснаго отдѣленія даны были 4 урока русскаго и церковнославянскаго языковъ и словесности въ III, IV, V и VIII классахъ, 1 урокъ греческаго языка въ IV и 1 урокъ латинскаго языка во II классѣ. Каждый студентъ историческаго отдѣленія далъ 2 пробныхъ урока по исторіи въ III и VI классахъ, 2 урока географіи въ I и IV классахъ, 1 урокъ греческаго и 1 урокъ летинскаго языка въ VI классѣ. Для детальнаго обсужденія отдѣльныхъ данныхъ студентами уроковъ каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю частное собесѣдованіе. Когда такимъ образомъ были разобраны всѣ данные студентами уроки, каждый въ отдѣльности,—были устроены 20, 21 и 22 апрѣля общія бесѣды наставниковъ- руководителей со студентами,--тѣмъ-же порядкомъ, какъ и предварительныя бесѣды передъ началомъ пробныхъ уроковъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Учебнаго Округа 7 декабря 1902 года въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ, программа котораго состояла изъ вокально-музыкальной части, чтенія стихотвореній и реферата студента IV курса Анненкова «о Надсонѣ».

Конференція Института имѣла въ отчетномъ году 23 засѣданія.

Фундаментальная библіотека Института, состоявшая въ началѣ отчетнаго года изъ 23.301 названія въ 56.419 томахъ, пополнялась покупкою книгъ по предложенію профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній, преимущественно въ обмѣнъ на «Извѣстія Института». Въ настоящее время въ фундаментальной библіотекѣ имѣется 23.748 названій въ 57.343 томахъ.

Въ студенческой библіотекѣ до начала отчетнаго года было 1027 названій въ 7083 томахъ, нынѣ въ ней имѣется 1069 названій въ 7343 томахъ.

Въ теченіе отчетнаго года вышелъ въ свѣтъ XX томъ *Извѣстій Института*, въ составъ котораго вошли Отчетъ о состояніи Института за 1901—1902 учебный годъ, Отчетъ о дѣятельности временной «Гоголевской» коммисіи, составленный *И. А. Сребницкимъ*, и слѣдующія статьи:

Профессора *Г. В. Малеванскаго*: «Памяти Николая Ефремовича Скворцова, второго Директора Историко-Филологическаго Института въ г. Нѣжинѣ. Страница изъ внутренней исторіи русской школы»

Профессора *Б. Ф. Бурзи*: «Объ источникахъ аѳинскаго права». (Вступительная лекція)

Профессора *К. Ф. Радченко*: «Новооткрытая «Буквица» Досиѳея Обрадовича».

Профессора *К. Ф. Радченко*: «Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ».

Бывшаго студента Института *А. И. Солнцева* кандидатское сочиненіе: «Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ».

Преподавателя *М. И. Лилеева:* «Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII вв.» Выпускъ II (Продолженіе).

Внѣ Извѣстій Института профессора и преподаватели напечатали слѣдующіе труды:

Профессоръ *М. Н. Бережковъ*: «Докладъ о занятіяхъ археологической комиссіи при Историко-Филологическомъ Обществѣ». (Сборникъ Ист.-Фил. Общества при Инст. кн. Безбородко, т. IV).

Профессоръ *М. Н. Сперанскій*: «Leon's des Weisen Weissagungen nach dem Evangelium und Psalter». (Arch. f. slav. Phil. Bd. XXV. 1903).

Профессоръ *В. К. Пискорскій*: «О дневникѣ и депешахъ герцога Лирійскаго (испанскаго посла при русскомъ дворѣ въ 20-хъ годахъ XVIII в.)». Извлеченіе реферата, напечатанное въ 4-мъ выпускѣ XVI книги Чтеній Общества Нестора Лѣтописца. (Кіевъ 1903).

Профессоръ *К. Ф. Радченко*: «Къ исторіи философско-религіознаго движенія въ Византіи и Болгаріи XIV в.» (Научно-литер. Сборникъ изд. Галицкой Матицей II. 1) «Письмо къ Ю. А. Яворскому» (тамъ-же II. 4); рецензіи изданій Е. Калужскаго: «Werke des Patriarchen v. Bulgarien Euthymius» и «Aus der panegyrischen Litteratur der Südslaven» (Arch. f. slav. Phil. Bd. XXIV. 1902).

Преподаватель *В. И. Рязанов*: «Матеріалы по этнографіи Курской губерніи, часть III: Сборники А. С. Машкина». (Курскій Сборникъ. Вып. IV. Курскъ 1903).

Законоучитель о. *А. В. Лобачевскій*: «Н. В. Гоголь какъ христіанинъ». Въ сборникѣ «Памяти Гоголя» (Кіевъ 1903).

Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія предложеніемъ отъ 18 мая 1903 г., за № 15383 разрѣшилъ учрежденіе при Институтѣ студенческаго историко-филологическаго кружка съ участіемъ профессоровъ и преподавателей, согласно выработаннымъ Конференціей правиламъ.

---

26 мая 1903 г. скончался въ С.-Петербургѣ бывшій профессоръ Института *П. И. Люперсольскій* и 1 іюня отслужены были Законоучителемъ Института и Настоятелемъ Институтской церкви заупокойная литургія и панихида по покойномъ.

Въ состоящемъ при Институтѣ Историко-Филологическомъ Обществѣ въ отчетномъ году числилось 2 почетныхъ и 59 дѣйствительныхъ членовъ. Составъ бюро былъ слѣдующій: Предсѣдатель—М. Н. Бережковъ, товарищъ предсѣдателя—А. Ѳ. Абрамовъ, секретарь—М. И. Лилеевъ, казначей—И. Н. Михайловскій, товарищъ казначея—Б. Ф. Бурзи, библіотекарь—Е. И. Кашпровскій, товарищъ библіотекаря—В. К. Пискорскій.

Общество имѣло въ отчетномъ году 8 засѣданій. Въ засѣданіяхъ читаны были слѣдующія сообщенія: проф. *М. Н. Сперанскаго* о малороссійскихъ думахъ, духовныхъ стихахъ и пѣсняхъ, по поводу игры и пѣнія бандуриста Пархоменко и по поводу сборниковъ пѣсенъ Данилова; рефератъ *С. Н. Жданова* о новонайденныхъ отрывкахъ Сапфо; библіографическая и біографическая замѣтка *М. Н. Бережкова* объ Юріѣ Крижаничѣ, по поводу новой книги Бѣлокурова о Крижаничѣ; *И. Г. Турцевича* о вѣротерпимости въ Римской имперіи; *А. И. Покровскаго* отзывъ о новой книгѣ профессора Бузескула «Введеніе въ исторію Греціи» и студента *В. В. Данилова* о собранныхъ имъ народныхъ пѣсняхъ въ селѣ Андреевкѣ Нѣжинскаго уѣзда.

Въ отчетномъ году напечатанъ IV томъ Сборника Общества; въ составъ этого тома, кромѣ отчетовъ и протоколовъ Общества, вошли статьи дѣйствительныхъ членовъ общества: *М. Н. Бережкова* о черниговскомъ археологѣ Марковѣ, В. *К. Пискорскаго* поминка объ историкахъ Стэбсѣ и Балагерѣ, *М. И. Лилеева* объ историкѣ Погодинѣ, *И. Г. Турцевича* статья подъ заглавіемъ «orbis in urbe» и *П. А. Заболотскаго* Старѣйшій Запорожскій уѣздъ.

Въ библіотекѣ Общества къ началу отчетнаго года было 326 названій въ 871 книгѣ; въ теченіе 1902—1903 академическаго года поступило а) старыхъ названій 12 въ 27 книгахъ и б) новыхъ названій 9 въ 10 книгахъ. Нынѣ въ ней имѣется 336 названій въ 908 книгахъ

УТВЕРЖДАЮ.

Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, Товарищъ Министра **С. Лукьяновъ.** 18 мая 1903 г.

Правила Историко-Филологическаго Кружка при Историко-Филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

1.

При Историко-Филологическомъ Институтѣ Князя Безбородко учреждается Историко-Филологическій Кружокъ.

2.

Кружокъ имѣетъ цѣлью изслѣдованіе, изученіе и обсужденіе вопросовъ, относящихся къ области историко-филологическихъ знаній.

3.

Членами Кружка могутъ быть студенты Института и состоящіе на учебной службѣ въ Институтѣ.

4.

Означенныя въ п. 3 лица зачисляются въ члены Кружка по заявленію ихъ предсѣдателю бюро Кружка (п. 9 и 10) о желаніи вступить въ число членовъ Кружка.

5.

Члены Кружка собираются: 1) для выслушиванія и обсужденія научныхъ сообщеній (п. 2) и 2) для избранія членовъ бюро Кружка (п. 9 и 10).

6.

Сообщенія состоящихъ членами Кружка студентовъ составляются подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ или преподавателей Института и дѣлаются въ собраніяхъ Кружка по предварительномъ одобреніи сообщенія лицомъ, руководившимъ въ его составленіи, о каковомъ одобреніи руководившій доводитъ до свѣдѣнія предсѣдателя бюро (п. 9 и 10). Выборъ руководителя принадлежитъ желающему сдѣлать сообщеніе студенту.

7.

Собранія Кружка назначаетъ бюро Кружка (п. 9) по соглашенію какъ съ желающими сдѣлать сообщенія, такъ и съ руководившими въ составленіи сообщеній (п. 6). Желающій сдѣлать сообщеніе извѣщаетъ предсѣдателя или секретаря бюро о томъ, когда и на какую тему предполагаетъ онъ сдѣлать сообщеніе, не позже какъ за недѣлю до предполагаемаго имъ срока.

8.

Въ тѣхъ собраніяхъ кружка, въ коихъ сообщеніе дѣлается студентомъ, предсѣдательствуетъ руководившій въ составленіи сообщенія; въ прочихъ собраніяхъ Кружка—предсѣдатель бюро; въ случаѣ же его отсутствія—директоръ, инспекторъ или старшій изъ явившихся въ собраніе профессоровъ Института.

9.

Дѣлами Кружка завѣдуетъ бюро, на обязанности коего лежитъ назначеніе собраній Кружка, опредѣленіе предметовъ занятій собраній,

составленіе протоколовъ собраній и годичныхъ отчетовъ о дѣятельности Кружка.

10.

Бюро составляетъ предсѣдатель, избираемый изъ профессоровъ Конференціею Института, и четыре члена, избираемые изъ студентовъ собраніемъ Кружка посредствомъ закрытой баллотировки въ началѣ каждаго академическаго года.

11.

Предсѣдатель бюро является представителемъ Кружка передъ Конференціею Института.

12.

Одинъ изъ членовъ бюро, по избранію бюро, исполняетъ обязанности секретаря.

13.

Кружокъ можетъ имѣть свою библіотеку, которая составляется и пополняется съ разрѣшенія Конференціи Института.

14.

Кружокъ можетъ устраивать научныя экскурсіи своихъ членовъ подъ руководствомъ кого—либо изъ профессоровъ или преподавателей Института.

15.

Протоколы и отчеты Кружка поступаютъ на сохраненіе въ архивъ Конференціи Института.

16.

Конференція Института о дополненіяхъ, измѣненіяхъ или отмѣнѣ настоящихъ правилъ входитъ съ представленіемъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія черезъ Попечителя Учебнаго Округа.

17.

Закрытіе Кружка можетъ послѣдовать по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельбке.

РУКОПИСНОЕ СОБРАНІЕ

БИБЛІОТЕКИ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО

ВЪ Г. НѢЖИНѢ.

Пріобрѣтенія 1901—1903 г.г.

ОПИСАНІЕ СОСТАВЛЕНО
М. СПЕРАНСКИМЪ.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

123 (16245). **Книга степенная.** Рукоп. въ листъ на 410 листахъ, полууставомъ, частью скорописью (л. 239—262) XVIII вѣка; въ первой части рукоп. (л. 1—79)—киноварь въ заглавіяхъ.

Въ началѣ передъ самой «Степенной книгой», л. 1—10,— «Лѣтописецъ славенороссійскій: о правнуцѣхъ Іафетовыхъ, иже отъ странъ своихъ въ полуденныя страны пріидоша и нарицахуся Скиѳіа великая. И паки оттуду въ сѣверныхъ странахъ грады поставиша и нарицахуся Словяне и Руси; и о призваніи на россійское княжество великаго князя Рюрика и прочая, отъ великія княгини Олги даже и до нынѣшнихъ великихъ государей самодержцевъ россійскихъ.—Написася въ лѣто отъ сотворенія міра 7206 (1697), мѣсяца декабря въ 8 день.—Въ лѣто отъ сотворенія міра 2244-го, во второе же лѣто по потопѣ Ной праведный, праотецъ нашъ, второй родоначальникъ, раздѣли всю вселенную.

Послѣдняя глава (л. 9)—О началѣ царствующаго града Москвы.

Л. 10 об. Главы первымъ степенемъ, до степени великаго князя Владиміра.—Оглавленіе Степенной книги, кончая 37-й главой (О чудотворцѣхъ россійскихъ).

Л. 11 об.—Родословіе россійскихъ государей.

Л. 15. Сказаніе о святѣмъ благочестіи россійскихъ началодержецъ и сѣмене ихъ святаго и прочихъ.

Начало самой Степенной книги; кончается она десятой степенью, главой 7-й (по изданію Миллера (1775 г.), I, 438.).

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

124. (16241) **Сборникъ.** Рукоп. въ 4 д. л. на 13 л. малограмотписьма конца XVIII вѣка; отрывокъ: первая статья обозначена № 24; въ языкѣ частое *а*-канье.

л. 1. Книга беседы евангелскія, глава выписана о піяницахъ и о

бражникахъ слово.—Во днехъ некіихъ посла Господь ангела своего взяти душу бражникову отъ тела, и пріиде ангелъ и разлучи душу отъ тела и постави у вратъ пречистаго рая.

Издана, по болѣе полной рукописи, въ Пам. стар. русск. лит. (гр. Кушелева—Безбородка, Спб. 1860) II, 477.

л. 5. Беседы трехъ светителей, вселенскихъ учителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго.—Вопросъ: что суть у Спасителя нашего Бога на венце его девить чиновъ? Ответъ: то есть: 1-е пристоли, 2-е господствія, 3-е начали, 4-е власти, 5-е силы, 6-е херувимы, 7-е серафимы, 8-е архангели, 9-е ангели.

Обширная редакція.

л. 13. Составъ отъ болѣзни.—1-е, возми корень послушанія, 2-е дай места терпенію, 3-е цвету чистоты.

л. 13-й об. иной рукой: «вопросъ: кто бижитъ, а кто гонитъ? Ответъ: день бежитъ, а ночь гонитъ. Вопросъ: кои два соперники на земли безпрестано борутца? Отвѣтъ: день съ нощію, а животъ со смертію».

Отъ М. Сперанскаго.

125. (16239) **Святцы.** Миніатюрная рукоп. въ 64-ю долю листа мелкимъ устовомъ послѣ 1716 года (см. л. 84 об.), въ кожаномъ переплетѣ; писана съ киноварью въ заглавіяхъ и праздничныхъ дняхъ.

л. 1. Святцы, начиная съ генваря; недостаетъ заглавія и перваго числа мѣсяца; киноварью пишутся въ большинствѣ случаевъ и памяти русскихъ святыхъ и русскихъ праздниковъ.

л. 84. Пасхалія зрячая съ 1716 по 1731 годъ.

Отъ М. Сперанскаго.

126 (16244) **Дѣяніе на Мартина еритика.** Рукоп. въ 4 д. л. на 1+71 листахъ, полууставомъ XVIII в., м. б., конца. Въ началѣ—заглавіе въ расписной грубой рамкѣ съ таковой же заглавной буквой. Въ началѣ самого дѣянія такая же заглавная буква; въ текстѣ въ заглавныхъ буквахъ—киноварь.

Л. 1 (ненум.). Соборное деяніе на еретика арменина, на мниха Марьтина В лѣто отъ созданія мира 6665 году, а отъ воплощенія рожества Христова 1157 году.—(л. 1). Мѣсяца июнія въ 7 день. При великомъ князе Ростиславе Мъстиславъевиче и при господине митрополите Костанътине во градѣ Киевѣ бысть соборъ.

Списокъ съ печатнаго, первыя изданія—Спб. 1718 и М. 1718 (ср. Сопиковъ, I, 258).

От̃ъ препод. В. И. Рѣзанова.

127 (16213). **Каноны**. Рукоп. въ 8 д. л. на 60 л., скоропись XVIII в. разныхъ рукъ, л. 48—60—письма скорописнаго 1747 года (см. л. 48); л. 30—35 той же руки вставлены позднѣе. Въ началѣ рукописи—киноварь. Начала текста (двухъ листковъ, по современной помѣтѣ) не достаетъ.

Л. 1. Пѣснь 3-я ірмосъ. Твоя певцы Богородицѣ живы нетр... источниче...

Въ канонѣ Богородицѣ упоминается имп. Елизавета Петровна (л. 5).

Л. 15. Канонъ препод. Сергію Радонежскому.

Л. 16 об. Другій канонъ (ему же).

Л. 29. Канонъ пресвятей Богородице, яже въ великомъ Новеграде.

Л. 41 об. Канонъ препод. оцу нашему Саватіу, начальнику пустыни Соловецкаго монастыря.

Л. 48. Канонъ Богородице Казанской.

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

128 (16240) **Тріодь**. Рукоп. въ 4 д. л. на 201 л., нотная (ноты линейныя), конца XVII вѣка; въ заглавіяхъ киноварь; первая строка киноварной вязью.

Л. 1. Тріωдіωнъ сі єсть тріпѣснецъ. Нлѧ мытарѧ и фарисеѧ гласъ а.—Не помолимсѧ фарисейски братіе.

Кончается недѣлей всѣхъ святыхъ.

Отъ М. Сперанскаго.

129 (16242) **Праздники на нотахъ**. Рукоп. въ 4 д. л. на 179 л., полууставъ XVII вѣка, ноты—пятилинейныя; первая строка каждой службы хорошей киноварной вязью; киноварью же заглавія и заглавныя буквы.

Л. 1. Служба Воздвиженію св. Креста.
Л. 21. „ Введенію во храмъ Богородицы.
Л. 34. „ Навечерія Рождества Х-ва.
Л. 43. „ Рождества Х-ва.
Л. 51. „ Богоявленія—навечеріе.
Л. 64. „ Богоявленію.
Л. 76. „ Срѣтенію.

Л. 90. „ Благовѣщенію.
Л. 107. „ Недѣли Ваій.
Л. 120. „ Вознесенію.
Л. 133. „ Пятидесятницы.
Л. 144. „ Преображенію.
Л. 161. „ Успенію Богородицы.

Отъ М. Сперанскаго.

130. (16138). **Канонъ по усопшихъ.** Рукоп. въ 8 д. л. на 76 листахъ, плохой полууставъ XVIII—XIX вѣка, съ киноварью въ заглавіяхъ.

Л. 1. Вѣдомо же буди: сице да поеши канонъ сей за души усопшихъ (съ) сокрушеннымъ сердцемъ и со слезами. Первіе: За молитвъ святыхъ отецъ...

Л. 49. Начало всенощнаго бдѣнія сице.—За молитвъ святыхъ отецъ... Пріидите поклонимся...

Л. 76. Позднія приписки—начала писемъ (черновиковъ).

Отъ студ. П. А. Незнамова.

131 (16247) **Піитика.** Рукоп. въ 4 д. л. на 111 листахъ, плохой сохранности: безъ начала и конца, съ дефектами въ срединѣ; писана въ первой половинѣ XVIII вѣка (л. 34—стихотвореніе-акростихъ въ честь Анны Іоанновны) по латыни, частью по русски, по польски. Всѣ части и главы дѣлятся на «passus» и «pes».

Л. 1 (безъ начала)—о видахъ амплификаціи.

Л. 7. Passus tertius—De modo disponendi amplificationem per chriam.—Pes I-us—De definitione, divisione, partibus et transitionibus chriae.

Л. 16 об. Passus 2-dus.—De concernentibus carmen latinum tam in genere quam in specie.—Pes I-mus—Ad notitiam quid sit pes, caesura, scansio, metrum, versus, carmen, et unde habeant suam denominationem scandens.—Здѣсь: Punctum 2-dum (л. 19): de modis componendi et ornandi carmen etc.; Punctum 3-ium (л. 21 об.): de capellationibus carminis latini; Pes 3-ius: de usitationibus, speciebus carminis latini (л. 22); Punctum 1-um: De carmine hexametro, pentametro, saphico et horatiano и т. д.; Passus 3-ius (л. 26 об.) de carmine sclavono et polono (съ образцами тѣхъ и другихъ).

Л. 35. Stadium 2-um—De poesi in specie. Passus 1-mus: De poesi narrativa cuiusque speciebus; Pes 1-mus: De poesi elegiaca; Pes 2-dus: De poesi lyrica (л. 38) (со стихотвореніемъ Ѳеофана Прокоповича на

тріумфъ Петра 2-го—по латыни, л. 38 об.—40 об.); Pes 3-ius: de poesi epigramatica (л. 42)·

Л. 52. Толкованіе собственныхъ именъ (Abraham—Pater multitudinis; Absalom—Pater pacis и т. д.) въ алфавитномъ порядкѣ.

Л. 55 об. Passus 2-dus: de poesi dramatica cuiusque speciebus; Pes unicus: de poesi tragica et comica.

Л. 57 об. Passus 3-ius: de poesi mixta cum suis speciebus; Pes 1-mus: ad notitiam epicae poeseos gradiens; Pes 2-dus (л. 62 об.): ad recensendam poesim bucolicam georgicam et satyricam tendens.

Л. 64. Passus 4-tus: de poesi aenigmatica et caeteris curiosis carminum latinorum artifitiis; Pes 1-mus: de aenigmate cum suis speciebus (здѣсь образчики по латыни); Pes 2-dus (л. 69 об.): de symbolo, lemmate hierogliphico et emblemate (со спискомъ символовъ); Pes 3-ius: de caeteris carminibus curiose scriptis: de acrosticho (л. 73), de carmine echico (л. 74), de c. arithmetico (л. 74 об.), de c. correlativo (л. 76 об.), de c. chronosticho (л. 77 об.), dec. cabalistico (л. 77 об.), de c. pythagorico (78), de c. centrico (л. 78 об.), de c. stemmatico.

Л. 81. Trames 2-dus: ad notitiam pricipiorum solvae orationis ducens; Stadium 1-um: tropos et figuras tam verborum quam sententiarum complectens. Passos 1-mus: ad cognoscendos tropos tendens; Pes 1-mus: ad cognoscendos tropos in verbo gradiens; Pes 2-dus (86 об.): ad cognoscendos tropos in sensu gradiens;—Pussus 2-dus: de figuris tam verborum quam sententiarum (л. 90 об.), Pes 1-us: ad sciendas figuras.... gradiens.

Л. 102. Copia verborum seu phraseos poeticae cum additis nonullis nominibus propriis ordine alphabetica disposita in supplementum nec candidatis poeseos ad cultius et expeditius canenda carmina etc. substituta anno 1735 in annum 1738....

Отрывки на A, B, C.

Отъ А. В. Добіаша.

132 (16932). **Сборникъ.** Рукоп. въ 4 д. л. на 41+156 (по счету рукописи 158) листахъ, скоропись первой половины XVIII столѣтія, разныхъ рукъ; начала и конца нѣтъ; въ концѣ рук. клочья отъ оторванныхъ листовъ; между первой частью и второй, въ началѣ послѣдней пропало 2 листа.

I рукопись:

Л. 1. Слово святаго Ефрема Сирина о второмъ пришествіи.—Егда

житія человѣкомъ лѣта реченная скончаютца, пріити иматъ Господь...

Л. 12 об. Сказаніе о последнихъ лѣтехъ, о антихристе и о ево рождени.—Родится антихристъ отъ девы нечистыя отъ колена Данова во осьмой тысящи въ последнея время, будитъ представленіе света... осьмой тысящи.

Л. 17. По приказу государя царя и великого князя Іоанна всея Росіи и при его царевичи Феодоре Іоанновиче и по благословенію Діонисія, митрополита Московскаго и всея Россіи. Посланіе московскихъ купцовъ съ Москвы и хожденіе ихъ въ Царьградъ и во Антіохію и во Ерусалимъ и во Александрію и во Египетъ и въ Синаискую гору къ патріархомъ съ милостынею въ лета ҂ЗА҃А (7009-?!) году марта въ 1 день.—Царь государь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всея Россіи послалъ съ Москвы въ Царьградъ.... милостыню довольную съ московскими купцы съ *Трифономъ Карабелниковымъ* да съ *Юрьемъ Грекомъ*, съ ними ѣздилъ своею охотою московской жилецъ Феодоръ Крестовниковъ...

См. Правосл. Палест. сборн., вып. 27 (1889); нашъ текстъ относится къ 1-й группѣ списковъ (см. стр. XXXVI),

На л. 28 об. на чистой части страницы рисунокъ (довольно грубый, чернилами) и подпись: «изъ книхъ Петра Хохлачнина».

Л. 35. Мѣсяца іюлія 15 числа страданіе и мученіе святыхъ мученикъ Кирика и Улите.—Во время оно бысть гоненіе на христіянъ отъ законопреступныхъ и мучителей отъ древнихъ (?) царей, отъ Уліяна.

II. Рукопись.

Л. 3 (1-й и 2-й пропали).... на утрея, то есть 29-го августа, оной Полоцкой, пришедъ предъ великаго государя и царя и великаго князя Алексея Михайловича, поздравлялъ его государя съ сыномъ великимъ государемъ царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ...

Изъ записокъ П. Н. Крекшина; ср. *Сахарова.* Записки русскихъ людей (Спб. 1841), стр. 8—33.

Л. 33. Прошлого 7190-го году, то есть лета Господня 1682, мѣсяца маія 15 числа, въ которое предведеніе Божіе прежнихъ летъ неповиннаго въ городе Угличе царевича младенца Димитрія Іоанновича, сына царя Іоанна Васильевича всея Россіи, убіеніе промысломъ любочестія бывшаго царя Бориса Годунова.

Записки гр. А. А. Матвѣева; ср. *Сахарова*, тамъ же, стр. 81 и сл.

Л. 116. Копія зъ журналу Его Величества Петра Первого и императора и самодержца всероссійскаго, когда онъ своею высокою особою изволилъ ходить при свите посольской за море 1697-го году.— Изъ Москвы, маія 11-го дня чрезъ Клинъ, Тверь...

Записки неизвѣстнаго путешественника о путешествіи Петра I; изд. *П. Б.* «Записная книжка любопытныхъ замѣчаній великой особы... (Спб. 1788); ср. *Е. Ф. Шмурмо* «Петръ Великій въ русской литературѣ» (Спб. 1889), стр. 88, прим. 1.—Нашъ списокъ полнѣе изданнаго.

Л. 156. Мѣс. сентября въ 15 день житіе и мученіе святаго и великаго Христова мученика Никиты.—Въ оно время бысть мужъ богомудръ именемъ Никита въ царство великого Константина готеинъ родомъ.

Конецъ (2 листа) оторванъ.

Отъ б. студента Института П. А. Незнамова.

133. (16808). **Письмо Гоголя.** Почтовый листокъ въ четыре страницы, изъ коихъ двѣ заняты письмомъ Н. В. Гоголя 1852 г. (автографъ) на имя Ильи Ивановича Барановскаго. Издано въ Гоголевскомъ сборникѣ Института, стр. 9—10.

Отъ Ильи Ильича Барановскаго.

134 (16248) **Бумаги, относящіяся къ Гоголю.**

I. Письмо В. А. Гоголя (отца писателя) отъ 12 февр. 1821 г. изъ Миргорода о пріемѣ Н. В. Гоголя въ Гимназію высшихъ наукъ (получено въ Нѣжинѣ 16 февр. того же года).—Издано послѣдній разъ въ Гоголевскомъ сборникѣ Института, стр. 314.

II. Отвѣтъ (черновой) отъ 18 февр. 1831 на предъидущее письмо отъ Конференціи Гимн. высш. наукъ.—Издано тамъ-же, стр. 314.

III. Списокъ воспитанниковъ Гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко съ раздѣленіемъ казенныхъ отъ своекоштныхъ и съ показаніемъ времени поступленія ихъ въ Гимназію.—2 листа: здѣсь за № 32-мъ Гоголь, принятый 1-го мая 1821 года, занесенный въ графу поступившихъ по смерти В. Кукольника.—Издано тамъ же, стр. 315.

IV. Письмо Михаила Щербака (родственника Н. В. Гоголя) отъ 25 іюня 1821 г. съ просьбой объ отпускѣ Н. В. Гоголя на вакацію. Издано тамъ же.

V. Письмо гр. А. Г. Кушелева-Безбородка о принятіи Н. В. Гоголя въ число гимназическихъ пансіонеровъ, 1822 г. марта 22 (получено въ Нѣжинѣ 22 апрѣля). Издано тамъ же, стр. 318.

VI. Прошеніе Н. В. Гоголя 20 авг. 1827 г. о допущеніи его, ученика 4-го класса, къ экзамену по языкамъ для перевода въ 4-е отдѣленіе по языкамъ—автографъ. Издано тамъ же, стр. 365.

VII. Показанія учениковъ Гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко касательно естественнаго права проф. Бѣлоусовымъ преподаннаго (№ 274, 1827 года)—на 8 листахъ. Въ числѣ опрошенныхъ былъ и Гоголь, показаніе и подпись котораго на л. 6 об. Кромѣ него, дали показанія: Ѳедоръ Михно, Е. Филипченко, Александръ Новохацкій, Несторъ Кукольникъ, Ник. Котляревскій, Ал-й Колышкевичъ, Петръ Гороновичъ, Н. Родзянко и вторично Е. Филипченко—всѣ ученики 8-го класса. Издано тамъ же, стр. 298.

VIII. Журналы Конференціи Гимназіи высшихъ наукъ за 1824 годъ на 164 л. (въ переплетѣ); здѣсь на 39 об. и л. 56 об.—о поведеніи Н. В. Гоголя. Издано тамъ же, стр. 342—343.

IX. Рисунокъ по фортификаціи, исполненный Гоголемъ въ 1828 году.—Изданъ въ Гоголевскомъ сборникѣ Института (ср. стр. 298).

Переданы изъ Архива Института.

135 (16246). **Письмо Петра II Нѣгоша.** Листъ, письмо адресовано «Главарима, стариешинами и свой почтеной Комунитади Пащровской», 11 сент. 1813 года.—Автографъ владыки черногорскаго, съ его печатью.

Отъ М. Сперанскаго.

136 (16249) **Два стихотворенія.** Два листа, на нихъ два анонимныхъ стихотворенія 50-хъ годовъ XIX ст.: 1) «Это значитъ финтифлюшки финтифлю» (шутливое, съ этимъ припѣвомъ), 2) «Всѣхъ ихъ по міру пусти» (сатирическаго характера).

Отъ преп. В. И. Рѣзанова.

137 (16809). **Заговоры.** Тетрадка въ 4 д. л. на 8 листкахъ разнаго формата, разныхъ рукъ 50-хъ годовъ XIX вѣка.

Л. 1. Заговоръ отъ глазъ.—Шла Мать пресвятая Богородица...

Л. 1 об. Отъ золотухи.—На морѣ на окѣянѣ... дѣвушки калинушку ломали.

— Отъ колотья.—На морѣ на окѣянѣ... стоить камень... сидить красная дѣвица.

Л. 5. Отъ грыжи.—Брусъ, брусъ, возьми свою грызь.

Л. 5 об. Отъ укушенія змѣи.—На морѣ на окѣянѣ на островѣ на Буянѣ стоитъ липа, подъ тою липою лежитъ чорная руна ярочья... (продолженіе на л. 2 и 2 об.).

Л. 3. Таблица днямъ, въ которые ничего начинать не должно.— Генварь имѣетъ несчастныхъ дней 8-мь: 1, 2, 4, 6, 11, 12, 13, 20.

Л. 6. Заговоръ отъ укушенія ужа и козюли.—Зачался свѣтъ съ полуночи отъ мѣсяца.

Л. 6 об. Отъ чемеру.—На болотѣ купина, подъ купиною придетъ перелогъ.

Л. 7. Отъ завала горла.—Дубъ, дубъ, возьми свой дубоглотъ.

— Какъ останавливать кровь.—На морѣ на окѣянѣ, на лугу луганѣ лежить камень, на камнѣ сидитъ Мать пресвятая Богородица.

Л. 7 об. Отъ чемеру.—На горѣ на Сіонской стоитъ древо кипарисово, подъ тѣмъ древомъ кипарисовымъ лежитъ котъ золотой.

Тетрадка идетъ изъ Курской губерніи.

Отъ препод. В. И. Рѣзанова.

138 (16855). **Слово Григорія Левицкаго.** Тетрадка въ 4 д. л. на 5 л. письмо первой половины XIX в.

«Слово о свойствѣ духовнаго просвѣщенія и нравственныхъ качествахъ ищущихъ онаго».—Читано баккалавромъ богословскихъ наукъ, магистромъ Левицкимъ.

Слово это произнесено 5 Іюля 1823 г. на торжественномъ собраніи Московскаго У-а проф. богословія и церковной исторіи въ университетѣ Григоріемъ Александровичемъ Левицкимъ. Подробнѣе о немъ см. Біогр. словарь Имп. Моск. Унив. (М. 1855), I, 452—453.

Повидимому, автографъ автора.

139 (16856). **Руно орошенное.** Рукоп. въ листъ на 52 л., писана около половины XVIII в.. На л. 52 об. запись: «Принадлежитъ оная служителю господина капитана и кавалера Николая Архиповича Обтажисова Ивану Брызгалову—1822 года...»

Списокъ съ печатнаго черниговскаго изданія 1691 года (см. Сопикова, I, 197, № 1050).

Отъ М. Сперанскаго.

140 (16854) **Рукописи Н. Е. Скворцова.** Бумаги, содержащія работы бывшаго директора Института Н. Е. Скворцова. Всего 61 тетрадь различнаго формата и времени.

Въ бумагахъ находятся: старыя записи лекцій по философіи, которыя слушалъ Н. Е. С-ъ въ Московскомъ Унив. (1856—60), его отчеты по занятіямъ за границею, статьи по вопросамъ о гимназіи (оригиналы

напечатанныхъ «Недуговъ»), переводы греческихъ философовъ, собственныя лекціи С-а въ Кіевскомъ у-ѣ, документы за время директорства въ И-ѣ и т. д.

Отъ А. Скворцовой, вдовы Н. Е. Скворцова; подробная опись бумагъ въ протоколѣ отъ 4 Мая 1903 г. Библіотечной коммиссіи.

141 (16857) **Тріодь цвѣтная.** Рукоп. въ листъ, на 241 листѣ, писана въ два столбца хорошимъ полууставомъ начала XVI вѣка (бумага ок. 1516 года). Начала и конца нѣтъ. Рукопись пострадала отъ сырости, по краямъ листовъ подклеена. Была въ твердомъ переплетѣ изъ досокъ дубовыхъ, обтянутыхъ кожею; отъ переплета осталась лишь передняя доска и часть задней. Въ заглавіяхъ и заглавныхъ буквахъ киноварь; въ письмѣ, преимущ. на краю строкъ, часто связныя начертанія; чаще другихъ: т+к+о, т+к+а, т+р, а+у, к+ѣ (послѣднее въ видѣ креста надъ буквой, какъ часто въ югославянскихъ рукописяхъ); є и е различаются: первое довольно послѣдавательно замѣняетъ ѥ, очень часто ж=оу (по русски); кое-гдѣ ударенія, несогласныя съ произношеніемъ; надстрочныхъ буквъ довольно много; на начальной гласной слова ˆ, на ѡ—҃.

Правописаніе русское болгазирирующее.

Начало: оутренници и҃ лнр; ꙗкоже къ великоую недѣлю ѹказано бы. в пнѣ новыа нѣ, на оурѣ, ѡбычнаа хс въскрсе.

Конецъ: въскѹю мѧ ѿтринѫ, ѿ лица твоє свѣте незаходимы. покрыла мѧ есть чюжа тма ѡкааннаѧ. но ѡбрати мѧ къ свѣтѫ... (изъ службы на нед. всѣхъ святыхъ, субота).

Отъ М. Сперанскаго.

142 (**Общ.**) **Сборникъ.** Рукоп. въ 4 д. л., составленная изъ двухъ различныхъ рукописей: первая на 46 л. великорусской скорописи XVIII в., вторая на 115 л. (съ особымъ счетомъ) южнорусскаго письма XVII—XVIII в.. Первая рукоп. безъ окончанія, вторая—сильно пострадала, особенно къ концу, отъ сырости. На передней (единственной уцѣлѣвшей) доскѣ переплета и на ненумерованномъ при переплетѣ листѣ записи XVIII столѣтія, великорусскія, съ сильнымъ *а*—каньемъ.

1) Труды села Рагазны папа пупо пи о димитрія лесъ.

2) разумъ отъ бога дарованны.

3) Писаръ пиши.

4) Балшому папу, великаму папу, над папами папу, римскаму пратапопу маему малебнаму атцу.

5) Прикажи батюш(к)а сваему васки пусть са мною не деротца, а ежели станет, то всію армію на расіи пагубить.

Рукопись первая.

Л. 1—46. Книга глаголемая Лусидориосъ, в ней-же предлежатъ различная нам учитель(ст)ва, и еже бо во иныхъ книгахъ что о(б)рящемъ сокровенно; иже кто хощетъ охотно читати, сия книга всяк(у) предлежащую въ себѣ мудрость ему покажетъ, и что в писани(и) гдѣ положено сокровенно, здѣ же в краткихъ словесѣхъ зѣло лѣпо об(ъ)явися.— *Часть* а҃. Богъ искони и всегда без конца иже есть начало сея книги, аминь. Учитель и ученикъ глаголютъ вкупѣ: ученикъ— то есть всякій человѣкъ, кто премудрости хощетъ... Учитель—святый духъ, той насъ утвердитъ да сохранить правую истиную вѣру.

Обычная поздняя редакція Луцидарія (въ двухъ частяхъ); въ рук. лишь первая часть, и та безъ конца; послѣдній вопросъ: «Повѣждь ми о великой и святой суботѣ» (л. 46 об.). См. И. Я. Порфирьевъ. Апокрифич. сказанія о новозав. лицахъ и событіяхъ по рукоп. Солов. библ. (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. т. LII), стр. 417 и сл.

По листамъ 2—17 запись: «(Сія) книга Петра Клементьева сына Быкова (?—обрѣзано частью), а хто ее похитить, тотъ будетъ проклятъ отъ нинѣ і до вѣка (?), проклятъ».

Вторая рукопись.

Л. 1. Історія, яко Господь... (обрѣзано) (сотво)ривъ до дня седмаго, а дня седмаго опочинулъ и той день благословилъ и посвятилъ. День первый.— На початку сотворилъ Господь Богъ небо и землю, и земля була пуста и неужитечна.

Разсказъ на народномъ языкѣ о сотвореніи міра и человѣка, постепенно сливающійся съ «Исповѣданіемъ Еввы». (Тихонравовъ, Пам. отр. лит. I, 298.) и сказаніемъ о крестномъ древѣ.

Л. 10. О Адамѣ.— Въ шестій день Адамъ сотворенній есть.

Изъ статьи «Отъ колика частей созданъ Адамъ». (Тихонр., у. изд., II, 439).

Л. 10 об. Речи, вибраннис з книгъ Ісуса Сираха еклесиясъ к учителю, зачало 7.—Не отходи отъ жони смислной и доброй.

Л. 12. О Лазарѣ четверодневномъ.—Лазаръ, другъ Христовъ, четверодневній бяше отъ веси Виѳанія родомъ.

— Якого стану и роду билъ царъ Македонскій Александеръ.—Былъ Александеръ Македонскій стану среднего, долгой шіи, очій яснихъ, ягоди албо полички его къ ласковости мѣрне.

Л. 12 об. О погребѣ Александровомъ.—Читалисмо о погребѣ Александровомъ коштолномъ, до которого много ся було зiйшло мудрцовъ, з которихъ одинъ рече: вчерашняго дня скарбъ золотiй, Александеръ, взиралъ ти.

— Для якой причини память умершимъ творимъ.—Въ суботу завше отправимъ день поминанія.

Л. 13. О покутѣ.—Въ часъ хороби телесной номоканонъ позволяетъ на рибу и оливу и вино въ постъ, а на масло и отъ животнихъ никакожде.

Здѣсь примѣры поста: Іосифъ въ землѣ Египетской, о покаявшемся разбойникѣ Флавіанѣ.

Л. 15 (безъ заглавія). Замѣтка о вселенскихъ соборахъ 3-мъ и 5-мъ и объ Оригенѣ.

— Слово о 12 пятницяхъ.—Въ западнѣй странѣ есть земля именемъ Лавра, въ нейже градъ есть нарицаемій Шпалъ.

Въ срединѣ есть пропускъ.

Л. 16. Поклонъ на востокъ для 5 причинъ.—Первое Христу на восходъ солнца кланяемся для обявленя маестату Божого.

— Слово о святомъ Іоану Богослову, како словомъ изучи человѣка иконному писанію.—Близъ Константина града есть градецъ именемъ малъ, въ немже бѣ дѣтищъ малъ сирота.

О гусарѣ.

Л. 18 об. Слово о милостини, якъ дающе нищему самому Христу въ руцѣ даетъ.—Человѣкъ нѣкій въ Константинѣ градѣ зѣло милостивъ, яко и по улицамъ градскимъ ходяще ему нищіи послѣдоваху.

Л. 19. Повѣсть о нарожденю Пилата Пантійского и о житіи его и о смерти пагубной.—Билъ нѣкоторій кроль именемъ Литусъ въ Римѣ, которій то кроль мѣлъ собѣ единомислницу дѣвицу за подложницу, а тую званно именемъ Пилла.

Л. 21 об. Сказаніе о евангелистахъ, како списаша евангеліе.— Матөей до 8 лѣтъ...

Замѣтка.

— Повѣсть Евсевія Іерусалимскаго о родословіи отца Богородица Іосифѣ.—Давидъ царъ имѣ многи сини, такожде имѣ Соломона и Наөана...

Л. 22. Како бѣ святая Богородица по плоти сородница Елизавеөи.—Бѣ нѣкто отъ рода святительска именемъ Матөанъ при царѣ Клеопатрѣ.

Л. 23. Како Марія Клеопова сестра пресвятой Богородици.—Сей Клеопа Іоакимова отца Богородици Марію поятъ жену и умре безчаденъ. — Приклади нѣкоторіе для побуженя и збавеня душъ людскихъ з писма святого, меновите з книги полской из *Зерцала великого*; напродъ почну о поздоровленю ангелскомъ пречистой Дѣвѣ Богородици Маріи. Прикладъ 1.—Мѣщанинъ единъ въ Колнѣ мѣлъ такій звичай, ижъ колико̀лденъ єдно самъ Богу завше ся молилъ.

Всего 29 прикладовъ.

Л. 39. Приповѣдь о пишномъ цесару Іовіянѣ и о его держеню, якъ Господь Богъ прудко пишнихъ звергаетъ з столицѣ, а покорніихъ оразъ подвишаетъ.—Іовіянъ цесаръ барзо достатній въ Римѣ паповалъ, которій едного часу на ложку своемъ лежачи...—л. 43. Викладъ тоей повѣсти.—Наимилшіи братія, цесаръ тотъ можетъ бути званъ каждій чловѣкъ.

Л. 44. Прикладъ о досконалости.—Титусъ цесаръ барзо можній въ Римѣ пановалъ.... л. 45. Викладъ того обичній.—Наимилшіи братіе, цесаръ то есть отецъ небесній.

Л. 46. Прикладъ о недосконалости чловѣческой з добродѣйства принятихъ.—Король нѣкоторій мѣлъ урядника надъ всѣмъ своимъ панствомъ.... л. 49. Викладъ того обичайній.

Л. 49. Прикладъ о смерти, аби чловѣкъ не грѣшилъ.—Било едного часу княжа, которій ся барзо въ ловахъ кохалъ..... л. 50 об. Викладъ.

Л. 51. Приповѣсть о нѣкоторомъ рицеру и немилостивой смерти. —Нѣкоторій человѣкъ билъ воиномъ и далеко по чистому полю бивалъ розніе полки.

Л. 54 об. Приповѣсть о ростропности, аби есмо все добримъ розумомъ чинили и конецъ живота своего памятали.—Цесаръ Доментіянъ достатній и барзо мудрій.... л. 56 об. Викладъ.

Л. 57. Слово о Ириклію царю Греческомъ, якъ далъ милостиню убогимъ.—Бисть нѣкоторое чудо во градѣ Римстемъ при Константинѣ цари.

Л. 57 об. Чудо святого Григорія, папи Римскаго.—Во градѣ Римѣ есть церковь святого Георгія, въ которой едного часу служачи святую Божію литургію...

Чудо о Срацынѣ.

Л. 58 об. Слово о Самсонѣ силномъ.—Билъ еденъ мужъ з мѣста Самарія изъ поколѣня Данового именемъ Маное.

Л. 63. Прикладъ, же преизреню Божію жаденъ не можетъ противитися.—Цесаръ Конрадъ велможній въ едномъ мѣстѣ пановалъ, въ которого панствѣ билъ единъ рицеръ именемъ Леополдушъ.

Л. 64 об. Гисторія и слово о трехъ царехъ и братіяхъ рожонихъ, которіе будутъ царствовати въ остатніе лѣта предъ вторимъ и нелицемѣрнимъ судомъ панскимъ.—И тогда, братія, будутъ царствовати тріе цари братія рожоніи юноши....

Л. 65 об. (безъ заглавія). По семъ постанетъ отъ великого рода жона царица именемъ Мандона.

Л. 66 об. О Авраамѣ, како имѣ обичай не ясти по вся дни безъ гостя.—Нѣкогда Господь Богъ удержа путь людемъ всякимъ да не придетъ ко Аврааму никтоже.

Л. 68. Повѣншованя патронамъ.—На насъ велце ласковіи м-цѣ п-не NN и благодѣтелю нашъ. Значно того Богъ ублагословилъ потѣхою.

Л. 68 об. Житіе святаго праведнаго Іосифа Прекраснаго.—Блаженній Іосифъ тѣломъ и душею прекрасній, сынъ Іякова патріярха старозаконнаго...

Л. 86 об. Страданіе святаго славнаго великомученика и побѣдоносца Христова Георгія.—Римскаго царства скипетры недостоинѣ пріемши Діоклитіянъ нечестивій велми прилежаше скверному идолослуженію.

Л. 98. (безъ заглавія) не подобаетъ умолчати и онаго нарочитаго чудеси о убіеніи змія еже содѣя святій великомученикъ Георгій близь отечества своего...

Чудо о дѣвицѣ и зміи.

Л. 100. Житіе и страданіе святыя славныя великомученицы Ирины.—Въ оная времена, въ няже людемъ въ тмѣ и смертнѣй идолопоклонническаго нечестія сѣнѣ сѣдящимъ.

Л. 109 об. Житіе святаго праведнаго Іова многострадалнаго.—Святый праведній Іовъ отъ племени Авраамля бѣ въ земли Хусъ, единой отъ аравійскихъ странъ.

Л. 110. Страданіе святаго мученика Варвара воина и иже съ нимъ.—Егда богоненавистному цару Іуліяну отступнику брань бѣ съ народомъ, нарицаемымъ франки.

Л. 113 об. Память святаго Варвара, бывша прежде разбойника, великимъ же покаяніемъ спасеся.—Сей блаженній Варваръ бѣ прежде разбойникъ лютъ въ странахъ..... уканскихъ.

Послѣдній листъ сильно поврежденъ, но конецъ житія есть.

Въ Общество рукопись поступила отъ А. Н. Малинки.

143 (16984). **Заговоры.** Листокъ въ 4 д. л. (2 листка) съ заговорами: отъ стрѣльбы, отъ гадины, отъ огня. Запись начала XIX ст., малорусская по языку. Листокъ идетъ изъ Ични (Черниг. губ.).

Отъ студ. А. Гужовскаго.

144 (16791). **Школьное дѣйство** Рукопись въ 16 д. л. на 21 листкѣ, южно-русское письмо начала XVIII вѣка; между л. 14 и 15 пропускъ.

Л. 1. Царство Натури людской, прелестию, еюже смерть царствовай надъ непогрѣшавшими, разоренное, благодатию же Христа Цара слави, терновимъ вѣнцемъ увяденнаго, паки составленное и вѣнчанное—смутнимъ же дѣйствомъ въ Киевскихъ Аѳинахъ подъ властию пресвѣтлаго тривѣнчаннаго сущихъ отъ благороднихъ Россійскихъ младенцовъ извѣщенное. Року въ онже Христосъ Царъ славы разоривии адово царство 1698.

Прологъ извѣствуетъ, како Натура людская, во едемѣ царствующая, царство свое погуби, како бисть радостна царствующой смерти и како на первое царство райскаго возрастися достояние:

Богъ, прежде вѣкъ царствующъ и во вѣки вѣка,
На образъ свой сотвори въ часѣ чловѣка,
Состававъ и царствие пресвѣтлаго рая,
Да чловѣкъ въ немъ царствуетъ весело играя,
Повелѣ царствомъ райскимъ ему обладати,
А на яблоко едемско рукъ не простирати.

Л. 1 об. *Актъ I.* Сцена первая. *Люциферъ*, видяй, ижъ сынъ Божи Натуру людскую на себе прийметь и возвеличитъ, возбуждаетъ на брань ангеловъ, хотя равенъ быти Богу, но гординю его ангелъ *Михаилъ* побѣждаетъ:

Азъ есмь всѣхъ звѣздъ небесниxъ свѣтлѣйша денница,
Всевидящаго Бога едина зѣница,
Азъ есмь чиновъ безплотнихъ крѣпкій воевода,
Избраннѣйши отъ всего ангельскаго рода...

Въ діалогѣ затѣмъ участвуютъ и «ангели добри» и «ангели противни».

Л. 4. Сцена 2. *Всемогущая Сила* Натурѣ людской, съ небесъ увѣнчанной, царство райское, роскошь и волю вручаетъ, отъ древа же, вѣдуща зло и добро, ясти возбраняетъ. -*Всемогущая Сила*:

Вся могу, разумѣю, вся вижду, вся знаю,
Всемогущая сила азъ ся нарицаю.
Единому богатству все соединенна
Отъ нераздѣлимой Троици нине раздѣленна.

Разговоръ «Всемогущей Силы» и «Натуры людской».

Л. 6. Сцена 3. *Злость* люциферова на Натуру людскую, въ раи царствующую, шатается и гласитъ *Прелесть*, да (на)вкушение заповѣданаго древа прелститъ Натуру. *Злость*:

Что азъ? отъ кого приидохъ, кое ми есть дѣло?
Лютимъ всѣхъ злостей огнемъ гору, киплю зѣло.
Свою же да угашу чужимъ плачемъ жажду.
Вибухаю на землю злохитрую вражду.

Разговоръ между «Злостью» и «Прелестью».

Л. 7. Сцена 4. *Прелесть Натурѣ* людской совѣтуетъ плодъ древа заповѣданаго добръ быти во снѣдь, егоже Натура ясти изволяетъ, и тако, гласомъ со небесъ престрашенна, царствия райскаго отпадаетъ.

Натура.

Что еси? и откуду? и что зде твориши,
Чесо безъ моей волѣ такъ смѣло ходиши?

Прелесть.

Хожду, удивляюся сему мѣсту злачну,
Хожду, весьми чуждуся древу доброзрачну.

Л. 8. Сцена 5. *Гнѣвъ Божи* на Натуру людску, преступившую заповѣдь Всемощной Сили, зѣло ярится и молнию съ небесъ низводитъ, егоже *Милость Божая* благаетъ, но *Истинна Судъ Божи* принуждаетъ на отмщение и Натуру людскую внѣ рая изгнати пред.... повелѣваетъ *Херувиму.*

Гнѣвъ Божи.

За дерзость, за лакомство, за преступство збуру,
Винищу и потреблю людскую Натуру,
И нѣсть иже изметь ю отъ моею руку:
Пошлю огненния стрѣли зъ напраженна луку.

Л. 10. Сцена 6. Вулканъ въ пеклѣ уготовляетъ вериги, имиже *Неволя* Натуру, изгнанную зъ рая, связуетъ и въ темницу отводитъ. *Неволя.*

Даждь нозѣ заблуждшия отъ истинна пути,
Более да не блудятъ, ужами свяжу ти.
Простри руцѣ, согну ти, лакомая Ево,
Болше ихъ не распростреши на райское древо.

— Сцена 7. *Плачъ* Натуры людской: ридаетъ падения, изгнания своего зъ царствия райска, емуже и *ангели* смутнимъ пѣниемъ зъ небесъ соболѣзнуютъ, но *Благодать* Божия пришедши плачъ утоляетъ.

Плачъ.

Зъ рая четире текущия рѣки,
Источѣте ми воды слезъ велики.

Слезное море.

Источите ми крвавихъ слезъ токи,
Фѣзонъ, Геонь, Тигръ и Ефраѳъ глубоки.

Л. 12 об. Сцена 8. *Злость* благодарствуетъ *Прелести*, же Натуру людскую прелстила на вкушение древа заповѣданнаго, *Злость.*

Загага (?) цѣлую тя прелести, посе лихо(?)
Всего пекелна кола любима утѣхо,
Объемлю тя, усердно лобизаю длани,
Кланяюся ти до ногъ, милостивая пани.

Л. 13. Сцена 9. *Отчаяние* Прелесть нѣкогда же надѣятися людской Натурѣ отъ Бога помилования. Но *Милость Божая. Вѣрою* и Надеждею его побѣдивши, Натуру людскую, въ темницѣ сѣдящую, о свобождении упевняетъ. *Отчаяние.*

Згрѣши людска Натура коль много, коль крати,
Егда Божию дерзну заповѣдь попрати;
Сего ради горе ей зъ всими грѣхами
Въ раи падшой и спадшой въ геенские ями.

Кончается хоромъ.

Л. 16. *Актъ II.* Сцена 1. *Злость* люцифорова, слишащи Милосердие Божие надъ Натурою людскою оглашенное, паки ярится и гласитъ *Неволю*, да Натуру людскую предастъ въ работу фараонови.

Злость.

Жестоко оружіе въ сердце мое внийде,
Когда ми вѣсть такова въ ушеса прийде.
Якъ би Вѣра, Надежда и Милость отъ вишнихъ
Мѣютъ извести Натуру людскую отъ нижнихъ.

Л. 16 об. Сцена 2. Спящу *Фараонови Фортуна* является предсказующи власть имѣти надъ Израилемъ, зъ чого фараонъ, возбуждений *Гетманомъ* своимъ, тѣшится со велможи, воини и въ тимъ *Неволя* приводитъ Израиля и въ работу Египтянамъ предаетъ. *Фортуна*:

Спитъ чловѣкъ, но фортуна не смѣжаетъ брови,
Една златомъ, другаго даруетъ окови:

Азъ фортуна дарую тя златомъ,

Въ славѣ и владѣнии сажду пребогатомъ.

Л. 18. Сцена 3. *Моисе(е)ви*, овца пасущему, *Богъ* является во купинѣ огненнеи завѣщающи ему людъ Израилски отъ фараона извести. *Моисей*:

Что сие видѣние страшно и ужасно

Художеству моему явися напрасно?

Вижду огнемъ купину горящимъ палиму,

Но отъ пламене зѣлна никако вредиму.

Здѣсь на полѣ ссылка: «исходъ, глава 2».

Л. 18 об. Сцена 4. *Моисеи* со Аарономъ молятъ *Фараона*, абилъ имъ Іраиля отпустилъ, чего ради и жезлъ во змия претворяють, котории фараоновихъ змиевъ такожде зъ жезломъ волсви премѣненихъ пожираетъ, не хотящаго ся фараона ко молению ихъ чудеси преклонити, иними знаменми отъ небесъ устрашаютъ, первенцовъ умерщвляютъ, и тако Израиля извести преводятъ Чермное море, въ немже гонитель фараонъ со вои своими потопленъ. (*Фараонъ*):

Откуду прийдосте, что за люде такови?

Чесо ради Израиль приде со окови?

Моисей.

Азъ Моисей, се Ааронъ, зъ Аморейской страни

Къ тебѣ фараонови отъ Бога послани.

Л. 20 об. Сцена 5. *Злость* люциперова видяща Израиля, отъ работи фараоня освобождена, ярится на Моисея и Смерть царицу надъ Натурою уставляетъ.

Злость.

Волхвъ Моисей (что я вижду) волшебними чуди

Египетски дерзну устрашити люди:

Устрашу его и азъ — пожди тилко мало,

Не будетъ его болшей чудо волхвовало.

Монологъ.

Л. 21. Сцена 6. *Смерть*, царствующая отъ Адама даже до Христа, смертелними грѣхами на престолѣ почтенна, областию же надъ людскою Натурою величается. *Смерть*.

Во(з)веденна на престолъ, посажденна вама

Царствовахъ и царствую даже отъ Адама.

Той во миръ воведе, и есть мира пани,

Вся конца въ область мнѣ презъ него дани.

Обрывается. Пьеса назначена для сцены: на поляхъ и въ текстѣ указанія: hic ostendit ungues (л. 3), см. также л. 20 (Моисей у фараона).

Отъ М. И. Лилеева.

145 (16790) **Школьное дѣйство.** Рукоп. въ 4 д. л. на 47 л., письмо южно-русское XVIII столѣтія.

Л. 1—40. Дѣйство: *Торжество Естества человѣческаго*, прежде снѣдию завѣщаннаго древа умореннаго, нынѣ же смертию Христовою оживотвореннаго, еже Милость Божая, любве ради изшедшая, зъ нерушимихъ узъ адовихъ разрѣши, изведе на царство некончаемия жизни, давши ему перви благодати вѣнецъ; трома частми презъ благороднихъ младенцовъ стихотворнаго учения Академіи Киевския въ день страдания и въ день востания Господня изъявленное. Року 1706 мѣсяца априля дня 7.

Часть I. Сия часть первая въ нѣкоторихъ явленияхъ содержитъ отъ рая Естества человѣческаго падение и изгнание, такожде фѣгури или образи страстей Христовихъ даже до самого во гробъ положения.

Молимъ слишателей о внимательное въ дѣ(й)ствѣ слишание.

По скорби всемирную возвѣщаю радость,

Зъ горнихъ слезъ чловеческихъ раждающую сладость.

Л. 2. *Явленіе 1. Естество* человѣческое зрится въ первой славѣ якою изобилие всяко, но съ небесе *Гласъ* слишится, даби заповѣданна не вкусило древа, ижденетъ бо ся, аще коснется его, *Лакомствомъ* убо возбужденное такожде и *Невоздержаниемъ* прелщенно, простре руку на завѣщанъ плодъ и снѣде се, яже сему дая Невоздержание. *Естество.*

Царица всемощная есмъ окрестна свѣта,

Отъ благъ ми его данна на многие лѣта.

Л. 4. *Явленіе 2. Ревность* Божая ярится, яко попранна заповѣдь Господня, и взиваетъ *Справедливости*, да разсудитъ тяжесть преступления, еже вложивши на вѣси, за тяжесть безакония *Отмщению* Божию послѣ даетъ изгнати изъ рая, котрое вручаетъ на пагубу вѣчную. *Ревность.*

Ревнуя поревновахъ по Господѣ Бозѣ:

Уничиженна его заповѣдь премнозѣ.

Л. 6. об. *Явленіе 3. Отчаяние* Естества человѣческаго со *Плачемъ* горко яко ридаетъ изгнанное и воверженное до Ада отнюдъ не получитъ прощения, чесо ради хощетъ ся убити; се внезапу изходитъ съ небеси *Надежда*, такожде ликъ ангелский слишится, утѣшая Отчаяние

со Плачемъ, извѣщая имъ не лестно, яко воскорѣ избавление пошлетъ Господъ Естеству чловѣческому, такожце и *Благодать*, укрѣпляющая по Надеждѣ, тое вѣщаетъ. *Отчаяние.*

Попра естество завѣтъ чловечее Бога,
За що пріиде на не казнь совишше премнога.

Л. 9. *Явленіе 4. Авраамъ* жертву приноситъ Господеви, *Исаака* сина своего закалаетъ, но Ангелъ запрещаетъ Аврааму, да не простретъ руку на благопослушлива Исаака. *Авраамъ.*

Создавши мя во время отъ брения, Боже,
Да се возъблагодарити мой язикъ не може.

Въ числѣ лицъ еще: Слово Божие.

Л. 11. *Явленіе 5.* Продание Іосифово братие(ю) во землю чужду: Братия, Іосифъ, Измаильтяне. *Братъ* 1-й;

Слово имамъ, братия, ко вамъ глаголати,
Еже зволите обще вси пилне разсуждати.

Л. 12 об. *Явленіе 6. Іяковъ*, принявше ризу проданнаго Іосифа ложнѣ отъ братий окривавленную, лишения Іосифова прегорко ридаетъ. *Іаковъ на одрѣ лежащий.*

Ахъ мнѣ престарѣлому на одри сѣдящу,
Никогда сияния солнечнаго зрящу.

Лица: Іаковъ и 4 сыновей.

л. 13 об. *Явленіе 7. Милость Божая*, любве ради изшедшая, является нося вся оружия страстей, ихже восприяти щедрости ради хощетъ, даби спасла ся отъ плѣненія: Естество того ради со тщаниемъ градетъ ко Голгоѳѣ, да тамо на крестѣ житие скончаетъ. *Милость Божая*:

Услишася гласъ Естества стенящій,
Пройде сквозѣ облакъ вопль горко гласящій.

Л. 14 об. *Явленіе 8. Побожность* ищетъ Милости Божія, и нескоро обрѣтши *гласъ съ небеси* къ ней вѣщаетъ, да градетъ ко Голгоѳѣ, тамо ю обращъ на крестѣ между скорбно *ангельскимъ ликомъ* животъ скончавшую, юже обрѣтше и сама подъ крестомъ ради болѣзни умираетъ. *Побожность*:

Слишахъ ревность, слишахъ гласъ жениха:
Нова на сердцу бѣ нѣка утѣха.

Л. 16 об. *Явленіе 9. Іосифъ* со *Никодимомъ* роспятаго и умершаго на крестѣ снимаютъ и у вертоградѣ полагаютъ въ новомъ своемъ гробѣ съ погрѣбателнимъ ангельскимъ пѣніемъ болѣзненнимъ и отходятъ. Послѣжди приходитъ *сонмище еврейское*, запечетлѣваетъ гробъ и

утверждаетъ крѣпкою кустодиею, да не возмутъ и ученици нощию. *Никодимъ.*

Потщимся, Іосифе, дѣло сотворити,
Зволмо мертвьца сего плоть въ гробѣ положити.

Кончается явленіе «Спѣломъ».

Л. 19. (Часть вторая) *Явленіе 1. Апостоли* собравшеся цѣлование послѣднее творятъ Милости Божией, въ гробѣ положенной, сѣтующе которихъ *воини* смертию имъ претящии вонъ изганяютъ. По семъ является *Ревность матерняя* возбуждающа скорбны отъ гроба Милость Божию, юже потѣшаютъ ангелския *небесныя хори*, яко востанетъ внезапу.

Апостоли творятъ цѣлование. Петръ:

Творимъ цѣлование послѣдное тобѣ,
Да умретъ гдѣ съ тобою, прими насъ по себѣ.

Л. 20. *Явленіе 2.* О пѣнии ангельскомъ со многимъ ужасомъ *Милость Божая* востаетъ отъ гроба такожде и многая тѣлеса мертвихъ, сущей потрясенной землѣ воскрешаючимъ смятенни воини, аки мертви павши на землю, чрезъ многа времена лежатъ. *Милость Божая.*

Кто мнѣ во гробѣ дѣетъ многи труди?
Ти мя гласи возбуждаютъ всюди.

Кромѣ того: Ревность матерня, Адъ.

Л. 21. *Явленіе 3.* Сонмище еврейское, пришедши ко гробу, обрѣтаетъ камень отваленъ и *стражиевъ* аки мертвихъ лежащихъ, на нихъ единодушно устремляются, по маломъ времени воставши аки отъ сна воини вѣщаютъ, что яко спя воста со многимъ ужасомъ. *Евреи* прочее, да не промчется слово се въ народѣ, даютъ имъ мзду, да вопрошающимъ отвѣщаютъ, яко намъ спящимъ украдоша его ученици. *Еврей 1-й:*

Что лежите, пяници, лихо бъ вамъ уживутъ,
Гдѣ ся подѣвъ мертвецъ той, которий лежавъ тутъ?

Л. 22. *Явленіе 4. Петръ* горко ридаетъ, яко три крати отвержеся Христа, аки не зная его бити.

Уви мнѣ, о уви мнѣ, возридаю како,
Како ли восплачуся прегрѣшивши тако!

Л. 23. *Явленіе 5. Генеушъ Марии Магдалини* ищетъ прилежно Господа во вертоградѣ, ейже является *Милость Божая* во образѣ *вертоградаря*, которая послѣжде исто отъ нея познавается, такожде повелѣваетъ Милость Божая, да возвѣститъ Петрови ридающему, яко

первой приятенъ благодати ради горкихъ слезъ. *Генеуиз Магдалени.*

По печали къ радостной мнѣ сердца отрадѣ:
Поиду искать Господа въ красномъ вертоградѣ.

Л. 24. *Явленіе 6. Милость Божая* свобождаетъ *Естество человѣческое* зъ ада со прочиими праотци и возводитъ его отъ земли на небо, дая ему первы благодати вѣнецъ со радостнимъ ангелскимъ пѣниемъ, послѣжде *Адъ* ярится, яко разоренно его царство и узники изведенни, но изшедшая съ небесъ *Побѣда Христова* князя тьмы крѣпко связуетъ, седмоглавнаго змия обезглавляетъ, рукописание приемлетъ и раздираетъ, самаго же предаетъ гееннѣ огненной, гдѣ паляшеся ридаетъ, *ликъ же ангельский* на небеси торжествуетъ. *Милость Божая.*

Въ узахъ Натуру услишахъ стенящу,
Ко мнѣ день и нощь прегорко гласящу.

Л. 26 об. *Часть третия. Явленіе 1.* Три добродѣтели: *Вѣра, Надежда* и *Любовъ*, градутъ ко гробу, несуще со собою арамати благовонния, и пришедше къ гробу видятъ каменъ отваленъ и *Ангела* сѣдяща и глаголюща къ нимъ: нѣсть здѣ, но воста. Послѣжди является сама *Милость Божая*, которое вѣщаютъ апостоломъ, яко видѣхомъ Господа воставша. *Вѣра.*

Несумнѣнну изявляхъ вѣру мя любящу,
Шествовахъ во путь его всегда мя глаголящу.

Л. 28 об. *Явленіе 2. Петръ* со *Іоанномъ* текутъ ко гробу, но пришедши вѣсть такожде приемлютъ отъ Ангела, яко воста—се варяетъ ви во Галилеи.

Петръ.

Кто ми дастъ крилѣ яко голубинѣ:
Возлечу окрестъ всего свѣта нинѣ.

Л. 30. *Явленіе 3. Лука* со *Клеопою* шествуютъ во Емаусъ, имже во образѣ страннаго является *Милость Божая*, творящая далечайше ити, но умолима, да возляжетъ съ ними, яко путь далекъ есть, и приіметъ пищу, во отшествии послѣжди познавается во преломлении хлеба. *Лука.*

Се идемъ во Емаусъ, что же глаголати,
Будемъ къ себѣ на пути о чомъ вопрошати.

Л. 32 об. *Явленіе 4. Побѣда Христова* торжествуетъ на небеси зъ ангелскими лики между *четирма животнима*, яко свобожденно Естество и связанъ князь мира, страждущій въ пламени огненномъ. *Побѣда Христова.*

Мнѣ паче всѣхъ достойно днесь торжествовати,
Со свѣрилми и гусльми гойне ликовати.

Л. 34. *Явленіе 5. Милость Божая* уврачуетъ *немощнаго*, повелѣваетъ ему взяти одръ, которому *сборище еврейское* по благодарствіи многи пакости творятъ, изгоняютъ его вонъ. *Милость Божая.*

Снидохомъ на землю ради страстей человѣка,
Ему да дастся презъ мя помощь превелика.

Л. 36 об. *Явленіе 6. Зритель* божественнихъ таинъ видитъ на престолѣ Агнца, по закланіи грѣхъ ради человѣческихъ честь отъ силъ небеснихъ приемлюща, предъ нимже двадесятчетири старци падше на лица своя: святъ, святъ, святъ, восклицаютъ. Послѣжде Милость Божая ликуетъ на небеси, ейже хори ангелскіи благодарствуютъ, яко спасе Естество отъ работи вражія и первой причте благодати славѣ. *Зритель.*

Мислящу мнѣ о вещехъ на небѣ созданнихъ,
Чуждуся, что зрю много еще непознаннихъ.

Л. 38. *Явленіе 7.* Милость Божая со ангелскими *хори* ликуетъ:

Кому днесь торжественнѣ ликованіе есть требѣ,
Яко Милости, котрая торжествуетъ въ небѣ.

Л. 39 об. *Епилогъ.* Благодарствуетъ благоразумному слишателю за прилѣжное слишаніе, при семъ прощенія проситъ за вся въ дѣйствіи прегрѣшенія.

Всака вещь созданная свой конецъ имѣетъ,
Когда ей остатная година приспѣетъ.

Л. 41—47. Латинскія рѣчи.

Л. 41. Oratio de passione Christi.—In prima dicendi posita in limine oratoris lingua.

Внизу подпись: Gabriel Michaylow(icz?).

Л. 41 об. Oratio gratulatoria Theophanis.—Quid nobis hodie.

Л. 42. Continuatio grationis de surgente Christo.—Jta ne ad tam magnum periculum.

— Oratio gratulatoria Honoris.—Post impletam grandibus majoribus nostra corda...

Л. 42 об. Oratio gratulatoria Paschalis per syllogismum.—Hodie in hac plena amni serenitate luce...

— Or. gr. paschalis per oppositionem.—Tacitum sequuntur omnes.

Л. 43. Or. gr. paschalis sub allegoria.—Nulla interpretatione mortalibus.

Л. 43 об. Or. gr. Hospitis per puncta.—Отселѣ весь миръ радостно.

Л. 44. Oratio gratiarum actoria.—Si quando impossibile est.

Л. 44 об. Or. gratulataria Onophrio.—Et si imminet oculis.

Л. 45. Or. gr. Patroni.—Si quando nunc artem finitimus est.

— Or. gr. Patroni Ignatii professoris mei rhetorices.—Singularem de facto gratiam.

Л. 46. Omnibus imposita est necessitas moriendi.—Dawne to bywa y pospolite... кончается польскимъ же стихотвореніемъ.

Отъ препод. М. И. Лилеева.

146 (16895). **Лечебникъ.** Рукопись въ 4 д. л. на 96 листахъ, второй половины XVIII вѣка, южно-русскаго письма; между л. 56—57, 81—82 и 84—85 пропало по листку. На поляхъ нѣсколько записей; изъ нихъ интересны: 1) л. 6 об.—7: «Скара, показующая лекарство отъ болезни глави и одъ кашля, сочиненъ 1779 года»; 2) л. 10: «Сего 1788 году марта 3-го били въ насъ святовскіе церковники Кирило Багаловичъ и Семенъ Сонборовскій первой седмицѣ великого поста въ пятокъ».

Л. 1. Лѣчебникъ книга, часть 1-я. Означеніе лѣчебника, въ какомъ пунктѣ отъ какой болѣзни чимъ себе человѣкъ ползовати можетъ, подъ симъ явствуетъ, марта 28 1773-го года съ подлѣнного написано, а именно: что кушать и пить и врачеватись.

Оглавленіе-указатель: содержаніе статей и цифры «пунктовъ» совѣтовъ. Л. 8: «Конецъ (т. е. оглавленія) 1774-го году апрѣля 4».

Л. 8 об. Книга зѣлника, часть 2-я.—Означенія, въ какомъ пунктѣ отъ какого зѣлія питія примать въ болѣзни на исцѣленіе человѣкомъ и скотомъ обоего рода и обоего пола мужеска и женска, отъ разнихъ зѣлниковъ виписанно 774-го года мая 18 дня.

Оглавленіе.

Л. 13. об. Лѣчебникъ архиврача Іоанна. Молитва сія благоумилла, должно ея чести со слезами впадшему въ скорій недугъ. Киръ Іоанна Вротопола, архиврача Керкирска, преведена отъ еллинскаго на славенскій язикъ.—Господи Іисусе Христе, едино спасеніе живихъ...

Л. 14 об. Молитва на всяку немощъ.—Владико вседержителю, врачу душъ и тѣлесъ...

Л. 1 а. Лѣчебникъ. Хотѣй учитися врачевству тѣлесному долженъ знати и врачевство душевное.

— Лѣкарство духовное, показано отъ врача нѣкоему старцу.—Старецъ единъ нѣкто отъ отецъ, хотя искусити врача тѣлеснаго, знаетъ ли врачевати грѣхи, и отъ Египта вниде во врачебницу.

Л. 14а об. Посемъ, лѣчебникъ тѣлеснаго врачеванія человѣческаго обще обоему полу мужеску и женску.

Л. 15. Сія книга на двѣ части, изъ разнихъ лѣчебниковъ виписанни, каками справами и составами въ какихъ болестяхъ и какими способи ползовать человѣка и почему признать о смерти и животѣ о томъ, изъ сего дѣйствителними дакторами опробованно, августа 2-го дня 1770 году, ниже сего пространно показанно, почему зри и внимай. Раздѣлъ 1-й. Лѣчебникъ мужеска полу и женска полу.—Пунктъ 1: Подобаетъ человѣку берегчись отъ хлѣбного недопеченія.

Самый лечебникъ, всего 334 пункта (послѣдній о мочѣ), пунктъ 335 (онъ же 8-й конскаго лечебника)—занесенъ въ оглавленіе.

Л. 47 (безъ заглавія) Конскій лечебникъ, пункты 3—23.

Л. 50 (безъ заглавія)—Лечебникъ человѣческій, часть 2-я (зѣлникъ), пунктовъ 339.

Л. 81. (пунктъ 340). Молитва святого Августина отъ моровой язви къ Богу–Отцу.—Отче, Боже предвѣчний, во имя Сина твоего единороднаго, Господа нашего Іисуса Христа.

Л. 81. (безъ начала) Наука о пчелахъ.—Господи благослови составити часть 3-ю. Богъ Господь, Отецъ, Синъ и Богъ Духъ святий, обаче не три, но единъ Богъ, дѣйствіе святаго Зосими о пчелахъ. Во имя Отца и Сина и св. Духа аминь.—Богъ гдй посилалъ преподобнаго отца нашего Зосима до обитованной земли по пчели.

— О сотвореніи пасѣки наука.—Пунктъ 1-й: Где восхощетъ человѣкъ, сотворити и зданіемъ возградити пасѣку.

Всѣхъ пунктовъ 50.

Л. 93. Означеніе Пчелника въ раздѣлѣ части 3-ей книги сея, по написаній Лѣчебника части первия по пунктамъ и по написаніи части вторія отъ Зѣлника по пунктамъ, сіе же отъ Пчелника части третія по пунктамъ, въ коихъ да есть какая наука, что показано дѣлать въ пристойное время не порядне написанних, въ семъ означеніи чего искать надлежитъ по ряду пространно явствуетъ.

Оглавленіе.

Л. 94 об. Молитва на благословеніе риболовнихъ сосудовъ, начало обично.—Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, отъ пяти хлѣбовъ и двою рибу пять тисящь народа насітивій.

Л. 95. Молитва святаго священномученика Харлампія, епископа Магнисіи града.—Господи аще угодно тебѣ есть, молю тя, даждь благодать имени твоему.

Молитва объ обиліи...

Отъ препод. М. И. Лилеева.

147 (16933). **Жалованная грамота.** Большой листъ, скоропись съ золотомъ; печать выкрошилась (уцѣлѣла кустодія), сохранности плохой.

Грамота жалована въ 1696 г. царемъ Петромъ Алексѣевичемъ войсковому товарищу стародубскаго полка Степану Улѣзкѣ.

Издана цѣликомъ съ подробнымъ описаніемъ ся и объясненіями въ «Сборникѣ» Общ. при Институтѣ, т. V.

Отъ проф. М. Н. Бережкова.

148 (16934). **Росписка нѣжинскаго жителя.** Рукоп. въ 4 д. л. на двухъ листкахъ, изъ коихъ занятъ лишь первый—распиской и припиской (на об.). Росписку выдалъ Максимъ Сердюченко Прокопу Пилипчаку въ суммѣ 10 рублей, въ 1749 году.

Издана въ «Сборникѣ» Общества при Институтѣ, т. V.

Отъ Я. А. Гужовскаго.

149 (16935). **Письмо имп. Александра I.** Рукоп. въ 4 д. л. на двухъ листкахъ, изъ коихъ на первомъ—письмо, писанное писцомъ, имп. Александра I епископу Черниговскому Виктору (1796—1803) съ благодарностью за поздравленіе съ вошествіемъ на престолъ, 1801 г. апр. 8. Подпись императора и дата собственноручныя.

Издана въ «Сборникѣ» Обществѣ при Институтѣ, т. V.

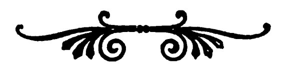
Отъ студ. А. Огіевскаго.

Б. Ф. Бурзи.

ШКОЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

(Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Института Князя Безбородко 30 августа 1902 г.).



НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института Ф. Гельбке.

Школьный вопросъ въ древней Греціи.

Мм. Гг. и Мм. Гг.

Прямое назначеніе нашего Института, подготовленіе будущихъ учителей средней школы, заставляетъ насъ прежде всего задумываться надъ вопросомъ о цѣляхъ преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Этотъ вопросъ столь важенъ, что ни одинъ изъ представителей образованнаго общества и тѣмъ болѣе никто изъ насъ не можетъ уклониться отъ его рѣшенія.

Удостоенный конференціей чести держать передъ Вами рѣчь по случаю нашего Институтскаго праздника, я не могъ не обратить вниманія на тѣ цѣли, которыя преслѣдуетъ Институтъ въ *цѣломъ* своемъ составѣ, и съ другой стороны не могъ отречься отъ своей *спеціальной* науки. Сама собою возникала у меня мысль: обсуждались-ли подобные школьные вопросы нашими культурными предками въ древности? Вопросъ о воспитаніи *нашей* молодежи, о томъ, *чему намъ* учить, *какъ намъ* учить—вызвалъ во мнѣ другой вопросъ: «*Чему* учились, и *какъ* учились *древніе Греки?*».

Вѣдь этотъ вопросъ, надо полагать, всегда былъ животрепещущимъ. Разъ народъ достигъ извѣстной степени культуры, то онъ не можетъ быть равнодушнымъ къ цѣлямъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду при воспитаніи будущихъ гражданъ. Тутъ время не можетъ играть рѣшительно никакой роли. Только способы, формы, предметы преподаванія съ теченіемъ времени измѣнялись; *сущность и общая идея* оставались неизмѣнными. И дѣйствительно, когда ближе познакомишься съ ходомъ античной культуры, становится яснымъ, что въ древности также вполнѣ сознавали важность этой задачи, что тогда, точно такъ-же какъ теперь, общество распадалось на различные лагери, смотря по тому, въ чемъ видѣли главную задачу воспитанія молодежи.

Какого-бы мнѣнія ни придерживался каждый изъ насъ въ частности въ школьномъ вопросѣ, все равно, *историческаго факта* никто отрицать не можетъ. *А исторія* намъ доказываетъ, что наша современная европейская культура черезъ столько-то различныхъ посредниковъ восходитъ къ *древнему* міру, что колыбель нашей умственной жизни, какъ далеко ни оставили мы за собой нашихъ прадѣдовъ, находится на почвѣ *эллинской* земли. Поэтому, предлагая Вашему благосклонному вниманію нѣсколько замѣчаній о принципахъ преподаванія въ древней Греціи и о перемѣнахъ, которымъ они подвергались въ разныя времена, надѣюсь встрѣтить съ Вашей стороны надлежащій интересъ къ этому вопросу.

Поколѣніе, которое храбро и отважно, не щадя своей жизни, въ началѣ V в. отражало натиски Персовъ, воспитывалось довольно примитивно. *Тѣлесныя и гимнастическія* упражненія играли первую роль въ дѣлѣ образованія. Строгія нравственныя правила опредѣляли формы обращенія молодежи съ людьми почтеннаго возраста. Особенно много значенія придавалось внѣшнему поведенію юноши. Благопристойная походка и осанка строго соблюдались вездѣ, на улицахъ и въ палестрахъ. На развитіе *умственныхъ* способностей мальчиковъ обращалось мало вниманія. Гуманитарное образованіе ограничивалось игрою на киѳарѣ и пѣніемъ простыхъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ. Послѣднія своимъ благороднымъ содержаніемъ и своею спокойною мелодіею способствовали развитію въ молодыхъ душахъ любви къ отечеству и возвышали ихъ, не возбуждая страстей. Всякое отклоненіе отъ стариннаго порядка жестоко наказывалось учителями. Теоретическая часть воспитанія сводилась къ обученію грамотѣ. О публичныхъ рѣчахъ молодежи на форумѣ и въ народномъ собраніи или о подготовленіи молодыхъ людей къ публичной дѣятельности въ эти времена и помину не было. Такими именно красками рисуетъ Аристофанъ въ своей комедіи «Облака»[1]) характеръ стариннаго воспитанія, которому онъ очевидно отдаетъ предпочтеніе и которому онъ противопоставляетъ новомодное воспитаніе, внесенное въ Аттику софистами[2]).

---

[1]) Arist. Nub. 961—983. 990—999. 1002—1014.

[2]) Представителемъ софистики и софистическаго ученія у Аристофана, какъ извѣстно, является философъ Сократъ. Неоднократно и въ разныя времена среди ученыхъ обсуждался вопросъ о томъ, какое намѣреніе преслѣдовалъ поэтъ, ставя

Но соотвѣтствуетъ-ли эта картина, написанная художественною кистью комическаго поэта, дѣйствительности? Имѣемъ-ли мы право видѣть въ ней прямую копію жизни? Конечно, мы не будемъ прилагать къ словамъ комика такую-же мѣрку, какъ къ словамъ историка. Вѣрно, что потомство любитъ представлять себѣ прошедшее въ прикрашенной формѣ; вѣрно и то, что восхвалители добраго стараго времени существовали въ древности, какъ и теперь, и что въ воспоминаніи все представляется лучшимъ, чѣмъ было въ суровой дѣйствительности. Но сколько-бы ни отнесли мы въ этомъ поэтическомъ описаніи на долю преувеличивающаго панегириста, главныя черты картины соотвѣтствуютъ дѣйствительности и даютъ рядъ характерныхъ признаковъ, глубоко отличающихъ старинный педагогическій принципъ отъ смѣняющаго его софистическаго идеала образованія. А старинный методъ образованія не сразу сдался предъ напоромъ софистовъ и не рухнулъ на всегда. Еще часто послѣ того въ теченіе греческой исторіи онъ провозглашался какъ истинный путь, ведущій къ цѣли.

Такое-же воспитаніе, какое нѣкогда получали побѣдители при Мараѳонѣ, рекомендуетъ Аристофанъ въ 423 г., когда онъ ставитъ на сцену свои «Облака» и его сильныя нападки на софистовъ имѣютъ прямую цѣль отвратить народъ отъ вреднаго ихъ ученія. Въ спорѣ двухъ аллегорическихъ фигуръ, несправедливой рѣчи и справедливой, представительницъ двухъ противоположныхъ учебныхъ методовъ, конечная побѣда первой надъ второй должна была еще ярче выставить на видъ опасность секты софистовъ и показать публикѣ, какое сильное вліяніе она уже пріобрѣла на умы тогдашняго общества.

То, что Аѳиняне видѣли на сценѣ, случилось и на дѣлѣ. Софисты взяли въ свои руки воспитаніе юношества и старая система должна

въ упрекъ—безспорно несправедливо—философу-мыслителю то, въ чемъ по справедливости упрекали софистовъ-риторовъ. Другими словами: служилъ-ли Сократъ Аристофану типомъ, маскою для цѣлаго ряда людей, провозглашающихъ подобныя теоріи, или-же онъ имѣетъ въ комедіи индивидуальныя черты, которыя, хотя и не соотвѣтствуютъ истинѣ, все-таки могли-бы быть выведенными большою аѳинскою публикою изъ того общаго впечатлѣнія, какое Сократъ своимъ поведеніемъ произвелъ на своихъ современниковъ-соотечественниковъ? Въ этомъ вопросѣ я вполнѣ соглашаюсь со словами I. Bruns'a (das literarische Porträt der Griechen, pg. 196): „Aristophanes hat in den „Wolken“ *das* Bild des Sokrates gezeichnet, das sich die meisten der Mitlebenden und noch geraume Zeit nach seinem Tode ein nicht unbeträchtlicher Theil der Nachwelt von ihm gemacht hat“. Эсхинъ (I. 173) его прямо называетъ σοφιστής (ср. Arnim, Dion v. Prusa pg. 17).

была уступить дорогу новому принципу. Но эта побѣда не была окончательной. Еще часто приверженцы стараго режима оспаривали у новаго гегемонію и вызывали новые протесты и возраженія со стороны противной партіи.

Такъ въ началѣ IV в. явилась интересная статья, написанная киникомъ, можетъ быть даже главой кинической школы Антисѳеномъ, которая поставила своею спеціальною задачею, протестовать противъ стараго метода образованія и доказать его неосновательность[1]). Однимъ

[1]) Этотъ киническій трактатъ не сохранился въ цѣломъ и подлинномъ видѣ. Имъ воспользовались для своихъ цѣлей съ одной стороны авторъ псевдо-платоноваго діалога Клитофонта, съ другой—софистъ и риторъ II в. по Р. Хр. Діонъ Златоустъ (or. XIII ed. Arnim. § 16—28). Трактатъ нужно себѣ представить въ видѣ совѣщательной рѣчи, съ которой ораторъ обращается къ своимъ слушателямъ. Поэтому очень можетъ быть, что Арнимъ (Dion v. Prusa pg. 258 squ.) правъ, видя въ ней одну изъ совѣщательныхъ рѣчей главы кинической школы, Антисѳена. Во всякомъ случаѣ мысли, высказанныя въ этой рѣчи, сильно приближаются ученіямъ киниковъ. Начало рѣчи обоими авторами, приспособившими ее въ своихъ цѣляхъ, воспроизводится одинаково: Ποῖ φέρεσθε, восклицаетъ полный негодованія киникъ, ὤνθρωποι, καὶ ἀγνοεῖτε μηδὲν τῶν δεόντων πράττοντες. Вы полагаете всѣ старанія на то, чтобы накопить какъ можно больше денегъ и оставить ихъ въ наслѣдство своимъ потомкамъ, а не заботитесь о томъ, чтобы Ваши сыновья умѣли, какъ слѣдуетъ, извлечь пользу изъ своихъ наслѣдственныхъ богатствъ. Ваше обученіе и обученіе Вашихъ дѣтей ограничивается одними только γράμματα, μουσικὴ καὶ γυμναστική. (ps. Plato, Clitoph. pg. 407. B. Dio or. XIII. 17 κιθαρίζειν καὶ παλαίειν καὶ γράμματα cf. ib. οἱ παιδοτρίβαι καὶ κιθαρισταὶ καὶ γραμματισταί). Только къ тому и сводится ἡ ἀρχαία παιδεία, восхваляемая у Аристофана справедливою рѣчью. Воспитываемые по ней посѣщали заведенія κιθαριστής (Nub. 964) и παιδοτρίβης (ib. 973) и упражнялись ἐν γυμνασίοις (ib. 1002). Такое воспитаніе дало родинѣ знаменитыхъ Мараѳоноборцевъ (ib. 986). Это доказательство, очевидно, считалось особенно вѣскимъ въ глазахъ современнаго общества; киникъ и не оставляетъ его безъ возраженія (Dio or. XIII. 23 sq. εἰ δὲ δή τις λέγοι τῶν πολιτικῶν τε καὶ ῥητόρων πρὸς αὐτὸν, ὅτι ταύτῃ μέντοι τῇ παιδεύσει χρώμενοι Ἀθηναῖοι Περσῶν ἐπιστρατευσάντων τοσαύταις μυριάσιν ἐπὶ τὴν πόλιν δὶς ἐφεξῆς καὶ τὴν ἄλλην Ἑλλάδα, ... ἅπαντας τούτους ἐνίκησαν κτλ.). По словамъ справедливой рѣчи юноши учились пѣть старинныя благородныя пѣсни, начальныя слова которыхъ намъ сообщаются (Nub. 967): „Παλλάδα περσέπολιν δεινάν“ и „τηλέπορόν τι βόαμα“. Первая пѣсня пополняется схоліастомъ Аристофана къ этому стиху и въ схоліяхъ къ Аристиду III 537; то же мы читаемъ въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ и въ Anthologia lyrica ed. Bergk-Hiller-Crusius pg. 272. Lamprocles 1. Ко второй пѣснѣ схоліастъ къ Аристофану еще могъ прибавить по крайней мѣрѣ одно слово, такъ что она по нему звучитъ: τηλέπορόν τι βόαμα λύρας (Anthologia lyrica ed. Bergk-Hiller-Crusius pg. 310. 53). Тѣми-же примѣрами пользуется киникъ для своихъ насмѣшекъ. Отцы, воспитывающіе своихъ сыновей по старинному, полагаютъ, что тѣ способны будутъ управлять своими и государственными дѣлами, οἳ ἂν ἱκανῶς κιθαρίσωσι Παλλάδα περσέπολιν δεινὰν ἢ τῷ ποδὶ βῶσι πρὸς τὴν λύραν (послѣдняя фраза также у ps. Plato Clitophon pg. 407. C: οὐ διὰ τὴν ἐν τῷ ποδὶ πρὸς τὴν λύραν

только пѣніемъ старинныхъ народныхъ пѣсенъ, такъ разсуждаетъ авторъ, одною только игрою на киѳарѣ, да гимнастическими состязаніями и чтеніемъ Гомеровскихъ пѣсенъ нельзя воспитать человѣка, способнаго къ политическимъ дѣламъ. Ѳамиридъ, который столь превосходно игралъ на киѳарѣ, что отважился на состязаніе съ самими музами, лишенъ былъ за это зрѣнія и утратилъ свое искусство. Точно также никакой пользы не принесло Паламеду знаніе грамоты, напротивъ, оно было причиною его смерти. Если приверженцы старинниаго метода говорятъ въ его пользу, что люди, воспитанные на его основаніи, побѣдили Персовъ при Мараѳонѣ, то можно имъ отвѣтить на это, что тогдашніе Персы, ихъ непріятели, точно также не были подготовлены къ политической дѣятельности и точно также учились лишь правиламъ благопристойности[1]). Тогдашніе Греки упражнялись въ единоборствѣ, въ бѣгѣ, въ кулачномъ бою—тогдашніе Персы въ стрѣльбѣ изъ лука и въ верховой ѣздѣ. Подобно тому, какъ въ борьбѣ между двумя неловкими гладіаторами случайно беретъ верхъ то одинъ—то другой, такъ и здѣсь имѣлъ рѣшающее значеніе *случай*, а не доблесть одной изъ борющихся сторонъ. Не тѣхъ слѣдуетъ называть невѣждами, которые не учились

ἀμετρίαν). Первыя слова безъ сомнѣнія имѣютъ въ виду стихъ Аристофана; въ послѣднихъ я вижу безсознательно или сознательно, съ цѣлью насмѣшки, предпринятое искаженіе смысла второй пѣсни: τηλέπορόν τι βόαμα λύρας (τῷ ποδὶ βῷσι πρὸς τὴν λύραν). Если это такъ, то это подтверждаетъ мнѣніе Арнима (Dio v. Prusa p. 257), что Dio и ps. Plato, независимо другъ отъ друга, восходятъ къ одному и тому-же источнику—къ возстановляемому нами киническому трактату. Авторъ Клитофонта не понялъ соли насмѣшки киника (βῶσι и βόαμα) и въ своемъ пересказѣ совершенно сгладилъ punctum saliens. Но и безъ того точекъ соприкосновенія между комикомъ-поэтомъ, Аристофаномъ, и комикомъ-философомъ, киникомъ, достаточно, чтобы утверждать, что послѣдній направляетъ свои ѣдкія слова противъ того-же воспитательнаго принципа, который восхваляетъ δίκαιος λόγος Аристофана.

[1]) Персы тѣхъ временъ были τοξεύειν τε καὶ ἱππεύειν καὶ θηρᾶν μεμελετηκότες (Dio XIII 24); Аѳинянинъ временъ персидскихъ войнъ λιπαρός γε καὶ εὐανθὴς ἐν γυμνασίοις διέτριβε (Arist. Nub. 1002) и εἰς 'Ακαδήμειαν κατιὼν ὑπὸ ταῖς μορίαις κατέτρεχε, στεφανωσάμενος καλάμῳ λεπτῷ μετὰ σώφρονος ἡλικιώτου (Arist. Nub. 1005). Вслѣдствіе этого онъ εἶχε στῆθος λιπαρόν, χροιὰν λαμπράν, ὤμους μεγάλους, γλῶτταν βαιάν, πυγὴν μεγάλην, πόσθην μικράν (Arist. Nub. 1011 squ.). Персамъ τὸ γυμνοῦσθαι τὸ σῶμα αἴσχιστον ἐδόκει καὶ τὸ πτύειν ἐν τῷ φανερῷ (Dio XIII 24). Аѳинскіе юноши стараго закала должны были βαδίζειν ἐν ταῖς ὁδοῖς εὐτάκτως (Arist. Nub. 964), τὸν μηρὸν προβαλέσθαι, ὅπως τοῖς ἔξωθεν μηδὲν δείξειαν ἀγεννές (Arist. Nub. 974). ἠλείψατο δ' ἂν τοὐμφαλοῦ οὐδεὶς παῖς ὑπένερθεν τότ' ἂν (Arist. Nub. 977). Такой и не можетъ ἄλλο τι μηδὲν αἰσχρὸν ποιεῖν, ὅ τι τῆς αἰδοῦς μέλλει τἄγαλμ' ἀναπλήσειν. Персидское воспитаніе, какимъ его изображаетъ киникъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ въ главныхъ основахъ аѳинскому воспитанію времени персидскихъ войнъ, какъ его изображаетъ Аристофанъ.

какому-нибудь изъ искусствъ или ремеслъ, но тѣхъ, которые не знаютъ, что значитъ—быть дѣльнымъ человѣкомъ.

Теорія воспитанія, противъ которой возстаетъ нашъ киникъ, не вполнѣ совпадаетъ съ принципомъ прошлаго вѣка. Чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ противъ напора враждебнаго новаго теченія, и отвоевать себѣ право на существованіе, необходимо было сдѣлать молодому поколѣнію неважныя уступки. Суть преподаванія осталась той-же. Главную роль между учебными предметами продолжала играть гимнастика. Игра на киѳарѣ и грамота преподавались въ томъ-же объемѣ. Но кромѣ этихъ предметовъ признано было воспитательнымъ средствомъ, способнымъ облагораживать юношескія сердца, посѣщеніе театральныхъ представленій. Поэтому къ бывшимъ раньше наставникамъ-руководителямъ молодыхъ людей, παιδοτρίβαι, κιθαρισταί и γραμματισταί, присоединяются и οἱ ὑποκριταί[1]). Но кромѣ того въ новой школѣ должны играть свою роль и риторы, чуждые старой—и риторика получила свое мѣсто въ узкомъ кругѣ предметовъ новой школы[2]).

Нашъ киникъ не возсталъ-бы такъ энергично противъ стараго направленія обученія, если-бы оно не имѣло въ тамошнемъ обществѣ много адептовъ. И, дѣйствительно, нашлись около того-же времени люди, которые взяли на себя защиту стариннаго принципа воспитанія.

Къ нимъ принадлежитъ прежде всего авторъ трактата, дошедшаго до насъ въ сборникѣ сочиненій Ксенофонта и озаглавленнаго „объ охотѣ“[3]).

---

[1]) Dio. XIII, 17 ср. 20.

[2]) Dio XIII. 22.

[3]) Въ вопросѣ о томъ, принадлежитъ-ли названное сочиненіе цѣликомъ или отчасти перу самого Ксенофонта или-же несправедливо носитъ его имя, мнѣнія филологовъ до настоящаго времени сильно расходятся, ср. сопоставленіе главныхъ научныхъ работъ по этому вопросу у Радермахера (Rhein. Mus. 1896. Bd. 51. pg. 596). Я не придаю столь важнаго значенія различію стиля этой брошюры отъ стиля безспорно подлинныхъ сочиненій Ксенофонта (ср. Radermacher, Rhein. Mus. l. c. pg. 598 sqq.), чтобы на основаніи такихъ наблюденій произнести окончательный вердиктъ. Мы теперь знаемъ, что древніе авторы, смотря по отдѣльнымъ родамъ литературной прозы, сильно измѣняли свою рѣчь. То, что Кайбель (Hermes. 1890. Bd. 25. pg. 582) говоритъ о Ксенофонтѣ, и чего самъ Радермахеръ (Rhein. Mus. 1897. Bd. 52. pg. 17) не оспариваетъ, можно распространять на многихъ другихъ древнихъ авторовъ. Къ законамъ ритма (Radermacher, Rhein. Mus. Bd. 52 pg. 30 sq.), которые будто-бы до мельчайшихъ подробностей разработаны были древними техниками и которые аттическими прозаиками строго соблюдались на практикѣ, я тоже отношусь скептически. Не придаю я большаго значенія и тому, что авторъ статьи „объ охотѣ“

Авторъ, человѣкъ зрѣлаго возраста, даетъ свои совѣты молодежи, самъ

пользуется нѣкоторыми греческими выраженіями, какъ-то γνώμη, φιλόσοφος и σοφιστής въ особенномъ значеніи (Radermacher, Rhein. Mus. 1897. Bd. 52 pg. 14 и 15 sq.). Я не могу согласиться и съ мнѣніемъ тѣхъ (Radermacher, ib. pg. 36 squ; Norden, antike Kunstprosa, pg. 431 squ.), которые отрѣзываютъ вступительныя слова первой главы (§§ 1—17) и это введеніе приписываютъ какому-то болѣе позднему автору III. в. до Р. Хр. (Radermacher, l. c.) или даже временъ второй софистики (Norden, l. c.). Авторъ самъ въ предпослѣдней главѣ ([Xen.] Cyneg. 12. 18) отсылаетъ читателя къ заподозрѣнному началу. Правда, Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52. pg. 36) довольно просто разрѣшаетъ это затрудненіе, считая заключающія эту ссылку слова ὧν ἐπεμνήσθην за вставку, внесенную въ текстъ тою-же рукою, которая прибавила начальную главу. Но я не могу не признать опрометчивой и необдуманной критики, которая для того, чтобы освободиться отъ стѣснительныхъ фактовъ, идущихъ въ разрѣзъ съ предвзятымъ мнѣніемъ, безъ колебаній провозглашаетъ такое рѣшающее мѣсто интерполяціей. Но къ тому-же этимъ насильственнымъ пріемомъ Радермахеръ все еще не развязалъ себѣ окончательно рукъ. Дѣло въ томъ, что еще другое обстоятельство препятствуетъ видѣть въ началѣ статьи позднюю прибавку. Если мы отдѣлимъ это введеніе отъ остальной статьи, то все ея содержаніе виситъ въ воздухѣ. Между тѣмъ, напротивъ, съ этимъ началомъ о первыхъ изобрѣтателяхъ охоты ходъ изложенія развивается правильно, соотвѣтственно законамъ риторической техники, выведеннымъ древними теоретиками изъ многихъ примѣровъ древней греческой литературы. Гермогенъ (Progymnasm. ap. Walz. Rhetor. gr. I. 40.) прямо пишетъ: τὰ δὲ πράγματα ἐγκωμιάσεις ἀπὸ τῶν εὑρόντων, οἷον τὴν θηρευτικὴν Ἄρτεμις εὕρηκε καὶ Ἀπόλλων, καὶ ἀπὸ τῶν χρησαμένων, ὅτι οἱ ἥρωες αὐτῇ ἐχρῶντο. Μέθοδος δὲ ἀρίστη ἐπὶ τῶν τοιούτων ἐγκωμίων, ὅσα περὶ πραγμάτων, τὸ τοὺς μετιόντας αὐτὰ σκοπεῖν, ὁποῖοι τινές εἰσι καὶ τὰς ψυχὰς καὶ τὰ σώματα, οἷον εἰ οἱ θηρῶντες ἀνδρεῖοι, εὔτολμοι, ὀξύτεροι τὰς φρένας, ἐρρωμένοι τὰ σώματα. Правда, риторъ взялъ свой примѣръ какъ разъ изъ нашей статьи „объ охотѣ“. Это Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52 pg. 36) могъ-бы утверждать гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ онъ сдѣлалъ, особенно если-бы онъ ближе присмотрѣлся къ послѣднимъ выписаннымъ мною словамъ ритора, которыя вкратцѣ передаютъ всю суть трактата „объ охотѣ“. Но почему предполагать, что примѣръ остался единственнымъ въ своемъ родѣ? Радермахеръ самъ (Rhein. Mus. Bd. 51. pg. 612. n. 2) указываетъ на то, что были еще другія ἐγκώμια τῆς κυνηγεσίας (cp. Plut. de animal. sollert. pg. 959 B squ.). Вѣроятнѣе, что Гермогенъ выводитъ свое общее положеніе изъ многихъ подобныхъ произведеній. Правильнѣе, по моему, изъ этой ссылки Гермогена на 1-ую главу (Xen.) Cyneget. сдѣлать заключеніе, что эта глава вышла изъ-подъ пера того-же писателя, которому мы обязаны остальнымъ содержаніемъ, чѣмъ на основаніи очень шаткихъ ритмическихъ законовъ заподозрить начало, оторвать его отъ остального сочиненія и полагать, что Гермогенъ уже зналъ эту мнимо-подозрительную первую главу, какъ это дѣлаетъ Радермахеръ (Rh. Mus. Bd. 52. pg. 30 sq. и 36.). Такъ какъ Гермогенъ видѣлъ въ статьѣ ἐγκώμιον, то нельзя и сомнѣваться въ томъ, что мы дѣйствительно имѣемъ передъ собою хвалебное слово. Напрасно Радермахеръ (Rhein. Mus. Bd. 52. pg. 15.) не согласился въ этомъ вопросѣ съ мнѣніемъ Кайбеля (Hermes, Bd. 25. pg. 583), который вѣрно указалъ на аналогичную статью самого Ксенофонта „о земледѣліи“. Радермахеръ удивляется сильнымъ нападкамъ на софистовъ въ послѣднихъ главахъ, не имѣющимъ по видимому никакой внутренней связи съ похвалою

испытавъ всѣ блага занятій охотою. Онъ самъ себя не причисляетъ къ цеху

охоты. Мнѣ кажется, что эти нападки обусловлены тѣмъ, что авторъ видитъ въ софистахъ поколѣніе людей, идущихъ въ разрѣзъ съ воспѣваемымъ имъ сословіемъ охотниковъ. Что охотники уважаютъ, чему они преданы всею душою—къ тому софисты относятся съ холоднымъ презрѣніемъ. Вѣдь не подлежитъ-же сомнѣнію, что безымянные авторы, противъ которыхъ полемизируетъ панегирикъ охоты 12. 10 и 17, выходятъ изъ лагеря софистовъ, которые порицаются въ 13-ой главѣ. Первые-же принадлежатъ къ числу тѣхъ νέοι, у которыхъ αἱ μὲν ἡδοναὶ κεναί, ἀρετὴ δ' οὐκ ἔνι (ср. 12. 12). Стоитъ только противоставить полнымъ энтузіазма выраженіямъ приверженца стараго воспитанія о томъ, какъ охота дѣлаетъ своихъ адептовъ хорошими солдатами и полководцами (ср. 12. 8), однимъ словомъ σώφρονάς τε γὰρ ποιεῖ καὶ δικαίους διὰ τὸ ἐν τῇ ἀληθείᾳ παιδεύεσθαι (ср. 12. 9)—слова, которыя Сократъ въ псевдоплатоновомъ діалогѣ Alcibiades I. pg. 131 B обращаетъ къ молодому Алкивіаду: πολλοῦ ἄρα δέουσιν οἱ γεωργοὶ καὶ οἱ ἄλλοι δημιουργοὶ γιγνώσκειν ἑαυτούς... εἰ ἄρα σωφροσύνη ἐστὶ τὸ ἑαυτὸν γιγνώσκειν, οὐδεὶς τούτων σώφρων κατὰ τὴν τέχνην, чтобы узнать, въ какомъ лагерѣ надо искать непримиримыхъ враговъ стараго физическаго воспитанія. Кто восхваляетъ одно, тотъ долженъ противоположное порицать, чтобы придать своей рѣчи больше убѣдительности. Отсюда слѣдуетъ, что авторъ статьи объ охотѣ не могъ обойти молчаніемъ того положенія, которое выставляютъ его противники. И тутъ онъ только слѣдовалъ общимъ правиламъ риторики. Аристофанъ въ своихъ облакахъ ст. 1010 sq. противопоставляетъ слѣдствія физическаго воспитанія [ἕξεις ἀεὶ στῆθος λιπαρόν, χροιὰν λαμπράν, ὤμους μεγάλους, γλῶτταν βαιάν, πυγὴν μεγάλην, πόσθην μικράν] результатамъ софистическаго [ἕξεις χροιὰν ὠχράν, ὤμους μικρούς, στῆθος λεπτόν, γλῶτταν μεγάλην, πυγὴν μικράν]; точно также сравниваетъ то и другое авторъ книжки „объ охотѣ“ 13. 11: [воспитываемые софистами τά τε σώματα πρὸς τὸν πόλεμον κάκιστα καὶ αἴσχιστα ἔχουσι πονεῖν οὐ δυνάμενοι. οἱ δὲ κυνηγέται... τὰ σώματα καλῶς ἔχοντα παρέχουσιν.] Не иначе поступаетъ Лукіанъ (de Parasito c. 41 и 42), противопоставляя жирному тѣлу паразита изнуренное философа [τοὺς μὲν sc. φιλοσόφους... ἴδοις ἂν λεπτοὺς καὶ ὠχροὺς πεφρικότας ὥσπερ ἤδη τραυματίας παρειμένους.. τὸν παράσιτον ὁποῖός τις φαίνεται.... τὸ σῶμα πρῶτον πολὺς καὶ τὸ χρῶμα ἡδύς... ἔπειτα θυμοειδής, δεινὸν βλέπων... μέγα καὶ ὕφαιμον]. Съ этими примѣрами согласуются предписанія риторической техники. Anaximenes, ars rhetor. c. 3: δεῖ τὸν εὐλογοῦντα δεικνύειν τοῖς λόγοις, ὡς... τοῖς πράγμασιν ὑπάρχει τι τοιοῦτον... ἐκ τούτου ἐπισυμβαῖνον.... τὸ μὲν ἐκ τούτου· οἷον ἐκ τοῦ φιλογυμναστεῖν τὸ σῶμα ὑγιαίνειν καὶ ἐκ τοῦ μὴ φιλοπονεῖν ἐπ' ἀρρωστίαν ἐμπίπτειν, καὶ ἐκ τοῦ φιλοσοφεῖν δεινότερον εἶναι περὶ φρόνησιν, καὶ ἐκ τοῦ ἀμελεῖν ἐνδεᾶ τῶν ἀναγκαίων εἶναι. Но съ другой стороны нельзя и не согласиться съ Радермахеромъ въ томъ, что наша статья въ высшей степени тенденціозна. Намѣреніе, во что бы то ни стало, превозвышать физическое воспитаніе въ ущербъ чисто умственному проглядываетъ слишкомъ ясно. Авторъ только облекъ эту свою тенденцію въ форму хвалебнаго слова. Итакъ, брошюра, по моему, вся съ начала до конца принадлежитъ одному автору и не искажена никакими прибавками и интерполяціями. Но она не можетъ быть работой самого Ксенофонта. Это, мнѣ кажется, вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній. По словамъ автора (1. 18) онъ человѣкъ въ преклонныхъ лѣтахъ, считающій себя вправѣ παραινεῖν τοῖς νέοις. Слѣдовательно, объ юношескомъ произведеніи Ксенофонта думать нельзя. Но онъ не причисляетъ себя къ сонму профессіональныхъ литераторовъ. [13. 4. ἐγὼ δὲ ἰδιώτης μέν εἰμι. 13. 5. ἴσως οὖν τοῖς μὲν ὀνόμασιν οὐ σεσοφισμένως λέγω. 13. 7.

профессіональныхъ литераторовъ и сознаетъ, что онъ пишетъ безъ всякой правильной диспозиціи. Но ему не до словъ, ему только содержаніе важно. Онъ не скрываетъ, что онъ простой человѣкъ, который не проходилъ высшей школы и не пропитывался духомъ софистики. Онъ умѣетъ цѣнить философовъ, но самъ, кажется, не учился у нихъ. Онъ не стыдится своего примитивнаго образа жизни и рекомендуетъ его другимъ въ противоположность утонченной жизни софистовъ. Такъ-же горячо, какъ нашъ киникъ нападалъ на старый принципъ воспитанія, авторъ статьи объ охотѣ возстаетъ противъ софистовъ. Когда ему приходится защищать превосходство охоты, какъ воспитательнаго средства, онъ не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы восхвалить охоту и всѣ занятія, которымъ насъ учитъ сама природа, и чтобы осудить своихъ противниковъ-софистовъ. Охота дѣлаетъ молодое поколѣніе выносливымъ, храбрымъ, сильнымъ, между тѣмъ какъ занятіе безполезными отвлеченными вопросами изнуряетъ тѣло. Охотники сообща выступаютъ противъ общихъ враговъ, софисты изъ за корыстолюбія ненавидятъ другъ друга. Охота воспитываетъ людей въ правдолюбіи, рѣчи-же софистовъ имѣютъ цѣлью лишь обманъ слушателей. Помня, что уже сами боги предавались охотѣ, охотники являются набожнымъ народомъ, который, не измѣняя старой вѣрѣ, полагаетъ, что божества сами слѣдятъ за ихъ подвигами. Софисты, напротивъ, не заботятся о культѣ боговъ. Изъ всего этого выходитъ, что любители охоты могутъ быть только хорошими людьми по отношенію къ родителямъ, ко всему городу и къ каждому гражданину въ отдѣльности.

Въ этомъ противопоставленіи много, конечно, преувеличеній въ пользу сословія охотниковъ и въ осужденіе риторически-софистическаго направленія и принимать его цѣликомъ на вѣру нельзя. Но не въ томъ дѣло. Насъ здѣсь интересуетъ только тотъ фактъ, что въ первой половинѣ IV стол. нашелся человѣкъ, частное лицо, не имѣющее ничего

ῥάδιον γὰρ ἔσται αὐτοῖς τὰ χύδην ὀρθῶς μέμψασθαι. (Въ послѣднемъ мѣстѣ поправка Кайбеля, Hermes, Bd. 25 pg. 59. Anm. 1, τὰ χύδην вмѣсто рукописнаго ταχὺ μή мнѣ кажется необходимой, чтобы хоть отчасти понять трудную, очевидно сильно испорченную фразу)]. Такъ скромно Ксенофонтъ въ расцвѣтѣ лѣтъ не могъ выражаться, когда онъ себѣ уже стяжалъ своими произведеніями великую славу. Это обстоятельство служитъ для меня главнымъ основаніемъ, чтобы оспаривать принадлежность этого сочиненія самому Ксенофонту. Въ опредѣленіи времени трактата можно согласиться съ Радермахеромъ (Rhein. Mus. Bd. 52. pg. 25), который его относитъ къ началу IV вѣка.

общаго съ людьми близко стоящими къ дѣлу воспитанія, которое энергично высказалось противъ господствующаго принципа и видѣло единственное спасеніе въ возвращеніи къ первобытному способу обученія. Пусть страдаетъ формальное образованіе человѣчества, лишь-бы остались неприкосновенными добрые нравы предковъ. Воспитаніе въ правдолюбіи, справедливости, однимъ словомъ, въ добродѣтели, по искреннему убѣжденію нашего автора, можетъ быть достигнуто исключительно возвращеніемъ человѣчества къ природѣ[1]). Конечно, эта горячая похвала не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій; она только характерна, какъ частный протестъ человѣка изъ заинтересованной въ дѣлѣ воспитанія публики противъ преобладающей и слишкомъ увлекательно дѣйствующей силы софистовъ.

Въ подобномъ-же смыслѣ нужно понимать слова, которыя около того-же времени Ксенофонтъ посвятилъ похвалѣ земледѣлія[2]). Въ діалогѣ

[1]) [Xen.] Cyneg. 13. 4. ἐγὼ δὲ ἰδιώτης μέν εἰμι, οἶδα δέ, ὅτι κράτιστον μέν ἐστι παρ' αὐτῆς τῆς φύσεως τὸ ἀγαθὸν διδάσκεσθαι, δεύτερον δέ παρὰ τῶν ἀληθῶς ἀγαθόν τι ἐπισταμένων μᾶλλον ἢ ὑπό τῶν ἐξαπατᾶν τέχνην ἐχόντων.

[2]) ср. Kaibel, Hermes Bd. 25. pg. 583. Обозначеніе „похвала земледѣлія“ подходитъ не къ всему трактату Ксенофонта „Οἰκονομικός“, но только къ отдѣльнымъ его частямъ (главы 5-ая и 11-ая до 15-ой). Увѣреніе, что земледѣліе ψύχῃ τε χειμῶνος καὶ θάλπῃ θέρους ἐθίζει καρτερεῖν и что оно-же τοὺς μὲν αὐτουργοὺς διὰ τῶν χειρῶν γυμνάζουσα ἰσχὺν αὐτοῖς προστίθησι, τοὺς δὲ τῇ ἐπιμελείᾳ γεωργοῦντας ἀνδρίζει πρωὶ τε ἐγείρουσα καὶ πορεύεσθαι σφοδρῶς ἀναγκάζουσα (Xen. Oeconom. 5. 4), находитъ свою точную параллель въ разсмотрѣнныхъ уже нами мѣстахъ Аристофана Nub. 1010 sq. и анонимнаго автора статьи „объ охотѣ“ 13. 11 (ср. предыдущее примѣчаніе на стр. 10). Забота о земледѣліи и занятіе имъ, по словамъ Ксенофонтовскаго Сократа (Oeconom. 5. 1.), дѣлаютъ тѣло человѣка способнымъ ко всему, что подобаетъ ἀνδρὶ ἐλευθέρῳ (ср. и Oecon. 5. 11, 12.) Это не расходится съ высокимъ мнѣніемъ безымяннаго автора о хорошихъ качествахъ охотниковъ. Охота ихъ дѣлаетъ σώφρονάς τε καὶ δικαίους ([Xen.] Cyneg. 12. 7) и увеличиваетъ въ ихъ сердцахъ ἐπιθυμίαν ἀρετῆς ([Xen.] Cyneg. 12. 9). Но оно прямо противорѣчитъ тому, что тотъ-же самый Сократъ проповѣдуетъ въ діалогѣ Алкивіадѣ I (pg. 131 A|B) о γεωργοὶ καὶ οἱ ἄλλοι δημιουργοί. Изъ нихъ никто по его мнѣнію не становится σώφρων, по скольку онъ занимается своею τέχνη. И вслѣдствіе этого βάναυσοι αὗται αἱ τέχναι δοκοῦσιν εἶναι καὶ οὐκ ἀνδρός ἀγαθοῦ μαθήματα. По словамъ обоихъ панегиристовъ и охотники ([Xen.] Cyneg. 12. 2 sq.) и земледѣльцы (Xen. Oecon. 5. 7, 8) оказываются очень полезными и храбрыми солдатами въ войнѣ. Какъ первые, такъ и послѣдніе набожный народъ ([Xen] Cyneg. 13. 17 и Xen. Oecon. 5. 10). Софистовъ Ксенофонтъ въ Οἰκονομικός не называетъ прямо по имени, и не вступаетъ съ ними въ прямую полемику, какъ это сдѣлалъ псевдо-Ксенофонтъ въ Κυνηγετικός (гл. 12 и 13). Но полемика противъ нихъ не отсутствуетъ. Прототипъ идеальнаго земледѣльца, Исхомахъ, разсказываетъ, что ему часто приходилось оправдываться передъ женою, и при этомъ онъ испытывалъ, что всякій

Οἰκονομικός мы встрѣчаемъ тоже фразы, прямо направленныя противъ софистовъ. Занятіе земледѣліемъ дѣлаетъ людей сильными и выносливыми. Такъ какъ урожай и неурожай весь въ рукахъ боговъ, то хлѣбопашецъ долженъ быть набожнымъ человѣкомъ. Ксенофонтъ тоже ставитъ на первый планъ физическій трудъ. Увлекаясь своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, что весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ труда, приложеннаго къ нему, онъ доходитъ даже до смѣлаго положенія, что каждый прилежный человѣкъ eo ipso и хорошій полководецъ, и что весь успѣхъ въ войнѣ *тоже* находится въ полной зависимости отъ усердія полководца, а не отъ подготовки его къ военному дѣлу. Вы видите, въ общихъ принципахъ Ксенофонтъ сходится съ авторомъ книжки объ охотѣ.

Эти идеи, которыя оказывались живучими въ классическій періодъ Греціи, не теряли своей жизненной силы и послѣ. Во II вѣкѣ п. Р. Х. Діонъ Златоустъ воспроизводитъ полемическую рѣчь стараго киника, сказанную шесть стол. тому назадъ и направленную противъ стариннаго метода, о чемъ мы говорили раньше (стр. 6 и примѣч.), и тѣмъ свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ къ подобнымъ педагогическимъ вопросамъ. Около того-же времени сатирикъ Лукіанъ въ своемъ Анахарзисѣ въ противоположность ему съ очевиднымъ пристрастіемъ восхваляетъ старинный идеалъ образованія[1]). На первомъ планѣ стоитъ физическій трудъ.

разъ, когда заступался за истину, онъ имѣлъ успѣхъ; когда-же онъ говорилъ неправду, то терпѣлъ неудачу. (Xen. Oecon. 11. 25 ὅταν δὲ ψευδῆ, τὸν ἥττω λόγον, ὦ Σώκρατες, οὐ μὰ τὸν Δία οὐ δύναμαι κρείττω ποιεῖν.) Ну, конечно, отвѣчаетъ ему Сократъ, ты не можешь сдѣлать изъ лжи добро. Въ этихъ словахъ мы имѣемъ передъ собою самый строгій обвинительный приговоръ надъ софистическою моралью, заключающейся въ девизѣ τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν. И въ этомъ подлинномъ трактатѣ Ксенофонта мы читаемъ такъ-же, какъ въ ложно ему приписанномъ, рядомъ съ защитительно-хвалебными и обвинительно-порицательными замѣчаніями спеціальныя правила. Они касаются посѣва, разведенія деревьевъ, удобренія почвы и под. (Xen. Oecon. cap. 15—19) такъ-же, какъ они въ книжкѣ объ охотѣ ([Xen.] Cyneg. cap. 2—11.) касаются птицеловства, охоты на оленей и зайцевъ и травли кабановъ. Но одновременно съ этими частными совпаденіями въ общихъ взглядахъ на дѣло воспитанія восхвалителя земледѣлія и превозносителя охоты замѣчается и большая разница, особенно въ тонѣ рѣчи. Между тѣмъ какъ въ статьѣ объ охотѣ преобладаетъ полемическій раздраженный характеръ, Ксенофонтъ въ Οἰκονομικός провозглашаетъ свои убѣжденія спокойно, въ твердомъ сознаніи ихъ правдивости.

[1]) Вѣрно отмѣчено (R. Heinze, Philolog. 1891 Bd. 50 pg. 458 sq.), что діалогъ Анахарзисъ вызванъ былъ распространенной въ тѣ времена традиціей, которая повѣствовала о бесѣдѣ Солона съ Анахарзисомъ и Анахарзису, относящемуся отрицательно къ пользѣ агонистики, отдавала предпочтеніе передъ Солономъ. Также справед-

Человѣкъ гимнастикою тѣла пріобрѣтаетъ выносливость въ перенесеніи

ливо имъ-же уже указано на то, что Анахарзисъ со своимъ нечисто эллинскимъ міросозерцаніемъ олицетворяетъ космополитизмъ кинической секты. Мы не вѣримъ больше во всѣ положенія Бернайса (Lucian u. die Cyniker 1879 pg. 42 sq.), особенно же въ то положеніе, что Лукіанъ питалъ противъ киниковъ особую ненависть вслѣдствіе рѣзкаго разногласія съ ними въ основныхъ воззрѣніяхъ на цѣли и идеальный складъ жизни. Мы теперь болѣе склонны видѣть въ Лукіанѣ поэта, издѣвающагося надъ всѣми человѣческими странностями, поскольку онѣ пригодны для сатиры. (Helm. Lucian u. die Philosophenschulen. Neue Iahrbb. 1902. pg. 265 ff.). Но всетаки среди всѣхъ философскихъ школъ киническая занимаетъ въ произведеніяхъ Лукіана самое широкое мѣсто. Я не могу приписать случайности, что тотъ-же Діонъ Златоустъ, который воспроизводитъ въ 13-ой рѣчи старую *киническую* рѣчь, въ 32-ой рѣчи (§ 44.) намъ передаетъ вкратцѣ *киническое* мнѣніе Анахарзиса объ эллинскомъ воспитаніи, вполнѣ совпадающее съ тѣмъ, которое Лукіанъ влагаетъ въ уста собесѣдника Солона (ср. особенно Лукіанъ, Анахарзисъ § 5 ἔμοιγε μ α ν ί ᾳ μᾶλλον ἐοικέναι δοκεῖ τὸ πρᾶγμα т. е. гимнастическія упражненія и Діонъ, or. XXXII § 44 χωρίον, ἐν ᾧ μ α ί ν ο ν τ α ι καθ' ἡμέραν, τό γυμνάσιον λέγω.). Если на основаніи другихъ независимыхъ отъ этого причинъ Анахарзисъ справедливо принимается за представителя киническаго ученія, то нелишнимъ кажется прослѣдить, на сколько восхваляемый Солономъ методъ ученія въ Лукіановскомъ Анахарзисѣ сходится съ тѣмъ, который опровергается старымъ киникомъ въ 13-ой рѣчи Діона (§§ 16—28). Солонъ видитъ цѣль воспитанія въ томъ, чтобы οἱ πολῖται ἀ γ α θ ο ὶ μὲν τὰς ψυχάς, ἰσχυροὶ δὲ τὰ σώματα γίγνοιντο (Lucian, Anachars. § 20 ср. § 30 οἰόμενοι φύλακας ἡμῖν τῆς πόλεως ἀ γ α θ ο ὺ ς γενέσθαι). И тѣ, противъ которыхъ возстаетъ киникъ (Dio XIII 19.), οἴονται ἀπὸ τούτων ἄνδρες ἀ γ α θ ο ὶ ἔσεσθαι. Въ чемъ же состоитъ суть воспитанія по Солону? Сперва изучается музыка, ариѳметика, грамота; потомъ юноши слушаютъ въ исполненіи рапсодовъ стихотворенія поэтовъ Гомера и Гесіода (Luc. Anach. § 21). Затѣмъ слѣдуетъ чтеніе и толкованіе законовъ подъ руководствомъ т. н. σοφισταὶ καὶ φιλόσοφοι; оно дѣлаетъ ихъ способными λέγειν τὰ δέοντα καὶ πράττειν τὰ δίκαια. А въ театрѣ они воспитываются, слушая комедіи и трагедіи, ἀρετάς τε ἀνδρῶν παλαιῶν καὶ κακίας θεώμενοι (Luc. Anach. § 22). Наконецъ тѣлесныя упражненія въ γυμνάσια, которымъ Лукіанъ посвящаетъ подробнѣйшее описаніе (Luc. Anach. §§ 24—29), имѣютъ двоякую цѣль: во-первыхъ θυμοειδεῖς τε παρασκευάζον ἐς τοὺς κινδύνους καὶ τῶν σωμάτων ἀφειδεῖν и во-вторыхъ ἐρρῶσθαι καὶ καρτεροὺς εἶναι (Luc. Anach. § 24). Посредствомъ какихъ-же знаній противники киника думаютъ ἄνδρες ἀγαθοὶ ἔσεσθαι καὶ δυνήσεσθαι τά τε κοινὰ πράττειν ὀρθῶς καὶ τὰ ἴδια? Конечно, киникъ всякими средствами старается умалить значеніе прежняго метода. По этому его слова слѣдуетъ понимать съ нужною осторожностью. Музыкѣ и грамотѣ ихъ обучаютъ οἱ κιθαρισταὶ καὶ γραμματισταί (Dio XIII. 17). Между учителями имѣются и рапсоды (Dio. XIII. 17), и юноши сами читаютъ стихи Гомера и Гесіода (Dio XIII. 19). Мѣсто софистовъ и философовъ у Лукіана занимаютъ у Діона (XIII. 22) ῥήτορες, которые сами ἱκανοὶ πρὸς τὸ βουλεύεσθαι и τέχνη которыхъ ἄνδρας ἀγαθοὺς ποιεῖ. При театральныхъ представленіяхъ слушатели ἐλεοῦσι τὰ ἀτυχήματα τῶν ἐν ταῖς τραγῳδίαις ἀνθρώπων, роковую судьбу какого-нибудь Атрея, Агамемнона или Эдипа (Dio XIII. 20), и они причисляютъ ὑποκριταί къ своимъ учителямъ (Dio XIII. 17). Точно такъ-же по Солону ἐς δάκρυα κατεσπῶντο οἱ ἀκούοντες (Luc. Anach. § 23), видя на сценѣ ἀρχαίαν τινὰ συμφοράν и слыша ῥήσεις οἰκτράς. Наконецъ, искусству

всякаго рода труда. Гимнастика ума ограничивается усвоеніемъ самыхъ необходимыхъ знаній, обученіемъ ариѳметикѣ, грамотѣ, музыкѣ, изученіемъ мудрыхъ изреченій и общихъ гражданскихъ законовъ.

Постараемся въ этихъ частныхъ голосахъ отдѣльныхъ защитниковъ старины, изъ которыхъ ни одинъ не даетъ и не былъ намѣренъ дать полной картины, отыскать положенія общія всѣмъ. Мы видимъ, *что всѣ они особенно много обращаютъ вниманія на физическія упражненія.* Исходя изъ аксіомы: «mens sana in corpore sano», они воспѣваютъ хвалы всякаго рода гимнастическимъ упражненіямъ въ палестрахъ, на охотѣ, при паханіи земли. Обобщая старинную пословицу о здравомъ разумѣ въ здоровомъ тѣлѣ, они заключаютъ, что люди, воспитанные въ такомъ духѣ, становятся *не только разумными, но и справедливыми, правдолюбивыми, вообще дѣльными.*

Если-бы намъ захотѣлось подобрать параллели изъ новаго времени, мнѣ кажется, мы нашли-бы представителей *этого крайняго подчеркиванія физическаго воспитанія* и теперь.

Многіе случаи въ культурной жизни человѣчества подтверждаютъ истину наблюденія, что изъ одной крайности люди любятъ переходить въ другую. Романтическое направленіе въ поэзіи смѣняетъ реалистическое; въ живописи раньше идеализировали природу, теперь-же копируютъ обнаженную отъ всякихъ прикрасъ дѣйствительность. Тоже замѣчается и въ другихъ областяхъ. Не удивительно поэтому, что исключительному подчеркиванію физическаго воспитанія явился противовѣсъ въ крайнемъ развитіи *умственныхъ* и въ особенности *діалектическихъ* способностей молодежи. Направленію, которое рекомендовало такой методъ воспитанія, дается общее названіе *софистическаго.*

Обыкновенно появленіе софистовъ и ихъ ученія ставятъ въ связь съ опредѣленнымъ годомъ—427, когда Горгій въ качествѣ посланника своего родного города плѣнилъ слушателей въ Аѳинахъ новизной и убѣдительностью своей мощной рѣчи. Но нельзя забыть, что Аѳины не

единоборства молодежь учится у παιδοτρίβης (Dio XIII. 17), какъ она по Солону учится πυκτεύειν, παγκρατιάζειν и тому под. (Luc. Anach. § 24). Итакъ, въ общемъ итогѣ изъ частныхъ замѣчаній того и другого писателя получается одинаковая картина обученія.

были исходнымъ пунктомъ этого движенія. Столица аттическаго государства составляетъ только одинъ отдѣльный т. ск. этапъ въ побѣдоносномъ нашествіи моднаго софистическаго ученія. *Въ Великой Греціи и въ Сициліи*, откуда явился Горгій, давно уже *введенъ былъ въ кругъ обязательныхъ школьныхъ предметовъ курсъ практической риторики*. Тамъ уничтоженіе старой школьной системы считалось уже совершившимся фактомъ[1]).

Затѣмъ обращая исключительное вниманіе на одну сторону дѣятельности софистовъ—на доведеніе до совершенства внѣшнихъ формъ греческой рѣчи, легко забываютъ, что эта часть—лишь незначительный отрѣзокъ отъ цѣлаго зданія риторической техники. Главная и основная ея часть состоитъ *въ подборѣ удобнаго для риторическаго толкованія матеріала*. Оказывается, что и въ этомъ отдѣлѣ греческой риторики софисты выказывали себя мастерами дѣла еще до того времени, когда Горгій выступилъ въ Аѳинахъ съ дипломатическою рѣчью. Въ искусствѣ бесѣдовать о всевозможныхъ отвлеченныхъ предметахъ упражнялись уже до Горгія. Риторическій матеріалъ долженъ быть выбранъ соотвѣтственно цѣлямъ рѣчи. Отъ нихъ и зависитъ трактованіе матеріала. Не удивительно поэтому, что софисты при своемъ ученіи обращали вниманіе и на эту сторону дѣла. Итакъ, софисты являются родоначальниками всѣхъ трехъ главныхъ отраслей греческой рѣчи, судебной, эпидейктической и совѣщательной.

Объ интересѣ софистовъ къ *судебнымъ* дѣламъ мы слышимъ въ

---

[1]) Diodor XI. 87. къ 454 году: λόγου δεινότης ὑπὸ τῶν νεωτέρων ἠσκεῖτο, καὶ καθόλου πολλοὶ τὰ φαῦλα τῶν ἐπιτηδευμάτων ἀντὶ τῆς παλαιᾶς καὶ σπουδαίας ἀγωγῆς ἠλλάττοντο. Мандесъ (Опытъ историко-критическаго комментарія къ греческой исторіи Діодора. Одесса. 1901. pg. 257.) склоненъ думать, что Діодоръ въ указанномъ мѣстѣ оперируетъ ходячими фразами. Выписанныя выше слова, мнѣ кажется, слишкомъ опредѣленныя, чтобы допустить такое предположеніе. Напротивъ, фактъ, засвидѣтельствованный Аристофаномъ въ „Облакахъ“ и другими писателями (см. выше стр. 5 сл.), что на родинѣ Эллины переживали подобное время смѣны стараго ученія новымъ софистическимъ, въ связи съ такимъ-же историческимъ фактомъ, что новый родъ краснорѣчія заимствованъ былъ греками метрополіи у сицилійскихъ греческихъ колонистовъ, скорѣе благопріятствуетъ предположенію, что въ Сициліи новый родъ краснорѣчія тоже связанъ былъ съ перемѣною въ методѣ обученія молодежи. Если это такъ, то мы, конечно, этимъ драгоцѣннымъ указаніемъ обязаны не самому Діодору, но его источнику, кто-бы это ни былъ, вѣроятно Тимею Сицилійскому ср. Wachsmuth. Einl. in das Stud. der alten Gesch. 101. Volquardsen. Unters. üb. die Quellen der griech. u. sicilischen Gesch. bei Diodor XI—XVI. pg. 72. sq. E. Schwartz. Pauly-Wissowa, Realencyclopädie V. 1 pg. 686.

первый разъ въ жизнеописаніи Перикла[1]). Протагоръ споритъ съ Перикломъ о томъ, кто виноватъ въ слѣдующемъ очень запутанномъ судебномъ процессѣ: единоборецъ нечаянно убилъ копьемъ въ состязаніи своего соперника. Спрашивается, кого наказать: единоборца, распорядителя турнира или копье.

Всѣ тетралогіи Антифонта[2]) и его прототипъ для 5-ой рѣчи (de

---

¹) Plut. Per. 36, очевидно, черпаетъ изъ Стезимброта, который сейчасъ послѣ этого разсказа цитуется въ качествѣ свидѣтеля (πρὸς δὲ τούτοις καὶ τὴν περὶ τῆς γυναικὸς διαβολὴν ὑπὸ τοῦ Ξανθίππου φησὶ ὁ Στησίμβροτος κτλ). Изложенный выше случай служилъ Стезимброту только примѣромъ для многихъ подобныхъ οἶκοι διατριβαὶ καὶ λόγοι, οὓς ἐποίει Периклъ μετὰ τῶν σοφιστῶν. Мало значенія, по этому, имѣетъ рѣшеніе вопроса: было-ли убійство Фарсалійца Эпитима единоборцемъ Харипномъ случившимся на глазахъ собесѣдниковъ фактомъ или-же это—софистическій вымыслъ, снабженный вымышленными именами. Во всякомъ случаѣ извѣстіе свидѣтельствуетъ о живомъ интересѣ передовыхъ людей тѣхъ временъ къ упражненіямъ ума въ рѣшеніи подобнаго рода головоломныхъ задачъ.

²) Сходство ихъ съ судебнымъ дѣломъ, служащимъ предметомъ спора между Перикломъ и Протагоромъ, бросается въ глаза. Сюжетъ второй тетралогіи напр. почти тождественепъ съ нимъ съ тою только разницею, что по Плутарху дѣло происходитъ между взрослыми борцами въ состязаніи, по Антифонту между юношами въ палестрѣ. Поэтому, я не думаю, чтобы первый случай прямо лежалъ въ основѣ разработки втораго аттическимъ ораторомъ (Wilamowitz по Meyer' у, Gesch. des Alterth. IV pg. 50 Anm.). Но общіе пріемы при постановкѣ вопроса о виновности тѣ-же самые. Роль виновника, приписанную въ бесѣдѣ Перикла съ Протагоромъ либо копью либо тому, кто нанесъ смертельный ударъ, либо распорядителю турнира, берутъ на себя у Антифонта кромѣ юноши, по приказанію своего учителя (Antiphon III (B) β 7 προστεταγμένον ἐξαμελέτα) бросившаго тростникъ и попавшаго въ товарища, котораго учитель гимнастики въ тоже самое время призвалъ къ себѣ и который пробѣжалъ мимо линіи полета тростника (Antiphon III (B) γ 6 ὁ μὲν γὰρ ἐν τούτῳ τῷ καιρῷ καλούμενος ὑπὸ τοῦ παιδοτρίβου), или самъ убитый (Antiphon III (B) δ 4 εἰ δ' ὑφ ἑαυτοῦ πεισθεὶς ὑπῆλθεν, αὐτὸς ὑφ' ἑαυτοῦ διέφθαρται) или παιδοτρίβης (Antiphon III (B) δ 4 εἰ μὲν ὑπὸ τοῦ παιδοτρίβου καλούμενος διέτρεχεν, ὁ παιδοτρίβης ἂν ἀποκτείνας αὐτὸν εἴη). Въ третьей тетралогіи разбирается слѣдующее дѣло: во время драки, возникшей между старикомъ и молодымъ человѣкомъ, послѣдній нанесъ первому такія тяжкія поврежденія, что тотъ умеръ. Однако и здѣсь виновность не ограничивается двумя прямыми участниками дѣла, юношею, который въ самозащитѣ смертельно ранилъ своего противника, и старикомъ, который по словамъ защитительной рѣчи (Antiph. IV. (Г) β 1) ἦρχε χειρῶν ἀδίκων. Но такъ какъ старикъ умеръ спустя долгое время послѣ драки, то является еще вопросъ, не виновны-ли въ смерти пользующій больного врачъ и друзья покойнаго, посовѣтовавшіе ему обратиться къ этому лѣкарю-шарлатану (Antiph. IV. (Г) β 4 πολλαῖς ἡμέραις ὕστερον μοχθηρῷ ἰατρῷ ἐπιτρεφθεὶς διὰ τὴν τοῦ ἰατροῦ μοχθηρίαν.... ἀπέθανε..... δι' ὑμᾶς τοὺς συμβούλους διαφθαρεὶς cf. ib. γ 5).

Въ вопросѣ о принадлежности тетралогій оратору Антифонту или ихъ подложности послѣднее слово еще не сказано не смотря на проницательное изслѣдованіе Диттенбергера (Hermes, Bd. 31 pg 271 sq. Bd. 32 pg. 6 sq.). Противо-

caede Herodis), защиту Паламеда, написанную Горгіемъ[1]), надо понимать

рѣчіе съ существовавшимъ тогда аттическимъ правомъ не достаточно вѣское доказательство противъ подлинности рѣчей, преслѣдующихъ чисто школьныя цѣли наставленія въ діалектикѣ pro и contra. Грамматическія разногласія, по моему, имѣютъ за собою еще менѣе доказательной силы при такомъ, во всякомъ случаѣ оригинальномъ, ни съ кѣмъ изъ другихъ сочиненій Антифонта не сравнимомъ, литературномъ произведеніи. Осторожность заставляетъ насъ пока воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія, пока не разъяснена вполнѣ цѣль этихъ интересныхъ трактатовъ. Но, какъ-бы то ни было, о поддѣлкѣ позднихъ временъ думать нельзя. Даже Диттенбергеръ (Hermes. Bd. 32, pg. 31) не нашелъ въ языкѣ автора ничего, „was mit der Abfassung im 5. Jahrh. vor Chr. unvereinbar wäre“.

[1]) Подлинность рѣчей, носящихъ въ рукописяхъ имя Горгія, и „похвалы Елены“ и „защиты Паламеда“, тщательными изслѣдованіями Maass'a (Hermes 1887. Bd. 22, pg. 571 sq.) и Thiele (Hermes 1901. Bd. 36, pg. 218 sq.) доказана. Иначе дѣло обстоитъ съ вопросомъ о соотношеніяхъ между Антифонтомъ, Горгіемъ и Θразимахомъ. Значеніе послѣдняго для греческой прозы выяснилось только въ послѣднее время, особенно благодаря спеціальному изслѣдованію обо немъ Eduard Schwartz'a (de Thrasymacho Chalcedonio. Jnd. schol. Rostoch. 1892). Временная послѣдовательность халкедонскаго и сицилійскаго ораторовъ теперь ясна (Wilamowitz, homer. Untersuch. pg. 311 sq. Diels, Hermes 1888. Bd. 23, pg. 285. Schwartz, l. c. pg. 3 sq.). Θразимахъ вліялъ уже до Горгія на аѳинское образованное общество. Даже самъ Горгій не могъ уклоняться отъ этого вліянія. Сопоставленіемъ диспозицій „Паламеда“, нѣсколькихъ Антифонтовыхъ рѣчей и избранныхъ ῥήσεις въ трагедіяхъ Еврипида Schwartz (l. c. pg. 8—15) доказалъ, что одною по крайней мѣрѣ, существенною и неотъемлемою, частью всякой судебной рѣчи всѣ три обязаны одному и тому-же источнику, которымъ *не* могъ быть Горгій. Это—т. н. τὰ πρὸς τὸν ἀντίδικον. Горгій не можетъ быть изобрѣтателемъ этой части, потому что Еврипидъ, не смотря на общій риторическій характеръ своихъ трагедій, не оказывается зараженнымъ спеціально горгіевскими риторическими фигурами (Schwartz, l. c. pg. 4). Но съ другой стороны нельзя отрицать, что Антифонтъ и прямо пользуется мыслями высказанными Горгіемъ (ср. Antiphon V. § 91 и 88~Gorg. Palamed. § 34—36. Maass, l. c. pg. 579 sq.). Мнѣ кажется рискованнымъ, слѣдуя Thiele (Hermes 1901. Bd. 36, pg. 240), такое совпаденіе въ опредѣленномъ метафорическомъ выраженіи ἀνήκεστα—ἀκεστά о неисправимыхъ и исправимыхъ дѣйствіяхъ и въ формулировкѣ мысли возводить къ общему аттическому или сицилійскому источнику. Thiele (l. c. pg. 239) удивляется тому, что Горгій въ „Паламедѣ“, если признать эту рѣчь образцовымъ формуляромъ апологіи, могъ обойти молчаніемъ (Gorg. Palamed. § 33) одну изъ важнѣйшихъ частей защитительной рѣчи, возбужденіе состраданія, о чемъ Θразимахъ написалъ особое руководство. Но слова Паламеда (Gorg. Palam. § 43. οἶκτος μὲν οὖν καὶ λιταὶ καὶ φίλων παραίτησις ἐν ὄχλῳ μὲν οὔσης τῆς κρίσεως χρήσιμα. παρὰ δ'ὑμῖν τοῖς πρώτοις οὖσι τῶν Ἑλλήνων καὶ δοκοῦσιν, οὐ φίλων βοηθείαις οὐδὲ λιταῖς οὐδ' οἴκτοις δεῖ πείθειν ὑμᾶς, ἀλλὰ τῷ σαφεστάτῳ δικαίῳ), если не ошибаюсь, ясно указываютъ на знакомство автора съ *обычною* практикою судебныхъ ораторовъ передъ *народнымъ судомъ* и содержатъ скрытую полемическую поправку теоріи Θразимаха, который по свидѣтельству Платона (Phaedr. 267 C τῶν γε μὴν οἰκτρογόων ἐπὶ γῆρας καὶ πενίαν ἑλκομένων λόγων κεκρατηκέναι τέχνην [рукописи τέχνῃ. Schwartz, de Thrasymacho, pg. 5, доказалъ необходимость исправленія рукописнаго чтенія; τέχνην требуется смысломъ] μοι φαίνεται τὸ τοῦ Χαλκηδονίου σθένος,

въ смыслѣ образцовыхъ примѣровъ толкованія спорнаго юридическаго вопроса. Эта школьная традиція еще долго сохранялась[1]).

ὀργίσαι τε αὖ πολλοὺς ἅμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονε καὶ πάλιν ὠργισμένοις ἐπᾴδων κηλεῖν), очевидно въ своемъ трактатѣ ἔλεοι (cf. Arist. Rhetor. pg. 1404 a 15), особенно—а по мнѣнію Горгія, можетъ быть, слишкомъ—выдвинулъ на первый планъ искусство и значеніе дѣйствія на страсти слушателей. Вовсе не отрицая важности этихъ ἔλεοι, Горгій однако отвергаетъ ихъ *безусловное* и *постоянное* примѣненіе и примѣромъ доказываетъ, что они въ *данномъ* случаѣ были-бы даже неумѣстны. Если это такъ, то мы-бы имѣли въ указанномъ мѣстѣ еще одно немаловажное свидѣтельство о соотношеніяхъ Горгія и Өразимаха. А въ вопросѣ о намѣреніяхъ Горгія при составленіи Паламеда тѣ-же слова скорѣе говорятъ *въ пользу* толкованія рѣчи въ смыслѣ образца для будущихъ литераторовъ, чѣмъ *противъ* него Вѣдь нельзя-же себѣ представить дѣло такъ, что „Паламедъ" и „Елена" написаны съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ неизмѣнно и буквально руководствовались ими. Эти сочиненія, также какъ и тетралогіи Антифонта, должны были показать примѣрно, какими способами та или другая матерія можетъ быть цѣлесообразно обработана. Вышеприведенное мѣсто „Паламеда" такое представленіе только подтверждаетъ, напоминая довольно опредѣленными словами читателю о томъ, что не все всякому годится—non omnes [locos] in omnem causam convenire (Cic. de invent. II § 16).

Что касается наконецъ хронологическихъ соображеній Thiele (l. c. pg. 245 sq.), то *невозможность* зависимости Антифонта отъ Горгія имъ не доказана. Өразимахъ въ 427 г. пользовался извѣстностью въ Аөинахъ (ср. Aristoph. Daital. fr. 198 Kock); Горгій въ томъ-же году въ первый разъ представился аөинской публикѣ блестящею рѣчью. Познакомившись съ теоріею Өразимаха и усовершенствовавшись въ аттическомъ нарѣчіи, онъ написалъ своего „Паламеда", должно быть до 421 г., такъ какъ въ этомъ году комикъ Платонъ (fr. 103 Kock) осмѣиваетъ φιλαργυρία Антифонта т. е., по вѣрному толкованію Виламовица (Hermes, Bd. 12, pg. 335. Anm. 16), его λόγους γράφειν. Значитъ, Антифонтъ тогда былъ уже извѣстнымъ логографомъ и самая знаменитая изъ его рѣчей, объ убійствѣ Герода (ps.-Plut. vit. X or. 833 D ἐπαινεῖται δ'αὐτοῦ μάλιστα ὁ περὶ Ἡρώδου...), была къ тому времени вѣроятно уже опубликована. Чѣмъ ближе по времени было одно сочиненіе къ другому, тѣмъ очевиднѣе были для тогдашней публики взаимоотношенія между ἔλεοι Өразимаха, Паламедомъ Горгія и V рѣчью Антифонта.

[1]) Не только всѣ аттическіе ораторы составляютъ свои рѣчи по такимъ примѣрамъ. Аристофанъ могъ разсчитывать на общее знакомство съ риторическими пріемами, когда онъ въ своихъ „Осахъ" (vv. 894—897=жалоба; 907—911, 914—916, 917, 920—925, 927—930=обвинительная рѣчь; 950—952, 954—955, 957—959, 962—966, 967—972, 975—978, 979—981=защитительная рѣчь) представилъ зрителямъ in nuce полную картину хода процесса εὔθυνα στρατηγῶν (ср. Wilamowitz, Aristot. u. Athen. II 244). Какъ обвинитель, такъ и защитникъ пользуются такими же адвокатскими увертками и уловками, какими пользовались всѣ аттическіе ораторы. Въ ст. 915 сл. καίτοι τίς ὑμᾶς εὖ ποιεῖν δυνήσεται, ἢν μή τι κἀμοί τις προβάλλῃ τῷ κυνί.... οὐδὲ τῷ κοινῷ γ' ἐμοί мы имѣемъ передъ собою настоящій τόπος ἐκ τοῦ μᾶλλον καὶ ἧττον (ср. Aristot. rhetor. II. 23 pg. 1396 b 12 и приведенные Spengel'омъ Vol. II. p. 301 примѣры, какъ Andocid. IV. 15 καίτοι ὅστις ὑβρίζει γυναῖκα τὴν ἑαυτοῦ καὶ τῷ κηδεστῇ θάνατον ἐπιβουλεύει, τί χρὴ προσδοκᾶν τοῦτον περὶ τοὺς ἐντυχόντας τῶν πολιτῶν διαπράττεσθαι). Защитникъ указываетъ на трудность задачи, чтобы заинтересовать въ свою пользу судей (какъ и Antiph. Tetral.

По этимъ образцамъ еще въ римское время продолжали толковать запутанные юридическіе случаи въ восточной и западной половинахъ римскаго государства. Въ греческомъ папирусѣ конца I в. п. Р. Хр. ,найденномъ англичанами недавно въ Египтѣ[1]), разбирается слѣдующее судебное дѣ-

---

A. α, 1 cp. Aristot. rhetor. III. 14 pg 1415 b 1), онъ восхваляетъ своего кліента въ ущербъ противнику (cp. Navarre, essai sur la rhétorique grecque avant Aristote, pg. 280 sq.), и наконецъ, соотвѣтственно правиламъ техники (Volkmann, Rhetorik² pg. 232 и Aristot. rhetor. II. 8 pg. 1385 b 29) и судебной практики (cp. многочисленные примѣры у Frohberger'a, введеніе къ изданію рѣчей Лисія XIV. XV pg. 10; пріемъ между прочимъ извѣстный уже Антифонту cp. Antiph. fr. 77 Suid. s. v. ἱκετεύω) онъ посредствомъ т. н. παραγωγή вызываетъ на помощь обвиняемой собакѣ молодыхъ щенятъ.

Кромѣ этой сцены Аристофана мы имѣемъ во внѣсудебной литературѣ Грековъ еще одну уморительную пьесу, разыгрывающуюся передъ судомъ. Это—2-й миміямбъ Героида, πορνοβοσκός. Здѣсь изображается судебная рѣчь, произнесенная въ Косѣ въ III. в. (cp. Herzog, Koische Forschungen u. Funde. pg. 213), съ опредѣленно мѣстнымъ колоритомъ (cp. Herzog, l. c. pg. 174 sq. 176). Но искусственные пріемы обвиненія восходятъ къ риторической τέχνη, которая особенно послѣдовательно развилась въ Аттикѣ. Можетъ-быть Herzog'y удастся, согласно обѣщанію (cp. l c. pg. 214), доказать спеціально Ὑπερείδειος χαρακτήρ этой рѣчи. Невольно думаешь о томъ, что онъ при своемъ обѣщаніи имѣлъ въ виду одинаковую demonstratio ad oculos судьямъ, которую предпринимаютъ изъ-за различныхъ мотивовъ сводникъ со своей гетерой и Гиперидъ съ Фриною. Но если и опустить эту внѣшнюю черту, то останется еще не мало параллелей между Герондомъ и аттическими ораторами. Изъ рѣчей Исократа 20-ая κατὰ Λοχίτου произнесена въ такомъ-же судебномъ дѣлѣ αἰκίας, какое служитъ основою 2-му миміямбу Геронда. Рѣчь Исократа, отъ которой сохранился лишь ἐπίλογος, по вѣрному замѣчанію Volkmann'a (Rhetorik² pg. 220), можно разсматривать „geradezu als Muster eines locus communis gegen ὕβρις oder αἰκία." Не удивительно по этому, что нѣкоторые пріемы Исократа повторяются у Геронда. Сводникъ прежде всего увѣщеваетъ судей подавать голоса безпристрастно, взирая не на личность жалобщика, а только на суть жалобы (Herond. II. 1 cp. Isocr. 20. 10). Затѣмъ онъ сильно преувеличиваетъ важность обиды, предвѣщая гибель всему демократическому строю государства, если насильственный образъ дѣйствія Θалета останется безнаказаннымъ (Herond. II. 27 sq. cp. Isocr. 20. 10 sq.). Въ громкомъ смѣхѣ обвиняемаго, вызванномъ высокопарными фразами обвинителя, и въ словахъ, съ которыми послѣдній, полный негодованія такимъ непристойнымъ перебиваніемъ, прямо обращается къ своему противнику (Herond. II. 74 sq.) съ риторической ἐρώτησις (cp. Volkmann. l. c. pg. 149) можно усмотрѣть иллюстрацію совѣта Горгія τὴν μὲν σπουδὴν διαφθείρειν τῶν ἐναντίων γέλωτι, τὸν δὲ γέλωτα σπουδῇ Aristot. rhetor. III. 18 pg. 1419 b 3 и Spengel, commentar. ad h. l. Vol. II. pg. 452). Наконецъ въ эпилогѣ (Herond. II. 92 sq.) вниманіе судей очень внушительно обращается на важность въ настоящемъ случаѣ справедливаго рѣшенія. Оно имѣетъ, по мнѣнію сводника, громадное значеніе: 1) для всѣхъ неграждан въ Косѣ (vv. 92 sq.), 2) для достоинства самого города (vv. 94 sq.) и 3) даже для самого виновника (vv. 99), если только вѣрна пословица: „ὁ Φρὺξ τὰ νῦν ὑμῖν πληγεὶς ἀμείνων ἔσσεται". Въ этомъ эпилогѣ нельзя не узнать отголоска пріемовъ риторической школы (напр. вида αὔξησις cp Navarre, l. c. pg. 301 sq.).

[1]) F. G. Kenyon, Fragments d' exercices de rhétorique, conservès sur papyrus въ

ло: А зарылъ въ саду своего пріятеля Б въ присутствіи послѣдняго талантъ золота. Черезъ нѣкоторое время Б засталъ А какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ ночью тайно вырывалъ свою собственность. При окликѣ А убѣжалъ, и Б обвиняетъ его въ кражѣ. Спрашивается: виновенъ-ли А въ кражѣ? Не виновенъ онъ, потому что взялъ только свое, виновенъ—потому что вырылъ деньги ночью. Если-бы Б его не поймалъ, то А могъ-бы обвинить Б въ кражѣ.

А много-ли различается отъ этой тяжбы слѣдующая, о которой, если вѣрить Сенекѣ[1]), спорили римскіе юристы. Богачъ заподозрѣнъ въ государственной измѣнѣ. Человѣкъ, имѣвшій много поводовъ подозрѣвать богача, проламываетъ ночью стѣну въ его домѣ, чтобы найти неоспоримыя улики и дѣйствительно находитъ шкатулку, въ которой спрятана корреспонденція, которую велъ заподозрѣнный съ непріятелемъ. Спрашивается: виновенъ-ли обвинитель государственнаго измѣнника въ кражѣ со взломомъ и имѣетъ-ли онъ право говорить рѣчь предъ народ-

---

Mélanges Henri Weil, pg. 243 sq. Риторическій элаборатъ написанъ на обратной сторонѣ папируснаго листка. Правая сторона его содержитъ какія-то мало интересныя описи о раздачѣ хлѣба, относящіяся къ временамъ Августа и Тиберія, точнѣе къ гг. 5, 11 и 15 п. Р. Хр. Такъ какъ рука, которая написала verso папируса, похожа на почеркъ рукописи Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, которую Kenyon (the palaeography of greek papyri, pg. 92) относитъ къ временамъ Домиціана, то и наше риторическое упражненіе должно быть отнесено приблизительно къ 80-мъ гг. I-аго христіанскаго вѣка. Авторъ соединилъ на одномъ листкѣ нѣсколько этюдовъ въ одномъ и томъ-же жанрѣ: кромѣ нашей δίκη κλοπῆς имѣются два различные этюда, имѣющіе дѣло съ δίκη ξενίας. Отъ послѣднихъ сохранилось слишкомъ мало; потому Kenyon ограничился тѣмъ, что опубликовалъ только средній этюдъ, именно рѣчь обвинителя въ дѣлѣ о кражѣ. Kenyon вкратцѣ уже отмѣтилъ главныя доказательства, заставляющія насъ предположить, что передъ нами школьное рѣшеніе заданной и ad hoc вымышленной юридической задачи. Это—во первыхъ отсутствіе всякихъ собственныхъ именъ и во вторыхъ частый переходъ отъ прямой рѣчи къ косвенной. Эти доказательства легко дополнить. На то-же происхожденіе указываетъ то обстоятельство, что авторъ προοίμιον и ἐπίλογος совсѣмъ пропускаетъ, διήγησις оставляетъ необработанною, ограничиваясь голымъ пересказомъ факта. Весь интересъ исключительно сосредоточенъ на собраніи доводовъ въ пользу того, что обвиняемый διὰ τῶν ἑαυτοῦ τὰ ἐκείνου (т. е. обвинителя) ἔκλεπτεν. Это главное положеніе повторяется еще разъ подъ конецъ (διὰ γὰρ τούτων τὰ ἐμὰ ἔκλεψας). По ученію риторовъ, Гермагора, Гермогена и друг., данное судебное дѣло подпадаетъ подъ status definitivus или finitivus, στάσις ὅρου или ὁρισμοῦ. (Volkmann, Rhetorik² pg. 41). Обвиняемый сознался во фактѣ, онъ отрицаетъ только названіе его кражею, такъ какъ онъ-де взялъ только свое. Задача жалобщика заключается въ томъ, чтобы доказать, что дѣло идетъ о кражѣ, не смотря на то что воръ завладѣлъ своею собственностью.

[1]) Seneca ed. Conr. Bursian. Controvers. lib. X. controv. 35.

нымъ собраніемъ, такъ какъ законъ гласитъ: «fur concione prohibeatur»[1]).

Всѣ эти процессы не копіи съ реальной жизни, но выдуманы ad hoc для школьныхъ цѣлей, чтобы на основаніи данной темы развивать способность мышленія учениковъ и учить ихъ діалектическому методу. Поэтому всѣ дѣйствующія лица не носятъ опредѣленныхъ именъ. Отъ того-же и нѣкоторыя части рѣчи, напр. изложеніе самого факта, введеніе, эпилогъ, оставлены безъ подробной обработки. какъ неважныя для школьныхъ цѣлей. Весь интересъ сосредоточивается на доказательствахъ. Высказываются всевозможные доводы за и противъ обвиняемаго.

Это и есть именно то искусство, которому впервые учили софисты Протагоръ, Горгій, Продикъ и др. Они прежде всего были *учителями*, а потомъ уже философами. Горгій въ своей философской книгѣ о природѣ дошелъ до полнаго отрицанія всякаго познаванія. Если этотъ выводъ вѣренъ, то изъ него слѣдуетъ, что умный ораторъ можетъ склонить публику, къ чему угодно. Протагоръ выразилъ сущность своего философскаго ученія краткимъ предложеніемъ: «человѣкъ мѣрило всему существующему», т. е. онъ провозглашаетъ всеобщимъ господствующимъ принципомъ субъективизмъ. Если всѣ дѣла таковы, каковыми они мнѣ

---

[1]) Сохраненіе школьной традиціи отъ Антифонта вплоть до римскихъ временъ доказывается составленіемъ слѣдующихъ двухъ юридическихъ проблемъ: Антифонта 1-ой тетралогіи и Сенеки controvers. X. 30 ed. Bursian. Антифонтъ обработывалъ слѣдующую тему: Аѳинянина, возвращающагося ночью съ пира домой, находятъ на другой день убитымъ, но не ограбленнымъ. Родственникъ убитаго обвиняетъ въ убійствѣ врага покойника. Убитый недавно еще донесъ о святотатствѣ своего врага. Это дѣло, конечно, само собою прекратилось смертью доносчика. А въ этомъ именно родственникъ покойника находитъ главную улику противъ обвиняемаго. Онъ-де, такъ разсуждаетъ обвинитель, убилъ своего врага съ тѣмъ, чтобы спастись отъ грозящаго ему приговора за святотатство.—Сенека въ указанномъ мѣстѣ сообщаетъ мнѣнія высказанныя знаменитыми риторами по слѣдующему запутанному вопросу: нашли человѣка убитымъ, но не ограбленнымъ. При жизни онъ сильно поссорился со своимъ богатымъ сосѣдомъ. Поэтому сынъ убитаго подозрѣваетъ богача въ убійствѣ. Но не имѣя явныхъ уликъ, сынъ ограничивается тѣмъ, что постоянно слѣдуетъ за богачемъ въ траурной, грязной одеждѣ, безмолвно но демонстративно обращая на него вниманіе публики. Такое поведеніе бѣднаго имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что богача, домогающагося почетной должности, сограждане забалотировали. Богачъ обвиняетъ бѣднаго въ оскорбленіи чести. Разница въ сути дѣла у Антифонта и Сенеки не велика. Римская риторическая школа только очевидно старалась еще больше осложнять и запутывать дѣла разными прибавками. Здѣсь къ дѣлу объ убійствѣ примѣшано другое о кандидатурѣ убійцы; въ первомъ, нами разсмотрѣнномъ случаѣ (Seneca, controv. X. 35 ed. Bursian), съ вопросомъ о кражѣ соединенъ вопросъ о правѣ рѣчи вора.

кажутся, то краснорѣчивый ораторъ можетъ заставить слушателей признать вѣрнымъ то, что *ему* покажется вѣрнымъ[1]). Въ этомъ выводѣ, показывающемъ, что краснорѣчіе мощная сила и что, пріобрѣтши его, пріобрѣтешь и власть надъ современниками, какъ въ одномъ фокусѣ собираются всѣ лучи софистическаго ученія.

Вотъ, почему исключительное преимущество теперь отдавалось *не* гимнастикѣ тѣла, но гимнастикѣ ума и особенно краснорѣчію. Граждане должны дѣйствовать на пользу государства. Дѣйствіе словомъ имѣло теперь большую силу, чѣмъ дѣйствіе дѣломъ. Быть разумнымъ само по себѣ ни къ чему не пригодно, вразумлять другихъ—вотъ къ чему нужно стремиться.

Этому искусству софисты обѣщаютъ обучить своихъ учениковъ. Протагоръ[2]) обѣщаетъ ихъ сдѣлать способными къ веденію частныхъ и общественныхъ дѣлъ. Главную цѣль онъ видитъ въ обученіи ораторскому искусству. Обладая имъ, ученики будутъ имѣть въ рукахъ всю человѣческую мудрость.

Для Исократа[3]) риторика въ такомъ видѣ, какъ онъ ей учитъ, сумма всей философіи. Она развиваетъ умъ человѣка и облагораживаетъ его нравы.

Діонъ Златоустъ и т. н. 2-ая софистика просто отождествляютъ

---

[1]) Arnim, Dio v. Prusa pg. 9 sq., какъ мнѣ кажется, совершенно справедливо выдвинулъ на первый планъ значеніе первыхъ знаменитыхъ софистовъ въ Греціи какъ *учителей* молодого поколѣнія и показалъ, что и главныя ихъ философскія положенія находятся въ полномъ согласіи съ ихъ теоріями о цѣляхъ преподаванія. Такое представленіе о принципѣ обученія Протагора, конечно, только вяжется съ общепринятымъ опредѣленіемъ извѣстнаго изреченія великаго софиста: «Ἄνθρωπος μέτρον ἁπάντων»—не съ тѣмъ, за которое стоитъ главнымъ образомъ Gomperz (griech. Denker I. 262 sq. и 372).

[2]) Plato, Protag pg. 318 A Ὑπολαβὼν οὖν ὁ Πρωταγόρας εἶπεν· ὦ νεανίσκε, ἔσται τοίνυν σοι, ἐὰν ἐμοί συνῇς, ᾗ ἂν ἡμέρᾳ ἐμοὶ συγγένῃ, ἀπιέναι οἴκαδε βελτίονι γεγονότι, καὶ ἐν τῇ ὑστεραίᾳ ταὐτὰ ταῦτα· καὶ ἑκάστης ἡμέρας ἀεὶ ἐπὶ τὸ βέλτιον ἐπιδιδόναι... pg. 318 E τὸ δὲ μάθημά ἐστιν εὐβουλία περί τε τῶν οἰκείων, ὅπως ἂν ἄριστα τὴν αὑτοῦ οἰκίαν διοικοῖ, καὶ περὶ τῶν τῆς πόλεως, ὅπως τὰ τῆς πόλεως δυνατώτατος ἂν εἴη καὶ πράττειν καὶ λέγειν, cf. Plato, de republ. X, pg. 600 C; Menon, pg. 91 B—E.

[3]) Исократъ распространяется о цѣляхъ и превосходствѣ своего ученія главнымъ образомъ въ своей рѣчи περὶ ἀντιδόσεως. Онъ причисляетъ себя къ группѣ тѣхъ писателей, οἳ... γράφειν... προῄρηνται λόγους... Ἑλληνικοὺς καὶ πολιτικούς (Isocr. 15. 46 cp. ib. 260), и *свою* λόγων παιδεία онъ прямо отождествляетъ съ философіей (Isocr. 15. 174 cp. 180 и 50), онъ ставитъ эту *свою* философію даже выше всякой другой (τῶν ἐπὶ τὴν σωφροσύνην καὶ τὴν δικαιοσύνην προσποιουμένων προτρέπειν) въ виду того, что οἱ μέν... παρακαλοῦσιν ἐπι τὴν ἀρετὴν καὶ τὴν φρόνησιν τὴν ὑπὸ τῶν ἄλλων μὲν ἀγνοουμένην, ὑπ' αὐτῶν δὲ τούτων

совершеннаго, идеальнаго гражданина съ ораторомъ[1]). Софисты какъ перваго періода—временъ Платона и Сократа, такъ и второго—Императорскихъ римскихъ временъ враждебно относятся къ узко-спеціальному научному образованію. Общее образованіе и обладаніе многочисленными поверхностными познаніями по всевозможнымъ предметамъ ставится ими выше основательнаго знанія одного лишь или двухъ предметовъ[2]). Конечно, отъ этого страдаетъ основательное подготовленіе будущихъ риторовъ и мы слышимъ изъ устъ теоретиковъ риторики жалобы на то, что молодые люди слишкомъ рано и слишкомъ недостаточно подготовленными берутся за изученіе риторики[3]). Между тѣмъ какъ раньше отъ молодого человѣка, прежде чѣмъ заняться ораторскимъ искусствомъ, требовалась философская пропедевтика, теперь большинство не усваиваетъ себѣ даже элементарныхъ знаній по общеобразовательнымъ предметамъ, но прямо идетъ къ цѣли.

А эта цѣль, такъ какъ она чисто практическая и ведетъ къ побѣдамъ передъ *судомъ*, на столько соблазнительна, что не удивительно громадное вліяніе ученія софистовъ на современное имъ и послѣдующія поколѣнія. Кромѣ названныхъ уже судебныхъ рѣчей можно было-бы назвать еще много произведеній, на которыхъ сильно отразилось вліяніе софистической школы[1]).

ἀντιλεγομένην, ἐγὼ δ' ἐπὶ τὴν ὑπὸ πάντων ὁμολογουμένην (Isocr. 15. 84). По его мнѣнію λόγος ἀληθὴς καὶ νόμιμος καὶ δίκαιος ψυχῆς ἀγαθῆς καὶ πιστῆς εἴδωλόν ἐστιν (Isocr. 15. 255=3. 7.). Εἰ δὲ δεῖ συλλήβδην περὶ τῆς δυνάμεως ταύτης εἰπεῖν, οὐδὲν τῶν φρονίμως πραττομένων εὑρήσομεν ἀλόγως γιγνόμενον, ἀλλὰ καὶ τῶν ἔργων καὶ τῶν διανοημάτων ἁπάντων ἡγεμόνα λόγον ὄντα καὶ μάλιστα χρωμένους αὐτῷ τοὺς πλεῖστον νοῦν ἔχοντας (Isocr. 15. 257=3. 9; по мнѣнію Maass'a, Hermes, Bd. 22, pg. 573. Anm. 1, эти слова представляютъ собою смягченную парафразу мысли Горгія).

[1]) Arnim, Dio von Prusa, pg. 133.

[2]) Arnim, l. c. pg. 134.

[3]) Theon. progymnasm. cap. I ed. Walz. Rhetor. gr. I 145: οἱ μὲν παλαιοὶ τῶν ῥητόρων, καὶ μάλιστα οἱ εὐδοκιμηκότες, οὐκ ᾤοντο δεῖν ἐφικέσθαι τρόπον τινὰ τῆς ῥητορικῆς, πρὶν ἁμωσγέπως ἅψασθαι φιλοσοφίας, καὶ τῆς ἐκεῖθεν ἐμπλησθῆναι μεγαλονοίας· νῦν δὲ οἱ πλείους τοσοῦτον δέουσι τῶν τοιούτων λόγων ἐπαΐειν, ὥστε οὐδὲ τῶν ἐγκυκλίων καλουμένων μαθημάτων ὁτιοῦν μεταλαμβάνοντες ᾄττουσιν ἐπὶ τὸ λέγειν· καὶ τὸ πάντων ἀγροικότατον, ὅτι οὐδὲ οἷς προσῆκόν ἐστιν ἐγγυμνασάμενοι, ἐπὶ τὰς δικανικὰς καὶ δημηγορικὰς ἵενται ὑποθέσεις· τὸ δὴ λεγόμενον κατὰ τὴν παροιμίαν, ἐν πίθῳ τὴν κεραμείαν μανθάνοντες.

[1]) Многія изъ этихъ сочиненій, пропитанныхъ духомъ софистической школы, нельзя прямо подвести подъ категорію *судебныхъ* рѣчей, такъ какъ они разбираютъ общіе вопросы и могутъ быть примѣняемы на практикѣ при всевозможныхъ случаяхъ повседневной жизни. Но въ общемъ получается та же картина. И тамъ спорятъ pro

и contra, и тамъ замѣчается стараніе разсматривать каждую проблему съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Между тѣмъ какъ позитивисты собираютъ какъ можно больше доводовъ въ пользу защиты позитивнаго вывода, негативисты также усердно заботятся объ опроверженіи ихъ и доказательствѣ негативнаго, какъ разъ противоположнаго, результата. Сходство толкованія разныхъ спорныхъ вопросовъ въ этихъ трактатахъ съ образомъ дѣйствій софистовъ и съ сочиненіями чисто софистическаго направленія дѣлаетъ яснымъ, у кого авторы научились такому именно способу діалектическаго разсужденія. Я имѣю здѣсь главнымъ образомъ въ виду маленькій трактатъ безъ заглавія, написанный на дорійскомъ нарѣчіи, который дошелъ до насъ случайно, благодаря скептическому направленію своего содержанія, въ концѣ рукописей Секста Эмпирика. Въ критическомъ изданіи E. Weber'a (Beiträge Curt Wachsmuth zum 60. Geburtstage überreicht, pg. 32 sq.) сочиненьицу этому дано новое заглавіе: „δισσοὶ λόγοι", которое лучше соотвѣтствуетъ содержанію чѣмъ прежнее: „διαλέξεις ἠθικαί". Но нельзя скрывать отъ себя, что и это новое заглавіе, равно какъ и прежнее, не имѣетъ за собою никакого рукописнаго ручательства. Послѣднее изданіе текста, сдѣланное Diels'омъ (Die Fragmente der Vorsokratiker. Berl. 1903, pg. 580 sq.), я получилъ лишь во время корректуры настоящихъ строкъ. Diels возвращается къ прежнему заглавію, называя трактатъ „Dialexeis". Въ самомъ текстѣ онъ предпринимаетъ многія измѣненія и предполагаетъ сильную порчу оригинала въ нашихъ рукописяхъ. Въ настоящее время я не могу вдаваться въ провѣрку его положеній и потому долженъ оставить въ сторонѣ этотъ новѣйшій трудъ. Я себя считаю вправѣ пока воздержаться отъ выраженія своего мнѣнія тѣмъ болѣе, что Diels самъ не приводитъ никакихъ доводовъ, а только печатаетъ голый текстъ въ томъ видѣ, какъ онъ его возстановляетъ. Лучше чѣмъ съ заглавіемъ дѣло обстоитъ съ временемъ составленія книжки. Примѣръ изъ недавняго прошедшаго [pg. 38. 2 sq.: ἐν τε τῷ πολέμῳ (καὶ τὰ νεώτατα πρῶτον ἐρῶ) ά τῶν Λακεδαιμονίων νίκα ἂν ἐνικῶν 'Αθαναίως καὶ τὼς συμμάχως, Λακεδαιμονίοις μὲν ἀγαθόν, 'Αθαναίοις δὲ καὶ τοῖς συμμάχοις κακόν] нельзя отнести къ другому событію, какъ къ пораженію Аѳинянъ и ихъ союзниковъ подъ конецъ Пелопоннесской войны (ср. Trieber, Hermes 1892. Bd. 27, pg. 216). Опредѣленіе Трибера (l. c. pg. 201) около 404/3 г. до Р. Хр. не далеко будетъ отстоять отъ истины. Хотя трактатъ сохранился т. ск. безъ заглавнаго листка, все таки имя автора намъ стало извѣстнымъ благодаря тому, что онъ самъ себя называетъ въ своемъ изложеніи. Въ доказательство тому, что та-же самая рѣчь можетъ быть и вѣрной и невѣрной, онъ приводитъ примѣръ (pg. 45. 10 sq.): если цѣлая компанія сидитъ вмѣстѣ и каждый скажетъ: „Μύστας εἰμί", то только авторъ скажетъ этими словами правду, всѣ остальные неправду. Такъ какъ дѣло здѣсь идетъ только о какомъ-нибудь собственномъ имени, то конечно о нарицательномъ значеніи этого слова (μύστης=посвященный) не можетъ быть и рѣчи. Но и отъ чтенія лучшихъ рукописей нѣтъ никакой надобности отступать. Чтенія Μύμας и Μίμας въ лучшемъ случаѣ имѣютъ для насъ только значеніе старинныхъ конъектуръ, а не преданія. Мужское имя Μύστης и женскія Μύστη и Μύστις встрѣчаются во многихъ областяхъ греческаго міра, какъ доказываетъ Pape, Wörterbuch d. gr. Eigennamen s. v. и бѣглый просмотръ Indices Corporum inscriptionum и papyrorum graecarum (напр. *Rhodus*: ср. Geldern, Gesch. d. alten Rhodier, Ind. s. v. Μύστα; *Selinus*: Μύστις ср. IGSI 272; *Telos*: Μύστα IGI III. 61. Μύστης "Αραψ увѣковѣчилъ себя на аттическомъ надгробномъ камнѣ CIA II 2828. Μύστης Παβοῦτος читается въ берлинскомъ папирусѣ BGU. II. 329. 32. и т. д.). Тѣмъ менѣе будемъ мы склоняться къ тому, чтобы въ угоду желанію пріурочить наше сочиненіе къ извѣстному

въ греческой литературѣ писателю, вставлять вмѣсто незнакомца Μύστας знакомыхъ намъ Μίλτας или Σιμμίας или Σίμων или даже Ἱππίας (ср. изд. Weber'a, ann. ad. h. l.). Съ этимъ выводомъ мѣткаго и краткаго разсужденія Шанца (Hermes, 1884. Bd. 19, pg. 374) нельзя не согласиться. Какъ мнѣ кажется, неизвѣстность авторскаго имени въ средѣ греческихъ литераторовъ скорѣе говоритъ въ пользу сохранности, чѣмъ порчи текста въ нашемъ мѣстѣ. Все содержаніе трактата и довольно наивный и плоскій, поверхностный характеръ разсужденія доказываетъ, что авторъ, хотя онъ очевидно прошелъ софистическую школу риторики, не принадлежалъ къ передовымъ ея представителямъ, но есть одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ учениковъ средней руки, которые по прохожденіи курса у софистовъ не подвизались дальше на поприщѣ литературы. Монотонный слогъ и скудный запасъ словъ подтверждаютъ такое представленіе. Поэтому я не могу согласиться съ мнѣніемъ Роде (Gött. gel. Anz. 1884. 1 pg. 24 sq.), который видитъ въ нашемъ сочиненіи произведеніе какого-нибудь *учителя* риторики. Тамъ и сямъ, по мѣстамъ попадающіяся глубокомысленныя изреченія, которыя отмѣтилъ Гомперцъ (Wiener Sitz.-Ber., phil.-hist. Cl. 122, 1890, IV pg. 6), я приписываю скорѣе школьнымъ воспоминаніямъ автора или школьнымъ запискамъ, сдѣланнымъ имъ по словамъ учителя, чѣмъ самому автору. Часто повторяющіяся одинаковыя фразы, вводящія или заключающія отдѣльныя мысли (напр. δισσοὶ λόγοι λέγονται pg. 27. 2=39. 15=42. 14=45. 2; καὶ οὐ λέγω κτλ. pg. 39. 10=49. 10; ποιητάς, οἳ ποτὶ ἀδονάν, οὐ ποτ' ἀλάθειαν ποιοῦντι pg. 42. 12=44. 17 и т. д.), и отдѣльныя слова (напр. ἐπίσταμαι примѣняется 16 разъ на разстояніи какихъ-нибудь 20 строкъ: pg. 50. 14—51. 12, ср. Trieber, Hermes. 1892. Bd. 27, pg. 231; черезъ все толкованіе проходитъ противопоставленіе ὄνομα и πρᾶγμα, ср. Trieber. l. c. pg. 224) сближаютъ нашъ трактатъ съ псевдо-Ксенофонтовой Ἀθηναίων πολιτεία, гдѣ давно уже замѣчены подобныя частыя повторенія однѣхъ и тѣхъ-же фразъ (напр. I 1: οὐκ ἐπαινῶ διὰ τόδε=διὰ μὲν οὖν τοῦτο οὐκ ἐπαινῶ, I 2: ὁ τὴν δύναμιν περιτιθεὶς τῇ πόλει=οἱ τὴν δύναμιν περιτιθέντες τῇ πόλει, I 12: διὰ τοῦτ' οὖν ἰσηγορίαν καὶ τοῖς δούλοις ἐποιήσαμεν=διὰ τοῦτο οὖν καὶ τοῖς μετοίκοις εἰκότως τὴν ἰσηγορίαν ἐποιήσαμεν и т. д.) или однихъ и тѣхъ-же словъ въ краткомъ разстояніи другъ отъ друга (напр. I. 1 εἵλοντο—ἑλόμενοι—εἵλοντο. III 4—6 διαδικάζειν употребляется 8 разъ и т. д.). Эта неуклюжесть въ варіаціи греческихъ выраженій въ томъ и другомъ сочиненіяхъ дѣлаетъ для меня яснымъ, что авторовъ нужно искать внѣ сферы профессіональныхъ литераторовъ. Они были такими-же ἰδιῶται, которые τοῖς ὀνόμασιν οὐ σεσοφισμένως λέγουσι, какимъ самъ себя заявляетъ сторонникъ противоположнаго лагеря, авторъ псевдо-ксенофонтоваго Κυνηγετικός (c. 13. 4, 5). Я считаю не только напрасными но методически неправильными попытки такимъ безъимяннымъ, т. ск. не-литературнымъ произведеніямъ пріискать авторовъ среди литераторовъ или политическихъ дѣятелей. Отъ того, что эти сочиненія будутъ ходить подъ вывѣскою какого-нибудь неизвѣстнаго Μύστας или даже безъ всякой авторской вывѣски, ихъ значеніе нисколько не умалится. Напротивъ, оно велико для выясненія общей культуры Греціи и вліянія отдѣльныхъ мастеровъ рѣчи на обширный кругъ современниковъ. А на черномъ фонѣ такихъ авторовъ-непрофессіоналистовъ еще ярче выступаютъ свѣтила греческаго краснорѣчія. Въ этомъ отношеніи, для исторіи великихъ культурныхъ стремленій въ Греціи, эти сочиненія—къ нимъ нужно-бы было присоединить нѣкоторыя другія, которыя подобнымъ-же образомъ случайно спаслись отъ общей гибели, (напр. тѣ, которыя прикрыты великимъ именемъ Гиппократа)—далеко еще не использованы филологами-классиками, какъ слѣдуетъ. Триберъ, которому мы обязаны солиднымъ и дѣльнымъ изслѣдованіемъ объ отношеніяхъ автора нашихъ διαλέξεις или δισσοὶ λόγοι къ школѣ

старыхъ софистовъ (Hermes. 1892. Bd. 27, pg. 210 sq.), къ сожалѣнію, тоже увлекся праздною затѣею, приписать трактатъ одному изъ выдающихся софистовъ и высказался, хотя съ должною осторожностью (l. c. pg. 244—245), за авторство Гиппія. Въ этомъ заключеніи я ему слѣдовать не могу; можно смѣло утверждать только то, что нашъ авторъ въ выборѣ примѣровъ, въ построеніи и формулировкѣ положеній работаетъ съ матеріаломъ, заимствованнымъ у разныхъ софистовъ. У Горгія онъ нашелъ мысль, что трагикъ тѣмъ больше заслуживаетъ похвалы, чѣмъ лучше ему удается обманъ (Plut. de glor. Ath. pg. 348 C, de aud. poet. pg. 15 D cp. Wilamowitz, Hermes. Bd. 11, pg. 295, Trieber l. c. 231). Этою мыслью онъ пользуется для защиты того положенія, что одно и то-же можетъ быть справедливымъ и несправедливымъ, и распространяетъ ее и на живопись (pg. 43. 21 sq.). Но ставъ на противоположную точку зрѣнія, онъ также безцеремонно отрекается отъ этой мысли и опровергаетъ ее (pg. 44. 15 sq. cp. 42. 11 sq.). Это онъ долженъ былъ сдѣлать, разъ онъ взялся за защиту противоположнаго мнѣнія. Изъ этого одноко не слѣдуетъ, что онъ ведетъ полемику спеціально противъ *Горгія*. Такое опроверженіе явилось только естественнымъ результатомъ толкованія нашимъ авторомъ одного и того-же положенія in contrarias partes. Помимо того мы изъ отрывочныхъ выдержекъ Плутарха не знаемъ, въ какой связи у Горгія стояли выписанныя слова и что за ними слѣдовало. Можетъ быть, уже Горгій далъ этимъ словамъ въ послѣдующемъ извѣстное ограниченіе.—Какъ извѣстно, Сократъ споритъ съ Протагоромъ о той-же темѣ, о которой толкуетъ 6-ой отдѣлъ διssοὶ λόγοι: περὶ τᾶς σοφίας καὶ τᾶς ἀρετᾶς, αἰ διδακτόν. Сократъ οὐχ ἡγεῖται διδακτὸν εἶναι ἀρετήν (Plato, Protag. pg. 320 B): 1) потому что Аѳиняне при постройкѣ зданія допускаютъ только совѣты знатоковъ-архитекторовъ, при политическихъ вопросахъ имъ совѣтуетъ всякій, слѣдовательно они полагаютъ, что по этой части спеціальные учителя не существуютъ (cp. διssοὶ λόγοι pg. 48. 7: ἄλλα δὲ, ὡς αἰ διδακτὸν ἦν, διδασκάλοι κα ἀποδεδειγμένοι ἦν, ὡς τᾶς μωσικᾶς)—2) потому что οἱ σοφώτατοι καὶ ἄριστοι τῶν πολιτῶν ταύτην τὴν ἀρετὴν ἣν ἔχουσιν οὐχ οἷοι τε ἄλλοις παραδιδόναι (cp. διssοὶ λόγοι pg 48. 8: τρίτα δὲ, ὡς τοὶ ἐν τᾷ Ἑλλάδι γενόμενοι σοφοὶ ἄνδρες τὰ αὐτῶν τέκνα κα ἐδίδαξαν καὶ τὼς φίλως.) Протагоръ, его собесѣдникъ, придерживается противоположнаго мнѣнія и приводитъ доводы, подобные тѣмъ, которые высказываетъ нашъ авторъ. Такъ напр. оба признаютъ значеніе дарованія въ человѣкѣ (Plato, Protag. pg. 327 C ὅτου ἔτυχεν ὁ υἱὸς εὐφυέστατος γενόμενος,....., οὗτος ἂν ἐλλόγιμος ηὐξήθη=διssοὶ λόγοι pg. 49. 2 εὐφυὴς κα γενόμενος ῥᾳδίως συνάρπαξε τὰ πολλά). Нѣкоторыми знаніями человѣкъ не обязанъ особымъ учителямъ, но своимъ близкимъ роднымъ, напр. знаніемъ языка (Plato, Protag. pg. 327 E ὥσπερ ἂν εἰ ζητοῖς τίς διδάσκαλος τοῦ ἑλληνίζειν, οὐδ' ἂν εἷς φανείη=διssοὶ λόγοι pg. 49. 4 sq., гдѣ тотъ-же примѣръ дальше развитъ тѣмъ, что авторъ себѣ представляетъ случай, что ребенокъ сейчасъ послѣ рожденія попадаетъ въ Персію и тамъ конечно περσίζει, а по возвращеніи на родину опять ἑλληνίζει. οὕτω μανθάνομες τὰ ὀνύματα καὶ τὼς διδασκάλως οὐκ ἴσαμες). О сыновьяхъ Поликлета Протагоръ говоритъ, что они οὐδὲν πρὸς τὸν πατέρα εἰσιν. (Plato, Protag. pg. 328 C). Но въ этихъ словахъ, мнѣ кажется, мы имѣемъ скорѣе признаніе Протагора, что Поликлетъ *попробовалъ* передать своимъ сыновьямъ свое искусство; но это ему не удалось. Объ одномъ изъ этихъ сыновей Поликлета нашъ авторъ (pg. 48. 18) знаетъ, что ἐδίδαξε Πολύκλειτος τὸν υἱὸν ἀνδριάντας ποιεν. Но, по скольку онъ успѣлъ въ этомъ искусствѣ, онъ не говоритъ.—Изъ второго и послѣдняго отдѣловъ дорійскаго трактата о различной морали у различныхъ народовъ и о необходимости богатаго знанія, пріобрѣтенію котораго много помогаетъ мнемотехника, Триберъ справедливо вывелъ знакомство автора съ теоріями Гиппія (l. c. pg. 228 sq.

и 236 sq.).—Ложныя заключенія, съ которыми оперируетъ нашъ авторъ особенно въ 1-ой и 5-ой главахъ, доказывая, что одно и то-же—добро и зло и что одно и то-же существуетъ и не существуютъ, сближаютъ его съ софистами-эристиками въ родѣ Евѳидема и Діонисодора, надъ которыми издѣвается Платонъ въ Евѳидемѣ и силлогизмы которыхъ приводитъ Аристотель de sophist. elenchis, чтобы ихъ сейчасъ разоблачить. Софизмъ, которымъ Евѳидемъ смущаетъ молодого Клинія (Plato, Euthydem. pg. 275 D sq.), что οἱ σοφοί и οἱ ἀμαθεῖς μανθάνουσιν, и въ которомъ Аристотель сейчасъ узнаетъ фальшъ (de soph. elench. pg. 165 b 31), нашимъ авторомъ (pg. 46. 10) сообщается въ общей формѣ: ταὐτά... τοὶ σοφοὶ καὶ τοὶ ἀμαθεῖς καὶ λέγοντι καὶ πράσσοντι. По нашему автору τωὐτὸν.. καὶ κουφότερον καὶ βαρύτερον, потому что τὸ τάλαντόν ἐστι βαρύτερον τᾶς μνᾶς καὶ κουφότερον τῶν δύο ταλάντων (pg. 46. 16 cp. Arist. de soph. elench. pg. 167 a 29 ταὐτὸ διπλάσιον καὶ οὐ διπλάσιον· τὰ γὰρ δύο τοῦ μὲν ἑνὸς διπλάσια, τῶν δὲ τριῶν οὐ διπλάσια). Я не могу вмѣстѣ съ Триберомъ (l. c. pg. 241 сл.) видѣть въ подобныхъ случаяхъ совпаденія между нашимъ авторомъ и Аристотелемъ прямую полемику послѣдняго противъ перваго. Я объясняю эти мѣста тѣмъ, что оба черпаютъ изъ того-же самаго устнаго или письменнаго, скорѣе устнаго, источника софистически-эристическаго преданія. Это были общія ходячія мысли, которыя иногда приписывались извѣстному лицу, какъ напр. Продику влагается въ уста изреченіе, что богатство τοῖς μὲν καλοῖς κἀγαθοῖς τῶν ἀνθρώπων καὶ τοῖς ἐπισταμένοις ὅπου δεῖ χρῆσθαι τοῖς χρήμασι, τούτοις μὲν ἀγαθόν, τοῖς δὲ μοχθηροῖς καὶ ἀνεπιστήμοσι κακόν (ps.-Plato, Eryxias pg. 397 E), которое однако Аристотель уже приводитъ безъ имени автора (de soph. elench. pg. 180 b 9 ἆρ'... ὁ πλοῦτος ἀγαθόν; ἀλλὰ τῷ ἄφρονι καὶ μὴ ὀρθῶς χρωμένῳ οὐκ ἀγαθόν· ἀγαθὸν ἄρα καὶ οὐκ ἀγαθόν). По большей-же части ходили они безъ особаго ярлыка, и матеріалъ примѣровъ безъ особаго труда могъ обогащаться въ каждую минуту. По примѣру πλοῦτος τοῖς μὲν καλοῖς κἀγαθοῖς ἀγαθόν, τοῖς δὲ μοχθηροῖς κακόν могъ сейчасъ быть образованнымъ другой: βρῶσις τε καὶ πόσις καὶ ἀφροδίσια... ἀσθενοῦντι μὲν κακόν, ὑγιαίνοντι δὲ καὶ δεομένῳ ἀγαθόν (διςσοὶ λόγοι, pg. 37. 7 sq.) и тысяча другихъ.—Нашъ авторъ въ 7-ой главѣ о выборѣ магистратовъ высказывается противъ жребія. Отчего по жребію не назначаютъ ни поваровъ ни кузнецовъ ни сапожниковъ ни плотниковъ ни флейтистовъ и т. д. (pg. 49. 15 sq.)? Сократъ, по словамъ обвинителя (Xen. Memor. I. 2, 9), тоже часто говорилъ, ὡς μωρὸν εἴη τοὺς μὲν τῆς πόλεως ἄρχοντας ἀπὸ κυάμου καθίστασθαι, κυβερνήτῃ δὲ μηδένα θέλειν χρῆσθαι κυαμευτῷ, μηδὲ τέκτονι μηδ' αὐλητῇ μηδ' ἐπ' ἄλλα τοιαῦτα. Никого не можетъ удивлять, что Сократъ тоже выступаетъ въ обществѣ этихъ чистыхъ софистовъ. Въ глазахъ большой публики, мнѣніе которой отражается въ обвиненіяхъ Анита и Мелета (Bruns, literar. Portr. pg. 198 sq.), софисты и Сократъ были одно и то-же. Итакъ, неизвѣстный дорянинъ Μύστας очевидно съ успѣхомъ прошелъ софистическую школу и научился тамъ не хуже многихъ другихъ disputare in utramque partem.

Давно уже замѣчено, что ῥήσεις въ трагедіяхъ Еврипида скомпонированы по всѣмъ правиламъ риторическаго искусства и носятъ на себѣ отпечатокъ софистическаго ученія. Было-бы излишнимъ приводить примѣры этому явленію, если-бы Еврипидъ не служилъ связующимъ звеномъ въ непрерывающейся цѣпи вліянія софистовъ отъ V. в. д. Р. Хр. вплоть до II в. п. Р. Хр. Въ Гераклѣ Еврипида (vv. 157—164 и vv. 188—203) мы находимъ маленькое словесное состязаніе между Ликомъ и Амфитріономъ по вопросу объ искусствѣ стрѣльбы изъ лука. Этотъ эпизодикъ прямо вызванъ тогдашнимъ положеніемъ аѳинскаго военнаго дѣла (Wilamowitz, Eur. Herakles I. 344 sq.). Но средства, которыми Ликъ порицаетъ, Амфит-

Какъ Паламедъ Горгія остался образцовою *судебною* рѣчью, которой продолжали подражать послѣдующіе *риторы и ораторы*, точно такъже его Елена[1]) осталась образцомъ *хвалебной* рѣчи для послѣдующихъ

ріонъ защищаетъ это искусство, доказываютъ, что и Еврипидъ не даромъ заводилъ знакомство съ выдающимися софистами своего времени, Протагоромъ, Продикомъ и др. Защитительная рѣчь Амфитріона по Виламовицу (l. c. II. 87) смѣло выдерживаетъ сравненіе съ рѣчами Ѳукидида и тетралогіями Антифонта. Тотъ-же сюжетъ еще разъ въ греческой литературѣ служилъ темою для новой обработки. Діонъ Златоустъ пользовался имъ для своей маленькой 58-ой рѣчи. Сцена, внѣшняя обстановка и дѣйствующія лица перемѣнились, но содержаніе осталось тѣмъ-же. Невольно припоминаешь замысловатую придирчивость Антифонта въ его тетралогіяхъ, когда читаешь вопросы Хирона, защитника стрѣльбы изъ лука, и возраженія собесѣдника и противника, Ахилла. Хиронъ считаетъ главною задачею въ войнѣ какъ можно скорѣе обезоружить непріятеля. Полетомъ скорѣе достигается эта цѣль чѣмъ бѣгомъ. На возраженіе Ахилла, что не стрѣляющій, но стрѣла попадаетъ въ непріятеля, Хиронъ имѣетъ опять готовымъ софистическій отвѣтъ, что стрѣла не сама по себѣ убиваетъ, но будучи направлена рукою стрѣляющаго. Въ сущности Діономъ повторяется нѣчто подобное тому, что служило предметомъ спора между Перикломъ и Протагоромъ, и что разбирается во второй тетралогіи Антифонта. Здѣсь убійство приписывается или стрѣлѣ или стрѣлку, тамъ или копью или единоборцу или распорядителю турнира (по Протагору-Периклу), или метающему копье или тому, въ кого попало оно, или учителю гимнастики (по Антифонту), ср. выше (стр. 17 и примѣч. 2). Arnim (Dio v. Prusa, pg. 165 sq.) думаетъ, что Діонъ этою рѣчью пересказываетъ старую сатирическую драму, можетъ-быть Ἀχιλλέως ἐρασταί Софокла. Такъ какъ вопросъ о превосходствѣ рукопашнаго боя или борьбы издали во времена Діона дѣйствительно не могъ вызвать живого интереса и не имѣлъ для современниковъ никакого практическаго значенія, то Арнимъ, можетъ-быть, и правъ. Но если это и такъ, однако только проблема въ общихъ очертаніяхъ Діономъ заимствована, способъ изложенія принадлежитъ ему самому и доказываетъ живучесть старой софистической школьной традиціи.

[1]) Какъ уже выше сказано (стр. 18 прим. 1), я вѣрю въ авторство Горгія. Само собою изъ этого вытекаетъ, что я не считаю сохранившееся ἐγκώμιον Ἑλένης тѣмъ, которое Исократъ (10. 14) желалъ замѣнить своимъ лучшимъ. Мнѣ кажется, что дилемму, которую впервые установилъ Spengel (Art. script. pg. 73 sq.), никоими средствами нельзя устранить и замять. Или Исократъ писалъ свою рѣчь, имѣя передъ собою наше ἐγκώμιον Ἑλένης, тогда оно не можетъ быть работою Горгія, или-же оно принадлежитъ перу Горгія, тогда Исократово сочиненіе не вызвано ею, а другимъ подобнымъ произведеніемъ. О существованіи многихъ похвальныхъ рѣчей Елены не только говоритъ безъимянный авторъ древней ὑπόθεσις, но и самъ Исократъ (10. 15 παραλιπὼν ἅπαντα τὰ τοῖς ἄλλοις εἰρημένα). Горгій не могъ въ данномъ случаѣ быть литературнымъ предшественникомъ и соперникомъ Исократа, потому что онъ тѣмъ-же Исократомъ (10. 2) причисляется къ группѣ старыхъ софистовъ отжившаго свой вѣкъ поколѣнія. А писатель, съ которымъ Исократъ желаетъ вступить въ состязаніе и котораго онъ старается превозойти, по всему тону рѣчи (Isocr. 10. 14) его современникъ. Такъ какъ языкъ сохранившихся рѣчей, и „Паламеда“ и „Елены“, всецѣло отражаетъ тонкости Горгіевой риторической техники и подтверждаетъ показаніе рукописнаго преданія, то сомнѣваться въ немъ нѣтъ никакого основанія. Слѣдовательно,

панегиристовъ[1]). Эту рѣчь Горгій самъ называетъ шуткою[2]), онъ ее очевидно предназначалъ для школьныхъ цѣлей; оттого онъ и слѣдуетъ въ своемъ изложеніи строгому плану; оттого онъ, подобно Антифонту, намѣренно пропускаетъ несущественныя части, которыя не нуждаются въ подробномъ истолкованіи[3]).

брошюра, вызвавшая непосредственно Исократову Елену, носила имя другого автора. Открыть его врядъ-ли намъ удастся, да это и не имѣетъ особеннаго значенія. Причины, на которыхъ основано было отождествленіе литературнаго соперника Исократа съ авторомъ дошедшей рѣчи въ защиту Елены, были весьма шатки. Зоперныхъ, Исократъ упрекаетъ своего предшественника въ томъ, что онъ φησί μὲν ἐγκώμιον γεγραφέναι περὶ αὐτῆς, τυγχάνει δ'ἀπολογίαν εἰρηκὼς ὑπὲρ τῶν ἐκείνῃ πεπραγμένων (Isocr. 10. 14). Это дѣйствительно говоритъ нашъ авторъ подъ конецъ свой брошюрки (Gorg. Helen. 21 ἐβουλήθην γράψαι τὸν λόγον 'Ελένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παίγνιον). Но упрекъ Исократа по отношенію къ нашему автору былъ-бы по крайней мѣрѣ не вполнѣ справедливъ, потому что нашъ авторъ, какъ подобаетъ каждому панегиристу, начинаетъ съ божественнаго происхожденія восхваляемаго имъ лица (Gorg. Helen. 3), какъ и Исократъ (10, 16 и 17). Значитъ, онъ не ограничивается одною только защитою обвиняемой. Нѣкоторые пункты, которые онъ самъ считалъ важными для полнаго ἐγκώμιον'а, онъ *намѣренно* пропускаетъ и обращается къ изложенію причинъ, δι' ἃς εἰκὸς ἦν γενέσθαι τὸν τῆς 'Ελένης εἰς τὴν Τροίαν στολόν (Gorg. Helen. 5). Эту задачу, имъ самимъ себѣ заданную, онъ рѣшаетъ въ слѣдующихъ параграфахъ. Объ этой троянской войнѣ и косвенномъ участіи въ немъ Елены исключительно идетъ рѣчь, такъ что, собственно говоря, слова Исократа ὑπὲρ τῶν ἐκείνῃ πεπραγμένων (Isocr. 10. 14) не могутъ относиться къ этой Еленѣ, которая, если виновата, то только въ одномъ, въ походѣ Грековъ противъ Трои. Что-же касается другой причины, выведенной изъ словъ Исократа παραλιπὼν ἅπαντα τὰ τοῖς ἄλλοις εἰρημένα (Isocr. 10. 15), то она имѣетъ еще менѣе доказательной силы, чѣмъ первая. Правда, Исократъ ничего не сообщаетъ изъ того, что служило предметомъ обсужденій въ сохранившейся рѣчи. Но, что изъ этого слѣдуетъ? Ровно ничего. По словамъ Исократа, мы *должны* даже—все равно, принимаемъ-ли мы авторство Горгія или нѣтъ—ожидать полнѣйшую разницу въ содержаніи, потому что Исократъ обѣщалъ пропустить все то, о чемъ упомянули *всѣ остальные*, значитъ, и Горгій и Анаксименъ и авторъ, къ которому Исократъ прямо обращается, и всякій изъ его предшественниковъ, писавшихъ на ту-же тему. Ни подъ какимъ видомъ это обстоятельство не можетъ служить доказательствомъ противъ авторства Горгія.

[1]) Я вполнѣ соглашаюсь съ Maass'омъ (Hermes Bd. 22, pg. 575), что отсутсвіе всякой индивидуализаціи въ Еленѣ скорѣе говоритъ въ пользу подлинности рѣчи, чѣмъ противъ нея, если только видѣть въ ней то, къ чему она предназначена была авторомъ: одинъ изъ τόποι κοινοί, которые Горгій нарочно составилъ для своихъ учениковъ.

[2]) Gorg. Helen. 21. ἐβουλήθην γράψαι τὸν λόγον 'Ελένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παίγνιον.

[3]) Gorg. Helen. 5. ὅστις μὲν οὖν καὶ δι' ὅτι καὶ ὅπως ἀπέπλησε τὸν ἔρωτα τὴν 'Ελένην λαβών, οὐ λέξω· τὸ γὰρ τοῖς εἰδόσιν ἃ ἴσασι λέγειν πίστιν μὲν ἔχει, τέρψιν δὲ οὐ φέρει, „а ἐγκώμιον", такъ мы можемъ дополнить мысль Горгія, „должно τέρψιν φέρειν, не πίστιν ἔχειν, къ чему стремится судебная рѣчь. Поэтому я не считаю цѣлесообразнымъ упоминать о томъ, что не подобаетъ панегирику".

По примѣру Горгія стало правиломъ, на всегда обязательнымъ для всѣхъ похвальныхъ рѣчей, начинать съ похвалы предковъ и говорить о благородномъ происхожденіи восхваляемаго лица[1]). Прочитавъ правила греческихъ риторичекихъ учебниковъ[2]), нельзя не замѣтить, что

---

[1]) Такъ поступаетъ Исократъ въ своей Еленѣ (Isocr. 10. 16): τὴν μὲν οὖν ἀρχὴν τοῦ λόγου ποιήσομαι τὴν ἀρχὴν τοῦ γένους αὐτῆς. Съ того-же начинаетъ Федръ свою похвалу въ честь Эрота у Платона (Sympos. pg. 178 A): ὅτι μέγας θεὸς εἴη ὁ Ἔρως καὶ θαυμαστὸς ἐν ἀνθρώποις τε καὶ θεοῖς, πολλαχῇ μὲν καὶ ἄλλῃ οὐχ ἥκιστα δὲ κατὰ τὴν γένεσιν. τὸ γὰρ ἐν τοῖς πρεσβύτατον εἶναι τῶν θεῶν τίμιον. Его собесѣдникъ, трагикъ Агаѳонъ, хотя онъ Горгію подражаетъ скорѣе въ другихъ отношеніяхъ—въ стилѣ и строгой диспозиціи содержанія—однако выказываетъ себя вѣрнымъ послѣдователемъ своего учителя Горгія (Plato, Sympos. pg. 198 C) и тѣмъ, что онъ начинаетъ свою похвалу, въ прямой противоположности къ Федру, съ того, что Эротъ νεώτατος θεῶν (Plato, Sympos. pg. 195 A), значитъ, опять-таки съ вопроса о происхожденіи восхваляемаго лица.—Мнѣ, впрочемъ, думается, что знакомство Исократа съ Еленою Горгія, т. е. нашей рукописной работой, отрицать нельзя не смотря на протестъ Münscher'a (Rh. Mus. Bd. 54, pg. 275. A. 3). Это не только доказывается мѣстомъ въ Nicoclea Исократа (III. 5—9), на которое указалъ Maass (Hermes. Bd. 22, pg. 578. A. 1) и которое онъ—по моему вѣрно—сопоставилъ съ Gorg. Helen. § 8, но также и слѣдующимъ совпаденіемъ въ выраженіяхъ обоихъ панегириковъ Елены: Isocr. 10. 18 о Ѳесеѣ: ὁ λεγόμενος μὲν Αἰγέως, γενόμενος δ'ἐκ Ποσειδῶνος и Gorg. Helen. § 3 о родителѣ Елены: πατρὸς δὲ τοῦ μὲν γενομένου θεοῦ, λεγομένου δὲ θνητοῦ.

[2]) Авторы т. н. προγυμνάσματα знакомы съ образцовыми произведеніями Исократа, его Еленою и Эвагоромъ; напр. Theo, progymnasm. cap. VIII § 40 (Walz. Rhet. gr. I. 228): καθάπερ οἱ ἐπαινοῦντες Ἑλένην, ὅτι Θησεὺς προέκρινε (имѣется въ виду Isocr. 10. 18—20); id. cap. VIII § 42 (Walz. l. c. 231) совѣтуетъ: τὰς δὲ διαβολὰς ἢ οὐ δεῖ λέγειν· ἀνάμνησις γὰρ γίνεται τῶν ἁμαρτημάτων· ἢ ὡς οἷόν τε λάθρα καὶ ἀποκεκρυμμένως, μὴ λάθωμεν ἀπολογίαν ἀντ' ἐγκωμίου ποιήσαντες. ἀ π ο λ ο γ ε ῖ σ θ α ι μ ὲ ν γ ὰ ρ π ρ ο σ ή κ ε ι π ε ρ ὶ τ ῶ ν ἀ δ ι κ ε ῖ ν α ἰ τ ί α ν ἐ χ ό ν τ ω ν, ἐ π α ι ν ε ῖ ν δ ὲ τ ο ὺ ς ἐ π' ἀ γ α θ ῷ τ ι ν ι δ ι α φ έ ρ ο ν τ α ς. Послѣднее предложеніе авторъ дословно перенялъ у Isocr. 10. 15. Hermogen. progymnasm. cap. VII. (Walz. Rhet. gr. I. 37) даетъ слѣдующій совѣтъ на счетъ начала каждаго ἐγκώμιον'a: ἐρεῖς δέ τινα καὶ ἃ περὶ τὴν γένεσιν συνέπεσεν, ἄξια θαύματος, οἷον ἐξ ὀνειράτων ἢ συμβόλων ἤ τινων τοιούτων. Это правило было извѣстно и Исократу, но онъ намѣренно имъ пренебрегаетъ въ панегирикѣ Эвагора (Isocr. 9. 21: Εὐαγόρας γίγνεται· περὶ οὗ τὰς μὲν φήμας καὶ τὰς μαντείας καὶ τὰς ὄψεις τὰς ἐν τοῖς ὕπνοις γενομένας.... αἱροῦμαι παραλιπεῖν), потому что уже того матеріала для похвалы, который не основывается на сверхъестественныхъ явленіяхъ, столько набирается, что онъ не можетъ справиться съ нимъ и долженъ выпустить τὰ τοιαῦτα, περὶ ὧν ὀλίγοι τινὲς ἐπίστανται καὶ μὴ πάντες οἱ πολῖται συνίσασιν. Но бросается въ глаза не только знакомство съ такими образцами греческаго красноречія; тѣ-же учителя риторики пользовались тѣми-же сочиненіями, чтобы обучить своихъ учениковъ, какъ слѣдуетъ составить ἐγκώμιον. Уже Анаксименъ (τέχνη ῥητορ. cap. 35 ed. Spengel.[2] pg. 80) учитъ: μετὰ τὰ προοίμια πρῶτον τὴν γενεαλογίαν τάξομεν. Ему слѣдуетъ Theo, progymnasm. cap. VIII § 40 (Walz. Rhetor. gr. I 227). Не дѣлая различія въ риторическихъ пріемахъ между прозаическимъ гимномъ въ честь боговъ и панегирикомъ въ честь смертныхъ (ἀλλ' εἴτε ζῶντας, εἴτε τελευτήσαντας, ἢ καὶ ἥρωας καὶ θεούς τις ἐγκωμιάζοι, μία καὶ ἡ αὐτή ἐστι τῶν λόγων

авторы выводятъ свои правила именно изъ такихъ образцовыхъ произведеній какъ Елены и Эвагора Исократа[1]), значитъ, посредственно черезъ послѣдняго, восходятъ къ Горгію. Поздній риторъ, Элій Аристидъ[2]), восхваляя боговъ и героевъ все еще придерживается тѣхъ-же правилъ. Такъ долго вліяла традиція софистической школы.

ἔφοδος), онъ на первое мѣсто ставитъ прославленіе благороднаго происхожденія (ἔστι δὲ τῶν ἔξωθεν πρῶτον μὲν εὐγένεια ἀγαθόν). Aphthonius, поздній риторъ IV. или даже V. в., черпавшій главнымъ образомъ изъ трудовъ Гермогена (Brzoska у Pauly—Wissowa s. v.), въ своихъ progymnasmata, cap. VIII (Walz. Rhet. gr. I. 87) для панегирика даетъ слѣдующее распредѣленіе матеріала: сперва προοίμιον πρὸς τὴν οὖσαν ὑπόθεσιν, затѣмъ сейчасъ θήσεις τὸ γένος и потомъ только послѣдуютъ другіе отдѣлы.

[1]) Исократъ самъ съ гордостью заявляетъ (Isocr. 9. 8), что его предпріятіе въ Эвагорѣ ἀνδρὸς ἀρετὴν διὰ λόγων ἐγκωμιάζειν есть полнѣйшее новшество для греческой литературы. Какъ часто, такъ и въ настоящемъ случаѣ, несчастное тщеславіе соблазнило Исократа присвоить себѣ заслугу, которая принадлежала другому. И такъ случилось, что Аристотель, для своихъ лекцій о риторикѣ тщательно изучая панегирическую литературу, уличилъ его во лжи (Arist. Rhetor. I. 9, pg. 1368 a 17) и, не упоминая объ Исократѣ, ту-же заслугу возвратилъ забытому и вѣроятно не особенно знаменитому автору панегирика въ честь нѣкоего Гипполоха (ср. Wilamowitz. Hermes. Bd. 35, pg. 533 sq.). Это открытіе Аристотеля было очень интереснымъ результатамъ чисто *научныхъ* изслѣдованій Стагирита и важно для *ученыхъ*. Но *практическаго* значенія оно для слѣдующихъ панегиристовъ греко-римскаго міра не имѣло. Исократъ считался и не переставалъ считаться *въ публикѣ* изобрѣтателемъ новаго вида панегирика, посредствомъ котораго панегиристъ переносится съ мифологическихъ, сказочныхъ временъ и изъ сферы фантазіи въ современность и на реальную почву, восхваляя ужъ не какую-нибудь Елену, но историческую личность современника. Непосредственно за Эвагоромъ явился, подражая первому, Агесилай Ксенофонта (ср. Bruns, literar. Portr. pg. 126 sq.). Дальше слѣдуетъ цѣлый рядъ панегириковъ вплоть до римскихъ біографовъ Корнелія Непота и Тацита и греческихъ риторовъ т. н. II софистической школы, Діона Златоуста и Элія Аристида (ср. Fr. Leo, die griechisch-römische Biographie, pg. 87 sq. 93 A. 2. 227 sq.). Но и въ этомъ новомъ Исократовскомъ видѣ общаго рода ἐγκωμίων похвала предковъ и подчеркиваніе εὐγενείας восхваляемой личности по прежнему остались существенными его элементами: ср. Isocr. 9. 12—18; Xenoph. Ages. I. 2; Nepos, Epaminond. 2. 1 (cf. 1. 4.); Tacit. Agricola, cap. 4; Dio Chrysost. 29. 2 sq. (Arnim, Dio v. Prusa pg. 146 приписываетъ эту рѣчь самому гимназіарху, не Діону, потому что она слишкомъ шаблонно скомпонирована и тѣ-же самыя мысли повторяются въ подлинной 28-ой Діоновской рѣчи. Шаблонность стиля объясняется предназначеніемъ рѣчи для произнесенія гимназіархомъ при похоронахъ атлета, а вторичное пользованіе тѣми-же мыслями въ другой формѣ у Діона, который по вѣрнымъ замѣчаніямъ того-же Арнима, l. c. pg. 171 sq., часто повторялъ одну и ту-же рѣчь, не можетъ показаться страннымъ); Ael. Aristid. or. XI εἰς Ἐτεωνέα 76. 2 sq. ed. Dind., or. XII ἐπὶ Ἀλεξάνδρῳ 81. 12 sq. ed. Dind.

[2]) Or. I εἰς Δία. 3. 2 sq. ed. Dind.; or. II Ἀθηνᾶ. 9. 6 sq. ed. Dind; or. III εἰς Ποσειδῶνα. 19. 9 sq. ed. Dind.; or. IV Διόνυσος. 29. 1 sq. ed. Dind.; or. V Ἡρακλῆς. 31. 10 sq. ed. Dind. Элій Аристидъ начинаетъ похвалу въ 5 первыхъ изъ т. н. μαντευτοὶ λόγοι съ прославленія рода по общепринятому правилу.

Точно такъ-же тотъ-же Горгій своею рѣчью въ честь павшихъ въ войнѣ солдатъ сталъ родоначальникомъ цѣлой массы подобныхъ надгробныхъ словъ, изъ которыхъ рѣчь Перикла самая выдающаяся, но не единственная[1]). Горгій только внѣшнимъ образомъ отнесъ свою рѣчь къ павшимъ при Саламинѣ: она могла бы быть произнесена при каждомъ подобномъ случаѣ[2]). Въ ней отсутствуютъ всякіе индивидуальные намеки. Авторъ выводитъ на сцену лишь общіе типы безъ малѣйшей индивидуальной характеристики, точно такъ-же какъ поступаетъ Антифонтъ въ своихъ тетралогіяхъ. Горгій не указываетъ ни на опредѣленное время, ни на опредѣленную мѣстность. Всѣмъ этимъ достаточно ясно опредѣляется назначеніе рѣчи.

Выше приведенные примѣры изъ разныхъ отдѣловъ греческаго краснорѣчія, и судебнаго и эпидейктическаго[3]), далеко не исчерпываютъ

---

[1]) Изъ надгробнаго слова Горгія Діонисій Галикарнасскій для своихъ цѣлей выписалъ только часть, которая составляла скорѣе конецъ рѣчи, чѣмъ ея начало. Это лишаетъ насъ возможности опредѣленно судить о порядкѣ расположенія матеріала. Но остальные ἐπιτάφιοι всѣ безъ исключенія опять-таки начинаютъ съ похвалы предковъ, такъ что мы не ошибемся, если предположимъ такой-же порядокъ въ родоначальникѣ всего рода ἐπιτάφιοι, Горгіевой надгробной рѣчи: ср. рѣчь Аспазіи, воспроизведенную Сократомъ у Платона Menexen. pg. 237 A; рѣчь Перикла у Θукидида II. 36, 1; [Lys.] 2. 3 sq.; Hyperid. 6. 6 sq; [Dem.] 60. 4 sq.

[2]) ср. Maass. Hermes. Bd. 22, pg. 575 съ прим. 2.

[3]) Термины „судебная, эпидейктическая и совѣщательная рѣчь" въ примѣненіи къ доаристотелевскимъ временамъ, собственно говоря, не правильны. Горгій не зналъ никакихъ особыхъ отдѣловъ риторики. Смотря по тому, на какую точку зрѣнія становился говорящій, на сторону „pro" или „contra", въ рѣчи заключается или ἀπολογία, ἔπαινος, προτροπή или κατηγορία, ψόγος, ἀποτροπή. Исократъ различаетъ уже два рода: судебный и совѣщательный, къ которымъ Аристотель прибавилъ эпидейктическій. Эта аристотелевская трифуркація стала господствующей и, руководствуясь ею, Діонисій Галикарнасскій классифицировалъ сохранившіяся до его времени рѣчи. Изъ совѣщательныхъ рѣчей Горгія Діонисій еще читалъ немногія (ap. Maxim. Planud. Walz. Rhet. gr. V. 548), до насъ не дошло ни одинъ отрывокъ, ни одно заглавіе. Ὀλυμπικός Горгія, который для слѣдующихъ ораторовъ, напр. для Исократа (Panegyricus) и Лисія (Olympiacus), имѣлъ такое-же значеніе образца, какъ его Ἑλένη и Παλαμήδης, Аристотелемъ причисляется къ рѣчамъ эпидейктическимъ (Rhetor. III. 14. pg. 1414 b 31 sq.). Такое опредѣленіе для насъ, конечно, имѣетъ только условную обязательность. Ὀλυμπικὸς λόγος Горгія задуманъ былъ авторомъ скорѣе какъ совѣщательная рѣчь, такъ какъ дѣло шло περὶ τῶν μελλόντων, суть заключалась въ προτροπή и цѣль ея была τὸ συμφέρον, что по ученію риторовъ (Volkmann. Rhetor.[2] pg. 10) составляетъ свойства συμβουλῆς — совѣщанія. Но риторы отреклись отъ своихъ собственныхъ правилъ и, подводя рѣчь Горгія какъ и великія δημηγορίαι Исократа подъ эпидейктическій родъ, создали для нихъ особый подъотдѣлъ: λόγοι προτρεπτικοί (Volkmann, Rhetor.[2] pg. 284). О риторическихъ упражненіяхъ позднихъ римскихъ временъ въ совѣщательномъ родѣ

всего новаго риторическаго матеріала, которымъ слѣдующія поколѣнія обязаны были первымъ софистамъ[1]). Но сказаннаго, думаю, достаточно,

---

краснорѣчія даютъ намъ хорошее, но мало интересное представленіе Suasoriae старшаго Сенеки. Аналогичный имъ примѣръ изъ восточной половины Имперіи недавно найденъ (Oxyrh. Pap. II. pg. 33 sq. N. CCXVI.) на египетскомъ папирусѣ, къ сожалѣнію въ печальномъ состояніи. Но, по крайней мѣрѣ, явно то, что мы имѣемъ передъ собою школьную рѣчь (ср. Wilamowitz. Gött. gel. Anz. 1900, pg. 36). Невольно напрашивается сравненіе съ подобнымъ школьнымъ упражненіемъ по судебному дѣлу „δίκη κλοπῆς“, и съ Controversiae того-же старшаго Сенеки. (ср. выше стр. 20-ая и 21-ая съ примѣчаніями). Пока матеріала для сравненія слишкомъ мало. Но египетскія раскопки каждый день могутъ восполнить этотъ пробѣлъ.

[1]) Софистъ Поликратъ первый, насколько мы можемъ судить, взялъ себѣ темами для своихъ рѣчей ὑποθέσεις παράδοξοι и ἄδοξοι. Его похвала людоѣда Бузирида побудило непосредственно Исократа, противопоставить ей лучшую похвалу на ту-же тему. Можетъ-быть, древніе критики съ Исократомъ во главѣ были правы, когда раскритиковали работы Поликрата и нашли въ нихъ много пустословія, безжизненности и нелѣпицы. Но не въ томъ дѣло, важно, что софисты вовлекли въ кругъ своей дѣятельности самые разнокалиберные сюжеты, что они пробовали свои силы надъ темами, сразу не поддающимися обработкѣ по общимъ правиламъ. Знаменитаго, доблестнаго героя хвалить по готовой схемѣ не представляло никакой трудности, но отъявленнаго злодѣя и отвратительнаго изверга превозносить и изображать великимъ благодѣтелемъ человѣчества—это была не легкая задча. Если вѣрить Исократу—а при извѣстныхъ взглядахъ хвастливаго автора на своихъ предшественниковъ это иногда рисковано—, то первая попытка не удалась. Но и въ такомъ случаѣ одно намѣреніе Поликрата заслуживаетъ нашего уваженія. По видимому этотъ софистъ вообще интересовался такими парадоксальными сюжетами, какъ доказываютъ остальныя заглавія его трудовъ: похвалы Клитемнестры, мышей, горшковъ, камешковъ. Можетъ-быть, безъимянно цитуемыя похвалы соли и кубка тоже принадлежатъ ему, ср. Blass. Att. Bereds. II. 1, pg. 342. По крайней мѣрѣ гораздо вѣроятнѣе предположить, что Поликратъ, составившій ἐγκώμια εἰς τοὺς μῦς и τὰς χύτρας и τὰς ψήφους, хвалилъ и τοὺς ἅλας καὶ τοὺς βομβυλιούς, чѣмъ приписать эти произведенія Алкидаманту, автору похвалы смерти. Попытка Münscher'a (Rh. Mus. 1899, pg. 256) провести послѣднее мнѣніе, мнѣ кажется, не удалось. Изъ такихъ зародышей со временемъ развились нѣкоторыя странныя экзотическія растенія въ греческой литературѣ. Лукіанъ прославляетъ общепрезрѣнную, гнусную фигуру паразита. Съ одной стороны эта пьеса пародистическая варіяція на тему, въ то время интересующую всѣ кружки общества: есть-ли риторика искусство или нѣтъ, ср. Radermacher, Philodem. ed. Sudhaus. Suppl. Bd. pg. IX sq. Но съ другой стороны она своимъ страннымъ сюжетомъ напоминаетъ о Бузиридѣ Поликрата, такъ-же какъ того-же Лукіана μυίας ἐγκώμιον приводитъ на память того-же Поликрата μυῶν ἐγκώμιον До Лукіана комаръ нашелъ панегириста въ Діонѣ Златоустѣ, которому подобныя темы не чужды; онъ-же написалъ похвалу попугая. Похвала волосъ, которую Синезій предпосылаетъ своей похвалѣ лысины и приписываетъ Діону, по мнѣнію Арнима (Dio v. Prusa, pg. 155) не принадлежитъ ему. Но этотъ вопросъ въ нашемъ обзорѣ не важенъ. Важно существованіе такой похвалы, кѣмъ-бы она ни была написана. Наконецъ этотъ рядъ ἐγκώμια заканчиваетъ знаменитая похвала глупости Эразма Роттердамскаго, который знакомъ былъ съ Лукіаномъ и его неоднократно

чтобы уяснить роль Протагора, Горгія и другихъ софистовъ—не какъ рас-

---

цитуетъ, ср. напр. Mycillus Lucianicus (т. е. его somnium) cap. 45. Gallus Lucianicus cap. 63. Очевидно Эразмъ прямо пользовался нѣкоторыми мыслями Лукіана, какъ доказываютъ слѣдующія сравненія: Erasm. Laus stult. cap. 23 о пользѣ глупцовъ и мудрецовъ въ войнѣ: quis, oro, sapientum istorum usus, qui, studiis exhausti, vix tenui frigidoque sanguine spiritum ducunt: crassis ac pinguibus opus est.... *parasitis*, lenonibus, latronibus, sicariis, agricolis, stupidis, obaeratis et hujusmodi mortalium faece res tam praeclara geritur, non philosophis lucernariis, cp. Lucian, de paras. § 40 τοὺς μὲν αὐτῶν [sc. τῶν ῥητόρων].... ἴδοις ἂν λεπτοὺς καὶ ὠχροὺς πεφρικότας... § 41 ὁ μὲν [sc. ὁ παράσιτος] τὸ σῶμα πρῶτον πολὺς καὶ τὸ χρῶμα ἡδύς,... ἔπειτα θυμοειδής, δεινὸν βλέπων ὁποῖον ἡμεῖς, μέγα καὶ ὕφαιμον Erasm. Laus stult. cap. 25 о негодности философовъ при пирушкахъ: ad convivium adhibe sapientem, aut tristi silentio, aut molestis quaestiunculis obturbabit, cp. Lucian, de paras. § 51. Ἐν δὲ δὴ συμποσίῳ τίς ἂν καὶ ἁμιλλήσαιτο παρασίτῳ ἤτοι παίζοντι ἢ ἐσθίοντι; τίς δ'ἂν μᾶλλον εὐφράναι τοὺς συμπότας; πότερόν ποτε οὗτος [sc. ὁ παράσιτος] ᾄδων καὶ σκώπτων, ἢ ἄνθρωπος μὴ γελῶν, ἐν τριβωνίῳ κείμενος, εἰς τὴν γῆν ὁρῶν, ὥσπερ ἐπὶ πένθος οὐχὶ εἰς συμπόσιον ἥκων [т. е. философъ].

Совершенно противоположную область обрабатывалъ софистъ Продикъ, если только вѣрить характеристикѣ его занятій, которую даетъ намъ авторъ псевдоплатоноваго Аксіоха (ср. Gomperz. griech. Denker I. pg. 467 sq.), и отзывамъ автора псевдоплатоноваго Эриксія и Ксенофонта. Его ἐπιδείξεις касались отвлеченныхъ вопросовъ, о жизни ([Plato] Axioch. pg. 366 D sq.), смерти (ib. 369 B), богатствѣ ([Plato] Eryx. pg. 397 E), и наконецъ—я имѣю въ виду самое знаменитое его произведеніе, облеченное во форму миѳа (Гераклъ на распутьѣ)—добродѣтели (Xen. Memor. II. 1, 26 sq.) Съ нѣкоторыми изъ воззрѣній Продика мы встрѣчались у другихъ писателей (напр. о богатствѣ ср. выше стр. 28 примѣч.). Софистъ Алкидамантъ написалъ похвалу смерти и пессимистически отзывался о человѣческой жизни (ср. Orator. att. ed. Sauppe II pg. 155). Темы, введенныя Продикомъ въ греческую литературу, не сходили со сцены у позднихъ софистовъ (ср. or. 8-ая и 69-ая Діона Златоуста о добродѣтели и or. 7-ая и 8-ая Либанія о богатствѣ).

„Περὶ τῶν καλῶν ἐπιτηδευμάτων" такъ назывался πάγκαλος λόγος, который софистъ Гиппій произносилъ нѣсколько разъ и о которомъ онъ самъ сообщаетъ (Plato, Hipp. maj. pg. 286 B). Авторъ придалъ рѣчи слѣдующую внѣшнюю форму (πρόσχημα): молодой Неоптолемъ послѣ взятія Трои распрашиваетъ Нестора, чѣмъ занимаясь, юноша пріобрѣтетъ славу. Несторъ удовлетворяетъ его любознательности. Рядомъ съ рѣчами Продика о добродѣтели (миѳъ о Гераклѣ на распутьи) и Протагора о вопросѣ ὡς διδακτόν ἐστιν ἡ ἀρετή (миѳъ о сотвореніи человѣческаго рода) это уже третій случай, когда софистъ выбираетъ форму сказки, чтобы облечь въ нее свои мысли. Причину этому Протагоръ ясно высказываетъ (Plato, Protag. pg. 320 C): δοκεῖ μοι χαριέστερον εἶναι μῦθον λέγειν. Они расчитывали на большій внѣшній эфектъ рѣчи, при чемъ миѳъ самъ собою вытекалъ изъ вольной фантазіи автора. Точно такъ-же поступаетъ софистъ Діонъ, которому миѳы служатъ исключительно средствомъ для лучшаго достиженія данной практической цѣли. „Sie sind", какъ выражается Арнимъ (Dio v. Prusa, pg. 300) „für Dio nur Thon, der sich gefallen lassen muss, in die gegebene Form des ethischen Dogmas hineingepresst zu werden".

Этотъ рядъ новыхъ темъ, введенныхъ софистами въ греческую литературу, пусть заключитъ интересная брошюрка, которую думали даже приписать великому

пространителей новыхъ философскихъ идей, не какъ мастеровъ слова, но

Протагору: ps.-Hippocr. περὶ τέχνης (ср. Gomperz. Sitz.-Ber. d. Acad. d. Wiss. in Wien. 1890. Phil.-Hist. Cl. IX. Abhandl: Die Apologie der Heilkunst). Гипотеза Гомперца, по моему, справедливо отвергнута, не смотря на остроумную и блестящую защиту ея, всѣми заинтересованными въ этомъ вопросѣ учеными, и медиками-филологами (напр. Ilberg, Berl. phil. Wochenschr. 1890 pg. 1165 sq.; Wellmann, Archiv f. d. Gesch. d. Philos. V, pg 100 sq.) и чистыми филологами (напр. Ed. Schwartz, quaest. jon. pg. 13 sq.) и философами (напр. Zeller, griech. Philos. I. 2[5] pg. 1055. A. 3; Natorp. Philologus. N. F. IV, pg. 278 sq.). Гомперцъ (l. c. pg. 32 sq.) старается доказать, основываясь на Платонѣ (Sophist. pg. 232 D sq.), что Протагоръ былъ авторомъ „einer Gesammtapologie der Künste“, и, находя (l. c. pg. 4) въ трактатѣ περὶ τέχνης въ двухъ мѣстахъ (cap. 3 περὶ μὲν οὖν τούτων [sc. τῶν ἄλλων τεχνῶν] εἴ γέ τις μὴ ἱκανῶς ἐκ τῶν εἰρημένων συνίησιν, ἐν ἄλλοισιν ἂν λόγοισιν σαφέστερον διδαχθείη и cap. 9 τὰ μὲν οὖν κατὰ τὰς ἄλλας τέχνας ἄλλος χρόνος μετ' ἄλλου λόγου δείξει) ссылки на другія сочиненія о другихъ искусствахъ, приходитъ къ заключенію, что сохранившаяся апологія медицины должна быть однимъ отдѣломъ изъ энциклопедіи Протагора περὶ τεχνῶν вообще. Это отождествленіе разбивается о слѣдующій фактъ. По Платону произведеніе Протагора носило характеръ полемическаго сочиненія, ср. Soph. pg. 232 B ἀντιλογικός, ib. pg. 232 C и D ἀντειπεῖν, ib. pg. 232 E τῆς ἀντιλογικῆς τέχνης, написаннаго профаномъ *противъ* знатока (ср. Soph. pg. 233 A πρός γε τὸν ἐπιστάμενον αὐτὸς ἀνεπιστήμων ὤν, ib. pg. 232 D ἃ δεῖ πρὸς ἕκαστον τὸν δημιουργὸν ἀντειπεῖν. [Послѣднее мѣсто слѣдуетъ понимать не въ томъ смыслѣ, какой ему придалъ Гомперцъ въ спеціальномъ изслѣдованіи о нашемъ трактатѣ Apol. der Heilk. pg. 181 sq., но какой онъ-же ему приписываетъ melius informatus, Griech. Denker I pg. 374 и примѣч. на стр. 474]). Слѣдовательно, Протагоръ въ своей книгѣ скорѣе добивался отрицательныхъ чѣмъ положительныхъ результатовъ. Онъ скорѣе являлся обвинителемъ чѣмъ защитникомъ искусствъ. Въ прямую противоположность ему нашъ авторъ горячо защищаетъ медицину противъ невѣжественной толпы. Гомперцъ увѣряетъ, что выше приведенныя слова изъ 3-ей и 9-ой главъ *должны* относиться къ другимъ сочиненіямъ *того-же* автора. Я допускаю только *возможность*. А также возможна и ссылка на другія сочиненія *другого* автора. Вторая возможность, мнѣ кажется, становится необходимостью, если мы привлечемъ слова 1-ой главы: τοὺς μὲν οὖν ἐς τὰς ἄλλας τέχνας τούτῳ τῷ τρόπῳ ἐμπίπτοντας, ο ἷ σ ι μ έ λ ε ι τε καὶ ὧν μέλει, ο ἱ δ υ ν ά μ ε ν ο ι κωλυόντων. Изъ нихъ явствуетъ, что авторъ нашего трактата *не* принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые интересуются и умѣютъ отстаивать другія искусства. Изъ тѣхъ-же словъ я вывожу заключеніе, что по отношенію къ *медицинѣ* нашъ авторъ и δυνάμενος и одинъ изъ тѣхъ, οἷς μέλει, т. е. медикъ, и я нахожу подтвержденіе этому въ словахъ непосредственно предшествующихъ: μόνοισι γὰρ δὴ τοῖς ἀ τ έ χ ν ο ι σ ι ἡ ἐργασίη αὕτη [т. е. оклеветаніе и порицаніе медицины] ἁρμόζει. Слѣдовательно, онъ самъ былъ τεχνικός. Этому не противорѣчатъ слова послѣдней главы οἵ τε νῦν λεγόμενοι λόγοι δηλοῦσιν αἵ τε τῶν εἰδότων τὴν τέχνην ἐπιδέξιες, изъ которыхъ Gomperz (Apol. d. Heilk. pg. 4) заключилъ, что авторъ, самъ литераторъ и ораторъ, „den ärztlichen Praktikern als gleichberechtigter Factor gegenübertritt“. Я не вижу въ этихъ словахъ никакого противопоставленія, въ которомъ послѣднее первое исключаетъ и наоборотъ; но *кромѣ* настоящаго письменнаго теоретическаго изложенія авторъ ссылается еще на счастливую практику знаменитыхъ медиковъ, которая тоже въ свою очередь доказываетъ, что медицина τέχνη. Медики, знающіе свое дѣло, не противопоставляются профанамъ, но шарлатанамъ, которые только по названію лѣкари, а не по своимъ знаніямъ (cap. 8 τῶν ὀνόματι ἰη-

какъ создателей новыхъ *темъ*, годящихся для *риторической* обработки, какъ удивительныхъ геніевъ въ выработкѣ діалектическихъ способностей человѣка. Это удобреніе греческой литературной нивы новыми культурными элементами, этотъ посѣвъ свѣжихъ сѣменъ въ старую культурную почву Греціи составляетъ одну изъ главныхъ, если не самую главную и никѣмъ въ послѣдствіи не превзойденную, заслугу софистовъ для исторіи культуры всего человѣчества. Риторическій матеріалъ ими обогащенъ въ огромныхъ размѣрахъ, только мало осталось дополнить будущимъ временамъ. А одновременно съ подборомъ матеріала они-же и приспособляли его и давали ему надлежащій видъ, такъ что онъ годенъ былъ для даннаго случая.

Но *какимъ образомъ* учили софисты разныхъ временъ? Какой *методъ* они примѣняли, чтобы довести своихъ учениковъ до той степени совершенства, какой они сами достигли?

И въ этомъ методѣ замѣчается *консерватизмъ школьной традиціи*. Такъ-же какъ Горгій началъ учить въ V в. д. Р. Хр., продолжали учить до Либанія, софиста IV в. п. Р. Хр.

О методѣ, который примѣнялъ Горгій, мы имѣемъ классическое свидѣтельство у Аристотеля[1]), который его справедливо упрекаетъ въ

τρῶν), и которые желаютъ пользовать, но не умѣютъ (cap. 9. οὐ τοῖσι βουληθεῖσιν, ἀλλὰ τούτων τοῖσι δυνηθεῖσι). Только въ устахъ медика, раздраженнаго постоянными нападками на свою любимую науку и задѣтаго за живое, понятны сильныя выраженія, которыми онъ отвѣчаетъ противникамъ (cap. 8. οἱ μὲν οὖν ταῦτα λέγοντες εἰ ἐμέμφοντο τοῖς ἰητροῖς, ὅτι αὐτῶν τοιαῦτα λεγόντων οὐκ ἐπιμέλονται ὡς π α ρ α φ ρ ο ν ε ό ν τ ω ν, εἰκότως ἂν ἐμέμφοντο μᾶλλον ἢ κεῖνα μεμφόμενοι). Но отвергая гипотезу Гомперца объ авторствѣ Протагора, мы не отрицаемъ сближенія нашего автора по внѣшнему стилю и по внутреннему философскому убѣжденію съ ученіемъ Протагора. Авторъ статьи περὶ τέχνης очевидно борется посредствомъ софистическаго орудія и, нужно признаться, борется съ успѣхомъ. Что такая усердная защита въ V и IV вв. не была излишней, доказываютъ случайно сохранившіеся намеки въ другихъ медицинскихъ трактатахъ какъ напр. тотъ, на который указалъ Ed. Schwartz, quaest. jon. pg. 13 sq. въ статьѣ περὶ διαίτης ὀξέων [3 pg. 240 L.]. Полемическія выходки противъ медиковъ иногда, кажется, были и не безъ основанія. Плохіе врачи уже во время Антифонта могли считаться причиною смерти человѣка (ср. Antiph. Tetral. III. 3 4 πονηρῷ ἰατρῷ ἐπιτρεφθεὶς διὰ τὴν τοῦ ἰατροῦ μοχθηρίαν καὶ οὐ διὰ τὰς πληγὰς ἀπέθανεν).

Итакъ, софисты оказались мастерами на всѣ руки, они и ихъ послѣдователи забираются во всѣ области человѣческаго знанія. Ни отъ чего они не отказываются; всѣ работы имъ кажутся по силамъ. Эта смѣлость похвальна, хотя она и скрываетъ въ себѣ опасность, развитіе многосторонности на счетъ содержательности, что и случилось.

[1]) Aristot. de sophist. elench. pg. 183 b 36 sq: καὶ γὰρ τῶν περὶ τοὺς ἐριστικοὺς λό-

томъ, что ученики не получаютъ отъ него самого искусства, но только готовые результаты. Онъ его сравниваетъ съ сапожникомъ, который обучаетъ своихъ мальчиковъ не искусству дѣлать сапоги, но показываетъ имъ пару сапоговъ или много различныхъ готовыхъ сапоговъ. Точно такъ-же Горгій, давая ученикамъ образцовыя рѣчи для заучиванія наизусть, снабжаетъ ихъ готовыми рѣчами на разные случаи, но не дѣлаетъ ихъ самихъ способными составлять подобныя рѣчи.

Это былъ одинъ методъ софистическаго ученія, который остался неизмѣннымъ до послѣднихъ временъ классической древности. Такимъ готовымъ образцомъ была напр. рѣчь Лисія о любви, которую изучалъ молодой Федръ.[1]). Такой же методъ рекомендуютъ составитель учебника риторической техники I в. п. Р. Хр., Θеонъ[2]), и софистъ IV христіанскаго стол., Либаній[3]).

γους μισθαρνούντων ὁμοία τις ἦν ἡ παίδευσις τῇ Γοργίου πραγματείᾳ· λόγους γὰρ οἱ μὲν ῥητορικοὺς οἱ δὲ ἐρωτητικοὺς ἐδίδοσαν ἐκμανθάνειν, εἰς οὓς πλειστάκις ἐμπίπτειν ᾠήθησαν ἑκάτεροι τοὺς ἀλλήλων λόγους. διόπερ ταχεῖα μὲν ἄτεχνος δ'ἦν ἡ διδασκαλία τοῖς μανθάνουσι παρ' αὐτῶν. οὐ γὰρ τέχνην ἀλλὰ τὰ ἀπὸ τῆς τέχνης διδόντες παιδεύειν ὑπελάμβανον, ὥςπερ ἂν εἴ τις ἐπιστήμην φάσκων παραδώσειν ἐπὶ τὸ μηδὲν πονεῖν τοὺς πόδας, εἶτα σκυτοτομικὴν μὲν μὴ διδάσκοι, μηδ' ὅθεν δυνήσεται πορίζεσθαι τὰ τοιαῦτα, δοίη δὲ πολλὰ γένη παντοδαπῶν ὑποδημάτων. οὗτος γὰρ βεβοήθηκε μὲν πρὸς τὴν χρείαν, τέχνην δ'οὐ παρέδωκεν.

[1]) Plato, Phädr. pg 228 D: Σωκρ. Δεῖξας γε πρῶτον, ὦ φιλότης, τί ἄρα ἐν τῇ ἀριστερᾷ ἔχεις ὑπὸ τῷ ἱματίῳ· τοπάζω γάρ σε ἔχειν τὸν λόγον αὐτόν. εἰ δέ τοῦτό ἐστιν, οὕτω σὺ διανοοῦ περὶ ἐμοῦ, ὡς ἐγώ σε πάνυ μὲν φιλῶ, παρόντος δὲ καὶ Λυσίου ἐμαυτόν σοι ἐμμελετᾶν παρέχειν οὐ πάνυ δέδοκται. ἀλλ' ἴθι, δείκνυε.—Φαιδρ. Παῦε. ἐκκέκρουκάς με ἐλπίδος, ὦ Σώκρατες, ἣν εἶχον ἐν σοὶ ὡς ἐγγυμνασόμενος, ср. Navarre. Essai sur la rhétorique grecque avant Aristote, pg. 36.

[2]) Theo. Progymnasm. cap. II ap. Walz. Rhet. gr. I pg. 158 sq: Πρῶτον μὲν ἁπάντων χρὴ τὸν διδάσκαλον ἑκάστου γυμνάσματος εὖ ἔχοντα παραδείγματα ἐκ τῶν παλαιῶν συγγραμμάτων ἀναλεγόμενον προστάττειν τοῖς νέοις ἐκμανθάνειν и затѣмъ слѣдуетъ тщательно сдѣланный выборъ образчиковъ для всякаго рода риторическаго упражненія.

[3]) ср. Sievers, das Leben des Libanius, pg. 19. Это называлось λόγους ἐπιδείκνυσθαι. Тѣмъ-же цѣлямъ служили въ концѣ концовъ и всѣ рѣчи софистовъ, откуда онѣ и получили названіе ἐπιδείξεις. Однѣ и тѣ-же рѣчи много разъ произносились ихъ авторами въ разныхъ мѣстахъ, чтобы какъ можно больше людей слушало ихъ и образовало по нимъ свой стиль. И такое частое повтореніе однихъ и тѣхъ-же произведеній практиковалось не только софистами старой школы, напр. Гиппіемъ (ср. Plato, Hipp. Maj. pg. 286 B. τοῦτον [sc. τὸν λόγον περὶ ἐπιτηδευμάτων καλῶν] δὴ καὶ ἐκεῖ ἐπεδειξάμην καὶ ἐνθάδε μέλλω ἐπιδεικνύναι εἰς τρίτην ἡμέραν) и Продикомъ (ср. Philostr. Vit. soph. pg. 203. τοῦ λόγου [sc. о Гераклѣ на распутьѣ] ἔμμισθον ἐπίδειξιν ἐποιεῖτο Πρόδικος περιφοιτῶν τὰ ἄστη καὶ θέλγων αὐτὰ τὸν 'Ορφέως τε καὶ Θαμύρου τρόπον, ἐφ' οἷς μεγάλων μὲν ἠξιοῦτο παρὰ Θηβαίοις, πλειόνων δὲ παρὰ Λακεδαιμονίοις, ὡς ἐς τὸ συμφέρον τῶν νέων ἀναδιδάσκων ταῦτα· ὁ δὴ Γοργίας ἐπισκώπτων τὸν Πρόδικον, ὡς ἕωλά τε καὶ πολλάκις εἰρημένα ἀγορεύοντα, ἐπαφῆκεν ἑαυτὸν τῷ καιρῷ), но и поздними, напр. Діономъ (ср. or. XI. § 6 προλέγω δὲ ὑμῖν ὅτι τοὺς λόγους

Сверхъ того, если не Горгіемъ, то по крайней мѣрѣ слѣдовавшими за нимъ софистами велись съ учениками общія бесѣды по всевозможнымъ вопросамъ. Эти бесѣды развивали находчивость и сообразительность молодыхъ людей. Объ нихъ даютъ намъ вѣрное представленіе діалоги Платона: Горгій, Евөидемъ и др. Они отлично знакомятъ насъ съ сущностью софистическаго метода преподаванія, но мы не должны забывать, что Платонъ какъ принципіальный противникъ софистовъ пристрастный судья. Исократъ[1]) тоже придаетъ много значенія такого рода преподаванію и еще софистъ Либаній[2]) видитъ въ постоянныхъ бесѣдахъ съ учениками первую обязанность учителя риторики.

Кромѣ того учителя конечно задавали ученикамъ и темы для обработки, и мы еще теперь читаемъ въ египетскихъ папирусахъ такія школьныя произведенія[3]).

Само собою разумѣется, что разные софисты въ отдѣльныхъ пунктахъ *не* слѣдовали *одной общей программѣ*. Соперничество, зависть, взаимное недоброжелательство играли важную роль въ ихъ отношеніяхъ. Каждый софистъ расхваливаетъ свою систему и по возможности унижаетъ заслуги своихъ соперниковъ. Такимъ образомъ образовались различныя группы софистовъ.

Протагоръ у Платона[4]) спрашиваетъ своихъ слушателей, въ какую внѣшнюю форму ему облечь рѣчь о добродѣтели, значитъ, онъ дѣлаетъ видъ, будто въ состояніи говорить безъ приготовленія, какъ кому угод-

---

τούτους ἀνάγκη καὶ παρ' ἑτέροις ῥηθῆναι καὶ πολλοὺς πυθέσθαι и объясненіе Арнима, Dio v. Prusa, pg. 170 sq., о дублетахъ въ рукописяхъ этого софиста). О томъ-же свидѣтельствуетъ исторія, которую разсказываетъ Филостратъ, vit. soph. pg. 252, про софиста Филагра, опозореннаго врагами, которые при вторичномъ чтеніи лекціи повторяли по записи первой лекціи громко тѣ-же слова въ ту-же минуту, когда слушатели ихъ слышали съ каөедры.

[1]) Isocr. 10. 5. οὓς ἐχρῆν.... τὴν ἀλήθειαν διώκειν, καὶ περὶ τὰς πράξεις ἐν αἷς πολιτευόμεθα τοὺς συνόντας παιδεύειν καὶ περὶ τὴν ἐμπειρίαν τὴν τούτων γυμνάζειν... id. 11. 2. ἣν ποτ' εἰς ταὐτὸν ἔλθωμεν, τόθ' ἡμῖν ἐξέσται διὰ πλειόνων ποιήσασθαι τὴν συνουσίαν. Слово συνουσία получило болѣе узкое значеніе „совмѣстной бесѣды“ и οἱ συνόντες употреблялось почти въ одинаковомъ значеніи какъ μαθητής, ср. Isocr. 15. 87, 101. Исократъ, распространяясь о своихъ ученикахъ и своихъ занятіяхъ съ ними, постоянно пользуется выраженіями οἱ συνόντες наравнѣ съ μαθηταί и συνουσία въ сочетаніи съ ἐπιτηδεύματα.

[2]) Sievers, das Leben des Libanius, pg. 19. Еще у Либанія эта часть школьной программы называется συνεῖναι τοῖς νέοις.

[3]) ср. выше примѣч. на стр. 20—21 и примѣч. 3 на стр. 33.

[4]) Protag. pg. 320 C: ἀλλὰ πότερον ὑμῖν, ὡς πρεσβύτερος νεωτέροις, μῦθον λέγων ἐπιδείξω ἢ λόγῳ διεξελθών

но. Горгій[1]) тоже умѣлъ одинаково говорить экспромпты и рѣчи, тщательно обработанныя.

А ученики и послѣдователи ихъ, смотря по своимъ индивидуальнымъ особенностямъ, отдаютъ предпочтеніе то *экспромпту* то *тонко обработанной рѣчи.*

Алкидамантъ[2]), представитель первой группы, посвятилъ защитѣ экспромпта особую статью. Не отрицая пользы упражненій въ составленіи искусственныхъ рѣчей, онъ всетаки утверждаетъ, что гораздо важнѣе учить учениковъ говорить экспропмтомъ. Произносить рѣчь послѣ долгой подготовки гораздо легче чѣмъ говорить *безъ* приготовленія. Слѣдовательно, кто умѣетъ говорить экспромптомъ, тому легко будетъ пріобрѣсти опытность въ составленіи и произнесеніи предварительно написанныхъ рѣчей, но не наоборотъ. Для практической жизни экспромптъ важнѣе, потому что во время записыванія рѣчи улетаетъ удобный моментъ. То, что говорится безъ приготовленія, скорѣе убѣждаетъ слушателя. Къ тщательно обдуманной рѣчи слушатели относятся подозрительно, боясь обмана. Говоря экспромптомъ, ораторъ можетъ пропускать и прибавлять, гдѣ и какъ ему угодно. Если рѣчь записана, то перемѣна словъ и выраженій извращаетъ всю рѣчь. Писанныя рѣчи только копіи съ рѣчей, дѣйствительно произнесенныхъ, подобно тому какъ мѣдныя статуи только копіи съ живыхъ лицъ. Первыя остаются при всемъ внѣшнемъ совершенствѣ мертвыми, вторыя живутъ и вліяютъ[3]).

---

[1]) Горгій обязывался на каждую ему предложенную тему отвѣчать сейчасъ безъ приготовленія (ср. Plato, Gorg. pg. 447 D: Χαιρ. εἰπέ μοι, ὦ Γοργία, ἀληθῆ λέγει Καλλικλῆς ὅδε, ὅτι ἐπαγγέλει ἀποκρίνεσθαι ὅτι ἄν τίς σε ἐρωτᾷ; Γοργ. ἀληθῆ, ὦ Χαιρεφῶν. Cic. de orat. I. 22, 103. III. 32, 129; de fin. II. 1, 1. Philostr. vit. soph. I pg. 203) длинною или короткою рѣчью, смотря по желанію слушателей (ср. Plato, Gorg. pg. 449 C, Phädr. pg. 267 B.). Въ своихъ ἐπιδείξεις Ὀλυμπικός, ἐπιτάφιος, Πυθικός и другихъ онъ высказывалъ себя мастеромъ тщательно отдѣланной рѣчи.

[2]) Alcidam. περὶ τῶν τοὺς γραπτοὺς λόγους γραφόντων ἢ περὶ σοφιστῶν. На счетъ подлинности этой рѣчи сомнѣваться теперь нельзя, ср сводъ различныхъ мнѣній о ней у новѣйшаго біографа Алкидаманта (Pauly—Wissowa. Realencyclop. I. pg. 1535.). Рукописное заглавіе трактата врядъ-ли вѣрно. Мы ожидаемъ или περὶ τῶν τοὺς γραπτοὺς λόγους ἐκδιδόντων или, еще лучше, περὶ τῶν λόγους γραφόντων, ср. Radermacher. Rhein. Mus. 52. Bd. pg. 19. A. 4.

[3]) Примѣръ Алкидаманта нашелъ себѣ въ слѣдующія времена вплоть до Цицерона подражателей, ср. Cic. de orat. I. 22, 103. Postea vero vulgo hoc [т. е. то, что Горгій дѣлалъ] facere coeperunt hodieque faciunt, ut nulla sit res neque tanta neque tam improvisa neque tam nova, de qua se non omnia, quae dici possint, profiteantur esse dicturos, cf. id. de fin. II. 1, 1.

Исократъ, современникъ и соперникъ Алкидаманта[1]), напротивъ, дѣломъ и словомъ дѣйствовалъ въ пользу противоположнаго мнѣнія. Извѣстно, что онъ самъ поступалъ крайне осторожно при изданіи своихъ пышнихъ рѣчей[2]). Онъ неоднократно обрабатывалъ и передѣлывалъ ихъ, прежде чѣмъ онѣ получали окончательную форму. Исократъ остерегается казаться похожимъ на тѣхъ, которые, какъ онъ выражается, *εἰκῇ καὶ φορτικῶς καὶ χύδην, ὅτι ἂν ἐπέλθῃ, λέγουσιν*[3]). Съ писателями въ родѣ Алкидаманта и другихъ импровизаторовъ онъ не желаетъ имѣть ничего общаго[4]).

Такого-же взгляда Исократъ придерживался, очевидно, и при обученіи своихъ учениковъ. Передъ открытіемъ школы риторики въ Аѳинахъ онъ выпустилъ брошюру (orat. 13 *κατὰ τῶν σοφιστῶν*), въ которой онъ въ очень нелестныхъ выраженіяхъ преслѣдуетъ всѣхъ своихъ соперниковъ, эристовъ, софистовъ и риторовъ. Къ сожалѣнію, конца статьи недостаетъ. Рукописи обрываются какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ авторъ обѣщаетъ дать подробное изложеніе *своего* учебнаго плана. Въ сохранившейся первой части трактата ясной полемики противъ импровизаторовъ не видно; вѣроятно авторъ въ потерянной второй половинѣ

---

[1]) Алкидамантъ и Исократъ произошли изъ одной и той-же Горгіевской школы риторики; они оба придерживаются девиза Горгія: τὰ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ ποιεῖν διὰ ῥώμην λόγου, καινά τ'ἀρχαίως τά τ'ἐναντία καινῶς, συντομίαν τε λόγων καὶ ἄπειρα μήκη περὶ πάντων ἀνευρίσκειν (Plato. Phaedr. pg. 267 B). Но, отправляясь отъ одной и той-же исходной точки, они приходятъ къ двумъ различнымъ, какъ разъ противоположнымъ другъ другу, убѣжденіямъ. Алкидамантъ полагаетъ, что *импровизація* благопріятствуетъ примѣненію этого правила на практикѣ: Alcid. π. σοφ. 23: ἐν δὲ τοῖς αὐτοσχεδιασμοῖς ἐπὶ τῷ λέγοντι γίγνεται ταμιεύεσθαι τοὺς λόγους πρὸς τὰς δυνάμεις αὐτῶν ἀποβλέποντι καὶ τά τε μήκη συντέμνειν καὶ τὰ συντόμως ἐσκεμμένα διὰ μακροτέρων δηλοῦν. На оборотъ, Исократъ убѣжденъ, что посредствомъ *тщательной обработки* и *внимательнаго обдумыванія* можно, пользуясь тѣмъ-же правиломъ, превозойти своихъ предшественниковъ несмотря на то, что тѣ уже предвосхитили темы и приходится работать надъ вопросами разъ уже обработанными: Isocr. 4. 8. ἐπειδὴ δ' οἱ λόγοι τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν, ὥσθ' οἷόν τ'εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι, καὶ τά τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι, καὶ τά τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν, οὐκέτι φευκτέον ταῦτ' ἐστι, περὶ ὧν ἕτεροι πρότερον εἰρήκασιν, ἀλλ' ἄμεινον ἐκείνων εἰπεῖν πειρατέον.

[2]) Παναθηναικός онъ, по собственному сознанію, началъ 94-лѣтнимъ и кончилъ 97-лѣтнимъ (Isocr. 12. 3 и 270). А надъ Πανηγυρικός онъ тоже долго трудился, какъ это видно изъ собственныхъ его словъ (Isocr. 4. 14). Преданіе гласило, что онъ 10 лѣтъ занятъ былъ этой рѣчью (Blass. Att. Bereds. II. 1. pg. 232 A. 5).

[3]) Isocr. 12. 24.

[4]) Isocr. 4. 12: ἐμοὶ δ'οὐδὲν πρὸς τοιούτους... ἐστι.

съ достаточною опредѣленностью высказалъ свою точку зрѣнія и мотивировалъ превосходство своего принципа передъ противоположнымъ[1]).

---

[1]) Время изданія программы курсовъ обоими учителями риторики, и Алкидамантомъ и Исократомъ, до сихъ поръ точно не опредѣлено. Кто кому возражалъ, Исократъ-ли Алкидаманту или Алкидамантъ Исократу, относительно этого къ общему согласію не пришли. Одно только ясно, что Алкидамантъ издалъ свою программу до Исократоваго панегирика. Алкидамантъ (§ 11) поставилъ своимъ соперникамъ въ упрекъ, что они, медленно приготовляясь къ своимъ рѣчамъ, пропускаютъ удобный моментъ и при совѣщаніяхъ о государственныхъ вопросахъ, равно какъ при разборѣ какого-нибудь судебнаго дѣла, являются со своими совѣтами post festum. На этотъ упрекъ отвѣчаетъ Исократъ (4. 11), что нельзя ставить на одну доску великое государственное дѣло и мелкій частный процессъ. Противники забываютъ, что судебныя рѣчи должны ἔχειν ἀφελῶς, государственныя совѣщательныя ἐπιδεικτικῶς; только судебные ораторы могутъ ἁπλῶς λέγειν, τὸν δ' ἀκριβῶς ἐπιστάμενον λέγειν ἁπλῶς οὐκ ἂν δυνάμενον εἰπεῖν. Но, кто кого предупредилъ своею программою, Алкидамантъ-ли (Gercke. Hermes, 1897. Bd. 32, pg. 360 sq.) или Исократъ (Münscher. Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 263 sq.), пока еще не разъяснено, и, пожалуй, никогда не разъяснится, потому что намеки въ обоихъ трактатахъ слишкомъ общіе и даютъ поводъ къ толкованію pro и contra. Къ тому вопросъ еще осложняется присоединеніемъ сюда и нѣкоторыхъ діалоговъ Платона (Федра и Менексена, ср. Wendland. Hermes, 1890. Bd. 25, pg. 171 sq.) и ἐγκώμιον Ἑλένης Исократа. Нельзя согласиться съ Герке (Hermes. 1897. Bd. 32, pg. 360. A. 3 и Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406 sq.), что Исократъ въ §§ 12 и 13 рѣчи противъ софистовъ выступаетъ противъ другой категоріи противниковъ, чѣмъ въ предыдущихъ §§ 9—11. Слова τούτους и τούτων въ § 12 необходимо нужно отнести къ тѣмъ-же τοῖς τοὺς πολιτικοὺς λόγους ὑπισχνουμένοις (§ 9). Переходя къ характеристикѣ новаго типа софистовъ, Исократъ, который въ своей программѣ, какъ это понятно, старается образцово и по строжайшему плану излагать свои мысли, не преминулъ-бы обозначить этотъ новый пунктъ въ своей полемикѣ нѣсколькими характерными словами, какъ онъ это дѣлалъ при другихъ случаяхъ въ той-же самой рѣчи (§ 1 πρῶτον μὲν τῶν περὶ τὰς ἔριδας διατριβόντων, § 9 οὐ μόνον δὲ τούτοις ἀλλὰ καὶ τοῖς τοὺς πολιτικοὺς λόγους ὑπισχνουμένοις и § 19 λοιποὶ δ' ἡμῖν εἰσὶν οἱ πρὸ ἡμῶν γενόμενοι καὶ τὰς καλουμένας τέχνας γράψαι τολμήσαντες). Къ тому Исократъ словами ὅτι τὸ μὲν τῶν γ ρ α μ μ ά τ ω ν ἀκινήτως ἔχει § 12 и τοῖς δὲ γ ρ ά μ μ α σ ι ν οὐδενὸς τούτων προσεδέησεν § 13 ясно указываетъ, что онъ продолжаетъ начатую въ § 10 (ὥσπερ τὴν γ ρ α μ μ ά τ ω ν παραδώσειν) тему, если только мы слѣдуемъ рукописному чтенію и отвергаемъ совершенно ненужную поправку Герке (Hermes 1897. Bd. 32, pg. 364. A. 1 и Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406) пишущаго въ послѣднемъ мѣстѣ: πραγμάτων. А слово γραμμάτων во всѣхъ трехъ мѣстахъ обозначаетъ одно и тоже: „буквы, алфавитъ" не „durch die Schrift festgelegte Kunstwerke" (Gercke, Hermes 1897. Bd. 32, pg. 361) или „geschriebene Redestücke" (id. Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406), ср. и краткое опровержeніе H[ermann] U[sener]. (Rhein. Mus. 1899, pg. 413. A. 2). Но означенные §§ 9—13 не могутъ быть отнесены къ Алкидаманту и его школѣ (что многіе полагали), такъ какъ Алкидамантъ (§ 3 εἰπεῖν ἐκ τοῦ παραυτίκα οὔτε φ ύ σ ε ω ς ἁ π ά σ η ς οὔτε π α ι δ ε ί α ς τ ῆ ς τ υ χ ο ύ σ η ς ἐστίν) точно такъ-же какъ Исократъ (13. 14 αἱ μὲν γὰρ δυνάμεις καὶ τῶν λόγων καὶ τῶν ἔργων ἁπάντων ἐν τοῖς ε ὐ φ υ έ σ ι ν ἐγγίγνονται καὶ τ ο ῖ ς π ε ρ ὶ τ ὰ ς ἐ μ π ε ι ρ ί α ς γ ε γ υ μ-

Діонъ Златоустъ подобно древнимъ софистамъ достигалъ одинаковаго успѣха своими обработанными и импровизованными рѣчами[1]).

Элій Аристидъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Исократа—если вѣрить словамъ Филострата[2])—потому, что у него отсутствовалъ талантъ говорить экспромптомъ. Онъ однажды отвѣтилъ императору Марку на вопросъ, когда можно его слушать: «Не сегодня, вѣдь я не принадлежу къ людямъ, выплевывающимъ рѣчи, но тщательно обрабатываю ихъ»[3]). Истину этого изреченія доказываютъ его произведенія. Иногда онъ притворяется' будто онъ говоритъ, увлеченный божественнымъ вдохновеніемъ безъ приготовленія[4]). Но этими словами онъ намѣренно говоритъ неправду,

---

νασμένοις) одинаково требуютъ *и таланта и упражненія*. Между тѣмъ Исократъ упрекаетъ своихъ враговъ въ томъ, что они ταύτης τῆς δυνάμεως [sc. τῆς ῥητορικῆς] οὐδὲν οὔτε ταῖς ἐμπειρίαις οὔτε τῇ φύσει τῇ τοῦ μαθητοῦ μεταδιδόασιν. Переводъ послѣдняго предложенія, какъ его предлагаетъ Герке (Rhein. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 406), „Nichts von dieser Fähigkeit übermitteln sie weder den geübten noch den befähigten Schülern“ совершенно извращаетъ смыслъ греческихъ словъ. Исократъ словами χεῖρον γράφοντες τοὺς λόγους ἢ τῶν ἰδιωτῶν τινες αὐτοσχεδιάζουσιν (13. 9) могъ отплатить Алкидаманту за его невѣжливыя выраженія въ § 1 τοῦ δύνασθαι λέγειν ὁμοίως τοῖς ἰδιώταις ἀπείρως ἔχουσι или, какъ полагаетъ Герке (Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 413. A. 1), въ § 15 χρόνου μὲν δοθέντος δύνασθαι λόγον ἐξενεγκεῖν, εὐθέως δὲ περὶ τοῦ προτεθέντος ἀφωνότερον εἶναι τῶν ἰδιωτῶν. Но съ тѣмъ-же самымъ правомъ на оборотъ Алкидамантъ приведенными словами могъ разсчитаться съ Исократомъ. Наконецъ, возможно и то, что нѣтъ никакихъ соотношеній между мѣстами обоихъ писателей. Точно также никакихъ опредѣленныхъ результатовъ не даетъ сравненіе Исократа 13. 11 ἴσως γὰρ οὐκ ἂν ἡμεῖς πλεῖστον ἀπελείφθημεν, οὐδ' ἂν ἐλάχιστον μέρος ἀπελαύσαμεν αὐτῆς и Алкидаманта § 1 πολλοστὸν μέρος τῆς ὅλης τέχνης ἀμφισβητοῦσι и § 2 τοὺς ἐπ' αὐτὸ τοῦτο τοῦ βίου καταναλίσκοντας ἀπολελεῖφθαι πολὺ καὶ ῥητορικῆς καὶ φιλοσοφίας ὑπειληφὼς (Gercke, Hermes. 1897. Bd. 32, pg. 360. A. 3).

[1]) Arnim, Dio v. Prusa, pg. 181. Паразитъ у Лукіана (de paras. cap. 3) передъ началомъ своего панегирика на искусство блюдолизничества считаетъ нужнымъ извиниться въ томъ, что онъ въ своей рѣчи совсѣмъ не успѣлъ приготовиться. Такъ какъ діалогъ Лукіана о томъ, ὅτι τέχνη ἡ παρασιτική, главнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ сатиру на тему ὅτι τέχνη ἡ ῥητορική (ср. Radermacher, Philodem, ed. Sudhaus Suppl. Bd. pg. IX sq. и выше примѣч. 1 на стр. 34), то мы можемъ изъ этого вывести заключеніе, что во время Лукіана давалось предпочтеніе тщательно обработаннымъ рѣчамъ.

[2]) Philostr. vit. soph. pg. 252. ἐπὶ δὲ τὸ σχεδιάζειν μὴ ἑπομένης τῆς φύσεως ἀκριβείας ἐπεμελήθη.

[3]) Philostr. vit. soph. pg. 253. τήμερον πρόβαλε καὶ αὔριον ἀκροῶ· οὐ γάρ ἐσμὲν τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβούντων.

[4]) Напр. or. XVI. ed. Dind. введеніе: ὁ γὰρ Ἀσκληπιὸς κελεύει λέγειν.... ἔγωγ' οὖν πρὸς τοσοῦτον ἥκω τοῦ πιστεύειν ἑτέρῳ μελήσειν, ὥστ' οὐκ οἶδ' ὅντινα τρόπον αὐτοσχεδιάζω.... ср. Baumgart, Ael. Aristid. pg. 5 sq.

какъ сознаетъ это самъ[1]). Не искреннее убѣжденіе вызываетъ у него краснорѣчивыя фразы, но правила риторическаго искусства[2]).

Хотя софисты сильно спорили другъ съ другомъ о лучшемъ способѣ преподаванія, но все-таки въ одномъ всѣ роды софистическаго направленія сошлись—въ общемъ принципѣ. *Краснорѣчіе* имъ кажется *высшею силою,* лучшимъ средствомъ для воспитанія молодого поколѣнія. Прославляя *этотъ* принципъ, они единодушно борются противъ всѣхъ другихъ направленій, прежде всего противъ представителей господствовавшаго раньше физическаго воспитанія, надъ которымъ они одержали верхъ, но противъ котораго имъ еще часто приходилось, какъ мы видѣли, вооружаться.

Но скоро и софистамъ явился на смѣну новый принципъ воспитанія, чисто философскій. Они опять должны были принять оборонительное положеніе, и борьба съ этимъ новымъ направленіемъ была труднѣе, чѣмъ прежняя. Но и эта борьба не скоро превратилась, она занимала много поколѣній греческихъ педагоговъ.

Больнымъ мѣстомъ софистическаго ученія была *поверхностность и верхоглядство,* къ которымъ оно пріучало своихъ учениковъ. Софисты *не* стремились къ *основательному* знанію. Multa, non multum—такъ гласилъ ихъ девизъ, и по этому правилу они старались набивать своимъ ученикамъ головы всевозможными познаніями[3]), имѣя передъ собою лишь *практическую* цѣль, приготовленіе къ *практической* жизни и къ побѣдамъ на форумѣ и въ судилищахъ.

---

[1]) or. XLIX. ed. Dind. II pg. 530. Послѣ перечисленія различныхъ риторическихъ эффектовъ, требуемыхъ для убѣдительности рѣчи, авторъ продолжаетъ: τί φῄς; οὐχ ὁρᾷς τὸ ἀγώνισμα οὐδὲ ἀπὸ πολλοῦ, ἀλλ' εἰς ἑκάτερον, φημὶ [Baumgart, l. c. pg. 8 A. 5; II. φησὶ], τῶν αὐλῶν ἐμοῦ χωρὶς αὐλοῦντος καὶ πάσαις ἅμα ταῖς ἁρμονίαις χρωμένου κάθησαι πρὸς ἑνός τινος τῶν δακτύλων κίνησιν βλέπων, ὥσπερ ἂν εἰ καὶ ἐν λύρᾳ ἢ κιθάρᾳ πάντων ὁμοῦ δεικνυμένων μιᾶς χορδῆς ἦχου δοκοίης ἀκούειν (ср. Baumgart, l. c. pg. 659).

[2]) Baumgart, l. c. pg. 23: «Wenn es von der wahren Beredsamkeit heisst: "pectus est, quod disertum facit", so treten hier an die Stelle des „pectus" die „τέχναι ῥητορικαί", die „τόποι", „στάσεις" und „ἰδέαι"».

[3]) Чтобы достигнуть этой цѣли у учениковъ, прежде всего учителя сами должны быть энциклопедистами. Поэтому мы неоднократно слышимъ отъ Платона и другихъ, что софисты постоянно хвастались своими всесторонними познаніями и увѣряли, что нѣтъ ничего, чего-бы они не знали. Гиппій не только занимался т. н. artes liberales но и ремеслами и гордился тѣмъ, что все на немъ—и кольцо и одежда и обувь—сдѣлано собственными его руками (Cic. de orat. III. 32, 127).

И теперь, подъ конецъ нашей характеристики второго принципа воспитанія въ древности, осмотримся среди нашихъ современныхъ, призванныхъ и непризванныхъ, реорганизаторовъ средней школы, не найдемъ-ли мы между ними людей, похожихъ на древнихъ софистовъ. Кто припоминаетъ столь часто высказываемыя предложенія ввести въ учебную программу нашихъ гимназій всевозможные новые предметы, и законовѣдѣніе и гигіену и химію и даже игру въ шахматы, тотъ не станетъ отрицать, что и въ новое время замѣчаются подобныя стремленія. Вѣдь въ отвѣтъ на вопросъ: «cui bono»? приверженцы такого взгляда могутъ только указать на *практическую* пользу. А эта цѣль совпадаетъ съ тою цѣлью ученія, которую проповѣдуютъ древніе софисты.

Философская система воспитанія въ первое время софистамъ не казалось опаснымъ соперникомъ. Интересно наблюдать, какъ надменно приверженцы софистовъ и сами софисты ведутъ себя въ бесѣдахъ съ Сократомъ.

Калликлъ[1]) совѣтуетъ Сократу тономъ благосклоннаго покровителя больше не заниматься мелочными философскими вопросами. Философія хорошая игрушка для мальчиковъ, но не подобаетъ зрѣлому мужчинѣ.

Протагоръ и Гиппій, въ твердомъ сознаніи своего превосходства, нисколько не сомнѣваются въ успѣхѣ своихъ блестящихъ ἐπιδείξεις, и дѣйствительно успѣхъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ[2]). Видно, что софисты въ философіи долго не признавали равносильной соперницы своему господству.

Кромѣ того философское и софистическое ученія въ первое время мало отличались другъ отъ друга. Извѣстно, въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ Платонъ въ Федрѣ[3]) отзывается объ Исократѣ. Онъ ему даже приписываетъ недюжинное философское дарованіе.

---

¹) Plato. Gorg. pg. 485 A φιλοσοφίας γὰρ, ὅσον παιδείας χάριν, καλὸν μετέχειν καὶ οὐκ αἰσχρὸν μειρακίῳ ὄντι φιλοσοφεῖν· ἐπειδὰν δε ἤδη πρεσβύτερος ὢν ἄνθρωπος ἔτι φιλοσοφῇ, καταγέλαστον, ὦ Σώκρατες, το χρῆμα γίγνεται.... 486 C ἀλλ', ὦ' γαθέ, ἐμοὶ πείθου, παῦσαι δ' ἐλέγχων, πραγμάτων δ' εὐμουσίαν ἄσκει, καί ἄσκει όποθεν δόξεις φρονεῖν, ἄλλοις τα κομψὰ ταῦτ' ἀφείς, εἴτε ληρήματα χρὴ φάναι εἶναι εἴτε φλυαρίας, ἐξ ὧν κενοῖσιν ἐγκατοικήσεις δόμοις· ζηλῶν οὐκ ἐλέγχοντας ἄνδρας τὰ μικρὰ ταῦτα, ἀλλ' οἷς ἔστι καὶ βίος καὶ δόξα καὶ ἄλλα πολλὰ ἀγαθά.

²) Plato. Protag. pg. 327 C, 328 D. Hipp. maj. pg. 286 A.

³) pg. 279 A δοκεῖ μοι [sc. Ἰσοκράτης] ἀμείνων ἢ κατὰ τοὺς περὶ Λυσίαν εἶναι λόγους τὰ τῆς φύσεως, ἔτι τε ἤθει γεννικωτέρῳ κεκρᾶσθαι ὥστε οὐδὲν ἂν γένοιτο θαυμαστον προιούσης ἡλικίας εἰ περὶ αὐτούς τε τοὺς λόγους, οἷς νῦν ἐπιχειρεῖ, πλέων ἢ παίδων διενέγκοι τῶν πώποτε ἁψαμένων λόγων, ἔτι τε εἰ αὐτῷ μη ἀποχρησαι ταῦτα, ἐπὶ μείζω τις αὐτον ἄγοι ὁρμὴ θειοτέρα. φύσει γὰρ, ὦ φίλε, ἔνεστι τις φιλοσοφία τῇ τοῦ ἀνδρὸς διανοίᾳ.

Но скоро пропасть между нимъ и надменнымъ честолюбивымъ ораторомъ расширилась. Когда Исократъ[1]) поставилъ *свою риторику* выше *философіи* и *свою дѣятельность* считалъ полезнѣе *всякой философской*, стало ясно, какъ далеко расходятся они между собою. По горячимъ словамъ Исократа видно, что между ними завязалась борьба не на животъ, но на смерть[2]).

Платонъ не признаетъ за риторикою права на названіе искусства, онъ даетъ ей только мѣсто въ ряду *ремеслъ, изучаемыхъ упражненіемъ и опытомъ*[3]). Этимъ философъ задѣваетъ ритора за живое. Перипатетикъ Критолай слѣдуетъ опредѣленію Платона[4]). Самъ глава перипатетиковъ,

---

[1]) ср. выше примѣч. 3 на стр. 23.

[2]) О взаимныхъ отношеніяхъ между Платономъ и Исократомъ въ послѣднее время появилось много научныхъ изслѣдованій. Одно изъ самыхъ послѣднихъ, статья Münscher'а (Rh. Mus. 1899. Bd. 54, pg. 248 sq.), разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія ἐγκώμιον Ἑλένης Исократа. Нельзя сказать, что всѣ доказательства автора одинаково убѣдительны, но однако нѣкоторые указанные имъ намеки противъ Платона довольно ясны. Такъ, напр., подъ второй группой писателей достойныхъ порицанія Исократъ (10. 1) главнымъ образомъ имѣетъ въ виду Платона. Слова Исократа οἱ δὲ διεξιόντες, ὡς ἀνδρία καὶ σοφία καὶ δικαιοσύνη ταὐτόν ἐστι, καὶ φύσει μὲν οὐδὲν αὐτῶν ἔχομεν, μία δ' ἐπιστήμη καθ' ἁπάντων ἐστίν направлены противъ Протагора Платона (ср. pg. 361 B. σὺ μὲν [sc. Σωκράτης]... νῦν σεαυτῷ τἀναντία σπεύδεις, ἐπιχειρῶν ἀποδεῖξαι ὡς πάντα χρήματα ἐστίν ἐπιστήμη, καὶ ἡ δικαιοσύνη καὶ σωφροσύνη καὶ ἡ ἀνδρεία, ᾧ τρόπῳ μάλιστ' ἂν διδακτὸν φανείη ἡ ἀρετή). Если это вѣрно, то добрый совѣтъ Исократа (10. 4) „ἀφεμένους ταύτης τῆς τερθρείας, τῆς ἐν μὲν τοῖς λόγοις ἐξελέγχειν προςποιουμένης, ἐν δὲ τοῖς ἔργοις πολὺν ἤδη χρόνον ἐξεληλεγμένης, τὴν ἀλήθειαν διώκειν" между прочимъ относится и къ Платону. Изъ другихъ сочиненій можно указать на цѣлую главу рѣчи περὶ ἀντιδόσεως (15. 258—269, ср. Münscher, l. c. pg. 253, A. 1). Самая рѣзкая критика, вызванная недавнимъ изданіемъ „Законовъ" Платона, появилась уже послѣ кончины знаменитаго современника (Isocr. 5. 12, ср. Gomperz. Griech. Denker II, pg. 574.). О томъ, какъ недружелюбно Исократъ относился къ Платону, ср. также слова Гомперца въ капитальномъ трудѣ, который я только-что привелъ, Griech. Denker II Bd. 1902, pg. 340 съ соотвѣтствующими примѣчаніями на стр. 574 и слѣд.

[3]) Wilamowitz. Hermes 1900. Bd. 35, pg. 19 In Platon und Isocrates stehen sich diese beiden Mächte [sc. die Rhetorik und die Wissenschaft] in scharfem Gegensatze gegenüber. Platon negirt diese Welt: er negirt auch die Rhetorik т. е. въ томъ видѣ, какъ ее учили и какъ ее практиковали сами софисты въ родѣ Горгія и его учениковъ. Plato. Gorg. pg. 463 B κολακείας μόριον ἡ ὀψοποιική. ὃ δοκεῖ μὲν εἶναι τέχνη, ὡς δὲ ὁ ἐμὸς λόγος, οὐκ ἔστιν τέχνη, ἀλλ' ἐμπειρία καὶ τριβή. ταύτης μόριον καὶ τὴν ῥητορικὴν ἐγὼ καλῶ. Объ истинной риторикѣ Платонъ лучшаго мнѣнія, какъ доказываетъ его Федръ, ср. Gomperz. Griech. Denker II, pg. 335, который относитъ это разногласіе во взглядахъ на риторику на долю самого Платона, отказавшагося отъ своего прежняго дурного мнѣнія.

[4]) Quintil. II. 15, 23. Quidam eam [sc. rhetoricen] neque vim neque scientiam neque artem putaverunt, sed Critolaus *usum dicendi* (nam hoc τριβή significat.)...

Аристотель, видитъ въ риторикѣ нѣчто соприкасающееся съ діалектикою и политикою и опредѣляетъ ее какъ «способность въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣть то, что убѣждаетъ слушателей». Онъ сильно подчеркиваетъ практическое значеніе риторики и ради этой ея полезности для практической жизни принимаетъ ее въ свою школьную программу. Но при этомъ онъ все-таки строго разграничиваетъ ея область отъ области чистой философіи[1]).

Споръ о томъ, есть-ли риторика наука или искусство или нѣкоторая особая „сноровка", не затихаетъ. Стоики называютъ риторику наукою и считаютъ ее, какъ и діалектику, однимъ изъ подраздѣленій логики[2]). Эпикуру занятіе риторикою кажется безполезнымъ, даже вреднымъ препровожденіемъ времени. Эпидейктическими рѣчами, которымъ научишься по правиламъ техники, не добьешься никакой практической цѣли. А на судѣ и на форумѣ риторика далеко не даетъ надежной помощи своимъ адептамъ; они скоро могутъ убѣдиться, что понапрасну истратили большія деньги, платя софистамъ[3]).

Философовъ софисты упрекали въ томъ, что они не провозглашаютъ одной всѣми признанной истины, что эпикуреецъ, стоикъ, академикъ, перипатетикъ проповѣдуютъ разныя истины[4]). Но то-же самое можно было поставить въ упрекъ риторамъ и въ самомъ дѣлѣ это и было сдѣлано[5]).

Софисты, какъ мы раньше видѣли[6]), признавали въ человѣче-

---

[1]) Aristot. rhetor. I. 2 pg. 1356 a 25 sq. ὥστε συμβαίνει τὴν ῥητορικὴν οἷον παραφυές τι τῆς διαλεκτικῆς εἶναι καὶ τῆς περὶ τὰ ἤθη πραγματείας, ἣν δίκαιόν ἐστι προσαγορεύειν πολιτικήν. Aristot. rhetor. I 2 pg. 1355 b 26 sq. ἔστω δὴ ῥητορικὴ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανόν.—Arnim, Dio v. Prusa, pg. 68—72.

[2]) Diog. Laert. VII. 41 ὁ δὲ Κλεάνθης ἓξ μέρη φησί, διαλεκτικόν, ῥητορικόν, ἠθικόν, πολιτικόν, φυσικόν, θεολογικόν... τὸ δὲ λογικὸν μέρος φασὶν ἔνιοι εἰς δύο διαιρεῖσθαι ἐπιστήμας, εἰς ῥητορικὴν καὶ διαλεκτικήν. Arnim, Dio v. Prusa, pg. 77—80.

[3]) Usener, Epicurea, fr. 51. 53. Arnim, Dio v. Prusa, pg. 73—77.

[4]) Isocr. 15. 84, ср. выше примѣч. 3 на стр. 23 и сл. Luc. de paras. 27 ὁμοίως δὲ καὶ τὴν φιλοσοφίαν οὐ κατὰ τὰ αὐτὰ καὶ ὡσαύτως ἔχουσαν, ἑτέρως γὰρ Ἐπικούρῳ δοκεῖ τὰ πράγματα ἔχειν, ἑτέρως δὲ τοῖς ἀπὸ τῆς στοᾶς, ἑτέρως δὲ τοῖς ἀπὸ τῆς Ἀκαδημίας, ἑτέρως δὲ τοῖς ἀπο τοῦ περιπάτου, καὶ ἁπλῶς ἄλλος ἄλλην ἀξιοῖ τὴν φιλοσοφίαν εἶναι.... φιλοσοφίας δὲ πολλὰς καὶ διαφόρους ὁρῶμεν καὶ οὔτε τὰς ἀρχὰς οὔτε τὰ τέλη σύμφωνα πασῶν.

[5]) Luc. de paras. 27. κοινῇ μὲν οὖν ἀμφοῖν διαφέρει καὶ τῆς ῥητορικῆς καὶ τῆς φιλοσοφίας [sc. ἡ παρασιτική], πρῶτον κατὰ τὴν ὑπόστασιν· ἡ μὲν γὰρ ὑφέστηκεν, αἱ δὲ οὔ· οὔτε γὰρ τὴν ῥητορικὴν ἕν τι καὶ τὸ αὐτὸ νομίζομεν, ἀλλ' οἱ μὲν τέχνην, οἱ δὲ τοὐναντίον ἀτεχνίαν, ἄλλοι δὲ κακοτεχνίαν, ἄλλοι δὲ ἄλλο τι.

[6]) стр. 22 сл.

скихъ дѣлахъ рѣшающимъ факторомъ одно только субьективное мнѣніе и тѣмъ отрицали науку. Аристотель, слѣдуя по стопамъ Платона, строго различаетъ понятія: науку-философію и софистику-эристику. Кто преданъ наукѣ, тотъ посвящаетъ себя чисто философской созерцательной жизни, ему чужда практическая жизнь[1]).

Философы, исключая риторику изъ круга учебныхъ предметовъ или допуская ее, все равно, приписываютъ ей только второстепенное значеніе[2]).

Въ III в. д. Р. Хр. философія одержала верхъ надъ риторикою. Всѣ учебные предметы, которые признаны общеобразовательными и къ которымъ между прочимъ и принадлежитъ риторика, строго различаются отъ системы философскаго образованія. Высшею ступенью считалось послѣднее[3]).

Это положеніе измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ греческая риторика, подчинивъ себѣ римскій міръ, получила опять практическое значеніе. Она опять занимаетъ первое мѣсто и философія со своей стороны отводитъ только служебную роль. Жизнь практика опять ставится выше жизни мыслителя[4]).

Потомъ софисты и философы подружились, и школы риторовъ и философовъ продолжали мирно учить другъ подлѣ друга[5]). О существенныхъ спорахъ мы ничего не слышимъ, хотя риторы не всегда дружелюбно относились къ философамъ, какъ доказываетъ грубая полемика Элія Аристида[6]) противъ Платона. Она становится понятной только въ такомъ смыслѣ, что Платонъ служитъ ритору т. ск. козломъ отпущенія, чтобы, нападая на него, задѣть современниковъ-философовъ. Всѣ рѣчи противъ Платона—около 400 печатныхъ страницъ—одна непрерывная цѣпь панегириковъ въ славу краснорѣчія. Философіи Аристидъ предоставляетъ лишь второе мѣсто рядомъ съ риторикою. Именно, посредствомъ софистическаго пріема, риторъ приходитъ къ тому заключе-

---

[1]) Arnim, Dio v. Prusa, pg. 69 sq.

[2]) Arnim, l. c. pg. 68.

[3]) Arnim, l. c. pg. 80 sq.

[4]) Arnim, l. c. pg. 88 sq. Посредствомъ блестящей аргументаціи Арниму (l. c. pg. 97 sq.) удалось установить, кто особенно усердно воевалъ за проведеніе софистическаго принципа воспитанія. Это былъ академикъ Филонъ Ларисскій, учитель Цицерона и главный источникъ его для 3-ей книги сочиненія „de oratore".

[5]) Arnim, l. c. pg. 112.

[6]) Baumgart, Aelius Aristides, pg. 20 sq.

нію, что риторика выше и сильнѣе философіи[1]).

Итакъ, эти послѣдніе представители греческой софистики повторяютъ такія-же ложныя заключенія, какія служили древнимъ софистамъ для опроверженія враждебныхъ имъ мнѣній.

Мм. Гг. и Мм. Гг.! Въ бѣгломъ обзорѣ мы разсмотрѣли три воспитательныхъ идеала древности: *древнѣйшій* идеалъ—стремящійся къ цѣли исключительно путемъ физическаго воспитанія, *софистическій* идеалъ—обѣщающій своимъ приверженцамъ земныя блага, славу и богатство, но за то пріучающій учениковъ къ верхоглядству—и наконецъ *философскій* идеалъ—ведущій къ самопознанію и черезъ него къ познанію истины, насколько это дано человѣку, приготовляющій къ практической жизни не прямо, но только посредственно, развивая всѣ способности человѣка и дѣлая его въ высшей степени способнымъ, разобраться въ жизни, куда его ни кинетъ судьба.

Amicus Plato, sed magis amica veritas—гласитъ древняя пословица. Если дѣло идетъ о выборѣ между Платономъ и истиною, мы не преминемъ держаться этой поговорки. Но тамъ, гдѣ намъ предоставляется выборъ между воспитательными идеалами, примитивнымъ, древне-эллинскимъ, софистическимъ и чисто философскимъ Сократа, Платона и Аристотеля, тамъ, мнѣ кажется, мы ни на минуту не будемъ колебаться, которому изъ нихъ намъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе.

---

[1]) Ael. Aristid. or. XLV ed. Dind. II pg. 82, cf. Baumgart. Aelius Aristides, pg. 34 sq.

А. Покровскій.

О КРАСНОРѢЧІИ У ДРЕВНИХЪ ЕЛЛИНОВЪ.

Рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко 30 августа 1903 г.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке*.

Мм. Гг. Въ составъ нашего годичнаго торжественнаго акта входитъ произнесеніе рѣчи, въ этомъ году Конференціею Института порученное мнѣ, занимающему въ Институтѣ каѳедру древней исторіи.

И въ наше время рѣчи составляютъ обычную принадлежность академическихъ праздниковъ; и теперь произносятся проповѣди, поученія и «собесѣдованія» въ церквахъ; говорятся обвинительныя и защитительныя рѣчи въ судахъ; говорятся рѣчи въ парламентахъ, въ сословныхъ и представительныхъ учрежденіяхъ, на разныхъ «открытіяхъ» и «закрытіяхъ», на съѣздахъ и на сходкахъ; говорятся привѣтственныя, прощальныя, юбилейныя, застольныя, надгробныя рѣчи; читаются публичныя лекціи, какъ читаются лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ или «рефераты» въ ученыхъ обществахъ или на съѣздахъ; устраиваются и «народныя чтенія». Однако, если и нельзя утверждать, что публичныя (или болѣе или менѣе публичныя) рѣчи произносятся теперь все рѣже, то нельзя утверждать и того, что онѣ произносятся все чаще; если нельзя утверждать, что публичное краснорѣчіе продолжаетъ падать, то нельзя утверждать и того, что оно поднимается, или развивается.

Слѣдуетъ-ли намъ жалѣть объ этомъ застоѣ публичнаго краснорѣчія? Слѣдуетъ-ли намъ желать, чтобы и въ этой области, въ области краснорѣчія, гдѣ наблюдался регрессъ, гдѣ наблюдается застой, прогрессъ снова началъ одерживать верхъ надъ регрессомъ и застоемъ? Не является-ли краснорѣчіе чѣмъ-то не смѣющимъ уже претендовать на самостоятельную роль въ общей экономіи нашей культуры, чѣмъ-то окончательно утратившимъ свое общее культурное значеніе и продолжающимъ существовать отчасти — лишь по привычкѣ, какъ «переживаніе», отчасти — лишь какъ спеціальное средство для достиженія спеціальныхъ цѣлей?

Два пути могли бы вести насъ къ рѣшенію этого вопроса — путь теоретическихъ разсужденій и путь историческихъ разъясненій; эти пути представляютъ собою двѣ линіи, не только въ концѣ концовъ

сливающіяся въ одномъ пунктѣ, но и постоянно, на всемъ протяженіи своемъ, близко сходящіяся одна съ другою. Но между точками схожденія этихъ линій, или путей есть одна точка, гдѣ оба эти пути сходятся особенно близко—почти такъ же близко, какъ и въ общемъ своемъ конечномъ пунктѣ.

Лишенный возможности просить васъ, Мм. Гг., послѣдовать за мною по тѣмъ двумъ—слишкомъ уже длиннымъ—путямъ, я могу позволить себѣ только просить васъ остановиться со мною, и то ненадолго, на этомъ ихъ перепутьѣ.

Такое историко-теоретическое перепутье для того, кто идетъ къ рѣшенію любого вопроса, касающагося человѣческой духовной культуры, лежитъ въ области античной—ближайшимъ образомъ, конечно, еллинской—культуры[1]). Кому выпало на долю счастье болѣе-непосредственнаго знакомства съ древними еллинами, тотъ не будетъ удивляться тому поклоненію, тому благоговѣнію, какимъ окружало еллиновъ новое время, особенно, конечно, эпохи стараго и новаго «Возрожденія»; кто знакомъ съ общимъ ходомъ, съ общими тенденціями культурнаго развитія минувшаго вѣка, тотъ не будетъ удивляться силѣ и стремительности прорвавшагося наконецъ потока реакціи противъ этого поклоненія и благоговѣнія[2]). Но замѣчательно то, что, чѣмъ дальше шла эта реакція, чѣмъ меньше стали идеализировать, чѣмъ больше стали развѣнчивать еллиновъ, выдвигая, на счетъ свѣтлыхъ, тѣневыя или даже темныя стороны ихъ культуры, чѣмъ ближе подошли къ нимъ, безъ всякаго благоговѣйнаго трепета, разсматривая, или изучая ихъ не съ раціоналистической, а съ исторической,

---

[1]) Eine anderthalbtausendjährige Periode der Weltkultur,... und diese ist griechisch, denn selbst das ganze Römertum ist nur eine integrierende Provinz derselben (Wilamowitz-Möllendorff—у *Natorp*, Was uns die Griechen sind, S. 24).— Мысль, что Римъ въ культурномъ отношеніи такъ же сталъ провинціей Graeciae captae, какъ въ политическомъ отношеніи еллинскія или еллинизованныя страны стали провинціями Рима, съ особенной настойчивостью выставляется именно римскими писателями, и именно тогда, когда они восхваляютъ Римъ на счетъ Еллады (ср. Cic. Tusc. I, 1 sq., de or. III, 137, Horat. epist. II, 1, особенно Verg. Aen. VI, 847 sqq., съ комментаріемъ къ этому locus rhetoricus *Norden*'a, P. V. M. Aeneis Buch VI., S. 328 ff.).

[2]) Видную роль сыграло тутъ, конечно, и то направленіе (или настроеніе), которое такъ сурово осуждено было античными мыслителями,—напр., Аристотелемъ (τὸ δὲ ζητεῖν πανταχοῦ τὸ χρήσιμον ἥκιστα ἁρμόζει τοῖς μεγαλοψύχοις καὶ τοῖς ἐλευθέροις, Polit. 1338 b) или „Епиктетомъ“ (εὐποιήσεις σὺ τὰ μέγιστα τὴν πόλιν, εἰ μὴ τοὺς ὀρόφους ὑψώσεις, ἀλλὰ τὰς ψυχὰς αὐξήσεις· ἄμεινον γὰρ ἐν μικροῖς οἰκήμασι μεγάλας οἰκεῖν ψυχὰς ἢ ἐν μεγάλαις οἰκίαις ταπεινὰ φωλεύειν ἀνδράποδα, Epict. sent., 86 Elter).

и притомъ реалистической точки зрѣнія,—тѣмъ все яснѣе и яснѣе становилось, что еллинскую культуру слѣдуетъ цѣнить, правда, иначе, чѣмъ ее цѣнили раньше,—но еще больше, чѣмъ ее цѣнили раньше[1]), что непреходящее ея значеніе лежитъ не въ одной только столь отличающей ее цѣльности и гармоничности и не въ однихъ несравненныхъ и недосягаемыхъ совершенствахъ ея литературныхъ и художественныхъ произведеній, а въ томъ, что нигдѣ всѣ творческія силы общечеловѣческой культуры не представлены въ такой простотѣ и непосредственности и, вмѣстѣ, въ такой полнотѣ, какъ въ культурѣ древнихъ еллиновъ; и можно сказать даже, что еллинская культура является не только основой, но и типомъ современной культуры, что въ ней лежатъ тѣ корни, какими питается столь развѣтвившееся въ наше время древо познанія[2]).

Поэтому, Мм. Гг., наиболѣе существенную часть отвѣта на вопросъ: какое значеніе имѣетъ краснорѣчіе въ общей экономіи человѣческой культуры, можно было бы искать въ отвѣтѣ на вопросъ: какое значеніе имѣло краснорѣчіе въ общей экономіи культуры древнихъ еллиновъ? Partem pro toto отвѣта на этотъ послѣдній вопросъ я и хотѣлъ бы предложить вашему вниманію[3]).

---

[1]) „Это не пустое обольщеніе, говоритъ Виламовицъ (*Natorp*, 24), что будущее время—ибо оно лучше будетъ понимать греческую культуру—будетъ ее цѣнить еще гораздо выше". И кажется даже, что какъ въ наукѣ дѣятельно разработываются теперь основанія для повышенія этой оцѣнки (труды такихъ ученыхъ, какъ Rohde, Wilamowitz-Möllendorff, Usener, Gomperz, Ed. Meyer, Pöhlmann, Norden, Hirzel, Reich), такъ и въ широкихъ кругахъ общества подготовляется благодарная почва для воспріятія и распространенія этой повышенной оцѣнки (успѣхъ насквозь проникнутой еллинизмомъ „философіи" Ницше, или пропитанныхъ еллинизмомъ ученій Рэскина, завоеванія классической филологіи въ такой странѣ, какъ Америка, нѣкоторыя новѣйшія вѣянія французской литературной критики).

[2]) *Natorp*, Was uns die Griechen sind (1901); ср. Kaibel, *Deutsche Rundschau*, XXV, 63 f.—„Предѣлы. въ какихъ создавалась культура человѣческая у грековъ,—говоритъ Ренанъ (Histoire du peuple d'Israël, préface)—могутъ, конечно, раздвигаться безъ конца; но всѣ области культуры обнимаются уже этими предѣлами, и прогрессъ вѣчно будетъ сводиться лишь къ развитію того, что создано Греціей."—Болѣе пристальное изученіе греческой научной литературы все больше показываетъ, насколько греки выше своей славы—и въ области математическихъ и естественныхъ наукъ (ср. напр.. Milhaud въ *Rev. d. ét. gr.*, IX, 371 ss.; W. Schmidt. въ *N. Jahrbb. f. d. kl. Alt.* III, 242 ff.; Oder въ *Philologus* S.-B. VII, 231 ff.; Sudhaus, *Aetna*, S. 51 ff.; *Elter*, Columbus u. Geographie der Griechen, 1902; *Huit*, La philosophie de la nature chez les anciens, 1901).

[3]) Я коснусь лишь болѣе общихъ моментовъ преимущественно внѣшней (и преимущественно начальной) исторіи краснорѣчія у еллиновъ,—моментовъ наименѣе,

Весь внѣшній складъ жизни древнихъ еллиновъ отводилъ у нихъ устному слову, устной рѣчи гораздо болѣе видную роль, нежели у другихъ народовъ и въ другія времена[1]). Къ услугамъ устнаго слова всегда оказывалась здѣсь—толпа, если не толпа, то группа, если не группа, то кружокъ людей, готовыхъ выслушать это слово. Еллинское государство всегда было демократическимъ въ своей основѣ; правда, оно бывало часто демократическимъ только въ своей основѣ—столько возводилось на ней монархическихъ или аристократическихъ построекъ; но постройки эти (то воздвигавшіяся, то сносившіяся) воздвигались всегда именно на этой—демократической основѣ. А это значитъ, что внѣшнюю и внутреннюю политику государства обыкновенно опредѣляло

кажется, разработанныхъ въ научной литературѣ.—Для исторіи еллинскаго краснорѣчія много сдѣлано было наукой раньше, много дѣлается теперь, но много еще остается сдѣлать. Матеріалъ, представляемый рѣчами, риторическими руководствами (τέχναι ῥητορικαί), или ихъ фрагментами, и внѣшними свидѣтельствами—о характерѣ или тенденціяхъ краснорѣчія, о внѣшнихъ условіяхъ его развитія, объ отдѣльныхъ ораторахъ и рѣчахъ,—все увеличивающійся путемъ епиграфическихъ, особенно же папирологическихъ находокъ (ср., напр., въ только-что вышедшемъ III томѣ изданія *Grenfell-Hunt*, The Oxyrhynchus Papyri,—№№ 410. 415. 443. 457 sqq.),—еще не достаточно—и далеко не весь—разработанъ детально. Общіе труды представляютъ собою или систематическое, т. е. статическое (безъ вниманія къ историческимъ моментамъ) изображеніе греческой риторики (*R. Volkmann*, Die Rhetorik der Griechen und Römer, 1885), или—какъ выражается Drerup (*N. Jahrbb.* Suppl. XXVII, 219)—„то разсмотрѣніе свойствъ или особенностей писателей, которое, по методу античной критики, анализируетъ стилистически каждаго автора отдѣльно, не восходя до опредѣленія генетическихъ стадій развитія въ послѣдовательной смѣнѣ писателей и эпохъ“ (*F. Blass*, Die attische Beredsamkeit, 3 Abt., 2. A., 1887—98). Тѣмъ больше конечно это игнорированіе бакхилидовскаго: ἕτερος ἐξ ἑτέρου σοφός (οὐδὲ γὰρ ῥᾷστον ἀρρήτων ἐπέων πύλας ἐξευρεῖν) сказывается въ монографической литературѣ (даже у *Rohde*, въ посвященной „греческой софистикѣ императорскаго времени“ главѣ его сочиненія: Der griechische Roman, или въ статьѣ: Die asianische Rhetorik und die zweite Sophistik, Kl. Schr. II, 75 ff.). Въ послѣднее время появилось нѣсколько монографій, знаменующихъ собою рѣшительный поворотъ въ сторону болѣе методическаго изученія не только болѣе частныхъ, но и болѣе общихъ вопросовъ исторіи греческаго краснорѣчія. (*G. Tiele*, Hermagoras. Ein Beitrag zur Geschichte der Rhetorik. 1893.—*H. v. Arnim*, Leben u. Werke des Dio von Prusa. Mit e. Einleitung: Sophistik, Rhetorik, Philosophie in ihrem Kampf um die Jugendbildung. 1898.—*O. Navarre*, Essai sur la Rhétorique grecque avant Aristote. 1900.—N*orden*, Die antike Kunstprosa. 1898.—Wilamowitz, Atticismus u. Asianismus, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Radermacher, Stud. z. Gesch. d. ant. Rhetorik, *Rhein. Mus.* LII ff.—Untersuch. z. ält. griech. Prosalitteratur, herausg. v. E. Drerup, N. *Jahrbb.* S.-B. XXVII, 219 ff.).

[1]) Въ этомъ отношеніи къ еллинамъ (отчасти подъ еллинскими вліяніями) совсѣмъ близко подошли только римляне.

или направляло вѣче съ—нерѣдко многочисленнымъ—«совѣтомъ» народныхъ представителей; это значитъ, что судебное разбирательство производилось обыкновенно или всѣмъ народомъ—вѣчемъ, или судебными комиссіями вѣча, судомъ—нерѣдко весьма многочисленныхъ—присяжныхъ, или по крайней мѣрѣ передъ народомъ[1]). Сама природа—т. е. климатическія условія вели къ тому, что всѣ не занятые государственною службою или какою-либо работой въ полѣ или въ мастерскихъ еллины извѣстную часть дня—особенно дополуденное время[2])—проводили на своихъ вѣчевыхъ или базарныхъ площадяхъ[3]); отдѣльными группами сходились граждане, особенно въ холодные или ненастные дни, въ болѣе древнія и простыя времена въ кузницахъ, потомъ въ цырульняхъ, въ разныхъ мастерскихъ и лавкахъ, въ томъ числѣ впослѣдствіи и въ книжныхъ[4]); но воздвигались и особыя зданія, гдѣ бы можно было собираться гражданамъ, соединяя полезное съ пріятнымъ, заботу о corpus sanum съ заботой о mens sana, физическія упражненія или удо-

---

[1]) Ср. *Приложеніе*.—Демократическую организацію, т. е. свои вѣча, имѣли обыкновенно и разныя политическія дѣленія гражданъ (вродѣ филъ, фратрій, демовъ) и частныя ихъ сообщества (θίασοι, σύνοδοι), складывавшіяся или составлявшіяся съ сакральными, экономическими, гимнастическими, эстетическими и другими цѣлями.

[2]) Эта часть дня—по-нашему 9—12 час. утра—и носила характерное названіе πλήθουσα ἀγορά (ср. CIA I 57: ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων πληθύων), ἀγορῆς πληθώρη (Herod. II 173. IV 181. VII 223; Thuc. VIII 92; Xen. Mem. I 1, 10; Dittenb. S.[2] 552, 38; Diod. XIII, 48; Athen. VI 270 d. XII, 533 d.; Suid. ἀγορᾶς ὥραν, περὶ πλήθουσαν ἀγοράν; ср. ἀγορῆς διάλυσις, Herod. III 104).

[3]) Объ этомъ говорятъ и свидѣтельства греческой литературы (ср. [Demosth.] XXV, 51 sq.), и показанія греческой архитектуры, особенно столь обычныя ей (еще съ „микенской“ эпохи) стои (какъ самостоятельныя сооруженія или какъ части другихъ зданій).—[Dicaearch.] π. πόλ. I 12: τὴν μὲν ἀγορὰν κατάδενδρον, πᾶσαν στοαῖς ἀνειλημμένην διτταῖς; ср. о посадкѣ платановъ на агорѣ, какъ о мѣрѣ „демагогической“,—Plut., Cim. 13; Praec. ger. reip. 24.—Οἱ περιιόντες (περιέρχεσθαι κατὰ τὴν ἀγοράν,—ср. ambire)—обычный терминъ у Демосѳена (IV 10. 48; VI 14; XVIII 158. 323; XIX 225. 288; ср. Aeschin. III 213).

[4]) Кузницы въ этой роли уже ко временамъ „Гомера“ и Гесіода вошли въ пословицу (Od. XVIII, 328; Hes. op. 493; ср. Teletis r. p. 25 Hense), какъ впослѣдствіи цырульни, ἄοινα συμπόσια (Plut. qu. conv. VII, 10; ср. Aristoph. Plut. 337; Plut. de garrul. 7).—Lys. XXIV, 20: ἕκαστος γὰρ ὑμῶν εἴθισται προσφοιτᾶν ὁ μὲν πρὸς μυροπώλιον, ὁ δὲ πρὸς κουρεῖον, ὁ δὲ πρὸς σκυτοτομεῖον, ὁ δ' ὅποι ἂν τύχῃ. Arist. Rhet. 1411 a: ὁ Κύων (ἐκάλει) τὰ καπηλεῖα τὰ Ἀττικὰ φιδίτια (ср. Isocr. XV 287). О книжныхъ лавкахъ—Diog. L. VII 2 sq.—Ср. *Hermann-Blümner*, Gr. Privatalt., 121 ff. 132 ff. 499 f. *Wachsmuth*, Die Stadt Athen, II, 305 ff. и *Histor. Taschenb.* XII, 291 ff.

вольствія съ умственными[1]); такого-рода зданія устраивались государствомъ (городомъ) или его «благодѣтелями» для всѣхъ гражданъ, устраивались и отдѣльными группами гражданъ[2]), устраивались потомъ и частными лицами[3]). Само собою разумѣется, что собирались и на званыхъ обѣдахъ или пирахъ (симпосіяхъ), на разныхъ частныхъ, или

---

[1]) Γυμνάσια, παλαῖστραι, βαλανεῖα, λουτρά, λουτρῶνες, ἀλειπτήρια, ἀλείμματα, ἀποδυτήρια (ср. GDI 4250: καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἀποδυομένων εἰς τὸ γυμνάσιον), ᾠδεῖα, σκιάδες, μουσεῖα, λέσχαι, οἶκοι, δοῦμοι, στατίωνες (stationes), ἐξέδραι, ξυστοί и проч.—Γυμνάσια или παλαῖστραι (также и βαλανεῖα) устраивались для разныхъ возрастовъ; такъ, на Іасосѣ было четыре государственныхъ γυμνάσια—для [παῖδες], ἔφηβοι, νέοι, πρεσβύτεροι (*Rev. d. ét. gr.* VI, 157 s.); ср. надписи милетскія: γυμνασιαρχήσαντα τῆς γερουσίας καὶ τῶν νέων (*Ath. Mitth.*, XVIII, 258) и γυμνασιαρχήσαντα πάντων (CIG 2885; *Haussoullier*, Et. s. l'hist. de Milet, p. 264 s.), самосскую: οἱ ἀλειφόμενοι ἐν τῇ γεροντικῇ παλαίστρᾳ (*Bull. de corr. hell.*, V. 481), кимскую: ὄνθεντα τὸ βαλάνηον τοῖς νέοισι (GDI 311); замѣтимъ кстати, что группировка гражданъ по возрастамъ была вообще одной изъ очень важныхъ сторонъ античнаго быта, какъ это уясняетъ *Usener*, Über vergleichende Sitten-und Rechtsgeschichte (S.-A. a. d. Hess. Bl. f. Volksk., 1902), 39 ff. (епиграфическій матеріалъ—у *Ziebarth*, Das griechische Vereinswesen, 110 ff.).—Въ болѣе-позднихъ надписяхъ въ числѣ „благодѣяній", оказываемыхъ государству (городу) его „благодѣтелями", очень часто упоминается ἐλαίου θέσις, ἔν τε γυμνασίοις καὶ βαλανείοις, παντὶ ἐλευθέρῳ καὶ δούλῳ (ср. IGS I 2712; IG Pel. I 597. 606. Dittenb.² 420. 527; Michel, 159. 327. 544).—Одни изъ перечисленныхъ учрежденій имѣли въ виду гл. обр. φιλογυμναστίαν, другія φιλοσοφίαν (Plat. Symp. 182 C), или φιλομουσίαν, третьи—и то, и другое; о соединеніи φιλογυμναστία съ φιλοσοφία—ср. Plut. Nic. 12; Alcib. 17; de def. or. 6; Paus. X, 25, 1; Vitr. V, 11; Theophr. Char., V, 10 (ср. также Ditt² 521, 33 sqq. 84 sq.; CIA II 471, 19 sq.). Общаго трактованія относящихся сюда вопросовъ, на основаніи новыхъ (археологическихъ и епиграфическихъ) данныхъ, пока не имѣемъ. О gymnasium ср. Fougères у *Daremberg-Saglio*, II, 1684 ss.; о лесхахъ (основное значеніе ихъ остается не выясненнымъ)—Δραγουμης въ *Ath. M.* XVII, 147 ff.; *Duemmler*, Kl. Schr. II, 147 ff.; Фармаковскій въ *Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ*, IV, 152 сл.; Bourguet у *Daremberg-Saglio*, III, 1103 s.

[2]) Таковы были упоминаемыя еще у Гомера (Od. XVIII 329) и Гесіода (op. 493) λέσχαι, въ которыхъ указываютъ (ср. *Ath. M.* XVII, 149) прототипъ нашихъ клубовъ. Такія λέσχαι, οἶκοι и т. п. (ср. stationes, scholae) имѣли отдѣльныя группы гражданъ родоваго или коллегіальнаго характера, особенно на чужбинѣ (землячества, или „колоніи", торговыя или промышленныя компаніи, также οἱ περὶ Διόνυσον τεχνῖται). Зерно, изъ котораго развились эти λέσχαι или οἶκοι, можно видѣть въ „переживавшихъ" на сакральной почвѣ σκηναί (Ditt.² 169. 653. 177. 562. 581 587. Mich. 720. BCH. XI 380. XV 175) или σκιάδες (Athen. 141 f).

[3]) Съ комерческими цѣлями (особенно βαλανεῖα) или изъ тщеславія. Ср. Theophr. Char. V 9 sq.: κτήσασθαι... αὐλίδιον παλαιστριαῖον κόνιν ἔχον καὶ σφαιριστήριον· καὶ τοῦτο περιιὼν χρηννύναι τοῖς φιλοσόφοις τοῖς σοφισταῖς τοῖς ὁπλομάχοις τοῖς ἁρμονικοῖς ἐπιδείκνυσθαι· καὶ αὐτὸς ἐν ταῖς ἐπιδείξεσιν ὕστερον ἔπεισιν ἐπὶ [τῷ εἰπεῖν τὸν ἕτερον] τῶν θεωμένων πρὸς τὸν ἕτερον, ὅτι τούτου ἐστὶν ἡ παλαίστρα.

мѣстныхъ праздникахъ[1]). На празднества, устраивавшіяся государствомъ[2]), сходилось все гражданское, иногда и не-гражданское населеніе, нерѣдко и граждане сосѣднихъ государствъ, а на иныя празднества сходились или съѣзжались официальные и неофиціальные представители различныхъ еллинскихъ государствъ, богомольцы чуть не со всѣхъ концовъ еллинскаго міра.

Итакъ, устное слово въ древней Елладѣ всегда могло расчитывать на такую или иную, иногда (какъ на празднествахъ, особенно въ Олимпіи или въ Дельфахъ) и на очень большую аудиторію: слишкомъ мало оно рисковало здѣсь возможностью оказаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Оно не наталкивалось здѣсь и на чисто-внѣшнія препятствія: за болѣе или менѣе случайными исключеніями еллины дорожили и гордились и своей свободой слова, и свободой у себя слова[3]).

---

[1]) Пиры и празднества у еллиновъ стояли въ тѣсной внутренней связи между собою и съ богослуженіями (какъ и у древняго Израиля—ср. *Wellhausen*, Proleg. zur Geschichte Israels, 54 f. 71 ff.).

[2]) Эти πανηγύρεις (ἀνάπαυλαι τῶν πόνων, какъ называютъ праздники Периклъ у Өукидида, II. 38, и Платонъ, Leg. 653 D) устраивались еллинскими государствами вообще очень часто (*Schoemann-Lipsius*, Gr. Alt., II, 158 f.).

[3]) Ἡ ἀπὸ τοῦ αἰῶνος αὐθιγενὴς καὶ αὐτόχθων ἐλευθερία τῶν Ἑλλήνων (по выраженію Нерона, Ditt.[2] 376, 37 sq.) сказывались и въ ихъ παρρησία, которая съ гражданъ распространилась и на не-гражданъ (ср. Eurip. Ion 670 sqq. Phoen. 390 sq.; Plat. Leg. 806 D; Telet. r. 15 sq. Hense; Plut. de exil. 16) и съ политической жизни (ср. ἰσηγορίη у Herod. V 78; ἰσηγορίας καὶ παρρησίας καὶ καθόλου δημοκρατίας Polyb. II, 38, 6. 42, 3; Eurip. Hippol. 421 sqq. Heraclid. 181 sqq. Suppl. 353 sqq.; Plat. Leg. 694 B) перенесена была и на жизнь не-политическую.—Законы, по крайней мѣрѣ аѳинскіе, старались конечно упорядочить, и съ внѣшней, и съ внутренней (ср. Aeschin. I 35; Antiph. VI 9) стороны, парресію на вѣчѣ, въ совѣтѣ, въ судѣ (ср. *Hermann-Thumser*, Gr. St.-Alt.[6], 516 ff. 577 ff.; о клепсидрѣ—*Keil*, Anonymus Argentinensis, 235 ff.; таковъ же, вѣроятно, былъ и общій смыслъ стиховъ: ἄρχειν μὲν βουλῆς θεοτιμήτους βασιλῆας πρεσβυγενέας τε γέροντας, ἔπειτα δὲ δημότας ἄνδρας εὐθείαις ῥήτραις—т. е. рѣчами, μύθοις—ἀνταπαμειβομένους, Plut. Lyc. 6. Diod. VII 12 V.; ср. законъ объ εὐκοσμία Іобакховъ, Ditt.[2] 737); сюда же относятся и аѳинскіе законы, запрещавшіе κακῶς ἀγορεύειν и ζῶντα, и особенно τὸν τεθνηκότα (*Hermann-Thalheim*, Gr. R.-A., 40 ff.; ср. не указанное тамъ очень характерное мѣсто: Hyperid. IV, 3 Bl.). Нѣкоторые законы заключали въ себѣ заклятіе (ср. *Hermes*, XXX, 61 ff) или прямое запрещеніе выступать (ῥήτορι εἰπεῖν, ἀγορεύειν) съ предложеніемъ объ ихъ отмѣнѣ или измѣненіи (ср. Ditt[2]. 19. 80. 523. 933. Mich. 363). Необходимость для оратора считаться съ возможностью γραφῆς παρανόμων (ср. разсказы о законахъ Залевка или Харонда, Stob. Fl. XLIV, 40; Polyb. XII, 16; Diod. XII, 16 sqq.; Demosth. XXIV, 140 sqq.), какъ раньше съ остракизмомъ (внутреннюю связь остракизма съ γρ. παραν. хорошо уясняетъ *Mahaffy*, Problems in Greek History, 87 s.), переноситъ насъ уже изъ области законодательной въ область практической политики,—въ область борьбы политическихъ партій (такъ еще

Если, такимъ образомъ, устное слово находило себѣ благодарную почву во всемъ складѣ жизни еллиновъ, то, съ другой стороны, и самый страшный, самый опасный врагъ устнаго слова,—какимъ является письменность,—хотя и пріобрѣлъ себѣ у еллиновъ большую—со временемъ даже слишкомъ большую—силу[1]), однако все-же далеко не

въ ἀγορῇ 2-й пѣсни Иліады), борьбы конечно, требовавшей и отъ ораторовъ (какъ таковыхъ) и жертвъ, и самопожертвованій (ἡ Διομήδεια λεγομένη ἀνάγκη, Plat. Resp. 493 D). Въ связи съ борьбой политическихъ партій или направленій стоятъ и случаи преслѣдованія отдѣльныхъ свободныхъ мыслителей; къ сожалѣнію, извѣстія объ этихъ случаяхъ слишкомъ не отчетливы, какъ не вполнѣ разясненной остается (ср. *Pöhlmann*, Sokrates und sein Volk, 1899; *Beyschlag*, Die Anklage des Sokrates, 1900; *Menzel*, Untersuchungen zum Sokrates-Prozesse, 1902) и казнь Сократа; не отчетливы наши свѣдѣнія и о прямо направленныхъ противъ „философовъ" аѳинскихъ законахъ Діопейѳа и Софокла.—Очевидно, свобода слова въ Елладѣ не была полной (ср. Государство и Законы Платона); однако же она и не граничила такъ близко съ нетерпимостью, какъ старается представить *Scheichl*, Das Griechentum und die Duldung (1903): ограниченія свободы слова были здѣсь не правиломъ, а исключеніями—уже потому, что были не систематическими, а случайными (ad hoc или ad hominem). Ср. *Pöhlmann*, Sokrates, 112 ff. *Gomperz*, Gr. Denker I², 353. 463. 471; II², 90 ff. *E Meyer*, Gesch. d. Alterth., IV, 102 ff. 277 f. 488 f. V, 224 ff. *Bernays*, Phokion, 107 ff. Decharme, *Mélanges Perrot* 73 ss. *Wilamowitz*, Antigonos v. Kar., 270 ff. *Susemihl*, G. d. gr. Litt. d. Alexandriner Zeit, I, 553 f.

[1]) Письменность существовала на территоріи еллинскаго міра, какъ показали послѣднія критскія раскопки (*Evans*, Cretan pictographs and praephoenician script. 1895; Zahn, *Arch. Anzeiger*, 1901, 21 ff.; ср. также R. Weil въ *Rev. archéol.*, 1903, I, 213 ss.), еще во II-мъ тысячелѣтіи до Р. X., и быть-можетъ отчасти на почвѣ кое-какихъ пережитковъ (ср. кипрское письмо) этой—раздѣлившей участь „микенской" культуры—письменности появились потомъ (къ VIII стол.?) въ культурныхъ центрахъ Еллады φοινικήια (ср. φοινικογράφος IG Ins. II, 93 sq.); въ VII столѣтіи еллинская письменность оказывается уже вполнѣ окрѣпшей и прочно утвердившейся; дальнѣйшему ея распространенію содѣйствуетъ появленіе болѣе удобнаго писчаго матеріала, т. е., кромѣ металлическихъ, каменныхъ, деревянныхъ „досокъ" (ср. „доски" Псковской судной грамоты), кромѣ кожи (διφθέραι—отсюда litterae),—папируса (съ VI в.?), потомъ (со II в. до Р. Хр.?) и пергамена (ср. *Dziatzko*, Untersuch. üb. d. ausgew. Kap. d. antiken Buchwesens, 14 ff. 129 ff.). Еллины (одни, конечно, какъ аѳиняне, больше, другіе, какъ лакедэмоняне, меньше) любили выражать себя какъ въ устномъ словѣ, какъ въ искусствѣ, такъ и въ письмѣ—и не только κατὰ τὸ παρόν, а и ἐς ἀεί, εἰς τὸν πάντα χρόνον (Thuc. I 22; Pol. II 56, 10), ὅπως ἂν εἰδῶσι ἅπαντες, ὅπως ἂν καὶ εἰς τὸν λοιπὸν χρόνον εἰδῶσι (какъ часто читаемъ въ аѳ. надписяхъ). Число греческихъ надписей очень замѣтно возрастаетъ еще въ VI столѣтіи; примѣненіе письменности для литературныхъ цѣлей очень замѣтно расширяется въ Аѳинахъ 2-ой полов. V в. (Herod. IV 36; Xen. Mem. I 6, 14; IV 2, 10; ср. *Wilamowitz*, Euripides Herakles, I² 120 ff.), а къ концу того же столѣтія появляются и βιβλιοπῶλαι. Съ тѣхъ поръ—особенно же съ „александрійской" эпохи—книжное дѣло быстро развивается и организуется, насколько то было возможно при пользованіи буквами не механической, а ручной работы (ὄργανα

успѣлъ еще пріобрѣсти себѣ такую силу, чтобы между устной и письменной рѣчью сталѧ возможной борьба не на жизнь, а на смерть: такая борьба стала возможной лишь со времени распространенія книгопечатанія.

«Десяти языковъ, десяти устъ» было бы мало, чтобы исчислить всѣ выгоды, какія получила человѣческая культура отъ изобрѣтенія письменности и затѣмъ печатанія. «Кто могъ-бы—восклицаетъ Діодоръ—кто могъ-бы сложить достойное похвальное слово грамотности?» Онъ самъ однако вписываетъ въ свою исторію такое похвальное слово[1]); не разъ прославленіе письменности встрѣчаемъ мы и въ другихъ, какъ поэтическихъ, такъ и прозаическихъ произведеніяхъ греческой литературы[2]). И любопытно, что прославленіе это сводится тутъ обыкновенно къ тѣмъ-же пунктамъ, къ какимъ сводится прославленіе письменности или книгопечатанія и въ новой или въ современной литературѣ[3]). Какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается обыкновенно на то, что письмо или печатаніе далеко раздвигаетъ тѣ границы, какія существуютъ, и въ пространствѣ, и во времени, для слова произносимаго устно; какъ здѣсь, такъ и тамъ указывается на важное значеніе письма въ области права и правосудія, въ дѣлѣ фиксированія или публикованія законовъ, въ дѣлѣ документированія договоровъ и сдѣлокъ.

Но, подобно своимъ «софистамъ», греки вообще любили судить о каждомъ предметѣ съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, противо-

---

ἔμψυχα) и не бумагой, а папирусомъ (или пергаменомъ). Ср. Dziatzko, Bibliotheken, Buch, Buchandel, у *Pauly-Wissowa*, III, 405 ff. 939 ff.; Wünsch, Charta, ibid. 2185 ff.; *Birt*, Das antike Buchwesen (1882); *Dziatzko*, Untersuchungen (1900).—О развитіи скорописи у др. грековъ—*Larfeld*, Handb. d. griech. Epigraphik, II, 537 ff., и *Gitlbauer*, Studien z. griech. Tachygraphie (1903); ср. *Arnim*, Dio v. Prusa, 174 ff.—О тайнописи—Aen. c. poliorc. 31.

[1]) Diod. XII, 13. Трудно, конечно, рѣшить, въ какой мѣрѣ это ἐγκώμιον τῆς τῶν γραμμάτων μαθήσεως принадлежитъ самому Діодору; быть-можетъ дѣло не обошлось тутъ безъ участія если не Тимэя, то Посейдонія (ср. Bachof въ *N. Jahrbb.*, CXIX, 161 ff.; Busolt, ibid. CXXXIX, 297 ff.).

[2]) Ср. Aeschyl. Prom. 460 sq.; Eurip. Palam. fr. 582 N²; Антифанъ у Athen. 450 e sqq., Филемонъ у Stob. Anth. II p. 29 W. (Kock CAFII 95. 481); Gorg. Palam. 30; Isocr. XII, 209. [Hippocr.] de diaeta, 23. Ср. также Herod., προοίμιον; Plat. Tim. 23 A sqq. Crit. 109 D sq. Характерна видная роль, какая отводится въ трагедіяхъ (напр., въ Ἱκέτιδες Эсхила, въ Τραχίνιαι Софокла, въ Ἰφιγένεια ἐν Ταύροις, Ἰφιγ. ἡ ἐν Αὐλίδι и Ἱππόλυτος στ. Еврипида) письменнымъ договорамъ, завѣщаніямъ, оракуламъ, письмамъ.

[3]) Ср., напр., *Wuttke*, Die Entstehung der Schrift, 3 ff. *L. v. Stein*, Die Verwaltungslehre, VI, 9 ff. *Лакомбъ*, Соціол. основы исторіи (De l'histoire considérée comme science), 163 сл.

поставлять всякому сужденію другое, прямо ему противоположное. Если одни самымъ рѣшительнымъ образомъ восхваляли прогрессъ человѣческой культуры, гордились ея успѣхами, прославляли «изобрѣтателей»—въ томъ числѣ изобрѣтателей письма[1],—какъ благодѣтелей человѣчества, то другіе, напротивъ, не обольщаясь внѣшними культурными успѣхами, расшатавшими былую устойчивость, простоту, «мѣрность» нравовъ и понятій, склонны были видѣть въ новыхъ изобрѣтеніяхъ и пріобрѣте-

[1]) Въ качествѣ εὑρετής τῶν γραμμάτων у Эсхила является Прометей (Prom. v., 460: ἐξηῦρον... γραμμάτων συνθέσεις; ср. 506: πᾶσαι τέχναι βροτοῖσιν ἐκ Προμηθέως). Στησίχορος δὲ Παλαμήδην εὑρετὴν αὐτῶν ποιεῖται, ᾧ συμφωνεῖ καὶ Εὐριπίδης (Schol. Dion. Thr. p. 786 B.); у Еврипида (fr. 582 N.[2]) Паламедъ говоритъ: τὰ τῆς γε λήθης φάρμακ' ὀρθώσας μόνος, ἄφωνα καὶ φωνοῦντα συλλαβάς τε θεὶς ἐξεῦρον ἀνθρώποισι γράμματ' εἰδέναι; у Горгія (Palam. 30) Паламедъ прославляется какъ εὑρὼν γράμματα. Παλαμήδης, имя котораго стоитъ въ связи съ παλάμη (=τέχνη Hesych.) и съ именемъ: Παλαμάων (Паламаонъ выступаетъ въ роли Гефэста или въ роли отца Дэдала; кстати: *имя* Παλαμάων=Μαχάων, ср. χειρομάχα, οὔτε τέχνα οὔτε μαχανᾷ), относится, кажется, къ тому кругу сказаній, который сложился на почвѣ знакомства съ вещественными и невещественными слѣдами „микенской" культуры или эпохи: недаромъ онъ—сынъ Ναύπλιος'а (ср. Strab. 368: ἐφεξῆς δὲ τῇ Ναυπλίᾳ τὰ σπήλαια καὶ οἱ ἐν αὐτοῖς οἰκοδομητοὶ λαβύρινθοι· κυκλώπεια δ' ὀνομάζουσιν; о найденномъ въ Навпліи „микенскомъ" сосудѣ съ Henckelinschrift—'Εφ. ἀρχ. 1895, 261, π. 11; *Evans* Cret. pict. 18), недаромъ онъ тяготѣетъ (кромѣ Арголиды) къ Востоку, или по крайней мѣрѣ къ Лесбосу и Троадѣ (сводъ данныхъ о Паламедѣ—у Lewy, въ *Roschers Mythol. Lex.*, III, 1264 ff.; о Palmithe у этрусковъ—Pauli, ib. 1343 f.).—Очень опаснымъ соперникомъ Паламеда въ роли εὑρετής τῶν στοιχείων, по другимъ—въ роли только посредника между Финикіей и Элладой, т. е. между финикійской и эллинской азбукой, является Кадмъ (ср. Crusius, *Rosch. Myth. L.*, II, 871 ff. 892); иные прибавляли, что раньше Кадма (πρὸ Κάδμου) перенесъ τὰ στοιχεῖα въ Элладу Данай (Sch. in Dion. Thr. 783 B.). Кадмъ, какъ и Данай,—у Μιλησιακοὶ συγγραφεῖς, начиная, повидимому, съ Гекатэя (сюда относится и измышленіе о Κάδμος Μιλήσιος, ὃς πρῶτος κατά τινας συγγραφὴν ἔγραψε καταλογάδην, Suid.; ср Dionys. de Thuc. 23); Кадмъ какъ ὁ τῶν γραμμάτων Ἕλλησιν εὑρετής—у Ефора, какъ τῆς Φοινίκων εὑρέσεως διάκτορος (ср. Herod. V 28 sq.)—у Аристотеля, если не въ [аристотелевскомъ] Πέπλος (ср. Arist. fr. 501. 638 R.; *Wendling* de Peplo Aristot., 6 sqq. 61 sqq.; Schmid, *Philologus*, LII, 373 ff.). Кадмъ помѣщенъ былъ во главѣ исторіи греческой письменности, когда признана была зависимость греческаго алфавита отъ финикійскаго; но письменность египетская оказывались болѣе древней, нежели финикійская: отсюда—ссылки на Даная (или Кекропа, Tac. Ann. XI, 14); ср. разсказъ о найденномъ при Агесилаѣ въ галіартской гробницѣ Алкмены πίναξ ἔχων γράμματα παμπάλαια, причемъ ὁ τύπος τῶν χαρακτήρων былъ ἐμφερέστατος Αἰγυπτίοις (Plut. de gen. Socr., 5 sqq.). У Платона (Phaedr. 274 D) изобрѣтаетъ буквы египетскій богъ или δαίμων (εἴτε τις θεὸς εἴτε καὶ θεῖος ἄνθρωπος, Phileb. 18 B) Θεύθ, т. е. Тотъ,—онъ же Ἑρμῆς Τρισμέγιστος, Plut. qu. conv. 9 (ср. *Б. Тураевъ*, Богъ Тотъ, 159 сл.); рядомъ съ Гермесомъ ставятъ Исиду гимны, посвященные ей на Іосѣ (въ ритмической прозѣ) и на Андросѣ (въ стихахъ), Kaibel, *Epigr. Gr.* p. XXI; № 1028.—Послѣ-аристотелевскіе ученые старались точнѣе распредѣлить и опредѣлить роли Кадма и Паламеда, или подѣлить между Паламедомъ и другими εὑρεταί

ніяхъ культуры не прогрессъ, не приближеніе къ идеалу, а напротивъ—удаленіе отъ идеала, отъ оставшагося позади «золотаго вѣка».—того вѣка, когда богоподобные люди были такъ близки къ человѣкоподобнымъ богамъ: тогда не было и письменности, и однако люди жили лучше, и людямъ жилось лучше, чѣмъ теперь, послѣ всѣхъ ихъ столь-препрославленныхъ культурныхъ успѣховъ[1]).

Такъ и относительно значенія письменности оказались возможными δύο λόγοι ἀντικείμενοι ἀλλήλοις. Пользу примѣненія письменности для научно-литературныхъ цѣлей оспариваетъ миѳъ, разсказанный въ платоновомъ діалогѣ «Фэдръ». Египетскій демонъ Θεύθ изобрѣлъ разныя искусства и между ними письмена; самъ онъ, конечно, очень доволенъ этимъ своимъ изобрѣтеніемъ и хвалится имъ предъ мудрымъ царемъ египетскимъ. «Письменность, говоритъ онъ, сдѣлаетъ египтянъ обладающими и большею мудростью, и лучшею памятью: открыто средство для памяти и мудрости (μνήμης τε καὶ σοφίας φάρμακον εὑρέθη)» — «О, Θεύθ, —отвѣчаетъ царь —одному дано изобрѣтать, другому—судить о томъ, какую долю вреда, какую долю пользы принесутъ тѣ изобрѣтенія»[2]). По мысли мудраго царя, письмо быть-можетъ и больше способно сохранить, консервировать ту или другую мысль, нежели человѣческая память; но, стремясь не только служить подспорьемъ для памяти[3]), но и замѣнять собою самую память, не ослабляетъ-ли оно тѣмъ живую

или ζηλωταί (вродѣ Симонида или Епихарма) буквы греческаго алфавита (цитаты, кромѣ приведенныхъ выше, достаточно подробно указаны у Lewy, *Rosch. Myth. L.*, III, 1268 f.). На мѣсто Паламеда ставили потомъ (такъ Діонисій ὁ κυκλογράφος у Diod. III 67; ср. Tac. ann. XI, 14) Лина: φησὶ (Διονύσιος) Λίνον Κάδμου κομίσαντος ἐκ Φοινίκης τὰ καλούμενα γράμματα πρῶτον εἰς τὴν Ἑλληνικὴν μεταθεῖναι διάλεκτον, καὶ τὰς προσηγορίας ἑκάστῳ τάξαι καὶ τοὺς χαρακτῆρας διατυπῶσαι; этими τοῖς Πελασγικοῖς γράμμασι писаны были и сочиненія, или ὑπομνήματα Лина. У Zenob. Cent. IV, 45 Кадмъ убиваетъ Лина за желаніе ввести ἴδια γράμματα, но ѳивяне изгоняютъ Кадма (Καδμεία νίκη). Ср. Greve, *Rosch. M. L.*, II. 2056 ff. Линъ относится къ тому же—указанному выше—кругу сказаній, что и Паламедъ; не внѣ связи съ этимъ кругомъ сказаній стоятъ, впрочемъ, и Кадмъ (Ѳивы) или Данай (Аргосъ).

[1]) Ср. *Gomperz*, Griech. Denker I', 311 ff. II, 115 f. *Billeter*, Griech. Anschauungen über die Ursprünge der Kultur (1901). *Apelt* Die Ansichten d. griech. Philosophen üb. d. Anfang d. Cultur (1901) Graf. *Leipz. Stud.*, VIII, 1 ff. *Pöhlmann*, Gesch. d. ant. Kommunismus u. Sozialismus, I, 109 ff.; II, 3 ff. *Rohde*, Gr. Rom². 210 ff. *Dümmler*, Akademika, 216 ff. Norden. *N. Jahrbb.*, S.-B. XIX, 411 ff. *Hirzel*, Αγραφος νομος, 75 ff. *Gruppe*, Griech. Mythologie, 447 ff.

[2]) Plat. Phaedr. 274 C—275 A.

[3]) Plat. Phaedr. 275 C—D 276 D. Ср. Leg. 811 E.

память, не убиваетъ-ли живую воспріимчивость къ слову?[1]) Письмо быть можетъ и содѣйствуетъ больше, нежели устная рѣчь, распространенію знанія или знаній; но если устное слово можетъ знать, къ кому оно обращается, то слово письменное не можетъ знать, кто къ нему обратится, кто и какъ имъ воспользуется. А вѣдь далеко не всякій съумѣетъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ,—такъ, какъ того желалъ-бы авторъ сочиненія. Читателю самому, безъ личнаго руководства автора, трудно разобраться въ сочиненіи, расчитанномъ можетъ-быть лишь на тѣсный кружокъ посвященныхъ. Но еще труднѣе ему разобраться—сдѣлать надлежащій выборъ—среди все новыхъ и новыхъ выходящихъ въ свѣтъ сочиненій[2]). А между тѣмъ,—разсуждаетъ царь,—кое-какъ нахватавшись мудрости изъ разныхъ—быть-можетъ случайно подвернувшихся подъ-руку—сочиненій, иной читатель будетъ считать себя многознающимъ, на самомъ дѣлѣ оставаясь невѣждой,—будетъ думать, что онъ мудрецъ и на самомъ дѣлѣ, тогда какъ онъ только лжемудрецъ, кажущійся мудрецъ, не *σοφός*, а *δοξόσοφος*[3])... Не безъ основаній предполагаютъ[4]), что Платонъ передаетъ здѣсь подлинныя мысли своего великаго учителя; мы знаемъ, что Сократъ ничего не писалъ[5]),—какъ потомъ и нѣкоторые другіе видные философы, напр., Аркесилай или Карнеадъ[6]).

Не оставлены были безъ возраженій и указанія на благодѣтельную роль письменности въ сферѣ «международныхъ»[7]) и гражданскихъ

---

[1]) Plat. Phaedr. 275 A. 276 A. Cp. Leg. 814 C sq.

[2]) Plat. Phaedr. 275 A—278 B. Cp. Theaet. 164 E. 169 D sq 171 C. 184 A. Protag 329 A. 347 D. sq Cp. также вылазки противъ діалога „Фэдръ“ у Исократа, κατὰ τῶν σοφιστῶν, XIII, 12 sq.

[3]) Plat. Phaedr. 275 A—B.

[4]) Cp. *Bruns*, D. literarische Porträt d. Griechen, 225 ff.

[5] Schanz, *Hermes*, XXIX, 597 ff, даже разсказъ о томъ, что Сократъ складывалъ стихи въ тюрьмѣ, считаетъ измышленіемъ Платона (Phaed. 60 D sqq.).

[6]) Plut. de Alex. fort. 1, 4: καίτοι γε οὐδὲ Πυθαγόρας ἔγραψεν οὐδὲν οὐδὲ Σωκράτης οὐδὲ 'Αρκεσίλαος οὐδὲ Καρνεάδης, οἱ δοκιμώτατοι τῶν φιλοσόφων. О Карнеадѣ—ср. Diog. L. IV 65; къ нему повидимому (ср. Crönert, *Hermes*, XXXVIII, 365) относится и показаніе: αὐτὸς τῆς συγγρα[φῆς] ἀπέστη въ Academicorum philos. Index Herc. p. 66 Mekler; объ Аркесилаѣ разсказывали (хотя и не совсѣмъ согласно), что онъ вовсе не писалъ, или что онъ жегъ книги (Acad. Ind., p. 68 sq. M.; Diog. L., IV, 32); то же разсказывали и о Метроклѣ (D. L., VI, 6)

[7]) Характерны слова царя ('Αργείων) Пеласга египетскому κῆρυξ въ 'Ικέτιδες Эсхила, 946 sqq.: ταῦτ' οὐ πίναξίν ἐστιν ἐγγεγραμμένα οὐδ' ἐν πτυχαῖς βίβλων κατεσφραγισμένα, σαφῆ δ' ἀκούεις ἐξ ἐλευθεροστόμου γλώσσης.

юридическихъ отношеній[1]); но особенно оживленную полемику вызвалъ вопросъ о значеніи письменности въ дѣлѣ законодательства; вопросъ этотъ свелся къ вопросу о томъ, какіе законы выше,—законы-ли открытые людямъ богами, вложенные въ ихъ сердца природой, вѣчные, неизмѣнные, или законы начертанные самими людьми, не умѣющими, конечно, ни предусмотрѣть всего, ни даже достаточно полно и ясно выразить и то, что ими предусмотрѣно[2]); отправляясь отсюда, дошли-было даже до мысли, что лучше, нежели писанные законы, правитель, который служилъ бы олицетвореніемъ, воплощеніемъ закона, одушевленнымъ закономъ[3]).

Τὸ γὰρ γράμμα ἀποκταίνει, τὸ δὲ πνεῦμα ζωοποιεῖ (буква убиваетъ, духъ животворитъ)—такъ резюмируетъ эти возраженія еллинистически-риторически образованный апостолъ Павелъ[4]).

Въ основаніи этихъ возраженій и оговорокъ, направленныхъ противъ безусловнаго восхваленія письменности, лежало, разумѣется, сознаніе,—что если и вообще слово безсильно полно и точно передать овладѣвшія человѣкомъ, одушевляющія, волнующія его мысли, то слово

---

[1]) Ср. *Hirzel*, Αγραφος νομος, 21 ff. 51 f. 59 ff. *Hirzel*, Der Eid, 52 ff.

[2]) Plat. Polit. 294 A (ὅτι νόμος οὐκ ἄν ποτε δύναιτο τό τε ἄριστον καὶ τὸ δικαιότατον ἀκριβῶς πᾶσιν ἅμα περιλαβὼν τὸ βέλτιστον ἐπιτάττειν). Leg 968 D. Arist. Polit. 1282 b 4 sqq. (ἐξαδυνατοῦσιν οἱ νόμοι λέγειν ἀκριβῶς); 1287 b. 17 sqq. (τὰ μὲν ἐνδέχεται περιληφθῆναι τοῖς νόμοις, τὰ δὲ ἀδύνατα) Rhet. 1374 a 27 sqq. Eth. Nic. 1137 b 22 sqq. 'Αθ. πολ. 9. Isocr. VII 39 sqq. *Keil*, Die Solonische Verfassung, 157 ff.—Ср. *Hirzel*, Αγραφος νομος (1900).

[3]) Plat. Politic. 294 A sqq.: τρόπον τινὰ μέντοι δῆλον ὅτι τῆς βασιλικῆς ἐστίν ἡ νομοθετική· τὸ δ' ἄριστον οὐ τοὺς νόμους ἐστὶν ἰσχύειν (τον δέ γε νόμον ὁρῶμεν σχεδὸν ἐπ'αὐτὸ τοῦτο ξυντείνοντα), ἀλλ' ἄνδρα τὸν μετὰ φρονήσεως βασιλικόν· ὥσπερ ὁ κυβερνητης... οὐ γραμματα τιθεὶς ἀλλὰ τὴν τέχνην νόμον παρεχόμενος, σώζει τοὺς συνναύτας, οὕτω καὶ παρὰ τῶν οὕτως ἄρχειν δυναμένων ὀρθὴ γίγνοιτ' ἂν πολιτεία, την τῆς τέχνης ῥώμην τῶν νόμων παρεχομένων κρείττω; Arist. Pol. 1286 a, 8 sqq.: πότερον συμφέρει μᾶλλον ὑπὸ τοῦ ἀρίστου ἀνδρὸς ἄρχεσθαι ἢ ὑπο τῶν ἀρίστων νόμων. δοκεῖ δὴ τοῖς νομίζουσι συμφερειν βασιλεύεσθαι τὸ καθόλου μόνον ὁ νόμος λέγειν, ἀλλ' οὐ πρὸς τὰ προσπίπτοντα ἐπιτάττειν· ὥστε ἐν ὁποιαοῦν τέχνῃ το κατὰ γράμματ' ἄρχειν ἠλίθιον. (Самъ Аристотель полемизируетъ съ „Политикомъ" Платона, считая οὔτε συμφέρον, οὔτε δίκαιον ἕνα κύριον εἶναι πάντων, οὔτε μὴ ὄντων νόμων, ἀλλ' αὐτον ὡς ὄντα νόμον, οὔτε νόμων ὄντων,—ср. Politic. 302 E: μοναρχία ζευχθεῖσα ἐν γράμμασιν ἀγαθοῖς, οὓς νόμους λέγομεν). Just. Nov. 105, 4: καὶ αὐτὸς ὁ Θεος... νόμον αὐτὴν (τὴν βασιλείαν) ἔμψυχον καταπέμψας τοῖς ἀνθρώποις. Themist. or. 19, p. 228 a: βασιλείαν κατέπεμψεν ὁ θεος, ὅπως ἂν εἴη καταφυγη τῷ ανθρώπῳ ἀπὸ τοῦ νόμου τοῦ ἀκινήτου ἐπὶ τον ἔμπνουν καὶ ζῶντα. Ср. *Kaerst*, Studien z. Entwick. u. theor. Begründ. d. Monarchie im Altertum, 14 ff.—О пословицѣ: μωρῷ καὶ βασιλεῖ νόμος ἄγραφος (Porf. ad Hor. s. II, 3, 188; ср. *Philologus*, LII, 567 f.

[4]) Ad Cor. II, 3, 2 sqq.

письменное въ этомъ отношеніи еще несравненно безсильнѣе, нежели слово устное[1]). И намъ, конечно, не совсѣмъ чуждо это сознаніе, не разъ высказанное и въ новой литературѣ[2]); но, оставивъ позади себя нѣсколько тысячелѣтій распространенія письменности и нѣсколько столѣтій распространенія книгопечатанія, мы не могли не утратить если не ясность, то свѣжесть и живость этого сознанія.

Еллины особенно живо должны были чувствовать существенное различіе между словомъ, когда оно говорится и слушается, и словомъ, когда оно пишется и читается; еллины особенно живо должны были чувствовать тѣсную связь мысли именно съ устнымъ словомъ. Мы знаемъ, что даже въ болѣе-позднее время, когда письменность повидимому стала уже почти такимъ же обычнымъ и привычнымъ средствомъ для цѣлей литературы, какимъ теперь служитъ печать, еллины все еще предпочитали писать устами и читать ушами (или глазами и ушами). Авторъ литературнаго произведенія предпочиталъ не самъ писать его, а диктовать—если имѣлъ кому диктовать[3]),—и раньше чѣмъ выпустить его на книжный рынокъ, онъ обыкновенно прочитывалъ его въ кругу литераторовъ или цѣнителей литературы,—такъ что письменному изданію въ свѣтъ произведенія предшествовало устное его изданіе[4]). Само собою разумѣется, что и вообще въ «кружкахъ» нерѣдко читались—т. е. читались и не самими авторами—литературныя произведенія[5]). Но и тотъ, кто пріобрѣлъ или добылъ себѣ рукопись сочиненія, если онъ не зна-

---

[1]) Ср. Plat. Phaedr. 276 A: τὸν τοῦ εἰδότος λόγον λέγεις ζῶντα καὶ ἔμψυχον, οὗ ὁ γεγραμμένος εἴδωλον ἄν τι λέγοιτο δικαίως.

[2]) „Der Mensch eigentlich nur berufen ist, in der Gegenwart zu wirken. Schreiben ist ein Missbrauch der Sprache, stille für sich lesen ein trauriges Surrogat der Rede“ (Goethe).—„Рѣчь переданная знаками письменъ представляетъ нѣчто обманывающее (Etwas täuschendes), скрывая полноту и энергію содержанія, къ которому относятся ея слова“ (Lazarus). Ср. *Nietzche*, Jenseits v. Gut u. Böse § 246 f. *Philippi*, Die Kunst der Rede, 229 ff. Ср. также Горнфельдъ, Муки слова, *Сборн. ж. „Русск. Бог“*, II, 73 сл.; Батюшковъ, Въ борьбѣ со словомъ, *Журн. Мин. Н Просв.* 1900, 2, 209 сл.

[3]) Ср. *Norden*, Antike Kunstprosa, 954 ff. (гдѣ не указано самое раннее сюда относящееся свидѣтельство: Isocr XII, 231).

[4]) *Rohde*, Gr. Rom²., 326 ff. 379 f.; Kl. Schr., I, 265 f. II 445 f. *Dziatzko*, Untersuchungen, 149 ff. Ср. *H. Schöne*, Platons unvollendete Tetralogieen, 28 ff.

[5]) Такъ уже у Plat. Phaed. 97 B sq (отсюда, вѣроятно, и сообщеніе Diog. L. III 37, что Платонъ самъ читалъ въ Аѳинахъ своего „Фэдона“).—Характерно выраженіе Апокалипсиса, 1, 3: μακάριος ὁ ἀναγινώσκων καὶ οἱ ἀκούοντες τοὺς λόγους τῆς προφητείας καὶ τηροῦντες τὰ ἐν αὐτῇ γεγραμμένα.

комился съ нимъ въ чтеніи состоявшаго при его особѣ «чтеца»[1]), а читалъ самъ,—читалъ обыкновенно не про себя, а вслухъ, какъ тотъ евнухъ, хранитель сокровищъ царицы эѳіопской, о которомъ разсказывается въ Дѣяніяхъ апостольскихъ[2]). Нерѣдко поэтому и въ тѣхъ сочиненіяхъ, какія вовсе не были расчитаны на произнесеніе, вмѣсто термина «читатели» употреблялся терминъ «слушатели»[3]); съ этимъ стоитъ въ связи, конечно, и то, что еллинамъ не были извѣстны наши подстрочныя примѣчанія[4]), или наши «оглавленія»[5]).

Итакъ, даже и въ ту пору, когда письменность очень прочно утвердилась въ обиходѣ еллинской литературы, еллины, все больше пользуясь ею, старались по-возможности игнорировать ея существованіе, урѣзывать ея значеніе. Имъ такъ и не довелось дойдти до такого разрыва между мыслью и ея выраженіемъ—словомъ, рѣчью, до какого дошли мы; недаромъ то и другое понятіе, т. е. и «мысль», и «рѣчь» обозначались у нихъ однимъ терминомъ—λόγος[6]), и такое же двойное значеніе имѣлъ у нихъ и терминъ миѳъ, μῦθος. Но, чувствуя гораздо непосредственнѣе, нежели мы, живую связь между мыслью и выра-

---

[1]) ἀναγνώστης, ὑπογραφεύς (не непремѣнно рабъ). Ср. O. Jahn, *Hermes*, II, 420; *Rohde* Gr. R.[2], 520 f.

[2]) Acta Ap. 8, 26 sqq. Lucian. adv. indoct., 2. Diog. L. VII 2. Ср. *Norden*, Ant. Kunstpr., 6. Peter, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, I, 641.

[3]) Οἱ ἀκούοντες, ἀκροώμενοι, ἀκροαταί (οἱ φιληκοοῦντες, Polyb. III, 57, 4); ср. λέγειν вмѣсто γράφειν (напр., Isocr. IX, 8: περὶ μὲν γὰρ ἄλλων... λέγειν τολμῶσιν οἱ περὶ τὴν φιλοσοφίαν ὄντες, περὶ δὲ τῶν τοιούτων οὐδεὶς πώποτ' αὐτῶν συγγράφειν ἐπεχείρησεν). Ср. примѣненіе вообще „неопредѣленныхъ выраженій“ (ὁ δημοτικῶν λόγος, ὀδυρόμενοι, κατηγοροῦντες и т. п.) въ литературной (анонимной) полемикѣ—so dass es den Anschein hat, als handle es sich um mündliche Äusserungen und zwar um solche, die man noch täglich hören kann, *Duemmler* Kl. Schr. II 428 ff.

[4]) *Ritschl*, Opusc. V 240. *Keil*, Solon. Verfassung, 179 ff. *Kaibel*, Text u. Stil d. Ἀθην. Πολ. des Arist., 16 ff. *Norden*, Ant. K., 90 f. Crusius, *Philologus*, LVIII, 479 f. (Man war noch nicht gewohnt—говоритъ Crusius,—das Auge fur das Ohr arbeiten zu lassen, rechnete also hier ebensowenig mit der räumlichen Anordnung, wie etwa bei den ältesten Titeln).—О цитатахъ ср. *Norden*, 88 ff. E. Schwarz, *Hermes*, XXXV, 122 f.

[5]) Т. е. заглавія главъ или параграфовъ. Съ этой точки зрѣнія характерна и исторія возникновенія заглавій сочиненій (ср. προοίμια Гераклита, Гекатея, Геродота, Ѳукидида). *Bergk*, Gr. Lit.-G., I, 220 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles, I[1], 123 f.—*Lohan*, De libr. titulis ap. cl. script. Gr. (1890).

[6]) Тщательное—и не безполезное—сопоставленіе текстовъ (или контекстовъ), въ коихъ встрѣчается слово λόγος, отъ Гомера до Филона, даетъ *Flipse*, De vocis quae est λόγος significatione atque usu (1902).

жающей ее рѣчью, они гораздо живѣе, нежели мы, должны были чувствовать и связь между значеніемъ и звуковой стороною слова, т. е. и отдѣльныхъ словъ, и составляющейся изъ нихъ рѣчи[1]). Недаромъ въ платоновской теоріи[2]) происхожденія искусства (въ частности—поэзіи) мысль какъ-бы поглощается словомъ, слово-же какъ-бы поглощается звукомъ, а звукъ ставится въ связь съ движеніемъ. Если все, пока молодо, поскольку оно радуется жизни, не можетъ—такъ поучалъ Платонъ—не можетъ соблюдать покой и тишину, стремится двигаться и звучать, если въ этомъ отношеніи люди отличаются отъ животныхъ только тѣмъ, что имъ присуща уже склонность къ ритму и гармоніи, то естественно, что, какъ только люди захотятъ или смогутъ уйдти отъ тягостей или горестей жизни, они начинаютъ двигаться и звучать соблюдая ритмъ и гармонію[3]). Отсюда пѣсня, или сказъ[4]) и пляска, или мимическое дѣйство[5]); отсюда объединяющая собою пѣсню и пляску, соединяющая въ себѣ движеніе и звукъ музыка[6]). Проистекая изъ общаго

---

[1]) Отъ грековъ поэтому ведетъ начало и теорія „ономатопоэтическаго“ образованія языка, предполагающая соотвѣтствіе между значеніемъ τῶν τε ὀνομάτων καὶ ῥημάτων и составляющими ихъ φθόγγοι (στοιχεῖα) καὶ συλλαβαί (ср. особенно платоновскій діалогъ Κράτυλος). *Steinthal*, Gesch. d. Sprachwissenschaft bei d. Gr. u. R. I² 99 ff. Ср. *Kretschmer*, Einleit. in d. Gesch. d. griech. Sprache, 1 f.—Очень характерна съ этой точки зрѣнія пародія Aristoph. Ran. 1349 на Eurip. El. 437 (ср. *Bruchmann*, Psychol. Stud. z. Sprachgesch., 151 f.).—О соотношеніи между звуковой стороною и значеніемъ словъ (конечно, не изначальномъ, не прямомъ и не устойчивомъ) ср. *Wundt*, Völkerpsychologie I, 1, 323 ff.; 2, 421 ff. 588 ff.

[2]) Эта теорія не устанавливается непосредственно, а такъ-сказать читается между строкъ въ Νόμοι Платона (653 C sqq. и passim). О не полной отчетливости мысли, выраженій и терминовъ въ этихъ отдѣлахъ діалога ср. *Ritter*, Platos Gesetze, Kommentar, 15 ff. 72 ff.

[3]) Plat. Leg. 653 D sqq. 664 E sq. Ср. 673 D. 816 A.

[4]) Ὠιδή—или φωνῆς κίνησις, φωνή. Ср. 655 D (τὰ ῥηθέντα ἢ μελῳδηθέντα). 801 C (ῥήμασιν ἢ καὶ κατὰ μέλος). 664 A (ἔν τε ᾠδαῖς καὶ μύθοις καὶ λόγοις).

[5]) Ὄρχησις—или σώματος κίνησις; чрезъ κινεῖσθαι τῷ σώματι, т. е. σχήμασι (какъ и чрезъ ᾄδειν, или μέλεσιν) исполняются и μιμήματα τρόπων, совершается μίμησις,—одна изъ главныхъ задачъ искусства (Leg. 655 D sq.).

[6]) Собственно музыка (μουσική въ тѣсномъ смыслѣ) разсматривается въ „Законахъ“ обыкновенно (хотя и не вполнѣ послѣдовательно), какъ одно неразрывное цѣлое съ пѣснею (какъ μέλος),—сводясь къ φωνῆς κίνησις, φωνή, φθέγμα. Но къ τὸ κατὰ τὴν φωνὴν относятся не только ἁρμονίαι, но и ῥυθμοί (Leg. 672 E). Характерно также сочетаніе (т. е. раздѣленіе): ῥυθμοῦ ἢ μέλους ἢ ῥήματος (656 C), ῥήμασι τε καὶ μέλεσι καὶ τοῖς ῥυθμοῖς (669 B); τὸ μέλος—читаемъ Resp. 398 C—ἐκ τριῶν ἐστι συγκείμενον, λόγου τε καὶ ἁρμονίας καὶ ῥυθμοῦ. Ср. Leg. 673 D.—Ψιλὴ κιθάρισις или αὔλησις (πλὴν ὅσον ὑπὸ ὀρχησίν τε καὶ ᾠδὴν Leg. 669 E sq.) оказывалась вообще въ положеніи γραφικῆς (или πλαστικῆς), ко-

источника, взаимно обусловливая (т. е. опредѣляя и пополняя) другъ друга, пѣсня, или сказъ, пляска, или дѣйство, и музыка лишь постепенно расходятся въ разныя стороны, лишь постепенно привыкаютъ обходиться другъ безъ друга[1]).

Такова «теорія» Платона[2]), прямолинейная, какъ всѣ теоріи. Изъ нея нельзя, конечно, объяснить развитіе литературы, но и безъ нея нельзя объяснить развитіе еллинской литературы. Мы видимъ, что пѣніе, или сказываніе, дѣйство, или пляска и музыка въ иныхъ случаяхъ и потомъ остаются (или оказываются) здѣсь соединенными вмѣстѣ, напр., въ диѳирамбѣ, номѣ или въ драмѣ[3]),—какъ всѣ

торую Платонъ, повидимому, не зналъ, куда пристроить—къ ὄρχησις, или къ ᾠδή, т. е. къ σχήματα, или къ μέλη (Leg. 656 E sq. 669 A. Ср. 672 E: τὸ δέ γε κατὰ τὴν τοῦ σώματος κίνησιν ῥυθμὸν μὲν κοινὸν τῇ τῆς φωνῆς εἶχε κινήσει, σχῆμα δὲ ἴδιον). Кстати: платоновская (и аристотелевская) μίμησις въ примѣненіи къ искусствамъ движенія могла бы получить нѣкоторое разъясненіе съ тѣхъ же точекъ зрѣнія (*Hildebrand*, Das Problem der Form in d. bild. Kunst[3], 5 ff.), съ какихъ разъясняется (ср. *Löwy*, Die Naturwiedergabe in d. ält. gr. Kunst, 1900) μίμησις въ γραφικὴ и πλαστική.

[1]) Соединеніе ᾠδή (μέλος) съ ὄρχησις выражается прежде всего въ χοροί (ἀπὸ τῆς χαρᾶς!), въ которые боги (Музы, Аполлонъ, Діонисъ) соединяютъ людей—ᾠδαῖς τε καὶ ὀρχήσεσιν (Leg. 653 D sqq.; ср. 665 A: τῇ δὴ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὄνομα εἴη, τῇ δ' αὖ τῆς φωνῆς ἁρμονία ὄνομα προσαγορεύοιτο, χορεία δὲ τὸ ξυναμφότερον κληθείη). Leg. 673 D: τὸ ἀνθρώπινον ζῶον αἴσθησιν λαβὸν τοῦ ῥυθμοῦ ἐγέννησέ τε ὄρχησιν καὶ ἔτεκε, τοῦ δὲ μέλους ὑπομιμνήσκοντος καὶ ἐγείροντος τὸν ῥυθμὸν κοινωθέντ' ἀλλήλοις χορείαν ἐτεκέτην (ср. 816 A: ὅλως δὲ φθεγγόμενος, εἴτ' ἐν ᾠδαῖς εἴτ' ἐν λόγοις, ἡσυχίαν οὐ πάνυ δυνατὸς τῷ σώματι παρέχεσθαι πᾶς). 669 D: διασπῶσι οἱ ποιηταὶ ῥυθμὸν μὲν καὶ σχήματα μέλους χωρίς, λόγους ψιλοὺς εἰς μέτρα τιθέντες, μέλος δ'αὖ καὶ ῥυθμὸν ἄνευ ῥημάτων, ψιλῇ κιθαρίσει τε καὶ αὐλήσει προσχρώμενοι.

[2]) *Finsler*, Platon u. d. Aristotel. Poetik, 194 f., сближаетъ положенія Платона съ положеніями Бюхера (Arbeit und Rhythmus); еще ближе стоитъ теорія Платона къ теоріи акад. *А. Н. Веселовскаго*—о „синкретизмѣ первобытной поэзіи", т. е. „сочетаніи ритмованныхъ, орхестическихъ движеній съ пѣсней-музыкой и элементами слова" (Три главы изъ исторической поэтики, 1899, гдѣ, стр. 50 сл., указываются и другія теоріи,—и гдѣ съ данными другихъ литературъ постоянно сопоставляются и данныя греческой литературы). Ср. *Bücher* Arbeit u. Rhythmus[3], 342 ff. 397 ff.; также *Bruchmann*, Poetik, 31 ff.; *Гроссе*, Происхожденіе искусства, 193 сл.—Объ отношеніи ученій Аристотеля къ ученіямъ Платона ср. *Finsler*, 195 ff.

[3]) Arist. Poet. 1447 b: εἰσὶ δέ τινες (τέχναι) αἳ πᾶσι χρῶνται τοῖς εἰρημένοις, λέγω δὲ οἷον ῥυθμῷ καὶ μέλει καὶ μέτρῳ (ср. 1447 a: ἐν ῥυθμῷ καὶ λόγῳ καὶ ἁρμονίᾳ), ὥσπερ ἥ τε τῶν διθυραμβικῶν ποίησις καὶ ἡ τῶν νόμων καὶ ἥ τε τραγῳδία καὶ ἡ κωμῳδία. Ср. ὑπορχήματα, προσόδια, παιᾶνες, ἐμβατήρια, πυρρίχαι, παρθένεια, ὑμέναιοι, ἐπιλήνια, βουκολικά и другія χορεύματα, также богослуженія съ ихъ дѣйствами (δρώμενα, или μιμήματα τῶν περὶ τὸν θεόν); ср. также сообщеніе у Athen. 196 a sqq. περὶ τῆς ἐν 'Αλεξανδρείᾳ γεγενημένης ὑπὸ Πτολεμαίου τοῦ Φιλαδέλφου βασιλέως πομπῆς. О сценѣ уборки винограда на щитѣ Ахиллея (Jl. XVIII, 561 sqq.) см. *Reichel*, Homer. Waffen[2], 155 f.

эти три элемента нашли себѣ мѣсто и въ представленіяхъ скомороховъ, которые, подъ разными названіями—и между прочимъ подъ названіемъ софистовъ[1]),—бродили и въ раннее, и въ позднее время по Елладѣ,—какъ бродили они и по другимъ странамъ, и по Руси,—играя въ гусли и въ гудки и во всякія игры, чиня безчинное скаканіе и плясаніе (часто—наложивъ на себя хари, или личины и платье скоморожское), распѣвая пѣсни, или сказки сказывая небылыя, и загадки загадывая, а то и волховствуя, или чародѣйствуя[2]). Никогда, вѣроятно, представленныя вмѣстѣ пѣніе, плясаніе и гудѣніе не бывали представлены равномѣрно. Два изъ этихъ трехъ елементовъ могли даже совсѣмъ заслонять или поглощать собою третій—какъ у тѣхъ поющихъ и пляшущихъ у храмовъ нищихъ, о которыхъ упоминается въ Риторикѣ Аристотеля[3]); гораздо чаще, впрочемъ, пѣніе соединялось не съ плясаніемъ, а съ гудѣніемъ[4]). Или даже одинъ изъ этихъ трехъ элементовъ могъ заслонить собою два остальныхъ[5]). Такъ, пѣніе нерѣдко, конечно, поглощало собою и плясаніе, и играніе, переходя даже постепенно въ сказываніе[6]): пѣвцы эпическихъ пѣсней (былинъ или балладъ), въ Одиссеѣ еще выступающіе съ киѳарой (точнѣе—съ φόρμιγξ), потомъ обращаются въ рапсодовъ-сказителей, сначала (какъ и ораторы гомеровскаго вѣча[7]))

---

1) μῖμοι, μιμῳδοί, μιμολόγοι, μίμαυλοι, φλύακες, δικηλισταί, ἱλαρῳδοί, σιμῳδοί, μαγῳδοί, λυσιῳδοί, γελωτοποιοί, θαυματοποιοί, γόητες, κίναιδοι, ἠθολόγοι, βιολόγοι, ἀρεταλόγοι, ἀγυρταί, πλάναι, σοφισταί и проч.; о названіи σοφισταί (Athen. 621 f; ср. χειρόσοφοι)—Tiele, N. *Jahrbb. f. d. kl. Alt.*, IX, 410. Ср. ρωμαιστής делосской надписи BCH. IX, 147 (Wilhelm, *Jahresh. d. österr. arch. Inst.* III, 49 f.).

2) Такъ—словами древнерусскихъ памятниковъ (ср. *В. Миллеръ*, Очерки р. нар. словесности, 22 сл.; *Пыпинъ*, Исторія р. литер. III[1], 19 сл.; *Веселовскій*, Разысканія въ области р. дух. стиха, VII, 128 сл.)—можно охарактеризовать общія черты—крайне разнообразной въ частностяхъ—дѣятельности древнегреческихъ скомороховъ. Ср. *Reich*, Der Mimus, I, 12 ff. 417 ff.

3) Arist. Rhet. 1401 b: ὅμοιον δὲ καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἱεροῖς οἱ πτωχοὶ ᾄδουσι καὶ ὀρχοῦνται.

4) Ср. μέλος, μέλη (μελοποιοί)—понятіе, въ которомъ (такъ же, какъ въ ᾠδή—φωνῆς κίνησις „Законовъ" Платона) сливаются алкмановскія ἔπη и μέλη (Alcm. fr. 17 B.: ἔπη τάδε καὶ μέλος 'Αλκμὰν εὗρεν).

5) Ср. Arist. Poet. 1447 a.

6) О соединеніи съ играніемъ не пѣнія, а сказыванія, т. е. о мелодекламаціи—Xenoph. qu. conv. VI, 3 sq.; [Arist.] Probl. XIX; [Plut.] de mus. 28; Athen. 636 b; Hesych. καταλογή. Ср. Варнеке, *Филол. Обозр.*, XX, 67 сл.

7) Jl. XXIII 567 sqq. I 234. VII 412. X 328. Od. II 36 sqq. XVIII 103.

съ жезломъ въ рукѣ[1]), а стало-быть безъ киѳары[2]), а потомъ даже и безъ жезла,—зато иной-разъ можетъ-быть съ φάρμακον μνήμης, съ папирусомъ, по которому рецитируется, напр., Батрахоміомахія,—какъ это (правда не безъ комизма) указывается во вводныхъ стихахъ дошедшаго до насъ ея текста[3]).

Но если пѣніе могло переходить иногда въ сказываніе, то сказъ существовалъ искони и рядомъ съ пѣснею[4]). Иногда сказъ соединялся съ пѣснею[5]); иногда одно и то же содержаніе и пѣлось, и сказывалось, служило предметомъ то пѣсни, то сказа[6]). Но и внѣ всякой связи съ пѣснями, много ходило всегда у еллиновъ и сказокъ, и басней, легендъ, новеллъ, разсказовъ[7]). Ихъ сказывали и странствующіе разказчики-

---

[1]) Уже Hes. Theog. 30 sq. Ср. *Веселовскій*. Три главы, 151 сл.; собранныя здѣсь данныя—замѣтимъ кстати—позволяютъ дѣлать сближенія между σκῆπτρον (или ῥάβδος, ср. fasces) пѣвцовъ, или рапсодовъ—и σκυτάλα (de scytala—ср. Leopold, *Mnemosyne*, XXVIII, 365 sqq.), какъ, съ другой стороны, разъясняютъ μαντικάς τινας ψήφους, или κλήρους (Pind. Pyth. IV 189 sq. Eurip. Phoen. 838. Hipp. 1057).—О пѣніи подъ аккомпаниментъ лиры отрывка изъ Ἔργα Гесіода еще во времена Плутарха—Plut. qu. conv. IX, 2.

[2]) Ср. *Wilamowitz-Möllendorff*, Timotheos, Die Perser, 85.

[3]) Batrachom. 2 sq.: ἀοιδῆς, ἣν νέον (Ludwich: νῦν) ἐν δέλτοισιν ἐμοῖς ἐπὶ γούνασι θῆκα (L.: θήσω).

[4]) Плутархъ (которому—кстати—принадлежитъ замѣчаніе: μείζονας παραλλαγὰς αἱ ἡλικίαι περὶ ἕκαστον ἡμῶν ποιοῦσιν ἢ κοινῇ περὶ πόλεις. γνοίη γὰρ ἄν τις ἰδὼν τὰς Ἀθήνας ἔτει τριακοστῷ· καὶ τὰ νῦν ἤθη καὶ κινήματα παιδιαί τε καὶ σπουδαὶ καὶ χάριτες καὶ ὀργαὶ τοῦ δήμου πάνυ γε τοῖς παλαιοῖς ἐοίκασιν, de ser. num. vind. 15) сообщаетъ, что сказываніе сказокъ (μῦθοι λέγονται) было однимъ изъ обрядовъ аѳинскаго праздника τῶν Ὠσχοφορίων (Thes. 23), какъ и ὠσχοφορικὰ μέλη. Ср. *Mommsen*, Feste der Stadt Athen, 283 ff. *Pfuhl*, De Atheniens. pompis sacris, 49 sqq.

[5]) Ср., напр., присказку (ἐπίρρημα), прибавлявшуюся къ пѣсенкѣ, какую пѣли на Родосѣ дѣти, обходя дворы, требуя себѣ угощенія, когда (какъ на извѣстной амфорѣ изъ Вульчи, *Baumeister*, Denkm., Abb. 2128) прилетитъ первая ласточка, Bergk. PLGr. III 671. Ср. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, *Филол. Обозр.*, XI, 187 сл.—*E. Meyer*, Forsch. z. ält. griech. Gesch. II, 236 ff.

[6]) Crusius *Philloogus*, LIV, 726 ff. Ср. также Pind. Nem. XI, 17 sq. (ἐν λόγοις δ' ἀστῶν ἀγαθοῖσί μιν αἰνεῖσθαι χρεὼν καὶ μελιγδούποισι δαιδαλθέντα μελιζέμεν ἀοιδαῖς), Pyth. I 94 и Nem. VI, 30 (ἀοιδοὶ καὶ λόγιοι). Гомеровскому ἀοίδιμος соотвѣтствуетъ геродотовское λόγιμος.

[7]) Эти μῦθοι (λόγοι, ἀπόλογοι, αἶνοι, πλάσματα, διηγήματα—напр. ἐμπορικὰ διηγήματα, Polyb. IV, 39, 11) ждутъ еще болѣе цѣльнаго обслѣдованія (или обслѣдованій), особенно съ сравнительно-исторической точки зрѣнія. Ср.—кромѣ общихъ обзоровъ греческой литературы (болѣе обстоятельно- *Sittl*, G. d. gr. Litt. I, 9 ff.)—*Rohde*, Gr. Rom.[2] 12 ff. 178 ff. 578 ff. *Wilamowitz*, Euripides Herakles I[1] 96 ff. и Hippolytos, 35 ff. Crusius, *Philologus*, LIV, 710 ff.; LV, 1 ff. *E. Meyer*. Forschungen, II, 236 ff. *Zielinski*, Die Märchenkomödie in Athen (1885). *Ludwich*, Die homer. Batrachomachia,

спеціалисты, вродѣ упоминаемаго у Аристофана Филепсія[1]); но эти сказки и басни сказывались и дома—дѣтямъ или дѣвушкамъ матерями, кормилицами, или нянями, старухами (прототипъ дуэній),—такъ что «старушечьи сказки» вошли даже въ пословицу[2]), какъ общимъ мѣстомъ рано сдѣлалось и замѣчаніе, что «женщины особенно содѣйствуютъ сохраненію устарѣлой рѣчи»[3]).

Итакъ, сказъ существовалъ всегда рядомъ съ пѣснею. Одинаково не правы были поэтому и тѣ античные писатели, которые утверждали, что поэзія древнѣе прозы[4]), и тѣ, которые утверждали, что проза древнѣе поэзіи[5]). Художественная литература въ стихахъ и развилась, и фиксировалась у еллиновъ, конечно, раньше, нежели художественная литература въ прозѣ[6]); мало того, мы ясно видимъ, какъ тѣсно отдѣль-

---

1 ff. 33 ff. *Клингеръ* Сказочные мотивы въ исторіи Геродота (1903). *Kretschmer*, Einl. in d. G. d. gr. Spr. 85 ff.; также Kleine Schriften von Rohde, труды Usener'a и Roscher'a. О популярности сказочныхъ персонажей или мотивовъ свидѣтельствуютъ часто встрѣчающіяся у болѣе-раннихъ поэтовъ выраженія вродѣ слѣдующихъ: Τιθωνοῖο χαριέστερος, Μίδεω καὶ Κινύρεω μάλιον, Πέλοπος βασιλεύτερος, (Tyrt. 12. 5 sqq. B.), πλείονα Σισύφου, ὠκύτερος Ἁρπυιῶν (Theogn. 702. 715), κρέσσων Νίνου (Phocyl. 5) или: (περ) κεφάλας μέγας λίθος и т. п. (Alcae. 93; ср. Alcm. 87, Pind. J. VII, 9).

1) Aristoph. Plut. 177 (μύθους λέγει). Ср. *Rohde* Gr. R.[2] 590 ff.

2) Plat. Hipp. maj. 286 A. Lysis 205 D.—Ср. Plat. Crit. 110 A съ Paus. I, 18, 5.

3) αἱ γυναῖκες μάλιστα τὴν ἀρχαίαν φωνὴν σώζουσιν, Plat. Crat. 418 C.—Эти τόποι κοινοί греческой (и римской) литературы заслуживали бы спеціальнаго обслѣдованія. Идеи: καὶ γυναῖκας παιδευτέον, или: παραπλησίως παιδευτέον τὰς θυγατέρας τοῖς υἱοῖς (Платонъ, Плутархъ, Мусоній) нашли себѣ осуществленіе въ практикѣ нѣкоторыхъ государствъ эллинистической эпохи (Ditt[2] 523, 8 sqq.: ἀποδείκνυσθαι ἐν ἀρχαιρεσίαις γραμματοδιδασκάλους τρεῖς, οἵτινες διδάξουσιν τοὺς παῖδας καὶ τὰς παρθένους. CIG 3185, 19. Perg. Inschr. 463, 7 sqq. Ср. Philostr. imag. I 12: κόρη καὶ παῖς ἄμφω καλὼ καὶ φοιτῶντε ταὐτῷ διδασκάλῳ προσεκαύθησαν ἀλλήλοις).—Римскія аналогіи—у *Friedländer*, Darstell. a. d. Sitteng. Roms, I[5], 468 ff.

4) Это—опиравшееся на знакомую намъ теорію Платона (Leg. 653 C sqq.; ср. Arist. Poet. 1448 b, Rhet. 1404 a)—ученіе перипатетиковъ представлено намъ Цицерономъ, de orat. III 184 sq. (Θеофрастъ? ср. *Bernays*, Theophrast, 46), Страбономъ, 18 (Дикэархъ, чрезъ посредство Гиппарха? ср. *Norden*, Ant. K., 33 f.), Плутархомъ, de Pyth. or. 24 (Дикэархъ? ср. *Hirzel*, Der. Dialog, II, 205 ff.; ср. также *Schlemm*, De fontibus Plut. comment. de aud. poetis et de fort. 1903), Исидоромъ, Orig. I 38 (Варронъ). Ср. Tac., Dial. 12.—*Kaibel*, Die Prolegom. περὶ κωμῳδίας, 21 f., думалъ о зависимости Страбона отъ Посейдонія; но по Посейдонію (περὶ λέξεως)—ποίημά ἐστι λέξις ἔμμετρος ἢ ἔνρυθμος μετὰ κατασκευῆς τὸ λογοειδὲς ἐκβεβηκυῖα (Diog. L. VII, 60).

5) Aristid. VIII p. 49 J. Cicer. Orator 185 sqq. Quintil. XII, 10, 40 sqq.

6) Древнѣйшимъ болѣе-непосредственно доступнымъ намъ памятникомъ греческой прозы—кромѣ, конечно, надписей—являются, кажется, отрывки (особенно папирусные) изъ Πεντέμυχος Ферекида, можетъ-быть 2-ой полов. VI ст. (ср. Diels, *Sitzb. d. preuss. Akad.* 1897, 144 ff. *Weil*, Et. s. l'antiquité, 122 ss.); Ферекидъ и у древнихъ ученыхъ

ные виды прозаической, т. е. лишенной метра литературы примыкають къ отдѣльнымъ видамъ поэтической, т. е. метрической литературы[1]). Но изъ того, что метрическая литература въ художественномъ развитіи своемъ опередила литературу не-метрическую, еще не слѣдуетъ, что поэзія начала развиваться, или появилась раньше, нежели проза. Оспаривавшіе хронологическій пріоритетъ поэзіи ссылались на то общее соображеніе, что болѣе близкая къ разговорному языку проза должна была появиться—начать развиваться—раньше, нежели поэзія[2])—только фиксироваться въ своемъ развитіи ей пришлось позже поэзіи; и этому соображенію нельзя отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности. Но именно въ примѣненіи къ еллинской литературѣ вопросъ объ отношеніи между поэзіей и прозой гораздо сложнѣе, чѣмъ это казалось и кажется древнимъ и новымъ ученымъ. Если, по совѣту Аристотеля[3]),

---

(обыкновенно впрочемъ наряду съ миѳическимъ Кадмомъ милетскимъ) считался „основателемъ прозы", „первымъ у грековъ писавшимъ soluta oratione (λύσας τὸ μέτρον)."— Стиль отрывковъ Ферекида, какъ и другихъ отрывковъ догеродотовской прозы (не исключая и „афоризмовъ" Гераклита), дѣлаетъ то впечатлѣніе, что предъ нами здѣсь ὑπομνήματα (т. е. конспекты)—и именно на почвѣ не достаточнаго еще приноровленія къ письменности (тогда какъ „изъ пѣсни слова не выкинешь", отчего и изготовляются потомъ—начиная съ τέχνη Евена, *Norden* 73,—versus memoriales; ср. Plat. Phaedr 267 A: ἐν μέτρῳ λέγειν μνήμης χάριν).

[1]) Къ эпосу былевому и бытовому (sit venia verbo!)—логографія, т. е. исторіографія, съ географіей и этнографіей (ср. Thuc. I 21; Clem. Al. Str. VI, 267: τὰ Ἡσιόδου μετήλλαξαν εἰς πεζὸν λόγον καὶ ὡς ἴδια ἐξήνεγκαν Εὔμηλός τε καὶ Ἀκουσίλαος); къ эпосу космогоническому, или ѳеогоническому—Πεντέμυχος; къ эпосу дидактическому и вообще къ дидактической или гномической поэзіи (Ἔργα; γνῶμαι, или ὑποθῆκαι; Фокилидъ, Солонъ, Ѳеогнидъ; Ксенофанъ, Парменидъ)—философскіе трактаты въ прозѣ (Гераклитъ, Демокритъ), также παραινέσεις (Исократъ πρὸς Νικοκλέα, гдѣ, § 43, упоминаются и ὑποθῆκαι Гесіода, Ѳеогнида, Фокилида); къ политическимъ стихотвореніямъ (Солонъ, Ѳеогнидъ, также Архилохъ и др.)—πολιτικὰ συγγράμματα; къ ἐγκώμιον ἐπικόν—ἐγκώμιον καταλογάδην (ср. Isocr. Euag. 8 sqq.); къ θρῆνος—λόγος ἐπιτάφιος; къ драмѣ (ср. *Reich*, Mimus I, 354 ff.)—діалогъ. О сходствѣ въ построеніи (т. е. въ раздѣленіи на μέρη, съ ихъ обозначеніемъ) между диѳирамбомъ и торжественною рѣчью—см. Immisch, *Rhein. Mus.*, XLVIII, 520 ff.—Ср. *Norden*, 78. *Wilamowitz*, Herakles, I' 101 f.

[2]) Aristid. l. c.: κατὰ φύσιν γε μᾶλλον ἐστὶν ἀνθρώπῳ πεζῷ λόγῳ χρῆσθαι, ὥσπερ γε καὶ βαδίζειν οἶμαι μᾶλλον ἢ ὀχούμενον φέρεσθαι (ср. Strab. 18). Ср. также и теорію Лукреція, V, 1450 sqq, гдѣ carmina, вмѣстѣ съ другими deliciae vitae (picturae, daedala signa) являются постепеннымъ результатомъ usus et experientiae mentis pedetemptim progredientis (къ этой теоріи примыкала, конечно, и теорія Діогена эноандской надписи, BCH XXI, 346 ss.,—какъ можно думать по тому, что излагается здѣсь τῶν φθόγγων ἕνεκεν).

[3]) Arist. Poet. 1447 b: πλὴν οἱ ἄνθρωποί γε συνάπτοντες τῷ μέτρῳ τὸ ποιεῖν... ποιητὰς κοινῇ κατὰ τὸ μέτρον προσαγορεύοντες. καὶ γὰρ ἂν ἰατρικὸν ἢ φυσικόν τι διὰ τῶν μέτρων ἐκφέρω-

не придавать рѣшающаго значенія наличности или отсутствію метра,—то именно въ еллинской литературѣ неизмѣримо больше, нежели въ какой другой, сглаживалось вообще различіе между «поэзіей» и «прозой», различіе и между содержаніемъ, и между стилемъ поэзіи и прозы[1]). Постепенно, конечно,—отчасти на почвѣ развитія точности мышленія, отчасти на почвѣ развитія (т. е. распространенія) письменности[2]), отчасти

ιν, οὕτω καλεῖν εἰώθασιν, οὐδὲν δὲ κοινόν ἐστιν Ὁμήρῳ καὶ Ἐμπεδοκλεῖ πλὴν τὸ μέτρον· διὸ τὸν μὲν ποιητὴν δίκαιον καλεῖν, τὸν δὲ φυσιολόγον μᾶλλον ἢ ποιητήν (ср. Plat. Phaedr. 258 D: ἐν μέτρῳ ὡς ποιητης ἢ ἄνευ μέτρου ὡς ἰδιώτης). Это предостереженіе Аристотеля—не противопоставлять поэзію прозѣ на основаніи лишь такого внѣшняго признака, какъ наличность или отсутствіе метра,—мы должны распространить—не на одно содержаніе, но и на стиль литературныхъ произведеній: метрическое произведеніе можетъ быть прозаическимъ какъ по своему содержанію, такъ и по своему стилю (ср. напр., стихи софиста Евена, *Wilamowitz,* Aristoteles u. Athen, II, 404), и, наоборотъ, произведеніе не-метрическое можетъ быть и по содержанію, и по стилю—употребляя тургеневское выраженіе—„стихотвореніемъ въ прозѣ“.

[1]) Едва-ли не къ одному лишь отсутствію метра сводится все различіе между стилемъ собственной, метрической поэзіи и стилемъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ еллинскихъ молитвословій и возглашеній—вродѣ, напр., аѳинской молитвы о ниспосланіи дождя на нивы (M. Antonin. comm. V, 7), или возглашеній сопровождавшихъ культовыя дѣйства (напр., елевсинскія мистеріи, см. *Foucart,* Les grands mystères d'Eleusis, 109 ss.), или заклятій (ср. μὴ γῆ βατή, μὴ θαλαττα πλωτή, Ditt.[2] 890 sq.); таковъ же былъ и стиль нѣкоторыхъ посвятительныхъ или надгробныхъ надписей VI—V в. (иныя изъ нихъ соединяли даже въ себѣ и ἔμμετρον, и ἄμετρον). Ср. *Usener,* Altgriechischer Versbau, 42 ff. *Norden,* Ant. K., 30 f. 45 f. (ср. 156 ff.) 626 f. 816 ff. Новѣйшія разъясненія греческой ритмики (не выходящія, конечно, изъ области очень нуждающихся въ провѣркѣ гипотезъ) все больше въ общемъ ведутъ, кажется, къ сближенію между ῥυθμοί стиховъ и художественной прозы и къ установленію связи между ритмами и метрами (ср. *Blass,* Die Rhythmen d. att. Kunstprosa, 1901; Drerup, N. *Jahrbb.* S.-B. XXVII, 233 ff., также *Weil,* Études de littérature et de rythmique grecques, 1902).

[2]) Утвержденіе и распространеніе письменности ведетъ къ тому, что ею начинаютъ пользоваться не для однихъ ὑπομνήματα (т. е. краткихъ, сокращенныхъ записей для памяти или на память) и не для фиксированія только изустно исполненныхъ или предназначенныхъ для изустнаго (въ томъ числѣ и сценическаго) исполненія ᾄσματα, ἔπη, λόγοι (о записываніи произнесенныхъ рѣчей или лекцій ср. *Rohde,* Gr. R.[2] 343 f. Kl. Schr. II, 445 f. 450 f. *Arnim,* Dio v. Prusa, 171 ff.), но и спеціально для συγγράμματα (πρὸς ἔκδοσιν); см. Plat. Phaedr. 257 D sqq. Какъ ни сближались у грековъ (ср. выше, стр. 14 сл.) эти три категоріи произведеній письменной литературы, но на этой почвѣ постепенно складывалась и та λέξις γραφική (ἔστι δὲ λέξις γραφικὴ ἡ ἀκριβεστάτη!), о которой—правда, очень не отчетливо—говорится въ 12 гл. III кн. аристотелевой Риторики (эта Риторика сама представляетъ собою—ὑπόμνημα, конспективную запись лекцій Аристотеля—ср. Marx, *Ber. d. Sächs. Ges. d. Wiss.,* LII, 241 ff.,—если не конспективныя извлеченія изъ его συγγράμματος, какъ полагаетъ Roemer, *Aristotelis ars rhetorica*[2], praef., p. XL sqq.). Ср. знаменитое κτῆμα ἐς ἀεὶ μᾶλλον ἢ ἀγώνισμα ἐς τὸ

на почвѣ развитія (т. е. осложненія) метрики—прозаическая, или неметрическая рѣчь все больше расходится съ поэтической, или метрической; но дѣло никогда не доходитъ до полнаго разрыва: художественная проза всегда заимствуется отъ поэзіи[1]), и если иные литературные критики и издаютъ—довольно суровые—законы противъ этого присвоенія чужой собственности[2]), то эти законы далеко не всѣми признаются даже въ теоріи, а тѣмъ болѣе на практикѣ; но зато и поэзія начинаетъ потомъ заимствоваться отъ риторической прозы[3]). Итакъ, въ сущности всегда близки были между собою и пѣснь, или стихотвореніе, и литературное произведеніе въ прозѣ. А близки между собою они были не потому, что проза развилась изъ поэзіи, или поэзія изъ прозы, а потому, что поэзія и проза развивались у еллиновъ рука-объ-руку, черпая оживлявшую ихъ влагу изъ одного источника—изъ источника Музъ[4]),

---

παραχρῆμα ἀκούειν Θукидида I 22 (ср. контекстъ и II 41, 4; кстати: и у Аристотеля l. с. λέξις γραφική противопоставляется λέξις ἀγωνιστική, и у Θукидида, I 22, 2, выставляется ἀκρίβεια).—Очень характерна рѣчь ритора IV в. Алкидаманта περὶ τῶν τοὺς γραπτοὺς λόγους γραφόντων (см. особенно §§ 10. 16 sq. 27 sq. 34), считавшаяся, кажется, и съ „Фэдромъ“ Платона (во всякомъ случаѣ съ заключающимися въ немъ мыслями).—Опредѣленіе понятія ὑπόμνημα см. у Lucian. de hist. conscr. 16. 48.—Въ гортинскихъ (Mich. 1333, IX, 32. XI, 16. 53; 1184), галикарнасской (Ditt.² 10) и іасосской (Ditt². 96) надписяхъ, какъ и у Аристотеля, Polit. 1321 b, сохраняется названіе μνήμων для ἀρχή, προς ἣν ἀναγράφεσθαι δεῖ τὰ ἴδια συμβόλαια (въ широкомъ смыслѣ этого понятія), въ которой видятъ (ср. *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht. d. r. K., 171 f.) зародышъ нотаріата.

[1]) *Norden*, A. K., 16 ff. 30 ff. 73 ff. 91 ff. 145 ff. 429 ff. 813 ff. Wilamowitz *Hermes*, XXXV, 38 ff. *Blass*, Die Rhythmen d. att. Kunstpr., 1 ff. 26 ff. *Navarre*, Essai sur la Rhétorique gr., 92 ss. Θ. Ф. Зѣлинскій *Вѣстн. Евр.*, 1898, VI, 68 сл.—Arist. Rhet. 1404 a: ἤρξαντο κινῆσαι τὸ πρῶτον, ὥσπερ πέφυκεν, οἱ ποιηταί. ἐπεὶ δ'οἱ ποιηταὶ λεγοντες εὐήθη διὰ τὴν λεξιν ἐδόκουν πορίσασθαι τὴν δόξαν, διὰ τοῦτο ποιητικὴ πρώτη ἐγένετο λέξις, οἷον ἡ Γοργίου. καὶ νῦν ἔτι οἱ πολλοὶ τῶν ἀπαιδεύτων τοὺς τοιούτους οἴονται διαλέγεσθαι κάλλιστα. Ср. Dionys. de imit. p. 31 Us.: Γοργίας την ποιητικὴν ἑρμηνείαν μετήνεγκεν εἰς λόγους πολιτικοὺς οὐκ ἀξιῶν ὅμοιον τον ῥήτορα τοῖς ἰδιώταις εἶναι.

[2]) Исократъ, Аристотель. Ср. *Norden*, A. K., 52 ff. 171 ff. *Blass*, Rhythmen, 9 ff.

[3]) *Norden*, A. K., 75 ff. 832 ff. 883 ff. *Rohde*, Gr. R². 357 ff.—О „тѣснѣйшей связи съ риторикой всей болѣе поздней эпидейктической эпиграмматической поэзіи“—*Reitzenstein*, Epigramm und Skolion, 115 ff.—Ср. также *Klebs*, Die Erzählung v. Apollonius a. Tyrus, 295 ff.

[4]) Ἵππου κρήνη, Ἱπποκρήνη, Ἀγανίππη, Παγασὶς κράνα, Πηγασὶς πηγή, κρήνη Ἑλικωνίς, Κασταλία (ср. Περμησσός, Ὀλμειός и пр.).—Μοῦσαι (Μοῖσαι) связываются съ источниками, съ κρῆναι и особенно съ τῶν ποταμίων ὑδάτων πηγαί (оттого онѣ и ὀρεστιάδες,—живутъ ἐν σπέσσι, или въ ἄντρα)—потому, что онѣ представляютъ собою лишь одну изъ столь многочисленныхъ разновидностей миѳологическаго понятія νύμφαι (ср. μουσόληπτος—νυμφόληπτος, μουσηγέτης—νυμφηγέτης). Νύμφαι—и богини, и стоятъ на грани между

покровительницъ мусическаго искусства, τῆς μουσικῆς (мусикіи, какъ у насъ передавали въ старину это слово), т. е. искусства, соединявшаго въ себѣ и пѣніе (со сказываніемъ), и плясаніе (съ дѣйствомъ), и игра-

---

богинями и смертными; онѣ и дѣвы, и стоятъ на грани между дѣвами и женами (какъ первоначально весталки, ср. Dragendorff, *Rhein. Mus.*, LI, 281 ff); иныя изъ нихъ оказываются матерями (отъ бога—моря, ср. Od. I 71 sqq., или рѣки) или супругами основателей „автохтоннаго“ племени, рода или города (нерѣдко при этомъ матерями близнецовъ; ср. Τυρώ въ Одиссеѣ, XI, 235 sqq., и у Софокла; другіе примѣры у Usener, *Rh. Mus.* LIII, 340 ff.; но сюда-же относятся и Ἑλικών и Κιθαιρών, а также Ромулъ и Ремъ); онѣ же—пестуньи (τροφοί; ср. Il. VI, 132: μαινομένοιο Διονύσοιο τιθῆναι, въ Νυσήιον, т. е. въ странѣ нимфъ, ибо νύμφαι=νῦσαι; CIA III 351: Νύσας τροφοῦ Πειθοῦς), или вдохновительницы (какъ Egeria) миѳическихъ Kulturträger'овъ, особенно представителей музыки, пѣнія, вообще χορείας (тогда какъ inter arma онѣ silent, такъ же, какъ и Πειθώ); на этой почвѣ и вырисовываются (уже у Гомера и Гесіода) Μοῦσαι (въ единственномъ и во множественныхъ числахъ); ихъ имя уже Пиндаръ (fr. 118 B.: μαντεύεο, Μοῖσα, προφατεύσω δ'ἐγώ) сближалъ съ μαντεύειν (т. е μαν).—Источники (ср. καλλιπάρθενοι ῥοαί, Eur. Hel. 1) Нимфъ (Ναϊάδες, Νηρηΐδες, Ὠκεανίδες и пр.), или Музъ, текущіе иногда не живой водой, а „млекомъ и медомъ“ (ср. нектаръ или амбросія), или такой влагой, какъ влага источника (Κασσοτίς), изъ котораго вдохновлялась (μανία, μάντις) Пиѳія,—и своимъ теченіемъ, и свойствами своей влаги казались близкими къ дыханіямъ, дуновеніямъ вѣтровъ (πνοιαί—ζφογόνοι, ψυχοτρόφοι, или θύελλαι), которыя въ свою очередь сближались съ душами, съ ψυχαί (ср. Σεμναί, Εὐμενίδες, Ἐρινύες, Ἅρπυιαι Μοῖραι, Χάριτες и т. д.; ср. также Δαναΐδες). Представленіе-же и объ источникахъ, и о вѣтрахъ ассоціировалось (какъ и въ русскихъ сказкахъ) съ представленіемъ о коняхъ или колесницахъ (tertium comparationis было, вѣроятно, движеніе, т. е. его быстрота и ритмичность), при чемъ движеніе коней или колесницъ мыслилось или совершающимся въ небесахъ, или направляющимся къ небесамъ (отсюда—крылатые кони, вѣроятно восточнаго—и такъ-сказать археологическаго—происхожденія; ср. и Ἴκαρος). Соединеніе этихъ представленій можно видѣть въ такихъ образахъ, какъ Ποσειδῶν Ἵππιος (ср. Ἀπόλλων δελφίνιος или Διόνυσος πελάγιος; они и μουσηγέται, или νυμφηγέται), Τρίτων (Τριτοπατρεῖς, Ditt.[2] 443), Διὸς κόροι (λευκὼ πώλω Διός, какъ звались эти σωτῆρες ἀνθρώπων, ἵππων, νηῶν въ Еврипидовой Антіопѣ; ср. λευκόπωλοι и Λευκιππίδες), Πήγασος (Ἀρίων, Βορέας), Ἱππόκαμπος, кони Ахиллея (ср. Ἀχελώιος, *Usener*, Götternamen, 12 ff.), τὼ ἅμα πνοιῇσι πετέσθην, τοὺς ἔτεκε Ζεφύρῳ ἀνέμῳ ἅρπυια Ποδάργη βοσκομένη λειμῶνι παρὰ ῥόον Ὠκεανοῖο (Il. 16, 148 sqq.; одинъ изъ этихъ коней обладалъ даромъ слова и даже предсказанія, Il. 19, 392 sqq., ср. 17, 426 sqq.; ср. Herod. III. 84. Tac. Germ. 10. Odyss. 19, 548 sqq.).—Платонъ, Crit. 116 D, помѣщаетъ въ храмѣ Посейдона ἀγάλματα: τὸν μὲν θεὸν ἐφ' ἅρματος ἑστῶτα ἓξ ὑποπτέρων ἵππων ἡνίοχον, Νηρῇδας δὲ ἐπὶ δελφίνων ἑκατὸν κύκλῳ; Павсаній разсказываетъ о ξόανον Деметры, стоявшемъ нѣкогда въ ея ἄντρον бл. Фигаліи: καθέζεσθαι μὲν ἐπὶ πέτρᾳ, γυναικὶ δὲ ἐοικέναι τἆλλα πλὴν κεφαλήν· κεφαλὴν δὲ καὶ κόμην εἶχεν ἵππου· δελφὶς δὲ ἐπὶ τῆς χειρὸς ἦν αὐτῇ, περιστερὰ δὲ ἡ ὄρνις (ср. Πελειάδες) ἐπὶ τῇ ἑτέρᾳ (Paus. VIII 42, 4; ср. 25, 5 и вообще Ἀρκαδικά Павсанія). Ср. изображенія Діониса съ его carrus navalis и съ его силенами (или сатирами)—τὸ ἐπὶ τὰ οὐραῖα ἵπποι (*Usener*, Die Sintflutsagen, 115 ff. *Bethe*, Proleg. z. G. d. Theaters im Alt., 50 ff. 339 ff. *Poppelreuter*, De comoediae att. primordiis, 10 sqq.); это были, вмѣстѣ, и изображенія дѣйствъ въ честь Діониса (ἵπποι у Іобакховъ, Ditt.[2] 737, также

ніе, т. е. то, что обыкновенно зовется музыкой[1]). Теперь опять даютъ

Buresch, Aus Lydien, 56; ср. πῶλοι—названіе лаконскихъ жрицъ Деметры, *Wide* Lak. Kulte, 331), отразившихся и въ комедіи (ср. Ἱππεῖς Аристофана, 595 sqq.; тамъ же 551 sqq., обращеніе хора: Ἵππ' ἄναξ Πόσειδον, ᾧ ἵππων κτύπος ἁνδάνει καὶ θοαὶ τριήρεις). Ср. также ἵππος βροτόπους (Roscher, *Ber. d. sächs. Ges. d. Wiss.*, 1891, 96 ff.). Корабли въ Одиссеѣ, (13. 81 sqq. 4, 708; ср. Regm. 16: vágmarar) мыслятся какъ ἁλὸς ἵπποι (изъ этого поэтическаго образа v. Leeuwen выводитъ и разсказъ de equo Troiano, *Mnemos.* XXIX, 121 sqq.).—Нимфами были и Ἀμαζόνες (царица ихъ звалась Ἱππώ, какъ звалась одна изъ двухъ Λευκτρίδες: Ἱππώ и Μολπία). Ср. *Rosch. Myth. L.*, I 2662 ff. II 3233 ff. III 499 ff. 1725 ff. *Gruppe*, Gr. Mythol., 824 ff. 838 ff. 1073 ff. 1141 ff.—Съ точки зрѣнія указанныхъ миѳическихъ представленій уясняется и тотъ образъ, какимъ начиналось περὶ φύσεως Парменида: τῇ γάρ (sc. ὁδῷ δαίμονος) με πολύφραστοι φέρον ἵπποι ἅρμα τιταίνουσαι, κοῦραι δ' ὁδὸν ἡγεμόνευον (ср. *Diels*, Parmenides Lehrgedicht, S. 5 ff.); этотъ образъ удержался и въ обозначеніи не-метрической рѣчи какъ λόγος πεζός (т. е. ὁ ἀπὸ ὕψους τινὸς καταβὰς καὶ ὀχήματος); позднѣе и представители художественной прозы (ораторы) претендовали на ἤθεα καὶ νόμον ἵππων (или ἱππέων). Ср. сопоставленія Norden'a, *N. Jahrbb.*, S.-B. XVIII, 274 f. Ant. Kunstpr. 32 ff. (ср. Longin. pr. in Heph. ench. p. 84, 11 W.: ἵππων πορεία ῥυθμὸς ἐνομίσθη).—Theogn. 247 sqq.: Κύρνε, καθ' Ἑλλάδα γῆν στρωφώμενος ἠδ'ἀνὰ νήσους, ἰχθυόεντα περῶν πόντον ἐπ' ἀτρύγετον, οὐχ ἵππων νώτοισιν ἐφήμενος· ἀλλά σε πέμψει ἀγλαὰ Μουσάων δῶρα ἰοστεφάνων.

[1]) На представленіе о такой μουσικὴ τέχνη опирается и знакомая намъ теорія Платона (Νόμοι); и любопытно слѣдить за тѣмъ, какъ старался Платонъ устранить тѣ затрудненія, какія ему ставило двойное (широкое и узкое) значеніе слова μουσική, и какія ставила ему его дихотомія—φωνῆς κίνησις (ᾠδή) и σώματος κίνησις (ὄρχησις), потому что σώματος κίνησις, относясь къ γυμναστική, затрагивала собою и μουσική,—какъ въ χορεία, которую Платонъ иногда даже отожествляетъ съ μουσική (какъ отожествляетъ онъ съ нею иногда и παιδεία, которая въ свою очередь сближается у него съ παιδιά). Ср. *Ritter*, Platos Gesetze, Kommentar, 15 ff. 83 ff.—Музы, сначала χορίτιδες, не только поющія, и играющія, но и пляшущія (ср. Hes. Theog. 4 sqq. 60 sqq.) разсматриваются потомъ какъ ἡδυμελεῖς, εὔλυροι, φίλαυλοι, μελίφθογγοι, ἵστορες ᾠδῆς, ἡδυέπειαι, ἀδολόγοι, λογικαί,—πάσης παιδείης ἀρετὴν γεννῶσαι ἄμεμπτον, θρέπτειραι ψυχῆς, διανοίης ὀρθοδότειραι, νόου εὐδυνάτοιο καθηγήτειραι (Orph. h. 76, 4 sqq.). Ср. *Bruchmann*, Epitheta deorum, 174 sqq.—Theogn. 791: τερποίμην φόρμιγγι καὶ ὀρχηθμῷ καὶ ἀοιδῇ.—Πρωτεύρυθμος Іобакховъ (Ditt.² 737, 125) сближается у *Mommsen*, Feste d. St. Athen, 257, съ Εὔμολπος (Εὐμολπίδαι; ср. также σύμμολποι, *Ath. M.*, XXII, 93; Εὐνεῖδαι—γένος ὀρχηστῶν καὶ κιθαριστῶν по Hesych.; CIA III. 274: ἱερεὺς Μελπομένου Διονύσου ἐξ Εὐνειδῶν); *Maass*, Orpheus, 62, видитъ въ немъ Орфея (erster Dichter, Musiker und Tänzer); быть-можетъ первая часть имени Πρωτεύρυθμος объясняется такъ, какъ *Schulze*, Quaest. epicae, 22, объясняетъ имя Πρωτεύς (въ связи съ πέπρωται; ср. однако *Wilamowitz*, Timoth., 45; Πρωτιάδαι, γένος ἐν Μασσαλίᾳ, Аристотель у Athen. 576 b; Plut. Sol. 2); не невозможно даже, что Πρωτεύρυθμος имѣлъ какое-либо отношеніе къ Протею и ему подобнымъ (Νηρεύς, Γλαῦκος и пр.) ἅλιοι γέροντες (ср. παλαιὸς γέρων тирскаго θίασος Διονύσου, *Ziebarth* Gr. Vereinsw, 54), славившимся и какъ вѣщатели, или что, рано или поздно, онъ вовлеченъ былъ въ кругъ такихъ представленій, какъ Ἀρχάνθρωπος (кабировъ), Πρωτογένης (орфиковъ) и т. п. (ср. Hippol. Ref. haer. V, 7,—эта ритмическая проза попала и въ число fragmenta melica adespota у Bergk, 84, и Hiller-Crusius, 33). Во

вѣру[1]) извѣстному разсказу о томъ, что Гай Гракхъ, произнося рѣчь предъ народомъ, имѣлъ позади себя искуснаго въ музыкѣ раба, который, подыгрывая на дудкѣ изъ слоновой кости, по мѣрѣ надобности то ускорялъ, то замедлялъ темпъ, то понижалъ, то повышалъ тонъ рѣчи страстнаго, увлекавшагося оратора[2]); если это такъ[3]), то въ этомъ даваніи тона оратору мы въ правѣ видѣть какъ-бы отзвукъ той музыки, которая сопровождала пѣніе стихотвореній[4]). Въ поздней греческой литературѣ мы недаромъ такъ часто встрѣчаемъ сравненіе рѣчи, произнесенной ораторомъ, и съ пѣснью, и съ музыкой[5]); говорится о «пѣніи» прозы[6]),—говорится, напримѣръ, что Геродотъ «пѣлъ» свою исторію на Олимпійскихъ играхъ[7]): разсказываютъ о томъ, съ какимъ наслажденіемъ слу-

---

всякомъ случаѣ очень характерно это имя, стоящее въ δόγματα Іобакховъ рядомъ съ именами (божественныхъ четъ?) Διόνυσος Κόρη. Παλαίμων 'Αφροδείτη (Παλαίμων—морской богъ, νεῶν φύλαξ, ср. *Rosch. M. L.* III, 1255 ff.; 'Αφροδείτη здѣсь можетъ-быть—'Αλία, или Λευκοθέα).—Ср. Εὔρυθμος: CIG 2426.

[1]) *Büttner*, Porcius Licinus, 80 ff. *Norden*, Ant. Kunstpr., 57.

[2]) Cicero de orat. III 225. Val. M. VIII, 10, 1. Quint. I 10, 27. Gell. I. 11, 10.

[3]) Моя ἀναισθησία βαρβαρόφωνος все еще заставляетъ меня сомнѣваться въ вѣрности этого разсказа. Возможно, конечно, что многіе ораторы пользовались и τονάρια, и даже услугами φωνασκοῦ (т. е. „ставившаго голосъ“),—какъ и актеры, съ которыми они нерѣдко сравнивались (ср. Arist., Rhet. III, 1403 b sqq.),—но лишь тогда, когда они готовились къ ораторской дѣятельности,—чтобы говорить ἠσκημένῃ τῇ φωνῇ. Характерны разсказы о такой ἄσκησις (πλάττειν τὴν ὑπόκρισιν καὶ διαπονεῖν τὴν φωνήν) Демосѳена (ср. Plut. Dem. 6. 7. 11. Vit. X or. 844 d sq.).

[4]) Ср. Arist. Rhet. III, 1403 b: δῆλον ὅτι καὶ περὶ τὴν ῥητορικήν ἐστι τὸ τοιοῦτον ὥσπερ καὶ περὶ τὴν ποιητικήν (ὅ περ ἕτεροί τινες ἐπραγματεύθησαν καὶ Γλαύκων ὁ Τήιος). ἔστιν δὲ αὐτὴ μὲν ἐν τῇ φωνῇ, πῶς αὐτῇ δεῖ χρῆσθαι πρὸς ἕκαστον πάθος, οἷον πότε μεγάλῃ καὶ πότε μικρᾷ καὶ μέσῃ, καὶ πῶς τοῖς τόνοις, οἷον ὀξείᾳ καὶ βαρείᾳ καὶ μέσῃ, καὶ ῥυθμοῖς τίσι πρὸς ἕκαστα.—Dionys. de comp. v. 11: μουσική τις ἦν καὶ ἡ τῶν πολιτικῶν λόγων ἐπιστήμη τῷ ποσῷ διαλλάττουσα τῆς ἐν ᾠδαῖς καὶ ὀργάνοις, οὐχὶ τῷ ποιῷ· καὶ γὰρ ἐν ταύτῃ καὶ μέλος ἔχουσιν αἱ λέξεις καὶ ῥυθμὸν καὶ μεταβολὴν καὶ πρέπον. Ср. Long. rhet. I p. 305 Sp. Quintil. I, 10. Aristox. harm. I, 9.

[5]) Πάντες δὴ ᾄδουσι καὶ ῥήτορες καὶ σοφισταὶ καὶ πάντα περαίνεται δι' ᾠδῆς (Dio Chrys. 32, 10). Ῥυθμούς τε ποικιλωτέρους αὐλοῦ καὶ λύρας ἐσηγάγετο ἐς τὸν λόγον (Philostr. v. s. II, 5, 3). Πάντα σοι ᾀδέσθω καὶ μέλος γενέσθω... καὶ τοῦδε μελέτω σοι τὸν χορὸν ἔχειν οἰκεῖον καὶ συνᾴδοντα (Lucian. pseudol. 21). Εὐφωνίαν (ἣν εἶχεν) αἰσχύνων καμπαῖς ᾀσμάτων, αἷς κἂν ὑπορχήσαιτό τις τῶν ἀσελγεστέρων (Phil. v. s. II 28).—Ср. *Norden*, A. K. 55 ff. 375 ff. *Rohde*, Gr. R.[2] 336 f.

[6]) Напр., часто у Эліана и Филострата (Radermacher, *N. Jahrbb.* CLIII, 116 f.).—Ср. также Babr. pr. 2, 16: τήνδε βίβλον ἀείδω.—Ср. Strab. 18.

[7]) Lucian. Herod. 1, 2 (тогда будто-бы и 9 книгъ его исторіи названы были именами Музъ). Ср. также JG Ins. I 145, гдѣ v. 3 sq. Hiller читаетъ: [ἀίδων θ' Ἡ]ροδότου γλύκιον σ[ύ], μάκαρ, Πανυάσσιν [νικᾷς] (v. 2: [Μουσ]έων πτόρθος, v. 5: διὰ μολπάς).—'Ηρόδοτος ᾄδει (ὑπὲρ τῆς τῶν ἔχεων ὠδῖνος) и у Эліана, an. n. XV 16.

шали въ Римѣ одного оратора, говорившаго по-гречески, даже не знавшіе по-гречески, т. е. не понимавшіе его рѣчи, но упивавшіеся музыкою его голоса, какъ пѣніемъ сладкоголосаго соловья[1]). Но и дѣйство, вмѣстѣ съ музыкой сопровождавшее нерѣдко пѣсню, не было забыто—даже и поздними—еллинскими ораторами: «чей голосъ звучитъ, въ пѣсняхъ-ли или въ рѣчахъ,—говоритъ Платонъ,—тотъ не можетъ сохранять въ покойномъ состояніи свое тѣло; что говорится, всегда, такъ или иначе, мимируется[2]); и мы знаемъ, до какихъ уродливыхъ крайностей доходила у иныхъ ораторовъ эта μίμησις τῶν λεγομένων, это мимированіе произносимаго[3]).

---

[1]) Philostr. v. soph. II 10, 5 (объ Адріанѣ): ἠκροῶντο δὲ ὥσπερ εὐστομούσης ἀηδόνο τὴν εὐγλωττίαν ἐκπεπληγμένοι καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ εὔστροφον τοῦ φθέγματος καὶ τοὺς πεζῇ τε καὶ ξὺν ᾠδῇ ῥυθμούς. Ср. ibid. I 8 (о Фаворинѣ).

[2]) Plat. Leg. 616 A. Ср. 814 C: οὐδ' ἔστι ῥᾴδιον ἄνευ τοῦ τῷ σώματι δεικνύντα ἅμα καὶ τῷ λόγῳ φράζειν.—Liban. 63, p. 376 R.: ἂν μὴ συνενέγκῃ τὰ σχήματα τοῖς λόγοις, ἀπώλεσε τὴν εὐφωνίαν ὑπο τῆς ἡσυχίας, ἣν καιρὸς ἦ κινεῖσθαι. διόπερ πολλοὶ τῇ φωνῇ κρατοῦντες οὐ μετέχοντες τοῦ κινεῖσθαι καλῶς ἧττον εὔφραναν· πολλοὶ δὲ κατὰ φωνὴν λειπόμενοι τῇ περὶ τὸ σχηματίζεσθαι πλεονεξίᾳ πρὸ τῶν κρειττόνων ἐτέθησαν.

[3]) σείεσθαι, τυμπανίζειν, ὀρχεῖσθαι, ἐξορχεῖσθαι, ἐκβακχεύεσθαι, μεθύειν περὶ τοὺς λόγους, αὐτοὺς ἀποκρύπτειν τοῖς ἱματίοις (ἐσθῆτος σχῆμα λυπηρόν) и пр.; см. особенно 50-ю рѣчь Аристида—κατὰ τῶν ἐξορχουμένων (ср. также Luc. de salt. 65). Тексты, сюда относящіеся, указаны у *Rohde*, Gr. R.² 337 f., и *Norden*, A. K., 294 f. 355 ff.—Характерно довольно обычное сравненіе произносимой ораторомъ рѣчи съ плясовой пѣсней-музыкой, при чемъ иногда οἱ ἀκροαταὶ καὶ ἐρώμενοι рисуются какъ хоръ, а ораторъ—какъ корифей хора (такъ—у Аристида, которому, кстати, у Lib. or. 63, 357 R., приписывается такое—очевидно примыкающее къ Платону—опредѣленіе: ὄρχησίς ἐστι κίνησις τῶν μελῶν σύντονος μετά τινων σχημάτων καὶ ῥυθμῶν; ср. π. ὕψ. 41, Plut. de r. aud. rat. 7, и выше, стр. 26 прим. 5).—Слѣдуетъ, впрочемъ, съ нѣкоторой осторожностью пользоваться показаніями объ ἀναίδεια θεατρική отдѣльныхъ ораторовъ (или отдѣльныхъ школъ ораторовъ), и во всякомъ случаѣ не такъ рѣзко, какъ Rohde и даже Norden, изолировать съ этой точки зрѣнія представителей τοῦ 'Ασιανοῦ χαρακτῆρος или „второй софистики“. Играющее такую видную роль въ этихъ показаніяхъ противопоставленіе древнихъ (ἀρχαῖοι) ораторовъ современнымъ (οἱ νῦν) было однимъ изъ общихъ мѣстъ риторики (восходившимъ, въ концѣ концовъ, къ гомеровскому—и въ частности къ Несторову, Il. I, 271 sqq.,—οἷοι νῦν βροτοί εἰσιν), и, напримѣръ, слова Филострата (I, 19, 1, о Никитѣ Смирнскомъ): ἡ ἰδέα τῶν λόγων τοῦ μὲν ἀρχαίου καὶ πολιτικοῦ ἀποβέβηκεν, ὑπόβακχος δὲ καὶ διθυραμβώδης могутъ быть сопоставлены съ Arist. Poet. 1450 b: οἱ μὲν γὰρ ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποίουν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ῥητορικῶς. Вполнѣ разработаннымъ, поскольку дѣло касается внѣшней εὐκοσμία ораторовъ, является это противопоставленіе уже въ рѣчи Эсхина (345 г.) противъ Тимарха, гдѣ дѣлается даже—правда, очень не удачная, какъ это доказано было противникомъ Эсхина, Демосѳеномъ (въ рѣчи περὶ τῆς παραπρεσβείας 251 sqq.),—экскурсія въ область археологіи (ссылка на саламинскую статую Солона, 25 sq.); но и вообще любопытны тѣ упреки, какіе дѣлали другъ другу, какъ ораторамъ, Эсхинъ и Демосѳенъ (ср., напр., Dem. XVIII, 280. 291; Aesch. III, 70 sqq.);

Такимъ образомъ, какъ рядомъ съ пѣснею сказъ, такъ рядомъ съ «поэзіей» существуетъ искони и «проза», и какъ пѣніе въ сказываніе, такъ и «поэзія» переходитъ—и въ пространствѣ, и во времени—въ «прозу»[1]). Именно въ этомъ тѣсномъ сосѣдствѣ своемъ съ поэзіей и встаетъ передъ нами изъ туманной дали временъ, въ древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ эллинской литературы,—и краснорѣчіе.

Пѣвецъ гесіодовой Ѳеогоніи называетъ себя служителемъ музъ. Дщери Зевса благосклонны къ пѣвцамъ; имъ вручаютъ онѣ скиптръ—вѣтвь лавроваго дерева, - имъ даютъ (ἐνέπνευσαν) онѣ вдохновенную пѣсню—пѣсню о томъ, что̀ было, о томъ, что̀ есть, о томъ, что̀ будетъ. Но благосклонны Музы и къ царямъ: кого изъ царей онѣ возлюбятъ, тому при рожденіи источаютъ онѣ на языкъ сладкую ро́су, и потомъ на вѣчѣ изъ его устъ текутъ кроткія, мягкія рѣчи (ἔπεα); своими рѣчами, не прибѣгая къ насилію, укрощаетъ мудрый царь раздоры, и какъ на бога взираетъ на него народъ: таково священное даяніе Музъ людямъ![2]). Въ гомеровскихъ поэмахъ также на ряду съ вполнѣ развив-

---

упреки Демосѳена, кстати сказать, очень близки къ тому, какъ рисуетъ τοὺς νῦν (ῥήτορας) Филодемъ (I, p. 200 Sdh.).—Сюда же относится, конечно, и сообщеніе Arist. Ἀθ. πολ., 28, о Клеонѣ, ὃς πρῶτος ἐπὶ τοῦ βήματος ἀνέκραγε καὶ ἐλοιδορήσατο, καὶ περιζωσάμενος ἐδημηγόρησε, τῶν ἄλλων ἐν κόσμῳ λεγόντων (ср. Aristoph. Equ. 147; Plut. Nic. 8), можетъ-быть и сообщеніе о Клеофонтѣ (Ἀθ. π. 34), который пришелъ εἰς τὴν ἐκκλησίαν μεθύων καὶ θώρακα ἐνδεδυκώς (какъ нѣкогда εἰς τὴν ἀγοράν Солонъ, σκηπτόμενος ἔκστασιν τῶν λογισμῶν, πιλίδιον περιθέμενος, Plut. Sol. 8?).—Теоретическая разработка (наиболѣе полно представленная для насъ въ XI книгѣ Квинтиліана; ср. *Volkmann*, Rhetorik², 576 ff.) ученія о произношеніи рѣчей, о ὑπόκρισις, или actio (actor—ludio, cantor, saltator; ср. Tac. dial. 26: cantari saltarique commentarios), распадавшейся (ср. φωνῆς и σώματος κίνησις Платона) на πάθη (τάσεις) τῆς φωνῆς и σχήματα (διάθεσις) τοῦ σώματος (такъ уже Хрисиппъ у Plut. de Stoic. rep. 28; ср. Cic. Or. 55: est enim actio quasi corporis quaedam eloquentia, cum constet e voce atque motu), началась вѣроятно еще до Ѳеофраста, во всякомъ случаѣ—уже съ Ѳеофраста (ср. Diels, *Abh. d. preuss. Ak.*, 1886, 32 f.).—Rohde, l. c. 338, въ объясненіе того, что античные слушатели должны были иначе, нежели современные, особенно въ сѣверныхъ странахъ, относиться къ жестикуляціи ораторовъ, ссылается на жестикуляцію (мы прибавили бы и πάθη τῆς φωνῆς) современныхъ итальянскихъ проповѣдниковъ.

[1]) Поэзія и проза какъ мы видѣли, понятія относительныя, если не соотносительныя. Ср. Procl. chr., in.: αἱ αὐταὶ εἰσιν ἀρεταὶ λόγου καὶ ποιήματος, παραλλάσσουσι δὲ ἐν τῷ μᾶλλον καὶ ἧττον.

[2]) Hes. Theog. 30 sqq. Отъ Музъ и Аполлона—прибавляетъ поэтъ (94 sqq.)—на землѣ пѣвцы и киѳаристы, отъ Зевса цари. И блаженъ, кого возлюбятъ Музы: сладкая рѣчь (αὐδή) струится изъ его устъ. И если у кого сердце раздирается отъ старой печали, отъ свѣжаго горя,—стоитъ пѣвцу запѣть пѣсню во славу предковъ, во славу боговъ, и забудутся всѣ скорби и горести. *Dümmler*, Kl. Schr. II 339 f., ссылается на

шейся пѣсней выступаетъ и вполнѣ развившееся краснорѣчіе[1]). Слад-

---

эти стихи въ доказательство того, что носители эпическаго преданія, ἀοιδοί, принадлежать къ придворной знати; пѣснью своею у грядущихъ поколѣній отплачиваютъ они за тотъ отблескъ, какой и на нихъ падаетъ отъ военной славы ихъ господъ; λαοί же интересуютъ ихъ мало—лишь постольку, поскольку сообщаютъ они блескъ царю, своей массой, своимъ послушаніемъ, своимъ почитаніемъ. Въ данномъ случаѣ (но не вообще,—не тогда, напр., когда онъ считаетъ тонкимъ замѣчаніе Curtius'а, что въ Спартѣ наслѣдственныя должности κήρυκες или μάγειροι—т. е. такъ же, какъ и пѣвцы, δημιοεργοί—были остаткомъ ахэйской царской власти; вѣдь и въ аѳинскомъ Βουκολεῖον Curtius—ср. Stadtg. v. Athen, 51—видѣлъ царскую мызу!) Dümmler фактически, конечно, правъ: гесіодовъ пѣвецъ дѣйствительно смотритъ на царя снизу вверхъ,—хотя и старается дать понять, что они—товарищи по мусическому искусству и одинаково полезны и людямъ, и другъ другу.—Быть-можетъ эти гесіодовы стихи имѣлъ въ виду и Πρατίνας, когда говорилъ: τὰν ἀοιδὰν κατέστασε Πιερὶς βασίλειαν (fr. 1 B.).—Своими ἐπέεσσιν, μειλίχοις, μαλακοῖς, пользуются βασιλῆες ἐχέφρονες, чтобы λαοῖς βλαπτομένοις ἀγορῆφι μετάτροπα ἔργα τελεῖν, чтобы διακρίνειν θέμιστας ἰθείῃσι δίκῃσιν (ср. op. 248 sqq. 274 sqq.): ἀσφαλέως ἀγορεύων царь αἶψά κε καὶ μέγα νεῖκος ἐπισταμένως κατέπαυσε; оттого οἱ λαοὶ πάντες εἰς αὐτὸν ὁρῶσι, оттого ἐρχόμενον ἀνὰ ἄστυ θεὸν ὣς ἱλάσκονται αἰδοῖ μειλιχίῃ (ср. Hes. fr. 247: δῶρα θεοὺς πείθει, δῶρ' αἰδοίους βασιλῆας). На эпитетъ μείλιχος, μειλίχιος—дѣло, разумѣется, не обходится здѣсь безъ представленія о μέλι—проливаетъ свѣтъ разъясненіе Plut. de coh. ira 9 (διὸ καὶ τῶν θεῶν τὸν βασιλέα μειλίχιον, Ἀθηναῖοι δὲ μαιμάκτην, οἶμαι, καλοῦσι), какъ и вообще культъ Зевса Μειλιχίου и другихъ μειλιχίων θεων (ср. *Rosch. M. L.* II 2558 ff.; *Stengel*, Gr. Kultusalt.², 89 ff. 210; *Mommsen*, Feste d. St. Ath., 421 ff.).—Hes. op. 280 sq.: εἰ γάρ τίς κ' ἐθέλῃ τὰ δίκαι' ἀγορεῦσαι γιγνώσκων (этому τις противоставляется ὃς δέ κε μαρτυρίῃσιν ἑκὼν ἐπίορκον ὀμόσσας ψεύσεται; ср. 193 sq.: βλάψει δ' ὁ κακὸς τὸν ἀρείονα φῶτα μύθοισι σκολιοῖς ἐνέπων, ἐπὶ δ' ὅρκον ὀμεῖται.

[1]) Hermog. π. ἰδ. II 411 Sp.: ὁ Ὅμηρος ποιητῶν ἄριστος, φαίην δ' ἂν ὅτι καὶ ῥητόρων... ἐπεὶ γάρ ἐστιν ἡ ποίησις μίμησις ἁπάντων, ὁ δὲ μετὰ τῆς περὶ τὴν λέξιν κατασκευῆς ἄριστα μιμούμενος καὶ ῥήτορας δημηγοροῦντας καὶ κιθαρῳδοὺς πανηγυρίζοντας... καὶ πάντα πράγματα οὗτος ἄριστός ἐστι ποιητής (ср. Quintil. X 1, 46 sqq.). Таково было представленіе многихъ литературныхъ критиковъ древности; подробно развито оно было въ сочиненіи Телефа пергамца περὶ τῆς καθ' Ὅμηρον ῥητορικῆς (ср. Schrader, *Hermes* XXXVII 560 ff. XXXVIII 144 f.), въ Πλουτάρχου(?) περὶ (τοῦ βίου καὶ τῆς ποιήσεως) Ὁμήρου (c. 161 sqq.), въ [Διονυσίου τ. Ἁλικ.] τέχνη (p. 43 sqq. Us.); оно нашло себѣ мѣсто и въ Ὁμηρικὰ ζητήματα Порфирія, въ схоліяхъ къ Гомеру, также въ схоліяхъ или пролегоменахъ къ Гермогену; въ гомеровскихъ рѣчахъ указывались различныя εἴδη τῆς ῥητορικῆς—δημηγορικόν, ἐγκωμιαστικόν, συμβουλευτικόν, δικανικόν (ср. Walz, *Rh. gr.* IV 9 sq. VI 7. 48. VII 5; Plut. Hom. 171), въ гомеровскихъ ораторахъ—представители различныхъ χαρακτήρων των λόγων (Менелай, Одиссей, Несторъ, въ качествѣ ζηλωταί коихъ выставлялись иногда Лисій, Демосѳенъ, Исократъ; ср. Eust. и Sch. BT ad Il. III 212 sqq.; Sch. Mon., Sp. III p. 152; Plut. Hom. 172; Walz VII 5; Quint. II 17, 8; Gell. VI 14, 7); отдѣльныя рѣчи, какія ῥητορικὸς ὢν ὁ ποιητής (μόνος τῶν ποιητῶν знавшій ὃ δεῖ ποιεῖν αὐτόν, не такъ, какъ другіе, которые αὐτοὶ δι' ὅλου ἀγωνίζονται, тогда какъ αὐτὸν δεῖ τὸν ποιητὴν ἐλάχιστα λέγειν, Arist. poet. 1460 a) такъ часто вставлялъ въ свое повѣствованіе, тщательно разбирались и высоко оцѣнивались съ риторической точки зрѣнія (ср. сопоставленія относящихся сюда текстовъ у Schrader, l. c., и у *Lehnert*, De Scholiis ad Hom. rhetoricis,

чайшія меда рѣчи льются не только изъ устъ царя Нестора: и другіе гомеровскіе герои въ своихъ рѣчахъ, можно сказать, предвосхищаютъ многія формулированныя риторикою V-го и слѣдующихъ вѣковъ правила ораторскаго искусства[1]). Мы видимъ даже, какъ заботятся тутъ о томъ, чтобы и молодые люди, особенно царевичи, пріучались говорить складно (μύθοισι πυκινοῖσι), говорить приличное случаю (ἐοικότα μυθεῖσθαι)[2]);

1896). Въ основаніи этого представленія лежала не только мысль, что Гомеръ въ своей μίμησις охватилъ πάσας τέχνας, πάντα τὰ ἀνθρώπεια, но и мысль, что σύνδρομος ἡ ῥητορικὴ τῷ λόγῳ των ψυχων (ср. Arist. rhet. 1354 a), и что она поэтому ἠσκεῖτο παρ' ἀνθρώποις еще πρὸ Νέστορός τε καὶ Παλαμήδους καὶ Φοίνικος (Φοῖνιξ praeceptor могъ при случаѣ сойдти и за Кадма) καὶ Ὀδυσσέως καὶ πρὸ των ἐν Ἰλίῳ (Syr. in Herm. I, 11 R.).—Съ этимъ представленіемъ не соглашались однако другіе литературные критики, предъявлявшіе болѣе строгія требованія къ краснорѣчію-риторикѣ; самыми серьезными доводами опровергали они не только уже ученіе (ссылавшееся, между прочимъ, на Jl. IV 1: οἱ θεοὶ ἠγορόωντο) о томъ, что риторика перешла отъ боговъ къ героямъ, отъ героевъ къ людямъ (у боговъ риторики не было уже потому, что ὁ λόγος προφορικὸς χρῄζει σωματικων ὀργάνων; у поэтовъ вѣдь одно говорится, другое мыслится), но и ученіе о наличности риторики у гомеровскихъ героевъ: вѣдь и ἀνδράποδα βάρβαρα παντὸς ἄμοιρα λόγου восхваляютъ другъ друга и говорятъ и защищаются и обвиняютъ, ἅπερ εἰσὶν ἴδια τῆς ῥητορικῆς, и отнюдь нельзя τὴν των ἡρώων ἐκείνων εὔρυθμον προφοράν принимать за ῥητορικήν (а развѣ за εἴδησιν λογισμοῦ καὶ ὀξύτητα των ἄλλων πλείονα): τέχνην γὰρ πάντως οὐκ ἔχει (ср. W. IV 9. VII 5; ср. Quint. II 17, 6 sq.); одинъ изъ мотивовъ этихъ возраженій (σχεδὸν διὰ τῶν πλείστων ὑπομνήσεων) указывается еще у Philod. I p. 8, 38 Sdh.: τὸ μηδὲ τὴν τέχνην ὑπάρχειν ἐν τοισίδε τισὶν χρόνοις λαμβάνουσιν ἀσυκοφαντήτως, ὅταν δόξωσιν ὁπωσδήποτε παρεστακέναι τὸ μὴ διὰ ἀγράπτων καταβεβλῆσθαί τινας τεχνολογίας (ср. также Christoph. in Herm. ed. Rabe *Rh. M.* L, 243).—Этотъ споръ о рѣчахъ у Гомера (споръ, въ которомъ видное участіе приняли стоики, ср. Schrader l. c. 571 ff. и Radermacher, *Rh. M.* LII, 416 ff.) восходитъ къ тому спору (Ератосѳенъ и Гиппархъ), который нашелъ себѣ отраженіе у Страбона p. 15 sqq., и дальше—ко временамъ Антисѳена (ср. Duemmler, Kl. Schr. I, 24 ff.), Сократа, Платона; самый ранній прямой слѣдъ его для насъ—у Xenoph. conv. IV, 6 (ср. Plat. Resp. 392 E sqq. 598 D sqq. Phaedr. 261 B sq.: ἀλλ' ἢ τὰς Νέστορος καὶ Ὀδυσσέως τέχνας μόνον περὶ λόγων ἀκήκοας, ἃς ἐν Ἰλίῳ σχολάζοντες συνεγραψάτην, των δὲ Παλαμήδους ἀνήκοος γεγονας;).

[1]) Ср. *Bergk* Gr. Lit.-G. I 830 f. Hecht, Zur homer. Beredsamkeit, *Festschrift Friedlaender dargebracht*, 113 ff.—Несторъ (ср. о немъ *Robert*, Studien zur Jlias, 361 f. 446 ff.) называется въ Иліадѣ ἡδυεπής, λιγὺς Πυλίων ἀγορητής, τοῦ καὶ ἀπὸ γλώσσης μέλιτος γλυκίων ῥέεν αὐδή (I 247 sq. IV 293); ἦ μὰν αὖτ' ἀγορῇ νικᾷς, γέρον, υἷας Ἀχαιων—говоритъ ему Агамемнонъ (II 370; ср. слова самого Нестора, IX 50 sqq.). Не менѣе Нестора краснорѣчивъ у Гомера Одиссей; характеристика его краснорѣчія, сравнительно съ краснорѣчіемъ Менелая, дана въ Ил. III, 211 sqq.; Одиссей и потомъ слылъ (даже больше, чѣмъ Несторъ) за ῥητορικώτατος; имъ любили пользоваться для своихъ цѣлей драматическіе и риторическіе писатели (у Еврипида онъ—героическій прототипъ демагога. *Nestle*, Euripides, 289 f.).—Plat. Phaedr. 261 C: εἰ μὴ Γοργίαν Νεστορά τινα κατασκευάζεις, ἢ τινα Θρασύμαχόν τε καὶ Θεόδωρον Ὀδυσσέα.

[2]) Od. III 23. 124 sq.; ср. IV 239.

при царевичахъ состоятъ наставники, воспитатели[1]), старающіеся сдѣлать изъ нихъ и умѣющихъ дѣйствовать, и умѣющихъ говорить—μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων[2]). Отъ оратора требуютъ, чтобы онъ говорилъ не только съ разумѣніемъ дѣла, но и строго расчленяя мысль и слово, соблюдая порядокъ мысли, соблюдая мѣру и тактъ въ подборѣ и въ сочетаніи словъ[3]). И въ гомеровскомъ вѣчѣ, въ совѣтѣ и въ судѣ басилеи говорятъ больше другихъ; но выступаютъ со своими рѣчами и люди изъ народа (δήμου ἄνδρες)—и не всегда, конечно, такъ неудачно, какъ Ѳерситъ, въ лицѣ котораго аристократически-настроенный поэтъ Иліады рѣзкими чертами рисуетъ оратора оппозиціи: самый гнусный видомъ изъ всѣхъ пришедшихъ подъ Иліосъ, съ кривыми ногами, хромой, горбатый, съ узкими плечами и узкой грудью, съ головой клиномъ, съ рѣдкимъ волосомъ, этотъ ораторъ-крикунъ всегда имѣлъ на готовѣ массу безпорядочныхъ словъ, чтобы пускать ихъ въ ходъ, безъ всякаго смысла и толку,—ради того лишь, чтобы оспаривать всякое предложеніе басилеевъ да потѣшать народъ, собравшійся на вѣче[4]). Предъ нами здѣсь чрезвычайно-художественно, но слишкомъ уже темными красками нарисованный типъ вѣчника-демагога[5])—типъ, дальнѣйшей характери-

---

[1]) Φοῖνιξ при Ахилеѣ (Il. IX 437 sqq.), Менторъ при Телемахѣ (Od.), 'Αλκάθοος при Энеѣ (Il. XIII 465 sqq.).

[2]) Il. IX 438 sqq. (слова Фойника Ахилею): σοὶ δέ μ' ἔπεμπε Πηλεύς, ὅτε σ'ἐκ Φθίης 'Αγαμέμνονι πέμπεν νήπιον, οὔ πω εἰδόθ' ὁμοιίου πολέμοιο οὐδ' ἀγορέων, ἵνα τ'ἄνδρες ἀριπρεπέες τελέθουσιν. τοὔνεκα με προέηκε, διδασκέμεναι τάδε πάντα, μύθων τε ῥητῆρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων. Ср. Od. II 272 (Аѳина Μέντορι εἰδομένη Телемаху): τελέσαι ἔργον τε ἔπος τε. Il. XV 281 sqq. Od. IV 817 (νήπιος, οὔτε πόνων εὖ εἰδὼς οὔτ' ἀγοράων). Идеалъ женскаго воспитанія—ἔργα и φρένες (ἐσθλαί): Il. I 115. Od. VII 111.—Въ надписяхъ часто встрѣчаемъ формулу: ἐπειδὴ NN διατελεῖ τῶι δήμωι καὶ λέγων καὶ πράττων τὰ ἄριστα καὶ κάλλιστα, τὰ συμφέροντα (Mich. 204 sqq. 327. 394. 458. 470; ср. 379: ποιεῖ ἀγαθὸν καὶ λόγωι καὶ ἔργωι; 1322: καταδῶ... αὐτόμ καὶ ἔργα καὶ ἔπεα).

[3]) Ораторъ не долженъ быть ἀκριτόμυθος, ἀμετροεπής (Il. II 246. 212), ἀφαμαρτοεπής, πολύμυθος (III 214 sq.), не долженъ знать ἔπεα ἄκοσμα (II 213); онъ долженъ не упускать изъ виду τέλος μύθων (IX 56; ср. XI 625), долженъ говорить не μάψ, а κατὰ κόσμον (II 214; Od. III 138), излагать πάντα ἐν μοίρῃ (Il. XIX 186), κατὰ μοῖραν (Il. pass. Od. XVIII 170), говорить εὖ φρονέων (Il. I 73. II 78. 283), не κερτομέων (II 256), не ὀξέα κεκληγώς, не μακρα βοῶν (II 222. 224); λιγὺς ἀγορητής (Il. I 248. II 246. IV 293. XIX 82. Od. XX 274) не долженъ быть λωβητήρ ἐπεσβόλος (Il. II 275).—Оратора καλον ἀκουέμεν, οὐδὲ ἔοικεν ὑββάλλειν· χαλεπὸν γὰρ ἐπισταμένῳ περ ἐόντι (Il. XIX 79 sqq.).

[4]) Il. II 211 sqq. (Ср. Δόλων, εἶδος κακός, X 316).

[5]) *Usener*, Stoff des griech. Epos, 42 ff., указываетъ въ изображеніи Ѳерсита, какъ бы далеко ни шло здѣсь поэтическое измышленіе, слѣды представленія о богѣ, носившемъ такое или подобное имя, и вмѣстѣ о φαρμακός; во всякомъ случаѣ, гоме-

стикой котораго и послѣ займется литература, больше всего, конечно, комедія, особенно комедія Аристофана.

Итакъ, уже въ ту эпоху, или въ тѣ эпохи, которыя нашли себѣ изображеніе и отображеніе въ Иліадѣ и въ Одиссеѣ[1]), мы встрѣчаемся не только съ широкимъ примѣненіемъ, но и съ значительной выработкой политическаго краснорѣчія[2]). Когда цари смѣняются избираемыми

ровскій образъ „худого мужика-вѣчника“ ближе напоминаетъ намъ „безъименитыхъ мужиковъ“ Воскресенской лѣтописи (1471 г.), „иже скотомъ подобни суть, ничтоже разума имущихъ, но точію едино кричаніе, и ти приходяху на вѣче, и кричаху и лааху яко псп, нелѣпаа глаголюще (государемъ зовяху себѣ Великій Новгородъ, князя великаго пословъ рѣчей слышати не хотяху)“.

[1]) Иліада и Одиссея очень долго творились (устно и письменно) и въ своемъ содержаніи, и въ своей формѣ, пока онѣ не приняли „въ цѣломъ и существенномъ“ тотъ видъ, въ какомъ дошли и до насъ; такой видъ онѣ приняли во всякомъ случаѣ ко временамъ Платона (*Ludwich*, Die Homervulgata, 67 ff. 188 ff.), и вѣроятно еще къ VI столѣтію или въ VI столѣтіи (все-еще законное сомнѣніе въ достовѣрности легенды о писистратовской рецензіи Гомера у Ludwich'a, l. l., 156 ff., напрасно, кажется, переходитъ въ безусловное отрицаніе „аттической редакціи“ вообще, въ пользу которой, кромѣ общихъ—ср. *Cauer*, Grundfragen d. Homerkritik, 69 ff.—говорятъ и различныя детальныя указанія, вродѣ, напр., тѣхъ, какія даютъ *Dümmler*, Kl. Schr. II 25 ff., и *Wilamowitz*, Arist. u. Ath., I 239, гдѣ, конечно, можно было-бы не тревожить рапсодовъ и не заставлять аѳинянъ совершать при Гиппіи панаѳинейскую помпу не ἀσπιδιῶτας). Какъ бы то ни было, гомеровскія поэмы заключаютъ въ себѣ и объективныя, и субъективныя наслоенія нѣсколькихъ столѣтій, и эпизоды, представляющіе болѣе-непосредственный интересъ для исторіи краснорѣчія (Il. I 245 sqq. II 211 sqq. III 203 sqq. IX 430 sqq.), изслѣдователями состава Иліады относятся обыкновенно къ числу уже болѣе-позднихъ наслоеній (ср. указанія *С. Шестакова*, О происхожденіи Иліады, 126 сл. 138 сл. 176 сл. 236 сл.).

[2]) Гомеровскія поэмы предполагаютъ, повидимому, развитіе не только вѣчеваго (или совѣтскаго), но и посольскаго краснорѣчія (ср. Il. III 203 sqq. и Πρεσβεία).—Отмѣтимъ еще, что похожимъ на демагога является въ Одиссеѣ (XII 278 sqq.) среди спутниковъ Одиссея Эврилохъ.—Конечно, еще больше, нежели у Гомера, герои выступали въ качествѣ ораторовъ у трагиковъ (ср. Arist. poet. 1450 b, гдѣ, м. пр., отмѣчается, что οἱ μὲν ἀρχαῖοι πολιτικῶς ἐποίουν λέγοντας, οἱ δὲ νῦν ῥητορικῶς).—Павсаній (II 31, 1 sqq.) разсказываетъ о находившемся на агорѣ Τροιζηνίων, позади храма Артемиды, Πιτθέως μνῆμα, съ тремя на немъ θρόνοι (ср. *Reichel*, Über vorhellenishe Götterkulte, 1897); говорили, что Питѳей и два мужа съ нимъ (assessores, πάρεδροι?) творили судъ на этихъ сѣдалищахъ; неподалеку была святыня Музъ,—ἐνταῦθα Πιτθέα διδάξαι λόγων τέχνην φασί, καί τι βιβλίον Πιτθέως δὴ σύγγραμμα ὑπὸ ἀνδρὸς ἐκδοθὲν Ἐπιδαυρίου καὶ αὐτὸς—прибавляетъ Павсаній—ἐπελεξάμην. Ср. также Paus. II 19, 3 (о Геланорѣ и Данаѣ).—Питѳей, разсказываетъ Плутархъ (Thes. 3), былъ царемъ-основателемъ πόλεως οὐ μεγάλης τῆς Τροιζηνίων, но прославился больше всѣхъ жившихъ въ тѣ времена ὡς ἀνὴρ λόγιος καὶ σοφώτατος, особенно своими γνωμολογίαι, подобными гесіодовымъ ἐν τοῖς Ἔργοις; быть-можетъ за иныя изъ своихъ γνῶμαι, и прежде всего за μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς (Schol. Aesch. Eum. 428. Sch. Eur. Hipp. 264. Paroem. Gr. II 759 L.), онъ и возве-

народомъ и изъ народа представителями исполнительной власти, когда совѣтъ, раньше «дума» при особѣ царя, получаетъ характеръ комиссіи при вѣчѣ, когда судебная власть, дѣлившаяся раньше между царемъ и вѣчемъ, но чаще всего осуществлявшаяся царемъ, переходитъ къ гласному народному суду[1]), который—такъ же, какъ и царь въ его судоговореніи (и правоговореніи),—наблюдалъ, конечно, то мудрое реченіе, которое ходило съ именемъ миѳическаго царя Питѳея трэзенскаго: μηδὲ δίκην δικάσῃς πρὶν ἀμφοῖν μῦθον ἀκούσῃς[2]), когда все болѣе осложняется вся вообще—и въ частности политическая—жизнь, весь вообще—и въ частности юридическій—бытъ, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе развивается умственная культура (и въ частности литература),—тогда политическое и судебное краснорѣчіе, естественно, поднимается въ своемъ значеніи—особенно, конечно, въ болѣе культурныхъ центрахъ, прежде всего—въ Аѳинахъ[3]). Съ конца V вѣка литературныя изображенія аѳин-

---

денъ былъ (у Павсанія l. c.) въ званіе профессора λόγων τέχνης (ср. Paus. I 22, 2). Питѳей вовлеченъ былъ въ кругъ трозанскихъ сказаній и легендъ, гдѣ представлены были всѣ тѣ мотивы, какіе (ср. выше, стр. 23, пр. 4) связываются съ представленіемъ о нимфахъ-музахъ: и Посейдонъ съ его отношеніями къ нимфамъ, и съ его сыновьями-близнецами, и Γλαῦκος, и Πήγασος съ Беллерофонтомъ, и Ἱππόλυτος, Πιτθέως παίδευμα, съ Φαίδρα и съ амазонками, и нимфы Ἀρδαλίδες, и Διόνυσος πελάγιος, и даже Ἵππου καλουμένη κρήνη (ср. *Wide*, De sacris Troezeniorum Herm. Epidaur., 1888. *Gruppe*, Gr. Myth. 190 ff. 585 ff. *Wilamowitz*, Hippolytos, 36 ff.); эти трозанскія сказанія стояли въ тѣсной связи съ аттическими, какъ и Πιτθεύς (Πιθεύς)—съ Ѳесеемъ (ср. *Gruppe* l. c. *Kirchner* Attica et Peloponnesiaca, 9 sqq.); слывшій иногда дѣдомъ или руководителемъ Ѳесея, Питѳей оказывался и какъ-бы двойникомъ (Seitenstück) краснорѣчиваго основателя аѳинской демократіи (какъ Μεγαρεύς и др.; ср. Usener, *Rh. Mus.* LIII 356 ff.).

[1]) Ср. *Приложеніе*.

[2]) Т. е.—audiatur et altera pars. *Hirsel*, Der Eid, 107 f., сближаетъ это реченіе съ эсхиловымъ: δυοῖν παρόντοιν ἥμισυς λόγου πάρα (Eum. 428) и оба эти реченія съ Rechts-Sprichwort: Ein manns red ein halbe red Man soll sie hören alle beed (*Grimm*, W. VIII 454). Ср. также Hes. op. 263 sq.: βασιλῆες, ἰθύνετε μύθους, δωροφάγοι, σκολιῶν δὲ δικῶν ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε. Il. XVIII 507 sq.: κεῖτο δ'ἐν μέσσοισι τάλαντα, τῷ δόμεν, ὃς δίκην ἰθύντατα εἴποι. Sol. fr. 4, 37 sqq.: εὐθύνει δίκας σκολιάς, παύει δ'ἔργα διχοστασίης. Anacr. 16 B.: μυθιῆται διέπουσιν ἄστυ (μυθιῆται—στασιασταί, по Schol. Od. XXI 71: μύθου ποιήσασθαι ἐπισχεσίην). Πανύασις· διχθάδιος μῦθος, Lex. Gen. (Reitzenstein, Ined. poet. gr. fr. II p. 15). Pap. Br. M., Wessely, *Wien. St.* IX 266, Z. 18 f.: τούτων ῥηθέντων αὐτοῖς πρὸς ἀλλήλους συνβέβηκεν μεσιτίαν γενέσθαι.—Ср. Aristoph. vesp. 725. Eurip. Heraclid. 179 sqq. Hipp. 882 sqq.—Присяга аѳинскихъ геліастовъ гласила: καὶ ἀκροάσομαι τοῦ τε κατηγόρου καὶ τοῦ ἀπολογουμένου ὁμοίως ἀμφοῖν, Demosth. XXIV 151; ср. Ditt.[2] 512.—Находились потомъ и возражавшіе противъ питѳеева реченія (Зенонъ у Plut. de Stoic. rep. 8; [Plat.] Demod. 382 E sqq.).

[3]) Публичное краснорѣчіе существовало и даже процвѣтало въ Елладѣ всегда и повсюду: лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить порешедшій изъ гомеров-

скаго эпоса въ исторіографію и столь прочно утвердившійся въ ней пріемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς ξυμπάσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἃ σχεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεών ἐστι καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 a. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезей было, напр., противопоставленіе аѳинянъ (πόλις φιλόλογός τε καὶ πολύλογος, οὗ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἐστὶν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедэмонянамъ. Конечно, и лакедэмоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἰπεῖν; ср. также сравнительную характеристику мантинейскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедэмонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѳѣ или Ѳивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo). когда у аѳинянъ уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παίδευσις и παιδευτήριον, πρυτανεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ") занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἡ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμός и σολοικισμός (φρυγίζειν, μυσίζειν), потомъ ἀττικισμός и ἀσιανὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιανοὶ καλούμενοι ῥήτορες). Ср. *Norden*, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV, 351 ff. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутаціей, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. *Blass*, Att. Bereds. I² 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατώτατος; но немногимъ меньшей была потомъ и ораторская слава Ѳемистокла; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγῶνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. II 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. II 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и поскольку διδακτέον ἡ ῥητορική, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορική Горгій. Правда, намъ разсказываютъ и о наставникахъ Ѳемистокла и Перикла (Мнесифилѣ и Дамонѣ), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Ѳрасимахъ халкедонецъ (ср. *Schwartz*, De Thrasymacho Chalced., 4. Drerup, *N. Jahrbb.* S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Ѳессаліи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Елладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Корака или Тисія, или обоихъ

ской политической жизни[1]) переполняются указаніями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово[2]), наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіеся см. у *Spengel*, Συν. τεχν., 22 sqq.: ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist., 3 ss.). Radermacher, *Rh. Mus.* LII 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обслѣдованной (главнымъ образомъ вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пріуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (τεχνῶν συναγωγή, или Σοφιστής, или περὶ ποιητῶν, или даже τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγή), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторики и ея исторіографіи—мысли. Soph. el. 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐδοκιμοῦντες [ῥήτορες] παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ηὐξήκασι Τεισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τεισίαν (Rhet. 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρῶτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у Sext. Emp. adv. math. VII 6 и Diog. L. VIII 57, позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у Quint. III 1, 8 sqq.: primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen (πρῶτον ῥητορικὴν κεκινηκέναι) Empedocles (ὁμηρικὸς καὶ δεινὸς περὶ τὴν φράσιν) dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc. (ср. Cic. Brut. 46 sqq.: ait Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (Brut. 46) Аристотелю принадлежитъ и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορική имѣла своимъ предметомъ res privatas, и даже объясненіе факта ея появленія изъ національныхъ (ср. Pind. Pyth. I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περίγλωσσοί τ' ἔφυν. Plat. Gorg. 493 A) и политическихъ условій.—Въ Προλεγ. τ. στ., Walz VII 5, читаемъ: λέγουσι δέ τινες δικανικὸν λόγον εἰρηκέναι (εὑρηκέναι?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν Ἀθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀφίκετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν Ἀντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θησέως περὶ τῶν Παλλαντίδων· ἤκμασε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ Коракомъ упоминается Антифонтъ и у Philod. Suppl. p. XXXIII Sdh.; ср. Quint. III 1, 11: Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit).—Объ отношеніяхъ Антифонта, автора тетралогій, къ Горгію ср. Tiele, *Hermes* XXXVI, 245 f.

[1]) Діалоги Платона, трагедія (особенно Еврипидъ), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ, совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ Всадникахъ, Осахъ, Θεσμοφοριάζουσαι, Ἐκκλησιάζουσαι), но и теоретической разработки (ср. особенно Облака и преніе Эсхила и Еврипида предъ Діонисомъ въ Лягушкахъ) краснорѣчія, особенно политическаго и судебнаго.

[2]) То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. ἔλεοι Θрасимаха) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα писанныхъ въ формѣ рѣчей (λόγοι συμβουλευτικοί).

скаго эпоса въ исторіографію и столь прочно утвердившійся въ ней пріемъ—вставлять въ повѣствованіе—претендовавшія, конечно, только на передачу τῆς ξυμπάσης γνώμης τῶν ἀληθῶς λεχθέντων (Thuc. I 22)—рѣчи, ἃ σχεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεών ἐστι καὶ συνέχει τὴν ὅλην ἱστορίαν, говоритъ Поливій, XII 25 a. Но, разумѣется, не всегда и не вездѣ краснорѣчіе процвѣтало одинаково: съ этой точки зрѣнія не совсѣмъ произвольной антитезей было, напр., противопоставленіе аѳинянъ (πόλις φιλόλογός τε καὶ πολύλογος, οὗ τῆς Ἑλλάδος πλείστη ἐστὶν ἐξουσία τοῦ λέγειν, Plat. Leg. 641 E. Gorg. 461 E) славившимся своимъ лаконизмомъ лакедэмонянамъ. Конечно, и лакедэмоняне произносили (и слушали у себя) рѣчи (ср. Thuc. I 68 sqq. IV 16 sqq. 34 sqq. 125 sq. V 8 sqq. VI 88 sqq.; о Брасидѣ, IV 84: ἦν δὲ οὐδὲ ἀδύνατος, ὡς Λακεδαιμόνιος, εἰπεῖν; ср. также сравнительную характеристику мантинейскихъ, аргейскихъ, аѳинскихъ и лакедэмонскихъ παραινέσεις, V 69); но, какъ замѣчаетъ Цицеронъ (Brut. 49 sq.), они не выставили ни одного виднаго оратора, какъ не было таковыхъ въ Аргосѣ, Коринѳѣ или Ѳивахъ (если не предполагать, что былъ таковымъ Епаминондъ, doctus homo), когда у аѳинянъ уже процвѣтало studium eloquentiae, такъ что Цицеронъ склоненъ былъ утверждать, что это studium было сначала non commune Graeciae, sed proprium Athenarum. Ἑλλάδος Ἑλλάς, Ἑλλάδος παίδευσις и παιδευτήριον, πρυτανεῖον τῆς σοφίας, Аѳины всегда, конечно, (и особенно въ лицѣ своихъ „десяти ораторовъ“) занимали самое видное и самое почетное мѣсто въ исторіи греческаго краснорѣчія; только въ болѣе позднее время (послѣ Александра В.) съ Аѳинами начинаютъ соперничать (хотя и не во всѣхъ отношеніяхъ удачно) другіе—преимущественно малоазійскіе—культурные центры (и то не каждый порознь, а всѣ вмѣстѣ), также Родосъ и потомъ все къ себѣ стягивающая, все въ себя втягивающая ἡ πάντων κρατοῦσα Ῥώμη; на этой почвѣ выясняется (уже съ нач. III в.) и борьба двухъ направленій краснорѣчія (какъ и вообще художественной прозы), сначала ἑλληνισμός и σολοικισμός (φρυγίζειν, μυσίζειν), потомъ ἀττικισμός и ἀσιανὸς χαρακτήρ (οἱ Ἀσιανοὶ καλούμενοι ῥήτορες). Ср. *Norden*, Ant. K. I, 126 ff. 240 ff. 344 ff. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV, 351 ff. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV, 1 ff.—Какъ ораторъ съ прочно установившейся репутаціей, прославленный не только потомствомъ, но и современниками (ср. *Blass*, Att. Bereds. I[2] 34 ff.), является уже Периклъ, λέγειν καὶ πράσσειν δυνατώτατος; но немногимъ меньшей была потомъ и ораторская слава Ѳемистокла; не приходилось отказывать въ краснорѣчіи и Аристиду, а тѣмъ болѣе уже Солону (о его δημηγορίαι—Diog. L. I 61), которому иные приписывали и основаніе аѳинскаго ἐπιταφίου ἀγῶνος (ср. Plut. Public. 9); спорили только о томъ, играла-ли роль въ краснорѣчіи этихъ ἀρχαῖοι ῥήτορες (ср. Aeschin. I 25) техническая выучка (Thuc. I 138, 3. II 60, 5 sq. Plat. Alc. I 118 C. Phaedr. 270 A. Gorg. 519 B. Men. 93 C sqq. Xenoph. Mem. IV 2, 2. Conv. VIII 39. Ср. Philod. II 201 sqq. Plut. Them. 2. Per. 4 sqq.). Этотъ идущій, повидимому, еще съ конца V стол. споръ стоялъ въ связи съ тѣмъ споромъ—насколько и поскольку διδακτέον ἡ ῥητορική, который былъ поднятъ, когда въ Аѳинахъ появился (впервые въ 427 г.) съ вывезенной изъ Сициліи τέχνη ῥητορική Горгій. Правда, намъ разсказываютъ и о наставникахъ Ѳемистокла и Перикла (Мнесифилѣ и Дамонѣ), правда еще раньше Горгія прибылъ въ Аѳины профессоръ риторики Ѳрасимахъ халкедонецъ (ср. *Schwartz*, De Thrasymacho Chalced., 4. Drerup, *N. Jahrbb.* S.-B. XXVII 225), и оба они говорили и учили не только въ Аѳинахъ, а даже и въ Ѳессаліи (Plat. Men. 70 B. Isocr. XV 155; Clem. Al. VI p. 746 P), но и въ древней, и особенно въ новой наукѣ прочно установилось представленіе, что настоящее краснорѣчіе начинается въ Аѳинахъ съ Горгія, а въ Элладѣ вообще съ сицилійскихъ учителей Горгія—Корака или Тисія, или обоихъ

ской политической жизни[1]) переполняются указаніями или намеками на ту все подавляющую, надъ всѣмъ доминирующую роль, какую и на вѣчѣ съ совѣтомъ, и въ судѣ захватываетъ себѣ слово[2]), наполняются выходками противъ пользующихся (т. е. злоупотребляющихъ) силою слова

вмѣстѣ,—представленіе, которое сводится обыкновенно къ Аристотелю (тексты сюда относящіеся см. у *Spengel*, Συν. τεχν., 22 sqq.: ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist., 3 ss.). Radermacher, *Rh. Mus*. LII 412 ff., указываетъ двѣ версіи этой традиціи; одну, по которой изъ Сициліи пришло въ Грецію политическое краснорѣчіе вообще, онъ не безъ основаній сводитъ къ Тимэю; другую, по которой начало свое ведетъ изъ Сициліи лишь судебное краснорѣчіе, онъ оставляетъ за Аристотелемъ. Къ сожалѣнію, эта аристотелевская версія доселѣ остается не обслѣдованной (главнымъ образомъ вслѣдствіе излишней довѣрчивости къ надежности цитатъ у древнихъ писателей). Кажется, что, оставляя въ сторонѣ вопросъ о пріуроченіи показанія Аристотеля къ тому или другому изъ приписываемыхъ ему сочиненій (τεχνῶν συναγωγή, или Σοφιστής, или περὶ ποιητῶν, или даже τέχνης τῆς Θεοδέκτου συναγωγή), мы можемъ возстановить его—чрезвычайно важныя для исторіи греческой риторики и ея исторіографіи—мысли. Soph. el. 183 b читаемъ: οἱ νῦν εὐδοκιμοῦντες [ῥήτορες] παραλαβόντες παρὰ πολλῶν οἷον ἐκ διαδοχῆς κατὰ μέρος προαγαγόντων οὕτως ηὐξήκασι Τεισίας μὲν μετὰ τοὺς πρώτους, Θρασύμαχος δὲ μετὰ Τεισίαν (Rhet. 1401 b упоминается уже ἡ Κόρακος τέχνη). Кто были эти οἱ πρῶτοι, показываютъ цитаты изъ Аристотеля у Sext. Emp. adv. math. VII 6 и Diog. L. VIII 57, позволяющіе намъ видѣть передачу аристотелевской теоріи у Quint. III 1, 8 sqq.: primus post eos quos poetae tradiderunt movisse aliqua circa rhetoricen (πρῶτον ῥητορικὴν κεκινηκέναι) Empedocles (ὁμηρικὸς καὶ δεινὸς περὶ τὴν φράσιν) dicitur. artium autem scriptores antiquissimi Corax et Tisias Siculi etc. (ср. Cic. Brut. 46 sqq.: ait Aristoteles... tum primum... artem et praecepta Siculos Coracem et Tisiam conscripsisse). Возможно, конечно, что въ цитатѣ Цицерона (Brut. 46) Аристотелю принадлежитъ и указаніе на то, что эта первая письменная τέχνη ῥητορική имѣла своимъ предметомъ res privatas, и даже объясненіе факта ея появленія изъ національныхъ (ср. Pind. Pyth. I 41 sq.: καὶ σοφοὶ περίγλωσσοί τ' ἔφυν. Plat. Gorg. 493 A) и политическихъ условій.—Въ Προλεγ. τ. στ., Walz VII 5, читаемъ: λέγουσι δέ τινες δικανικὸν λόγον εἰρηκέναι (εὑρηκέναι?) πρῶτον Μενεσθέα, τὸν στρατηγὸν τῶν 'Αθηναίων, ὃς καὶ ἐπὶ Τροίαν ἀφίκετο· ἄλλοι δὲ λέγουσιν 'Αντιφῶντα, τοῦτον τὸν ῥήτορα κατὰ Θησέως περὶ τῶν Παλλαντίδων· ἤκμασε δὲ κατὰ Σικελίαν (рядомъ съ Коракомъ упоминается Антифонтъ и у Philod. Suppl. p. XXXIII Sdh.; ср. Quint. III 1, 11: Antiphon quoque et orationem primus omnium scripsit).—Объ отношеніяхъ Антифонта, автора тетралогій, къ Горгію ср. Tiele, *Hermes* XXXVI, 245 f.

[1]) Діалоги Платона, трагедія (особенно Еврипидъ), прежде-же всего комедія, гдѣ заключается драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи не только практики (ср. напр., пародіи вѣчевыхъ, совѣтскихъ, судебныхъ рѣчей и преній въ аристофановыхъ Всадникахъ, Осахъ, Θεσμοφοριάζουσαι, 'Εκκλησιάζουσαι), но и теоретической разработки (ср. особенно Облака и преніе Эсхила и Еврипида предъ Діонисомъ въ Лягушкахъ) краснорѣчія, особенно политическаго и судебнаго.

[2]) То же подтверждаетъ собою, конечно, начавшееся здѣсь съ 20-хъ годовъ V в. издаваніе и составленіе образцовыхъ или примѣрныхъ рѣчей или ихъ примѣрныхъ диспозицій, вступленій и заключеній (ср. ἔλεοι Θрасимаха) и вообще риторическихъ руководствъ и пособій, а также появленіе политическихъ συγγράμματα писанныхъ въ формѣ рѣчей (λόγοι συμβουλευτικοί).

демагоговъ и ихъ вдохновителей—«софистовъ»[1]), противъ сочиняющихъ за деньги обвинительныя и защитительныя рѣчи «логографовъ»[2]) и противъ разучивающихъ наизусть эти покупныя рѣчи[3]), противъ сутяжниковъ, кляузниковъ и ябедниковъ[4]), наполняются вылазками противъ народа, который имѣетъ такую же власть, какъ тираннъ, но которому, какъ тиранну, льстятъ, котораго обманываютъ, чтобы на его счетъ поживиться, котораго говорящій съ нимъ можетъ направить или увлечь, куда угодно[5]), наполняются вылазками противъ судей, власть которыхъ тоже не хуже царской, а то и Зевсовой, и которыхъ представшіе предъ ними стараются задобрить или привести въ пріятное (и благопріятное) настроеніе своими или самыми униженными, или возможно интересными рѣчами[6]).

---

[1]) Ср. изображеніе демагога въ платоновомъ Горгіи (pass.).—У Аристофана демагогъ рисуется вообще лишеннымъ какого-бы то ни было образованія (ср. Equ. 185 sqq.: ἡ δημαγωγία γὰρ οὐ πρὸς μουσικοῦ, ἀλλ' εἰς ἀμαθῆ καὶ βδελυρόν); это именно тѣ οἱ ἐν σοφοῖς φαῦλοι, которые оказываются παρ' ὄχλῳ μουσικώτεροι λέγειν, у Еврипида (Hipp. 969 sq.); нѣсколько иначе эти οἱ φαυλότεροι τῶν ἀνθρώπων представляются Өукидидовскому Клеону: они πρὸς τοὺς ξυνετωτέρους ὡς ἐπὶ τὸ πλεῖον ἄμεινον οἰκοῦσι τὰς πόλεις, ἀδυνατώτεροι τοῦ καλῶς εἰπόντος μέμψασθαι λόγον, κριταὶ ὄντες ἀπὸ τοῦ ἴσου μᾶλλον ἢ ἀγωνισταί (III, 37).—Вообще же у Еврипида демагогъ рисуется уже прошедшимъ риторическую или „софистическую" школу (ср. *Nestle*, Euripides, 206 ff. 289 ff.).

[2]) Ср. особенно Arist. Av. 1694 sqq., гдѣ разсказывается о живущемъ ἐν Φαναῖσι πρὸς τῇ Κλεψύδρᾳ племени (πανοῦργον γένος) Ἐγγλωττογαστόρων (ср. Ἐγχειρογάστορες), которые жнутъ и сѣютъ и собираютъ плоды (τρυγῶσι συκάζουσί τε) языками; варварское это племя, горгіи и филиппы (или, какъ предлагаетъ читать Robert, *Herm.* XXXVIII 158 f., καὶ φίλιπποι Γοργίου, ср. Vesp. 421: ἀπώλεσαν Φίλιππον ἐν δίκῃ τὸν Γοργίου).

[3]) Ср. Ar. Equ. 344 sqq. Vesp. 958 sqq. (*Roemer*, Studien zu Aristophanes, I 102 ff.).

[4]) Ср. Arist. Plut. 30: ἱερόσυλοι καὶ ῥήτορες καὶ συκοφάνται καὶ πονηροί.—Dem. XXV 49 sqq.—Arist. Pax, 505: οὐδὲν γὰρ ἄλλο δρᾶτε πλὴν δικάζετε. Av. 39 sqq.: οἱ μὲν γὰρ οὖν τέττιγες ἕνα μῆν' ἢ δύο ἐπὶ τῶν κραδῶν ᾄδουσ', Ἀθηναῖοι δ'ἀεὶ ἐπὶ τῶν δικῶν ᾄδουσι πάντα τὸν βίον.

[5]) Ср. Arist. Equ. 1112 sqq.: ὦ Δῆμε, καλήν γ'ἔχεις ἀρχήν, ὅτε πάντες ἄνθρωποι δεδίασί σ'ὥσπερ ἄνδρα τύραννον. ἀλλ' εὐπαράγωγος εἶ, θωπευόμενός τε χαίρεις κἀξαπατώμενος, πρὸς τόν τε λέγοντ' ἀεὶ κέχηνας· ὁ νοῦς δέ σου παρὼν ἀποδημεῖ.

[6]) Ср. Arist. Vesp. 546 sqq. Plat. Theaet. 172 E.—Постепенно впрочемъ (и довольно скоро) эти жалобы или насмѣшки теряютъ свою остроту, отчасти, конечно, потому, что пришлось примириться или удалось свыкнуться съ силой или насиліями слова надъ вольной мыслью екклесіастовъ, булевтовъ и геліастовъ, отчасти-же потому, что и вообще вопросы государственнаго управленія утрачиваютъ свое общественное и практическое значеніе: философія все больше забываетъ дорогу на агору (εἰς ἀγορὰν οὐκ ἴσασι τὴν ὁδόν, οὐδὲ ὅπου δικαστήριον ἢ βουλευτήριον, Plat. Theaet. 173 D), комедія изъ политической переходитъ въ комедію интриги (и въ нее же разрѣшается трагедія).

Рука объ руку съ краснорѣчіемъ, получающимъ все большее значеніе во внутренней политической жизни государства (или «гражданской общины»), развивается и краснорѣчіе международныхъ, дипломатическихъ сношеній: въ качествѣ возможнаго — иногда и единственно-возможнаго, или даже необходимаго—средства для достиженія тѣхъ или другихъ цѣлей внѣшней политики, рядомъ съ первобытной, подлинной «махетикой» (т. е. искусствомъ борьбы) становится другая махетика, орудіемъ которой служитъ не мечъ, а «изощренный, какъ мечъ, языкъ», «напряженное, какъ лукъ, слово»[1]): во главѣ отправляемаго къ другому государству посольства государство старается поставить умѣющаго владѣть мыслью и словомъ; разсказываютъ, что въ качествѣ пословъ—одинъ отъ леонтинцевъ, другой — отъ кеосцевъ—явились въ Аѳины знаменитые софисты Горгій и Продикъ[2]); мы знаемъ, что изъ аттическихъ ораторовъ вошедшихъ въ канонъ «десяти» отправляли посольскія службы всѣ имѣвшіе аѳинское гражданство, за исключеніемъ только—имѣвшаго дарованія, но не имѣвшаго данныхъ для политической дѣятельности — Исократа[3]).

Потомъ, правда, когда еллинскія государства попадаютъ въ зависимость отъ царей—Александра Великаго и его діадоховъ и епигоновъ, а послѣ и народа или сената римскаго и императоровъ римскихъ,

---

[1]) Ср. Plat. Resp. 411 C sqq.: μισολόγος γίγνεται καὶ ἄμουσος, καὶ πειθοῖ μὲν διὰ λόγων οὐδὲν ἔτι χρῆται, βίᾳ δὲ καὶ ἀγριότητι ὥσπερ θηρίον. Arist. rhet. 1355 a: ἄτοπον εἰ τῷ σώματι μὲν αἰσχρὸν μὴ δύνασθαι βοηθεῖν ἑαυτῷ, λόγῳ δ'οὐκ αἰσχρόν· ὃ μᾶλλον ἴδιόν ἐστιν ἀνθρώπου τῆς τοῦ σώματος χρείας. Въ Σοφιστής Платона, 225 A ἡ μαχητική распадается на τὸ σώματι πρὸς σώματα и τὸ λόγοις πρὸς λόγους γιγνόμενον.

[2]) Plat. Hipp. maj. 282 C. Тимэй у Dion. Lys. 3, и Diod. XII, 53. Paus. VI 17, 8 (гдѣ Горгія въ Аѳины сопровождаетъ даже Тисій).

[3]) О посольской службѣ Антифонта, Андокида, Эсхина, Демосѳена, Ликурга, Гиперида см. у *Kirchner*, Prosopographia Attica, или у *Blass*, Att. Beredsamkeit.[2] Исократъ говоритъ (V 81) о себѣ: ἐγὼ γὰρ πρὸς τὸ πολιτεύεσθαι πάντων ἀφυέστατος ἐγενόμην τῶν πολιτῶν, οὔτε γὰρ φωνὴν ἔσχον ἱκανὴν οὔτε τόλμαν δυναμένην ὄχλῳ χρῆσθαι; неизвѣстно, насколько надежно извѣстіе, что онъ σὺν Τιμοθέῳ πολλὰς πόλεις ἐπῆλθε, συντιθεὶς τὰς πρὸς 'Αθηναίους ὑπὸ Τιμοθέου πεμπομένας ἐπιστολάς, v. X or. 837 c (ср. Philod. II 178 Sdh.).—Характерны разсказы о посольствѣ, посланномъ въ 155 г. въ Римъ аѳинянами, о посольствѣ, во главѣ котораго были поставлены представители трехъ процвѣтавшихъ тогда въ Аѳинахъ философскихъ школъ—академикъ Карнеадъ, стоикъ Діогенъ, перипатетикъ Критолай (см. *С. А. Жебелевъ*, Изъ исторіи Аѳинъ, 193 сл.).—Philostr. v. s., I, 21, о Скопеліанѣ: βασίλειοι δὲ αὐτοῦ πρεσβεῖαι πολλαί, καὶ γάρ τις καὶ ἀγαθὴ τύχη συνηκολούθει τῷ πρεσβεύοντι (то же о другихъ софистахъ—I 24. 25; II 5).—Въ болѣе-позднихъ надписяхъ очень часто отмѣчаются посольскія услуги, а иногда и содержаніе посольскихъ рѣчей (ср., напр., Ditt[2]. 259. 276. 281. 303. Mich. 205. 252. 431.).

падаетъ, становясь все менѣе содержательной, политическая жизнь еллиновъ, а съ нею вмѣстѣ падаетъ и политическое краснорѣчіе, и болѣе-поздніе писатели греческіе основывались конечно на горькомъ опытѣ своего времени, когда говорили, что только въ свободномъ, а не въ порабощенномъ народѣ рождается любовь къ слову, что вмѣстѣ съ демократіей поднимаются и вмѣстѣ съ нею погибаютъ великіе ораторы[1]). Но если политическое краснорѣчіе, столь пышно расцвѣтшее особенно въ Аѳинахъ V и IV вѣка, достигнувъ въ рѣчахъ Демосѳена своего кульминаціоннаго пункта, послѣ начинаетъ падать, все больше спеціализуясь на рѣчахъ, произносимыхъ не на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и даже не въ сенатѣ римскомъ, а предъ царями, предъ намѣстниками римскаго народа, потомъ предъ римскими императорами и ихъ намѣстниками, если и самыя эти—больше дипломатичныя, нежели дипломатическія,—рѣчи становятся все рѣже дѣловыми и все чаще просто привѣтственными, поздравительными или благодарственными, и во всякомъ случаѣ хвалебными[2]),—то краснорѣчіе судебное казалось болѣе

---

[1]) π. ὕψους 44, 2 sqq.: ἐκείνῳ τῷ θρυλουμένῳ, ὡς ἡ δημοκρατία τῶν μεγάλων ἀγαθὴ τιθηνός, ᾗ μόνῃ σχεδὸν καὶ συνήκμασαν οἱ περὶ λόγους δεινοὶ καὶ συναπέθανον... δοῦλον μηδένα γίνεσθαι ῥήτορα. Это (отчасти быть-можетъ восходящее къ Аристотелю, ср. Arist. Metaph. 981 b) τὸ θρυλούμενον представлено для насъ гл. обр. Цицерономъ (Cic. Br. 46: in impeditis ac regum dominatione devinctis nasci cupiditas dicendi non solet. pacis est comes otiique socia et iam bene constitutae civitatis quasi alumna—τιθηνός?—quaedam eloquentia; cp. de or., I 39: haec una res in omni libero populo maximeque in pacatis tranquillisque civitatibus praecipue semper floruit semperque dominata est). Изъ Цицерона же (Brut. 36 sqq.; de or. II 95) мы узнаемъ, что паденіе еллинской (аттической) политической елоквенціи (ставшей больше suavis, нежели gravis) связывалось обыкновенно съ именемъ Димитрія Фалерейца. Ср. *Norden*, A. K., 126 ff.

[2]) Въ какомъ направленіи шло и до чего въ этомъ направленіи дошло—все больше сближаясь съ эпидейктическимъ—политическое краснорѣчіе еллиновъ, лучше всего показываетъ трактатъ (II) конца III в. по Р. Х. περὶ ἐπιδεικτικῶν [Менандра], (Bursian, *Abh. d. bayr. Ak.*, XVI 3 ff.), гдѣ даются подробныя схемы для рѣчей къ императорамъ и къ правителямъ провинцій—для λόγοι βασιλικοί (панегирики, λ. χαριστήριοι и εὐχαριστήριοι), στεφανωτικοί (при поднесеніи императору золотого вѣнка,—не больше 150—200 ἐπῶν, т. е. строкъ), πρεσβευτικοί (взывавшихъ къ φιλανθρωπία и μεγαλοψυχία императора), προσφωνητικοί и ἐπιβατήριοι (привѣтствовавшихъ правителя провинціи при вступленіи его въ должность или при посѣщеніи имъ города), προπεμπτικοί (произносившихся при оставленіи правителемъ поста), κλητικοί (приглашавшихъ правителя почтить своимъ присутствіемъ πανήγυρις или своимъ посѣщеніемъ городъ). Прекрасное въ своемъ родѣ руководство [Менандра] развивало не новыя, а уже давно сложившіяся правила. Какъ-бы по [Менандру] составлены были, напр., не только рѣчи Діона Хрисостома (I) и Аристида (IX), не только панегирикъ Августу Цезарю въ Энеидѣ, VI, 791 sqq. (ср. Norden *Rh. Mus.* LIV 466 ff.), но уже ἐγκώμιον къ Евагору Исократа и

способнымъ выдержать эти превратности политическихъ судебъ. Плутархъ, правда, предостерегалъ еллиновъ отъ той сносящей головы сѣкиры, о которой говорилось въ стихѣ какой-то греческой трагедіи, и которая украшала собою и fasces римскаго намѣстника[1]); но конечно въ мирное, спокойное время чрезвычайно-рѣдки были случаи военно-административной расправы; зато «домашнее» римское судопроизводство не осталось и безъ—косвеннаго по крайней мѣрѣ—вліянія и на даль-

вѣроятно ἐγκώμιον εἰς Ἱππόλοχον (Arist. rhet. 1368 a), а также тѣ ἐγκώμια къ тиранну или царю, о которыхъ упоминаетъ Платонъ Theaet. 174 D sqq. (ср. *Rohde*, Kl. Schr. I 256 ff.); въ концѣ концовъ οἱ ἀνδρὸς ἀρετὴν διὰ λόγων ἐγκωμιάζοντες восходили (ср. Isocr. Euag. 8 sqq.) къ οἱ ἐν ταῖς ᾠδαῖς καὶ τοῖς μέτροις ἐγκωμιάζοντες (какъ Пиндаръ), а эти ᾠδαί, въ свою очередь, сближались съ гимнами въ честь боговъ и героевъ; недаромъ и [Менандръ] совѣтуетъ произносящему βασιλικόν высказывать сожалѣніе объ отсутствіи у него краснорѣчія Гомера, Орфея или даже Музъ; ὥσπερ το κρεῖττον—говоритъ онъ—ὕμνοις καὶ ἀρεταῖς ἱλασκόμεθα, οὕτω καὶ βασιλέα λόγοις.—Посольства къ императору, при пріемѣ которыхъ (иногда аудіенція давалась имъ въ сенатѣ,—какъ, впрочемъ, и сенатомъ) произносились λογοι βασιλικοί, посылались еллинскими-еллинизованными государствами вообще, повидимому, часто, но сравнительно-рѣдко по какому-нибудь опредѣленному дѣлу, а обыкновенно или съ поздравленіями—особенно по поводу принятія императоромъ власти, съ сообщеніемъ о постановленныхъ ему почестяхъ, для поднесенія золотого вѣнка и разныхъ даровъ, для выраженія соболѣзнованія, для принесенія благодарности, съ привѣтствіемъ по случаю вступленія его на сосѣднюю или болѣе или менѣе близкую территорію, для доведенія до его свѣдѣнія о томъ, что граждане πόλεως или сограждане τοῦ κοινοῦ остались довольны службой у нихъ проконсула или прокуратора или пожертвованіями и услугами какого-либо мѣстнаго дѣятеля, желавшаго стать σεβαστόγνωστος, и т. п. (ср. *И. Г. Турцевичъ*, Обращенія къ императору въ первые три вѣка р. имп., *Изв. Ист.-Ф. Инст. Кн. Безб.*, т. XVIII и XIX). Данныя наши объ этихъ посольствахъ къ императорамъ имѣютъ очень значительное сходство съ—столь многочисленными (преимущественно епиграфическими)—данными о посольствахъ къ царямъ еллинистической эпохи (ср., напр., надписи приведенныя у Ditt.[2] 168 sqq.); между прочимъ,—какъ императорамъ, такъ и царямъ часто вручаются послами ψηφίσματα τειμητικά, которыя становятся все цвѣтистѣе, т. е. все приближаются къ λόγοι (βασιλικοί).—О рѣчахъ къ проконсулу говоритъ Ульпіанъ (de officio proconsulis, Dig. I, 16, 7), что проконсулъ pati debet commendari sibi civitatem laudesque suas non gravate audire, cum honori suo provinciales id vindicent; изъ надписей (напр., Ditt.[2] 186. 193. 220. 221) можно видѣть, что и въ еллинистическую эпоху греческія государства считали за честь возглашать laudes разнымъ поставленнымъ ὑπὸ τοῦ βασιλέως стратегамъ.

[1]) Plut. praec. r. p. ger., 17; цитуемый здѣсь стихъ трагедіи (fr. tr. ad. 340 N.) гласилъ: δεινὸς κολαστὴς πέλεκυς αὐχένος τομεύς.—[Менандръ], π. ἐπιδ., 71 B., рекомендовалъ проводить въ епилогѣ привѣтственной рѣчи правителю провинціи м. пр. такую мысль: ἀναθῶμεν τοῦτο το ξίφος μὴ Ἄρει μηδὲ Δείμῳ μηδὲ Φόβῳ, ἀλλὰ Δίκῃ καὶ Θέμιδι καὶ Ἀθηνᾷ ἀνάθημα καθαρὸν φόνων....

нѣйшую разработку судопроизводства у эллиновъ[1]), а все осложнявшіяся жизненныя условія и людскія отношенія также содѣйствовали не уменьшенію, а увеличенію судебныхъ дѣлъ, а стало-быть и судебныхъ рѣчей[2]). При столь сравнительно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ судебное краснорѣчіе могло бы даже, казалось, возвышаться на счетъ падавшаго краснорѣчія политическаго.

Но и на счетъ политическаго, и на счетъ судебнаго краснорѣчія возвысился другой родъ краснорѣчія—тотъ родъ краснорѣчія, который, въ отличіе отъ политическаго и судебнаго краснорѣчія, отъ γένος συμβουλευτικόν (или πολιτικόν) и γένος δικανικόν, назывался обыкновенно у еллинскихъ теоретиковъ риторики γένος ἐπιδεικτικόν[3]),—отъ словъ:

---

[1]) Границы, въ какихъ подлежалъ-бы разсмотрѣнію вопросъ о римскихъ вліяніяхъ на греческое судопроизводство, устанавливаются у *Mitteis*, Reichsrecht u. Volksrecht in d. östl. Prov. d. röm. Kaiserreichs, 81 ff.; ср. *Gilson*, L' Étude du droit romain, 174 ss.—Не безъ римскихъ вліяній (ср. Strab. 539) опредѣлилась (особенно въ Азіи)—отчасти на почвѣ древней „эксегетики" (ср. ἐξηγητής τῶν Λυκουργείων CIG 1364, νομοδεῖκται Ditt[2]. 653, 114, νομοφύλακες) и случайной ἐμπειρία νομική (Philod. de vit. X 18; ср. Alex. fr. 39 K.) профессія νομικοί (обыкновенно вмѣстѣ и ῥήτορες); ср. CIG 2787 sq. 3504 (ῥήτορα καὶ νομικόν). J. of. Hell. St. XI 249 (ἐπῶν καὶ ἰαμβῶν ποιητὴν καὶ λόγων ἐγκωμιαστικῶν συγγραφέα, νομικὸν ἐν τοῖς ἀρίστοις). BCH XXIV 373 (iurisprudens—νομικός). Arch.-ep. M. a. Ö. XI 32 (νομικὸς τὴν ἐπιστήμην).—Различіе между греческимъ и римскимъ процессомъ, что касается преній сторонъ, рисуется въ разсказѣ Либанія, v. soph. 483 B., о разборѣ проконсуломъ, въ 311 г., дѣла о побоищѣ между двумя школами софистовъ. Стороны, по греческому обычаю (ср. *Schoemann-Lipsius*, Att. Proz. 920 f.), распредѣляли свои рѣчи такъ, что одну рѣчь долженъ былъ держать ученикъ, другую учитель: когда ученикъ произнесъ рѣчь, и учитель хотѣлъ начать свою, то проконсулъ перебилъ его словами: 'Αλλ' οὐ τοῦτο γε 'Ρωμαῖοι δοκιμάζουσιν, ἀλλ' ὁ τὴν πρώτην εἰπὼν κατηγορίαν κινδυνευέτω καὶ περὶ τῆς δευτέρας; когда же и другой учитель просилъ у проконсула слова, тотъ воскликнулъ: 'Αλλ' οὐδεὶς ὑμῶν γ' ἐρεῖ τῶν ἐσκεμμένων διδασκάλων οὐδὲ κροτήσει τις τῶν μαθητῶν τὸν λέγοντα, ἀλλ' εἴσεσθέ γε αὐτίκα ἡλίκον ἐστὶ καὶ οἷον τὸ παρὰ 'Ρωμαίοις δίκαιον.

[2]) Еще во II—III ст. по Р. X. самые видные софисты выступали и въ качествѣ судебныхъ ораторовъ. Philostr. v. s. I 21, 4 (τὸν Σμυρναῖον Νικήτην, μελετήσαντα μὲν ἐπιφανῶς, πολλῷ δὲ μεῖζον ἐν δικαστηρίοις πνεύσαντα); I 21, 10. 22, 6. 25, 3, и пр.; ср. I 23, 4: δικανικοῦ μὲν σοφιστικώτερος σοφιστοῦ δὲ δικανικώτερος. Софиста Геліодора, явившагося къ императору посломъ, императоръ назначилъ адвокатомъ фиска, ὡς ἐπιτηδειότερον δικαστηρίοις καὶ δίκαις, Philostr. II 32. Знаменитаго софиста Лолліана совѣтъ и народъ аѳинскій почтилъ (статуей), какъ ἀμφότερον ῥητῆρα δικῶν μελέτῃσί τε ἄριστον, CIA III 625.—Само собою разумѣется, что всегда оставались въ силѣ и извѣстныя слова Горація (epist. II 3, 368 sqq.) объ actor causarum mediocris.

[3]) Это—пользовавшееся наибольшимъ успѣхомъ у античныхъ теоретиковъ риторики—дѣленіе краснорѣчія на γένη ведетъ свое начало только отъ Аристотеля (rhet. I 3, 1358 a sq.; ср. Cic. de inv. I 7). Въ платоновомъ Софистѣ 222 C πιθανουργική

ἐπιδείκνυσθαι, ἐπίδειξις[1]), которыми обозначалось выступленіе предъ публикой какого-либо исполнителя—и пѣвца, и актера, и музыканта, и скомороха, но также и оратора, или лектора, особенно-же «софи-

---

τέχνη распадается на δικανική καὶ δημηγορική καὶ προσομιλιτική. Исократъ говоритъ лишь о теоретическомъ выдѣленіи изъ всѣхъ рѣчей—рѣчей судебныхъ (XIII 19: τοὺς δικανικοὺς λόγους ἢ τοὺς ἄλλους ἅπαντας). Анаксименъ въ своихъ τέχναι ῥητορικαί (о немъ и о нихъ ср. Brzoska у *Pauly-Wissowa*, I 2086 ff.) устанавливаетъ (1, 1) лишь δύο γένη τῶν πολιτικῶν λόγων, τὸ μὲν δημηγορικόν, τὸ δὲ δικανικόν, но между εἴδη τούτων ἑπτά у него называются не только προτρεπτικόν, ἀποτρεπτικόν, κατηγορικόν, ἀπολογητικόν, но и ἐγκωμιαστικόν, ψεκτικόν и еще ἐξεταστικόν, причемъ однако эти послѣднія εἴδη, примѣняемыя и ἐν ταῖς δημηγορίαις, особенно примѣнимы, по его словамъ (35, 1), οὐκ ἀγῶνος (т. е. ἀγ. πολιτικοῦ, въ томъ числѣ и δικαστηρίου; ср. ἀγών и ἀγωνάρχυ въ значеніи ἀγορά и ἀγορανόμοι у беотійцевъ), ἀλλ' ἐπιδείξεως ἕνεκα. Такъ и у Philod. II 97 Sdh. противопоставляются ἡ ἐπιδεικτική и ἡ ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγώνων (ср. также Arist. rhet. 1413 b sq., гдѣ λέξις ἀγωνιστική, т. е. δημηγορική и δικανική, различается отъ λέξις γραφική, или ἐπιδεικτική, какъ γραφικωτάτη). У Филодема чаще всего представлено дѣленіе краснорѣчія на три μέρη—πολιτικόν (или συμβουλευτικόν), δικανικόν и πανηγυρικόν (ср. Suppl. 45 sq. Sdh. и pass.) Иногда политическое и судебное краснорѣчіе противопоставлялось епидейктическому роду какъ γένος πρακτικόν (Quint. III 4, 14; ср. Syr. I 2 R.). Въ Προλ. τ. στ. VII 2 W. λόγος (προφορικός) дѣлится на πρακτικός (συμβουλευτικὸς καὶ δικανικός) и θεωρητικός (θέσις,—т. е. διάσκεψις λογικὴ τέλος ἔχουσα τὴν θεωρίαν,—ἐγκώμιον, ψόγος).—Всѣ подобныя подраздѣленія краснорѣчія (другіе сюда относящіеся тексты см. у Volkmann, Rhetorik[2] 19 ff.), какъ и распредѣленія между ними отдѣльныхъ рѣчей были, конечно,—какъ на это указывали и сами античные теоретики (ср. Anaxim. rhet. 35 Arist. rhet. 1358 b. Quint. III 4)—лишь болѣе или менѣе условными.

[1]) Нѣтъ, кажется, препятствій къ тому, чтобы предполагать, что названіе γένος ἐπιδεικτικόν (обыкновенно передававшееся на лат. яз. genus demonstrativum, хотя Квинтиліану, III 4, 13, казалось, что оно имѣетъ non tam demonstrātionis vim, quam ostentationis), иногда замѣнявшееся (конечно на правахъ pars pro toto, ср. Quint. l. c.) названіями ἐγκωμιαστικόν или πανηγυρικόν (отчего, вѣроятно, это послѣднее слово сблизилось по значенію съ первымъ), сводилось не столько уже къ ἐπιδεικνύναι, сколько къ ἐπιδείκνυσθαι, ἐπιδείξεις ποιεῖσθαι. Ср. Philod. II 135 Sdh.: ἐν μὲν ταῖς πανηγύρεσι καὶ ταῖς ἐπιδείξεσιν καὶ τοῖς συγγράμμασιν οὐκ ἄρυθμός ἐστιν, ἐν δὲ τοῖς δικαστηρίοις καὶ ταῖς ἐκκλησίαις οὐδεὶς αὐτῷ προσέχει (ibid. I 32. II 256: ἐν ταῖς πανηγύρεσι καὶ δείξεσι τῶν σοφιστῶν). Быть-можетъ не внѣ связи съ этимъ кругомъ представленій стоитъ и—замѣняющій собою γένος ἐπιδεικτικόν—λόγος θεωρητικός Пролегоменъ W. VII 2, т. е. ἐπισκεπτικὸς πράγματος μετ' αἰτίας (ср. εἶδος ἐξεταστικόν Анаксимена?): Аристотель говоритъ, что каждый изъ устанавливаемыхъ имъ трехъ родовъ краснорѣчія имѣетъ свое τέλος, и именно πρὸς ἀκροατήν; слушатель непремѣнно или θεωρός или κριτής, слушатель эпидейктической рѣчи не столько κριτής (т. е. περὶ τῶν μελλόντων, какъ екклесіастъ, или περὶ τῶν γεγενημένων, какъ дикастъ), сколько θεωρός; спорное въ своемъ чтеніи: ὁ δὲ (περὶ) τῆς δυνάμεως (ὁ) θεωρός можетъ-быть разъясняется филодемовымъ [ἔχει προκείμ]ενον ὁ δικανικὸς χαρακτὴρ αὐτὰ τὰ πράγματα ἐμφανίζειν ἀλλ' οὐ δύναμιν ἐπιδείκνυσθαι, II 137 Sdh.; ср. Alex. (ὁ τ. N.) у Sp. *Rh. gr.* III, 1: τὸ δὲ ἐγκωμίων εἶδος οὔτε αὐθέντας ἔχει οὔτε κριτάς, ἀλλὰ μόνον ἀκροατάς, ὅθεν καὶ ἐπιδεικτικὸν τὸ τοιοῦτο καλεῖται. У Сопатра, Prol. Arist. p. 757, такъ опредѣляется этотъ видъ риторики: мѣсто—θέατρον, слуша-

ста[1]), а этимъ словомъ: софистъ, *σοφιστής*, первоначально обозначались всякіе вообще «искусники», въ томъ числѣ и бродячіе скоморохи[2]);

тель—ἐπαινέτης, цѣль—καλόν. Ср. Thuc. III 38, 4 sqq.: εἰώθατε θεαταὶ μὲν τῶν λόγων γίγνεσθαι, ἀκροαταὶ δὲ τῶν ἔργων... σοφιστῶν θεαταῖς ἐοικότες.—Мимоходомъ замѣтимъ, что наряду съ именемъ Ἐπίδειξις (Ditt.[2] 530. CIA II 609 c; Keil въ изданномъ имъ Anonymus Argentinensis, l. 13, читаетъ: [ὄνομα ἦν Φαίακο]ς ῥήτορος τριήρει Ἐπίδε[ιξις], ср. S. 45 ff.) встрѣчается какъ имя тріеры и Θέαμα (Ἐφ. ἀρχ 1901, 81).—Не безынтересны попытки древнихъ ученыхъ (ср. Poll. IX 11. 36. Et. M. 311, 26. Hermog. prog. I 35 W.) объяснить терминъ ἐγκώμιον или изъ κῶμα, или изъ κῶμαι—ἄμφοδα, ἀγυιαί (ср. τὰς τῶν κυρίων θεῶν κωμασίας καὶ πανηγύρεις надписей и папирусовъ: *Herm.* XX 468 ff. *Philol.* LIII 91).

[1]) Такъ у Θеофраста, Char. V 10 (см. выше, стр. 6, прим. 3).—Ἐπεδείξαντο τῷ θεῷ, Ditt[2]. 692. BCH XIV 396 (Ditt[2]. 663: ἐπιδείξεις ἐποιήσαντο τῷ θεῷ διὰ τᾶς μουσικᾶς τέχνας).—Οἱ ἐπιδεικνύμενοι [Xenoph.] Hier. I 13.—Ср. Plat. Resp. 493 D: ἐπιδεικνύμενος ἢ ποίησιν ἤ τινα ἄλλην δημιουργίαν ἢ πόλει διακονίαν.—Ἐπιδείκνυσθαι ποιήματα (Plat. Resp. 398 A), λόγους (Plat. Conv. 194 B). Ср. Mich 66: ἐπεδείξατο μετὰ κιθάρας τὰ Τιμοθέου.

[2]) „Софисты", какъ общеизвѣстный типъ представителей и учителей мудрости и краснорѣчія, вырисовываются предъ нами въ діалогахъ Платона (одинъ изъ коихъ носитъ даже заглавіе Σοφιστής, какъ и Аристотель писалъ περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων), вырисовываются однако лишь на почвѣ борьбы съ ними и противопоставленія ихъ истиннымъ σοφοί, т. е. φιλόσοφοι. И послѣ не разъ заявляло себя это противопоставленіе (о чемъ намъ придется упомянуть ниже), и однако имя σοφιστής продолжало не только сближаться, или даже отожествляться съ σοφός или съ φιλόσοφος, но и разсматриваться какъ σεμνότατον καὶ πάντιμον ὄνομα (Luc. rhet. pr. 1), особенно въ эпоху такъ называемой (и обыкновенно слишкомъ уже рѣзко изолируемой отъ предшествующаго развитія краснорѣчія), „второй софистики". (Ср. *Zeller*, Philos. d. Gr. II[5] 1074[2]; Radermacher, *Rh. M.* LII 17 ff. *Arnim*, Dio v. Pr., 4 ff. 132 ff.). Названіе σοφισταί опредѣлилось быть-можетъ даже раньше, нежели σοφοί, не говоря уже о φιλόσοφοι. Оно обозначало собою, повидимому, людей искусныхъ, ловкихъ (виртуозовъ) въ сферѣ—возможно-широко понимаемой, отожествляемой съ σόφισμα—σοφίας (ср. надпись VI в., принадлежащую, вѣроятно, самому врачу, а не его паціентамъ: μνεμα τόδ' Αἰνέο σοφίας ἰατρο ἀρίστο, *Jahrb. d. d. arch. Inst.* XII 2), ср. χειρόσοφοι, σοφοτεχνήιες ἄνδρες (Kaib. *Ep. gr.* 841, 3; σοφιστῶν ἐπικαλουμένων μηχαναί Plat. Leg. 908 D). Софистами оказывались и спеціалисты τῆς γυμναστικῆς (ср. Pind. Ol. XIII 20), также μάγειροι (правда, у комиковъ —ср. Athen. 379 a sqq.,—но комизмъ въ данномъ случаѣ имѣлъ свои предѣлы и свои реальныя основанія—въ томъ, что μάγειροι, такъ часто упоминаемые въ надписяхъ сакральнаго характера, „имѣли δημιουργικὰς τιμάς", Athen. 660 a sqq. 170 d sqq.; ср. Herod. VI 60), врачи, ваятели (ср. Pind. Ol. XIII 21 sq.), прежде же всего спеціалисты τῆς μουσικῆς, т. е. поэзіи и музыки, и притомъ не столько, повидимому, въ качествѣ творцовъ, сколько въ качествѣ исполнителей (можетъ-быть отчасти этотъ смыслъ имѣютъ и слова рѣчи Алкидаманта, 2,-ср. 12,-о неискусныхъ, подобно τοῖς ἰδιώταις въ говореніи рѣчей, занимающихся писаніемъ сочиненій въ формѣ рѣчей софистахъ,—что было бы правильнѣе называть ихъ не σοφισταί, а ποιηταί); ср. Pind. Ol. XIII 19 sqq. Isthm. V [IV] 26 sqq., также σοφιστῶν σμῆνος въ Αὐλῳδοί Іофонта (fr. 1) и въ Ἀρχίλοχοι Кратина (fr. 2), особенно же Athen. 632 b, гдѣ говорится, что древняя σοφία еллиновъ была τῇ μουσικῇ μάλιστα δεδομένη, почему изъ боговъ Аполлона, изъ

поэтому-то софистъ Протагоръ въ діалогѣ Платона «утверждаетъ, что софистика -искусство очень древнее, только раньше посвящавшіе ей себя прикрывались—или поэзіей, какъ Гомеръ, Гесіодъ или Симонидъ, или мистическими дѣйствами и вѣщаніями (χρησμῳδίαι), какъ Орфей и Мусей съ ихъ послѣдователями, а иные искусствомъ гимнастическимъ или мусическимъ,—все это были плащи, прикрывавшіе собою одно искусство,—софистику»[1]). Эти плащи и отбросили въ сторону Протагоръ и современные ему «софисты»: они гордятся тѣмъ, что они софисты; они и являются—практическими и теоретическими—представителями эпидейктическаго краснорѣчія.

Если еллинское политическое и судебное краснорѣчіе развилось изъ гомеровской или гесіодовской ἀγορητύς, то краснорѣчіе эпидейктическое развилось изъ той пѣсни, какую гомеровскіе или гесіодовскіе пѣвцы (ἀοιδοί) поютъ—иногда на агорѣ[2]), обыкновенно-же за царскимъ

полубоговъ Орфея (ср. [Eur.] Rhes. 924) считали за μουσικώτατον καὶ σοφώτατον, и всѣхъ примѣнявшихъ эту τέχνη звали софистами, какъ и Эсхилъ говоритъ: εἴτ' οὖν σοφιστής καλὰ παραπαίων χέλυν (fr. 314 N.). Тотъ же Аѳиней 621 f сообщаетъ, что скомороховъ звали въ разныхъ мѣстахъ различно, чаще же всего σοφισταί (ср. Tiele, *N. Jahrbb. f. d. kl. Alt.* IX 410 ff.). Нерѣдко и потомъ софистъ оказывался въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ γόης, или съ μιμητής, также съ φαρμακεύς (Plat. Conv. 203 D. Polit. 291 C. 303 C. Dem. XVIII 276; ср. Plat. Leg. 908 D), какъ и вообще дѣятельность софистовъ (то въ похвалу, то въ порицаніе) любили характеризовать, какъ τὸ κηλεῖν, θέλγειν τοὺς ἀνθρώπους (такъ говорится у Платона Phaedr. 267 C sq. о Ѳрасимахѣ, а Филостратъ, ep. 73, 1, пишетъ, что древніе софисты, какъ Орфей и Θάμυρος—ср. Il. II 596,—θέλγοντες обходили малые и большіе города). Еще Аристофанъ, Nub. 331 sqq., различаетъ среди софистовъ Θουριομάντεις, ἰατροτέχνας, σφραγιδονυχαργοκομήτας (можетъ-быть представителей вырождавшейся въ κομμωτικήν—ср. Plat. Gorg. 465 B—гимнастики?), κυκλίων τε χορῶν ᾀσματοκάμπτας, ἄνδρας μετεωροφένακας (ср. 360: μετεωροσοφισταί, т. е. и Сократъ, какъ и Продикъ). Вообще „софисты" выступаютъ какъ бы на смѣну гомеровскимъ δημιοεργοί (Od. XVII 382 sqq.; ср. Plat. Resp. 397 E sq.); оттого-то у Ксенофонта, Conv. I 5, Сократъ противопоставляетъ Каллію,—переплатившему за σοφία много денегъ (Протагору и Горгію и Продику и многимъ другимъ),—себя и своихъ, какъ αὐτουργούς τινας τῆς φιλοσοφίας. И если Платонъ такъ настойчиво порицалъ современныхъ ему софистовъ за то, что они были ἔμποροι ἢ κάπηλοι τῶν ἀγωγίμων, то и въ этомъ они примыкали къ древнимъ „софистамъ", или къ деміоергамъ.—Вѣроятно, не внѣ всякаго отношенія къ σοφισταί, какъ названію скомороховъ (также хора сатировъ у Іофонта), стояло и обычное потомъ названіе актеровъ—τεχνῖται.

[1]) Plat. Prot. 316 D sq.—Въ число софистовъ, прикрывавшихся мусикіей, у Плутарха (Per. 4) помѣщается и игравшій видную роль въ исторіи краснорѣчія и въ исторіи „демагогіи", какъ наставникъ Перикла, Дамонъ (сообщенія о немъ Платона и др. указаны у *Busolt* Gr. G. III, 1, 247 ff., и *Kirchner*, Prosop. Att. I 206 f).

[2]) Ср. Od. VIII 254 sqq.

пированьемъ-почестнымъ-столомъ. Это—пѣвцы уже выдѣлившіеся въ особое состояніе, или сословіе, наряду съ другими носителями тогдашней духовной культуры, какъ вѣщатели или врачи или строители[1]). Сначала подъ музыку или съ музыкой, потомъ безъ музыки эти пѣвцы сначала поютъ, потомъ сказываютъ свои пѣсни, свои словеса, свои ἔπη—о томъ, что̀ было. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это пѣсни о томъ, что̀ есть, и что будетъ[2]). Когда мыслили еще не понятіями, а только образами, когда и абстрактное могли мыслить только конкретно, когда μῦθος—миѳъ, конкретный разсказъ,—служилъ единственно-доступной формой и мышленія, и его словеснаго выраженія,—тогда эпическая пѣсня если не обнимала, то представляла собою почти всю философію или науку, всю мудрость, всѣ знанія[3]). Конечно, у еллиновъ раздавались не однѣ эпическія пѣсни: поютъ они и за работой, за дѣломъ, и отъ бездѣлья, и до̀ма, и въ полѣ, и въ лагерѣ, поютъ на свадьбахъ или похоронахъ,

---

[1]) Ср. Od. XVII 382 sqq., гдѣ вѣщатель, врачъ, τέκτων δούρων, пѣвецъ мыслятся странствующими и называются деміоергами; къ числу деміоерговъ относятся, XIX 135, и κήρυκες и, конечно, χαλκεῖς или κεραμεῖς, которые у Гесіода называются рядомъ съ τέκτονες и съ пѣвцами (op. 25 sq.), какъ и κιθαρισταί (theog. 95), а также—не упоминаемые у Гомера—μάγειροι (аѳинскіе βουτύποι, аргосскіе bomagiri, у Varr. r. r. II 5, 4; ср. выше стр. 42, прим. 2); сюда же относятся и δημιοεργοί Геродота (IV 194. VII 31),—очевидно смѣшавшаго занимавшихся, по Гекатею (Steph. B. Ζυγαντίς), пчеловодствомъ съ тѣми δημιουργοί-μάγειροι, свидѣтельства о коихъ собраны у Аѳинея 172 a sqq.,—а также упоминаемые Геродотомъ (VI 60) κήρυκες, αὐληταί и μάγειροι лакедемонянъ. Эти „деміурги“ очень часто отмѣчаются въ надписяхъ, или какъ получающіе извѣстныя части жертвъ (ср. Ditt.[2] 616: ἰατροῖς—αὐλητᾷ—χαλκέων καὶ κεραμέων ἑκατέροις. 938: ἀοιδοῖς), или какъ члены жреческихъ и вообще сакральныхъ коллегій (ср., напр., Inschr. v. Olymp. 58 ff. IGS. III 486 sq. GDI III 4440 ff.).—Ср. также характерное видоизмѣненіе гомеровскихъ (Od. XVII, 384 sqq.) четырехъ группъ деміоерговъ у Солона, 13, 49 sqq. (гдѣ м. пр. одареннымъ отъ Музъ приписывается знаніе σοφίης μέτρου).—О судьбѣ сословія пѣвцовъ, какъ она отразилась въ гомеровскихъ поэмахъ, см. Fries, *Rh. M.* LVII 265 ff.., гдѣ впрочемъ (какъ и въ *Beitr. z. alt. G.* III 372 ff.) преувеличиваются восточныя вліянія, тогда какъ гораздо поучительнѣе невосточныя (въ томъ числѣ русскія) параллели (ср., напр., *Веселовскій*, Три главы, 137 сл.).

[2]) Τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα, Hes. theog. 32. 38. Въ Иліадѣ такимъ всевѣдѣніемъ обладаетъ не пѣвецъ, а вѣщатель (Калхантъ), I 70.

[3]) Ср. Plat. Tim. 29 D. 40 D. Crit. 107 A sqq. Resp. 376 E sqq. Polit. 271 A sqq. Phaedr. 274 C sqq. Phileb 16 C.—*Wilamowitz* Euripides Herakles I[1] 96 ff. *K. O. Müller*, Proleg. zu e. wissensch. Mythologie, 111 ff. *Grote*, History of Greece, I, ch. XVI sq. *Burckhardt*, Gr. Kulturg. I[3] 15 ff II 19 ff. III 303 ff. *Bender*, Mythologie u. Metaphysik, I 19 ff. *Rohde*, Gr. R.[3] 12 ff. Psyche I[3] 38 f. II 222 f. *Hirzel*, D. Dialog, I 260 ff.—Cp. *Dilthey*, Einl. in d. Geistesw. I 167 ff.

поютъ при богослуженіяхъ и на пирахъ и праздникахъ[1]),—поютъ или причитываютъ, сказываютъ; и всѣ ихъ пѣсни и сказы приносятъ имъ и удовольствіе, и пользу, или поученіе: какъ никакой другой народъ, умѣютъ они всегда соединять пріятное съ полезнымъ. Но изъ всѣхъ этихъ пѣсенъ и сказовъ именно тѣмъ и выдѣляются эпическія пѣсни, что ихъ полезность, поучительность рѣшительно перевѣшиваетъ собою доставляемое ими удовольствіе: оттого-то онѣ сравнительно-легко порываютъ съ музыкальнымъ аккомпаниментомъ и потомъ уже не поются, а сказываются, или рецитируются; оттого-то сохраненіе, разработка, исполненіе главнымъ-образомъ этихъ пѣсней становится предметомъ спеціализаціи, и оттого-то на нихъ главнымъ-образомъ спеціализуются странствующіе пѣвцы. Эти пѣвцы творятъ и новыя пѣсни, но продолжаютъ творить и старыя, т. е. переработывать и разработывать ихъ и въ ихъ формѣ, и въ ихъ содержаніи[2]). Надъ этой толпой пѣвцовъ-поэтовъ (φῦλον ἀοιδῶν), «какъ орлы надъ воронами», возвышаются отдѣльные пѣвцы-поэты, особливые избранники бога или музъ, создатели пѣсней, «слава которыхъ достигала широкаго неба»[3]): они уже не «нисходятъ въ преисподнюю (ἐς εὐρώεντα δόμον κρυεροῦ 'Αΐδαο) безъ имени, νώνυμνοι»,—они становятся даже національными героями, о нихъ, о ихъ состязаніяхъ между собою, если не съ Аполлономъ или Музами, складываются легенды[4]), распространяемыя потомъ—тѣми изъ пѣвцовъ, или сказителей, которые переходятъ уже на положеніе лишь вѣрныхъ исполнителей этихъ всѣми славимыхъ пѣсней,—которымъ вдохновенія—какъ платоновскому Іону—хватаетъ лишь на то, чтобы съ чувствомъ и толкомъ передать чужія пѣсни, да и то не всякія, потому что эти «рапсоды» спеціализуются—по большей части на Гомерѣ,—не желая знать ничего внѣ своей спеціальности[5]), такъ что эта ограниченность, или просто «глупость» рапсодовъ обращается даже

---

[1]) Ср. *Christ*, Gesch. d. gr. Litt.[3] 142 ff.; *Bücher*, Arbeit u. Rhythmus[3], 39 f. 49 f. 58, 75. 87. 95. 202 ff. 308 ff. 357 ff.

[2]) Ср. Od. I 351 sq.: τὴν γὰρ ἀοιδὴν μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἄνθρωποι, ἥ τις ἀκουόντεσσι νεωτάτη ἀμφιπέληται.—*Cauer*, Grundfragen d. Homerkritik, 174 ff. *Pöhlmann*, Aus Altertum u. Gegenwart, 56 ff.

[3]) Ср. Od. VIII 62 sqq. 479 sqq. XXII 345 sqq. (αὐτοδίδακτος δ' εἰμί, θεὸς δέ μοι ἐν φρεσὶν οἴμας παντοίας ἐνέφυσεν).

[4]) Crusius, *Philologus*, LIV, 712 ff.

[5]) Plat. Ion 531 A sqq.

въ пословицу[1]). Только немногіе изъ рапсодовъ умѣютъ еще присоединить къ передаваемой ими пѣснѣ разсказъ о поэтѣ и толкованіе поэмы, введеніе и комментарій[2]),—являясь въ этомъ отношеніи—чрезъ посредство античныхъ «критиковъ» или «грамматиковъ»—прототипомъ современныхъ профессоровъ классической филологіи.

Долго еще держится эпосъ, долго еще исполняется онъ рапсодами на многихъ общенародныхъ празднествахъ[3]), служа также предметомъ или средствомъ обученія въ школахъ[4]). Но онъ держится потомъ больше уже по традиціи, по привычкѣ, перестаетъ развиваться, перестаетъ жить полной жизнью,—потому что перестаетъ удовлетворять умственнымъ

---

[1]) Одинъ изъ собесѣдниковъ ксенофонтова Συμπόσιον'a (III 6) на вопросъ другого: „знаешь-ли ты племя (ἔθνος) глупѣе рапсодовъ?“ отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ“. Ср. Memor. IV 2, 10: τοὺς γάρ τοι ῥαψῳδοὺς οἶδα τὰ μὲν ἔπη ἀκριβοῦντας, αὐτοὺς δὲ πάνυ ἠλιθίους ὄντας. Ту же ходячую мысль заключали въ себѣ, конечно, и слова Анаксарха о μωρίῃ пѣвцовъ, не совсѣмъ точно переданныя у Clem. Al. Str. I 337 P. и Stob. Il. 34, 19.

[2]) Ср. Crusius, *Philol.*, LIV, 713 ff. E. Meyer, *Hermes* XXVII 377 ff. *E. Meyer*, Forsch. z. ält. gr. G. II 236.—Что ὁμηρικοί съ ихъ ὁμηρικὰ ζητήματα, рано ставшіе предметомъ насмѣшекъ за свое педантство (ср. Aristot. Metaph. 1093 a: ὅμοιοι δὴ καὶ οὗτοι τοῖς ἀρχαίοις Ὁμηρικοῖς, οἳ μικρὰς ὁμοιότητας ὁρῶσι, μεγάλας δὲ παρορῶσιν), примкнули къ рапсодамъ, яснѣе всего видно изъ словъ Исократа, XII, 18: ἀπαντήσαντες γάρ τινές μοι τῶν ἐπιτηδείων ἔλεγον, ὡς ἐν τῷ Λυκείῳ συγκαθεζόμενοι τρεῖς ἢ τέτταρες τῶν ἀγελαίων σοφιστῶν, τῶν καὶ πάντα φασκόντων εἰδέναι καὶ ταχέως πανταχοῦ γιγνομένων, διαλέγοιντο περί τε τῶν ἄλλων ποιητῶν καὶ τῆς Ἡσιόδου καὶ τῆς Ὁμήρου ποιήσεως, οὐδὲν μὲν παρ' αὑτῶν λέγοντες, τὰ δ' ἐκείνων ῥαψῳδοῦντες καὶ τῶν πρότερον ἄλλοις τισὶν εἰρημένων τὰ χαριέστατα μνημονεύοντες. Ср. Xenoph. Conv. III. 5 sq. IV 6 sq.

[3]) Ср. Herod. V 67. Plut. Ion 530 A sq. Lyc. 102. Athen. 275 b. 538 e. 620 b. sqq. [Plut.] de mus. 6. CIGS I 414 sqq. 3195 sq. GDI 2563 sqq. Mich. 890 ss. Гераклитъ игралъ, конечно, словомъ ῥαψῳδός, когда говорилъ (fr. 42 D.), что Гомера слѣдовало-бы ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαπίζεσθαι. Ῥαψῳδία не на всѣхъ, однако, празднествахъ, гдѣ она исполнялась, была предметомъ состязаній: ср., напр., Ditt[2]. 522.

[4]) Эпосъ, прежде всего, конечно, гомеровскій (ср. Xenophan. fr. 10 D.: ἐξ ἀρχῆς καθ' Ὅμηρον ἐπεὶ μεμαθήκασι πάντες), или отрывки изъ него, вмѣстѣ съ гимнами, служилъ обыкновенно и для обученія грамотѣ, пониманію прочитаннаго, выразительному чтенію, также для цѣлей мусическаго и филологическаго образованія и дабы τὰς τῶν νεωτέρων ψυχὰς πρὸς ἀνδρείαν ἐγείρειν καὶ παροξύνειν φαντασίαις. Среди наставниковъ въ школахъ называются, наряду съ ὑποκριταί, и ῥαψῳδοί (Dio Chr. XIII 17 A. Luc. Anach. 21), среди состязательныхъ испытаній—испытанія не только ἀναγνώσεως, но и ῥαψῳδίας (Mich. 913. Ditt.[2] 524). Въ Еретріи гимнасіархъ βουλόμενος τοὺς νέους ὠφελεῖν παρέσχεν ἐκ τοῦ ἰδίου ὁμηρικὸν φιλόλογον, *Am. J. of. Arch.* XI, 188. Въ аристофановыхъ Δαιταλεῖς (fr. 197 K.) интересъ къ гомеровскимъ глоссамъ подается уже въ пользу—болѣе практичнаго—интереса къ устарѣлымъ словамъ въ законахъ Солона.—Ср. Plat. Prot. 325 E sq. Resp. 377 A sqq. Xen. conv. III 5. Isocr. IV 159. Strab. 15. 19 sq. Plut. Philop. 4. Alc. 7. Dio Chr. XI 4. XIII 17 sqq. Luc. Anach. 21.

запросамъ еллиновъ. Перестаетъ-же онъ отвѣчать этимъ запросамъ, когда расшатывается миѳическое мышленіе и міровоззрѣніе, когда старое, традиціонное окончательно оказывается уже не пригоднымъ, когда начинаютъ усиленно искать новаго, когда прежнія формы практической и духовной жизни оказываются тѣсными и не достаточно гибкими и пестрыми для ея—все расширяющагося и все осложняющагося—содержанія. Въ этомъ напряженномъ исканіи новыхъ формъ и новыхъ путей, одни бросаются въ водоворотъ жизненныхъ утѣхъ и наслажденій, другіе предаются мрачному отчаянію, ожидая лишь смерти, какъ избавленія отъ земныхъ золъ; тогда-то такъ распространяются мистическіе и вакхическіе культы съ ихъ—нерѣдко изступленными—мистеріями или оргіями; тогда ходятъ по Елладѣ пророки съ ихъ предвѣщаніями, заклинаніями и чудесами[1]). Когда миновалъ этотъ кризисъ, улеглось возбужденіе, когда Еллада приняла боевое крещеніе и очищеніе, стряхнувъ съ себя нахлынувшихъ на нее, и съ Востока, и съ Запада, варваровъ, когда жизнь опять потекла хоть и быстрымъ, но уже не столь бурнымъ потокомъ, когда началась болѣе спокойная и пристальная пере-

---

[1]) *Rohde*, Psyche, II² 1 ff. *Gruppe*, Gr. Mythol. u. Religionsg. 1016 ff. *Gomperz*, Gr. Denker, I 100 ff. *Maass*, Orpheus, 129 ff.—Эти странствовавшіе тогда „по всей землѣ“ пророки (ἔνθεοι μάντεις, φοιβόλαμπτοι, νυμφόληπτοι, χρησμολόγοι, καθαρταί), вѣщатели не только περὶ τῶν ἐσομένων, но и περὶ τῶν γεγονότων μὲν ἀδήλων δέ (Arist. rhet. 1418 a), въ своей дѣятельности сближавшіеся и съ μάντεις (вродѣ гомеровскаго Калханта), и съ поэтами (особенно такими, какъ Терпандръ, Θαλήτας, Алкманъ, ср. *Diels* Sibyll. Blätter, 91; ср. Орфей, Мусэй, Епименидъ, Ономакритъ, Ласъ), и съ врачами (ср. ἰατρομάντεις), и съ философами (особенно съ „софистомъ“—такъ у Геродота, который этимъ именемъ обозначаетъ и проповѣдниковъ-истолкователей культа Діониса,—Пиѳагоромъ, но также и съ Ксенофаномъ), предшественники позднѣйшихъ—обыкновенно уже не странствовавшихъ (какъ Σθόρις, CIA II 10. 25; IV 2, 35 c), а осѣдлыхъ—μάντεις, χρησμολόγοι (ср. о нихъ *Rh. M.*, LIII 498 ff.) и ἐξηγηταί, являются вмѣстѣ съ тѣмъ—наряду съ рапсодами—предшественниками и софистовъ κατ' ἐξοχήν. Любопытно, что и Эпименидъ—такъ, по крайней мѣрѣ, у Plut., an seni res p. ger. s., 1—съ его полувѣковымъ сномъ, послѣ котораго онъ, ἀγύμναστος и ἄτεχνος, искалъ демагогіи, вовлеченъ былъ въ исторію краснорѣчія, какъ и представлявшіе (трезвостію свой мысли) нѣкоторую противоположность пророкамъ οἱ ἑπτὰ σοφισταί (или σοφοί), которые—какъ говорится въ изданномъ въ *Hermes* XXIX 119 f. Ineditum Vaticanum—искали славы не δεινότητι λόγων, а только ἀποφθέγμασιν, слывшими зато какъ χρησμῶν πιστότερα; по Дикэарху—сообщается дальше—даже и эти краткія изреченія не принадлежали семи мудрецамъ, потому что οἱ πάλαι не философствовали λόγῳ,—σοφία была тогда только ἐπιτήδευσις ἔργων καλῶν, и лишь потомъ появилась λόγων ὀχλικῶν τέχνη (ср. Plat. Hipp. maj. 281 C sqq.).—Много позже, въ эпоху „синкретизма“ и „романтизма“, опять являются подобные этимъ древнимъ пророки (таковъ былъ и Аполлоній изъ Тіаны—по крайней мѣрѣ какъ его рисуетъ Филостратъ).

оцѣнка цѣнностей, переоцѣнка словъ и понятій[1]), тогда оказалось, что живое эпическое творчество уже потеряло всякую способность къ дальнѣйшему естественному развитію[2]), и аристофановскій[3]) возгласъ: μή 'μοί γε μύθους ἀλλὰ τῶν ἀνθρωπίνων (не сказки сказывай небылыя, а говори человѣческія рѣчи о человѣческихъ дѣлахъ!) сталъ звучать теперь все внушительнѣе; иные прибавляли, что миѳы хороши для дѣтей или для необразованныхъ, потому что имъ только нужно преподносить истину подъ покровомъ красивой лжи, красиваго измышленія[4]).

---

[1]) καὶ τὴν εἰωθυῖαν ἀξίωσιν τῶν ὀνομάτων ἐς τὰ ἔργα ἀντήλλαξαν τῇ δικαιώσει—по выраженію Ѳукидида, III, 82, 4.

[2]) Объ этомъ упадкѣ эпоса—когда παραφανείσης τῆς τραγῳδίας поэты ἀντὶ τῶν ἐπῶν τραγῳδοδιδάσκαλοι ἐγένοντο, ибо драматическія σχήματα стали μείζονα καὶ ἐντιμότερα,—Arist. poet. 1449 a; но, конечно эпосъ разрѣшался не только въ драматическую, но и въ диѳирамбическую и вообще въ мелическую поэзію, прежде же всего въ историческую и философскую ритмическую прозу. Авторъ эпической Персеиды к. V в. Χοιρίλος указываетъ на то, что πάντα δέδασται (ἔχουσι δὲ πείρατα τέχναι), и негдѣ уже νεοζυγὲς ἅρμα πελάσσαι (fr. 1 K.); ἀπίτω μοῦσα παλαιά—восклицаетъ Тимоѳей (fr. 21 W.). Дальнѣйшее развитіе эпической поэзіи, разумѣется, подавляли своимъ величіемъ и гомеровскія поэмы. Только въ т. наз. александрійскую эпоху съ ея не то романтическими, не то классицистическими тенденціями опять сочиняются эпосы, но уже чисто-искусственнаго, даже научнаго характера.—Ἐπῶν ποιηταί наряду съ рапсодами упоминаются, въ III и сл. стол., между побѣдителями на нѣкоторыхъ мусическихъ агонахъ (такъ въ беотійскихъ Оропѣ, Ѳеспіяхъ, Орхоменѣ, ср. CIGS I 416 sqq. 1760 sq. 3195 sq. Mich. 891; ср. Ditt.[2] 693). —Само собою разумѣется, что всегда существовали—позднѣе даже, когда археологія вошла въ моду, увеличиваясь въ своемъ числѣ и прочнѣе организуясь—и мѣстные знатоки старины, разказчики мѣстныхъ, особенно культовыхъ легендъ,—ἐξηγηταί (ср. *Gurlitt*, Ueb. Pausanias, 124 ff.). Любопытный образчикъ офиціальной (жреческой) кодификаціи такихъ легендъ объ ἰάματα Аполлона и Асклапія имѣемъ въ епидаврійскихъ надписяхъ III в. (IGP I 951 sq., ср. Ditt.[2] 802 sq).

[3]) Aristoph. Vesp. 1179.

[4]) Plat. Resp. 376 E sqq. Strab. 19 sq. Hermog. prog. W. I 1.—Столько-же характерное, сколько ненадежное преданіе (Diog. L. IX 18) разсказываетъ намъ объ одномъ бѣдномъ рапсодѣ, странствовавшемъ въ VI—V в. по Элладѣ; для толпы онъ сказывалъ пѣсни о богахъ, о герояхъ, о предкахъ, но для избранныхъ у него были иныя пѣсни; онъ поучалъ, что мудрость выше силы, что людьми мудрыми государство должно дорожить больше, нежели своими кулачными бойцами, борцами, скороходами, отъ которыхъ не прибудетъ въ государствѣ законности и порядка; онъ поучалъ, что людямъ не дано знать истины, но что они должны неустанно искать ея, стремиться къ ней; но съ особенной силой этотъ рапсодъ—не кто иной, конечно, какъ Ксенофанъ,—возставалъ противъ суевѣрія и противъ тѣхъ—часто безнравственныхъ—образовъ боговъ, какіе измышлены были древними эпическими поэтами, противъ πλάσματα τῶν προτέρων (ср. *Diels*, Die Fragmente d. Vorsokratiker, 38 ff.). Извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовался этотъ послѣдній пунктъ ученія Ксенофана,—въ частности у Платона, который не только усвоилъ его себѣ, но и хотѣлъ усвоить его „государству",—

Утраченную эпосомъ способность къ дальнѣйшему развитію не утратили другіе виды поэзіи—мелосъ и особенно драма. И эта поэзія поучала, конечно, и вѣрную и по отношенію къ ней мысль, что «поэты то же для взрослыхъ, что для дѣтей учитель», комикъ Аристофанъ влагаетъ въ уста трагика Эсхила[1]). Но, все осложняясь въ своемъ развитіи, все дальше уходя отъ эпической простоты и спокойствія, поэзія эта все менѣе оказывалась пригодной для прямого, непосредственнаго поученія, или назиданія. Чтобы смѣнить собою, въ его учительской миссіи, склонявшійся къ упадку эпосъ, и выступило тогда—подерживаемое политическимъ и судебнымъ краснорѣчіемъ—краснорѣчіе эпидейктическое.

Къ концу V вѣка до Р. Х. относится та встрѣча Сократа (разумѣется, въ Аѳинахъ) съ софистомъ Гиппіемъ, которая такими живыми чертами изображена въ платоновскомъ діалогѣ Ἱππίας μείζων[2]). Гиппію не часто доводится бывать въ Аѳинахъ: его родина Элида постоянно обращается къ нему первому, когда ей нужно вести переговоры съ какимъ-либо государствомъ. Гиппію мало той славы, какую—всюду, гдѣ онъ выступаетъ въ качествѣ посла,—создаютъ ему его посольскія рѣчи. Онъ

такъ что и друзьямъ, и врагамъ Платона пришлось разбирать—ὅσα τε ἐγκωμιάζων γέγραφεν τὴν Ὁμήρου ποίησιν καὶ ὅσα ἐπαιτιώμενος ἔφθεγκται (Procl. in Pl. r. p. I 70 Kr.).

[1]) Aristoph. Ran. 1054 sq.: τοῖς μὲν παιδαρίοισιν ἔστιν διδάσκαλος ὅστις φράζει, τοῖς ἡβῶσιν δὲ ποιηταί. Ср. 1008 sqq.—Горгію приписана у Плутарха (de aud. p. 1; de gl. Ath. 5) мысль, что трагедія представляетъ собою ἀπάτην, ἣν ὅ τε ἀπατήσας δικαιότερος τοῦ μὴ ἀπατήσαντος καὶ ὁ ἀπατηθεὶς σοφώτερος τοῦ μὴ ἀπατηθέντος; подобную мысль встрѣчаемъ и въ писанныхъ ок. 400 г. Διαλέξεις (или Δισσοὶ λογοι); но тамъ (дважды) приводится и другая мысль—что τοὶ ποιηταὶ οὐ ποτ' ἀλάθειαν, ἀλλὰ ποτὶ τὰς ἁδονὰς ποιέοντι (p. 583 sq. Diels). Насколько стремится поэзія къ διδασκαλία (хотя-бы μεθ' ἡδονῆς), насколько къ ψυχαγωγία,—объ этомъ много спорили древніе литературные критики; но въ этомъ спорѣ (ср. особенно Strab. 15 sqq.) всегда изолированное мѣсто отводилось „миѳамъ" или эпосу (т. е. прежде всего Гомеру), который какъ бы служилъ посредникомъ между λόγος и ποίημα. Ср. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμωιδίας, 15 ff. (также *v. Scala*, D. Studien d. Polybios, I 63 ff. 128 ff.).

[2]) Plat. Hipp. maj. 281 A sqq.—Для насъ, къ счастью, не имѣетъ въ данномъ случаѣ существеннаго значенія вопросъ о принадлежности этого діалога самому Платону, большинствомъ голосовъ (такъ и *Horneffer*, De Hippia maiore qui fertur Platonis, 1895, и *Bruns*, D. liter. Porträt d. Gr., 346 ff.) рѣшаемый не въ пользу діалога. *Dümmler*, Akademika, 52 ff. 232 ff., стоявшій за принадлежность діалога Платону, тщетно старался доказать, что „подъ маской Гиппія Платонъ осмѣивалъ здѣсь Исократа"; гораздо проще предположить, что въ діалогѣ рисуется типъ софиста (V—IV в.), при чемъ Гиппій взятъ какъ наиболѣе яркій представитель этого типа.—Данныя античной литературы о Гиппіи элейцѣ (ср. *Diels*, D. Fragm. d. Vorsokratiker, 545 ff.) требовали бы критическаго пересмотра болѣе тщательнаго, нежели имѣющіеся теперь (ср. *Apelt*, Beitr. z. Gesch. d. gr. Philos., 367 ff. *Dümmler* l. l. и Kl. Schr. II 182 ff.).

выступаетъ и въ качествѣ публичнаго лектора, поучая и мудрости, и добродѣтели, добывая себѣ не только славу, но и деньги. Онъ можетъ держать рѣчь о чемъ угодно—о доблести и добродѣтели, о законахъ, о свѣтилахъ небесныхъ, о геометріи, объ исчисленіяхъ, о звукахъ и слогахъ, ритмахъ и гармоніяхъ[1]). Когда нужно было угодить слушателямъ такимъ, какъ лакедемоняне[2]), которые едва умѣли даже считать, для которыхъ вся этика заключалась въ ихъ изстари-переданныхъ и бережно-хранимыхъ законахъ, тогда Гиппій принимался изучать миѳическую исторію—о герояхъ и людяхъ сѣдой старины, о томъ, какъ основаны были города и государства, словомъ всю древность[3]): такія чтенія охотнѣе всего слушали лакедемоняне, дивясь тому, что существуютъ знающіе такъ много люди,—слушали съ тѣмъ любопытствомъ, съ какимъ дѣти слушаютъ старушечьи сказки. Они, конечно, не допустили бы, чтобы ихъ «гость» (ξένος) преподносилъ имъ или ихъ дѣтямъ уроки добродѣтели и нравственности отъ своего лица; но когда тѣ же самыя поученія краснорѣчивый гость преподносилъ имъ въ формѣ разсказа о томъ, какъ Несторъ послѣ взятія Трои наставлялъ молодого Неоптолема на путь славы[4]), то такая рѣчь могла расчитывать на успѣхъ и у лаке-

---

1) τὰ μαθήματα εἰς ἀρετήν (284 A; ср. 286 A), τὰ περὶ τὰ ἄστρα τε καὶ τὰ οὐράνια πάθη, περὶ γεωμετρίας, περὶ λογισμῶν, περί τε γραμμάτων δυνάμεως καὶ συλλαβῶν καὶ ῥυθμῶν καὶ ἁρμονιῶν (285 C sq.). И въ Hipp. min. 366 C sqq. Гиппій рисуется какъ знатокъ и λογισμῶν καὶ λογιστικῆς, и геометріи, и астрономіи, и ритмовъ, гармоній и γραμμάτων ὀρθότητος, и всѣхъ вообще искусствъ. Πολυμαθής называетъ Сократъ Гиппія у Xenoph. Mem. IV 4, 6.—О полимаѳіи софистовъ вообще ср. Plat. Soph. 232 A sqq.

2) Точнѣе—такимъ, какими—не совсѣмъ безъ основаній конечно—слыли и рисовались въ (аѳинской) литературѣ лакедемоняне.

3) περὶ τῶν γενῶν τῶν τε ἡρώων καὶ τῶν ἀνθρώπων, καὶ τῶν κατοικίσεων, ὡς τὸ ἀρχαῖον ἐκτίσθησαν αἱ πόλεις, καὶ συλλήβδην πάσης τῆς ἀρχαιολογίας ἥδιστα ἀκροῶνται, ὥστ' ἔγωγε δι' αὐτοὺς ἠνάγκασμαι ἐκμεμαθηκέναι πάντα τὰ τοιαῦτα (285 D sq.).—Любопытно сопоставить съ этой характеристикой содержанія публичныхъ лекцій Гиппія по исторіи заявленіе Исократа, что онъ не намѣренъ сочинять τῶν λόγων τοὺς μυθώδεις οὐδὲ τοὺς τερατείας καὶ ψευδολογίας μεστούς, οἷς οἱ πολλοὶ μᾶλλον χαίρουσιν ἢ τοῖς περὶ τῆς αὑτῶν σωτηρίας λεγομένοις, οὐδὲ τοὺς τὰς παλαιὰς πράξεις καὶ τοὺς πολέμους τοὺς Ἑλληνικοὺς ἐξηγουμένους (XII 1), а также заявленія Ѳукидида, что τὸ μὴ μυθῶδες расчитаннаго не ἐς τὸ παραχρῆμα ἀκούειν его изложенія ἐς ἀκρόασιν покажется, конечно, ἀτερπέστερον (I 22), и—подражающаго Ѳукидиду—Полибія, что его πραγματεία имѣетъ αὐστηρόν τι, не заинтересуетъ πολλούς· τὸν μὲν γὰρ φιλήκοον ὁ γενεαλογικὸς τρόπος ἐπισπᾶται, τὸν δὲ πολυπράγμονα καὶ περιττὸν ὁ περὶ τὰς ἀποικίας καὶ κτίσεις καὶ συγγενείας, καθά που καὶ παρ' Ἐφόρῳ λέγεται (IX 1).

4) Близкой по своему характеру къ этой рѣчи Гиппія была рѣчь Продика περὶ τῆς ἀρετῆς, или о томъ, какъ (подобно Париду софокловой Κρίσις) Гераклъ, переходя ἐκ παίδων εἰς ἥβην, дѣлалъ выборъ между Ἀρετή и Κακία, или Εὐδαιμονία (Xenoph. Mem. II 1, 21 sqq. Sch. Ar. nub. 361. Plat. Conv. 177 B; ср. *Wilamowitz* Herakles I² 101 f.);

демонянъ—какъ и у аѳинянъ, способныхъ уже различить въ ней форму и содержаніе, схватить основной ея смыслъ, основную ея идею. Эту рѣчь Гиппій и предполагаетъ повторить и въ Аѳинахъ[1]),—добавивъ къ ней еще много такого, что заслуживаетъ вниманія,—и приглашаетъ на нее Сократа, прося его привести съ собой и другихъ, способныхъ оцѣнить оратора по достоинству.

Предъ нами нѣсколько переходящій, правда, въ шаржъ, но въ общемъ живо очерченный типъ публичнаго оратора или лектора, съ конца V вѣка получающій право гражданства въ культурной жизни еллинскаго міра. Какъ выступали передъ публикой рапсоды съ своими словесами, съ своими ἔπη, такъ выступаютъ теперь, все больше оттѣсняя и вытѣсняя ихъ, и «софисты» съ своими рѣчами, съ своими λόγοι. Отъ рапсодовъ переняли они и заботу о своей внѣшности, быть-можетъ даже свое одѣяніе[2]).

здѣсь представленъ былъ т. о. обычный и вообще эпидейктическому краснорѣчію мотивъ συγκρίσεως (ср. *Hense*, Die Synkrisis in d. ant. Litteratur. 1893).—Заключавшія въ себѣ діалогъ (обыкновенно миѳическихъ лицъ, чаще всего—учителя и ученика) рѣчи встрѣчаются и у представителей т. наз. „второй софистики“, особенно у Діона Хрисостома (ср. *Hirzel*, D. Dialog, II 84 ff. 269 ff. *Arnim*, Dio v. Prusa, 160 ff. 251 ff. *Schmid*, Atticismus, I 177 f. IV 346 ff.). Формальной своей стороной подобныя рѣчи примыкали, кажется, не столько къ собственнымъ діалогамъ (какъ діалоги Платона) или драматическимъ ἀγῶνες λόγων, сколько къ миѳическимъ (эпическимъ) разсказамъ и къ мимамъ - такимъ, какъ мимы Софрона (которые, съ другой стороны, не остались безъ воздѣйствія и на литературную форму діалога, ср. *Reich*, Mimus I 356 ff.); мимоходомъ замѣтимъ, что мимы своей этологіей представляли интересъ и для риторики съ ея ἠθοποιίαι (какъ и Характеры Ѳеофраста быть-можетъ задуманы былии какъ „посвященное практикѣ Parergon къ работамъ Ѳеофраста о риторикѣ“, Immisch, *Rh. Mus.* LVII 193 ff.); въ свою очередь и мимы интересовались краснорѣчіемъ,—какъ показываетъ ῥητορεύων Βουλίας Софрона и особенно пародія на судебное краснорѣчіе во второмъ миміамбѣ Геронда. Ср. *Reich*, 315 ff.—Ср. *Norden*, A. K. I 129 f.

[1]) Гиппій предполагаетъ произнести свою рѣчь ἐν τῷ Φειδοστράτου διδασκαλείῳ, по приглашенію Евдика с. Апеманта (онъ же выступаетъ и въ Hipp. min. 363 A. 373 A, быть-можетъ также—въ качествѣ политическаго оратора—въ ψήφισμα 410|9 г., Ditt.[2] 50).—Точно также и Продикъ часто воспроизводилъ свою рѣчь о Гераклѣ; по крайней мѣрѣ Сократъ говоритъ у Ксенофонта, Mem. II 1, 21: Πρόδικος ἐν τῷ συγγράμματι τῷ περὶ Ἡρακλέους, ὅπερ δὴ καὶ πλείστοις ἐπιδείκνυται.—Этотъ обычай произносить разъ составленную рѣчь въ нѣсколькихъ городахъ существовалъ и въ эпоху „второй софистики“ (ср. *v. Arnim*, Dio v. Pr., 169 ff.).

[2]) О рапсодахъ—Plat. Ion 530 B: τὸ σῶμα κεκοσμῆσθαι ἀεὶ πρέπον ὑμῶν (sc. τῶν ῥαψῳδῶν) εἶναι τῇ τέχνῃ καὶ ὡς καλλίστοις φαίνεσθαι; ср. Nic. Dam. fr. 62 M. (ἁλουργῇ ἀμπεχόμενος) и Eust. ad. Il. l. О древнихъ софистахъ—Plat. Hipp. min. 368 B sq. (едва ли однако слѣдуетъ—какъ то дѣлаютъ и древніе, и новые ученые, ср. Cic. de or. III 127; *Gomperz* Gr. D. I 376 f.,—всецѣло принимать на вѣру показаніе этого діалога, будто Гиппій хвалился однажды, что весь его праздничный нарядъ, въ какомъ онъ

Они обыкновенно такъ же странствуютъ, какъ и рапсоды[1]), и такъ же, какъ и тѣ, стараются попасть въ тотъ или другой городъ, когда тамъ совершается празднество во славу мѣстнаго божества, и стало быть собирается много народу, своего и чужого[2]). «Мудрецы, мудрые и для себя», эти «разносчики мудрости» знаютъ, чѣмъ кому угодить,—чтобы

явился въ Олимпію,—одежда, обувь и украшенія—его собственной работы: здѣсь имѣлась въ виду, вѣроятно, не столько разносторонность этого πλείστας τέχνας πάντων σοφωτάτου ἀνθρώπων,—которою Гиппій можетъ-быть и обладалъ въ такой же мѣрѣ, какъ и остроумно сравниваемый съ нимъ у *Gomperz* l. c. Л. Б. Альберти,—сколько его хвастливость и щеголеватость; ср. Hipp. maj. 281 A. 291 A). О позднихъ софистахъ—Luc. rhet. pr. 15, 16. Philostr. v. s. I 25. II 3. 10. Plut. Anton. 80; обычнымъ ихъ одѣяніемъ былъ τρίβων φοινικοῦς, ср. Olymp. 28 (FHG IV 63); Greg. Naz. or. IV, 117. У Эліана v. h. XII 32 читаемъ, что Емпедоклъ ἁλουργεῖ ἐχρήσατο, а Гиппій и Горгій выступали ἐν πορφυραῖς ἐσθῆσιν; и возможно, что одѣяніе свое (πορφυρίς носили, впрочемъ тогда и должностныя лица, ср. Dio Chr. XXXIV 29 sq., Luc. Herm. 86, также надп. BCH XXIV 361, и *Lumbroso*, l' Egitto² 180) поздніе софисты заимствовали отъ древнихъ, а древніе—отъ рапсодовъ или отъ киѳародовъ; быть можетъ вѣрно въ существенномъ и замѣчаніе Артемидора Oneir. II 3, что имѣть ἁλουργίδα ἐσθῆτα приличествовало только ἱερεῦσι καὶ θυμελικοῖς καὶ σκηνικοῖς καὶ τοῖς περὶ τὸν Διόνυσον τεχνίταις (ср. Amelung у *Pauly-Wissowa* III 2325 ff.). О сакральномъ значеніи краснаго одѣянія ср. *Rohde*, Psyche I² 226 f. и *Samter*, Familienfeste d. Gr. u. R., 47 ff.—Быть-можетъ и ῥάβδος рапсодовъ „переживаетъ" въ той βακτηρία, о которой говоритъ въ своей лекціи Евдемъ родосскій (p. 73 Spengel), или которой дважды или трижды стучитъ, прежде чѣмъ начать рѣчь, киникъ Дидимъ по прозванію Πλανητιάδης у Plut. de def. or. 7.

[1]) Ср. Plat. Tim. 19 E: τὸ τῶν σοφιστῶν γένος... πλανητὸν ὂν κατὰ πόλεις.

[2]) Такъ въ Hipp. min. 368 D Гиппій является въ Олимпію ποιήματα ἔχων καὶ ἔπη καὶ τραγῳδίας καὶ διθυράμβους καὶ καταλογάδην πολλοὺς λόγους καὶ παντοδαποὺς συγκειμένους. Между рѣчами Горгія цитуется и Ὀλυμπικός (Arist. rh. 1414 b. Clem. Str. I, 346 P. Phil. v. s. I 9); ср. Ὀλυμπιακός Лисія (or. 33). Для болѣе поздняго времени очень характерны разсказы и показанія Діона Хрисостома, VIII 5 sqq. и IX 1 sqq., о Діогенѣ на Исѳміяхъ и объ Исѳміяхъ, и Лукіана, Herod. 1 sqq., о Геродотѣ и софистахъ (но также и о живописцѣ Аетіонѣ) на Олимпіяхъ и объ Олимпіяхъ; само это сочиненіе Лукіана (Ἡρόδοτος ἢ Ἀετίων)—προλαλιά, съ которой онъ выступаетъ на празднествѣ „лучшаго изъ городовъ Македоніи, гдѣ собирается цвѣтъ гражданъ каждаго изъ этихъ городовъ". Анекдотъ объ ораторѣ, выдававшемъ за импровизацію скомпилированную имъ изъ разныхъ сочиненій рѣчь о Пиѳагорѣ, причемъ слушатели громко называли имена тѣхъ авторовъ, которымъ принадлежали отдѣльныя мѣста рѣчи, локализуется у Лукіана, Pseudol. 5 sq., также въ Олимпіи. Діонъ живо рисуетъ, какъ въ Коринѳѣ во время Исѳмій собирались (при немъ, какъ и при Діогенѣ) и софисты, и писатели (читавшіе свои ἀναίσθητα συγγράμματα), и поэты, и скоморохи, и предсказатели, и риторы, и купцы (VIII 5).—На этой почвѣ сложился, конечно, и знакомый намъ (ср. выше. стр. 41 пр. 1) особый—„панегирическій"—видъ рѣчей, сближавшійся или отожествлявшійся съ „енкоміастическимъ" (ср. Πανηγυρικός Исократа, Παναθηναϊκοί Исократа и Аристида), сдѣлавшійся даже (какъ будетъ упомянуто ниже) предметомъ мусическихъ агоновъ нѣкоторыхъ πανηγύρεις.

«собрать языкомъ» болѣе обильную «жатву»[1]); но не всегда, конечно, деньги для нихъ дороже чести, дороже почета или славы, дороже сознанія своей высокой просвѣтительной миссіи[2]). Они умѣютъ заставить слушать себя даже такихъ слушателей, которые, казалось, едва могли считать или читать[3]). Гдѣ любознательность, гдѣ любопытство, гдѣ «любословіе» поддерживаютъ эту новую моду, которая постепенно обращается въ привычку. Число публичныхъ ораторовъ растетъ— особенно по мѣрѣ того, какъ новыя страны пріобщаются къ еллинской культурѣ[4]),—

---

[1]) Эврипидовъ стихъ: μισῶ σοφιστήν, ὅστις οὐχ αὑτῷ σοφός (fr. 897 N.²) въ Hipp. maj. 283 B примѣняется къ корыстолюбію софистовъ. Въ платоновомъ Софистѣ 321 D sq. софистъ опредѣляется какъ 1) νέων καὶ πλουσίων ἔμμισθος θηρευτής, 2) ἔμπορός τις περὶ τὰ τῆς ψυχῆς μαθήματα, 3) περὶ τὰ αὐτὰ κάπηλος, 4) αὐτοπώλης περὶ τὰ μαθήματα, 5) τῆς ἀγωνιστικῆς περὶ λόγους τις ἀθλητής и 6) (хотя это и ἀμφισβητήσιμον) μαθήμασι περὶ ψυχὴν καθαρτής. По Аристотелю soph. el. 165 a софистъ—χρηματιστὴς ἀπὸ φαινομένης σοφίας. Измѣряющими свою мудрость и свою славу количествомъ заработанныхъ денегъ, торговцами, развозящими κατὰ τὰς πόλεις τὰ μαθήματα (или-же царями, которымъ δωροφοροῦσι всѣ желающіе стать столь же мудрыми, какъ они)—такъ постоянно рисуются софисты у Платона (ср. Protag. 311 D sqq. Gorg. 519 C sqq. Phaedr. 266 C. Meno 90 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.) и у Ксенофонта (Mem. I 2, 6 sq. 5, 6. 6, 11 sqq.), также у Исократа (XIII 3 sqq.). Тѣми же (т. е., вѣроятно, заимствованными у Платона) чертами рисуются и поздніе софисты; см. напр., Dio Cass. LXXI 35, 2 (παμπληθεῖς φιλοσοφεῖν ἐπλάττοντο ἵν' ὑπ' αὐτοῦ πλουτίζωνται). Max. T. diss. XXXIII 8. Dio Chr. XXXII 10; ср. Themist. XXIII p. 351. Характеренъ для времени своего возникновенія (к. IV в.?) разсказъ о томъ, что Геродотъ за чтеніе отрывковъ изъ своей исторіи получилъ отъ Аѳинянъ 10 талантовъ (Plut. de Her. mal. 26).

[2]) Такъ по Hipp. maj. 283 B sqq. Гиппій безъ всякаго расчета на гонораръ читаетъ свои лекціи въ Лакедемонѣ. Исторіографъ изъ Трозана, читавшій рядъ публичныхъ лекцій въ Дельфахъ (во 2-й полов. II в.) получилъ παρὰ τᾶς πόλιος προξενίαν προμαντείαν προδικίαν ἀτέλειαν πάντων προεδρίαν ἐμ πᾶσι τοῖς ἀγώνοις и прочее, что надлежитъ отъ государства и отъ бога προξένοις καὶ εὐεργέταις (GDI 2724).—„Царь рѣчей", „языкъ Еллиновъ", Иродъ Аттикъ самъ платилъ другимъ софистамъ μισθὸν τῆς ἀκροάσεως въ громадныхъ размѣрахъ (Philostr. v. s. I 21. 25).

[3]) Такъ по Hipp. maj. 282 E. 284 B Гиппій читаетъ лекціи не только въ Лакедэмонѣ, а и въ „совсѣмъ маленькомъ мѣстечкѣ" Сициліи—въ Иникѣ, гдѣ заработываетъ больше 20 минъ.

[4]) Замѣчательно, что уже Горгій „возстановившій, говорятъ, пренебреженную и почти забытую людьми μελέτην λόγων" (Paus. VI 17, 8), не только основывается, но и основываетъ „школу" софистовъ—въ Ѳессаліи, славившейся больше всего искусствомъ верховой ѣзды (гдѣ славнымъ считалось—не постыднымъ, не δούλων ἔργον, какъ въ Сициліи,—укрощеніе коней или быковъ, Διαλ. p. 583 Diels), и тамъ же выступаетъ со своею рѣчью и Ѳрасимахъ (ср. выше, стр. 34), такъ что у Платона (Meno 71 A) Сократъ говоритъ, что σοφία ушла изъ Аѳинъ въ Ѳессалію.—Особенно благодарную почву нашло себѣ еллинское краснорѣчіе съ к. IV в. въ М. Азіи, гдѣ изъ соединенія мѣстныхъ отчасти „варварскихъ") зачатковъ краснорѣчія съ поверхностными заимствованіями

потому что эта культура, вѣдь, и захватывается тѣми странами въ тотъ моментъ ея развитія, когда на ея поверхности замѣтно выдвигается публичное краснорѣчіе. Все устойчивѣе организуются—не только въ болѣе, но и въ менѣе культурныхъ центрахъ—эти публичныя декламаціи и лекціи[1]). Все усиливающійся спросъ на нихъ увеличиваетъ и

изъ краснорѣчія собственной Еллады (т. е. аттическаго) расцвѣло своеобразное „азійское“—преимущественно эпидейктическое—краснорѣчіе (плодомъ его была и т. наз. „вторая софистика“). Эта „азійская муза изъ нѣдръ Азіи пришла скоро и въ (собственную) Елладу и всюду—даже въ самыхъ просвѣщенныхъ городахъ—стала вытѣснять древнюю, аттическую музу, ἡ ἀμαθὴς τὴν φιλόσοφον καὶ ἡ μαινομένη τὴν σώφρονα“ (Dion. de rh. ant. 1), чѣмъ вызвала противъ себя (II—I в.) реакцію „аттикистовъ“ (ср. выше, стр. 34). Отдѣльные—общіе и частные—моменты этой болѣе поздней исторіи еллинскаго краснорѣчія, поскольку она совпадала или сближалась съ исторіей художественной прозы, или поскольку она находила себѣ теоретическое выраженіе (въ риторическихъ руководствахъ или въ сужденіяхъ о риторическомъ искусствѣ), все больше уясняются въ новой научной литературѣ (особенно, конечно, въ книгѣ Norden'а, гдѣ, м. пр., отмѣтимъ указаніе на возможность von der bildenden Kunst auf die redende zu schliessen, S. 150, A. 1; ср. S. 8;—и уясняются именно въ смыслѣ устойчивости, плавности, постепенности развитія (plus ça change, plus c'est la même chose—Wilamowitz, *Hermes* XXXV, 13); внѣшняя-же, практическая исторія краснорѣчія (въ собственномъ смыслѣ этого слова) сравнительно мало затрогивается этими новыми работами (послѣ Rohde); но, конечно, и здѣсь разъединеніе, разграниченіе (отчасти на почвѣ случайнаго въ своей неравномѣрности состава нашихъ источниковъ) должно уступить больше мѣста сближенію, указанію переходовъ между отдѣльными моментами развитія—прежде всего, конечно, между древней и „второй“ софистикой.—О судьбахъ еллинскаго краснорѣчія въ Римѣ и о воздѣйствіяхъ его на теорію и практику римскаго краснорѣчія ср. Prolegomena въ изданіи *Marx*, Inc. auct. de r. d. ad C. Herennium l. IV, p. 133 sqq.

[1]) Болѣе или менѣе случайныя во времена Сократа и Платона, публичныя декламаціи и лекціи становятся необходимой принадлежностью общественной жизни во времена Діона Хрисостома, Плутарха, Лукіана, Филострата, Евнапія; и потому-то произведенія этихъ и другихъ писателей тѣхъ временъ (напр. Эпиктетовы) переполнены больше намеками, нежели детальными указаніями на обычную обстановку тогдашнихъ декламацій. Намеки эти не разъ уже (начиная съ сохраняющаго доселѣ значеніе труда *Cresollius S. J.*, Theatrum veterum rhetorum oratorum declamatorum, 1620) соединялись въ цѣльныя и достаточно яркія картины (лучше всего, конечно,—у *Rohde*, Gr. R.[2] 312 ff.; ср. *Hatch*, Griechentum u. Christentum, 68 ff. *Mommsen* R. G. V[4] 335 ff.).—Расчитанныя на болѣе или менѣе широкую публику (не на однихъ νέοι, или учениковъ) декламаціи и лекціи, какъ и рецитаціи, исполнялись и въ частныхъ домахъ—друзей литературы, позднѣе и самихъ софистовъ (ср. Lucian. Hermot. 11), въ зданіяхъ типа λέσχαι (ср. выше, стр. 6), на агорахъ, въ булевтеріяхъ, чаще же всего въ θέατρα или ᾠδεῖα (гдѣ они были) и въ γυμνάσια. Въ Элидѣ Павсаній (VI 23, 7) отмѣчаетъ находившееся ἐν τῷ γυμνασίῳ т. е. внутри ἐλάσσονος γυμνασίου περιβόλου) βουλευτήριον Ѳлейцевъ, называвшееся Λαλίχμιον,—καὶ ἐπιδείξεις ἐνταῦθα λόγων τε αὐτοσχεδίων καὶ συγγραμμάτων ποιοῦνται παντοίων. У делосскихъ Аѳинянъ ἀκροάσεις исполнялись ἐν τῷ ἐκκλησιαστηρίῳ καὶ ἐν τῷ θεάτρῳ (BCH XIII 250). Въ одной аттической комедіи IV—III в. гово-

ихъ производство, и, въ свою очередь, все усиливающееся предложеніе поддерживаетъ собою и увеличеніе спроса. И даже развитіе или распространеніе письменности оказывается безсильнымъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ сдержать или задержать этотъ процессъ распространенія, если не развитія эпидейктическаго краснорѣчія[1]).

рилось: τί ταῦτα ληρεῖς, φληνάφων ἄνω κάτω Λύκειον, 'Ακαδήμειαν, 'Ωιδείου πύλας, λήρους σοφιστῶν; (Athen. 336 e sq., ср. Kock CAF II 306); мы знаемъ, что въ Аѳинахъ представители различныхъ философскихъ школъ и пріѣзжіе ораторы или лекторы выступали въ φδεῖα или въ Πτολεμαῖον (ср. CIA. II 471, 19 sq. Cic. de fin. V 1), потомъ и въ 'Αγριππεῖον, какъ названо было τὸ ἐν τῷ Κεραμεικῷ θέατρον (Philostr. v. s. II 5, 3. 8, 2); ср. *Wachsmuth*, D. Stadt Athen, I 634 ff. *Curtius* Stadtg. v. Athen, S. LXXXII ff. Въ надписи Ditt.[2] 521 читаемъ, что аѳинскіе ефебы 101 г. до Р. Х. ἐσχόλασαν τοῖς φιλοσόφοις... παρετύγχανον δὲ καὶ ταῖς ἀκροάσεσιν ἁπάσαις (ср. CIA II 471, 19 sq.). ῎Αρισκος(?) ѳеофрастовыхъ Характеровъ предлагаетъ философамъ и софистамъ для ихъ ἐπιδείξεις свою „палэстру“ (ср. выше, стр. 6, пр. 3).

[1]) Письменность могла, впрочемъ, оказывать даже извѣстныя услуги устному краснорѣчію. Само собою разумѣется, что для развитія краснорѣчія были гораздо болѣе полезны, нежели вредны, риторическіе учебники, руководства и пособія и примѣрныя или образцовыя писанныя или записанныя рѣчи. Иные ораторы могли произносить свои рѣчи только по писанному, такъ что ἐπίδειξις сводилась здѣсь къ ἀνάγνωσις, какъ и вообще, мы видѣли (ср. выше, стр. 14 сл.; 22, пр. 2), рѣчи не только въ способахъ ихъ публикаціи, но иногда и въ способахъ ихъ изложенія сближались съ другими видами литературныхъ произведеній. Нерѣдко, конечно, написанныя рѣчи (какъ и стихи) декламировались ихъ авторами и напамять (какъ выучивались наизусть и писанныя на заказъ логографами судебныя рѣчи, ср. выше стр. 36), и этимъ прежде всего обусловливалось значеніе μνήμης и даже примѣненіе мнемоники для цѣлей риторики (ср. Alcidam. π. σοφ. 18 sqq.; τὸ μνημονικόν приписывалось уже Гиппію, Hipp. maj. 285 E. Hipp. min. 368 D; дальнѣйшія свидѣтельства указаны у *Volkmann*, Rhetorik[2] 563 ff.). Впослѣдствіи большой популярностью пользовались анекдоты о томъ, какъ ораторы выдавали заранѣе сочиненныя ими рѣчи за импровизаціи (ср. Luc. Pseudol. 5 sq. Phil. v. s. II 5). Восхваленію αὐτοσχεδιαστῶν λόγων на счетъ λόγων γραπτῶν посвящено сочиненіе Алкидаманта „о софистахъ или о пишущихъ τοὺς γραπτοὺς λόγους“; и кажется, что такъ много (и такъ безуспѣшно) обсуждавшіяся въ послѣднее время (литература указана у Gercke, *Rh. Mus.* LIV 404 ff.) замѣчанія Исократа (XIII 9 sqq., гдѣ γράμματα обозначаютъ собою не συγγράμματα, но и не грамоту или грамотность, а письменность) подчеркивали лишь тривіальность выставленной у Алкидаманта, какъ и въ платоновомъ „Федрѣ“ (275 C sqq.), мысли, что ὁ γεγραμμένος λόγος— ἀκίνητος (Alc. 28, ср. Is. XIII 12), и предостерегали отъ злоупотребленій ею и прежде всего отъ приниженія подъ ея вліяніемъ не только τῶν ἐξαμαρτανόντων, но за одно и всѣхъ вообще пишущихъ рѣчи, хотя бы то были рѣчи περὶ μεγίστων, не περὶ μικρῶν, не περὶ τῶν ἰδίων συμβολαίων (ср. Isocr. IV 8 sqq. X 1 sqq. XII 1 sqq. XV 1 sqq.). Исократъ тѣмъ выше долженъ былъ цѣнить γραπτοὺς λόγους, что его φύσις не заключала въ себѣ необходимыхъ для желающаго ἀγορεύειν свойствъ (φωνῆς θ' ἱκανῆς καὶ τόλμης), такъ что онъ обратился ἐπὶ τὸ φιλοσοφεῖν καὶ πονεῖν καὶ γράφειν (XII 7 sqq. V 81 sq.); ироническое изображеніе именно такого типа оратора даетъ Алкидамантъ, 9 sqq. Вопросъ объ относительномъ достоинствѣ αὐτοσχεδίων λόγων и λόγων γραπτῶν (γεγραμμένων), или

Какъ раньше съ поэзіей—съ эпосомъ, мелосомъ, драмой,—такъ теперь съ эпидейктическимъ краснорѣчіемъ пришлось считаться даже сакральнополитическимъ установленіямъ. Такъ, надгробныя рѣчи, вообще смѣнявшія собою надгробныя пѣсни или причитанія[1]), въ Аѳинахъ сдѣ-

φροντισμάτων, и вообще, и въ примѣненіи къ отдѣльнымъ (политическому, судебному и эпидейктическому) видамъ краснорѣчія, а также къ риторическому обученію, и послѣ Алкидаманта нерѣдко обсуждался въ греческой литературѣ (ср. Philod. I 193 sqq. II 248 sqq. S.). Въ противоположность Исократу (который сталъ даже предметомъ насмѣшекъ за свое ἐν πολλῷ χρόνῳ γράψαι и μεταγράψαι, ср. π. ὕψ. IV 2. Plut. de gl. Ath. 8. Dion. de comp. v. 25) обыкновенно софисты и γράφουσιν, и σχεδιάζουσιν свои эпидейктическія рѣчи, περαίνουσι διά τε γραφῆς καὶ χωρὶς γραφῆς (ср. Philod. I 123. II 251). Горгій и другіе древніе софисты и пишутъ тщательно-отдѣланныя рѣчи, и могутъ на любой поставленный имъ вопросъ или тему отвѣтить длинною, короткою или средней длины рѣчью (Plat. Gorg. 447 C sqq. Phaedr. 267 B; ср. *Navarre*, Rhét. gr. av. Arist. 37 ss.); у позднихъ софистовъ это искусство импровизировать на заданную тему (чѣмъ издавна любили блеснуть и поэты, ср. *Welcker*, Kl. Schr. II, S. XC ff. *Rohde*, Kl. Schr. I, 103 f.) обратилось даже въ спортъ (ср. тексты, указанные у *Rohde* Gr. R.[2] 332 ff.). Діону Хрисостому доступны были и φροντίσματα, и αὐτοσχέδιοι λόγοι (*Arnim*, Dio v. Pr. 180 f.); благодаря Асклепію импровизаціи (ἀπὸ στόματος παντελῶς) оказались, къ его удивленію, доступными и Элію Аристиду, какъ онъ самъ заявляетъ въ панегирикѣ Кизику (XVI p. 236 J.), что могло и не быть лишь риторической фразой (ср. характеристику Аристида у *Baumgart*, Ael. Aristides, 135 f.), хотя φύσις Аристида была скорѣе исократовская—οὐ τῶν ἐμούντων, ἀλλὰ τῶν ἀκριβούντων (Philostr. v. s. II 9).

[1]) „Пѣнье", котораго „не бѣ лзѣ слышати во плачи, велицѣ вопли" надъ усопшимъ, постепенно выдѣляется изъ этого—нерѣдко въ Греціи (какъ и въ древней и петровской Руси, ср. *Барсовъ*, Причитанья Сѣв. края, I, стр. III сл.) преслѣдуемаго государствомъ (напр. законами Солона, Plut. Sol. 21, Іуліетовъ, Ditt.[2] 877, дельфійскихъ Лабіадовъ, ibid. 438; ср. впрочемъ уже Il. XXIV 237 sqq.) „плача съ великимъ кричаніемъ", столь склоннаго (ср. Стоглавъ, 4, 23) переходить въ „скаканіе", или вообще въ изступленіе. Любопытно, что если въ Иліадѣ ἀοιδοὶ θρήνων ἔξαρχοι στονόεσσαν ἀοιδὴν ἐθρήνεον, ἐπὶ δὲ στενάχοντο γυναῖκες (XXIV 720 sqq.), то у Лукіана выступаетъ θρήνων σοφιστής, которымъ какъ συναγωνιστῇ καὶ χορηγῷ τῆς ἀνοίας καταχρῶνται ὅποι ἂν ἐκεῖνος ἐξάρχῃ πρὸς τὸ μέλος ἐπαιάζοντες (de luctu, 20). Явившіеся, въ свою очередь, если не на смѣну, то въ замѣнъ заключавшихъ въ себѣ ὀδυρμὸν σὺν ἐγκωμίῳ τοῦ τελευτήσαντος (Аристоклъ у Ammon. 54 V.) надгробныхъ пѣсней (ср. θρῆνοι Симонида и Пиндара), λόγοι ἐπιτάφιοι чаще всего переходили въ похвальныя слова, въ ἐγκώμια (какъ и Исократово ἐγκώμιον Евагору писано было какъ будто бы въ качествѣ λόγου ἐπιταφίου, ср. 1 sqq.), иногда же въ—обращавшіеся къ оплакивавшимъ почившаго—λόγοι προτρεπτικοὶ или παραμυθητικοί ([Dionys.] rhet. 7. [Menand.] π. ἐπιδ. 118 sqq. B.). Не внѣ всякой связи съ этими λόγοι παραμυθητικοί стояли, конечно, ψηφίσματα παραμυθητικά, разсылавшіяся (начиная еще съ III в. до Р. Х.) нѣкоторыми государствами родственникамъ почившихъ, удостоивавшихся δημοσίας ταφῆς (надписи, сюда относящіяся, указаны у Buresch, *Rh. Mus.* XLIX 424 ff. и *Rhode* Psyche II[2] 338 ff.). Эти λόγοι παραμυθητικοί (каковыми были и XI и XII рѣчи Аристида) входили въ составъ обширной, въ своихъ зачаткахъ восходившей ко временамъ софистовъ Продика и Антифонта (ср. *Dümmler*, Kl. Schr. I 177 ff.) устной и письменной парамнеотической литературы, однимъ изъ продуктовъ

лались необходимой принадлежностью національнаго погребенія павшихъ въ бою за отечество, позднѣе и ежегоднаго празднества, посвящавшагося ихъ памяти: это были слова въ похвалу не только погребенныхъ, но и въ похвалу государства, которое произвело на свѣтъ такихъ доблестныхъ гражданъ, какими были погребенные, и которое доблестью такихъ гражданъ, какъ погребенные, содѣлалось достойнымъ всяческаго прославленія[1]). Конечно, прославленіе государства, особенно въ его мнѳи-

---

которой было и приписанное Плутарху утѣшеніе къ Аполлонію (*Buresch*, Consolationum a Graecis Romanisque scr. historia crit., 1887; ср. „грамоту утѣшеную“, которой напрасно ждалъ Владиміръ Мономахъ, егда убиша дѣтя его, отъ Олега Святославича).—Сужденіе Діонисія, A. R., V 17, о надгробныхъ рѣчахъ у еллиновъ (и у римлянъ) слѣдуетъ, кажется, понимать такъ, что до временъ Діонисія произнесеніе надгробныхъ рѣчей въ Елладѣ не было еще общераспространеннымъ обычаемъ.—Болѣе характерно, нежели надежно, позднее извѣстіе о томъ, что четыре видныхъ оратора διηγωνίσαντο περὶ λόγων εἰς τὸ ἐπιτάφιον Мавсола, царя галикарнасскаго (Gell. X 18. Suid. s. Θεοδέκτης и Ἰσοκράτης; ср. *Welcker*, Gr. Trag. 1079 ff),—подобно тому, какъ поэтъ гесіодовыхъ Ἔργα 651 sqq. ѣздилъ въ Халкиду ἐπ' ἄεθλα Амфидаманта, объявленныя его сыновьями, и побѣдивъ ὕμνῳ получилъ τρίποδ' ὠτώεντα.

¹) Кто былъ „присоединившій рѣчь“ къ „изстари установленному“ обычаю національнаго погребенія праха павшихъ въ бою внѣ Аттики аѳинянъ (Thuc. II 34 sq.), мы не знаемъ; иные склонны были думать, что то былъ Солонъ (Анаксименъ у Plut. Publ. 9. Sch. Thuc. II 35, 1), другіе относили это присоединеніе рѣчи ко временамъ Мараѳона или Артемисія, Саламина, Платэй (Dion. Ant. R. V 17, 4. Diod. XI 33). Не яснымъ остается и то, когда и какъ это торжественное преданіе землѣ τῶν ἐκ πολέμων θαπτομένων разрѣшилось въ ежегодно совершавшееся, подъ завѣдываніемъ полемарха, поминовеніе погребенныхъ δημοσίᾳ воиновъ, къ которымъ присоединили и Гармодія и Аристогейтона,—въ ἀγὼν ἐπιτάφιος, потомъ въ Ἐπιτάφια (или въ τὰ Θήσεια καὶ Ἐπιτάφια),—и съ какихъ поръ „надгробную рѣчь“ сталъ произносить не гражданинъ, избираемый для сего ὑπὸ τῆς πόλεως (по Plat. Menex. 234 B—совѣтомъ),—ὃς ἂν γνώμῃ τε δοκῇ μὴ ἀξύνετος εἶναι καὶ ἀξιώματι προήκῃ (Thuc. II 34, 6),—а полемархъ, обыкновенно произносившій уже рѣчь сочиненную „софистомъ“ ([Men.] π. ἐπιδ. 123 B.), такъ что потомъ и ἐπιτάφιος Гимерія (or. II) названъ былъ не ἐπιτάφιος, а πολεμαρχικός. Ср. *Mommsen*, Feste d. St. Athen, 298 ff.—*E. Meyer*, Forsch. z. ält. gr. G., II 219 f., полагаетъ, что надгробная рѣчь въ Аѳинахъ была „всецѣло мѣстнымъ продуктомъ“, и что „форма ея (или схема) стала традиціонной задолго до Горгія и Платона“; Hauvette, *Mélanges H. Weil*, 159 ss., дѣлаетъ не невѣроятнымъ, что уже Ἐλευσίνιοι Эсхила (какъ несомнѣнно Ἱκέτιδες Еврипида) предполагали существованіе эпитафія, и что установителемъ его былъ Кимонъ (такъ—прибавимъ—подтвердилось бы предположеніе Dümmler'а, Kl. Schr. II 435, что горгіеву похвалу Кимону Плутархъ, Cim. 10, приводитъ изъ горгіева эпитафія, а можетъ-быть разъяснились бы и начальныя слова эпитафія Перикла у Ѳукидида).—Насколько близка къ оригиналу передача у Ѳукидида эпитафія, произнесеннаго Перикломъ „зимой“ перваго года пелопоннесской войны,—рѣшить, конечно, невозможно; въ цитатѣ аристотелевой Риторики изъ „эпитафія Перикла“ (1365 a, ср. 1411 a; та же мысль у Геродота. VII 162,—въ устахъ Гелона) E. Meyer (l. c. 221) склоненъ видѣть цитату изъ другого эпитафія Перикла (439 г.).

ческой исторіи, и вообще легко становилось предметомъ «похвалъ», такъ-называемыхъ ἐγκώμια, и въ надписяхъ мы очень часто читаемъ о томъ, какъ государство чествуетъ пришлаго поэта (или даже поэтессу) за похвальную пѣснь въ честь его боговъ и героевъ[1]); такого рода «по-

Не разъ цитуется (ср. Sauppe, Or. Att. II 166 sqq.) и эпитафій Архина; больше заманчиво, нежели надежно, отожествленіе этого эпитафія Архина съ эпитафіемъ Горгія (ib. 130 sqq.), будто-бы писаннымъ для Архина (*Dümmler*, Kl. Schr., II 436 ff.); но, разумѣется, самимъ Горгіемъ не могъ быть произнесенъ его эпитафій ни при ταφαί, ни при ἀγὼν ἐπιτάφιος (если—что вѣроятно—этотъ агонъ тогда уже организовался); онъ былъ составленъ, надо думать, какъ образецъ для аѳинскихъ эпитафіевъ; и возможно, что на него именно отвѣчалъ Платонъ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ" (ср. *Dümmler*, Akad., 20 ff. Wendland, *Hermes*, XXV, 171 ff.).—Эпитафіи дошли до насъ между рѣчами Лисія (II, τοῖς Κορινθίων βοηθοῖς) и Демосѳена (LX); первый почти несомнѣнно не принадлежитъ самому Лисію, хотя и близокъ къ нему и по времени, и по стилю, и по мыслямъ (ср. *R. Nitzsche*, Üb. d. gr. Grabreden d. kl. Zeit, I, 6 ff., гдѣ указана и литература вопроса), второй несомнѣнно не принадлежитъ Демосѳену (ср. *Blass*, A. B., III, 1², 404), который по избранію народа говорилъ въ 338 г. рѣчь надъ павшими въ войнѣ съ Филиппомъ (Dem. XVIII 285 sqq.). Зато извѣстенъ намъ (правда, въ не совсѣмъ полномъ и цѣльномъ видѣ) эпитафій, произнесенный въ 322 г. (послѣ ламійской войны) Гиперидомъ.—Показаніе Цицерона, orat. 151, объ обычаѣ аѳинянъ ежегодно, въ опредѣленный день, воздавать хвалу убитымъ въ сраженіяхъ не иначе, какъ populari oratione Платона (изъ „Менексена") не заслуживаетъ того довѣрія, какое до сихъ поръ еще ему удѣляется.—Схоліастъ къ Arist. Panath. p. 6 замѣчаетъ, что Ѳукидидъ, Демосѳенъ и др. епитафіемъ пользовались лишь какъ болѣе удобной формой для τὸ τῆς πόλεως καὶ χώρας ἐγκώμιον, и въ основаніи этого замѣчанія лежитъ, конечно, совершенно вѣрное наблюденіе; особенно характерно въ этомъ отношеніи близкое сходство между Панегирикомъ Исократа и эпитафіемъ „Лисія", вѣроятно появившимся въ свѣтъ (вопреки *Blass* I² 443) послѣ Панегирика.—*E. Meyer* l. c. вѣрно подчеркиваетъ традиціонность—установившейся изстари, не установленной Горгіемъ—формы аѳинскаго эпитафія и вліяніе его на общій характеръ аѳинской исторической традиціи (въ частности „стереотипной аттической Sagengeschichte"), наряду, впрочемъ, съ трагедіей, эпиграммой, живописью и скульптурой и—мы прибавили-бы—другими рѣчами (ср. кромѣ рѣчей Исократа—Dem. III 21 sqq. [Dem.] XIII 21 sq. Lyc. c. Leocr. 61 sqq., остатки рѣчей ефебовъ CIA III 52 sq., какъ, конечно, и ихъ ἐγκώμια CIA III 1096, 1129, 1147 sq., также Δηλιακοί Ликурга и Гиперида); стереотипность аттической исторіи, какъ эта исторія представлялась въ эпитафіяхъ или панегирикахъ (ср. *Gutschmid*, Kl. Schr. V 163 ff.), нашла себѣ отраженіе не только у многихъ греческихъ и римскихъ писателей, историковъ и не-историковъ, не только въ рѣчахъ Аристида (Παναθηναϊκός, ὑπὲρ τῶν τεττάρων и др.), но, напр., и въ постановленіи Амфиктіоновъ въ честь аѳинскихъ технитовъ, BCH XXIV 94 ss.

[1]) Такъ ἁ πόλις τῶν Δελφῶν въ III—II стол. чествуетъ проксеніей поэтовъ за гимнъ, или за пэанъ и ποθόδιον Аполлону Пиѳійскому (GDI 2721. Ditt.² 662), какъ и исполнявшихъ изъ ἀρχαίων ποητᾶν ἃ ἦν πρέποντα ποτί τε τὸν θεὸν καὶ τὰν πόλιν (Ditt. 663. GDI 2800). Въ к. III в. ἁ πόλις τῶν Λαμιέων даетъ проксенію и политію (ей и ея потомству) поэтессѣ (ποιήτρια ἐπέων) изъ Смирны, за ея ἐπιδείξεις τῶν ἰδίωμ ποιημάτων ἐν οἷς περί τε τοῦ ἔθνεος τῶν Αἰτωλῶν καὶ τῶμ προγόνων τοῦ δάμου ἀξίως ἐπεμνάσθη (Mich. 296).

хвалы» государствамъ стали теперь составляться и въ прозѣ[1]). На нѣко-

---

Ок. полов. II в. совѣтъ и народъ аѳинянъ живущихъ на Делосѣ чествуетъ Амфикла за его ἀκροάσεις и за προσόδιον εἰς τὴν πόλιν, въ коемъ онъ ὕμνησεν и боговъ τοὺς τὴν νῆσον κατέχοντας, и народъ аѳинскій (Ditt.[2] 721; того же Амфикла за ἀκροάσεις чествуютъ и Оропійцы, Mich. 206; ср. BCH XIII 250). Делосцы увѣнчиваютъ лавровымъ вѣнкомъ „поэта" изъ Андроса, за то, что онъ πεπραγμάτευται περί τε τὸ ἱερὸν καὶ τὴν πόλιν τῶν Δηλίων καὶ τοὺς μύθους τοὺς ἐπιχωρίους γέγραφεν (Ditt. 492). Во II ст. Кносійцы объявляютъ проксеномъ и гражданиномъ своей πόλεος Діоскурида грамматика тарсейца за то, что онъ составилъ ἐγκώμιον κατὰ τὸν ποιητάν (т. е. по Гомеру) въ честь критскаго ἔθνιος, и прислалъ въ Кносъ для исполненія этого энкомія своего ученика, поэта эпическаго и мелическаго (Ditt. 722). Посланные Теосцами (во II в.) на Критъ въ качествѣ пословъ Геродотъ и Менеклъ полюбились Кносійцамъ и Пріансійцамъ тѣмъ, что могли διαλέγειν о мѣстной исторіи, а одинъ изъ нихъ, Менеклъ, исполнялъ (ἐπεδείξατο) подъ киѳару произведенія Тимоѳея и Поліида и мѣстныхъ древнихъ поэтовъ и εἰσένεγκε κύκλον ἱστορημέναν о Критѣ и критскихъ богахъ и герояхъ, сдѣлавъ сводъ изъ многихъ поэтовъ и историіографовъ; Кносійцы хвалятъ государство Теосцевъ за то, что оно послало такихъ мужей, а Пріансійцы—за то, что оно такъ много заботится περὶ παιδείας (Mich. 65. 66).

[1]) Итоги—стройно, въ разъ намѣченныхъ (или намѣтившихся) предѣлахъ совершавшемуся—развитію этихъ—тѣсно примыкавшихъ къ метрическимъ (вродѣ упомянутыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи)—прозаическихъ ἐγκώμια πόλεων подводятся въ трактатѣ (I) Менандра, 46 sqq. B. Государство (или городъ, его собою представлявшій) восхвалялось въ своемъ положеніи и природѣ (κατὰ θέσιν καὶ φύσιν); въ этомъ пунктѣ похвала πόλεως сближалась съ похвалой χώρας (44 sqq.), и могла заключать въ себѣ похвалу гаваней, бухты, акрополя. Далѣе государство восхвалялось ἀπὸ γένους—въ своемъ происхожденіи: восхвалялся его основатель, былъ ли то богъ или герой или (для позднѣе основанныхъ городовъ) человѣкъ—полководецъ или царь, причемъ похвала городу переходила тутъ въ похвалу божественнаго, обожествленнаго или и не-обожествленнаго οἰκιστής; восхвалялись наряду съ οἰκισταί и οἱ οἰκήσαντες, въ зависимости отъ принадлежности ихъ къ тому или другому племени, изъ коихъ каждое имѣло, конечно, свои достоинства,—какъ свои достоинства могли имѣть—и потому затрогивались восхваленіями—и болѣе раннее или болѣе позднее время основанія государства, и различные способы его возникновенія (было ли оно колоніей, возникло-ли путемъ синойкизма, было-ли оно основано сразу какъ городъ, или представлявшій его городъ выросъ изъ села или селъ, и т. п.), а также различныя αἰτίαι οἰκισμῶν πόλεων—ἢ θεῖαι ἢ ἡρωϊκαὶ ἢ ἀνθρώπιναι. Государства подлежали восхваленію и ἀπὸ ἐπιτηδεύσεων—со стороны своего государственнаго устройства (не всегда одного и того же, но смѣнявшагося во времени), со стороны процвѣтанія знаній или наукъ (астрологія, геометрія, μουσική, γραμματική, философія), искусствъ (τέχναι—βάναυσοι и ἐλευθέριοι, какъ скульптура, живопись, медицина) и δυνάμεις (ῥητορικὴ καὶ ἀθλητικὴ καὶ ὅσα τοιαῦτα), а также ἀπὸ ἐνεργημάτων, со стороны нравовъ, нравственности, нравственныхъ качествъ гражданъ, при чемъ, напр., мужество гражданъ могло прославляться при помощи историческихъ примѣровъ (т. е. примѣровъ особенно яркаго его проявленія).—Какъ замѣчаетъ Менандръ, эти τῶν πόλεων ἐγκώμια могли произноситься или безъ всякаго спеціальнаго повода, или же во время праздниковъ или πανηγύρεις, когда, напр., соберутся на гимническій или мусическій агонъ; на этой почвѣ происходило сближеніе—перешедшее

торыхъ празднествахъ такія похвальныя слова сдѣлались даже предметомъ состязаній[1]): такъ рѣчь, вслѣдъ за пѣсней и драмой, нашла себѣ доступъ и въ праздничные мусическіе агоны.

потомъ даже въ отожествленіе—рѣчей въ похвалу государства, его боговъ, героевъ, благодѣтелей (особенно царей, позднѣе императоровъ) съ рѣчами собственно панегирическими (Men. 67 B.; cp. [Dion.] rhet. 1 sq.), которыя тоже не могли не заключать въ себѣ наряду съ прославленіемъ боговъ, героевъ, царей (или императоровъ), въ честь которыхъ устраивалась πανήγυρις, и восхваленіе устраивавшаго πανήγυριν государства (въ сущности и аѳинскіе эпитафіи были однимъ изъ видовъ такихъ πανηγυρικοὶ λόγοι); а такъ какъ въ эпоху имперіи панегирики все чаще или все больше переходили въ похвалу императору, то и похвальныя слова императорамъ—а потомъ и вообще похвальныя слова—стали зваться панегириками.—На отмѣченное Менандромъ (p. 46 B.) сходство похвалъ городамъ и людямъ обращено вниманіе еще у Quint. III 7, 26; отдѣльныя теоретическія замѣчанія, имѣющія въ виду τοὺς βουλομένους ἐγκωμιάσαι τινὰ τῶν πόλεων даетъ уже Исократъ, XII 39 sqq.—Къ сожалѣнію, кромѣ рѣчей Исократа и Аристида (ср. и рѣчь его къ священному источнику Асклепія), упоминаемыхъ и у Менандра, намъ даже по имени извѣстны слишкомъ немногія изъ похвалъ πόλεων (цитуется, напр., у Arist. rh. 1416 a τὸ Γοργίου ἐγκώμιον εἰς τοὺς Ἠλείους; вѣроятно такимъ ἐγκώμιον была и цитуемая у Павсанія, IX 29, 2,—ср. 38, 10,—ἡ ἐς Ὀρχομενίους συγγραφή, или λόγος, Каллиппа коринѳянина); но нѣтъ сомнѣнія, что такія ἐγκώμια произносились часто (и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще), и, съ своими τόποι κοινοί, оказывали очень значительное вліяніе на литературу, въ особенности историческую. Быть-можетъ, въ частности, и трактованіе θέσεως и φύσεως государства (ср. гиппократовское περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων) въ трагедіи (Soph. Oed. C. 702 sqq. c. schol.; Eurip. Med. 824 sqq.), въ Законахъ Платона (ср.—какъ бы по Менандру составленное—ἐγκώμιον Атлантиды въ „Тимэѣ“, 22 B sqq., и въ „Критіи“, 110 D sqq.) и въ Политикѣ Аристотеля, или у историковъ (отдѣльные примѣры указаны у *Pöhlmann*, Hellen. Anschauungen üb. d. Zusammenhang zw. Natur u. Geschichte, 38 ff.) стояло въ нѣкоторой связи съ этими ἐγκώμια πόλεων, какъ касаются этихъ θέσις καὶ φύσις и рѣчи, напр., Демарата у Геродота (VII 102) и Перикла у Ѳукидида; быть-можетъ также и сочиненіе II в. до Р. Х. (Гераклида κριτικοῦ?) περὶ πόλεων, выдержки изъ коего дошли до насъ съ именемъ Дикэарха, также стояло не внѣ связи съ ἐγκώμια πόλεων (какъ и ѳеофрастовы πολιτικὰ τὰ πρὸς τοὺς καιρούς?).—Эти ἐγκώμια πόλεων могли входить и въ посольскія рѣчи,—причемъ посламъ приходилось хвалить иногда и то государство, предъ совѣтомъ или народомъ котораго они говорили (какъ потомъ царей или императоровъ), обыкновенно же то государство, интересы котораго они представляли (ср., напр., изложенія рѣчей пословъ магнесійскихъ к. III в.—Ditt.[2] 256 sqq.).—Какъ partem (pro toto) энкомія можемъ мы разсматривать то сочиненіе о явленіяхъ τᾶς Παρθένου, которое φιλ[οπόνως? συγ]γράψας ἀνέγνω въ Ольвіи нѣкій Сирискъ (IOSPE I 184, ср. IV p. 277 sq.). Ср. также θεολογίαν, ἣν ἤρξατο ἐκ φιλοτειμίας ποιεῖν ὁ ἱερασάμενος, для исполненія на празднествѣ Іобакховъ, II—III ст. по Р. Х. (Ditt. 737, 115).

[1]) Такъ въ надписи IV в. къ списку побѣдителей на мусическихъ агонахъ великихъ Ἀμφιαράια въ Оропѣ присоединяется и σοφιστής (Παυσίμαχος Ἀθηναῖος), какъ въ болѣе позднихъ надписяхъ (I и сл. в.)—наряду съ ἐγκωμίῳ ἐπικῷ—ἐγκωμίῳ λογικῷ, или καταλογάδην (IGS I 414 sqq.); то же и въ ларисской надписи II в. по Р. Х. (Ditt.[2] 671).—Рѣчь, впрочемъ, повидимому съ большимъ трудомъ находила себѣ доступъ въ

Но и внѣ этого конкурса рѣчь оратора нерѣдко раздавалась предъ собравшимся на празднество сонмищемъ, затрогивая иногда вопросы объ отношеніяхъ еллинскихъ государствъ другъ къ другу или къ «варварамъ», къ царю персовъ или македонянъ, или къ римлянамъ[1]. И вообще публичныя рѣчи часто были поученіями на разныя политическія или этическія темы; не рѣдко, кажется, онѣ были и публичными лекціями — по всѣмъ рѣшительно отраслямъ знаній, особенно-же по тому предмету, который всегда, во всѣ времена — къ счастью для него, или къ несчастью — казался и наиболѣе интереснымъ, и наиболѣе доступнымъ, — по исторіи[2]).

самые агоны, хотя и стала обычной принадлежностью συνόδου ἐν ἀγῶνι (Men. 67 B.), и хотя ораторы очень любили развивать въ этомъ направленіи извѣстную мысль Ксенофана о томъ, что ῥώμης ἀμείνων σοφίη (fr. 2 D.); ср., напр., Панегирикъ Исократа, 1 sqq. (также Euag. 1 sqq.), VIII и IX рѣчи Діона Хрисостома (о Діогенѣ) и προλαλιά Лукіана о Геродотѣ.—По Лукіану, Herod. 1, Геродотъ декламируетъ въ Олимпіи свою исторію со ступеней опистодома; по Филострату, v. s. I 9, 4, Горгій произноситъ свой Πυθικός ἀπο τοῦ βωμοῦ: въ послѣднемъ случаѣ имѣлась въ виду, вѣроятно, θυμέλη (ср. статью Dörpfeld'a *Hermes* XXXVII 249 ff., гдѣ намѣчаются важныя и для исторіи софистическихъ ἐπιδείξεις перспективы).

[1]) Таковы были, вѣроятно, многія олимпійскія рѣчи, начиная съ рѣчи Горгія (ср. Phil. v. s. I 9, 4; Arist. rh. 1414 b; Clem. Str. 346 P.); такъ задуманъ былъ и Πανηγυρικός и Παναθηναικός Исократа.—Изъ одной—къ сожалѣнію плохо сохранившейся—дельфійской надписи 2-й полов. II в. до Р. Х. (GDI 2724) узнаемъ, что какой-то исторіографъ изъ Трозана знакомилъ дельфійцевъ со своими πεπραγματευμένα, клонившимися какъ-то εἰς Ῥωμαίους τοὺς κοινοὺς τῶν Ἑλλάνω[ν σωτῆρας?]; правда, мы не знаемъ, считать-ли „праздничными" тѣ πλ]είονας ἁμέρας, какія исторіографъ не то употребилъ на [ἀκροάσεις], не то [ἐπέδωκε τῷ θεῷ καὶ τοῖς Ἕλλησι] (ср. ib. 2799. 2727. Ditt². 717); но несомнѣнно, что отношенія къ римлянамъ затрогивались и въ πανηγυρικοὶ λόγοι (особенно поскольку они переходили въ λ. προτρεπτικοί)—еще до времени имперіи (о времени имперіи ср. Men. 66 sq. B.).

[2]) Интересъ ко всѣмъ областямъ человѣческаго вѣдѣнія (и спеціально—къ исторіи, особенно миѳической) краснорѣчіе наслѣдовало отъ эпоса; но теперь еще дальше, чѣмъ въ эпосѣ, шло, конечно, раздѣленіе между—слитыми воедино въ „миѳѣ"—содержаніемъ и формою знанія, и самая форма знанія становилась такимъ же предметомъ познаванія, какъ и его содержаніе, а рядомъ съ теоретическими знаніями завоевывали себѣ мѣсто и—подлежавшія теоретизированію—знанія практическія: такую σοφίαν, сливавшуюся съ σοφίσματα, соединявшую въ себѣ и ἐπιστήμας, и τέχνας (конечно и δυνάμεις), и стало представлять собою краснорѣчіе „софистовъ",—наслѣдовавшихъ отъ эпическихъ пѣвцовъ и желаніе угодить ἀκουόντεσσι—чтобы добыть себѣ побольше и славы, и денегъ,—и вѣру въ силу слова (λόγου), которое можетъ и малое сдѣлать великимъ, какъ великое малымъ, старое представить новымъ и новое старымъ и убѣдить въ томъ, что кажущееся есть истинное (Plat. Phaedr. 267 A), а можетъ-быть и презрѣніе (въ глубинѣ души) къ толпѣ—къ πλῆθος ἄπειρον τῶν ὄντων (ср. Isocr. XV 268). Эта σοφία софистовъ все больше оказывалась φαινομένη ἀλλ' οὐκ οὖσα по мѣрѣ того какъ въ развитіи науки

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*[1]): такъ называетъ Горгій свою рѣчь

все больше заявляли себя ἀκρίβεια и περιττολογία, и соотвѣтственно этому все дальше шла специализація (такъ что впослѣдствіи выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей специальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs*, Aristarch[2] 217 f. *Rohde*, Kl. Schr. II 449 f.); но принципіально порвать со своей πολυμαθίη (ср. о ней и Philod. I 204 sqq. II 57 sq.) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризаціей знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи исторіографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ разсказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Аѳинахъ (вызвавъ слезы присутствовавшаго при этой ἐπίδειξις отрока Ѳукидида), и въ Олимпіи, и въ Коринѳѣ и Ѳивахъ (Plut. de Her. mal. 26. 31. Luc. Her. 1. [Dio Chr.] XXXVII, 103. Marcell, 54; ср. разсказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ ob historici stili praestantiam атѳидографа Клидема, Tertull. de an. 52); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. Luc. de hist. conscr. 14 sqq. Athen. 432 b).—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. Х., IG Pel. I 1153), или быть „философіей въ примѣрахъ" ([Dion.] rhet. 11, 2; ср. Dion. A. R. V 56. 75),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вслѣдствіе неустойчивости значенія термина ἱστορία (ср. *Volkmann*, Rhetorik,[2] 18 ff., также *Usener*, Dion. Hal. l. de imit. rel., 117 sqq. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμ., 18 ff. *Peter*, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit, I 10 ff. II 184 ff.).

[1]) Терминъ παίγνιον не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свиды, что Θρασύμαχος... ἔγραψε συμβουλευτικούς τέχνην ῥητορικὴν π α ί γ ν ι α ἀφορμὰς ῥητορικάς, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій Ѳрасимаха, опиралось лишь на слова, которыми Горгій заканчивалъ свою „похвалу Елены": ἐβουλήθην γράψαι τον λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμον δε παίγνιον (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу", или „старинку" словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгія слово παίγνιον, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова ἐγκώμιον, и съ примѣненіемъ термина παίγνιον къ μῖμοι. Названіе ἐγκώμιον быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. Theon. prog. I 35 W. Hermog. prog. I 227 W. Poll. IX 36. Et. M. 311, 26) объясняли тѣмъ, что ἐγκώμιον пѣлось первоначально ἐν κώμαις, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно ἐπὶ νίκαις, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія ἐγκώμιον съ κωμῳδία) имѣютъ, кажется, въ виду присоединявшіяся тутъ же къ этимъ восхваленіямъ σκώμματα (παιγνία ἢ ἀκολασία, Dem. de eloc. 173; ср. Herod. II 173: κατέσκωπτε τούς συμπότας καὶ ἦν μάταιός τε καὶ παιγνιήμων. Stesich. fr. 50 B. Eur. Bacch. 160. Arist. Lys. 700. Apol-

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

---

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστέας ἔσκωπτον μετὰ παιγνίας), выражавшіяся и въ ποιήματα αὐτοσχέδια: что triumphus любилъ lusus, въ частности carmina ludicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгріи—*Bruchmann*, Poetik, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παίγνια; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἔτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν ᾀδόμενα παίγνια καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполемѣ), ψόγος не былъ обязательнымъ въ παίγνια, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψόγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, чтò сказалъ Плутархъ о народѣ аѳинскомъ: τῶν λόγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελοίους ἀσπάζεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χαίρει, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥκιστα δυσχεραίνει (pr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιῶδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. comp. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παίγνια τὸ παιγνιῶδες противополагалось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότατον, ср. Eust. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιῶδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соотвѣтствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἔπαιζε γάρ, οὐκ ἐσπούδαζε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παίγνιόν ἐστιν). Различіе между ἐγκώμιον и παίγνιον, какъ и вообще между παίγνιον и не-παίγνιον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тиранну) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sqq.), такъ и самое составленіе энкомія (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлеченія, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлеченіе слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла заслонять собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1408 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παίγνιον", и въ „Фэдрѣ" Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθω μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων", 278 B; кстати: и свое выступленіе съ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ" Платонъ—опять-таки μετ' εἰρωνείας—называетъ παίζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представленій приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены" Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παίγνιον должно было найдти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчіи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзіи (ср. παίγνιον Филита у Stob. Fl. 81, 4, τὰ νομευτικὰ παίγνια Ѳеокрита у Ael. n. a. XV 19, τὸ ᾠὸν καὶ ἄλλα παίγνια Симія у Hephaest. 9, или „ἐμὰ παίγνια" Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παίγνιον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзіи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей", или „глумотворцевъ", т. е. софистовъ-скомороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ мимовъ на παίγνια и ὑποθέσεις (Plut. qu. conv. VII 8, 4; ср. *Reich*, Mimus, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παίγνια этихъ ὑποθέσεις, названіе которыхъ было техническимъ терми-

Рядомъ съ этими торжественными или серьезными рѣчами упоминаются, въ V—IV в., и *παίγνια*[1]): такъ называетъ Горгій свою рѣчь

все больше заявляли себя ἀκρίβεια и περιττολογία, и соотвѣтственно этому все дальше шла спеціализація (такъ что впослѣдствіи выступали и такіе ораторы, которые брались произнести экспромптомъ рѣчь на предложенную кѣмъ-либо изъ публики тему—лишь въ предѣлахъ своей спеціальности, напр. грамматики или врачи, ср. *Lehrs*, Aristarch² 217 f. *Rohde*, Kl. Schr. II 449 f.); но принципіально порвать со своей πολυμαθίη (ср. о ней и Philod. I 204 sqq. II 57 sq.) софисты не могли уже потому, что они успѣли взять на себя, наряду съ популяризаціей знаній, и образованіе τῶν νέων.—Исторія, такъ часто примѣнявшаяся въ публичныхъ рѣчахъ или лекціяхъ въ качествѣ средства (т. е. одного изъ средствъ) изложенія или изображенія, нерѣдко становилась и ихъ предметомъ (ср. выше стр. 50, пр. 3, и приведенную въ предыдущемъ примѣчаніи надпись о читавшемъ въ Дельфахъ публичныя лекціи исторіографѣ).—Трудно рѣшить, сколько правды въ разсказахъ о томъ, что Геродотъ читалъ свою исторію и въ Аѳинахъ (вызвавъ слезы присутствовавшаго при этой ἐπίδειξις отрока Ѳукидида), и въ Олимпіи, и въ Коринѳѣ и Ѳивахъ (Plut. de Her. mal. 26. 31. Luc. Her. 1. [Dio Chr.] XXXVII, 103. Marcell, 54; ср. разсказъ объ увѣнчаніи золотымъ вѣнкомъ ob historici stili praestantiam атѳидографа Клидема, Tertull. de an. 52); но и потомъ историки часто рецитировали свои произведенія (ср. Luc. de hist. conscr. 14 sqq. Athen. 432 b).—Тѣсныя отношенія между исторіей,—особенно поскольку она стремилась назидать (въ этомъ отношеніи любопытна надпись Филиппа, II в. по Р. Х., IG Pel. I 1153), или быть „философіей въ примѣрахъ" ([Dion.] rhet. 11, 2; ср. Dion. A. R. V 56. 75),—и риторикой очень часто дѣлались предметомъ теоретическихъ обсужденій и даже опредѣленій, не всегда правда, удававшихся древнимъ (впрочемъ и новымъ) ученымъ, гл. обр., кажется, вслѣдствіе неустойчивости значенія термина ἱστορία (ср. *Volkmann*, Rhetorik,² 18 ff., также *Usener*, Dion. Hal. l. de imit. rel., 117 sqq. *Kaibel*, D. Proleg. π. κωμ., 18 ff. *Peter*, D. geschichtl. Litteratur üb. d. röm. Kaiserzeit, I 10 ff. II 184 ff.).

[1]) Терминъ παίγνιον не получилъ, впрочемъ, права гражданства въ теоріяхъ риторики, и возможно даже, что единственное наше свидѣтельство въ этомъ смыслѣ—показаніе [источника] Свиды, что Θρασύμαχος... ἔγραψε συμβουλευτικούς τεχνην ῥητορικὴν π α ί γ ν ι α ἀφορμὰς ῥητορικάς, давая именно такое обозначеніе одной изъ группъ сочиненій Ѳрасимаха, опиралось лишь на слова̀, которыми Горгій заканчивалъ свою „похвалу Елены": ἐβουλήθην γράψαι τον λόγον Ἑλένης μὲν ἐγκώμιον, ἐμὸν δὲ παίγνιον (подобно тому, какъ наши сказители заканчивали иногда свою „славу", или „старинку" словами: То старина, то и дѣянье, Какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, Еще намъ веселымъ молодцамъ на потѣшенье, и т. п.). Установить, какой смыслъ имѣло у Горгія слово παίγνιον, могло бы только длинное изслѣдованіе, которому пришлось бы, вѣроятно, считаться и съ вопросомъ объ исконномъ значеніи противопоставленнаго здѣсь этому слову слова ἐγκώμιον, и съ примѣненіемъ термина παίγνιον къ μῖμοι. Названіе ἐγκώμιον быть-можетъ не даромъ древніе ученые (ср. Theon. prog. I 35 W. Hermog. prog. I 227 W. Poll. IX 36. Et. M. 311, 26) объясняли тѣмъ, что ἐγκώμιον пѣлось первоначально ἐν κώμαις, т. е. на перекресткахъ, и такъ, что пѣлось оно ἐπὶ νίκαις, при чемъ дальнѣйшія ихъ разъясненія (исходившія, м. пр., и изъ сближенія ἐγκώμιον съ κωμῳδία) имѣютъ, кажется, въ виду присоединявшіяся тутъ же къ этимъ восхваленіямъ σκώμματα (παιγνία ἢ ἀκολασία, Dem. de eloc. 173; ср. Herod. II 173: κατέσκωπτε τοὺς συμπότας καὶ ἦν μάταιός τε καὶ παιγνιήμων. Stesich. fr. 50 B. Eur. Bacch. 160. Arist. Lys. 700. Apol-

въ похвалу и вмѣстѣ въ защиту прекрасной Елены; такъ могли назы-

---

lod. I 9, 26: τοὺς ἀριστέας ἔσκωπτον μετὰ παιγνίας), выражавшіяся и въ ποιήματα αὐτοσχέδια: что triumphus любилъ lusus, въ частности carmina ludicra (Mart. VII, 8) и у еллиновъ, какъ у римлянъ, прямо отмѣчаетъ Діонисій, A. R. VII 72 (ср. Crusius, *Philol.* LVII 502 f.; о существованіи этого обычая и въ Англіи и въ Венгріи—*Bruchmann*, Poetik, 27). Такъ въ сосѣдствѣ съ ἐγκώμια оказывались παίγνια; ср. Polyb. XVI 21, 12: πυνθανόμενος τὸν γινόμενον ἐκ πάντων ἔπαινον ὑπὲρ αὐτοῦ... ἔτι δὲ τὰς ἐπιγραφὰς καὶ τὰ διὰ τῶν ἀκροαμάτων εἰς αὐτὸν ᾀδόμενα παίγνια καθ' ὅλην τὴν πόλιν. Какъ видно и изъ этихъ словъ Полибія (о Тлеполемѣ), ψόγος не былъ обязательнымъ въ παίγνια, или обязательнымъ былъ во всякомъ случаѣ безобидный ψόγος; впрочемъ на этотъ счетъ у еллиновъ была своя мѣра дозволеннаго и не дозволеннаго,—о нихъ вообще можно было сказать то, что̀ сказалъ Плутархъ о народѣ аѳинскомъ: τῶν λόγων τοὺς παιγνιώδεις καὶ γελοίους ἀσπάζεται καὶ προτιμᾷ, τοῖς μὲν ἐπαινοῦσιν αὐτὸν μάλιστα χαίρει, τοῖς δὲ σκώπτουσιν ἥκιστα δυσχεραίνει (pr. ger. reip. 3). Такъ оказалось даже возможнымъ противопоставлять τὸ παιγνιῶδες и τὸ καταγέλαστον (ср. Plut. Arist. et Men. comp. 4); но прежде всего и больше всего представлявшееся этими παίγνια τὸ παιγνιῶδες противополагалось разсудочному (τὸ φρόνιμον, Xen. Hell. II 3, 56; ср. Herod. II 173), важному или торжественному (σεμνότατον, ср. Eust. 202, 10), серьезному или дѣловитому (σπουδαῖον, Plat. Leg. 796 B. 816 E. Pol. 288 C. Isocr. X 11. Dem. de eloc. 120), при чемъ это τὸ παιγνιῶδες могло заключаться или въ содержаніи, или въ формѣ, или въ не-соотвѣтствіи формы содержанію (ср. Dem. de eloc. 120, объ одномъ энкоміи софиста Поликрата: ἔπαιζε γάρ, οὐκ ἐσπούδαζε, καὶ αὐτὸς τῆς γραφῆς ὁ ὄγκος παίγνιόν ἐστιν). Различіе между ἐγκώμιον и παίγνιον, какъ и вообще между παίγνιον и не-παίγνιον, становилось, т. о., относительнымъ и субъективнымъ; какъ серьезно задуманное и торжественно произнесенное ἐγκώμιον (напр. царю или тирану) слушателю-философу могло показаться забавнымъ (Plat. Theaet. 174 D sqq.), такъ и самое составленіе энкомія (въ зависимости отъ того, кому или какъ онъ составлялся) могло служить предметомъ забавы для составителя, т. е. или отдыхомъ отъ труда, или трудомъ, замѣняющимъ отдыхъ,—не говоря уже о томъ, что авторъ могъ выдавать стоившее ему много труда за написанное имъ въ видѣ развлеченія, или же могъ желать цѣною своего труда доставить развлеченіе слушающей или читающей публикѣ; такъ въ содержаніи παιγνίας ἀκολασίαν могла заслонять собою εἰρωνεία (которую находитъ Аристотель, rhet. 1408 b, у Горгія—быть-можетъ опираясь на его „ἐμὸν δὲ παίγνιον", и въ „Фэдрѣ" Платона—быть-можетъ опираясь на его „οὐκοῦν ἤδη πεπαίσθω μετρίως ἡμῖν τὰ περὶ λόγων", 278 B; кстати: и свое выступленіе съ эпитафіемъ Аспасіи въ „Менексенѣ" Платонъ—опять-таки μετ' εἰρωνείας—называетъ παίζειν). Въ такомъ кругѣ или рядѣ представленій приходится искать и объясненія заключительнымъ словамъ „Елены" Горгія и вмѣстѣ тому, что если уже не терминъ, то понятіе παίγνιον должно было найдти себѣ примѣненіе и въ краснорѣчіи, какъ оно вмѣстѣ съ своимъ терминомъ нашло себѣ примѣненіе въ поэзіи (ср. παίγνιον Филита у Stob. Fl. 81, 4, τὰ νομευτικὰ παίγνια Ѳеокрита у Ael. n. a. XV 19, τὸ ᾠὸν καὶ ἄλλα παίγνια Симія у Hephaest. 9, или „ἐμὰ παίγνια" Стратона, Anth. Pal. XII 258). Но нужно имѣть въ виду и то, что παίγνιον не только сопровождало ἐγκώμιον, вмѣстѣ съ которымъ оно и перешло изъ (устной) поэзіи въ (устную) прозу, но и было спеціальностью греческихъ „веселыхъ людей", или „глумотворцевъ", т. е. софистовъ-скомороховъ, а въ этой области мы встрѣчаемся потомъ съ дѣленіемъ мимовъ на παίγνια и ὑποθέσεις (Plut. qu. conv. VII 8, 4; ср. *Reich*, Mimus, I 417 ff.), т. е. вѣроятно уже съ выдѣленіемъ изъ παίγνια этихъ ὑποθέσεις, названіе которыхъ было техническимъ терми-

ваться и другія рѣчи, иногда порицавшія или обвинявшія, обыкновенно же восхвалявшія или защищавшія разныхъ миѳическихъ или эпическихъ героевъ и героинь; такъ могли называться и рѣчи въ похвалу соли, мышей, мухи и т. п.[1]). Были ли то шутки, выражавшія собою способ-

номъ и риторики; и можетъ-быть здѣсь мы въ правѣ видѣть и другой исходный пунктъ риторическихъ παίγνια. Реально (если не номинально) во всякомъ случаѣ существовали риторическія παίγνια, и надо думать—еще раньше Горгія, хотя мы и не знаемъ, каково было (если не παίγνια) ихъ видовое имя (возможно даже, что его и не было вовсе,—тѣмъ болѣе, что τέχναι ῥητορικαί не имѣли особеннаго расчета заниматься этой группой эпидейктическихъ рѣчей). Позднѣе подобныя рѣчи носили названіе λαλιαί, и—правда, не полную и не отчетливую—теорію τοῦ τῆς λαλιᾶς εἴδους, „особенно полезнаго софисту“, находимъ въ π. ἐπιδ. [Менандра], 83 sqq. B., гдѣ м. пр. отмѣчается, что это εἶδος χαίρει τῇ γλυκύτητι καὶ τῇ τῶν διηγημάτων ἁβρότητι, что διὰ λαλιᾶς ἔξεστιν ἐγκωμιάζειν καὶ ψέγειν (ἢ ἀποσκώπτοντα ἢ κωμῳδεῖν ἐπιχειροῦντα ἢ ψέγοντα). Краткая λαλιά—въ такомъ случаѣ называвшаяся προλαλιά—нерѣдко открывала собою ἐπίδειξιν софиста (нѣсколько такихъ προλαλιαί мы имѣемъ между сочиненіями Лукіана). Хотя [Менандръ] 86 sq. и видѣлъ отличіе λαλιᾶς отъ остальныхъ рѣчей не только въ томъ, что λαλιά могла имѣть любое содержаніе, но и въ томъ, что она не наблюдала или не соблюдала τάξιν οὐδεμίαν ἐκ τέχνης, но различіе ея отъ—извѣстной намъ изъ Филострата—μελέτη едва-ли не сводилось лишь къ тому, что λαλιά больше ἔπαιζε, нежели ἐσπούδαζεν, а μελέτη больше ἐσπούδαζε, нежели ἔπαιζεν, или если ἔπαιζε, то ἔπαιζε σπουδῇ (какъ выражается Ксенофонтъ, Cyr. VI 1, 6), а потому и наши „παίγνια“ могли разрѣшиться, какъ въ λαλιαί, такъ и въ μελέται,—и это тѣмъ болѣе, что тѣ παίγνια скоро оказались какъ нельзя болѣе пригодными и для риторической παιδείας, и не только въ качествѣ учебнаго матеріала, но и въ качествѣ педагогическаго пріема.—Еще въ IV в. по Р. Х. Ѳемистій (XXVI, 315) противопоставляетъ τὸ παιγνιῶδες софистовъ своему σεμνὸν εἶδος τοῦ λέγειν; ср. π. ὕψ. 3, 2 (о Горгіи и др.): ἐνθουσιᾶν ἑαυτοῖς δοκοῦντες οὐ βακχεύουσιν ἀλλὰ παίζουσιν.

[1]) Къ παίγνια (какъ потомъ къ μελέται или λαλιαί) можно было бы относить вообще всѣ рѣчи, не имѣвшія торжественнаго (какъ ἐγκώμια боговъ, героевъ, царей, πόλεων, какъ πανηγυρικοί или ἐπιτάφιοι) и дѣлового (какъ δημηγορικοί, δικανικοί, πρεσβευτικοί, или συμβουλευτικοί, προτρεπτικοί и т. п.) характера или назначенія.—Прежде всего, повидимому, παίγνια примкнули къ ἐγκώμια, и именно къ ἐγκώμια боговъ или „полубоговъ“ (обходя, разумѣется, особенно или особливо чтимыхъ, или мѣстно чтимыхъ). Тутъ они могли работать заодно съ философіей или наукой, „критиковавшей“ (въ общемъ или въ подробностяхъ) миѳологическія и поэтическія πλάσματα τῶν προτέρων; тѣснѣе, однако, въ трактованіи миѳологическихъ образовъ примыкали они къ мимамъ и къ сатирическимъ драмамъ (ср. *Reich*, Mimus, I 239 ff. 541 ff. *Dieterich*, Pulcinella, 55 ff.), къ комедіи (особенно сицилійской), поскольку она сближалась съ будущей ἱλαροτραγῳδία, къ эпической поэзіи, поскольку въ ней (такъ уже Odyss. VIII 266 sqq. или XII 374 sqq.) бывалъ представленъ пародистическій или „реалистически-юмористическій“ элементъ (ср. Βατραχομυομαχία), къ мелической поэзіи, поскольку она carminis onera lyra sustinuit, какова была (Quint. X 1, 62) поэзія Стесихора.—На такой почвѣ и появляются похвалы Еленѣ—Горгія, Исократа, Анаксимена и др., или похвала Бусириду Поликрата, вызвавшая соотвѣтственное сочиненіе Исократа (если, какъ мы знаемъ и изъ разсказа объ „Еленахъ“ Стесихора, Plat. Phaedr. 243 A sq., Елена часто бывала

ность еллиновъ удивительно-легко дѣлать тотъ шагъ, который отдѣляетъ

предметомъ сочувственныхъ или несочувственныхъ изображеній въ поэзіи, то Бусиридъ игралъ видную роль въ сицилійской комедіи и въ сатирической драмѣ).—Объ одномъ авторѣ похвалы Еленѣ (для меня не подлежитъ сомнѣнію, что о Горгіи) говоритъ Исократъ (въ своей „Еленѣ", 14 sq.), что вмѣсто обѣщаннаго ἐγκώμιον онъ далъ ἀπολογίαν (ср. Isocr. Βούσιρις, 4 sq.). И въ самомъ дѣлѣ, очень легокъ былъ переходъ отъ παίγνια въ формѣ рѣчей въ похвалу миѳическихъ лицъ къ παίγνια въ формѣ рѣчей въ ихъ защиту, а потомъ и въ формѣ защитительныхъ или обвинительныхъ рѣчей отъ ихъ имени (таковы были „Паламедъ" Горгія, „Αἴας" и „Одиссей" Антисѳена, „Одиссей" [Алкидаманта]); мѣсто миѳическихъ лицъ скоро въ подобныхъ рѣчахъ (такъ уже—въ антифонтовыхъ тетралогіяхъ) заняли лица фиктивныя.—Какъ ἐγκώμιον совершенно вытѣснило собою въ области этихъ παίγνια ψόγον или μῶμον, такъ и судебныя рѣчи оттѣснили собою рѣчи похвальныя—и именно потому прежде всего, что, какъ похвальныя рѣчи гораздо больше, нежели порицательныя, такъ и судебныя гораздо больше, нежели похвальныя, оказывались пригодными не только „на потѣшенье" ихъ составителямъ и „добрымъ людямъ на послушанье", но и „молодымъ молодцамъ на перениманье": склонность и способность къ παίζειν („игры творить", какъ, повидимому, передается это слово въ знаменитомъ изреченіи Домостроя) какъ нельзя больше пригодилась софистамъ или риторамъ, когда они взяли на себя подготовленіе молодыхъ людей къ жизни и дѣятельности; и извѣстно, какъ прочно утвердились такія—образцовыя, особенно-же пробныя—судебныя рѣчи, а за ними и собственно-политическія, или „совѣщательныя", въ обиходѣ античныхъ риторическихъ школъ, и какъ τὸ παιγνιῶδες перешло на этой почвѣ въ τὸ παιδαριῶδες, σχολή—въ схоластику.—Какъ торжественныя ἐγκώμια съ боговъ или героевъ перенесены были на „людей" (эту заслугу Исократъ, Euag. 8, приписываетъ себѣ; вѣроятно онъ не правъ, хотя показаніе Аристотеля, rhet. 1368 a, объ энкоміи Гипполоха такъ же мало ясно, какъ мало надежно его толкованіе у Wilamovitz, *Hermes* XXXV 534 f.), такъ перенесены были на людей и ἐγκώμια-παίγνια, ἀπολογίαι и κατηγορίαι (вродѣ апологій Сократа), сдѣлавшись впрочемъ достояніемъ уже не публичныхъ λόγων, а публицистическихъ συγγραμμάτων и перейдя потомъ, вмѣстѣ съ тѣми торжественно-произносившимися энкоміями, въ біографическую (также въ автобіографическую, или мемуаристическую), потомъ и въ агіографическую литературу.—Ἐγκώμια πόλεων риторическія παίγνια успѣли затронуть собою, кажется, лишь постольку, поскольку въ нихъ могъ быть представленъ ψόγος, т. е. поскольку восхвалявшаяся πόλις превозносилась на счетъ другихъ, съ нею враждовавшихъ или соперничавшихъ.—Естественно, что παίγνια въ видѣ похвалъ (или апологій) миѳическихъ лицъ были больше реалистичны. чѣмъ историчны, и больше теоретичны, чѣмъ реалистичны, что они преслѣдовали не историческую, не индивидуальную, а теоретическую и типическую правду: такъ у Горгія похвала Еленѣ переходитъ въ похвалу слову и въ похвалу любви, у Исократа—въ похвалу красотѣ, и чрезвычайно характерно въ этомъ смыслѣ ироническое напоминаніе Сократа (Plat. Phaedr. 242 B sqq.) о томъ, что Ἔρως, за и противъ котораго говорятся рѣчи, есть сынъ Афродиты и богъ (какъ и вообще, конечно, болѣе чѣмъ характерны для исторіи παίγνια ἐρωτικοί и все что къ нимъ относится въ „Фэдрѣ" и въ „Пирѣ" Платона). Такъ похвалы богамъ или героямъ, олицетворявшимъ ту или другую добродѣтель, то или иное качество, могли переходить въ похвалы этимъ добродѣтелямъ или качествамъ, и παίγνια сближались т. о. съ этическими разсужденіями или поученіями (ἔχει δὲ κοινὸν εἶδος ὁ ἔπαινος καὶ αἱ συμβουλαί, Arist. rhet. 1367 b), при чемъ конечно, различіе между ними

великое или высокое отъ смѣшного или низкаго—Иліаду отъ Войны

могло быть только относительнымъ, затрогивая собою иногда отдѣльно форму и отдѣльно содержаніе; ср., напр., упомянутыя выше, стр. 50 съ прим. 2, рѣчи Гиппія и Продика и примкнувшую къ нимъ „діатрибу", съ ея склонностью къ персонификаціи отвлеченныхъ понятій (*Norden*, A. K. 129 ff.); что содержаніе было не только субъективнымъ, но и измѣнчивымъ критеріемъ τοῦ σεμνύνεσθαι и τοῦ σκώπτειν, τοῦ σπουδάζειν и τοῦ παίζειν, ясно видно, напр., изъ того, что еще Исократъ, X, 8, приравнивалъ къ θαυματοποιίαι рѣчи (киниковъ), доказывавшія, что жизнь нищихъ и изгнанниковъ завиднѣе жизни прочихъ людей.—Все расширяя сферу своего вѣдѣнія (т. е. „игротворенія"), то играя содержаніемъ, то формой, то забавляясь ихъ взаимнымъ несоотвѣтствіемъ, риторическія παίγνια не только стали дѣлать изъ всѣхъ рѣшительно πράγματα ὑποθέσεις своихъ похвалъ (или порицаній), но даже стали предпочитать ὑποθέσεις возможно-болѣе ἀδόξους,—потому что на такихъ ὑποθέσεις наиболѣе выгоднымъ для ораторовъ, наиболѣе занятнымъ для слушателей—и наиболѣе поучительнымъ для учениковъ образомъ могла заявить себя способность τὰ σμικρὰ μεγάλα ποιεῖν, или τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι. Уже во времена Платона и Исократа предметами похвальныхъ словъ оказывались и мыши, и соль, и χύτραι, и ψῆφοι, и βομβυλιοί (Ср. Isocr. X 12. Plat. Conv. 177 C. Arist. rhet. 1401 a sq. Alex. III p. 3 Sp.). Особенно прославился тогда какъ составитель „парадоксальныхъ" энкоміевъ Поликратъ, которому принадлежали энкоміи и εἰς τοὺς μῦς, и εἰς χύτρας и ψήφους, какъ и похвала Бусириду (ср. Philod. I 216 Sdh.) и Обвиненіе Сократа (см. *Blass*, A. B. II² 367 ff.). Какъ узнаемъ изъ Риторики Аристотеля l. c., Поликратъ утверждалъ σπουδαῖον εἶναι μῦν ссылаясь, м. пр., на то, что названіе πασῶν τιμιωτάτης τελετῆς—μυστήρια происходитъ отъ μῦς (при чемъ, быть можетъ, имѣлось въ виду представленіе не о мышахъ какъ „хтоническихъ демонахъ", *Gruppe*, Gr. Myth. 803, а о превращеніи въ мышей, какъ и въ змѣй, погребенныхъ, ср. указанную у Gruppe l. c. литературу), и на то, что мыши помогли въ войнѣ перегрызя вражескія тетивы (это былъ сказочный мотивъ—ср. Herod. II 141,—особенно часто примѣнявшійся къ σμίνθοι Троады, съ ея культомъ τοῦ Σμινθέως Ἀπόλλωνος: Strab. 605, со ссылкой, м. пр., на Каллина. Schol. AD ad Il. I 39; ср. *Gruppe*, Gr. M. 301); такъ и восхвалявшій собаку (киникъ?) вспоминалъ, по Аристотелю, и небесную Собаку, и Пана. Быть-можетъ эти похвалы животнымъ на первыхъ порахъ играли такую же роль въ исторіи перехода отъ миѳа, сказки, эпоса (ср. басню о мышкѣ, Arist. Vesp. 1181 sqq., и Батрахоміомахію) къ наукѣ, какую—мы видѣли—играли παίγνια, восхвалявшія или порицавшія миѳическихъ или эпическихъ героевъ; слѣдуетъ имѣть въ виду и то, что еллины тоже пережили эпоху тотемизма (какъ и вообще фетишизма), что даже и тогда, когда они научились считать человѣка царемъ природы, пропасть между ними и животными (а также растеніями) имъ долго не казалось болѣе глубокой, чѣмъ пропасть между ними и „варварами" (особенно поучительны въ этомъ отношеніи διαλέξεις софиста II в. по Р. Х. Максима тирскаго). Позднія риторическія руководства предполагаютъ уже какъ особый родъ энкоміевъ энкоміи животныхъ, какъ и растеній (Hermog. prog. 13 sq. W. [Dion.] rhet. 6. Men. 31 B.). Возможно, что не безъ взаимной связи развивались эти энкоміи и сочиненія περὶ ζῴων (αἱ περὶ τὰ ζῷα ἱστορίαι) и περὶ φυτῶν.—Мы знаемъ изъ Платона, что ἅλες удостоились спеціальной похвалы πρὸς ὠφέλειαν, и возможно, что съ этой же точки зрѣнія оказался не только „дороже" прекраснаго (напр., Фидіевой Аѳины), но и прекраснымъ „печной горшокъ, въ которомъ варится пища"; по крайней мѣрѣ, χύτρα (какъ у Xenoph. Mem. III 8, 6—κόφινος κοπροφόρος) играетъ видную роль именно въ разсужденіи о

мышей и лягушекъ, трагедію отъ сатирической драмы или отъ комедіи? Или эти *παίγνια* произносились въ серьезъ,—только въ нихъ формальное значеніе рѣчи преувеличивалось—доводилось до абсурда—въ ущербъ ея реальной или идейной сторонѣ, и названіе *παίγνια* было имъ дано въ отличіе отъ рѣчей серьезныхъ не по своей лишь техникѣ, а и по содержанію (или по назначенію)? Или терминъ *παίγνια* имѣетъ значеніе не шутки, не игрушки, не игры (мыслями и словами), а педагогическаго пріема, и въ этихъ *παίγνια* слѣдуетъ видѣть риторическія упражненія школьнаго характера? На каждый изъ этихъ вопросовъ былъ данъ утвердительный отвѣтъ[1]); и возможно, что вѣрны всѣ эти отвѣты. Еллинская склонность радоваться разрѣшенію важнаго, серьезнаго въ веселое, забавное, еллинская способность наслаждаться красотою рѣчи и помимо ея прямого назначенія, наслаждаться игрой словами и мыслями не могла не искать себѣ выраженія и въ краснорѣчіи (какъ она нашла

καλόν по отношенію къ χρήσιμον и ὠφέλιμον въ діалогѣ Hipp. maj. 288 D sqq. Не невозможно, впрочемъ, и то что, χύτρα или χύτραι (ее или ихъ восхвалялъ Поликратъ, по Александру l. c., правда, наряду съ ψῆφοι) чрезъ посредство χυτρίδες (ср. Athen. XI 464 b с—о χυτρίδες Ῥοδιακαί) сближались съ βομβυλιοί (ср. Athen. XI 784 d—о βομβυλιός, θηρίκλειον Ῥοδιακόν, восхвалявшемся на счетъ фіалы, поскольку дѣло касалось его ἰδέας, т. е., проще говоря, τρόπου πόσεως, повидимому и ἐν τοῖς Προτρεπτικοῖς Антисѳена, ср. Poll. X 68; подобныя темы разрабатывались еще у Критія, fr. 6. 33 sq. Diels). Какъ бы то ни было, нѣтъ необходимости предполагать, что Исократъ имѣлъ въ виду одно лицо, одного автора, когда говорилъ о „принимавшихся хвалить τοὺς βομβυλιοὺς καὶ τοὺς ἅλας καὶ τὰ τοιαῦτα“; тѣмъ меньше надобности спорить (литература вопроса указана у Muenscher, *Rh. M.*, LIV 254 ff.), былъ-ли то Поликратъ, или Антисѳенъ. или Алкидамантъ; и Платонъ, упомянувъ о похвалѣ соли, продолжаетъ: καὶ ἄλλα τοιαῦτα συχνὰ ἴδοις ἂν ἐγκεκωμιασμένα.—Діону Хрисостому принадлежали похвалы комара и попугая, и приписывалась похвала волосъ, которой Синезій противопоставилъ потомъ похвалу плѣши; Лукіанъ, чтобы превзойти авторовъ похвалъ μυῶν и комара, написалъ изящную похвалу мухи, μυίας, а также защитительную рѣчь, произнесенную Сигмою въ ея процессѣ съ Тау предъ судомъ семи гласныхъ (Δίκη φωνηέντων). Ср. также похвалу числу сто и смоковницѣ—[Jul.] ep. 27.—Въ общемъ, въ риторическихъ παίγνια (поскольку они не разрѣшались въ этическіе или научные трактаты, въ памфлеты, сатиры и т. п.) все больше выдвигался—особенно на почвѣ широкаго примѣненія ихъ въ школьной практикѣ—элементъ τοῦ σπουδάζειν περὶ τὰ παίγνια, какъ выражается Синезій, Dio p. 316; ὁπόσα οὐχ ὑπὲρ μεγάλων ἐσπούδασται τῷ Δίωνι—говоритъ Филостратъ, v. s. I 7, 1—μὴ μικρὰ ἡγώμεθα ἀλλὰ σοφιστικά, σοφιστοῦ γὰρ τὸ καὶ ὑπὲρ τοιούτων σπουδάζειν; οὐ πάντως καὶ τεθαυμακότες τὴν χύτραν ἢ τὰς ψήφους ἐπαινοῦμεν—поучалъ Александръ,—ἀλλὰ γυμνάζοντες ἑαυτοὺς πιθανοῖς τισὶ λόγοις.—Ср. также предисловіе Фронтона къ его laudes fumi et pulveris, p. 211.

[1]) Ср. *Blass*, A. B. I² 62 ff. 249. II² 372. Maass, *Hermes*, XXII, 575 f. *Norden*, De Minucii Fel. aetate, 26 sq. Gercke *Hermes*, XXXII, 355 f. Tiele, ib. XXXVI, 229 f. 242 f. *Б. Ф. Бурзи*, Школьный вопросъ въ др. Греціи, 29 сл.

себѣ выраженіе въ поэзіи). Такъ могли появиться эти *παίγνια*,—рѣчи расчитанныя на удовлетвореніе не возвышенныхъ, однако же и не низменныхъ—и столь-же законныхъ, какъ возвышенные,—интересовъ слушателей, рѣчи, предлагавшія имъ отдыхъ, не требовавшія отъ нихъ напряженія. Но тѣмъ больше напряженія (т. е. тѣмъ большей виртуозности) могли эти *παίγνια* требовать отъ самого оратора—для него они могли становиться уже не «забавами» (*παιδιαί*), а «заботами» (*μελέται*). Зато тѣмъ пригоднѣе оказывались эти *παίγνια* въ качествѣ педагогическаго пріема, въ качествѣ средства риторической *παιδείας*, риторическаго обученія, риторической гимнастики ума, *γυμνασίας τῆς ψυχῆς*, по выраженію Исократа[1]). А краснорѣчіе было искусствомъ особенно требовавшимъ этой формальной выучки,—какъ съ другой стороны, оно требовало, конечно, и реальныхъ изученій. Такимъ тѣснымъ и близкимъ было въ еллинской словесности соотношеніе между содержаніемъ и формой, такой важной и видной стала въ еллинской жизни роль краснорѣчія, что риторика сдѣлалась даже у еллиновъ не только главнымъ предметомъ, но и господствующимъ методомъ образованія, какъ раньше этимъ предметомъ и методомъ служила эпическая поэзія.

Какъ у Гомера поютъ былины Ахиллей съ Патрокломъ[2]), а рядомъ выступаетъ сословіе былинныхъ пѣвцовъ или рапсодовъ,—такъ и рѣчи произносятся царями, ѳерситами, Ѳемистокломъ, Перикломъ, демагогами, полководцами[3]), обвинителями, обвиняемыми, но рядомъ съ

---

[1]) Isocr. XV 266. Ср. Crit. fr. 21 D.: ὁ πρῶτος εἰπὼν οὐκ ἀγυμνάστῳ φρενί.

[2]) Il. IX 186 sqq. Ср. *Pöhlmann*, Aus Altertum u. Gegenwart, 60 ff. (къ указаннымъ здѣсь аналогіямъ слѣдуетъ присоединить Эдду, Беовульфа 2105 sqq., также былины о Добрынѣ на свадьбѣ жены).—Il. III 54, Гекторъ Александру: οὐκ ἄν τοι χραίσμῃ κίθαρις (какъ мастерами играть въ гусли яровчаты являются—наряду съ Садкомъ—Ставръ, Соловей Будимировичъ, Чурило Пленковичъ).

[3]) Историки греческіе распространяютъ обыкновенно свою αἵρεσιν καὶ μελέτην кромѣ демегорій и посольскихъ рѣчей и на τὰς παρακλήσεις (Polyb. XII 25 a), на παραινέσεις стратеговъ передъ битвой (особенно характерно показаніе Ѳукидида V 69); военные писатели говорили потомъ, что военачальникомъ можетъ быть лишь ἱκανὸς λέγειν (ср. *Dehner*, Hadriani reliquiae I, 10). Это были λόγοι πολιτικοί, хотя конечно больше προτρεπτικοί, нежели συμβουλευτικοί: вѣдь войско было, въ основѣ своей, πολιτῶν τι πλῆθος (ср. плъкъ, folc, populus) и потому могло разсматриваться (какъ въ Иліадѣ) какъ вѣче (только не οἴκοι, а ἐπὶ στρατιᾶς),—какъ и вообще могла получиться ἀγορά (не τέλειος) и внѣ обычныхъ формальностей (ср. Od. II 28 sqq.), на которой тоже произносились политическія рѣчи; въ высшей степени характеренъ и для исторіи этого вида политическаго краснорѣчія, и для исторіи краснорѣчія вообще разсказъ Аѳинея (Посейдонія) объ Аѳиніонѣ (211 e sqq.).

ораторами не-профессіональными выступаетъ потомъ и сословіе (или нѣчто вродѣ сословія) ораторовъ, представителей эпидейктическаго краснорѣчія, получающихъ—знакомое уже намъ—названіе софистовъ[1]). По-

---

[1]) Названіе σοφισταί (ср. выше стр. 42 сл.)—отчасти на почвѣ спеціализаціи понятія σοφία—сдѣлалось спеціальнымъ обозначеніемъ представителей мудрости въ соединеніи съ краснорѣчіемъ, или краснорѣчія въ соединеніи съ мудростью и какъ таковое сохранилось нерушимо (ср. Phiod. pass. и упоминанія объ отдѣльныхъ „софистахъ“ I в. до Р. Х. у Страбона, 614. 625. 630) до времени „второй софистики“ (которую вѣдь и Филостратъ, давшій ей это имя, сближаетъ съ „древней“ софистикой). Наряду съ поэтами (въ томъ числѣ и драматическими) или исполнителями ихъ произведеній, но и наряду съ музыкантами, аолетами, скоморохами, ближайшимъ-же образомъ примыкая къ рапсодамъ, заслоняя, смѣняя ихъ, выступали со своими λόγοι, со своими иногда „τερατολογίαι или περιττολογίαι, подобными ταῖς θαυματοποιίαις“ (Isocr. X 7. XV 119 Plut. Soph. 234 C sqq.; ср. Apist. polit. 1341 a) и софисты; именно какъ искусство περί τε τὰς ἐπιδείξεις, οἵας αὐτοὶ ποιοῦνται, καὶ τὰς τῶν λόγων διαθέσεις, οἵων αὐτοὶ γράφουσίν τε καὶ σχεδιάζουσιν, опредѣляется софистика у Филодема (I 122; ср. I 50 Sdh.). Софисты рано стали и непосредственно преподавателями мудрости и краснорѣчія, краснорѣчія и мудрости; но, кажется, преподавательская ихъ дѣятельность—какъ бы ни было велико ея значеніе, и какъ бы ни было широко ея примѣненіе—была уже наслоеніемъ, такъ-сказать вторичной формаціей; первичной формаціей, основнымъ мотивомъ были ἐπιδείξεις (*v. Arnim*, Dio v. Pr., 9, полагаетъ, напротивъ, что sie sind in erster Linie als Lehrer aufzufassen); преподавателями дѣлались софисты въ сущности на томъ же основаніи, на какомъ дѣлались ими опломахи, μουσικοί, рапсоды, живописцы. Какъ ни выдвигается у Платона и особенно у Исократа „охота софистовъ за богатыми юношами“, все же и у нихъ эта „продажа ἀρετῆς“ выступаетъ на общемъ фонѣ ввозной или коробейной (καπηλικῆς) торговли софистовъ духовной пищею и питьемъ, на фонѣ ψυχεμπορικῆς, распадавшейся на ἐπιδεικτική и μαθηματοπωλική, причемъ предметомъ такой вывозной и ввозной (ἐκ πόλεως εἰς πόλιν) торговли могли служить вообще μουσική ξυνάπασα καὶ γραφικὴ καὶ θαυματοποιικὴ καὶ πολλὰ ἕτερα τῆς ψυχῆς, τὰ μὲν παραμυθίας, τὰ δὲ καὶ σπουδῆς χάριν ἀχθέντα καὶ πωλούμενα (Plat. Soph. 224 A sqq.).—Такъ объяснилось и разъяснилось бы и существованіе рядомъ съ софистами съ одной стороны риторовъ, съ другой—философовъ (или σοφοί) и рядомъ съ софистикой—съ одной стороны риторики, съ другой философіи (или σοφία). Границы между этими тремя категоріями не были ни отчетливыми, ни устойчивыми, и онѣ обыкновенно и сближались, и смѣшивались не только на практикѣ, но и въ теоріи; въ общемъ разграниченіе ихъ, поскольку уловимы его основанія, сводилось къ тому, что софисты представляли (т. е. имѣли представлять) собою столько же мудрость, сколько и краснорѣчіе, риторы—краснорѣчіе больше, нежели мудрость, и философы—мудрость больше, нежели краснорѣчіе. Именно сознаніе, что не возможно цѣльное сочетаніе, безъ ущерба для той или другой стороны, между мудростью и краснорѣчіемъ, что отношенія между ними могутъ быть скорѣе обратно, нежели прямо пропорціональными, что мудрость не можетъ, а краснорѣчіе не должно быть предметомъ τεχνης,—побуждало философовъ противопоставлять себя софистамъ, которые ἐκ τῶν τεχνῶν ἐκπηδῶσιν εἰς τὴν φιλοσοφίαν (Plat. Resp. 495 A sqq.), и доходить даже до отрицанія, заодно съ софистикой, и риторики (какъ τέχνης); съ этой точки зрѣнія и потомъ софистика рисовалась какъ συνθετόν τι καὶ μικτον ἐν μέσῳ ἀλαζονείας καὶ φιλοσοφίας πλαζόμενον (Luc. Fugit. 10). Названіемъ ῥήτορες обозначались обыкновенно

добно пѣвцамъ, подобно врачамъ, художникамъ, ремесленникамъ, софисты дѣлятся на корпораціи, группирующіяся вокругъ отдѣльныхъ представителей софистическаго искусства,—на «школы» составляющіяся изъ учителя и учениковъ[1]). И внѣшнія, и внутреннія отношенія «сословія» софистовъ

(такъ и въ офиціальномъ языкѣ—ср.,напр., Ditt.[2] 19. 935. Aeschin. I 35. Din. I 71) политическіе, также и судебные ораторы (т. е. представители риторики не политической, а софистической, ср. Philod. I 64. 122 Sdh.); риторами звались обыкновенно и преподаватели риторики (какъ грамматиками—преподаватели „грамматики"); само собою разумѣется, что и въ той, и въ другой роли нерѣдко выступали и софисты, какъ нерѣдко переступали они—навсегда или ненадолго—и ту границу, какая, больше на словахъ (и обыкновенно на платоновскихъ словахъ), чѣмъ на дѣлѣ, отдѣляла ихъ отъ философовъ (Діонъ Хрисостомъ, Лукіанъ, Максимъ тирскій). Филостратъ (v. soph. in.) вѣрно указываетъ на относительность нашихъ трехъ категорій, когда говоритъ, что σοφιστὰς οἱ παλαιοὶ ἐπωνόμαζον οὐ μόνον τῶν ῥητόρων τοὺς ὑπερφαινοῦντάς τε καὶ λαμπρους, ἀλλὰ καὶ τῶν φιλοσόφων τοὺς ξὺν εὐροίᾳ ἑρμηνεύοντας. Какъ въ раздѣленіи, такъ и въ смѣшеніи этихъ трехъ категорій весьма важную роль играла, конечно, и борьба отдѣльныхъ школъ—какъ внутри, такъ и внѣ этихъ категорій.—Попытка Платона разграничить эти категоріи и въ его, и въ послѣдующее время имѣла такъ же мало успѣха, какъ и попытка принизить званіе софиста; что оно оставалось попрежнему πάντιμον ὄνομα, объ этомъ говорятъ не только анекдоты о софистахъ, (Philostr. II 31, 1. Eunap. v. Lib. 100 B.), но и офиціальныя надписи, чествующія „софистовъ" (ср. напр., Ditt[2]. 382. 412 sqq. GDI 3815, также надгр. надп. BCH X 157: Μόδεστος σοφιστὴς εἰς μετὰ τῶν ἑπτὰ σοφῶν μὴ γεμίσας εἴκοσι πέντε ἔτη).

[1]) Какъ было отмѣчено выше (стр. 43 сл., прим.), сословіе (пользуемся этимъ терминомъ за неимѣніемъ лучшаго) „софистовъ" присоединилось къ другимъ сословіямъ, наслѣдовавшимъ функціи гомеровскихъ деміоерговъ. У Платона софисты часто (ср. Protag. 312 C sq. 328 A. 345 A.) сопоставляются съ ремесленниками, и повидимому (ср. Gorg. 450 B) и сами софисты ничего не имѣли противъ такого сопоставленія,—они подчеркивали только, что ихъ τέχνη—не περὶ χειρουργίας, а περὶ λόγους. Но это различіе было весьма существеннымъ: вѣдь τέχνη περὶ λόγους занималась производствомъ отдѣльныхъ рѣчей, произносившихся отдѣльными софистами, рѣчей, существованіе которыхъ длилось лишь пока длилась ἐπίδειξις (издавая свои рѣчи, софисты, строго говоря, переставали быть софистами—становились συγγραφεῖς); такое производство, естественно, не могло быть кооперативнымъ—по крайней мѣрѣ если говорить о коопераціи въ пространствѣ (потому что копераціи во времени могла найдти себѣ примѣненіе и въ этомъ—индивидуалистическомъ въ своихъ способахъ и результатахъ—производствѣ,—поскольку вырабатывались, становясь традиціонными, или даже шаблонными, извѣстные пріемы риторической техники). Поэтому не могло быть рѣчи объ организаціи софистовъ въ профессіональные союзы, на подобіе ремесленныхъ или торговыхъ корпорацій, или на подобіе корпорацій мѣстныхъ врачей ὅσοι δημοσιεύουσιν (какъ въ Аѳинахъ, Mich. 685), или ὑμνῳδῶν, или τῶν περὶ τον Διόνυσον τεχνιτῶν, или γελωτοποιῶν, (Athen. 260 b. 613 d sqq.), или на подобіе александрійскаго Мусэя (тексты, сюда относящіеся, указаны у *Ziebarth*, D. griech. Vereinswesen, 18 ff. 73 ff. 96 ff., и *Rhein. Mus*, LV 501 ff.). Но съ достаточной степенью вѣроятности можемъ мы предположить, что, какъ къ отдѣльнымъ ремесленникамъ, зодчимъ, ваятелямъ, живописцамъ, музыкантамъ, рапсодамъ, врачамъ, такъ и къ отдѣльнымъ софистамъ отдавались въ

были гораздо свободнѣе, нежели въ другихъ профессіяхъ, уже по одному

ученье, и именно съ тѣмъ, чтобы потомъ зарабатывать хлѣбъ въ качествѣ профессіональныхъ софистовъ, молодые люди, такъ что получались отношенія, знакомыя намъ и изъ цеховаго строя—отношенія мастера (или магистра) и учениковъ; только тутъ дѣло обходилось уже безъ той наслѣдственности въ передачѣ ремесла, о которой упоминаетъ Платонъ, когда сравниваетъ софистовъ съ другими деміургами (Prot. 328 a sqq.), и которая долго играла роль, напр., у художниковъ (ср. *Guiraud*, La main-d'oeuvre industr. d. l'anc. Grèce, 65 s.) или врачей (Gal. II 280 K.; ср. *Herzog*, Koische Forsch. 200 ff.). Конечно, число такихъ учениковъ у мастеровъ софистическаго искусства не могло быть значительнымъ, и скоро эти „ученики“ растворились въ массѣ другого рода учениковъ, искавшихъ у софистовъ не профессіональнаго, а общаго образованія. Въ этой стадіи своего развитія школы софистовъ сближались со школами философовъ (какъ и вообще софисты только еще начинали различаться отъ философовъ). Самое живое представленіе о такихъ школахъ можно получить изъ Облаковъ Аристофана, 92 sqq., гдѣ выводится на сцену софистъ Сократъ, съ его μαθηταῖς, однимъ изъ посвященныхъ въ таинства, о коихъ οὐ θέμις πλὴν τοῖς μαθηταῖσιν λέγειν, и гдѣ изображается далѣе и самый обрядъ этого посвященія въ софистическія „мистеріи“. Конечно, это изображеніе пріурочивается у Аристофана къ Сократу и его школѣ лишь потому, что Аристофанъ, какъ и тогдашняя (423 г.) театральная публика, не выдѣлялъ Сократа изъ среды софистовъ; въ примѣненіи же не къ школѣ Сократа, а къ школамъ софистовъ изображеніе это, вѣроятно, не витало, подобно Сократу „Облаковъ“, въ воздушномъ пространствѣ. Недаромъ, надо думать, и у Платона пріемы софистовъ въ отношеніи учениковъ рисуются при помощи образовъ, взятыхъ изъ порядковъ мистерій (Euthyd. 277 D sq. Theaet. 155 E), и особенно любопытно его сближеніе софистовъ именно съ οἱ ἐν τῇ τελετῇ τῶν Κορυβάντων (или что то же, Дактиловъ, Куретовъ, ср. *Kaibel*, Δάκτυλοι Ἰδαῖοι, 1901), сближеніе, которое можетъ быть ведено и дальше — если вспомнить, какъ впослѣдствіи близки были иные порядки и обряды ремесленныхъ цеховъ къ порядкамъ и обрядамъ мистерій (достаточно ознакомиться съ документомъ 1655 г. о суевѣрныхъ и нечестивыхъ обрядахъ, исполнявшихся при пріемѣ подмастерьевъ въ товарищества парижскихъ ремесленниковъ, у *Levasseur*, Hist. d. classes ouvr. en France II 493 ss.; ср. названіе пробной работы - misterya, *Арх. Ю. З. Россіи*, I 248, а также, конечно, „вольныхъ каменьщиковъ“). Другой вопросъ, разумѣется,—насколько устойчивой была эта церемоніальная сторона въ бытѣ софистическихъ школъ: вѣдь софисты не группировались въ профессіональные союзы, и по самому характеру ихъ производства у нихъ не могло быть и „подмастерьевъ“; зато другіе „молодчики“ (какъ зовутся подмастерья въ южнорусскихъ цеховыхъ уставахъ)— οἱ νέοι, которыхъ и Сократъ, какъ его обвиняли, совращалъ съ пути истиннаго (Plat. Apol. 24 B sqq. Xen. Ap. 19), экстерны, или вольнослушатели, придали школамъ софистовъ совсѣмъ иной видъ, такъ что „мистеріи“, какъ бы ни были онѣ раньше представлены въ этихъ „школахъ“, теперь во всякомъ случаѣ должны были отойдти въ область преданій. Въ этой послѣдней области мы дѣйствительно встрѣчаемся съ ними— въ позднихъ разсказахъ о школѣ Пиѳагора, Ἑλλήνων οὐ τοῦ ἀσθενεστάτου σοφιστοῦ, какъ назвалъ его Геродотъ, IV 95 (представленія Геродота о софистахъ вообще очень характерны, ср. I 29 sq. II 49), и πολυμαθίη котораго, быть-можетъ вмѣстѣ съ κακοτεχνίη (описательную передачу этого выраженія указываетъ *Gomperz*, Die Apologie d. Heilkunst, 96 f., въ λόγων οὐ καλῶν τέχνη, [Hippocr.] π. τέχν. 1), порицалъ его современникъ Гераклитъ (fr. 40. 129 Diels). Возможно также и то, что сообщенія о дѣленіи учени-

тому, что это сложившееся позже другихъ «сословіе» не было связано никакими архаическими традиціями. Къ тому же то искусство, какое разработывалось въ школахъ софистовъ,—краснорѣчіе—было всегда и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше становилось необходимымъ для всѣхъ гражданъ. Далеко не всякому гражданину доводилось дѣлаться художникомъ, рапсодомъ, врачомъ, ремесленникомъ; но почти всякому гражданину если не приходилось, то хотѣлось играть роль на вѣчѣ или въ совѣтѣ, и многимъ гражданамъ если не хотѣлось, то приходилось играть роль (роль Обвиненія или Защиты) въ судѣ. Но все сложнѣе и труднѣе дѣлалась и еще одна роль, которую и приходилось, и хотѣлось играть гражданамъ,—роль въ обществѣ: теперь, собираясь на симпосій, «образованные люди бесѣдовали другъ съ другомъ уже своими средствами, не при помощи чужого голоса, голоса флейты,—набивая только цѣну на флейтистокъ или на танцовщицъ и арфистокъ,—и не словами или со словъ поэтовъ, а собственнымъ голосомъ и собственными рѣчами, поочередно высказываясь и выслушивая, взаимно подвергая и подвергаясь испытанію—какимъ кто скажется въ своей рѣчи»[1]), и все заманчивѣе, конечно, становилась побѣда на такого-рода состязаніяхъ, на такихъ ἀγῶνες λόγων[2]). То умственное и эстетическое образованіе, какое

ковъ Пиѳагора не то на Πυθαγόρειοι и Πυθαγορισταί, или ἐσωτερικοί и ἐξωτερικοί, не то на ἀκουσματικοί (или ἀκουστικοί) и μαθηματικοί (Iambl. v. Pyth. 80 sqq. Hippol. ref. haer. I 2. Porph. v. P. 37. Clem. strom. V 9, 60. Gell. I 8), смѣшивали (имѣя въ виду быть-можетъ и Ἀκούσματα καὶ σύμβολα) два представленія—о профессіональныхъ и не-профессіональныхъ ученикахъ софиста и объ учившихся у него и слушавшихъ его ἀκροάσεις (т. е. о τὸ περὶ τὰ μαθήματα и ἐπιδεικτική, по классификаціи Платона, Soph. 224 B). Объ организаціи другихъ досократовскихъ „философскихъ“ школъ (Ѳалеса, елеатовъ, атомистовъ), также какъ и школы Сократа, говоритъ Diels (*Philos. Aufsätze E. Zeller gewidmet*, 239 ff.), но, къ сожалѣнію, не говорятъ источники; зато источники говорятъ намъ о томъ, что философскія школы получили довольно опредѣленную организацію если не со времени Сократа или Платона, то со времени Аристотеля или Ѳеофраста (ср. *Wilamowitz*, Antigonos v. Kar. 263 ff. Usener, *Preuss. Jahrbb.* LIII 1 ff. *Ziebarth*, Gr. Ver., 69 ff.). Вмѣстѣ съ тѣмъ все больше видоизмѣнялась и организація школъ софистовъ, которая не могла не расходиться съ организаціей школъ философскихъ—уже потому, что въ школахъ софистовъ центръ тяжести лежалъ въ области краснорѣчія, а въ школахъ философовъ—въ области мудрости; въ школахъ софистовъ должно было преобладать обученіе, въ школахъ философовъ—изученіе; первыя организуются поэтому какъ учебныя заведенія, вторыя—какъ ученыя общества.

[1]) Plat. Protag. 347 C sqq.—Ср. Leg. 671 C (τάξιν καὶ τὸ κατὰ μέρος σιγῆς καὶ λόγου καὶ πόσεως καὶ μούσης ὑπομένειν).

[2]) Состязательнымъ рѣчамъ или состязаніямъ въ рѣчахъ издавна, какъ мы знаемъ (ср. стр. 33, пр. 2), обезпечено было мѣсто на судѣ, но также и на вѣчѣ или

могли давать существовавшія тогда государственныя или частныя учи-

---

въ совѣтѣ (ср. κρίσιν τῶν λεγόντων ἐν τεῖ βουλῆι, Ditt.[2] 495)—такъ что иногда политическое, и судебное краснорѣчіе обозначалось, въ отличіе отъ эпидейктическаго, или панегирическаго, какъ агонистическое, или какъ краснорѣчіе ἐπὶ τῶν ἀληθινῶν ἀγώνων (ср. выше стр. 41, прим.), хотя ψόγος рядомъ съ ἔπαινος (ἐγκώμιον), какъ ἀποτροπή рядомъ съ προτροπή и ἀπολογία рядомъ съ κατηγορία, въ теоріяхъ риторики утвердился уже со временъ Анаксимена (rhet. ad. Al. 3. 35) и Аристотеля (rhet. I 3). Постепенно эти ἀγῶνες, или ἅμιλλαι λόγων нашли себѣ мѣсто и на пирахъ, но также, вѣроятно, и вездѣ, гдѣ собирались καλοὶ κἀγαθοὶ καὶ πεπαιδευμένοι,—въ „лесхахъ", въ палестрахъ или баняхъ (ср. Arist. Nub. 1052), въ разныхъ κύκλοι или ἡμικύκλια, и больше всего, разумѣется, въ ἀκροατήρια софистовъ; видное мѣсто отводилось имъ и въ произведеніяхъ художественной литературы; ср., напр., пренія о монархіи, демархіи и олигархіи у Геродота (III 80 sqq.), о монархіи-тираннидѣ и демократіи-охлократіи, о созерцательной и дѣятельной жизни, о копьѣ и лукѣ и др. у Эврипида (Suppl. 403 sqq. Ant. fr. 183 sqq. N[2]. Herc. 155 sqq. 1255 sqq.; ср. *Nestle*, Euripides, 35 ff.), также агонъ Λόγων Δικαίου и Ἀδίκου у Аристофана (Nub. 889 sqq.; ср. Eccl. 728 sqq.). Нѣтъ сомнѣнія, что своимъ внѣшнимъ успѣхомъ, какъ и своими формальными (т. е. техническими) успѣхами, λόγοι ἀντικείμενοι ἀλλήλοις чрезвычайно много обязаны были софистамъ; едва ли слѣдуетъ однако все сводить здѣсь къ софистическимъ вліяніямъ: софисты и здѣсь явились столько же возбудителями, сколько выразителями тогдашнихъ движеній въ области λόγος'а, т. е. мысли и слова. Агонистическое начало было однимъ изъ основныхъ принциповъ греческой культуры, и было естественно, что состязанія рѣчами такъ же примкнули къ пирамъ, какъ въ свое время состязанія поэтовъ или состязанія въ поэзіи (или въ разгадываніи загадокъ) примкнули къ народнымъ праздникамъ (ср. *Rohde*, Kl. Schr. I 41 ff. 103 f. *Ohlert*, Rätsel u. Gesellschaftsspiele d. Gr., 5 ff.); было естественно, что въ эпоху усиленной переоцѣнки цѣнностей (Thuc. III 82, 4), на почвѣ исконной склонности еллинскаго ума (и языка) къ дихотоміи (ср. хотя-бы Mimn. 7 B.: δυσηλεγέων δὲ πολιτέων ἄλλος τίς σε κακῶς, ἄλλος ἄμεινον ἐρεῖ), вмѣстѣ съ развитіемъ краснорѣчія, развились и ἀγῶνες λόγων. О живомъ интересѣ къ δισσοὶ λογοι—и περὶ ἀγαθῶ καὶ κακῶ, и περὶ καλῶ καὶ αἰσχρῶ, и περὶ δικαίω καὶ ἀδίκω, и περὶ ἀλαθείας καὶ ψεύδεος, и о всѣхъ вообще πράγματα или ὀνόματα—какъ нельзя яснѣе говоритъ намъ—все еще загадочное (ср. *Bergk*, Fünf Abhandlungen, 117 ff. *Rohde*, Kl. Schr. I 327 ff. Trieber, *Herm*. XXVII 210 ff. *Бурзи*, Шк. вопр., 25 сл.)—сочиненіе (быть можетъ не σύγγραμμα, а ὑπόμνημα?), повидимому начала IV в. (быть-можетъ въ послѣднихъ своихъ отдѣлахъ пользовавшееся діалогами Платона, особенно „Протагоромъ"?), со временъ Стефана извѣстное подъ—не подлежащимъ уже измѣненію—названіемъ Διαλέξεις. „Δισσοί λόγοι" этого сочиненія,—кажется, еще больше, нежели горгіевы φιλοσόφων λόγων ἅμιλλαι (стоящія у Горгія, Hel. 13, наряду съ οἱ τῶν μετεωρολόγων λόγοι и съ οἱ ἀναγκαῖοι διὰ λόγων ἀγῶνες),—имѣютъ въ виду κατὰ βραχὺ διαλέγεσθαι. И надо думать, что внѣ суда (а также внѣ риторической школы) ἀγῶνες λόγων обыкновенно если не замѣнялись, то смѣнялись діалектическими диспутами или бесѣдами—въ той мѣрѣ, въ какой μακρολογία переходила въ βραχυλογία (ср. Plat. Prot. 335 B sq.), монологъ—въ діалогъ; діалектическіе диспуты, въ свою очередь, переходили въ еристическіе—поскольку заявляла себя φιλονεικία не ради выясненія вопроса, а по отношенію къ собесѣднику (Plat. Gorg. 457 E), забота собесѣдниковъ не о предметѣ спора, а о себѣ,—ὅπως ἃ αὐτοὶ ἔθεντο, ταῦτα δόξει τοῖς παροῦσιν (Phaed. 91 A). Поэтому риторика развивалась рука объ руку съ діалектикой (и эристикой). Опытными въ той и другой (и третьей) рисуются у Пла-

лища—училища для дѣтскаго и отроческаго возрастовъ,—оказывалось уже не достаточнымъ для того, чтобы постоять за себя и въ обществѣ, и въ судѣ и на вѣчѣ[1]). Высшаго общаго образованія приходилось искать

тона или у Ксенофонта софисты—но также и Сократъ (ср. *Hirzel*, Dialog I 69 ff.), а Аристотель въ началѣ своей Риторики говоритъ, что ἡ ῥητορική ἐστιν ἀντίστροφος τῇ διαλεκτικῇ, и что πάντες τρόπον τινὰ μετέχουσιν ἀμφοῖν· πάντες γὰρ μέχρι τινὸς καὶ ἐξετάζειν καὶ ὑπέχειν λόγον καὶ ἀπολογεῖσθαι καὶ κατηγορεῖν ἐγχειροῦσιν.—Своеобразнымъ продуктомъ соединенія риторики съ діалектикой были διατριβαί и διαλέξεις (позднѣе—ὁμιλίαι)—рѣчи, представлявшія собою или заключавшія въ себѣ диспуты или диспутаціи (о восходившихъ къ сократовцамъ и софистамъ начальныхъ моментахъ развитія этого типа рѣчей—„діалоговъ въ формѣ декламацій"—ср. *Norden*, A. K. 129 f.).

[1]) Показанія источниковъ (въ томъ числѣ и археологическихъ) о внѣшней и внутренней организаціи образованія у еллиновъ, особенно до выступленія на этомъ поприщѣ софистовъ, не отличаются отчетливостью, и еще менѣе, конечно, отчетливы разъясненія и обобщенія этихъ показаній въ новой научной литературѣ (ср. *Grasberger*, Erziehung u. Unterricht im kl. Alt. I—III, 1864—81. *Girard*, L'éducation athénienne au V et au IV s. av. J.-C., 1891). Быть-можетъ освѣщенія этимъ показаніямъ источниковъ слѣдуетъ искать въ—опиравшихся, конечно, и на практику—разсужденіяхъ и опредѣленіяхъ Законовъ Платона (особ. кн. II), столько-же поучительныхъ своими теоретическими несовершенствами, сколько и совершенствами. У Платона—какъ обыкновенно и у другихъ (раннихъ и позднихъ) писателей—παιδεία въ основномъ своемъ содержаніи распадается на γυμναστική и μουσική. Оба эти искусства имѣли и практическое назначеніе (одно—содѣйствовать сокрушенію враговъ, другое—умилостивленію боговъ); но прежде всего они коренились въ потребности людей—особенно молодыхъ людей, но не только молодыхъ людей,—не зная до поры до времени или забывъ на время тяготы жизни, двигаться и звучать, съ соблюденіемъ ритма или гармоніи (ср. выше стр. 16),—двигаться и звучать, конечно, въ обществѣ себѣ подобныхъ. Было естественно, что для этихъ движеній и звучаній граждане соединялись въ группы—и прежде всего въ группы по возрасту. Такъ и въ праздничныхъ гимническихъ агонахъ обыкновенно выступали отдѣльно ἄνδρες и παῖδες, ἔφηβοι, νέοι, или παῖδες, ἔνοι ἔφηβοι, νεανίσκοι, или παῖδες (οἱ νεώτεροι и οἱ πρεσβύτεροι) и ἀγένειοι, или ἔφηβοι νεώτεροι, μέσοι, πρεσβύτεροι, или παῖδες τῆς πρώτης, δευτέρας, τρίτης ἡλικίας и т. п. (ср. Ditt². 668 sqq. Mich. 880 ss.); такъ же по возрастамъ составлялись и праздничные хоры (иногда принимавшіе участіе и въ агонахъ). Само собою разумѣется, что среди ἄνδρες (вѣроятно и среди νέοι; γέροντες, которые иногда въ этой связи ставятся въ надписяхъ рядомъ съ οἱ νέοι—ср. *Ziebarth*, Gr. Ver. 114 ff.,—вѣроятно то же, что πρεσβύτεροι іасосской надписи, Mich. 469, т. е. или безъ νέοι, или вмѣстѣ съ νέοι представляютъ собою категорію ἄνδρες) только поддерживалось, а среди παῖδες или ἔφηβοι—насаждалось гимнастическое образованіе; для этихъ цѣлей и служили ближайшимъ образомъ γυμνάσια наряду съ другими имъ подобными учрежденіями (ср. выше стр. 6); въ своихъ γυμνάσια παῖδες или ефебы и обучались (у παιδοτρίβης, или у опломаха и т. п.) гимнастическому искусству. Соотвѣтственно этому, обученіе мусическому искусству (у киѳариста и т. п.) примкнуло къ χορεία, которая не даромъ отожествляется у Платона (ср. выше, стр. 16 сл.) съ μουσική. Гимнастическое обученіе организовалось раньше, чѣмъ мусическое (которое первоначально имѣло въ виду только празднества), такъ что мусическому обученію (когда оно перестало имѣть въ

въ другомъ мѣстѣ. Навстрѣчу искавшимъ шли—на самомъ дѣлѣ шли (потому что софисты не любили сидѣть на мѣстѣ)—«школы» софистовъ[1]). Практически, но и теорически разработывая эпидейктическое

виду только празднества) пришлось искать себѣ мѣста уже въ γυμνάσια τῶν παίδων. Когда распространилась письменность, и оцѣнили ея значеніе,—къ γυμναστική и μουσική присоединилась γραμματική, или γραμματιστική, т. е. обученіе грамотѣ, чтенію и письму,—у γραμματιστής или γραμματοδιδάσκαλος (не лишено значенія, что διδάσκαλος такъ долго еще сохраняетъ значеніе χοροδιδάσκαλος, какъ и διδασκαλεῖον—значеніе χορηγεῖον, т. е. мѣста, οὗ ἡ παρασκευὴ τοῦ χοροῦ), которое впослѣдствіи также пристраивается обыкновенно въ γυμνάσια. Тѣмъ, что умственное элементарное образованіе примкнуло къ χορεία, опредѣлилась его дальнѣйшая постановка, какъ ни различны были—смотря по времени или по мѣсту—ея частности или подробности. Оттого въ этомъ образованіи дѣтей всегда заинтересованы были не только родители, но и государство, т. е. гражданство, какъ и дѣленія или группировки гражданства,—такъ что исторія внѣшней организаціи образованія была исторіей комбинированія порядковъ или отношеній складывавшихся на почвѣ этихъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ интересовъ. Оттого образованіе ставится въ тѣсную связь съ воспитаніемъ—и именно съ воспитаніемъ въ соціальныхъ (а не индивидуальныхъ) добродѣтеляхъ (αἰδώς, σωφροσύνη, εὐκοσμία; ср. σωφρονισταί и κοσμηταί аѳинскихъ ефебовъ). Оттого такую роль въ образованіи играетъ собственная μουσική, т. е. музыка, воспитывающая къ столь необходимымъ въ жизни человѣческой—и именно въ соціальной жизни—εὐρυθμία τε καὶ εὐαρμοστία. Оттого уроки κιθαρίσεως давались прежде всего на гимнахъ и пэанахъ, прославлявшихъ мѣстныхъ героевъ и боговъ (ср. Polyb. IV 20 sq.—главы. чрезвычайно поучительныя и для пониманія основнаго характера еллинской школы вообще), и поэтическими произведеніями такого же содержанія или характера стали пользоваться потомъ для своихъ цѣлей и учителя γραμμάτων (Plat. Prot. 325 D sqq.). Этимъ своимъ зачаткамъ въ сущности всегда оставалось вѣрно—какимъ сложнымъ и пестрымъ ни было, или ни становилось его развитіе—элементарное образованіе еллиновъ (ообенно ясно показываютъ это наши данныя о γυμνάσια болѣе поздняго времени, ср., напр. Ditt². 722 sqq. Mich. 327. 913). Развитіе γραμματικῆς παιδικῆς ἀτελεστέρας въ γραμματική ἐντελής (или въ ἐκ φιλολογίας μαθήματα, по выраженію пріенской надписи, *Arch. Anz.* 1897, 152), не говоря уже о присоединеніи другихъ μαθήματα (вродѣ „ариѳметики“, „геометріи“, „астрономіи“), во всякомъ случаѣ не могло еще зайдти сколько-нибудь далеко къ тому времени, когда обнаружили свою силу (и свое значеніе въ общественной жизни) діалектика и риторика.

[1]) Такія странствующія школы софистовъ рисуетъ намъ Платонъ въ своемъ „Протагорѣ“, 315 A sqq. Протагора сопровождаютъ въ Аѳины, кромѣ Антимойра мендейца, самаго извѣстнаго изъ учениковъ Протагора, ὃς ἐπὶ τέχνῃ μανθάνει ὡς σοφιστὴς ἐσόμενος, и другіе ξένοι, которыхъ онъ уводитъ за собой изъ каждой πόλις, чрезъ какую проходитъ, какъ Орфей завораживая голосомъ, въ слѣдъ которому двигаются эти завороженные. Также и Гиппія окружаютъ его ученики—аѳиняне καὶ τῶν ξένων πολῖταί τε αὐτοῦ καὶ ἄλλοι τινές.—И впослѣдствіи χοροί учениковъ и поклонниковъ сопутствуютъ софистамъ въ ихъ поѣздкахъ на гастроли (ср. анекдотъ о софистѣ, который, высадившись въ Родосѣ, нанялъ въ гавани гребцовъ и лодочниковъ, одѣлъ ихъ такъ, что они могли быть приняты за толпу его учениковъ и поклонниковъ, и торжественно

краснорѣчіе, софисты сообщали своимъ ученикамъ и знаніе всего, знанія обо всемъ, и умѣнье пользоваться этими знаніями въ рѣчи (какъ устной, такъ и письменной) или въ бесѣдѣ. Въ любомъ возрастѣ и на любой срокъ, условившись только насчетъ гонорара, можно было поступить на выучку къ софисту—и вовсе не за тѣмъ, или не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлаться профессіональнымъ ораторомъ[1]). Естественно, что въ школахъ софистовъ все растетъ число такихъ вольнослушателей, что въ угоду имъ софисты учатъ все больше не scholae, а vitae, что, наряду съ эпидейктическимъ, они преподаютъ и разработываютъ и спеціально политическое или судебное краснорѣчіе[2]). Естественно и то, что понемногу школы софистовъ переходятъ отъ кочеваго быта къ осѣдлому, что ихъ и внѣшняя, и внутренняя организація пріобрѣтаетъ бóльшую устойчивость, что государства (т. е. гражданства) все чаще принимаютъ на государственный (т. е. общегражданскій) счетъ уплату гонорара профессорамъ риторики или софистики и такимъ путемъ «націонализируютъ» отдѣльныя школы софистовъ, т. е. обращаютъ ихъ въ государственныя школы. Такъ появляются государственные, потомъ муниципальные профессора риторики или софистики[3]). На ихъ обязанность,

---

вступилъ во главѣ этого флота въ залъ, гдѣ должна была имѣть мѣсто его ἐπίδειξις, Diog. L. IV 58).

[1]) Ср. Plat. Prot. 310 D sqq.—Въ „Облакахъ“ Аристофана старикъ Стрепсіадъ сначала убѣждаетъ сына поучиться у софистовъ (ихъ ἀμφοῖν τοῖν λόγοιν), а потомъ самъ рѣшается, помолившись богамъ, учиться у нихъ—ходитъ въ φροντιστήριον софиста—и дѣлается ученикомъ софиста Сократа.

[2]) Характерно, что свои первыя письменныя руководства или пособія по риторикѣ, предназначавшіяся, конечно, не для профессіональныхъ уже учениковъ (ср. Plat. Soph. 232 D: δεδημοσιωμένα που καταβέβληται γεγραμμένα τῷ βουλομένῳ μαθεῖν), софисты (начиная съ Тисія) посвящаютъ именно судебному и политическому краснорѣчію (ср. Gercke, *Hermes*, XXXII 341 ff.). Таково было и содержаніе риторикъ Анаксимена и Аристотеля. Судебныя рѣчи имѣетъ въ виду и писанная на дорійскомъ діалектѣ τέχνη, отрывки коей изданы недавно въ *The Oxyrhynchus Papyri* III, № 410 (pl. IV).

[3]) Что въ императорскую эпоху многіе профессора риторики или софистики, какъ и „грамматики“ (профессора филологіи) и врачи, состояли на жалованьи у городовъ, достаточно засвидѣтельствовано источниками (ср. разсказъ Филострата, v. s. I 21, 4, о томъ, какъ Клазоменцы хотѣли переманить къ себѣ изъ Смирны софиста Скопеліана, особенно же рѣчь Либанія „за риторовъ“ 212 sqq., гдѣ Либаній жалуется, м. пр., на то, что города не акуратно выплачиваютъ риторамъ ихъ скудную ежегодную σύνταξιν); къ сожалѣнію, нѣтъ свѣдѣній о томъ, съ какого времени софисты или риторы стали получать (обыкновенно наряду съ гонораромъ отъ учениковъ, можетъ-быть только отъ ξένοι?) жалованье отъ πόλεις. Уже Страбонъ, 181, говоритъ, что галлы, которыхъ Массалія сдѣлала филеллинами, σοφιστὰς ὑποδέχονται τοὺς μὲν ἰδίᾳ, τοὺς δὲ πόλεις κοινῇ μισθούμεναι, καθάπερ καὶ ἰατρούς. Императоры неоднократно издавали указы о salaria

кромѣ преподаванія, ложится и произнесеніе рѣчей въ торжественныхъ случаяхъ городской жизни. Такъ прикрѣпляются къ мѣстамъ ихъ службы отдѣльные софисты; но осѣдаютъ также и вольные, не поступавшіе на городское жалованье софисты,—и почти въ каждомъ городѣ потомъ имѣются свои ораторы. Въ свободное отъ службы или отъ занятій время софисты совершаютъ, по старой памяти, tournées или поѣздки

риторамъ, per provincias, ex viribus rei publicae; изъ императорской казны, повидимому, оплачивался ὁ κατὰ τὴν Ῥώμην (или ὁ ἄνω) θρόνος греческой риторики (о немъ не разъ говорится въ біографіяхъ софистовъ Филострата), потомъ и каѳедры риторики и четырехъ философскихъ школъ въ Аѳинахъ. Не устанавливаютъ новыя, а регулируютъ старыя отношенія эдикты императоровъ объ освобожденіи отъ всѣхъ мѣстныхъ службъ или повинностей учащихъ или лѣчащихъ ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι (или въ Римѣ—общемъ теперь для всѣхъ отечествѣ) врачей, софистовъ, или риторовъ и грамматиковъ,—причемъ, однако, по грамотѣ Антонина Благочестиваго, писанной τῷ κοινῷ τῆς Ἀσίας, но имѣвшей силу и для всего міра, эту ἀτέλειαν (или ἀλειτουργησίαν) могли имѣть въ большихъ городахъ (μητροπόλεις τῶν ἐθνῶν) не свыше 5 софистовъ, въ среднихъ (имѣвшихъ ἀγορὰς δικῶν, т. е. conventus iuridicos)—не свыше 4-хъ, въ меньшихъ—не свыше 3-хъ; исключенія изъ этихъ правилъ могли дѣлаться только въ пользу τῶν ἄγαν ἐπιστημόνων (Dig. XXVII 1, 6; ср. Ditt.[2] 414). Избраніе на такія штатныя каѳедры софистики (ср. ὁ ἐπὶ τῆς καθέδρας σοφιστής аѳ. надп. III в., Ditt.[2] 382), кромѣ, конечно, императорскихъ каѳедръ, принадлежало мѣстнымъ совѣтамъ (назначавшимъ иногда пробныя лекціи или диспуты),—поскольку это право не отнималось или не ограничивалось императорами, особенно въ лицѣ ихъ намѣстниковъ (Юліанъ—такъ какъ онъ не можетъ singulis civitatibus adesse ipse—предоставляетъ избраніе профессоровъ куріаламъ, но оставляетъ за собою утвержденіе ихъ въ должностяхъ, ut altiore honore studiis civitatum accedant, Cod. Theod. XIII 3, 5). Совѣтамъ же (въ Аѳинахъ—совѣту ἐξ Ἀρείου πάγου) принадлежало и наблюденіе за школами софистовъ. Все съ большей опредѣленностью выступающіе передъ нами у позднихъ писателей порядки и обычаи школъ софистовъ (такъ сходные со средневѣковыми),—напр., что касается быта учениковъ (συμφοιτηταί, какъ зовутся они CIA III 774 a), ихъ отношеній между собою и къ учителямъ,—примыкаютъ къ тѣмъ порядкамъ и обычаямъ, съ какими эти школы начинали свою исторію (ср. выше стр. 70, пр. 2).—Объ „университетѣ", какъ и о собственно правительственной организаціи высшаго образованія, можетъ идти рѣчь развѣ въ примѣненіи къ учрежденной въ 425 г. константинопольской школѣ (Cod. Th. XIV 9, 3. XV 1, 5. VI 21, 1); до тѣхъ поръ существовали только оплачиваемыя и регламентируемыя правительствомъ школы отдѣльныхъ профессоровъ (τῶν ἐπαγγελλομένων, ср. Arist. Eth. Nic. 1180 B. Soph. el. 172 A) софистики, или риторики, какъ и грамматики или медицины. Ср. *C. O. Mueller*, Quam curam respublica apud Graecos et Romanos litteris doctrinisque colendis et promovendis impenderit (1837). *Weber*, Comm. de academia literaria Atheniensium (1858). *Hertzberg*, Gesch. Griechenlands unter d. Herrschaft d. Römer, III (1875).—Въ Еретріи во II—I в., какъ по приглашенію одного гимнасіарха ὁμηρικὸς φιλόλογος, такъ по приглашенію другого—ῥήτωρ τε καὶ ὁπλομάχος ἐσχόλαζον ἐν τῷ γυμνασίῳ τοῖς τε παισὶν καὶ ἐφήβοις καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς βουλομένοις τὴν ἀπὸ τῶν τοιούτων ὠφελίαν ἐπιδέχεσθαι (Ditt.[2] 935); съ конца II в. до Р. Х. аѳинскіе эфебы ἀγόμενοι ὑπὸ τοῦ κοσμητοῦ ἐσχόλαζον τοῖς φιλοσόφοις (CIA II 467 sqq.).

на гастроли: одни, надѣясь на себя или на славу свою, стремятся въ тѣ города, которые умѣли тонко цѣнить талантъ, другіе довольствуются городами, которые не такъ ужъ много понимали и въ λόγος'ѣ, и въ λόγοι, но тѣмъ быть-можетъ горячѣе принимали почтившихъ ихъ своимъ посѣщеніемъ ораторовъ; одни стремятся на празднества въ Олимпію или на Исѳмъ, другимъ приходится довольствоваться болѣе скромными, мѣстными празднествами. Толпа, предпочитающая атлетовъ декламирующему свои «музы» Геродоту, все рѣдѣетъ, и, въ той же мѣрѣ, все расширяется кругъ любителей и—подлинныхъ или лишь кажущихся—цѣнителей λόγος'а[1]).

Такъ, постепенно все больше позицій въ еллинской культурной жизни занимало краснорѣчіе и все прочнѣе устраивалось на занятыхъ позиціяхъ. Утвердившись рядомъ съ поэзіей, оно стало рѣшительно перетягивать на свою сторону лежавшую раньше на поэзіи обязанность и услаждать, и назидать; оно бралось руководить не только просвѣщеніемъ народнымъ, но и политикой, судомъ. Великой силой стало краснорѣчіе; но эта сила такъ же легко могла направиться на зло, какъ и на благо, или даже могла, направившись на благо, оказаться направившейся на зло. Теорія Платона[2]) не объясняетъ, но быть-можетъ лучше всякихъ объясненій даетъ понять намъ сущность связанной съ краснорѣчіемъ опасности. По этой не то миѳической, не то мистической теоріи—устами не знающаго истины оратора, какъ и поэта, вѣщаетъ сама истина, но только тогда, когда, охваченный восторгомъ, онъ перестаетъ владѣть своимъ разсудкомъ, уходитъ изъ подъ власти ума и отдается во власть ниспосылаемаго свыше «безумія».—безумія передъ которымъ ничтожны и излишни и мудрость, и искусство человѣка. Но люди не могутъ ни ожидать, ни сдѣлать, чтобы это «безуміе» нисходило вѣчно,

---

[1]) Ср. Lucian. Herod. 8: οἵ τε αὖ πανηγυρισταὶ οὐ συρφετώδης ὄχλος, ἀθλητῶν μᾶλλον φιλοθεάμονες, ἐν παρέργῳ οἱ πολλοὶ τὸν Ἡρόδοτον τιθέμενοι, ἀλλὰ ῥητόρων τε καὶ συγγραφέων καὶ σοφιστῶν οἱ δοκιμώτατοι.—Наиболѣе характерныя свидѣтельства о позднихъ софистахъ—о видной и почетной роли, какую они (или многіе изъ нихъ) играли въ городской жизни, и какъ ораторы, и какъ профессора, къ которымъ—въ мѣру, конечно, ихъ извѣстности—стекались изъ разныхъ мѣстъ ученики, о пышной, но и суетной обстановкѣ „представленій" мѣстныхъ и пріѣзжихъ софистовъ, о живѣйшемъ интересѣ къ этимъ ἐπιδείξεις все болѣе широкой публики и т. п.—сопоставлены у *Rohde*, Gr. R.[2] 329 ff.; ср. также *Hatch*, Griechentum u. Christentum, 66 ff. *Sievers*, Libanios, 23 ff.

[2]) Эта теорія, такъ же, какъ и теорія о происхожденіи искусства (о которой мы говорили выше, стр. 16 сл.), не столько выставляется, сколько подразумѣвается въ разныхъ мѣстахъ разныхъ діалоговъ Платона.

нисходило всегда, когда окажется то нужнымъ для ихъ расчетовъ[1]). Имъ приходится самимъ заботиться о томъ, чтобы всегда имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ блага, какія имъ иногда сообщаютъ боги, дарующіе имъ «безуміе». Средствъ къ тому, чтобы имѣть тѣ блага, въ себѣ не заключаетъ ихъ природа; имъ приходится изыскивать тѣ средства, изощряя свои природныя способности. Такъ краснорѣчіе становится уже не дѣломъ судьбы, но и не дѣломъ природы, а дѣломъ сно-

[1]) Это ученіе Платона (повидимому и Демокрита, fr. 17 sq. 21. 112 Diels, а также Гераклита, fr. 78 sq. 86. 92 sq. D.; о μανία, какъ объ „одномъ изъ важнѣйшихъ понятій сократики", по Воспоминаніямъ Ксенофонта, ср. *Joël*, Der echte u. Xenophont. Sokrates, I, 337 ff.)—о μανία, не ὑπὸ νοσημάτων ἀνθρωπίνων, а ὑπὸ θείας ἐξαλλαγῆς τῶν εἰωθότων νομίμων γιγνομένη (Phaedr. 265 A),—объ энтузіазмѣ, изступленіи, одержаніи (богомъ, музами)—опиралось на греческія религіозныя (миѳическія и особенно мистическія) религіозныя представленія (ср. *Rohde*, Psyche, II[2] 4 ff. 278 ff. *Gruppe*, Gr. Myth. u. Rel. 732 ff. 848 ff. 924 ff. 984 ff.); въ связи съ различными моментами или мотивами гносеологически-метафизическихъ воззрѣній Платона, оно представлено во многихъ сочиненіяхъ Платона, всякій разъ впрочемъ въ новыхъ комбинаціяхъ или съ новыми варіантами. Недаромъ—говорится въ „Фэдрѣ"—κάλλιον μαρτυροῦσιν οἱ παλαιοὶ μανίαν σωφροσύνης τὴν ἐκ θεοῦ τῆς παρ' ἀνθρώπων γιγνομένης: величайшія блага сообщаются людямъ посредствомъ даруемой божественнымъ даяніемъ μανίας. Таковы—пророчества, таковы καθαρμοί τε καὶ τελεταί, такова и истинная поэзія: кто безъ безумія Музъ подходитъ къ вратамъ поэзіи, думая, что достаточно одной τέχνης, чтобы стать поэтомъ, тотъ не есть истинный поэтъ, и поэзія его, поэзія τοῦ σωφρονοῦντος,—ничто передъ поэзіей τῶν μαινομένων (Phaedr. 244 A sqq.); истинный поэтъ творитъ не ἐκ τέχνης, но ἔνθεος и κατεχόμενος,—когда онъ становится ἔκφρων, когда его покидаетъ νοῦς (стоитъ ему только войдти εἰς τὴν ἁρμονίαν καὶ ῥυθμόν, ср. Io, 534 A); онъ вѣщаетъ истину не зная истины. (Apol. 22 A sqq. Meno 99 D sq. Leg. 682 A. 719 C; ср. Io 533 D sqq.). Но совершенно такъ же, какъ вѣщаютъ поэты, могутъ вѣщать и ораторы (Meno 99 A sqq. Phaedr. 235 C sqq.), и не σοφίᾳ или ἐπιστήμῃ, а θεῖοι τε ὄντες καὶ ἐνθουσιάζοντες (подобно прорицателямъ, вѣщателямъ, поэтамъ) κατορθοῦσι λέγοντες πολλὰ καὶ μεγάλα, μηδὲν εἰδότες ὧν λέγουσιν, и οἱ πολιτικοὶ ἄνδρες (Meno 99 D). Есть и еще „безуміе"—ἐνθουσίασις лучше всѣхъ ἐνθουσιάσεων, и для того, кто ее имѣетъ, и для того, кто ей пріобщается: стремленіе души въ высь, отъ созерцанія дольней красоты къ воспоминанію о созерцаніи красоты горной, красоты небеснаго отечества, страстное влеченіе къ истинѣ, какъ къ красотѣ,—φιλοσοφία, эта μεγίστη μουσική (Phaedr. 249 D sq. 259 D. Conv. 208 E sqq. Phaed. 60 E sq. Leg. 517 B). Такъ μανία сближаетъ ораторовъ и съ поэтами, и съ философами.—Посѣщающее оратора безуміе можетъ предполагать въ немъ доступную воспріятію безумія природу (ср. Apol. 22 C. Leg. 682 A. 642 D. 875 C. 951 B); во всякомъ случаѣ, безуміе-ли, доступная-ли воспріятію безумія природа сообщаются лишь какъ θεία μοῖρα, являясь, т. о., дѣломъ Τύχης—судьбы, счастливаго случая (ср. Leg. 709 A sq. 757 E: θεὸς καὶ ἀγαθὴ τύχη. 798 B: θεία εὐτυχία. Resp. 492 A: ἐὰν μή τις βοηθήσας θεῶν τύχῃ.)—Свидѣтельства о дальнѣйшей исторіи ученія объ amabilis insania въ примѣненіи къ краснорѣчію—у *Gutermann*, Diatribe de enthusiasmo veterum sophistarum atque oratorum (1720).

ровки и умѣнья, дѣломъ искусства[1]). Ни одно искусство не охватываетъ жизнь людскую такъ широко и такъ властно, какъ искусство слова[2]); зато тѣмъ больше доля вреда, какую, какъ и всѣ искусства[3]), несетъ въ себѣ искусство слова. Его господство въ этомъ мірѣ, конечно, было бы законно, еслибъ предоставленный себѣ ораторъ могъ такъ же вѣщать истину, какъ ее вѣщаетъ ораторъ охваченный божественнымъ «безуміемъ». Но доступное богамъ обладаніе истиной не доступно людямъ,—имъ дано только вѣчно стремиться къ этому обладанію, съ тѣмъ, чтобы никогда его не достигнуть[4]). Люди могутъ только искать истину и потому могутъ только помогать другъ другу въ этомъ исканіи; но они не могутъ найдти истину и потому не могутъ дѣлиться ею одни съ другими. Поэтому-то мудрость можетъ выражать себя развѣ въ бесѣдахъ, какія более мудрый ведетъ съ менѣе мудрыми, но никакъ не въ «длинныхъ рѣчахъ» одного,

---

[1]) О противопоставленіи τύχη—τέχνη или φύσις—τέχνη у Платона и вообще въ греческой литературѣ ср. *Gomperz*, D. Apologie d. Heilkunst, 101. 118 ff., также *Espinas*, Les origines de la Technologie, 77 ss.—Leg. 889 A sqq.: τὰ μὲν μέγιστα καὶ κάλλιστα ἀπεργάζεσθαι φύσιν καὶ τύχην, τὰ δὲ σμικρότερα τέχνην, ἣν δὴ παρὰ φύσεως λαμβάνουσαν τὴν τῶν μεγάλων καὶ πρώτων γένεσιν ἔργων πλάττειν καὶ τεκταίνεσθαι πάντα τὰ σμικρότερα, ἃ δὴ τεχνικὰ πάντες προσαγορεύομεν.... τέχνην δὲ ὕστερον ἐκ τούτων ὑστέραν γενομένην αὐτὴν θνητὴν ἐκ θνητῶν, ὕστερα γεγεννηκέναι παιδιάς τινας ἀληθείας οὐ σφόδρα μετέχουσας, ἀλλὰ εἴδωλ' ἄττα ξυγγενῆ ἑαυτῶν, οἷ' ἡ γραφικὴ γεννᾷ καὶ μουσικὴ καὶ ὅσαι ταύταις εἰσὶ συνέριθοι τέχναι. Въ „Горгіи“ 448 C приводятся слова Пола: πολλαὶ τέχναι ἐν ἀνθρώποις εἰσὶν ἐκ τῶν ἐμπειριῶν ἐμπείρως εὑρημέναι· ἐμπειρία μὲν γὰρ ποιεῖ τὸν αἰῶνα ἡμῶν πορεύεσθαι κατὰ τέχνην, ἀπειρία δε κατὰ τύχην; какъ ἡ καλλίστη τῶν τεχνῶν представляется Полу риторика.—Платонъ отказывался признавать современную ему риторику за τέχνη, а лишь за ἐμπειρία, или за ἄτεχνος τριβή (Gorg. 462 B sqq. Phaedr. 260 E, ср. 262 C: λόγων τέχνην... γελοίαν τινα καὶ ἄτεχνον)—поскольку понятіе τέχνη онъ склоненъ былъ отожествлять съ понятіемъ науки (ср. Phileb. 55 E, и *Natorp*, Platos Ideenlehre, 45 f.). Отсюда—игравшій потомъ (со II в. до Р. X.) такую видную роль въ полемикѣ философіи съ риторикой (ср. Sudhaus, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. XIV sqq. *Norden*, A. K. I 8 f.) „академическій“ вопросъ: εἰ τέχνη πάντως ἡ ῥητορική.

[2]) Ср. особенно заявленія Горгія о δύναμις риторики, которая ἁπάσας τὰς δυνάμεις συλλαβοῦσα ὑφ' αὑτῇ ἔχει (Gorg. 451 D sqq.),—πάντα γὰρ ὑφ' αὑτῇ δοῦλα δι' ἑκόντων ἀλλ' οὐ διὰ βίας ποιεῖται (Phileb. 58 A sqq.)—Для болѣе поздняго времени, кромѣ, конечно,—начитанныхъ въ греческой литературѣ—Цицерона (цитаты см. у *F. W. Müller*, Ueb. d. Beredsamkeit, 5 ff.) и Квинтиліана (ср. I 12, 18: illa regina rerum oratio), ср. Philod. Suppl. 19 sqq. I 224. Aristid. XLV 54 J. Lib. ep. 248. 372.

[3]) Ср. Phaedr. 274 E.

[4]) Ср. Phaedr. 278 D. Conv. 203 E sqq. Parm. 134 C. Tim. 51 E. Leg. 897 D.—Отсюда, какъ извѣстно, терминъ φιλόσοφος, вмѣсто σοφός; о той обстановкѣ, въ какой онъ появляется, ср. разъясненія у *v. Arnim*, Dio v. Pr., 65 ff., и сопоставленія (но не разъясненія) у *Joël*, D. echte u. xenoph. Sokr., II 630 ff.

предполагающихъ, что тотъ, кто произноситъ рѣчь, мудръ до конца, предполагающихъ, что мудрость можетъ быть перелита изъ одной души въ другую, какъ жидкость изъ одного сосуда въ другой[1]). Такъ истина не можетъ быть доступна краснорѣчію, поскольку имъ распоряжаются не боги, а люди,—а между тѣмъ самымъ существованіемъ своимъ оно предполагаетъ, что истина ему доступна; поэтому оно обречено на то, чтобъ представлять собою не истину, а призракъ истины, не правду, а подобіе лишь правды[2]). И если ему по существу чужда забота о настоящей истинѣ, а слѣдовательно и забота о томъ, чтобы та призрачная истина, какую оно собою представляетъ, была какъ можно ближе къ настоящей[3]), то вся его забота направляется на то, чтобъ призрачная истина, какую оно собою представляетъ, могла быть принята, была-бы принята за настоящую[4]). Его задача и сводится поэтому къ умѣнью

---

[1]) Ср., напр., Phaedr. 248 A sqq. 276 A sqq. Theaet. 149 A sqq. 210 B sq. Conv. 175 D sq. Resp. 435 A. 475 A sqq. 518 B sqq. 531 C sqq. Prot. 329 A. 334 C sqq. Meno 79 E sqq. Gorg. 448 D sqq. 461 C sqq., также ep. VII, 341 C sqq.—На этой почвѣ вырисовывается и опредѣляется у Платона и діалектика, противопоставляемая, какъ истинная περὶ τοὺς λόγους τέχνη, риторикѣ, какъ мнимой λόγων τέχνη (тексты, сюда относящіеся, указаны у *Natorp*, Platos Ideenlehre, 442 f.; ср. *Hermes* XXXV, 403 ff.).

[2]) Т. е. не настоящую, сущую (объективную), а кажущуюся (субъективную) истину, видимость истины, ея образъ, отображеніе, или воспроизведеніе, заключающее въ себѣ и долю истины, и долю сознательной или нѣтъ лжи, намѣреннаго или нѣтъ обмана,—τὰ εἰκότα, εἰκασθέντα, εἰκόνες, εἴδωλα, σκιαί, τὰ φαινόμενα, φανταζόμενα, φαντάσματα, μιμήματα, ὁμοιώματα, παραδείγματα, δόξαντα, δοξάσματα (ср. εἰκασίαι, φαντασίαι, δόξαι). Ср. Resp. 584 A: οὐκ ἔστιν ἀλλὰ φαίνεται, οὐδὲν ὑγιὲς τούτων τῶν φαντασμάτων, γοητεία τις. Theaet. 166 C: τὸ φαινόμενον μόνῳ ἐκείνῳ γίγνοιτο, ᾧπερ φαίνεται. 150 C: εἴδωλον καὶ ψεῦδος. —Phaedr. 272 D sqq.: τὸ παράπαν γὰρ οὐδὲν... ἀληθείας μέλειν οὐδενί, ἀλλὰ τοῦ πιθανοῦ· τοῦτο δ' εἶναι τὸ εἰκός, ᾧ δεῖν προσέχειν τὸν μέλλοντα τέχνῃ ἐρεῖν... καὶ πάντως λέγοντα τὸ δὴ εἰκὸς διωκτέον εἶναι, πολλὰ εἰπόντα χαίρειν τῷ ἀληθεῖ· τοῦτο γὰρ διὰ παντὸς τοῦ λόγου γιγνόμενον τὴν ἅπασαν τέχνην πορίζειν. Ср. Soph. 232 B sqq.,—гдѣ софистика опредѣляется, какъ παιδιά, какъ εἰδωλοποιική, или εἰδωλουργική, т. е. εἰκαστική, или μιμητική, и φανταστική τέχνη, а софистъ, имѣющій δοξαστικήν τινα περὶ πάντων ἐπιστήμην, ἀλλ' οὐκ ἀλήθειαν,—какъ τῶν γοήτων, или θαυματοποιῶν, или τῶν τῆς παιδιᾶς μετεχόντων τις εἷς, какъ μιμητής (τῶν ὄντων или τοῦ σοφοῦ).—Представляя собою только видимую, кажущуюся, мнимую истину, краснорѣчіе сближалось тѣмъ съ поэзіей, къ которой, какъ извѣстно, Платонъ также относился отрицательно, по крайней мѣрѣ въ теоріи (ср. *Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 12 ff. 216 ff.).—Изъ Филодема видно, какую роль играла эта „εἰκοτολογία" риторики въ дальнѣйшей борьбѣ съ нею философіи (ср., напр., I 22. 80. 246. II 90 sq. S.); ср. также Sext. Emp. adv. rh. 10 sqq. Quint. II 17.

[3]) Ср. Gorg. 487 C: μὴ προθυμεῖσθαι εἰς τὴν ἀκρίβειαν φιλοσοφεῖν... Ср. также Euthyd. 293 B sqq. и Διαλέξεις, 586, 33 sq. Diels.

[4]) Ср. Phaedr. 272 E: οὐδὲ γὰρ αὖ τὰ πραχθέντα δεῖν λέγειν ἐνίοτε, ἐὰν μὴ εἰκότως

порождать любое убѣжденіе, внушать любое мнѣніе[1]). Такъ, если овладѣвающее ораторомъ «безуміе» сливаетъ неразрывно и мысль, и слово, и содержаніе, и форму[2]), то краснорѣчіе, поскольку имъ хотятъ распоряжаться сами люди, разъединяетъ ихъ—и подчиняетъ мысль слову, формѣ содержаніе[3]); но тѣмъ самымъ оно конечно открываетъ и возможность прямыхъ уже злоупотребленій словомъ: вѣдь мнѣніе, въ которомъ убѣждаетъ ораторъ, можетъ быть близкимъ, но можетъ быть и далекимъ отъ истины, самъ ораторъ можетъ даже вовсе не раздѣлять его; но чѣмъ меньше самъ онъ вѣритъ тому, въ чемъ убѣждаетъ другихъ,—тѣмъ труднѣе только его задача, и стало-быть тѣмъ выше только его заслуга, тѣмъ ярче только обнаруживается сила его искусства[4]).

ἢ πεπραγμένα, ἀλλὰ τὰ εἰκότα. Gorg. 459 B sqq.: ὁ οὐκ εἰδὼς τοῦ εἰδότος ἐν οὐκ εἰδόσι πιθανώτερος ἔσται... αὐτὰ μὲν τὰ πράγματα οὐδὲν δεῖ αὐτὴν (sc. τὴν ῥητορικήν) εἰδέναι ὅπως ἔχει, μηχανὴν δέ τινα πειθοῦς εὑρηκέναι, ὥστε φαίνεσθαι τοῖς οὐκ εἰδόσι μᾶλλον εἰδέναι τῶν εἰδότων. Phaed. 91 A. 101 E.

[1]) Ср. Gorg. 452 E sqq.: πειθοῦς (πιστευτικῆς, ἀλλ' οὐ διδασκαλικῆς) δημιουργός ἐστιν ἡ ῥητορική, καὶ ἡ πραγματεία αὐτῆς ἅπασα καὶ τὸ κεφάλαιον εἰς τοῦτο τελευτᾷ (Ср. Phaedr. 261 A sqq.: ἡ ῥητορικὴ τέχνη ψυχαγωγία τις διὰ λόγων. Phil. 58 A: ἡ τοῦ πείθειν. Soph. 222 C: πιθανουργική). Смыслъ этого опредѣленія риторики лучше всего разъясняется въ ироническомъ отзывѣ Платона о Тисіи и Горгіи, которые πρὸ τῶν ἀληθῶν τὰ εἰκότα εἶδον ὡς τιμητέα μᾶλλον, τά τε αὖ σμικρὰ μεγάλα καὶ τὰ μεγάλα σμικρὰ φαίνεσθαι ποιοῦσι διὰ ῥώμην λόγου (Phaedr. 267 A; ср. 262 C: ὁ τὴν ἀλήθειαν μὴ εἰδώς, δόξας δε τεθηρευκώς). Ср. Theaet. 201 B sq.; Polit. 304 C (τὸ πειστικὸν πλήθους τε καὶ ὄχλου διὰ μυθολογίας ἀλλὰ μὴ διὰ διδαχήν).—Аристотель, rhet. 1355 b, опредѣлялъ риторику, какъ δύναμις περὶ ἕκαστον τοῦ θεωρῆσαι τὸ ἐνδεχόμενον πιθανόν,—отчего ей и свойственны не συλλογισμός и ἐπαγωγή, а ἐνθύμημα и παράδειγμα (ср. Philod. I 246 S.). Πειθώ занимала самое видное мѣсто и въ послѣдующихъ опредѣленіяхъ риторики (ср. *Volkmann*, Rhetorik[2], 1 ff., также *Tiele*, Hermagoras, 22 ff.).

[2]) Ср. Phaedr. 238 D sqq. 262 D. Io 534 A.—Къ вѣщанію (ср. μεμαντευμένοι λόγοι, Phil. 67 B) „вдохновенныхъ" ораторовъ подошли бы, вѣроятно, съ точки зрѣнія Платона, слова Гераклита (fr. 93 D.) о „владыкѣ, коему принадлежитъ оракулъ что въ Дельфахъ": οὔτε λέγει οὔτε κρύπτει ἀλλὰ σημαίνει.

[3]) Ср. Gorg. 450 B sq. 457 C sqq. Phaedr. 267 A sqq. 273 D sq.—Къ платонову Горгію (ср. *Diels*, D. Fragm. d. Vorsokratiker, 527), учившему, что риторика есть искусство лишь περὶ τοὺς λόγους, которое не можетъ быть виновато въ томъ, что имъ пользуются и не ὀρθῶς, а не къ платонову Сократу, учившему: τὸν ῥητορικὸν ἀδύνατον εἶναι ἀδίκως χρῆσθαι τῇ ῥητορικῇ (Gorg. 461 A), примыкаетъ и Аристотель, rhet. 1355 b. Вообще, разумѣется, вопросъ о значеніи для краснорѣчія только формальныхъ, или и идеально-реальныхъ (въ томъ числѣ и этическихъ) моментовъ, со временъ Сократа-Платона (ср., напр., сылку въ „Фэдрѣ", 260 E, на Лакона, утверждавшаго, что не можетъ существовать τοῦ λέγειν ἔτυμος τέχνη ἄνευ τοῦ ἀληθείας ἧφθαι, или Διαλέξεις, особ. p. 586, 38 sqq. D., также Eurip. Hec. 814 sqq.), постоянно дебатировался въ полемикѣ между философіей и риторикой (ср., напр., Philod. II 142 sqq. 270 sq.)

[4]) Ср. Gorg. 449 B sqq. 459 A sqq. 484 C sqq. 502 C sqq. Phaedr. 259 E sqq.

Въ томъ, что для краснорѣчія, поскольку имъ распоряжались люди,

---

267 A sqq. Meno 80 B. Phileb. 55 D sqq. Theaet. 166 C sqq. Euth. 305 B sqq. Menex. 235 A sqq. Resp. 499 A: οὐδέ γε αὖ λόγων καλῶν τε καὶ ἐλευθέρων ἱκανῶς ἐπήκοοι γεγόνασιν, οἵων ζητεῖν μὲν τὸ ἀληθὲς ξυντεταμένως ἐκ παντὸς τρόπου τοῦ γνῶναι χάριν, τὰ δὲ κομψά τε καὶ ἐριστικὰ καὶ μηδαμόσε ἄλλοσε τείνοντα ἢ πρὸς δόξαν καὶ ἔριν καὶ ἐν δίκαις καὶ ἐν ἰδίαις συνουσίαις πόρρωθεν ἀσπαζομένων.—Ср. похвалу λόγος'у (ὁ πείσας καὶ τὴν ψυχὴν ἀπατήσας) въ горгіевой „Еленѣ", особ. § 8 sqq. (объ этой рѣчи и въ частности объ отношеніи горгіева Λόγος'а къ гераклитову—ср. Tiele, *Hermes*, XXXVI, 233 ff.; мимоходомъ замѣтимъ, что слова Горгія: λόγος δυνάστης μέγας ἐστίν, ὃς σμικροτάτῳ σώματι καὶ ἀφανεστάτῳ θειότατα ἔργα ἀποτελεῖ etc. восходятъ, быть можетъ, къ Odyss. VIII 167 sqq.: ἄλλος μὲν γάρ τ' εἶδος ἀκιδνότερος πέλει ἀνήρ, ἀλλὰ θεὸς μορφὴν ἔπεσι στέφει, οἱ δέ τ' ἐς αὐτὸν τερπόμενοι λεύσσουσιν· ὁ δ' ἀσφαλέως ἀγορεύει αἰδοῖ μειλιχίῃ, μετὰ δὲ πρέπει ἀγρομένοισιν, ἐρχόμενον δ' ἀνὰ ἄστυ θεὸν ὣς εἰσορόωσιν).—Οἱ λόγοι—говорилъ и Исократъ—τοιαύτην ἔχουσι τὴν φύσιν, ὥσθ' οἷόν τ' εἶναι περὶ τῶν αὐτῶν πολλαχῶς ἐξηγήσασθαι καὶ τά τε μεγάλα ταπεινὰ ποιῆσαι καὶ τοῖς μικροῖς μέγεθος περιθεῖναι καὶ τά τε παλαιὰ καινῶς διελθεῖν καὶ περὶ τῶν νεωστὶ γεγενημένων ἀρχαίως εἰπεῖν (IV 8, ср. XV 257, и вообще—*Scheel*, De Gorgianae disciplinae vestigiis, 1890).—Въ связи съ тѣмъ стояла и „антилогика", а также еристика софистовъ (ср. Soph. 232 B sqq.); еще о Протагорѣ и о Горгіи разсказывали, что они учили своихъ учениковъ τὸν αὐτὸν καὶ ψέγειν καὶ ἐπαινεῖν (ср. о Протагорѣ—*Diels*, Fragm. d. Vorsokr. 516 ff., о Горгіи—Cic. Brut. 47); о Θрасимахѣ говорится въ „Фэдрѣ" 267 C sq.: ὀργίσαι τε αὖ πολλοὺς ἅμα δεινὸς ἀνὴρ γέγονε, καὶ πάλιν ὠργισμένοις ἐπᾴδων κηλεῖν. διαβάλλειν τε καὶ ἀπολύσασθαι διαβολὰς ὁθενδὴ κράτιστος. Отсюда, конечно, и παράδοξοι или ἄδοξοι ὑποθέσεις похвальныхъ словъ (ср. выше, стр. 66 сл., прим., также Philod. I 216 sq.—о „риторическихъ софистахъ восхваляющихъ Бусиридовъ и Полифемовъ"; ср. παράδοξα и ἄδοξα σχήματα Гермагора, *Tiele*, Hermag., 114 ff.); если [Менандръ], 98 B., совѣтуетъ потомъ оратору, восхваляющему царя (императора), не задумываться предъ возможностью καὶ πλάσαι (καὶ ποιεῖν τοῦτο πιθανῶς),—то и Платонъ еще иронизируетъ (Conv. 198 D sq.), что за τὸ καλῶς ἐπαινεῖν считается τὸ ὡς μέγιστα ἀνατιθέναι τῷ πράγματι καὶ ὡς κάλλιστα, ἐάν τε ᾖ οὕτως ἔχοντα ἐάν τε μή· εἰ δὲ ψευδῆ, οὐδὲν ἄρ' ἦν πρᾶγμα (ср. Menex. 234 C sq.); то же считаетъ правиломъ для энкоміевъ и Исократъ (XIII 4. IX 48. XII 123), также [Анаксименъ], rhet. 3 (ср. Wendland, *Hermes*, XXV 174 ff.).—Аристотель, rhet. 1402 a, различаетъ между εἰκότα риторики или еристики два вида: τὸ εἰκός (ἁπλῶς) и τὶ εἰκός, εἰκός въ смыслѣ ψεῦδος, καὶ οὐκ ἀληθὲς ἀλλὰ φαινόμενον εἰκός; потомъ противники риторики называли ея θεωρήματα вообще—ψευδῆ (Philod. Suppl. 12; ср. Sext. adv. rh. 10. Quint. II 17, 18. 27); но нужно конечно имѣть въ виду, что еллины, какъ народъ художественный, не предъявляли вообще слишкомъ строгихъ и опредѣленныхъ требованій къ правдѣ-истинѣ,—какъ это показываетъ исторія понятій: ψεῦδος (ср. *Schmidt*, Ethik d. Gr. II 411 f.; ψεύδεα Музъ, Hes. theog. 27), ἀπάτη (ср. 'Απάτη какъ собств. имя), также μῦθος, πλάσμα и т. п.—О перевѣсѣ „искусства" надъ „мудростью"—о подчиненіи мысли слову и о злоупотребленіяхъ словомъ—въ позднѣйшей греческой риторикѣ (особенно, конечно, школьной) ср. *Rohde*, Gr. R.[2] 316 ff. 331 ff. 343 ff., также *Peter*, Gesch. Litt. üb d. r. Kaiserz. I 5 ff. 180 ff.—Въ ексцерптахъ ἐκ τῶν Λογγίνου (Spengel, *Rhet. Gr.*, I 328) τὰ μὲν σμικρὰ μεγάλως λέγειν, τὰ δὲ μεγάλα σμικρῶς прямо объявляется за ῥητορικῆς ἔργον.—Относительно разрыва между ὀνόματα собственно и πράγματα или νοήματα и перевѣса первыхъ надъ послѣдними ср. Gorg. 489 E sq. Menex. 235 A. Theaet. 199 A. Resp. 454 A. Leg 964 A, также [Xenoph.] Cyn. 13, 6. Arist. soph. el. 161 a, 8.

не только могла не быть, но даже не могла быть всего дороже истина, и заключалась присущая ему опасность. Какъ призрачной была та истина, какую оно собою представляло, такъ призрачными были и добро и красота, къ какимъ оно стремилось[1]). Оно жило не сущимъ, а видимымъ, не единымъ, а многимъ, не вѣчнымъ, а временнымъ, не тѣмъ, что есть,--тѣмъ, что бываетъ[2]). Оно имѣло дѣло съ человѣкомъ не какъ разумнымъ только существомъ, а съ человѣкомъ какъ частью чувственнаго міра[3]). Оно могло конечно служить не только низшимъ, но и высшимъ стремленіямъ и свойствамъ человѣческой природы, но не могло служить однимъ лишь этимъ высшимъ стремленіямъ и свойствамъ. Ораторъ говорилъ предъ «многими», передъ толпой, и къ этимъ «многимъ» онъ долженъ былъ приспособляться, даже если онъ хотѣлъ возвысить ихъ надъ ними самими, тѣмъ болѣе, конечно, если онъ хотѣлъ себя возвысить надъ ними. Естественно, что мудрость оратора могла сводиться больше всего къ умѣнью поддѣлываться подъ толпу, подлаживаться къ этому животному,—изучивъ его причуды и норовъ, зная, какъ подойдти къ нему, какъ дотронуться до него, зная, какіе звуки дѣлаютъ его свирѣпымъ, какіе—кроткимъ,—при чемъ оратору, конечно, приходилось отожествляться такъ или иначе съ толпой и въ мысляхъ,—называть добромъ то, что ей нравилось, и зломъ—то, что ее сердило[4]). Такъ искусство слова становилось искусствомъ лести, искус-

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду платоновы категоріи: ἀλήθεια (или δίκαιον), ἀγαθόν, καλόν. Тексты Платона, сюда относящіеся, указаны въ указателѣ, приложенномъ къ труду *Natorp*, Platos Ideenlehre, п. сл. Gute, das, Schöne, das, Wahrheit. Данныя Наторпомъ разъясненія этихъ текстовъ должны быть пополнены съ точекъ зрѣнія, намѣченныхъ у *Rohde*, Psyche II² 263 ff. (ср. также *Windelband*, Platon, 1900).

[2]) τὸ (ὄντως) ὄν, μὴ ὄν, φαινόμενον (εἰκασθέν), νοητόν (νοούμενον), αἰσθητόν (δοξαστόν), ἕν, (ὅλον), πολλά, ἀεὶ ὄν (ἀίδιον), μόνιμον, γιγνόμενον, πέρας, ἄπειρον... Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Sein, Nichtsein, Erscheinung, Urbild u. Abbild, Intelligibiles, Sinnlichkeit u. Sinnenwelt, Einheit u. Vielheit, Ganzes, Ewiges, Werden, Beharrung u. Veränderung, Bewegung, An sich, Relation, Apeiron, Peras, Idee, Eidos.

[3]) Ср. указатель въ книгѣ Наторпа п. сл.: Psyche, Körper, Verstand, Vernunft, Erfahrung, Erkenntnis, Doxa, Sinnlichkeit, Lust u. Unlust, Ethik. Ср. *Rohde*, l. l.

[4]) Resp. 492 A sqq.: конечно, софисты развращаютъ молодежь; но самые опасные софисты, развращающіе и молодыхъ, и старыхъ, и мужчинъ, и женщинъ,—не эти единичные софисты, а толпа (οἱ πολλοί); одинъ тотъ дикій крикъ и шумъ (καὶ ἐκβοῶντες καὶ κροτοῦντες, ср. Leg. 700 C: ἄμουσοι βοαὶ πλήθους καὶ κρότοι), съ какимъ толпа, собравшаяся на вѣче, на судилище, на зрѣлище (εἰς θέατρα), или на иное какое сборище, выражаетъ негодованіе или восторгъ,—а этому крику и шуму вторятъ окрестъ скалы,—одна эта бурная волна порицаній или похвалъ—кого она не размоетъ и не унесетъ съ собой? Кто осмѣлится не раздѣлять съ толпой ея и представленій,

ствомъ лжи[1]), или сближалось съ искусствомъ заклинаній—заговаривало только оно не змѣй и скорпіоновъ и не болѣзни, а людей, толпу, особенно, конечно, толпу, собравшуюся въ судъ или на вѣче[2]). Не какъ

и стремленій, не быть такимъ же, какъ она? Къ тому же въ ея рукахъ и власть—карать ей не угодныхъ. Кто же, какой безумецъ пошелъ бы противъ толпы, да и къ чему бы повели его рѣчи? Поистинѣ, если чье ἦθος сохранится въ такой средѣ, выйдетъ такимъ, какимъ оно должно быть,—то можно сказать—это не ἀνθρώπειον, а θεῖον ἦθος, и соблюла его лишь θεοῦ μοῖρα... Такъ, наемники-софисты только соперничаютъ съ толпой въ искусствѣ (ἀντίτεχνοι), когда учатъ, подъ именемъ мудрости, лишь мнѣніямъ (δόγματα) толпы,—какъ если бы кто, изучивъ (ξυνουσίᾳ τε καὶ χρόνου τριβῇ), какъ обращаться съ громаднымъ, откормленнымъ звѣремъ,—изучивъ, что его раздражаетъ, что его успокоиваетъ,—и приведя изученное въ нѣкоторую систему (ὡς τέχνην συστησάμενος), сталъ бы эту свою мнимую τέχνην выдавать за мудрость и поучать ей другихъ,—не зная, каковы въ сущности (τῇ ἀληθείᾳ) тѣ δόγματά τε καὶ ἐπιθυμίαι, не разбираясь вовсе въ понятіяхъ: прекрасное, дурное, благо, зло, правда, неправда, а просто принимая ихъ такими, какъ ихъ принимаетъ толпа, называя благомъ то, что радуетъ, и зломъ—что гнѣваетъ ее, или называя справедливымъ, прекраснымъ, считая благомъ то, что существуетъ только какъ неизбѣжное или необходимое (τἀναγκαῖα—sufficiens?). И чѣмъ отличается отъ такого софиста тотъ, кто полагаетъ мудрость въ знаніи того, что вызываетъ удовольствіе или неудовольствіе пестрой толпы—въ живописи-ли, въ музыкѣ, или въ политикѣ?... Ср. Gorg. 500 C sqq., гдѣ, м. пр., ораторы—поскольку они заботятся только объ угожденіи, о доставленіи удовольствія народу (ὥσπερ παισὶ προσομιλοῦσι τοῖς δήμοις, χαρίζεσθαι αὐτοῖς πειρώμενοι μόνον),—сближаются съ музыкантами и поэтами; въ частности, политическій дѣятель и ораторъ въ Аѳинахъ, если онъ желаетъ, опираясь на расположеніе народа, имѣть силу и значеніе въ государствѣ, долженъ быть самъ ὡς ὁμοιότατος τῷ δήμῳ (513 A sqq.).—Ср. Arist. rhet. 1395 b: πιθανωτέρους (и вмѣстѣ—μουσικωτέρους) εἶναι τοὺς ἀπαιδεύτους τῶν πεπαιδευμένων ἐν τοῖς ὄχλοις· οἱ μὲν γὰρ τὰ κοινὰ καὶ καθόλου λέγουσιν, οἱ δ' ἐξ ὧν ἴσασι, καὶ τὰ ἐγγύς.—О τὰ ὄχλοις ἀρέσκοντα, какъ и объ ὀχλικὴ θύελλα, говорится и у Филодема, I 46. 184. 343. 363. II 154 S.—О зависимости оратора отъ толпы, или публики въ болѣе позднее время—ср. *Rohde*, Gr. R². 315 ff, также *Hatch*, Griech. u. Christ., 66 ff.

[1]) Gorg. 462 D sqq.: ἡ καλουμένη ῥητορικὴ (448 E)—не τέχνη, а ἐμπειρία, и именно χάριτός τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασίας (462 C),—есть, наряду съ софистикой, лишь μόριον той ἐπιτηδεύσεως, τὸ κεφάλαιον коей—κολακεία (другими двумя μόρια этой ἐπιτηδεύσεως, имѣющими цѣлью уже не душу, а тѣло, являются ἡ ὀψοποιϊκή и ἡ κομμωτική). Ср. 501 C sqq. (κολακεία ἂν εἴη καὶ αἰσχρὰ δημηγορία). 517 A. 522 D (ἡ κολακική—не ἀληθινὴ—ῥητορική). 527 C.—Ср. Philod. II 183.—Таковъ, вѣроятно, и смыслъ сближенія риторики съ „параситикой" (ср. Sudhaus, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. IX. XXIII sqq.) въ сатирѣ-пародіи Лукіана περὶ παρασίτου, ὅτι τέχνη ἡ παρασιτική.

[2]) Euthyd. 289 E sq.: οἱ λογοποιοί могутъ казаться ὑπέρσοφοι, и τέχνη ихъ θεσπεσία τις καὶ ὑψηλή. И не удивительно: вѣдь эта τέχνη—часть τῶν ἐπῳδῶν τέχνης, мало чѣмъ уступающая послѣдней: одна (τέχνη) есть κήλησις змѣй, скорпіоновъ и разныхъ другихъ θηρίων, а также болѣзней, другая—κήλησίς τε καὶ παραμυθία дикастовъ, екклесіастовъ и прочихъ ὄχλων. Ср. Gorg. Hel. 10: αἱ γὰρ ἔνθεοι διὰ λόγων ἐπῳδαὶ ἐπαγωγοὶ ἡδονῆς ἀπαγωγοὶ λύπης γίνονται. συγγιγνομένη γὰρ τῇ δόξῃ τῆς ψυχῆς ἡ δύναμις τῆς ἐπῳδῆς ἔθελξε

чужой, какъ свой, и не какъ человѣкъ среди животныхъ или какъ врачъ среди больныхъ[1]), а какъ слуга, готовый угождать страстямъ своихъ господъ[2]), являлся среди толпы ораторъ, чтобъ подчинять ее себѣ, чтобъ властвовать надъ нею — на почвѣ тѣхъ-же желаній не души, а тѣла, или души приросшей къ тѣлу[3]). Конечно, властолюбіе или тще-

---

καὶ ἔπεισε καὶ μετέστησεν αὐτὴν γοητείᾳ (ib. 14: τῶν λόγων... οἱ δὲ πειθοῖ τινι κακῇ τὴν ψυχὴν ἐφαρμάκευσαν καὶ ἐξεγοήτευσαν, ср. Meno 80 A: γοητεύεις με καὶ φαρμάττεις καὶ ἀτεχνῶς κατεπᾴδεις). Вообще ораторъ-софистъ у Платона часто сближается если не съ ἐπῳδός (ср. Phaedr. 267 C—о Θрасимахѣ), то съ γόης, φαρμακεύς (Conv. 203 D. Soph. 234 C sqq. Polit. 291 C. 303 C. Leg. 908 D. Menex. 235 A); о томъ, какъ вообще смотрѣлъ Платонъ на ἐπῳδαί и ἐπαγωγαί, на γοητεύειν и φαρμάττειν,—ср. Leg. 908 D sqq. 932 E sqq. У Исократа, когда онъ говоритъ о своихъ соперникахъ, ἐπῳδάς и т. п. замѣняютъ собою (какъ Soph. 235 B) θαυματοποιίαι (X 7. XV 269; ср. X 4: τερθρεία). Въ риторикѣ Аристотеля, 1408 b, слушатель уже κλέπτεται (ср. top. 126 a, 31).—Γοητεία ораторовъ выражалась преимущественно конечно во внѣшней сторонѣ рѣчи (ср. Menex. 235 A: κάλλιστά πως τοῖς ὀνόμασι ποικίλλοντες, γοητεύουσιν ἡμῶν τὰς ψυχάς. Soph. 234 C: διὰ τῶν ὤτων τοῖς λόγοις γοητεύειν; также Philod. II 94).

[1]) Theaet. 172 C sqq., гдѣ, въ противоположность оратору, чуждымъ толпѣ съ ея обычными интересами и потому глупымъ, безумнымъ, смѣшнымъ въ ея глазахъ рисуется истинный философъ (ср. Apol. 32 A. Phaedr. 249 D. Soph. 216 D. Resp. 517 A). Resp. 496 D: ὥσπερ εἰς θηρία ἄνθρωπος ἐμπεσών. Gorg. 465 B sqq. 500 B sqq. 517 D sqq. и Phaedr. 270 B sqq., гдѣ развивается мысль, что истинный ораторъ долженъ быть (φρονεῖν καὶ λέγειν) тѣмъ же для души, чѣмъ для тѣла—врачъ.—Ср. Philod. II 269.

[2]) διάκονος καὶ ἐπιθυμιῶν παρασκευαστής, Gorg. 518 C. 521 A. Ср. Theaet. 172 E sqq. 175 D sq.

[3]) Phaed. 82 C sqq.: οἱ πολλοί (кромѣ философовъ, или φιλομαθεῖς) предаютъ себя τοῖς κατὰ τὸ σῶμα ἐπιθυμίαις, не обуздывая ихъ, не стремясь освободить изъ ихъ оковъ свою душу; поэтому они любостяжательны, честолюбивы, властолюбивы (какъ объ этой, такъ и о другихъ психологическихъ теоріяхъ—или картинахъ—Платона ср. *Rohde*, Psyche, II² 269 ff., также *Natorp*, Platos Ideenlehre, 462 f.).—О краснорѣчіи какъ о средствѣ для удовлетворенія πλεονεξίας, или φιλοχρηματίας ср. Apol. 19 E sqq. Prot. 311 B sqq. Meno 90 D sqq. Gog. 519 C sqq. Phaedr. 266 C. Soph. 222 D sqq. Hipp. maj. 281 B sqq.; о краснорѣчіи какъ о средствѣ для удовлетворенія φιλοτιμίας или φιλαρχίας—честолюбія, властолюбія, тщеславія,—т. е. стремленія къ тому, чтобы μέγιστον δύνασθαι ἐν τῇ πόλει, προεστάναι τῆς πόλεως, имѣть власть, подобную власти тиранна или царя, къ тому, чтобы распоряжаться судьями, или къ тому, чтобы слыть сверхмудрымъ, всемудрымъ, всезнающимъ, владѣющимъ мыслью и словомъ, или же просто къ тому, чтобы имѣть успѣхъ у слушателей, быть для нихъ интереснымъ и пріятнымъ—пока они слушаютъ, и, пожалуй, еще „дня на два, на три“,—ср. Gorg. 451 D sqq. Resp. 336 B sqq. 564 D. sqq. Meno 73 C sq. 95 C sqq. Phaedr. 257 C sqq. 272 D sqq. Phileb. 58 A sqq. Euthyd. 289 E sqq. 304 E sqq. Prot. 318 E sqq. Hipp. min. 363 C sqq. Hipp. maj 281 A sqq. Phaed. 91 A. 101 E. Soph. 232 B sqq. Menex. 234 C sqq. Такъ же рисуются ораторы и въ Воспоминаніяхъ Ксенофонта (напр. I 6, гдѣ, м. пр., они сравниваются съ πόρνοι; ср. *Joël*, Sokr., II 629 ff.), или въ комедіи, особенно Аристофана (также и у Эврипида), позднѣе, напр. у Эпиктета (diss. III 23).

славіе, любостяжаніе или корыстолюбіе влекли ораторовъ прежде всего туда, куда шли и другіе—не знавшіе, куда идутъ, слѣпые[1]),—куда шли «многіе»,—въ судъ и въ другія политическія собранія,—гдѣ такъ мельчали и кривились души въ вѣчной суетѣ, приличной рабамъ, а не свободнымъ[2]). Меньше извилистыми и кривыми[3]), но еще больше скользкими[4]) могли быть пути ораторовъ, когда они брались служить не политическимъ, а умственнымъ и эстетическимъ запросамъ или интересамъ тѣхъ же «многихъ», той же толпы. И здѣсь имъ приходилось заботиться не о томъ, что скажетъ свѣдущій, или что скажетъ сама

Діона Златоуста (or. 12. 32 sq. 35), Максима тирскаго, Лукіана (Ῥητόρων διδάσκαλος, Ψευδολογιστής). Ср. Philod. I 232. II 161 sqq. 281 sq.—Позже все больше, конечно, приходилось ораторамъ думать объ успѣхѣ или объ успѣхахъ уже не на почвѣ политическихъ (ср. Athen. 211 e sqq. Eunap. v. s., 68, о софистѣ Юліанѣ: ἐτυράννει γε τῶν Ἀθηνῶν), а на почвѣ умственныхъ или эстетическихъ интересовъ толпы (т. е. уже публики).

[1]) Phaed. 82 D: не доступные λύσει τε καὶ καθαρμῷ философіи, σώματι πράττοντες, имѣющіе душу σωματοειδῆ—считающую истиннымъ то, что таковымъ полагаетъ тѣло,—κατὰ ταὐτὰ πορεύονται τοῖς πολλοῖς, ὡς οὐκ εἰδόσιν ὅπῃ ἔρχονται. Ср. Phaedr. 270 D (τυφλοῦ πορεία). Soph. 254 A. Resp. 505 E sqq. 514 A sqq. 527 E.

[2]) Theaet. 172 C sqq.: οἱ ἐν δικαστηρίοις καὶ τοῖς τοιούτοις κυλινδούμενοι въ сравненіи съ οἱ ἐν φιλοσοφίᾳ καὶ τῇ τοιᾷδε διατριβῇ τεθραμμένοι—что οἰκέται въ сравненіи съ ἐλεύθεροι. Вѣчно приходится имъ говорить ἐν ἀσχολίᾳ, не ἐν εἰρήνῃ ἐπὶ σχολῆς; и клепсира, и противная сторона (ὁ ἀντίδικος), ссылающаяся на списокъ поставленныхъ (судомъ) вопросовъ, за предѣлы которыхъ выходить не полагается, не позволяютъ имъ περὶ οὗ ἂν ἐπιθυμήσωσι τοὺς λόγους ποιεῖσθαι. Да и рѣчи эти—вѣчно περὶ ὁμοδούλου, πρὸς δεσπότην καθήμενον, ἐν χειρὶ τὴν δίκην ἔχοντα, καὶ οἱ ἀγῶνες οὐδέποτε τὴν ἄλλως ἀλλ' ἀεὶ τὴν περὶ αὐτοῦ, а вопросъ не рѣдко идетъ о жизни или смерти. По всему этому они становятся ἔντονοι καὶ δριμεῖς, ἐπιστάμενοι τὸν δεσπότην λόγῳ τε θωπεῦσαι καὶ ἔργῳ χαρίσασθαι, σμικροὶ δὲ καὶ οὐκ ὀρθοὶ τὰς ψυχάς· τὴν γὰρ αὔξην καὶ τὸ εὐθύ τε καὶ τὸ ἐλεύθερον ἡ δουλεία ἀφῄρηται, ἀναγκάζουσα πράττειν σκολιά. Такъ πολλὰ κάμπτονται καὶ συγκλῶνται эти δεινοί τε καὶ σοφοί.... οὗτος δὴ ἑκατέρου τρόπος, ὁ μὲν τῷ ὄντι ἐν ἐλευθερίᾳ τε καὶ σχολῇ τεθραμμένου, ᾧ ἀνεμέσητον εὐήθει δοκεῖν καὶ οὐδενὶ εἶναι, ὅταν εἰς δουλικὰ ἐμπέσῃ διακονήματα, οἷον στρωματόδεσμον μὴ ἐπισταμένου συσκευάσασθαι μηδὲ ὄψον ἡδῦναι ἢ θῶπας λόγους· ὁ δ' αὖ τὰ μὲν τοιαῦτα πάντα δυναμένου τορῶς τε καὶ ὀξέως διακονεῖν, ἀναβάλλεσθαι δὲ οὐκ ἐπισταμένου ἐπιδέξια ἐλευθέρως οὐδέ γ' ἁρμονίαν λόγων λαβόντος ὀρθῶς ὑμνῆσαι θεῶν τε καὶ ἀνδρῶν εὐδαιμόνων βίον ἀληθῆ... Хотя здѣсь и имѣется въ виду ближайшимъ образомъ дикастерій, но отсюда прямая дорога ведетъ насъ ,конечно, и на агору и въ βουλευτήριον ἤ τι κοινὸν ἄλλο τῆς πόλεως συνέδριον (173 D,—ср. 172 A. 176 C. 201 A sq.; такъ, повидимому, понялъ эту характеристику и Исократъ, XII 27 sq., на котораго, въ свою очередь, намекаетъ Платонъ въ „Эвтидемѣ“, 305 B sqq.,—гдѣ рѣчь идетъ о μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ). Ср. Gorg. 469 B sqq. Resp. 492 D sqq. 588 B. sqq. Apol. 29 D sqq. Hipp. maj. 304 A sqq.

[3]) Theaet. 173 A. 176 D sqq .

[4]) Theaet. 175 D. Soph. 254 A.

истина, а о томъ, что скажетъ толпа[1]),—толпа, которая, по самой своей природѣ, неспособна мыслить отвлеченно, точно, стройно[2]); имъ приходилось думать поэтому не столько о наилучшемъ, сколько о пріят-

[1]) Crito 48 A: οὐκ ἄρα πάνυ ἡμῖν οὕτω φροντιστέον, τί ἐροῦσιν οἱ πολλοὶ ἡμᾶς, ἀλλ' ὅτι ὁ ἐπαΐων περὶ τῶν δικαίων καὶ ἀδίκων, ὁ εἷς καὶ αὐτὴ ἡ ἀλήθεια. Lach. 184 D sqq. Hipp. maj. 299 A sq. Cp. Apol. 23 A sqq. Gorg. 471 E sqq. Resp. 527 D sqq.

[2]) Resp. 494 A: αὐτὸ τὸ καλόν, ἀλλὰ μὴ τὰ πολλὰ καλά, ἢ αὐτό τι ἕκαστον καὶ μὴ τὰ πολλὰ ἕκαστα, ἔσθ' ὅπως πλῆθος ἀνέξεται ἢ ἡγήσεται εἶναι; Ἥκιστα γ', ἔφη. Φιλόσοφον μὲν ἄρα, ἦν δ' ἐγώ, πλῆθος ἀδύνατον εἶναι. Ἀδύνατον. Καὶ τοὺς φιλοσοφοῦντας ἄρα ἀνάγκη ψέγεσθαι ὑπ' αὐτῶν. Ἀνάγκη. Καὶ ὑπὸ τούτων δὴ τῶν ἰδιωτῶν, ὅσοι προσομιλοῦντες ὄχλῳ ἀρέσκειν αὐτῷ ἐπιθυμοῦσιν. Δῆλον. Cp. 489 C sqq. 527 D sq. Tim. 51 E.—Касается, конечно, краснорѣчія (и вмѣстѣ—μεγίστης μουσικῆς, т. е. философіи) и то, что говорится объ отношеніи толпы къ (δημώδης) μουσική въ „Законахъ", 700 A sqq.: было время, когда толпа не смѣла выкрикивать и выхлопывать свои приговоры надъ исполнявшимися передъ нею музыкальными произведеніями,—въ молчаніи, не перебивая, выслушивала она то, что преподносилось ей съ одобренія τῶν γεγονότων περὶ παίδευσιν; съ теченіемъ времени рушился порядокъ, и виновниками его разрушенія—τῆς ἀμούσου παρανομίας—были поэты, правда φύσει ποιητικοί, но ἀγνώμονες περὶ τὸ δίκαιον τῆς Μούσης καὶ τὸ νόμιμον, βακχεύοντες καὶ μᾶλλον τοῦ δέοντος κατεχόμενοι ὑφ' ἡδονῆς,- по неразумію клеветавшіе на μουσικὴ, будто ей совершенно чужда ὀρθότης, будто достоинство ея правильнѣе всего (ὀρθότατα) опредѣляется удовольствіемъ того, кто ею наслаждается, каковъ бы онъ ни былъ—εἴτε βελτίων εἴτε χείρων: такъ внушена была толпѣ παρανομία εἰς τὴν μουσικὴν καὶ τόλμα,—будто толпа способна тутъ быть судьею. Съ тѣхъ поръ и τὰ θέατρα ἐξ ἀφώνων сдѣлались φωνήεντα,—ὡς ἐπαΐοντα ἐν μούσαις τό τε καλὸν καὶ μή,—и вмѣсто ἀριστοκρατίας установилась здѣсь θεατροκρατία τις πονηρά; не было бы еще такъ печально, если бы то была только δημοκρατία τις ἐλευθέρων ἀνδρῶν,—нѣтъ, теперь ἦρξε μὲν ἡμῖν ἐκ μουσικῆς ἡ πάντων εἰς πάντα σοφίας δόξα καὶ παρανομία, ξυνεφέσπετο δὲ ἐλευθερία· ἄφοβοι γὰρ ἐγίγνοντο ὡς εἰδότες, ἡ δὲ ἄδεια ἀναισχυντίαν ἐνέτεκε... Этими мыслями (т. е. образами или выраженіями) платоновыхъ „Законовъ" (поучительно сравнить это мѣсто „Законовъ" съ Gorg Palam. 33 sq. гдѣ противопоставляются χρήσιμα—ἐν ὄχλῳ μὲν οὔσης τῆς κρίσεως и παρὰ δ' ὑμῖν τοῖς πρώτοις οὖσι τῶν Ἑλλήνων) пользуются, конечно, и Діонисій галикарнасскій (de rhet. ant. 1), и другіе писатели (ср. сопоставленія у *Norden* A. K., 355 ff.), рисующіе упадокъ, извращеніе краснорѣчія, въ частности его „асійскій характеръ" (особенно—ὕθλους μελῶν καὶ δημοτικὴν φλυαρίαν); также пригодилась потомъ, повидимому (ср. Luc. de paras. 27. Cic. de or. III 57), въ спорѣ философіи и риторики и ссылка Платона, Resp. 500 B, какъ на виновниковъ того, что οἱ πολλοὶ такъ χαλεπῶς располагаются къ философіи,—на мнимыхъ „философовъ",—τοὺς ἔξωθεν οὐ προσῆκον ἐπεισκεκωμακότας, λοιδορουμένους τε αὐτοῖς καὶ φιλαπεχθημόνως ἔχοντας καὶ ἀεὶ περὶ ἀνθρώπων τοὺς λόγους ποιουμένους, ἥκιστα φιλοσοφίᾳ πρέπον ποιοῦντας (ср. Isocr. XV 84. 268. X 1 sqq.).—Для послѣдующаго времени ср. Philod. II 3 sqq. (гдѣ возраженія направлены, м. пр., еще противъ Навсифана, ср. *Arnim*, Dio v. Pr., 49 f.), Epict. diss. III 23, особенно же плутархово περὶ τοῦ ἀκούειν.—Ср. также Apol. 24 E sqq. Crito 47 A sqq. Prot. 322 C sqq. Gorg. 455 B sqq.—Аристотель, pol. 1281 b, ограничиваетъ сужденіе Платона: διὸ καὶ κρίνουσιν ἄμεινον οἱ πολλοὶ καὶ τὰ τῆς μουσικῆς ἔργα καὶ τὰ τῶν ποιητῶν; но ср. rhet. 1395 b (со ссылкой на „поэтовъ",—Eur. Hipp. 989 sq., также Aristoph. Equ. 191).

номъ[1]). Вмѣстѣ того, чтобъ быть оберегающими здоровье душъ врачами, они оказывались поварами подлаживавшимися подъ вкусы и причуды этихъ душъ[2]), если не продавцами, развозившими по городамъ съѣстные для души припасы, расхваливавшими, конечно, всѣ свои товары, не зная и не различая, что изъ продаваемаго ими могло быть для души полезно, что вредно[3]). Цѣлью ихъ стремленій становилось не то, что истинно-прекрасно, какимъ бы ни казалось оно, а то, что можетъ людямъ показаться прекраснымъ, какимъ бы ни было оно на самомъ дѣлѣ[4]),—и не на сущность, а на внѣшность рѣчи прежде всего и направлялись ихъ заботы. Такъ центръ тяжести переносился съ содержанія на форму рѣчи,—сила слова оттѣсняла, замѣняла собою силу мысли, силу знанія: вѣдь ораторъ вовсе не хотѣлъ быть знающимъ, онъ хотѣлъ только казаться больше, лучше знающимъ, чѣмъ знающіе[5]). Не ища себѣ опоры въ силѣ знаній, сила слова еще меньше могла искать себѣ опору въ силѣ природныхъ дарованій: вѣдь эту силу слова могли считать лишь дѣломъ навыка или сноровки, усвояемой черезъ посредство упражненія и выучки[6]). Такъ «ремесленники» слова, не довольствуясь

---

[1]) τοῦ ἡδέος στοχάζεται ἄνευ τοῦ βελτίστου, Gorg. 465 A. Ср. 500 A sqq. Resp. 493 A sqq. Soph. 222 E. 234 C sqq. Menex. 234 C sqq.—Ср. Philod. II 180 sqq.

[2]) Gorg. 462 D sqq., гдѣ ἡ ῥητορική—какъ κολακευτική (αἰσθομένη, οὐ γνοῦσα λέγω ἀλλὰ στοχασαμένη!)—сравнивается съ ἡ ὀψοποιική, которая ὑπὸ τὴν ἰατρικὴν (не только излѣчивающую, но и предупреждающую болѣзни) ὑποδέδυκε, καὶ προσποιεῖται τὰ βέλτιστα σιτία τῷ σώματι εἰδέναι, тогда какъ она только τῷ ἀεὶ ἡδίστῳ θηρεύεται τὴν ἄνοιαν καὶ ἐξαπατᾷ. Ср. 500 B sqq. Phaedr. 270 B. Theaet. 166 D sqq.

[3]) Prot. 313 C sqq. 328 B. Soph. 223 C sqq. Gorg. 504 E. Hipp. maj. 283 B.—Ср. Max. Tyr. diss. 33, 8: ἀγορὰ πρόκειται ἀρετῆς, ὤνιον τὸ πρᾶγμα.

[4]) Ср. Phaedr. 259 E. 273 D sqq. Leg. 654 B sqq.

[5]) Gorg. 456 B sqq. 484 C sqq. Soph. 232 A sqq. Meno 70 B sq. Hipp. min. 363 C sq. Phaed. 91 B. Resp. 535 D sq.

[6]) Въ „Горгіи“ (462 B sqq.), въ „Федрѣ“ (260 E sqq.) и въ „Государствѣ“ (492 E sqq.) Платонъ опредѣляетъ „такъ называемую ῥητορικὴν (τέχνην)“, какъ ἐμπειρία и τριβή,—не какъ τέχνη,—потому что смѣшною τέχνη, ἄτεχνος τέχνη (т. е. ἄτεχνος τριβή) представляется ему „λόγων τέχνη“, если она не выражаетъ собою истину, а гоняется только за δόξαι,—если она выражаетъ собою не то, что ораторы βούλονται, а ἃ δοκεῖ αὐτοῖς (если она—можно прибавить по Phil. 56 B—не преслѣдуетъ ἀκρίβειαν, что сдѣлало бы ее τεχνικωτέραν). Всѣ φαντάσματα, σοφίσματα, τεχνήματα (Phaedr. 269 A, ср.—ἃ τεχνικὰ πάντες προσαγορεύομεν, Leg. 889 A) риторики не имѣютъ никакой устойчивости (ср. Phil. 55 E sqq.: если бы выдѣлить изъ всѣхъ τεχνῶν ἀριθμητικὴν καὶ μετρητικὴν καὶ στατικήν,—τὸ καταλειπόμενον ἑκάστης не имѣло бы большой цѣны: оставалось бы εἰκάζειν и τὰς αἰσθήσεις καταμελετᾶν ἐμπειρίᾳ καί τινι τριβῇ, пользуясь ταῖς τῆς στοχαστικῆς δυνάμεσι, каковыя δυνάμεις, если онѣ пріобрѣтаютъ τὴν ῥώμην, обыкновенно получаютъ названіе τέχναι; такова, напр., музыка—слаживающая τὸ ξύμφωνον не μέτρῳ, а μελέτης στοχασμῷ, или

судомъ или политикой,—думая, какъ всѣ ремесленники, что они мудры во всемъ, если искусны въ ремеслѣ своемъ,—посягали и на филосо-

---

ψαλτική—стремящаяся τῷ στοχάζεσθαι получить τὸ μέτρον ἑκάστης χορδῆς φερομένης,—такъ что здѣсь соединяются πολὺ τὸ μὴ σαφές и σμικρὸν τὸ βέβαιον; ср. Prot. 356 B sqq.); тѣмъ болѣе ничтожны эти μηχαναί (ср. Leg. 908 D) въ сравненіи съ тѣмъ, что можетъ дать φύσις καὶ τύχη или θεία εὐτυχία,—будетъ-ли то случайно низшедшая на оратора μανία, будетъ ли онъ вѣщать φύσει τινὶ καὶ ἐνθουσιάζων (Apol. 22 C, или θεῖος τε ὢν καὶ ἐνθουσιάζων, Meno 99 D), будетъ ли онъ φύσει ἱκανός, θείᾳ μοίρᾳ γεννηθείς (Leg. 875 C), т. е. ἄνευ ἀνάγκης αὐτοφυῶς θείᾳ μοίρᾳ ἀληθῶς και οὔ τι πλαστῶς ἀγαθός (Leg. 642 D). Ср. также Prot. 327 C. Resp. 401 C. 535 C, и Conv. 209 A sqq., гдѣ какъ ἐγκύμονες κατὰ τὴν ψυχὴν и θεῖοι ὄντες являются οἱ ποιηταὶ γεννήτορες и изъ τῶν δημιουργῶν т. наз. εὑρετικοί, а также такіе законодатели (γεννήσαντες νόμους и παντοίαν ἀρετήν), какъ Ликургъ или Солонъ (здѣсь, повидимому, имѣется въ виду и—обычное у Платона—представленіе о οἱ παλαιοί, какъ о κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ср. Phil. 16 C. Phaedr. 235 C. 244 B sqq. Polit. 271 B. Leg. 713 A sqq.). Итакъ по Платону и τέχνη, а тѣмъ болѣе ἐμπειρία и τριβή ни въ какомъ случаѣ не могутъ замѣнить, т. е. упразднить собою φύσιν или τύχην (ср. [Anaxim.] rhet. 2: τὴν τῶν θεῶν εὔνοιαν, ἣν εὐτυχίαν προσαγορεύομεν)—и въ краснорѣчіи (ср. Aristid. rhet. II 22 D.). Конечно, ῥήτωρ ἐλλόγιμος получился бы, если бы кому было суждено φύσει ῥητορικῷ εἶναι, и если бы онъ придалъ къ этой своей φύσις ἐπιστήμην τε καὶ μελέτην (Phaedr. 269 D); но—поскольку онъ искалъ бы не той τεχνης или ἐπιστημης, которая была бы μεγίστη καὶ ἀρίστη καὶ πλεῖστα ὠφελοῦσα, а той, которая то σαφὲς καὶ τἀκριβὲς καὶ τὸ ἀληθέστατον ἐπισκοπεῖ, κἂν εἰ σμικρὰ καὶ σμικρὰ ὀνινᾶσα (Phil. 58 C),—онъ сталъ бы не риторомъ, а діалектикомъ, философомъ (ср. Phaedr. 269 C. sqq. 277 E sqq.).—Эти платоновы требованія отъ идеальнаго оратора (ср. Gercke *Hermes*, XXXII 366 ff. *Natorp*. Platos Ideenl., 52 ff.) Исократъ (διανοίᾳ котораго, какъ писалъ Платонъ въ „Фэдрѣ“, 279 A, не была чужда отъ природы φιλοσοφία) охотно примѣнилъ къ оратору вообще: αἱ δυνάμεις τῶν λόγων—такъ выражался онъ (XIII 14 sqq. XV 187)—τοῖς εὐφυέσιν ἐγγίγνονται καὶ τοῖς περι τὰς ἐμπειρίας γεγυμνασμένοις, παίδευσις же сдѣлаетъ ихъ τεχνικωτέρους καὶ προς τὸ ζητεῖν εὐπορωτέρους; тѣмъ менѣе, конечно, безразличной представлялась φύσις оратора (чтобы λέγειν ἐκ τοῦ παραυτίκα) Алкидаманту, π. σοφ. 3. Иначе ставится вопросъ въ „Риторикѣ“ Аристотеля. Только вскользь и совершенно случайно упоминается у него—при перечисленіи благъ жизни—εὐφυΐα, вмѣстѣ съ μνήμη, εὐμάθεια, ἀγχίνοια и наряду съ δύναμις τοῦ λέγειν, τοῦ πράττειν (1362 b; еще болѣе случайно упоминаніе о φύσις и τύχη—1369 a sq.); также вскользь, когда рѣчь идетъ (въ III кн., 1408 b) о τὰ ὀνόματα τὰ διπλᾶ (ср. διπλασιολογίαν Пола, Phaedr. 267 C) καὶ τὰ ἐπίθετα πλείω καὶ τὰ ξένα въ патетической λέξις, упоминается, что ораторы φθέγγονται τὰ τοιαῦτα ἐνθουσιάζοντες (заставляя ἐνθουσιάζειν и слушателей),—почему такія выраженія приличны и поэзіи,—ἔνθεον γὰρ ἡ ποίησις (въ Поэтикѣ дѣлается, при случаѣ, различіе между творчествомъ διὰ φύσιν и διὰ τέχνην, 1451 a, ср. 1448 b. 1459 a, и проскальзываетъ, 1455 a, замѣчаніе, что εὐφυοῦς ἡ ποιητική ἐστιν ἢ μανικοῦ· τούτων γὰρ οἱ μὲν εὔπλαστοι οἱ δὲ ἐξεταστικοί εἰσιν). Не замѣняя риторику діалектикой, а ставя ее рядомъ съ діалектикой, Аристотель полагалъ, что ей, какъ и діалектикѣ, причастны такъ или иначе всѣ люди, только одни пользуются ею εἰκῇ, ἀπὸ αὐτομάτου, а другіе—διὰ συνήθειαν ἀπο ἕξεως; такъ риторика становилась не столько дѣломъ οὐ φύσεως ἁπάσης, сколько предметомъ οὐ παιδείας τῆς τυχούσης. Естественно, что и послѣдующія руководства риторики (опредѣлявшія ее иногда какъ τέχνη περὶ λόγου

фію, или на науку,— съ ихъ душой, изуродованной такъ же, какъ уродуется тѣло отъ тяжелой ремесленной работы[1]).

δύναμιν, обыкновенно же какъ τέχνη, τεχνικὴ δύναμις, а то и какъ ἐπιστήμη) вообще склонны были выдвигать въ краснорѣчіи—по терминологіи платонова Протагора, 323 C sqq.,—ἐπιμέλειαν, ἄσκησιν, διδαχήν (μελέτην) на счетъ φύσεως (или ἀπὸ τοῦ αὐτομάτου), а тѣмъ болѣе на счетъ εὐφυΐας (на слѣды опредѣленій риторики прямо какъ ἄσκησις указываетъ Spengel, *Rh. Mus.* XVIII 488). Отношенія между φύσις и ἐπιμέλεια въ краснорѣчіи нерѣдко, конечно, затрогивались и дальнѣйшею полемикой философіи съ риторикой,—особенно поскольку полемика эта концентрировалась на вопросѣ: εἰ τέχνη ἡ ῥητορική. Между прочимъ, въ осужденіе и отрицаніе не только наличной риторики, но и риторики вообще философія ссылалась на то, что и въ глубокой древности (у Гомера), и впослѣдствіи (напр., Демадъ) существовали славные ораторы не обучавшіеся риторикѣ (Philod. II 67 sqq. Sext. adv. rh. 16 sq. Quint. II 17); спеціально же осуждалась искусственность, аффектированность, фигурность, манерность риторическаго стиля,—тогда какъ φύσις εστιν ἡ κατορθοῦσα λόγους, τέχνη δὲ οὐδεμία (Usener, *Epicur.*, 114): если бы еще—пишетъ Филодемъ (I 151)—совершенно отсутствовалъ φυσικῶς καλὸς λόγος, можетъ быть и пришлось бы αγαπᾶν τον κατὰ θέμα, νῦν δ'ὑπάρχοντος ἄθλιον το παρέντας αὐτὸν ἐπ' εκεῖνον καταντᾶν, и дальше (183): τοῦ σοφιστοῦ διηκριβωμένως ἐστὶ καλον τῇ φύσει γ' οὐδεν κατασκεύασμα (ср. Radermacher, *Rh. Mus.*, LIV 362 ff.).—Ср. Hermog. de id. 266 Sp.: ἡ γὰρ τοι μίμησις καὶ ὁ ζῆλος (ὁ πρὸς τοὺς ἀρχαίους) μετὰ μὲν ἐμπειρίας ψιλῆς καί τινος ἀλόγου τριβῆς γινόμενος οὐκ ἂν οἶμαι δύναιτο τυγχάνειν τοῦ ὀρθοῦ, κἂν πάνυ τις ἔχῃ φύσεως εὖ· τοὐναντιον γὰρ ἴσως ἂν αὐτὸν καὶ σφάλλοι μᾶλλον τὰ τῆς φύσεως πλεονεκτήματα χωρὶς τεχνης τινὸς ἀλόγως ᾄττοντα πρὸς ὅ τι καὶ τύχοι.

[1]) Ср. Resp. 495 C sqq.: тѣ, οἷς μάλιστα προσήκει, покинули философію, и на ихъ мѣсто пришли другіе, недостойные,—опозорившіе философію, какъ сироту оставшуюся безъ защиты. Эти ἀνθρωπίσκοι, видя что опустѣла, обезлюдѣла страна, полная красивыхъ ὀνομάτων καὶ προσχημάτων, съ торжествомъ убѣгающихъ ἐκ τῶν ειργμῶν εις τα ιερα, врываются ἐκ τῶν τεχνῶν εἰς την φιλοσοφίαν,—тѣ изъ нихъ, что оказались болѣе ловкими въ своемъ τεχνίον; вѣдь философія все-таки считается еще выше, почетнѣе другихъ τέχναι; оттого и стремятся къ ней многіе, и ἀτελεῖς τὰς φύσεις, и ὑπὸ τῶν τεχνῶν καὶ δημιουργιῶν, ὥσπερ τὰ σώματα λελώβηνται, οὕτω και τας ψυχὰς ξυγκεκλασμένοι τε καὶ ἀποτεθρυμμένοι διὰ τὰς βαναυσίας; когда глядишь на нихъ, рисуется въ воображеніи маленькій лысый кузнецъ, который наработавъ денегъ и выкупившись изъ цѣпей (рабства), вымывшись въ банѣ, купивъ новенькій иматій, принарядившись какъ женихъ, собирается жениться на дочери разорившагося, всѣми покинутаго господина. И дѣти будутъ у нихъ, конечно, νόθα καὶ φαῦλα. Такъ и непризванные (ἀνάξιοι) учители—какія породятъ они διανοήματα τε καὶ δόξας? ἀρ' ουχ ὡς ἀληθῶς προσηκοντα ἀκοῦσαι σοφίσματα, καὶ ουδὲν γνήσιον οὐδὲ φρονήσεως ἀληθινῆς ἐχόμενον. Возможно (ср. Theaet. 172 C sqq. и выше стр. 87, пр. 2), что подъ „дѣлающими вылазку или экскурсію (ἐκπηδῶσι) изъ τεχνῶν въ φιλοσοφίαν" разумѣются здѣсь (какъ и 535 A sqq.) вообще софисты, т. е. риторы, отъ судебныхъ рѣчей (съ ихъ уже выработавшейся техникой) переходящіе къ рѣчамъ или лекціямъ философскаго содержанія; но возможно также, что спеціально здѣсь имѣется въ виду Антисѳенъ, бывшій риторомъ или софистомъ раньше чѣмъ сдѣлаться ученикомъ Сократа, но и послѣ того не разставшійся съ риторикой, или Аристиппъ, также соединявшій въ себѣ софиста и сократовца (о нихъ ср. *Arnim*, Dio v. Pr., 25 ff., объ Антисѳенѣ—также *Joël*, Sokr., II 631 ff.; въ

Приблизительно такой кругъ мыслей или представленій опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію[1]), и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

---

указанномъ отношеніи Антисѳенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ)—Ср. Apol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποίησιν, другіе διὰ τὸ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ -ἀμαθής—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. 1, 131 A sq.

[1]) Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей спеціальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходилъ до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій" было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρόπου ἀρίστου τοῦ βίου, 527 E,—ὅντινα χρὴ τρόπον ζῆν, 500 C,—ср. *Rohde*, Ps. II² 291⁷; иначе—*Natorp*, Platos Ideenlehre, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Федрѣ" (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἄνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ διδαχῆς, только πειθοῦς ἕνεκα, а не напечатлѣвается, не διδάσκεται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἄξιον σπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγων онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истинною τέχνη ῥητορική)—діалектику (ср. *Natorp*, 1.1. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поэзіи (*Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, кажется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδιᾶς χάριν—ср. Phaedr. 278 B, Menex. 236 C и Resp. 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ" художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣньи Платона вообще „ξυγγραφικῶς λέγειν" (Phaed. 102 D, ср. *Norden*, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Федрѣ" (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικὴν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику діалектикой), а въ допущеніи судебнаго и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδὴς) δόξα, а δόξα ἀληθής, гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. Gorg. 465 C. 520 A sq. Soph. 253 D. 268 B. Polit. 304 D), а πολιτικοί (ср. Phaedr. 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μανίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

рикой[1]). Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была

[1]) Исторія борьбы еллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Arnim*, Dio v. Pr. 4 ff. (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоцѣннѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. Х., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпирика πρὸς ῥήτορας) являются rhetorica Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde*, Gr. R.[2] 345 f. и *Norden*, A. K., 250 f. Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡγούμεθα συμβαίνειν; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержаніе поднятаго въ полов. II в. до Р. Х. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τέχνη ἡ ῥητορική (см. Sudhaus-Radermacher, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. VIII sqq.; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ φιλόσοφος, πολιτικός или σοφιστής. см. Brandstaetter, De notionum πολ. et σοφ. usu rhet., *Leipz. Stud.* XV, 139 ff., *Tiele*, Hermag., 33 ff., *Joël*, Sokr., II 630 ff.). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τοῦ διαλεκτικῶς ποιεῖσθαι τοὺς λόγους надъ τὸ ἐριστικῶς κ. τ. λ., то—преимуществъ λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεθεματισμένος, то—преимуществъ βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικός, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судебной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у еллиновъ и у еллинизованныхъ или еллинизуемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV 16 ff.), причемъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльныхъ „школъ", или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ". Ничто такъ не характеристично для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примирявшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ—по выраженію еще Продика (Euthyd. 305 C),—какъ Исократъ (объ его „φιλοσοφία" и объ отношеніяхъ ея къ платоновой φιλοσοφία ср.—кромѣ изслѣдованій Spengel'я, Teichmüller'a, Duemmler'a—Gercke, *Herm.*, XXXII 359 ff. Muenscher, *Rh. M.*, LIV 248 ff. Natorp, *Herm.* XXXV 389 ff. Tiele *ib.* XXXVI, 253 ff. *Sheehan*, De fide artis rhetoricae Isocrati tributae, 1901. *E. Meyer*, G. d. Alt. V 330 ff.), или такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ σοφιστοῦ, какъ Антисѳенъ, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Arnim* l. c. 43 ff.), или Діонъ ср. *Hirzel*, Dialog, II 84 ff.), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein*, de Maximo T. quaest. philol. sel., 1895), или Лукіанъ (ср. *Hirzel* l. c. II 269 ff. Helm, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 188

Приблизительно такой кругъ мыслей или представленій опредѣлялъ собою отношеніе Платона къ краснорѣчію[1]), и изъ этого же круга мыслей и послѣ постоянно исходила философія въ своей борьбѣ съ рито-

---

указанномъ отношеніи Антисѳенъ или Аристиппъ могутъ быть сближаемы съ Діономъ Златоустомъ, Лукіаномъ, Максимомъ тирскимъ).—Ср. Apol. 22 C sqq., гдѣ Сократъ говоритъ, что и поэты, и хорошіе ремесленники грѣшатъ въ одномъ и томъ же: одни διὰ τὴν ποίησιν, другіе διὰ τὸ τὴν τέχνην καλῶς ἐργάζεσθαι—считаютъ себя и во всемъ прочемъ (и даже въ самомъ важномъ) мудрѣйшими изъ людей (такъ что Сократъ спрашивалъ себя, что лучше для него—оставаться-ли ему такимъ, каковъ онъ есть, или быть мудрымъ ихъ мудростію и невѣжественнымъ -ἀμαθής—ихъ невѣжествомъ). Ср. Alc. 1, 131 A sq.

[1]) Ср.—нуждающійся въ пересмотрѣ на основаніи новѣйшей спеціальной литературы о Платонѣ—анализъ касающихся риторики текстовъ Платона—въ работѣ Novák'a, Platon u. die Rhetorik, *Jahrb. f. cl. Ph.*, XIII. S.-B., 441 ff.—Правда, Платонъ доходилъ до отрицанія риторики только въ теоріи, не на практикѣ (и возможно, напр., что и темой діалога „Горгій" было собственно не осужденіе риторики, а установленіе τρόπου ἀρίστου τοῦ βίου, 527 E,—ὅντινα χρὴ τρόπον ζῆν, 500 C,—ср. *Rohde*, Ps. II[2] 291[7]; иначе—*Natorp*, Platos Ideenlehre, 52); но во всякомъ случаѣ—и въ „Фэдрѣ" (относительно хронологіи этого діалога быть-можетъ Наторпъ не болѣе правъ, нежели Immisch, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, III 549 ff.) Платонъ выступаетъ теоретическимъ врагомъ риторики—потому уже, что выступаетъ теоретическимъ врагомъ всякаго вообще λόγου, ἐν μέτρῳ или ἄνευ μέτρου, написаннаго или произнесеннаго, поскольку онъ пишется или произносится ἄνευ ἀνακρίσεως καὶ διδαχῆς, только πειθοῦς ἕνεκα, а не напечатлѣвается, не διδάσκεται, не пишется τῷ ὄντι ἐν ψυχῇ (κατ' ἀξίαν)—конечно περὶ δικαίων τε καὶ καλῶν καὶ ἀγαθῶν (277 E sq.),—потому, что единственно достойнымъ (ἄξιον σπουδῆς) содержаніемъ λόγου или λόγων онъ считаетъ φιλοσοφίαν, а единственно достойной формою (истинною τέχνη ῥητορική)—діалектику (ср. *Natorp*, l.l. 52 ff., и *Hermes*, XXXV 402 ff.).—Вообще уступки, какія дѣлалъ Платонъ краснорѣчію—и въ его, и въ своей практикѣ,—аналогичны тѣмъ уступкамъ, какія онъ дѣлалъ—также отрицаемой имъ въ теоріи—поэзіи (*Finsler*, Platon u. d. arist. Poetik, 217 ff.); главнымъ образомъ уступки эти выражаются, кажется, не въ томъ, что діалоги Платона часто переходятъ въ монологи, въ рѣчи Сократа (хотя бы и произнесенныя παιδιᾶς χάριν—ср. Phaedr. 278 B, Menex. 236 C и Resp. 396 C sqq.,—или μετ' εἰρωνείας, какъ выражается риторика Аристотеля, 1408 b) и его собесѣдниковъ (въ „Симпосіонѣ" художественно представлена даже цѣлая коллекція рѣчей отличающихся одинъ отъ другого по характеру своего краснорѣчія ораторовъ), не въ умѣньи Платона вообще „ξυγγραφικῶς λέγειν" (Phaed. 102 D, ср. *Norden*, A. K. 104 ff.) и даже не въ тѣхъ совѣтахъ, какіе онъ даетъ—или давалъ—оратору въ „Фэдрѣ" (потому что совѣты эти, въ концѣ концовъ, клонятся не столько къ тому, чтобы установить τέχνην ῥητορικήν на новыхъ основаніяхъ, сколько къ тому, чтобы смѣнить риторику діалектикой), а въ допущеніи судебнаго и вообще политическаго краснорѣчія—по крайней мѣрѣ въ томъ государствѣ, гдѣ господствуетъ, по необходимости, не ἐπιστήμη, но и не (ψευδής) δόξα, а δόξα ἀληθής, гдѣ властвуютъ не φιλόσοφοι, но и не σοφισταί, или ῥήτορες (ср. Gorg. 465 C. 520 A sq. Soph. 253 D. 268 B. Polit. 304 D), а πολιτικοί (ср. Phaedr. 248 D sq.),—особенно же въ распространеніи даруемой отъ боговъ μανίας и на ораторовъ (ср. выше стр. 79, прим.).

рикой[1]). Борьба, какую философія вела съ риторикой, однако не была

---

[1]) Исторія борьбы эллинской философіи съ риторикой лучше всего—хотя и не достаточно, конечно, обстоятельно и не достаточно отчетливо (т. е. излишне прямолинейно)—изложена у *v. Arnim*, Dio v. Pr. 4 ff. (до времени Діона) и 126 ff. 149 ff. 236 ff. (о времени Діона и о роли его самого въ этой борьбѣ); драгоцѣннѣйшимъ—и далеко еще не исчерпаннымъ—источникомъ для исторіи этой борьбы въ IV—I в. до Р. X., проливающимъ свѣтъ и на дальнѣйшую полемическую литературу въ этой области (напр., на книгу Секста Эмпирика πρὸς ῥήτορας) являются rhetorica Филодема; главнѣйшіе источники послѣдующей исторіи этой борьбы названы у *Rohde*, Gr. R.[2] 345 f. и *Norden*, A. K., 250 f. Въ борьбѣ этой вообще причудливо переплетались—не разграничиваясь и потому сливаясь—практическіе и теоретическіе мотивы и аргументы, при чемъ мотивы ея были больше практическими, нежели теоретическими, а аргументы—больше теоретическими, нежели практическими; по части логики своей борьба эта была нерѣдко столько же беззаботна въ основаніи, сколько заботлива на поверхности; часто съ полнымъ правомъ могла она относить къ себѣ слова Аристотеля: τὸ συμβαῖνον ἐπὶ τῶν ὀνομάτων καὶ ἐπὶ τῶν πραγμάτων ἡγούμεθα συμβαίνειν; въ значительной мѣрѣ таково было, напр., содержаніе поднятаго въ полов. II в. до Р. X. (особенно Критолаемъ) спора εἰ τέχνη ἡ ῥητορική (см. Sudhaus-Radermacher, *Philod. v. rh.*, Suppl., p. VIII sqq.; ср. также различное пониманіе и примѣненіе терминовъ φιλόσοφος, πολιτικός или σοφιστής. см. Brandstaetter, De notionum πολ. et σοφ. usu rhet., *Leipz. Stud.* XV, 139 ff., *Tiele*, Hermag., 33 ff., *Joël*, Sokr., II 630 ff.). Полемика философіи съ риторикой исходила то изъ теоретическаго признанія преимуществъ діалога надъ монологомъ, или τοῦ διαλεκτικῶς ποιεῖσθαι τοὺς λόγους надъ τὸ ἐριστικῶς κ. τ. λ., то—преимуществъ λόγου φυσικῶς καλοῦ надъ λόγος τεθεματισμένος, то—преимуществъ βίου θεωρητικοῦ надъ βίος πρακτικός, и направлялась то противъ риторики какъ только формальнаго искусства слова, то противъ только софистики, то противъ только практической (т. е. политической, особенно судебной) риторики; едва-ли не самую важную роль въ этой полемикѣ игралъ, въ концѣ концовъ, споръ между философіей и риторикой за—качественное или количественное—преобладаніе въ дѣлѣ образованія у эллиновъ и у эллинизованныхъ или эллинизуемыхъ народовъ, особенно у римлянъ (ср. Wilamowitz, *Hermes*, XXXV 16 ff.), причемъ нерѣдко и эта борьба сводилась въ сущности къ борьбѣ отдѣльныхъ „школъ", или даже отдѣльныхъ представителей отдѣльныхъ „школъ". Ничто такъ не характеристично для всей этой борьбы,—для неустойчивости, условности, относительности ея мотивовъ или аргументовъ,—какъ видное мѣсто, какое принадлежало здѣсь—примирявшей, соединявшей въ себѣ философію и риторику—софистикѣ, при чемъ граница между софистикой и философіей была столько же не опредѣленной и расплывчатой, какъ и граница между софистикой и риторикой (ср. выше стр. 69, прим. 1); оттого и возможны здѣсь были не только такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ πολιτικοῦ—по выраженію еще Продика (Euthyd. 305 C),—какъ Исократъ (объ его „φιλοσοφία" и объ отношеніяхъ ея къ платоновой φιλοσοφία ср.—кромѣ изслѣдованій Spengel'я, Teichmüller'a, Duemmler'a—Gercke, *Herm.*, XXXII 359 ff. Muenscher, *Rh. M.*, LIV 248 ff. Natorp, *Herm.* XXXV 389 ff. Tiele *ib.* XXXVI, 253 ff. *Sheehan*, De fide artis rhetoricae Isocrati tributae, 1901. *E. Meyer*, G. d. Alt. V 330 ff.), или такія μεθόρια φιλοσόφου τε ἀνδρὸς καὶ σοφιστοῦ, какъ Антисѳенъ, Аристиппъ (ср. выше стр. 91, прим. 1), или Навсифанъ (ср. *Arnim* l. c. 43 ff.), или Діонъ ср. *Hirzel*, Dialog, II 84 ff.), Максимъ изъ Тира (ср. *Hobein*, de Maximo T. quaest. philol. sel., 1895), или Лукіанъ (ср. *Hirzel* l. c. II 269 ff. Helm, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 188

ни безпрерывной. ни упорной: достаточно припомнить, что Аристотель уже включалъ риторику въ свою систему «философій»[1]). Борьба эта была

---

ff.), выступавшіе—когда, или поскольку они перебѣгали въ лагерь „философовъ“—противъ риторовъ-софистовъ.—Не обслѣдована еще, но кажется, не подлежитъ сомнѣнію чрезвычайно значительная зависимость отъ Платона всей послѣдующей полемики между философіей и риторикой, какъ въ ея общемъ содержаніи (можно даже сказать, что она почти не выходила за предѣлы вопросовъ поставленныхъ уже у Платона), такъ и въ ея болѣе-формальныхъ подробностяхъ (ср., напр., постановку такихъ вопросовъ, какъ εἰ τέχνη ἡ ῥητορική, или тезисовъ, ὅτι πολιτεύσεται ὁ σοφός, ὅτι μόνος ὁ σοφὸς ῥήτωρ, и т. п., или вопроса о ῥητορικὴ ἀρετή, или хотя-бы—восходящее къ „Θеэтету“?—отожествленіе всего эпидейктическаго краснорѣчія съ энкоміастическимъ, или панегирическимъ); особенно любопытна въ этомъ отношеніи полемика противъ философіи, т. е. именно противъ Платона, ритора Элія Аристида, усиленно пользующагося Платономъ не только въ отрицательной, но и въ положительной части своей аргументаціи (ср. *Baumgart*, Ael. Aristides, 20 ff.). О болѣе тѣсной, чѣмъ какую предполагаютъ обыкновенно, зависимости отъ Платона риторики Аристотеля ср. *Arnim*, l. l., 68 ff.—Для характеристики протеста философіи противъ риторики не лишено значенія и то, что протестъ этотъ довольно тѣсно примыкалъ къ тому протесту, какой то въ рѣзкихъ, то въ слабыхъ формахъ, но всегда встрѣчало краснорѣчіе со стороны представителей common sens'a.—къ протесту, который объяснялся не столько ненавистью или завистью къ образованности (τῇ παιδεύσει τὸ φθονεῖσθαι ἀκολουθεῖ κακόν, Arist. rhet. 1399a; ср. [Xen.] π. 'Αθ. 1, 5 sqq. Thuc. III 37), какую, представляло собою, конечно, и краснорѣчіе, сколько тѣмъ, что доля имъ приносимаго вреда нерѣдко слишкомъ уже замѣтно перевѣшивала долю имъ приносимой пользы. Философію и common sense сближаютъ, напр. своею полемикой противъ риторики Аристофанъ и другіе комики, особенно же Эврипидъ (ср. *Nestle* Eurip., 45 ff. 206 ff.); ср. также художественное изображеніе этого типа враговъ риторики-софистики въ лицѣ Анита въ платоновомъ „Менонѣ“, 90 B sqq. (ср. Philod. II 271). Само собою разумѣется, что протестъ common sense'a (вся теорія его сводилась въ сущности къ положенію: ἁπλᾶ γάρ ἐστι τῆς ἀληθείας ἔπη, Aesch. fr. 167. Eurip. Phoen. 469,—тогда какъ Менонъ ксенофонтова Анабасиса, II, 6, 22, считаетъ τὸ ἁπλοῦν καὶ ἀληθὲς за τὸ αὐτὸ τῷ ἠλιθίῳ) былъ еще болѣе беззаботенъ по части логики, т. е. по части различенія моментовъ теоретическихъ и практическихъ; разумѣется, и ему не доступно было различіе между философами, софистами, риторами (ср., напр., данныя, собранныя у Athen. 610 b sqq. 547 b). Съ common sens'омъ, представленнымъ, напр., у Аристофана, близко сходилась философія (особенно киническая) и въ нѣкоторыхъ своихъ—устранявшихъ риторику—собственно-педагогическихъ теоріяхъ (ср. *Joël*, Socr., II 15 ff. 48 ff. 407 ff., *Бурзи*, Шк. вопр. въ древн. Гр., 4 сл., также Guggenheim, *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.*, IX 535 ff.).

[1]) Правда, не какъ ἐπιστήμην (не какъ одну изъ σοφίαι), а только какъ подлежащую наукообразной обработкѣ (τέχνης ἔργον) δύναμιν, или πραγματείαν, ἀντίστροφον τῇ διαλεκτικῇ, но уже не χρήσιμον (какъ та) πρὸς τὰς κατὰ φιλοσοφίαν ἐπιστήμας, а χρήσιμον для того, чтобы αἱ κρίσεις (въ дѣлахъ судебныхъ и политическихъ) κατὰ τὸ προσῆκον γίγνωνται, чтобы τἀληθῆ καὶ τὰ δίκαια одерживали, какъ то и подобаетъ, верхъ надъ τὰ ἐναντία, и для того чтобы διὰ τῶν κοινῶν ποιεῖσθαι τὰς πίστεις καὶ λόγους (ибо, если даже и имѣть ἀκριβεστάτην ἐπιστήμην, не всѣмъ доступенъ—τοῖς πολλοῖς не доступенъ—ὁ κατὰ τὴν ἐπιστήμην λόγος), а также и для того, чтобы умѣть разбираться, сознательно относиться

и не достаточно систематичной, или методичной: и осуждая наличную риторику, и отрицая риторику вообще, философія не различала строго теорію отъ практики—и потому считала лишней всякую заботу о томъ, какъ примирить ихъ между собою, и если практикой гораздо больше, нежели теоріей, опредѣлялись мотивы ея полемики, то аргументы ея опредѣлялись теоріей гораздо больше, чѣмъ практикой; поэтому она считалась только съ долей вреда, какую несло въ себѣ, несло съ собою краснорѣчіе, но не считалась съ долей имъ приносимой пользы[1]). Тѣмъ идеальнымъ цѣлямъ,

---

къ рѣчамъ, какія приходится слушать (rhet. 1355 a sq.). Ср. *Arnim* l. c. 68 ff.—„Платонъ отрицаетъ этотъ міръ: онъ отрицаетъ и риторику. Аристотель хочетъ сдѣлать науку способною господствовать въ этомъ мірѣ: онъ заставляетъ служить себѣ и риторику" (Wilamowitz *Hermes* XXXV 16).—Если, конечно, оставить въ сторонѣ собственно логическую сторону аристотелевой теоріи риторики (о ней ср. теперь *Maier* D. Syllogistik d. Aristoteles, II, 2, 76 ff.), и если шире, нежели Arnim (и, повидимому, Филодемъ), понимать навсифанову φυσιολογίαν, или φυσικήν (ср., во всякомъ случаѣ, Phaedr. 269 E sqq. Apol. 19 B sqq., также стихи Эпикрата о гимнасіяхъ Академіи. II 287 Kock),—то едва-ли придется считать (какъ *Arnim*, 72) существеннымъ различіе во взглядахъ на отношенія философіи къ риторикѣ между Навсифаномъ и Аристотелемъ (объ „Аристотелѣ въ сужденіяхъ Эпикура и Филодема" ср. Sudhaus, *Rh. Mus.*, XLVIII 552 ff.), какъ съ другой стороны нѣсколько тѣснѣе будетъ, кажется, примыкать къ Аристотелю не только практика философскихъ школъ, особенно съ III и еще больше со II стол., но и—открытая Арнимомъ у Цицерона (ср. *Arnim*, 97 ff., также Kroll, *Rh. Mus.*, LVIII 552 ff. и *N. Jahrb.*, XI 681 ff.)—теорія академика Филона,—клонившіяся уже (въ угоду, конечно, измѣнившимся условіямъ и практической, и культурной, и собственно-научной жизни) не только къ признанію равноправности между философіей и риторикой, но и къ ихъ отожествленію, а потомъ и къ подчиненію философіи риторикѣ (въ цѣляхъ „ἐγκυκλίου παιδείας"); ср. Philod. I 39. 190 sq. 223. Theo, prog., 70. Sp. Ruf. rh. 462 Sp. Quint. II 15.

[1]) Въ нѣкоторой мѣрѣ продуктомъ того развитія, какое получило у еллиновъ публичное краснорѣчіе, и въ то же время живымъ протестомъ—однимъ изъ видовъ философскаго протеста—противъ того направленія, какое приняло это развитіе, были странствовавшіе—съ III в. до Р. Х.—по городамъ и весямъ Еллады одѣтые чуть не въ рубища, длиннобородые, нестриженые и нечесаные проповѣдники, призывавшіе народъ къ жизни въ простотѣ и чистотѣ сердца и помысловъ, къ отреченію отъ земныхъ благъ и суетъ, отъ богатства, роскоши, почестей, удовольствій, отъ зрѣлищъ, отъ вражды и войны, отъ политики и суда,—заботившіеся уже не о красотѣ своихъ рѣчей, а о доступности ихъ уму и чувству слушателей, т. е. толпы,—представители т. наз. кинической, или кинико-стоической діатрибы (ср. *Wilamowitz*, Antig. v. Kar., 292 ff. *Arnim*, 29 ff. 40 ff. 137 f. 255 ff. *Norden*, A. K. 129 ff.). Къ сожалѣнію, эта „діатриба" обслѣдована (насколько отразилась она въ письменности), и въ своемъ общемъ значеніи, и въ своемъ содержаніи (въ своихъ τόποι), и въ своей формѣ (въ своемъ стилѣ), пока далеко недостаточно, и лишь монографически (ср. *Hense*, Teletis reliquiae, prol., 1889. *Heinze*, De Horatio Bionis imitatore, 1889. *Wendland-Kern*, Beiträge z. G. d. gr. Philos. u. R., 1895. *Hobein*, De Maximo Tyrio, 1895. *Weber*,

какія философія указывала людямъ, конечно краснорѣчіе не отвѣчало; но оно бывало—значитъ, могло быть—полезно этимъ цѣлямъ. Несовершенными, конечно, были средства, какими оно располагало; но вѣдь несовершенство—вѣчный удѣлъ всей человѣческой природы, и только ограниченнымъ и относительнымъ могло быть и вообще осуществленіе на этомъ свѣтѣ тѣхъ идеаловъ истины, добра и красоты, которымъ въ мѣру силъ своихъ служило и краснорѣчіе[1]). Добру и правдѣ-справедливости могло оно служить въ судѣ, на вѣчѣ и въ совѣтѣ, и его правоспособность къ этому служенію могъ отрицать лишь тотъ, кто отрицалъ народное правленіе, народный судъ, или кто отрицалъ вообще всю сферу политическихъ или судебныхъ интересовъ, или кто за частнымъ и случайнымъ не видѣлъ общаго и основного, кто не дѣлалъ различія между возможностью и неизбѣжностію злоупотребленій силой слова[2]). Добру и правдѣ-истинѣ могло служить эпидейктическое краснорѣчіе. Конечно, рѣчи, какія больше-мудрый, и поучая, и поучаясь, ведетъ предъ меньше-мудрымъ,—когда отыщетъ душу, способную и воспринять, и дальше передать въ другія души сѣмя, какое въ себѣ содержатъ эти

De Senecae phil. dicendi genere Bioneo, 1895, и другія изслѣдованія названныхъ ученыхъ).

[1]) Здѣсь имѣются въ виду понятія, или мысли Платона въ той постановкѣ и въ томъ развитіи, какія имъ придалъ *Windelband*, Präludien³ (1903).—О томъ, какъ больно должны были чувствовать—не только сознавать—неизбѣжность разлада между дѣйствительностью и идеалами еллины, ср. поучительныя сопоставленія и соображенія у *Burckhardt*, Gr. Kulturg., II 342 ff. О томъ, какъ этотъ разладъ проникаетъ собою и философію Платона, и какъ „Платонъ побѣждаетъ его, какъ величайшій изъ художниковъ",—прекрасныя замѣчанія у *кн. С. Н. Трубецкого*, Ученіе о Логосѣ, 29. Ср. Conv. 202 D. sqq. (μήτε οἱ σοφοὶ μήτε οἱ ἀμαθεῖς—μεταξὺ τούτων ἀμφοτέρων). 209 A sqq. Phileb. 59 D sqq. Tim. 69 C sqq. 29 B sqq. Phaed. 85 C sq. 90 D. Leg. 682 A. 653 C sqq. (съ комментаріемъ *Ritter*, Platos Gesetze, Komm., 15 ff.).

[2]) Болѣе теоретическими изъ этихъ моментовъ (представленными уже у Гераклита) и опредѣлялась обыкновенно полемика философіи противъ политическаго и судебнаго краснорѣчія, болѣе практическими—полемика τῶν νοῦν κοινὸν (τὰς κοινὰς φρένας) ἐχόντων (ср. выше стр. 93, прим. 1); отсюда, конечно, и различіе въ отношеніяхъ къ риторикѣ Платона и Аристотеля и колебанія въ отношеніяхъ къ ней у эпикурейцевъ или стоиковъ.—Для времени Сократа-Платона ср. сопоставленія *Pöhlmann*'a, Sokrates u. s. Volk, 15 ff.—Ср. прежде всего Heracl. fr. 17 sqq. D., Plat. Resp. 485 A sqq. и Eurip. fr. 910 (ὄλβιος ὅστις τῆς ἱστορίας ἔσχε μάθησιν μήτε πολιτῶν ἐπὶ πημοσύνην μήτ' εἰς ἀδίκους πράξεις ὁρμήν).—Любопытно,—какъ развивается Платоновское сравненіе распоряжающагося на вѣчѣ оратора съ человѣкомъ, пришедшимъ на агору (ἐν ἀγορᾷ πληθούσῃ) со спрятаннымъ подъ полой кинжаломъ (Gorg. 469 D sq.), у Philod. II 142. 144, и Cic. de or. III 55.

рѣчи[1]),—конечно, рѣчи, какія знающій ведетъ предъ знающими,—ведетъ не потому, что знаетъ, а потому, что соревнуетъ съ ними о томъ, чтобы узнать и больше, и лучше[2]),—конечно, эти рѣчи были неизмѣримо цѣннѣе, чѣмъ та рѣчь, какую, на подобіе рапсода, произносилъ,—отзванивалъ какъ мѣдный сосудъ, когда въ него ударятъ[3]),—ораторъ передъ толпой, всегда случайнаго и пестраго состава. Однако не короткія, діалогическія и діалектическія рѣчи, а длинныя, монологическія, риторическія рѣчи были вѣдь наиболѣе удобнымъ средствомъ, чтобы мудрость нести въ толпу[4])—и улучшать тѣмъ человѣческія отношенія и скрашивать тѣмъ человѣческое существованіе[5]). Такъ краснорѣчіе могло

---

[1]) Plat. Phaedr. 276 A sqq. Conv. 209 B sq. Theaet. 150 B sqq.

[2]) Gorg. 505 E sq. Charm. 166 C sq. Resp. 435 A. 518 E. Prot. 347 E.

[3]) Phaedr. 277 E. Prot. 329 A sq. Meno 79 E sq.

[4]) „Обыкновенно—говорилось въ одной аттической комедіи 1 полов. IV в. до Р. X. (Anax., II 159 Kock), по адресу ученыхъ, которымъ ἀρκεῖ γνῶναι μόνον (Xenoph. Mem. I 1, 15),—тому, кто нападетъ на новую мысль, хочется тотчасъ объявить во всеуслышаніе о своемъ открытіи. А эти мудрецы про себя берегутъ свою мудрость, и некому оцѣнить ее (οὐκ ἔχουσι τῆς τέχνης κριτήν),—между собою они только завидуютъ одинъ другому. Нѣтъ, все, что кто откроетъ новаго, онъ долженъ нести въ толпу (εἰς ὄχλον φέρειν)".

[5]) Юношески-смѣлыми, но и юношески-свѣжими попытками рѣшенія самыхъ принципіальныхъ вопросовъ не человѣческаго, а міроваго существованія открывается эллинская философія (φιλοσοφία), простымъ собираніемъ отдѣльныхъ наблюденій и замѣчаній открывается эллинская наука (ἱστορίη); одна (какъ Θалесъ у Платона, или какъ Сократъ у Аристофана) смотрѣла на небо, другая смотрѣла по сторонамъ или назадъ, ни та, ни другая не хотѣла смотрѣть себѣ подъ ноги,—на то, что было всего ближе. Постепенно ἱστορίη стала захватывать своими наблюденіями и область практической жизни или дѣятельности; заслугу „сведенія философіи съ неба, водворенія ея въ городахъ (государствахъ) и въ домахъ" любили (ср. Cic. Tusc. V 10) приписывать Сократу,—но раньше, чѣмъ Сократъ, и еще больше, чѣмъ Сократъ, надъ этимъ сближеніемъ философіи съ жизнью потрудились его противники—софисты; они же сблизили и философію съ наукой. Человѣкъ мѣра всего, всѣхъ знаній и представленій, онъ—господинъ и мудрости, и мудрость для человѣка, а не человѣкъ для мудрости,—такъ разсуждали они. Философія, или наука можетъ и улучшить, и скрасить человѣческое существованіе и человѣческія отношенія, и нужно заботиться о возможно-большемъ распространеніи знаній между людьми: тогда исчезнутъ—мечталъ (по крайней мѣрѣ у Платона, въ діалогѣ „Протагоръ", 337 C sq.) Гиппій—тѣ группировки людей, какія, насилуя природу, создаетъ тираннъ-законъ, всѣ люди будутъ тогда и сродниками и согражданами (между собою),—потому что подобное сродно подобному. Естественно, что органомъ такой философіи, такой науки стала публичная рѣчь (какъ естественно, конечно, и то, что, расширяя сферу своего примѣненія, философія, или наука, выигрывая количественно, не могла не проигрывать качественно). Такъ заключенъ былъ (предусмотрѣнный въ сущности еще эпическою поэзіей, ср. выше стр. 43 сл., 61, пр. 2) тройственный союзъ философіи, науки и краснорѣчія; вѣчно колеблющійся и въ своемъ

служить добру и истинѣ, и тѣмъ самымъ оно служило и красотѣ; но оно служило красотѣ и потому уже, что дорожило своей формальной стороной, какъ бы часто на дѣлѣ форма ни подавляла здѣсь собою содержаніе, и какъ бы часто естественная красота здѣсь ни подмѣнивалась красотой искусственной, поддѣльной[1]). Но гдѣ вообще была граница между содержаніемъ и формой рѣчи? Гдѣ вообще была граница между природой и искусствомъ въ краснорѣчіи? И гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ и вдохновеннымъ? Гдѣ была граница между краснорѣчіемъ врожденнымъ или вдохновеннымъ и краснорѣчіемъ искусства?[2]).

Намъ не можетъ быть не понятенъ тотъ протестъ, какой встрѣ-

составѣ, и въ своемъ равновѣсіи, нерѣдко даже угрожаемый въ самомъ существованіи своемъ, союзъ этотъ съ тѣхъ поръ уже не могъ быть разрушенъ, какимъ бы испытаніямъ ни подвергался онъ въ своей теоріи или въ своей практикѣ; такъ, если противъ него возсталъ Платонъ, то Аристотель уже пытался возобновить его, на новыхъ, разумѣется, началахъ. Отстранившись опять послѣ Аристотеля отъ философіи, дробясь все больше на отдѣльныя дисциплины, спеціализуясь все больше, наука снова уходитъ отъ жизни, и, какъ Аристофанъ высмѣивалъ поднимавшихся на нѣсколько аршинъ въ корзинѣ, чтобы изучать небо—и витать въ облакахъ, ступать по воздуху,—„метеорософистовъ“, такъ потомъ смѣются, напр., надъ археологической маніей Тимэя, который, собираясь писать исторію, списывалъ—представленныя безчисленнымъ количествомъ однообразныхъ документовъ—постановленія о дарованіи проксеній, или надгробія взявшихъ призы коней или любимыхъ дѣтьми домашнихъ питичекъ (Polyb. XII 11, 2. Diod. XIII 82, 6), или надъ филологами, прячущимися отъ свѣта, какъ жужжащіе въ углахъ сверчки, заботящимися исключительно о σφὶν или σφῶιν, о μίν или νίν (Athen. 222 a); однако, какъ ни прятались въ своихъ кельяхъ „односложные“ ученые („трусливѣе лани“),—все же и они выступали иногда передъ публикой съ публичными лекціями (или рецитаціями) по своей спеціальности (ср. *Rohde* Gr. R.[2] 328 f. Kl. Schr. II 449 f. *Lehrs* Aristarch[3] 217 f.),—не говоря уже объ ихъ лекціяхъ въ тѣсномъ кругу учениковъ, или друзей. Философы же, если не всегда въ теоріи, то часто—и чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще (ср. *Arnim*, Dio, 80 ff. 92 ff.)—на практикѣ поддерживали связи съ краснорѣчіемъ—обыкновенно болѣе уже тѣсныя, чѣмъ съ наукой. Ср. классификацію современныхъ Діону философовъ—по способамъ сообщенія или распространенія ими своей философіи у Dio XXXII 8 sqq.

[1]) Ср. выше, стр. 14 сл.—Philo de cherubim, 105: ῥητορικὴ—τάς τε ἐν ἑκάστοις δεινότητας ἐξετάζουσα καὶ πᾶσιν τὴν πρέπουσαν ἑρμηνείαν ἐφαρμόζουσα, τονώσεις καὶ περιπαθήσεις καὶ ἔμπαλιν ἀνέσεις καὶ ἡδονὰς μετὰ στωμυλίας καὶ τῆς περὶ γλῶτταν καὶ τὰ φωνητήρια ὄργανα εὐπραγίας περιποιοῦσα.

[2]) Ср. Democr. fr. 33 (ἡ φύσις καὶ ἡ διδαχὴ παραπλήσιόν ἐστι· καὶ γὰρ ἡ διδαχὴ μεταρυσμοῖ τὸν ἄνθρωπον, μεταρυσμοῦσα δὲ φυσιοποιεῖ). 59. 119 D.; π. ὕψους, 2. 22 (τότε γὰρ ἡ τέχνη τέλειος, ἡνίκ' ἂν φύσις εἶναι δοκῇ, ἡ δ' αὖ φύσις ἐπιτυχής, ὅταν λανθάνουσαν περιέχῃ τὴν τέχνην, ср. Cic. de or. III 197). 36. Ср. также сопоставленія и замѣчанія у *Norden*, A. K., 8 ff.

чало еллинское краснорѣчіе со стороны науки, или философіи, какъ и протестъ, съ какимъ—чѣмъ дальше, впрочемъ, тѣмъ все рѣже—выступали противъ него претендовавшіе на то, чтобъ представлять собою common sense, или νοῦν κοινόν. Но намъ должно быть понятно также—почему эти протесты не могли гремѣть, могли только шумѣть[1]), и почему они безсильны были—заставить вернуться назадъ, домой, вкусившихъ сладкаго какъ медъ плода лотоса, т. е. краснорѣчія[2]).

---

[1]) Но и этотъ шумъ все больше переходилъ въ глухой ропотъ: какъ философія все меньше сторонилась отъ риторики, такъ и общество съ его литературой (не говоря уже о толпѣ) все больше свыкалось и съ нею, и съ ея злоупотребленіями (поучительно съ этой точки зрѣнія сравнить, напр., Аристофана съ Герондомъ, съ παίγνιον δικανικόν—какъ выражается *Herzog*, Koische Forsch., 213,—его Πορνοβοσκοῦ).

[2]) τῶν δ᾽ ὅς τις λωτοῖο φάγοι μελιηδέα καρπόν, οὐκέτ᾽ ἀπαγγεῖλαι πάλιν ἤθελεν οὐδὲ νέεσθαι, ἀλλ᾽ αὐτοῦ βούλοντο μενέμεν νόστου τε λαθέσθαι, Od. IX 94 sqq. (ср. Plat. Phil. 15 Dsq.—о τοῦ διαλέγεσθαι γευσάμενοι). И можно даже сказать, что еллинское краснорѣчіе, все падая въ своемъ внутреннемъ значеніи (поскольку „искусство" одерживало здѣсь верхъ надъ „мудростью", форма надъ содержаніемъ, искусственная красота надъ красотой естественной), все поднималось во внѣшнемъ своемъ значеніи,—расширяя сферу своего примѣненія (позднѣйшія руководства риторики содержатъ уже въ себѣ, напр., правила для составленія и такихъ λόγοι, какъ συντακτικός, γαμικός, ἐπιθαλάμιος, κατευναστικός, γενεθλιακός, [Men.], 114 sqq. B. [Dion.]rhet. 2 sqq.).—Объ упадкѣ еллинскаго краснорѣчія ср. *Norden*, A. K., 10 f. 126 ff. 240 ff.; о краснорѣчіи времени упадка—*Rohde*, Gr. R.[2], 310 ff. *Arnim*, Dio, 128 ff. Замѣтимъ кстати, что болѣе полное и тщательное ознакомленіе съ памятниками еллинскаго краснорѣчія и болѣе осмотрительное отношеніе къ свидѣтельствамъ о немъ, вѣроятно, заставитъ современемъ изобразителей его исторіи и въ частности исторіи его упадка нѣсколько меньше сгущать краски,—особенно если они—воспользовавшись, между прочимъ, и намеками Нордена (l. l. s. 150) на аналогіи, представляемыя исторіей греческаго искусства,—не будутъ мѣрить древнимъ еллинамъ нашей, современной мѣрой,—напр., когда дѣло касается отношеній между содержаніемъ и формой. Справедливо замѣчаетъ, по поводу эпидейктическаго краснорѣчія, *Burckhardt*, Gr. Kulturg., III 341, что „многимъ теперь свойствено достойное смѣха негодованіе на свободную игру не задающейся (опредѣленною) цѣлью умственной и эстетической силы, тогда какъ никто не протестуетъ, если краснорѣчіе—въ политической рѣчи вліяло на дѣла, или—въ судебной рѣчи—было ремесломъ". Ср. также *Буасье*, Паденіе язычества (перев. Корелина), 123 сл.—Сильно преувеличенная у *Rohde*, Kl. Schr., II 17 f., „грубость, вульгарность, гнусность" полемическихъ выходокъ Эсхина или Демосѳена не можетъ быть поставлена на счетъ лишь краснорѣчію,—если мы припомнимъ, напр., выходки Аристофана; но тотъ же Аристофанъ яснѣе всего показываетъ намъ, какъ—уже тогда—была эстетически образована, въ Аѳинахъ, толпа (и воспитывавшаяся краснорѣчіемъ, и вскармливавшая краснорѣчіе): наполняющія комедію (и не одного лишь Аристофана) нападки или намеки на прежнихъ и современныхъ, признанныхъ и не признанныхъ геніевъ литературы (Гомеръ, гомериды, Пиндаръ, Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, не говоря уже о комикахъ), науки (Сократъ, Діогенъ изъ Аполлоніи), искусства (напр., на музыкантовъ), конечно, должны были расчиты-

Такъ, между поэзіей и философіей, или наукой, заимствуясь отъ нихъ всегда, но сохраняя самостоятельное мѣсто рядомъ съ ними, совершало свою исторію еллинское краснорѣчіе, и новый міръ, возникшій на развалинахъ античнаго, воспринимаетъ античную культуру—ближайшимъ-образомъ представленную и даже пропитанную риторикой[1]). Но это краснорѣчіе разрушавшагося античнаго міра и на себѣ несло, конечно, признаки разрушенія. Общій строй жизни, какъ онъ сталъ складываться дальше, слишкомъ мало благопріятствовалъ дальнѣйшему здоровому и всестороннему его развитію[2]); все меньше оставлялъ онъ и времени, и мѣста для говоренія или для выслушиванія рѣчей; то, что нѣкогда давала устная рѣчь, и даже гораздо больше того, что нѣкогда могла давать рѣчь, стали—съ гораздо большимъ, повидимому, удобствомъ—брать отъ книгъ, особенно же отъ журналовъ и газетъ, принявшихъ на себя, между прочимъ, и обязанности прежнихъ странствовавшихъ пѣвцовъ и ораторовъ—и—кто знаетъ?—быть-можетъ даже вѣщателей и заклинателей...

Но сколько побѣдъ ни было одержано надъ временемъ и надъ пространствомъ[3])—а одной изъ этихъ побѣдъ было изобрѣтеніе печатанія, а другой—изобрѣтеніе развозящихъ произведенія печати пароходовъ и паровозовъ,—все-же устное слово, хотя и подавленное бумажнымъ, или печатнымъ, однако не раздавлено имъ окончательно: кое-гдѣ оно уцѣлѣло—не только νόμῳ, а и φύσει, не въ силу только человѣческаго закона, но и въ силу закона природы.

«Иначе и быть не могло»—говоритъ намъ исторія краснорѣчія у эллиновъ. Эта исторія учитъ насъ, что краснорѣчіе столько же необхо-

---

вать на публику, не только живо интересующуюся такими вещами, но и кое-что въ нихъ знающую и понимающую.

[1]) О вліяніи греческой риторики на христіанское церковное краснорѣчіе см. *Hatch*, Griech. u. Christ., 76 ff. *Norden*, A. K. 451 ff. Wendland *N. Jahrb. f. d. kl. Alt.* IX 6 ff. Ср. Asmus, *Byz. Zeitschr.* IX 85 ff.

[2]) Только въ эпоху Возрожденія краснорѣчіе опять поднялось-было—въ Италіи; но уже въ началѣ XVI в. снова раздаются жалобы на его упадокъ (*Буркхардтъ*, Культура Италіи въ эпоху Возрожденія, 186 слл.), и съ тѣхъ поръ оно уже не дѣлаетъ сколько-нибудь значительныхъ успѣховъ—по крайней мѣрѣ качественныхъ (количественные успѣхи дѣлаетъ, напр., политическое—парламентское—краснорѣчіе). На не высокій уровень современнаго краснорѣчія (на Западѣ) жалуется *Philippi*, Die Kunst der Rede, 232 ff.

[3]) Ср. *И. И. Янжулъ*, Изъ психологіи народовъ (Экономическое значеніе „времени“ и „пространства“). 1895.

димо въ общей экономіи человѣческой культуры, какъ и поэзія, какъ и наука, или философія. Но эта исторія учитъ насъ и тому, что краснорѣчіе — небезопасное, обоюдоострое орудіе культуры. Намъ теперь еще больше страшными, чѣмъ древнимъ эллинамъ, должны представляться, конечно, опасныя стороны краснорѣчія; тѣмъ больше зато нашли-бы мы въ настоящее время средствъ — оберегать себя отъ подстерегающихъ краснорѣчіе опасностей. Тѣхъ условій, въ какихъ расцвѣло эллинское краснорѣчіе, намъ не вернуть, а съ ними вмѣстѣ — не вернуть намъ и этого краснорѣчія. Но и желать этого возвращенія, конечно, уже не приходится. Мы можемъ желать только хоть нѣкотораго возмѣщенія того, что мы тутъ растеряли или утратили со времени древнихъ эллиновъ, можемъ желать, чтобы въ обиходѣ нашей культуры краснорѣчіе заняло, хотя бы и не столь высокое, но столь же самостоятельное мѣсто, какъ и поэзія и наука, чтобы оно нашло себѣ болѣе широкое примѣненіе, особенно въ дѣлѣ популяризаціи (но, конечно, не вульгаризаціи) науки, чтобы оно учило насъ больше цѣнить силу вдохновенной мысли, какъ она — помимо стиховъ — можетъ быть выражена въ живомъ, одушевленномъ словѣ, красоту языка, какъ она — помимо стиховъ — можетъ быть выражена не въ буквахъ, а въ звукахъ.

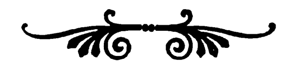
Много вообще поучительныхъ выводовъ дала бы намъ исторія эллинскаго краснорѣчія. Я могъ намѣтить эту исторію только въ самыхъ общихъ чертахъ, памятуя, подобно инымъ — и не судебнымъ и не политическимъ — ораторамъ древности, знаменитую клепсидру[1]). Я могъ нарисовать эту исторію только самыми блѣдными красками: вѣдь въ вѣкъ застоя въ развитіи краснорѣчія, я выступилъ передъ вами, Мм. Гг., не столько въ качествѣ представителя краснорѣчія, сколько въ качествѣ представителя — такъ не легко уживающейся съ краснорѣчіемъ — науки.

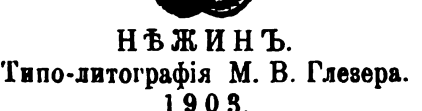
---

[1]) Ср. Dio Chr. XII 38. Едва-ли однако клепсидра, опредѣлявшая собою обыкновенно время, уступленное для произнесенія рѣчи въ аѳинскомъ судѣ или въ совѣтѣ (ср. *Keil*, Anon. Argent., 236 ff.), примѣнялась и при публичныхъ чтеніяхъ, или при театральныхъ представленіяхъ, какъ полагаетъ Vahlen, *Sitzb. d. pr. Ak.*, 1897, 639 ff.; во всякомъ случаѣ, для иныхъ (особенно для болѣе случайныхъ) эпидейктическихъ ораторовъ своего-рода клепсидрой могло — или могло-бы — служить слово Эпихарма: οὐ λέγειν τύγ' ἐσσὶ δεινός, ἀλλὰ σιγῆν ἀδύνατος...

М. Н. Бережковъ.

ВЪ ПАМЯТЬ
профессора
ПЕТРА ИВАНОВИЧА ЛЮПЕРСОЛЬСКАГО.





НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

П. И. Люперсольскій.

Недавно, назадъ тому только шесть лѣтъ съ небольшимъ, нашъ старѣйшій сотрудникъ въ Институтѣ князя Безбородка окончилъ въ немъ службу,—и вотъ его совсѣмъ не стало на свѣтѣ: Петръ Ивановичъ Люперсольскій скончался въ С. Петербургѣ 27 мая истекающаго года, въ возрастѣ неполныхъ 67 лѣтъ. Очень грустно стало намъ при полученіи извѣстія, что нѣтъ уже въ живыхъ Петра Ивановича. Не услышишь больше его веселой, умной бесѣды; не насладишься общеніемъ его доброй души! А теперь приходится отложить и грусть объ ушедшемъ въ невозвратный путь человѣкѣ; намъ остается теперь выполнить послѣдній долгъ къ нему--помянуть его жизненную дѣятельность.

Время идетъ такъ быстро, смерть похищаетъ замѣчательныхъ людей такъ неожиданно, а новые люди и новыя дѣла во многомъ такъ отличаются отъ прежнихъ, что чувствуется особая потребность говорить объ уважаемыхъ покойникахъ: хочется уяснить и закрѣпить въ своемъ сознаніи ихъ духовный обликъ; хочется, чтобы и здравствующіе люди новаго поколѣнія, коимъ предстоитъ своя трудовая жизнь, раздѣлили наше уваженіе къ почившимъ дѣятелямъ.

Конечно, я не готовъ къ тому, чтобы писать собственно біографію Петра Ивановича. Но я передамъ нѣсколько воспоминаній о немъ за время моей съ нимъ службы въ Институтѣ; для поминки о немъ я также воспользуюсь нѣкоторыми данными изъ его послужнаго списка и автобіографіи, напечатанной въ памятной книжкѣ нашего Института. („Историко-Филологическій Институтъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, 1875—1900". По этой автобіографіи составленъ кѣмъ то помѣщенный въ «Нов. Врем.» за 29 мая 1903 г. краткій некрологъ о П. И. Люперсольскомъ). Съ удовольствіемъ скажу, что могу, о Петрѣ Ивановичѣ, въ увѣренности,

что моя поминка, посвящаемая достойному человѣку, обратитъ на себя вниманіе всѣхъ, знавшихъ или только слыхавшихъ про него.

I.

П. И. Люперсольскій былъ сыномъ сельскаго священника вятской губерніи, родился 14 іюня 1836 года, учился—сколько помнится мнѣ съ его словъ—въ Елабужскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Вятской духовной семинаріи; отсюда какъ выдающійся по дарованіямъ и успѣхамъ студентъ былъ посланъ въ С.-Петербургскую духовную академію; курсъ наукъ въ ней окончилъ въ 1859 году со степенью кандидата и съ правомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, на магистерскую степень; вскорѣ по окончаніи академическаго курса былъ назначенъ учителемъ въ родную Вятскую семинарію, въ которой, впрочемъ, пробылъ не долго, всего лишь четыре мѣсяца; въ началѣ 1860 г. б. переведенъ въ С. Петербургскую духовную семинарію, гдѣ прослужилъ свыше пяти лѣтъ, преподавая греческій языкъ и гражданскую исторію, состоя также наставникомъ наблюдателемъ надъ ученьемъ иностранныхъ воспитанниковъ, обучающихся въ семинаріи, исправляя и другія обязанности: такъ въ формулярномъ спискѣ отмѣчено, что онъ, по порученію Конференціи С. Петерб. духов. академіи, занимался повѣркой по греческому подлиннику рукописнаго перевода «Толкованія Ѳеофилакта болгарскаго на евангеліе отъ Луки»; въ 1864 году исправлялъ должность секретаря въ бывшемъ Комитетѣ С. Петерб. дух. семинаріи по преобразованію духовныхъ семинарій. Въ 1865 году онъ закончилъ службу въ духовномъ вѣдомствѣ, былъ уволенъ, согласно прошенію, отъ этой службы и изъ духовнаго званія въ свѣтское; съ этого же времени началъ службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія: ему б. назначена стипендія отъ Министерства на два года, для приготовленія къ профессорскому званію; въ то же время онъ состоялъ преподавателемъ въ Ларинской гимназіи.

Итакъ бывшій учитель вступилъ на новый путь дѣятельности, болѣе соотвѣтствовавшій его дарованіямъ. Свои ученыя занятія исторіей, ближайше исторіей греческой, онъ началъ вести подъ руководствомъ профессора С. Петербургскаго университета, Михаила Семеновича Куторги; всегда съ признательностью Петръ Ивановичъ помнилъ руководительство своего учителя, цѣнилъ его талантъ и научную методу; съ своей сто-

роны профессоръ Куторга, надлежащимъ образомъ оцѣнившій дарованія Люперсольскаго, какъ теперь, такъ и позже всегда участливо относился къ его ученымъ трудамъ, къ его личности[1]). Въ 1869 году въ Историко-Филологическій факультетъ С. Петерб. университета было представлено изслѣдованіе П. И. Люперсольскаго «*Храмовый городъ Дельфы съ оракуломъ Аполлона Пиѳійскаго въ древней Греціи*». Оно б. напечатано по опредѣленію факультета, и, послѣ публичной защиты, доставило изслѣдователю ученую степень магистра исторіи. Въ шести главахъ книги описывается географическое положеніе, топографія и внѣшній видъ священнаго города Дельфъ, съ обозрѣніемъ всѣхъ даровъ, преимущественно статуй, которыя были принесены дельфійскому храму отъ разныхъ городовъ Греціи и даже изъ другихъ—не греческихъ—странъ, которыя составили, по выраженію автора, «богатѣйшую въ Греціи галлерею изящныхъ произведеній ваятельнаго искусства, и вмѣстѣ съ тѣмъ наглядную лѣтопись всѣхъ важнѣйшихъ событій греческой исторіи»; изслѣдуется древность дельфійскаго оракула, преданія объ основаніи его и о началѣ города Дельфъ, причемъ съ особой внимательностью критически разбирается гимнъ Аполлону пиѳійскому, какъ древнѣйшій и важнѣйшій источникъ для исторіи Дельфъ; дальше рѣчь идетъ о древнихъ священныхъ войнахъ

---

[1]) Въ 1882 году, въ декабрѣ, по случаю исполнившагося 50-лѣтія ученой дѣятельности профессора Куторги, Конференція нашего Института отправила ему поздравительный адресъ, по предложенію П. И. Люперсольскаго, и имъ составленный (Извѣстія Инст. кн. Безбородко, т. IX, оффиц. отд. стр. 26—28; тамъ же и отвѣтное письмо профессора Куторги). Юбилей Михаила Семеновича скромно б. отпразднованъ въ имѣніи его, называемомъ Борокъ, мстиславскаго уѣзда могилев. губерніи: смотр. объ этомъ замѣтку въ Журн. М. Н. Пр. за 1883 г. апрѣль. Припоминаю, что въ этомъ имѣніи М. С. Куторги покойный П. И. Люперсольскій бывалъ въ гостяхъ; а когда проф. Куторга скончался (въ маѣ 1886 г.), Петръ Ивановичъ спустя годъ еще разъ помянулъ его въ публичной рѣчи, на актѣ Института 30 августа 1887 года, вмѣстѣ и М. Н. Каткова, скончавшагося лѣтомъ 1887 года: директоръ Института, Н. Е. Скворцовъ, просилъ Петра Ивановича говорить про нихъ обоихъ.

Дельфъ, наконецъ о внутреннемъ устройствѣ Дельфъ и оракула. Главныя положенія и выводы такъ выражены авторомъ: «дельфійскій храмъ Аполлона не былъ мѣстнымъ храмомъ города Дельфъ, но общимъ святилищемъ всѣхъ эллиновъ; первоначально на мѣстѣ города Дельфъ былъ только храмъ Аполлона, а потомъ при немъ постепенно образовался городъ; начало городу положили жрецы Аполлонова храма, и первыми жрецами при этомъ храмѣ были пришельцы съ острова Крита; въ началѣ дельфійскій оракулъ находился въ зависимости отъ города Криссы; мнѣніе новѣйшихъ ученыхъ, что война Дельфъ съ Криссой происходила одновременно съ войной амфиктіоновъ противъ Кирры, противорѣчитъ извѣстіямъ древнихъ объ этой послѣдней войнѣ и не можетъ быть принято[1]). Во время священной войны противъ Кирры, происходившей въ началѣ VI вѣка до Р. Х. мы видимъ священный городъ на верху могущества и вліянія въ Греціи. Онъ былъ храмовымъ городомъ[2]), т. е. главное тамъ былъ храмъ Аполлона, городъ же находился такъ сказать при храмѣ, принадлежалъ ко храму, а не храмъ принадлежалъ городу; жрецамъ Аполлона принадлежала верховная власть въ Дельфахъ, т. е. какъ главное наблюденіе надъ храмомъ Аполлона, такъ и вліяніе на все внутреннее управленіе въ Дельфахъ; но гражданскимъ управленіемъ въ Дельфахъ завѣдывали особыя лица, а не жрецы, и это гражданское управленіе было копіей съ аѳинскаго государственнаго устройства. Пророчица Аполлона, Пиѳія,—говоритъ послѣдній тезисъ—олицетворяла собою высокій образъ нравственной чистоты и непорочности». Такъ выражены авторомъ положенія Въ текстѣ они доказываются на основаніи источниковъ, тщательно критикуемыхъ; намѣчаются интересные научные вопросы, хотя не всегда положительно и точно, какъ желалъ бы того авторъ, рѣшаются; всюду чувствуется пытливость мысли, свѣжая любо-

---

[1]) Сравн. также въ текстѣ книги на стр. 126 выводъ о священныхъ войнахъ сначала съ Криссой, потомъ съ Киррой.

[2]) «Мысль о такихъ храмовыхъ городахъ или владѣніяхъ, какъ особенномъ видѣ политическихъ организмовъ въ древней Греціи, высказывалъ и развивалъ на своихъ лекціяхъ въ С. Петерб. университетѣ М. С. Куторга: намъ не случалось встрѣчать ея гдѣ либо въ сочиненіяхъ ученыхъ»: примѣчаніе автора въ предисловіи къ книгѣ на стран. IV.

знательность ученаго; онъ умѣетъ внимательно анализировать и дѣлать осторожный выводъ, а иногда высказываетъ широкій обобщающій взглядъ: для примѣра укажу на тѣ страницы, гдѣ авторъ говоритъ о греческой религіи вообще (стран. 132—135): онѣ такъ хороши, что годятся, на мой взглядъ, въ историческую хрестоматію; есть и другія мѣста въ такомъ же обобщающемъ родѣ, но чаще въ книгѣ ведется строго дѣловое, критическое разслѣдованіе источниковъ и повѣрка научныхъ мнѣній, болѣе или менѣе доказанныхъ, преимущественно нѣмецкихъ ученыхъ; устанавливаются детальные факты и небольшіе, но точные выводы; однако и тутъ изложеніе ведется не сухо, а съ полной занимательностью для читателя, даже не для спеціалиста. Вообще вся книга Люперсольскаго отмѣчена несомнѣннымъ научнымъ талантомъ[1]).

II.

Въ томъ же 1869 году магистръ Люперсольскій былъ командированъ съ ученой цѣлью за границу на два года. Это время онъ употребилъ на слушаніе лекцій въ Берлинскомъ университетѣ у профессоровъ Л. Ранке, Т. Моммзена, Э. Курціуса и у другихъ; посѣщалъ Дрезденъ и Мюнхенъ; въ 1870 г. путешествовалъ по Италіи, Сициліи, Греціи; въ Аѳинахъ изучалъ топографію города и древности; путешествіе закончилъ обзоромъ Константинополя; но въ Дельфахъ, кажется, не успѣлъ быть: по крайней мѣрѣ въ автобіографіи объ этомъ не говорится. (Смотр.

---

1) Въ одномъ изъ указателей Межова отмѣчено, что книга «Храмовый городъ Дельфы» б. напечатана въ 600 экземплярахъ, и что цѣна ей въ продажѣ б. назначена по 1 руб. за экземпляръ. Рецензій на книгу не указано; нѣтъ указаній на рецензіи и въ новѣйшемъ библіографическомъ трудѣ г. Прозорова. (Межовъ, Русск. Историч. библіографія за 1865—1876 включительно, т. VI, Спб. 1886.—П. Прозоровъ, Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи, напечатан. въ Россіи съ XVII столѣтія по 1892 г. на русск. и иностран. языкахъ, Спб. 1898).

По какой-то совсѣмъ неожиданной случайности, книга П. И. Люперсольскаго отсутствуетъ въ фундаментальной библіотекѣ нашего Института: я знаю ее по экземпляру, мнѣ подаренному отъ автора.

въ ней нѣкоторыя другія подробности относительно заграничной командировки, впрочемъ не многія).

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, онъ былъ назначенъ въ 1872 году въ Варшавскій университетъ, на каѳедру всеобщей исторіи, сначала доцентомъ, вскорѣ и профессоромъ; въ 1875 г. б. переведенъ ординарнымъ профессоромъ въ нашъ Институтъ: онъ былъ при самомъ открытіи Института 14 сентября 1875 года. Съ тѣхъ поръ онъ служилъ ему до самой отставки (въ 1897 году, лѣтомъ), проживъ въ Нѣжинѣ 22 года, тѣсно связавъ свое имя съ Нѣжиномъ и Институтомъ князя Безбородка: былъ не разъ членомъ Правленія Института; одно время управлялъ имъ за директора (именно въ тотъ промежутокъ, когда Н. А. Лавровскій оставилъ директорскую должность, а Н. Е. Скворцовъ еще не вступилъ въ ту же должность). Но главная служба, конечно, профессорская.

Въ первый годъ институтскаго ученья профессоръ Люперсольскій прочиталъ своимъ слушателямъ введеніе во всеобщую исторію, потомъ изложилъ исторію Индіи, Вавилона и Ассиріи, Ирана и Египта; и въ ближайшіе за тѣмъ годы, какъ видно изъ его отчетовъ въ печатныхъ протоколахъ «Извѣстій Института», онъ начиналъ свой общій курсъ для младшихъ студентовъ также исторіей Востока, потомъ переходилъ къ исторіи Греціи и Рима, а для старшихъ студентовъ 3 и 4 курсовъ читалъ то среднюю, то новую исторію Европы, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, присоединяя иногда какой либо спеціальный или семинарскій курсъ, напр. о Геродотѣ, о Ѳукидидѣ, о Прокопіѣ и т. п., или же курсъ по греческой исторіографіи, по греческимъ древностямъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже онъ возвращался къ очерку исторіи Востока; въ мое время онъ обычно начиналъ свой общій курсъ для младшихъ студентовъ прямо съ Греціи, либо съ Рима,— и мнѣ, въ качествѣ его ассистента на экзаменахъ, ни разу не пришлось познакомиться съ исторіей Востока въ его изложеніи. Предполагаю, однако, что онъ излагалъ ее съ неменьшимъ научнымъ интересомъ, какъ и всю вообще древнюю исторію; въ качествѣ образованнаго богослова, близко знакомаго съ Библіей, онъ по всей вѣроятности надлежаще умѣлъ воспользоваться и этимъ важнѣйшимъ для исторіи древняго человѣчества источникомъ, который нынѣ, вслѣдствіе новыхъ открытій въ области ассиріологіи и египтологіи, получаетъ еще большее историческое значеніе. (Говорю, конечно, не про

идеальное, вѣчное значеніе Библіи, а какъ про историческій источникъ въ общепринятомъ смыслѣ слова, въ ряду иныхъ письменныхъ источниковъ и вещественныхъ остатковъ библейской древности). Вообще богословское и церковно-историческое образованіе, полученное Люперсольскимъ въ духовной академіи, хорошо пригодилось ему для преподаванія исторіи въ высшей школѣ, особенно для выясненія слушателямъ разныхъ явленій въ области культуры древняго и новаго міра; тутъ, при обозрѣніи культурной исторіи, да и политической, П. И. Люперсольскій являлся со своимъ просвѣщеннымъ взглядомъ на ходъ всемірной исторіи,—взглядомъ образованнаго русскаго человѣка, который сознаетъ, что онъ долженъ и можетъ самостоятельно по-русски смотрѣть на исторію человѣчества, т. е. съ точки зрѣнія вселенскаго православія, съ высоты которой открываются далекіе проспекты историческіе, новые и интересные какъ для западно-европейской, весьма широко разработанной исторіографіи германо-романскаго міра, такъ и въ особенности для исторіографіи міра греко-славянскаго, гораздо меньше разработанной по научному. Къ сожалѣнію, признаться нужно, у насъ еще мало ученыхъ историковъ, которые бы изучали исторію съ этой самостоятельной точки зрѣнія, т. е. русской, церковно-вселенской; немногіе только славянофилы, эти высоко талантливые и широко образованные люди, дѣлали замѣчательныя попытки въ этомъ направленіи; но у насъ недостаточно ихъ оцѣнили, а нѣкоторые робкіе люди какъ будто даже испугались смѣлаго размаха ихъ истинно русской мысли. И не то, чтобы у насъ было мало талантливыхъ людей, или же людей, одушевляющихся православною русскою идеей: въ Россіи, слава Богу, довольно было и есть такихъ людей; но у насъ до сихъ поръ рѣдки основательно образованнные историки, хорошо знающіе исторію въ ея первыхъ источникахъ: вѣдь недостаточно однихъ порывовъ богословствующей и философствующей мысли въ область всемірной исторіи; рядомъ съ ними нужна терпѣливая послѣдовательная работа, настоящій черновый трудъ надъ первыми источниками историческаго знанія, для пріобрѣтенія положительныхъ точныхъ выводовъ научныхъ. Все это хорошо сознавалъ и поминаемый нами П. И. Люперсольскій; человѣкъ большого ума, онъ со свойственной ему притомъ добросовѣстностью признавался въ недочетахъ своего историческаго знанія. Онъ былъ спеціалистомъ греческой исторіи; ее онъ зналъ по первымъ источникамъ,

и ясно, увлекательно преподавалъ ее студентамъ Института; но изложеніе европейской исторіи среднихъ и новыхъ вѣковъ затрудняло его, и онъ не разъ прямо говорилъ въ Конференціи своихъ сослуживцевъ, что онъ меньше подготовленъ къ ея преподаванію. Между тѣмъ преподаваніе всеобщей исторіи нѣсколько лѣтъ къ ряду лежало на обязанности его одного, какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ курсахъ Института, на историческомъ его отдѣленіи, которое образовалось по предложенію профессоровъ исторіи: Н. Я. Аристова, П. И. Люперсольскаго и Г. Э. Зенгера; предложеніе ихъ было внимательно разсмотрѣно, горячо обсуждаемо въ Конференціи Института, и въ августѣ 1882 г. получило утвержденіе со стороны Министерства; но вскорѣ случилось то, чего П. И. Люперсольскій не ожидалъ, чего никто не могъ предвидѣть: съ 1885 г. онъ остался на нѣсколько лѣтъ единственнымъ представителемъ каѳедры всеобщей исторіи, и долженъ былъ преподавать всѣ отдѣлы ея на разныхъ курсахъ Института; не безъ горькой ироніи онъ говорилъ про себя тогда, что «ему, какъ нѣкоему Атланту, приходится держать на своихъ плечахъ всю всемірную исторію»[1]). Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его было трудное: при обычныхъ 6 лекціяхъ въ недѣлю надобно было изложить обширный предметъ, въ сжатомъ, конечно, научномъ видѣ, притомъ приноравливая изложеніе отчасти для педагогической цѣли: ибо слушатели IV курса историческаго отдѣленія даютъ пробные уроки по исторіи и географіи въ Нѣжинской гимназіи, а по выходѣ изъ Института могутъ тотчасъ стать учителями этихъ предметовъ въ средней школѣ, и готовы для своего преподаванія сейчасъ же воспользоваться профессорскими лекціями. Наконецъ приходилось руководить студентовъ при составленіи ими курсовыхъ диссертацій; все это очень озабочивало Петра Ивановича, занимало у него почти весь досугъ, иной разъ очень утомляло его. Вотъ что очень серьезно было въ положеніи даровитаго профессора: при обиліи мыслей, при способности догадки и пониманія историческаго—сознавать недочеты знанія!

III.

Скажу теперь о печатныхъ ученыхъ и литературныхъ трудахъ

---

[1]) Такъ онъ выразился и передъ министромъ И. Д. Деляновымъ, когда тотъ посѣтилъ нашъ Институтъ (въ октябрѣ 1888 года).

П. И. Люперсольскаго. Ихъ не много: вотъ они въ порядкѣ ихъ печатанія, сверхъ магистерской диссертаціи, о которой выше сказано.

„Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла“. (Извѣстія Истор. фил. Института князя Безбородка, томъ I. Это—рѣчь, произнесенная на актѣ Института 30 августа 1876 г. и обработанная для печати. Трудъ вызвалъ рецензію М. С. Куторги въ «Русск. Вѣстникѣ» 1880 г. книга февраль, очень внимательную и важную въ принципіальномъ смыслѣ, съ нѣкоторыми поправками и возраженіями автору, послѣ похвалы ему).

„Дипломатическія сношенія и борьба императора Александра I съ Наполеономъ“. (Извѣстія Института, т. III. Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Института 12 декабря 1877, въ столѣтній юбилей государя Александра Павловича. Интересный очеркъ, составленный главнѣйше по книгѣ Богдановича; взглядъ нашего автора на личность императора Александра Благословеннаго съ особой рельефностью выраженъ на стран. 28—31 рѣчи; но этотъ взглядъ больше характеренъ для него самого, какъ «благороднаго идеалиста», нежели для изображаемаго лица, представленнаго можетъ быть съ излишнею нѣсколько идеализаціей).

„Что такое ἕλληνες σκύθαι *у Геродота* IV, 17“. (Журналъ Мин. Нар. Просв. 1884, декабрь; сравн. то же въ трудахъ VI Археологич. съѣзда въ Одессѣ, т. II, подъ заглавіемъ «О каллипидахъ у Иродота», небольшой археологическій рефератъ).

„Протоіерей Андрей Өедоровичъ Хойнацкій, бывшій профессоръ Богословія въ Инст. кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“. (Вѣстникъ славянства, сборникъ издав. проф. В. Качановскимъ, кн. VIII, Кіевъ, 1893. Въ статьѣ тепло вспоминается отецъ протоіерей Хойнацкій, дается характеристика его, какъ законоучителя, автора, семьянина, мѣстнаго дѣятеля; въ концѣ двѣ рѣчи надгробныя о немъ о. прот. Васютинскаго и самого Петра Ивановича. Отдѣльные оттиски статьи продавались въ пользу Нѣжинскаго Братства пресв. Богородицы, всѣхъ скорбящихъ Радости, устроеннаго по почину о. Хойнацкаго, при мужскомъ монастырѣ, подъ предсѣдательствомъ о. архим. Григорія).

„Четыре пѣсни, записанныя въ вятской губерніи (въ той же книжкѣ «Вѣстн. славянства“; пѣсни не безъинтересны, какъ образчики мѣстнаго говора).

Вотъ все имъ напечатанное. Конечно, это—не много для такого талантливаго, много читавшаго и размышлявшаго человѣка, какъ Петръ Ивановичъ. Онъ могъ бы писать много и занимательно, хотя бы напримѣръ по этнографіи вятскаго края, который близко былъ знакомъ ему. Бывало, съ удовольствіемъ онъ вспоминалъ «про свою Вятку» про свою деревенскую жизнь и школу городскую, про благолѣпные вятскіе храмы, голосистыхъ пѣвчихъ и дьяконовъ; помню, съ какимъ неподражаемымъ юморомъ онъ разсказывалъ о крещеныхъ вотякахъ, какъ они въ вербное воскресенье гоняются съ вербой за «кереметью» и т. п. Много интереснаго онъ могъ бы сообщить про петербургскую жизнь 50 и 60 годовъ, о путешествіи по Германіи, Италіи, Греціи, побольше подѣлиться соображеніями по части греческой исторіи, древней и новой. Но онъ рѣдко брался за перо. Можно объ этомъ жалѣть, но нельзя, конечно, ставить это въ упрекъ ему: вѣдь всякій воленъ писать и печатать въ извѣстныхъ цензурныхъ предѣлахъ, что онъ желаетъ, что ему нравится, что считается имъ за полезное для читателей. Мы уже сказали, что вниманіе нашего профессора было занято главнѣйше преподаваніемъ науки: вѣдь, это—главное дѣло всякаго профессора. обязательное для него; одно это дѣло дай Богъ хорошо выполнить! Притомъ Петръ Ивановичъ былъ очень требователенъ къ себѣ самому и къ другимъ писателямъ: онъ терпѣть, напримѣръ, не могъ безпорядочности изложенія, всякой неряшливости языка и слога; онъ хорошо понималъ, что искусство писать есть въ сущности искусство мыслить; а чтобы хорошо, т. е. основательно и послѣдовательно мыслить, да ясно, изящно выражаться, для этого требуется непрестанное напряженіе умственныхъ силъ, да особыя благопріятныя условія, при которыхъ мысль вынашивается до зрѣлости, до простоты и точности выраженія. Коли писать, такъ хорошо писать, а то ужъ лучше не писать вовсе, чтобы не тратить напрасно времени своего и читателей. И то сказалъ поэтъ: «мысль изреченная есть ложь». А написанная— прибавлю—вдвойнѣ можетъ стать ложью, даже безъ намѣренія писателя. Всего безопаснѣе и безспорно полезны суть строго критическіе, научно - объективные труды; но они-то и суть самые трудные для писателя и читателя: и многіе ли читатели имѣютъ къ нимъ вкусъ? Журналъ и газета теперь плѣнили вниманіе читателей; «легкость» статей считается чуть не главнымъ достоинствомъ ихъ.

IV.

Кромѣ профессорской должности у него были другія обязанности, добровольно имъ на себя принятыя. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ членомъ Губернскаго училищнаго совѣта, членомъ совѣта благотворительнаго Братства Божіей Матери при Нѣжинскомъ мужскомъ монастырѣ, попечителемъ церковно-приходской школы при Спасской церкви г. Нѣжина, основанной въ память событія 17 октября 1888 года, членомъ Историко-филологическаго Общества при Институтѣ кн. Безбородка и проч. Всюду онъ былъ желаннымъ дѣятелемъ, внося въ каждое дѣло добрый совѣтъ, живое участіе, давая когда нужно деньги щедрою рукой. Въ кругу институтскихъ своихъ товарищей и учителей гимназіи, среди членовъ Нѣжинскаго окружнаго суда, среди духовенства и иныхъ представителей городскаго общества онъ являлся интереснымъ гостемъ, становился что называется душой общества: веселый, отзывчивый на всякую хорошую мысль и чувство, дѣловитый собесѣдникъ, изящный и вѣжливый въ обращеніи, иногда блестящій застольный ораторъ, умѣвшій какъ разъ кстати выразить общее настроеніе минуты,—таковъ былъ въ обществѣ Петръ Ивановичъ[1]). Онъ держалъ себя всегда съ чувствомъ достоинства, и въ другихъ любилъ и успѣвалъ поддерживать это же чувство: оно было у него и непосредственнымъ чувствомъ, и вмѣстѣ сознательнымъ руководящимъ правиломъ

---

[1]) Неоднократно, замѣчу здѣсь же, П. И. Люперсольскій составлялъ, по порученію Конференціи, привѣтственные отъ нея адресы разнымъ лицамъ, какъ-то: достопочтенному нѣжинскому архимандриту о. Григорію, по случаю исполнившагося 50 лѣтія его священства, и предсѣдателю Нѣжинскаго окружнаго суда, Льву Ивановичу Ланге, также въ 50 лѣтній юбилей его службы; произносилъ рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ, обращавшія на себя общее вниманіе, какъ наприм. при открытіи памятника Гоголю въ Нѣжинѣ: слышавшіе рѣчь отзывались о ней, какъ очень остроумной и веселой. Любилъ онъ сказать теплое слово и о покойникахъ: припоминаю рѣчь его въ церкви Института при отпѣваніи И. Г. Кулжинскаго и рѣчь на могилѣ А. Ѳ. Хойнацкаго; изъ газетъ мнѣ извѣстно, что въ самое недавнее время онъ произнесъ рѣчь при похоронахъ И. Е. Троицкаго, профессора С. Петерб. духовн. академіи.

въ отношеніи людей. Съ перваго разу онъ могъ, пожалуй, показаться кому ни будь гордымъ; но это только такъ казалось: въ сущности онъ былъ благородно смѣлый, прямой человѣкъ, а главное—очень добрый, чувствительный; кто слыхалъ его искреннюю рѣчь, откровенную, доходившую до энтузіазма, и его широкій гомерическій смѣхъ, тотъ скоро убѣждался, что слышитъ хорошаго, милаго человѣка, совсѣмъ не гордаго

Живя одиноко въ своей институтской квартирѣ, (онъ не зналъ семейнаго счастья), съ расположеніемъ онъ встрѣчалъ гостя, угощалъ его хлѣбомъ—солью, чаемъ, «настоящимъ китайскимъ чаемъ», какъ подшучивалъ онъ надъ этимъ, столь много потребляемымъ у насъ національнымъ нашимъ напиткомъ,—какъ бисеръ сыпалъ предъ собесѣдникомъ остроумныя рѣчи, шутки, либо велъ серьезную научную бесѣду. Не рѣдко навѣщали его просители: по возможности онъ не отказывалъ въ ихъ просьбахъ, помогалъ словомъ и дѣломъ, ссужалъ, дарилъ деньги. Иной разъ собиралось къ нему большое общество. Помню, напримѣръ, день 12 декабря 1891 года. Въ этотъ день, по его просьбѣ, настоятель греческой церкви, покойный о. А. М. Имшенецкій, служилъ литургію на греческомъ языкѣ; по обычаю, еще съизстари соблюдавшемуся въ Нѣжинской греческой церкви, время отъ времени греческая литургія въ ней служилась на нашей памяти; П. И. Люперсольскій не пропускалъ случая бывать на ней, а иногда нарочито просилъ о ней настоятеля, какъ было и теперь; послѣ обѣдни онъ пригласилъ къ себѣ причтъ церкви, профессоровъ и учителей, на обильную трапезу; по окончаніи ея всѣ хоромъ пропѣли величаніе преподобному Спиридону тримиѳунтскому, празднуемому того дня святому. И хозяинъ, и гости всѣ были очень довольны импровизованнымъ праздникомъ. Вообще всякія импровизаціи хорошо удавались Петру Ивановичу. Онъ увлекался и увлекалъ.

Надо всѣмъ этимъ онъ былъ глубоко религіозный человѣкъ,—да позволено будетъ и это мнѣ сказать о немъ. Всей душой онъ любилъ наше церковное богослуженіе, восхищался красотой византійскихъ пѣснопѣній, великолѣпіемъ славянской рѣчи. По этому предмету, бывало, онъ скажетъ мнѣ: «ну, могутъ ли, скажите мнѣ, наши русскіе написать что нибудь подобное греческимъ пѣснопѣніямъ? Гдѣ вы найдете такую высокую поэзію, кромѣ грековъ?» Я съ своей стороны замѣчалъ, что русскіе за то лучше грековъ умѣютъ пропѣть ихъ на родномъ славянскомъ

языкѣ.—«Это—также правда», соглашался со мной Петръ Ивановичъ. И дома онъ любилъ прочесть страницу изъ Библіи греческой, или славянской; случалось и мнѣ прочтетъ,—царство ему небесное—главу, напримѣръ изъ посланій апостола Павла.

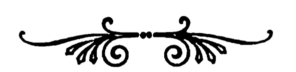
О болѣзни Петра Ивановича мы узнали въ Нѣжинѣ въ самомъ началѣ 1902 года: тогда онъ впервые пораженъ былъ параличемъ; его положили въ клинику доктора Бехтерева, гдѣ вскорѣ онъ получилъ облегченіе; лѣтомъ онъ чувствовалъ себя настолько въ силахъ, что поѣхалъ къ роднымъ въ уфимскую губернію; въ маѣ сего 1903 года онъ возвратился въ Петербургъ, должно быть съ намѣреніемъ опять полечиться; но здѣсь и постигла его кончина. Одно близкое мнѣ лицо, по моей просьбѣ, сообщило нѣсколько подробностей о послѣднихъ дняхъ Петра Ивановича, которыя я теперь передамъ. Оказывается, что въ послѣдніе дни мая онъ чувствовалъ себя сравнительно хорошо; въ день Пятидесятницы, 25 мая, онъ гулялъ, катался съ извощикомъ по улицамъ столицы; но вечеромъ этого дня заболѣлъ разстройствомъ желудка и рвотой; болѣзнь продолжалась и въ Духовъ день; по заключенію врача это—параличъ желудка; къ вечеру понедѣльника, 26 числа, больному стало лучше, и онъ уснулъ; бывшій при немъ слуга время отъ времени прислушивался, какъ почиваетъ его господинъ; часа въ два утромъ 27 числа онъ еще спокойно дышалъ; но когда, черезъ нѣсколько минутъ, слуга еще разъ прислушался, то оказалось, что онъ уже пересталъ дышать. Тихо пришла къ нему таинственная гостья, чтобы пресѣчь нить его жизни, чтобы проводить его въ жизнь новую, безконечную..

М. Бережковъ.

Нѣжинъ,
13 декабря 1903.

Н. Е. Скворцова.

Недуги нашего учебнаго дѣла.



НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по постановленіи конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Брзбородко,

Директоръ *Ф. Гельбке.*

НЕДУГИ НАШЕГО УЧЕБНАГО ДѢЛА.

I.

Настоящее положеніе дѣла.

Въ настоящее время почти всюду предприняты, или уже произведены реформы въ учебномъ дѣлѣ гимназій. Такъ именно, не смотря на то что гимназическая реформа сдѣлана была въ Пруссіи въ 1891 году, теперь тамъ вновь, говорятъ, готовится реформа; предположены реформы также въ Австріи, во Франціи, въ Англіи, въ Испаніи, въ Румыніи и въ Соединенныхъ Штатахъ. Закончена реформа въ Норвегіи, въ Италіи и въ Греціи. Предполагается и ожидается также учебная реформа и у насъ въ Россіи. Уже такое повсемѣстное распространеніе реформеннаго духа относительно учебнаго дѣла гимназій указываетъ на то, что дѣло это недужно и требуетъ врачеванія.

Печатаніе этой статьи въ «Извѣстіяхъ Института» объясняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Послѣ смерти Николая Ефремовича Скворцова, 2-го Директора нашего Института, осталось множество рукописей его различнаго содержанія, которыя всѣ вдова его Анастасія Ивановна Скворцова предложила въ даръ институтской библіотекѣ. Конференція Института принявъ съ благодарностію этотъ даръ, поручила произвести предварительную сортировку рукописей одному изъ членовъ своихъ, который изъ присланнаго большого ящика извлекъ прежде всего рукопись подъ заглавіемъ *«недуги нашего учебнаго дѣла»* какъ такую, которая, по его мнѣнію, ранѣе всѣхъ другихъ заслуживаетъ напечатанія, тѣмъ болѣе, что она съ одной стороны представляетъ собою 2-ю часть

Но не всѣ эти реформы, какъ исполненныя такъ и предлагаемыя, согласованы съ дѣйствительными нуждами учебнаго дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ скорѣе, кажется, способны ухудшить его болѣзненное состояніе, чѣмъ улучшить. Это именно тѣ реформы, при которыхъ руководствуются мыслію, что гимназіи должны доставлять образованіе, возможно ближе и больше соотвѣтствующее нуждамъ окружающей дѣйствительности и вообще практическимъ интересамъ жизни. Увлекаясь въ учебномъ дѣлѣ утилитаризмомъ всякаго рода, не замѣчаютъ, что чрезъ это именно все болѣе и болѣе развиваютъ въ немъ столь гибельныя для его цѣлей *полунауку и полуобразованіе*. Это зло дѣйствительно подтачиваетъ теперь учебное дѣло, особенно—гимназій. Это какой-то склерозъ ихъ, при которомъ эти органы учебнаго дѣла еще живутъ, но понимающимъ внушаютъ за себя большія опасенія. Въ настоящее время впрочемъ означенная болѣзнь находится еще въ начальномъ періодѣ. Это періодъ нѣкотораго психическаго измѣненія личности, что и выразилось между прочимъ теперь въ Пруссіи довольно ясно въ этой пресловутой «реформенной гимназіи» Reformgymnasium.

Особенность задачи по устройству учебнаго дѣла гимназій состоитъ въ томъ, что она не можетъ быть рѣшена безотносительно къ университету, такъ какъ гимназія и университетъ исторически непосредственно связаны между собою. Потому, кто хочетъ помочь современной гимназіи, тотъ долженъ лѣчить этотъ дѣйствительно больной теперь органъ учебнаго дѣла, не теряя изъ виду университета. Но и университеты, нельзя сказать, чтобы были теперь совершенно здоровыми органами учебнаго дѣла, особенно наши русскіе университеты. И они, также какъ гимназіи, недужны въ постановкѣ въ нихъ ученія. Слѣдовательно, и они требуютъ лѣченія.

въ напечатанной подъ тѣмъ же заглавіемъ еще въ 1896 году книгѣ Н. Е. Скворцова, а съ другой восполняетъ собою пробѣлъ въ его некрологѣ, напечатанномъ въ 20-мъ томѣ извѣстій Института. Рукопись эта, послѣ предварительнаго прочтенія ея Г.г. членами конференціи, была посредствомъ закрытой баллотировки одобрена конференціей къ печати, при чемъ корректированіе и редактированіе ея поручено тому же члену Г. В. Малеванскому.

Примѣчаніе редакціи.

Главное условіе цѣлесообразнаго лѣченія какъ гимназій такъ и университетовъ состоитъ въ томъ, чтобы не отрывать ихъ при этомъ отъ той исторической почвы идеальныхъ интересовъ образованія, на которой они выросли. На этой почвѣ гимназія сложилась какъ школа, приготовляющая умы учащихся къ университетскому ученію, а университетъ, какъ школа умовъ высшаго научнаго порядка. Если съ этой точки зрѣнія будутъ разсуждать объ учебномъ дѣлѣ въ настоящемъ его положеніи, тогда можетъ быть принесена ему дѣйствительная польза; тогда между прочимъ будетъ достаточно ясно видно и то, какія изъ прочихъ учебныхъ заведеній и при какихъ условіяхъ могутъ такъ же, какъ и гимназіи быть признаны школами приготовительными къ университетскому ученію. Внѣ же такого отношенія къ дѣлу, разсуждая о немъ подъ угломъ зрѣнія какихъ либо непосредственно практическихъ интересовъ, легко можно напутать и создать, напримѣръ, вмѣсто гимназіи, все что угодно, но только не школу, приготовляющую умы учащихся къ университетскому ученію, да и само университетское ученіе организовать такъ, что оно можетъ быть пригодно только для полученія чрезъ него дипломовъ, а не для приготовленія умовъ высшаго порядка. Въ силу именно идеальныхъ интересовъ, гимназія и университетъ, не смотря на все различіе ихъ по составу учащихся и по матеріалу ученія, въ организмѣ всего учебнаго дѣла составляютъ нѣчто цѣлое и, какъ сказалъ недавно одинъ нѣмецкій профессоръ (das humanistische gymnasium 1900. стр. 52), «или будутъ существовать *вмѣстѣ*, или *вмѣстѣ* погибнутъ.»

Между тѣмъ у насъ нѣкоторые, или изъ ложнаго консерватизма, или просто по недоразумѣнію, говорятъ, что для процвѣтанія нашего учебнаго дѣла вообще и въ отдѣльности, какъ оно поставлено въ университетахъ и гимназіяхъ, требуются въ немъ только нѣкоторыя улучшенія и исправленія, а не реформы. Мы же думаемъ напротивъ, что только реформа коренная, захватывающая весь учебный порядокъ нашихъ университетовъ и гимназій, да и нѣкоторыхъ другихъ сопредѣльныхъ съ ними учебныхъ заведеній, можетъ доставить имъ подобающее мѣсто въ ряду органовъ развитія нашей исторической жизни и уберечь ихъ отъ окончательнаго разстройства.

Несчастное наше учебное дѣло! Военное, финансовое и нѣкоторыя другія дѣла у насъ замѣтно процвѣтаютъ, учебное же дѣло наше давно

уже вянетъ, безсильствуетъ и, являясь атрофированнымъ органомъ въ государственномъ нашемъ организмѣ, естественно, обезсиливаетъ и многіе другіе его органы. Съ сороковыхъ годовъ истекшаго вѣка надъ нашимъ учебнымъ дѣломъ постоянно производились опыты улучшенія его, но только въ полицейскомъ отношеніи его къ другимъ, по смыслу внѣшняго благочинія и благоустройства, а не по отношенію ко внутреннимъ задачамъ его, какъ дѣла образованія. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ графъ Толстой задумалъ было преобразовать учебное дѣло по существу, но, какъ говорится, «начавъ за здравіе свелъ за упокой.»

Графъ Толстой, вступившій въ управленіе министерствомъ учебныхъ дѣлъ въ самый разгаръ броженія у насъ умовъ, былъ увлеченъ мнѣніемъ, что тогдашнее броженіе умовъ нашей молодежи, извѣстное въ Европѣ подъ именемъ «русскаго нигилизма», развилось у насъ вслѣдствіе неправильнаго обученія умовъ въ гимназіяхъ, вслѣдствіе будораженія ихъ здѣсь разными науками, вмѣсто укрѣпленія чрезъ усиленное занятіе древними языками. Само по себѣ это мнѣніе не только вовсе не парадоксально, но и вполнѣ вѣрно. Его держатся и доселѣ самые образованные умы въ Германіи. Такъ, еще недавно, на конференціи въ Берлинѣ въ 1890 г,, одинъ изъ членовъ ея (и безъ всякаго протеста со стороны защитниковъ реальной школы) говорилъ слѣдующее: «у насъ (тоесть въ Германіи) вы никогда не видите студенческихъ безпорядковъ, студенческихъ волненій, или вмѣшательства студентовъ въ политику и въ общественныя дѣла. Въ сосѣднихъ же странахъ почти во всѣхъ мы напротивъ можемъ констатировать такіе истинно печальные факты, свидѣтельствующіе о крайнемъ одичаніи умовъ. Я приписываю это въ большой степени нашему хорошему гуманистическому образованію. Студенты наши приходятъ въ универститетъ болѣе зрѣлыми и разсудительными, и не дѣлаютъ такого рода безчинствъ.» (Uerhandlungenu uber Fragen des hoheren Unterrichts 1891. стр. 537—8.) Но одно дѣло—правильное мнѣніе, и другое—умѣлое пользованіе имъ для дѣла. Какъ бы-то ни было, мнѣніе, что русскій нигилизмъ есть непосредственное порожденіе тогдашней русской школы, очень скоро стало для графа Толстого догмою: на ней и была основана вся система образованія нашего юношества. Классицизмъ такимъ образомъ являлся служебнымъ средствомъ борьбы правительства съ зловредными мнѣніями, бродившими въ головахъ моло-

дого поколѣнія. Это была полицейская мѣра «оздоровленія» умовъ, какъ называли тогда дѣло учебной реформы. Вопросъ о древнихъ языкахъ— этомъ предметѣ школьнаго ученія раскричали тогда до нельзя, притомъ именно какъ о какомъ-то самодѣйствующемъ лѣкарствѣ отъ хронической болѣзни общества, какъ о какомъ-то патентованномъ заграничномъ средствѣ, которое стоитъ только купить и принять,—и подѣйствуетъ.... Вотъ и начали лѣчить нашу молодежь классицизмомъ; принялись за дѣло горячо, спѣшно. Но вмѣсто того, чтобы организовать наше гимназическое ученіе по-русски, въ связи съ тѣми его дидактическими элементами и условіями, какъ они существовали у насъ издавна въ нашихъ школахъ, преимущественно духовнаго вѣдомства, для гимназій 1871 года взяли прямо уставъ австрійскихъ гимназій, а вести дѣло классическаго ученія поручили австрійскимъ славянамъ, которые и стали врачевать наше юношество классицизмомъ, приготовляя для него это лѣкарство по иностраннымъ рецептамъ. Какъ будто родной языкъ нашъ— эта психологическая призма всякаго школьнаго ученія для нашихъ юношей тотъ же, что и для австрійскихъ... Понятно, что изъ такъ поставленнаго классицизма въ нашихъ гимназіяхъ ничего не вышло. Какъ средство противъ нигилизма въ рукахъ призванныхъ врачей, онъ оказался лѣкарствомъ негоднымъ; никакого оздоровленія умовъ не совершилось, напротивъ, годы въ жизни нашей учащейся молодежи, кажется, еще болѣе прежняго времени были полны событіями, свидѣтельствующими о недоброкачественности ея умственнаго и нравственнаго состоянія.

Что касается университетовъ, то графъ Толстой держался того мнѣнія, что бывшія тогда разныя «университетскія исторіи» были прямымъ и необходимымъ слѣдствіемъ тогдашней университетской автономіи. И вотъ, вмѣсто того чтобы противодѣйствовать разстройству университетовъ устройствомъ въ нихъ надлежащаго учебнаго порядка, онъ задался задачею сокрушить университетскую автономію. Университеты такимъ образомъ явились какъ-бы противниками учебнаго правительства, по крайней мѣрѣ такъ смотрѣли на нихъ графъ Толстой и почти всѣ присные тогдашнему министерству просвѣщенія. Графъ Толстой отвернулся отъ университетовъ. Далѣе, въ учебномъ нашемъ мірѣ были все компромиссы между Толстовскимъ, или собственно Катковскимъ его направленіемъ и тою вульгарною педагогикою, которая всю задачу устрой-

ства учебнаго дѣла полагаетъ въ облегченіи ученія. Теперишнее положеніе у насъ учебнаго дѣла крайне не-ясно. Относительно его въ обществѣ, въ литературѣ также какъ и прежде свѣта мало: понятія перепутаны, пониманіе подлинной задачи образованія крайне затемнено, общественно историческое значеніе учебнаго дѣла въ государствѣ представляется нерѣдко въ превратномъ видѣ: на него готовы смотрѣть только какъ на дѣло приготовленія людей, способныхъ на борьбу за существованіе... Само же образованіе, какъ усовершенствованіе духовнаго человѣка по высшимъ, вѣчнымъ идеямъ человѣческаго достоинства и земного нашего призванія, какъ эти идеи выработались въ исторіи образованія, игнорируется, какъ что-то прошлое, не настоящее... Основательно желая, чтобы школы наши были полезны учащимся, проповѣдуютъ для самого учебнаго дѣла отчаянный утилитаризмъ, въ духѣ какого-то французскаго софиста, одного изъ множества современныхъ софистовъ, стремящихся, подобно древнимъ софистамъ, поживиться около учебныхъ дѣлъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи, особенно же въ Англіи, учебное дѣло издавна, и часто съ большимъ успѣхомъ, велось частными обществами и отдѣльными лицами. Предпринимателямъ это стоило всегда большихъ денегъ, оно же доставляло нерѣдко и доходы. Но, при развитіи учебнаго дѣла въ такомъ личномъ, а не государственномъ порядкѣ, естественно, что рядомъ съ лицами, изъ убѣжденія и самоотверженно преданными дѣлу, могутъ появляться проходимцы—антрепренеры, которые, желая уловить себѣ какъ можно болѣе кліентовъ, устраиваютъ дѣло въ данномъ излюбленномъ публикою направленіи, шагая черезъ край его. Не что другое, какъ это самое, продѣлывали вѣдь въ свое время и греческіе софисты. Такихъ—то софистовъ довольно теперь во Франціи, особенно въ Англіи. Утилитаризмъ былъ всегда преслѣдуемъ англійскою школою, онъ свойственъ духу націи. Но школа въ Англіи процвѣтала доселѣ и доставляла странѣ дѣловыхъ и серьезныхъ людей не въ силу утилитаризма, а благодаря усиленному развитію въ ней идеальныхъ элементовъ образованія. Съ этой исторической болѣе широкой точки зрѣнія на современное положеніе учебнаго дѣла, въ Англіи, лица, изучающія исторію образованія, наблюдаютъ, что за послѣдніе десять—двадцать лѣтъ оно тамъ очень понизилось въ своемъ достоинствѣ, благодаря тому, что школы, руководимыя разными ловкими людьми, въ утилитарномъ на-

правленіи своего дѣла перешагнули черезъ край. По существу же дѣла, такъ восхваляемая теперь у насъ англійская «новая школа» находится въ непосредственной связи съ тою идеею эпохи просвѣщенія, что образованіе есть просвѣщеніе разума для индивидуальной пользы каждаго въ отдѣльности. Хотя мысль о томъ, что образованіе есть нѣчто очень цѣнное для людей само по себѣ, и безъ доставанія при помощи его изъ нѣдръ природы разныхъ лакомствъ, не особенно популярна въ наше время даже въ Европѣ, но у насъ эта мысль скорѣе, кажется, разсматривается какъ утопія, чѣмъ какъ положеніе, долженствующее служить основаніемъ для устройства и веденія всего учебнаго дѣла. Потому нельзя не признать положенія нашего учебнаго дѣла въ настоящее время крайне печальнымъ. И это тѣмъ болѣе, что, увлекаясь въ немъ утилитаризмомъ всякаго рода, въ ущербъ идеальнымъ интересамъ образованія, мы и въ практическомъ отношеніи чрезъ свое учебное дѣло очень малаго достигаемъ, а въ теоретическомъ только все болѣе и болѣе развиваемъ у себя *полунауку* и *полуобразованіе*.

Эти язвы учебнаго дѣла разъѣдаютъ его теперь болѣе или менѣе повсюду; но противъ распространенія ихъ другіе принимаютъ самыя энергическія и разумныя мѣры, а мы какъ будто нарочито ведемъ свое учебное дѣло такъ, чтобы эти язвы какъ можно больше и сильнѣе разъѣдали всѣ члены нашего соціальнаго тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ мы, опередивъ, кажется, и Англію и Францію, устроили у себя высшіе женскіе курсы, въ которыхъ головы нашихъ дѣвицъ наполняются всякой всячиной, прусское министерство просвѣщенія неустанно отстаиваетъ женскій элементъ въ своей странѣ отъ поврежденія въ немъ его добрыхъ качествъ немочью полуобразованія Уже не въ первый разъ оно руководитъ нѣмецкое общество въ правильномъ пониманіи задачи женскаго образованія. Оно не только не устраиваетъ никакихъ высшихъ женскихъ курсовъ, но и къ устройству женскихъ гимназій, или гимназическихъ курсовъ для дѣвицъ относится очень осторожно. Министерство находитъ, что самое названіе «женская гимназія» только сбиваетъ съ толку. По его мнѣнію, дѣвицы, ищущія высшаго сравнительно съ задачею народной школы образованія, должны получать его въ высшихъ женскихъ школахъ по уставу 1894 года. Эти школы назначены доставлять дѣвицамъ совершенно достаточное для нихъ религіозно-нравственное

и эстетическое образованіе, вполнѣ соотвѣтствующее законнымъ требованіямъ практической жизни. Чтоже касается до высшаго университетскаго образованія дѣвицъ, то прусское министерство и не думаетъ объ устройствѣ для этого какихъ либо высшихъ женскихъ курсовъ. Наука одна, и университетъ одинъ. Если кто либо изъ дѣвицъ, получившихъ надлежащее образованіе въ высшихъ женскихъ школахъ, «желаетъ принять на себя выполненіе болѣе трудныхъ задачъ жизни» то есть задачъ, для выполненія коихъ требуется высшее университетское ученіе, то двери университета для нихъ открыты. Но таковыхъ дѣвицъ, разсуждаетъ министерство, въ странѣ всегда можетъ быть только немного; потому, «въ интересахъ этого меньшиства, безъ опредѣленнаго основанія и безъ увѣренности въ послѣдствіяхъ, измѣнять существующую систему женскаго образованія вообще—это значило бы *грѣшить* противъ всѣхъ дѣвицъ, такъ какъ это совершенно искусственно могло бы привлекать женскій элиментъ въ странѣ къ прохожденію высшихъ научныхъ курсовъ, а при неуспѣшности этого прохожденія,легко породило бы въ обществѣ группу лицъ женскаго пола съ образованіемъ, имѣющимъ ничтожное достоинство для дальнѣйшей ихъ жизни въ обществѣ и еще меньшее для ихъ внутренней жизни. Если же защитники академическаго образованія женщинъ, говоритъ далѣе министерство, указываютъ на то, что, ограниченіе поприщъ для дѣятельности женщинъ толкаетъ ихъ въ проституцію, то для тѣхъ изъ нихъ, которыя потерпятъ крушеніе на пути своихъ научныхъ занятій, нравственная опасность также велика, или даже еще большая.» (Centralbl für ges. Unt.-verwalt. in Preüss 1899. 371. и 400.)

Сколько ума, дальновидности и спасительной осторожности проявлено въ этихъ разсужденіяхъ прусскаго учебнаго правительства! Есть чему поучиться тутъ намъ грѣшнымъ....

II.

Основная задача реформы нашихъ университетовъ.

Блаженной памяти святитель Московскій, митрополитъ Филаретъ, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ А. П. Ахматову, въ 1863 г. писалъ: «университетскіе уставы скоро дѣлаются и скоро умираютъ, какъ недоношеный плодъ». (Русскій архивъ 1890 года № 11. стр. 359). Нынѣ дѣйствующій университетскій уставъ 1884 года не составитъ, конечно, исключенія изъ этого порядка существованія нашихъ университетскихъ уставовъ... Впрочемъ существующій университетскій уставъ задуманъ былъ давно, одновременно, если еще не ранѣе устава гимназій 1871 г.; обсуждался онъ очень долго въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ другихъ университетскихъ городахъ, между прочимъ чрезъ этотъ знаменитый *опросъ* профессоровъ на мѣстѣ; по разсмотрѣніи же устава въ Государственномъ Совѣтѣ, онъ не скоро былъ утвержденъ Высочайшею властію. Отъ покойнаго гр. И. Д. Делянова я слышалъ, что Государь Императоръ разсматривалъ уставъ продолжительное время, и что онъ возбуждалъ въ немъ разныя недоумѣнія. Гр. Д. А. Толстой, которому, въ числѣ другихъ лицъ, Государь высказалъ эти недоумѣнія, разсѣялъ, говорятъ, ихъ въ Государѣ указаніемъ на то, что во всякомъ случаѣ уставъ 1884 года устанавливаетъ въ университетахъ *порядокъ,* который отсутствовалъ въ нихъ при уставѣ 1863 года, а «порядокъ—де лучше безпорядка...».

Но для порядка вообще нѣтъ такой абсолютной формы, въ которой бы онъ могъ быть наложенъ на то или другое дѣло извнѣ, безъ различія условій самого дѣла и положенія въ немъ его элементовъ. Напротивъ, надлежащій порядокъ долженъ и можетъ выступать наружу только изнутри самого дѣла, непосредственно въ результатѣ дѣйствія

его факторовъ. И вотъ, въ короткое время дѣйствія теперешняго университетскаго устава, оказалось, что онъ не обезпечиваетъ надлежащаго порядка въ нашихъ университетахъ.

Порядокъ, установленный этимъ уставомъ, есть собственно внѣшній или *полицейскій* порядокъ, не соотвѣтствующій нѣкоторымъ особеннымъ условіямъ университетскаго дѣла и не согласованный съ природою и положеніемъ его элементовъ. Для университетовъ нуженъ свой порядокъ—академическій.

Съ академическимъ порядкомъ университетовъ непосредственно связана ихъ автономія. Прежде, какъ въ Германіи, такъ и вообще въ западной Европѣ, университеты пользовались полною автономіею во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни. Это были автономныя общества, или корпораціи аристократіи ума и знаній, рядомъ съ родовою. Владѣя обширными полномочіями, какъ во внутреннихъ своихъ дѣлахъ, такъ и въ сношеніяхъ съ другими общественными учрежденіями, университеты въ Европѣ были отдѣльными академическими республиками, которыя существовали какъ бы государства въ государствахъ. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ полицейскаго характера европейскихъ государствъ, хотя университеты во многихъ отправленіяхъ своей жизни и подпали юрисдикціи государства, но автономія ихъ и доселѣ сохраняется настолько, насколько она требуется академическимъ порядкомъ ихъ жизни.

Согласно съ этимъ, хотя университеты наши суть непосредственно государственныя учрежденія, но если хотятъ въ нихъ имѣть дѣйствительные университеты, а не что нибудь другое, то они должны быть приняты въ составъ государственныхъ учрежденій въ томъ ихъ собственномъ складѣ, какой принадлежитъ имъ по существу и исторически. Университетъ, существующій не въ академическомъ порядкѣ и безъ соотвѣтствующей этому порядку автономіи, есть мертвый, только механическій органъ соціальнаго тѣла, подобно, напримѣръ, механической ногѣ у живого человѣка.

Отношеніе государства къ университетскому дѣлу опредѣляется тѣмъ значеніемъ, какое имѣетъ для него это дѣло. Университеты призваны выпускать въ свѣтъ людей высшаго умственнаго порядка, которыми государство пользуется, какъ людьми образованными и пригодными для исполненія разныхъ служебныхъ обязанностей. Потому государство,

естественно, обязано принимать по отношенію къ университетамъ всѣ зависящія отъ него мѣры, которыя способствовали бы наиболѣе успѣшному занятію науками лицъ, входящихъ въ составъ университетскихъ корпорацій,—какъ учащихъ, такъ и учащихся. Точно также оно обязано заботиться и о надлежащемъ приготовленіи молодыхъ людей къ прохожденію университетскихъ курсовъ. По условіямъ дѣла, это есть собственно забота о надлежащемъ приготовленіи учителей, которые были бы въ состояніи хорошо учить своихъ учениковъ. Этимъ обязанностямъ соотвѣтствуетъ право, которымъ издавна уже пользуются всѣ государства въ Европѣ, требовать университетскаго образованія отъ лицъ, желающихъ занять тѣ или другія государственныя должности, а также и подвергать ихъ предварительному испытанію въ соотвѣтствующемъ данной должности научномъ образованіи. Но государство рискуетъ не имѣть въ университетахъ органъ своей силы, если оно въ отношеніяхъ своихъ къ нимъ нарушаетъ такъ или иначе свойственный ихъ учебному дѣлу академическій порядокъ.

Согласно съ этимъ, существенная задача устройства университетскаго ученія состоитъ въ томъ, чтобы государственные интересы, связанные съ университетскимъ ученіемъ, не ложились бременемъ на академическій порядокъ университетовъ, но по возможности согласовались съ нимъ. Безспорно, что соглашеніе это есть дѣло довольно трудное. Академическому порядку университетовъ соотвѣтствуетъ понятіе *школы*, въ смыслѣ опредѣленнаго умственнаго отношенія къ предметамъ наукъ, согласнаго съ учебными традиціями въ данной области знанія, съ современнымъ состояніемъ относящихся сюда наукъ, равно и соотвѣтствующаго личнымъ интересамъ и индивидуальнымъ наклонностямъ лицъ, занимающихся науками. Академическій порядокъ такимъ образомъ естественно тянетъ университеты къ свободѣ ученія, а государственные интересы требуютъ отъ лицъ университетскаго образованія знаній опредѣленнаго содержанія, необходимыхъ и пригодныхъ для того или другаго дѣла... Равнодѣйствующая этихъ двухъ тяготѣній и есть искомое въ вопросѣ объ устройствѣ университетскаго ученія.

При одностороннемъ пониманіи научнаго дѣла, можетъ казаться, что въ наукѣ есть что-то необходимое и непосредственно полезное для веденія въ государствѣ того или другаго дѣла лицами, имѣющими науч-

ное образованіе, а все прочее въ ней пустое, мало годное и чуть-ли не вредное для дѣла. Впрочемъ, не менѣе односторонне разсуждаютъ и тѣ, которые думаютъ, что свобода ученія сама по себѣ есть такое благо, что съ регулированіемъ ея въ какомъ бы то нибыло порядкѣ должны пасть не только университеты, но и сама наука, какъ высказалъ это недавно профессоръ Циглеръ въ статьѣ: der deutsche Student am Ende 19 Jahrhunderts. На дѣлѣ же соглашеніе государственныхъ интересовъ съ академическимъ порядкомъ университетовъ заключается именно въ нѣкоторомъ особенномъ способѣ регулированія университетскаго ученія надлежащими *дидактическими* мѣрами, согласными съ академическимъ строемъ университетовъ.

Между тѣмъ, этотъ-то основной пунктъ устройства университетовъ, то есть само университетское ученіе, и остается у насъ доселѣ безъ надлежащаго вниманія: не обращается должнаго вниманія на тѣ именно условія научнаго образованія, при которыхъ только оно и можетъ быть истинно полезнымъ для государства и для жизни. Внѣшній, или административный порядокъ въ нашихъ университетахъ совершенно господствуетъ надъ академическимъ. Административный порядокъ требуетъ и административныхъ мѣръ; но, какъ несогласныя съ природою университетовъ, онѣ, очевидно, не обезпечиваютъ надлежащаго въ нихъ академическаго порядка.

Въ послѣднее время министерство учебныхъ дѣлъ рекомендовало учебнымъ начальствамъ университетовъ принять нѣкоторыя мѣры для установленія въ нихъ академическаго порядка. Такъ именно въ университетахъ предположено расширить практическія занятія студентовъ, устроить научные и литературные студенческіе кружки, завести изъ студентовъ хоры и оркестры и основать студенческія общежитія, и все это—для установленія возможно большаго общенія между студентами и профессорами.

Общеніе профессоровъ и учебнаго начальства со студентами, безъ сомнѣнія, необходимо, но только развѣ случайно оно можетъ выражаться иногда въ слушаніи профессорами студенческихъ хоровъ и оркестровъ, и въ этомъ, скорѣе только впрочемъ воображаемомъ, посѣщеніи профессорами студенческихъ общежитій, для руководства ихъ здѣсь въ научныхъ занятіяхъ. Для того, чтобы общеніе профессоровъ со студентами

было производительно для достиженія студентами надлежащей цѣли ихъ ученія, оно должно быть организовано по смыслу самой этой цѣли. Это значитъ, что признавая общеніе профессоровъ со студентами необходимымъ, нельзя разсуждать такъ: давай-де придумаемъ способы и формы этого общенія.... Хотя общеніе профессоровъ со студентами дѣйствительно есть условіе надлежащаго учебнаго порядка въ университетѣ, но таковымъ оно можетъ быть только тогда, когда само слагается въ жизни университета, какъ результатъ его учебнаго порядка, когда въ немъ именно, въ этомъ общеніи, естественно выражается этотъ порядокъ. А создавать это условіе искусственно—это только одни разговоры.

Прямую и ближайшую задачу реформы нашихъ университетовъ должно составлять само университетское ученіе. Требуется организовать его въ такомъ порядкѣ, чтобы, при свободномъ отношеніи къ вопросамъ науки и профессоровъ и студентовъ, первые преподавали, а вторые усвояли себѣ надлежащія научныя знанія, необходимыя и пригодныя для ихъ научнаго образованія и для веденія ими впослѣдствіи того или другого дѣла. Доселѣ учебный порядокъ въ нашихъ университетахъ держится экзаменами. Но, безъ правильной дидактической разработки на практикѣ учебнаго порядка въ самихъ факультетахъ, хотя бы и отдѣльно отъ факультетскаго ученія поставленныя испытанія никогда не могутъ сложиться въ отдѣльный и самостоятельный порядокъ учебнаго дѣла университетовъ, а будутъ только внѣшнимъ парадомъ этого дѣла, совершенно безсильнымъ, чтобы регулировать его въ отношеніи къ дѣловымъ цѣлямъ научнаго образованія.

Въ Германіи, въ частности въ Пруссіи, гдѣ студенты въ массѣ взятые, вслѣдствіе запущенности порядка учебной свободы, традиціонно были поставлены доселѣ также неправильно къ своимъ обязанностямъ, —такъ именно, что до экзамена они могли не учиться какъ должно и не посѣщать лекцій, теперь принимаютъ рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы чрезъ самый учебный порядокъ каждый студентъ стоялъ какъ можно ближе къ самому себѣ, то-есть къ своему собственному учебному дѣлу. Тѣмъ болѣе, очевидно, должно заботиться объ этомъ у насъ, гдѣ, при отсутствіи въ университетахъ надлежащей академической свободы не только учащихся, но и учащихъ, такъ развита свобода праздности. Впрочемъ, какъ сказано, это есть современная задача реформы и нѣмец-

кихъ университетовъ. Ею давно уже заняты многія правительства въ Германіи. Особенно же рѣшительно и энергично заботится объ этомъ министръ юстиціи въ Пруссіи Шенстедтъ по отношенію къ юридическимъ факультетамъ; уже давно, лѣтъ десять назадъ, онъ указывалъ на неправильности традиціоннаго учебнаго порядка на этихъ факультетахъ. На эти неправильности, впрочемъ, еще раньше не разъ указывали такіе авторитеты юридической науки, какъ Робертъ фонъ Моль и Гнейстъ. Дѣло состоитъ въ томъ, что учебный порядокъ занятій студентовъ въ Германіи вообще держался доселѣ экзаменами, иногда даже, какъ у насъ, еще повѣрочными, курсовыми и разными другими испытаніями. У насъ вѣра въ упорядочивающую силу экзаменовъ такъ сильна, что напримѣръ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, какъ я знаю по личному опыту, не разъ бывало спѣшили рановременно начать экзамены... Требуется же напротивъ поставить университетское ученіе такъ, чтобы граждане автономной академической республики занимались своимъ дѣломъ безъ всякихъ къ этому искусственныхъ мѣропріятій со стороны правящей власти, и между прочимъ даже безъ какихъ либо повѣрочныхъ испытаній, какъ на это именно и указывалъ бывшій министръ просвѣщенія въ Пруссіи Боссе въ своемъ объясненіи къ новому учебному порядку на юридическихъ факультетахъ, предложенному министромъ юстиціи.

Для этой цѣли необходимо центръ практическаго интереса пребыванія студентовъ въ университетѣ перемѣстить съ момента экзамена на каждый по возможности день ученія ихъ въ университетѣ, или, что тоже, связать значеніе университетскихъ экзаменовъ въ государственномъ отношеніи съ достоинствомъ самихъ научныхъ занятій студентовъ въ университетѣ. Этотъ принципъ и принятъ теперь въ основаніе учебной реформы юридическихъ факультетовъ въ Пруссіи. Общій смыслъ реформы тотъ, что научныя занятія студентовъ въ теченіе университетскаго курса (пока еще впрочемъ только по гражданскому праву и процессу, какъ главнѣйшимъ предметамъ юридическаго образованія), притомъ занятія самостоятельныя въ видѣ письменныхъ работъ, приняты теперь въ составъ матеріала на экзаменѣ для оцѣнки познаній студентовъ по этимъ основнымъ юридическимъ наукамъ. Centralblatt für gesam. Unterrichtsverwatt. im Preuss-März. 1897. стр. 289—99). Согласно

съ этимъ бывшій министръ просвѣщенія въ Пруссіи Боссе основательно надѣялся, что этотъ учебный порядокъ окажетъ особенное дѣйствіе на поднятіе прилежанія студентовъ, такъ какъ, «безъ надлежащихъ занятій основными юридическими дисциплинами въ продолженіе всего университетскаго курса, именно безъ письменныхъ трудовъ по нимъ, которые притомъ письменно же должны быть и цензированы руководителями занятій, студенты не будутъ допускаемы и до экзамена».

Вотъ это дѣло. А расширять просто практическія занятія студентовъ,—это, кажется, только одни разговоры. Практическія занятія и въ университетахъ, и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, были всегда, но это не мѣшало и не мѣшаетъ студентамъ бросать ихъ безъ вниманія и заниматься другимъ дѣломъ. Сколько угодно расширяйте эти занятія, наполните ими хоть всѣ учебные дни,—горю не поможете, *если не введете ихъ въ составъ занятій, окончательно рѣшающихъ для каждаго студента въ отдѣльности вопросъ о практическомъ интересѣ пребыванія его въ университетѣ.*

Устроивъ вышеозначенный порядокъ, правительство прусское не опустило изъ вниманія, что исполненіе его будетъ значительно затруднительно для профессоровъ, особенно при большомъ числѣ студентовъ. Для облегченія тѣхъ изъ нихъ, которые этого пожелаютъ, постановлено назначать къ нимъ ассистентовъ. «Это учрежденіе, говоритъ министръ, слѣдуетъ представлять себѣ въ такомъ видѣ: одно—или двухчасовая въ недѣлю лекція профессора посвящается имъ на изложеніе руководящихъ точекъ взгляда на предметъ и на обсужденіе нѣкоторой части исполненныхъ студентами работъ, а ассистенты, которые присутствуютъ на лекціяхъ профессора, разсматриваютъ остальныя работы, цензируютъ ихъ и разбираютъ съ ихъ составителями. Для этой цѣли, всѣ слушатели профессора дѣлятся на группы—отъ 30 до 40 человѣкъ. Если ассистентъ занимается ежедневно съ одною группою въ теченіе часа, то этого достаточно, для того чтобы за недѣлю онъ успѣлъ справиться со 180 или 240 студентами, предполагая конечно, что на каждый часъ только нѣкоторая часть ихъ будетъ представлять ему свои письменныя работы. Имѣя въ виду, что въ ассистенты къ профессорамъ будутъ приглашены дѣловые чиновники юридической службы, слѣдуетъ надѣяться, что факультетъ сдѣлается чрезъ это разсадникомъ юристовъ, при-

годныхъ для практики; если же приглашенные окажутся вмѣстѣ съ тѣмъ и на потребной высотѣ учительскаго умѣнья, то учрежденіе это несомнѣнно будетъ полезно и для самого университетскаго ученія». Такъ разсуждалъ министръ.

Дѣйствительно, министръ юстиціи, какъ теперь это уже извѣстно, рекомендовалъ въ ассистенты къ университетскимъ профессорамъ опытныхъ и даже въ наукѣ извѣстныхъ лицъ своего вѣдомства, и несомнѣнно, что при помощи ихъ ученіе студентовъ на юридическихъ факультетахъ въ Пруссіи подымется какъ по научному достоинству пріобрѣтаемаго чрезъ него юридическаго образованія учащихся, такъ и по значенію его для государственной службы ихъ. Но въ тоже время нельзя не подумать, что нарушаемое доселѣ равновѣсіе между учебною свободою студентовъ и обязанностію ихъ пріобрѣсти чрезъ университетское ученіе нѣкоторое точное знаніе и опредѣленное умѣнье этими мѣрами будетъ возстановлено только развѣ въ нѣкоторой степени. Нѣсколько письменныхъ работъ по наукамъ, черезъ которыя учащіеся должны усвоять себѣ научныя познанія болѣе самостоятельнымъ образомъ, чѣмъ чрезъ простое слушаніе профессорскихъ лекцій, легко могутъ чувствоваться ими только какъ внѣшній долгъ, исполненіе котораго не столько втягиваетъ ихъ въ интересы научныхъ знаній, сколько сокращаетъ только время для развлеченій и удовольствій студенческой жизни. Съ другой стороны, хотя руководители—ассистенты, изъ лицъ юридическаго вѣдомства, разумѣется люди знающіе и опытные, безъ сомнѣнія принесутъ студентамъ пользу, но для нихъ самихъ эти занятія со студентами едва-ли не будутъ въ большинствѣ случаевъ только πάρεργον. Поэтому еще въ 1891 году, (въ сочиненіи: объ университетскомъ ученіи вообще и историко-филологическомъ въ частности), разсуждая о способахъ приведенія въ равновѣсіе въ университетскомъ ученіи свободы съ обязательностію, я предлагалъ по существу туже мѣру, какую теперь приняло прусское правительство, но самостоятельное занятіе студентовъ науками я предполагалъ въ формѣ постоянныхъ занятій, рядомъ съ постояннымъ слушаніемъ профессорскихъ лекцій, притомъ подъ руководствомъ лицъ также служебныхъ въ университетѣ какъ и профессора, которые, по моему мнѣнію, въ отличіе отъ послѣднихъ, могли бы очень основательно быть названы у насъ университетскими учителями. Къ сожалѣнію, мой голосъ былъ и доселѣ

остается въ отечествѣ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Однако, хотя и нынѣ не много имѣется надежды на то, чтобъ онъ былъ услышанъ и принятъ къ свѣдѣнію, считаю не лишнимъ вкратцѣ повторить мои давнія мысли по настоящему вопросу, изложенныя подробнѣе въ вышеуказанномъ моемъ сочиненіи. Вся задача дѣла состоитъ въ томъ, чтобы поставить студентовъ въ активныя и по возможности непосредственныя отношенія къ предметамъ ученія, чрезъ руководство ихъ самостоятельными занятіями. Для достиженія этой цѣли, въ какомъ-бы то ни было порядкѣ самого руководства, прежде всего необходимо установить тѣ предѣлы и то направленіе знанія, въ которыхъ бы оно могло быть признано выраженіемъ потребнаго для студента научнаго образованія. Мѣра научнаго знанія вообще, конечно, не есть нѣчто неподвижное; напротивъ, проявляясь въ самомъ актѣ ученія, она, безъ сомнѣнія, можетъ мѣняться, въ зависимости какъ отъ состоянія самой науки, такъ и отъ способностей и прилежанія студента. Но потому-то и требуется внимательное разсмотрѣніе, что и какъ въ той или другой наукѣ, сообразно съ современнымъ ея состояніемъ и съ цѣлями образованія, должно быть усвояемо нашими студентами какъ со стороны ея матеріала, такъ и методы. Хотя здѣсь, естественно, могутъ быть различія въ мнѣніяхъ, но, при извѣстномъ опытѣ въ дѣлѣ и при надлежащей широтѣ взгляда лицъ судящихъ, соглашеніе всегда возможно. Это соглашеніе должно выразиться въ *годегетическихъ* програмахъ, или планахъ для самостоятельныхъ занятій студентовъ науками. Ту или другую годегетику предмета каждый толковый преподаватель, безъ сомнѣнія, имѣетъ, такъ сказать, въ головѣ у себя; иначе, какъ же онъ сталъ бы излагать свой предметъ въ послѣдовательномъ рядѣ лекцій? Но лекція не должна замѣнять собою самостоятельныхъ занятій студента; она должна быть только назиданіемъ его въ этихъ занятіяхъ, орудіемъ созиданія въ немъ ученаго смысла, необходимаго для таковыхъ его занятій. Потому годегетика или годегетическая програма подлежащаго изученію предмета представляется необходимымъ дополненіемъ къ самой лекціи.

Програмы эти, естественно, могутъ и должны быть съ теченіемъ времени измѣняемы. Но цѣль ихъ всегда будетъ хорошо достигнута, если въ нихъ, рядомъ съ обозначеніемъ частей предмета въ формѣ соотвѣтствующихъ имъ темъ или вопросовъ науки, будетъ указано, какія отно-

сящіяся къ нимъ сочиненія и какія части ихъ, въ какомъ послѣдовательномъ сопоставленіи ихъ одна съ другой и съ исключеніемъ чего, или какъ не прямо относящагося къ дѣлу, или какъ менѣе важнаго для познанія, или, наконецъ, какъ неудачнаго въ томъ или другомъ сочиненіи,—должно быть усвоено учащимися, по мѣрѣ возможности, по каждому вопросу, или по цѣлому ряду ихъ. Нѣкоторое затрудненіе въ этомъ случаѣ составляетъ конечно то, что большая часть могущихъ войти въ эти указанія ученыхъ сочиненій написана на иностранныхъ языкахъ; но если дѣйствительно не по всѣмъ вопросамъ или темамъ для программъ можно ограничиться сочиненіями русскихъ ученыхъ, или существующими уже переводами на русскій языкъ иностранныхъ, то несомнѣнно, что проектируемый порядокъ студенческихъ занятій очень скоро вызоветъ на свѣтъ не только переводы требуемыхъ сочиненій съ иностранныхъ языковъ, но и самостоятельныя сочиненія русскихъ ученыхъ.

Но годегетическія программы, однѣ и сами по себѣ, недостаточны. Непосредственно онѣ могутъ быть пригодны только для нѣкоторыхъ студентовъ, вообще же учащіеся нуждаются въ живомъ посредникѣ между ими самими и тѣмъ, что подлежитъ ихъ изученію.

Живыми посредниками между студентами и предметами ихъ ученія прежде всего, конечно, должны быть сами профессора, излагающіе имъ науки въ своихъ лекціяхъ. Но профессора тратили бы даромъ время, если бы въ своихъ лекціяхъ передавали студентамъ voce viva лишь то, что они, какъ необходимое для ихъ познанія, могутъ усвоить себѣ изъ книгъ и путемъ практическихъ занятій того или другого рода. Какъ бы ни разсуждать о лекціяхъ, но эти научныя ἀκροήματα имѣли и всегда будутъ имѣть значеніе для слушателей, не столько какъ способъ передачи имъ свѣдѣній о предметѣ, сколько какъ развитіе предъ ними образцовыхъ методическихъ пріемовъ постановки и разработки научныхъ вопросовъ. Другіе способы руководства студентовъ въ усвоеніи научныхъ знаній—чрезъ θέσεις, προβλήματα ἀπορίας и проч. какъ это было въ учебной практикѣ Аристотеля, если бы практиковались обязательно самими профессорами, то хотя и не унижали бы, конечно, достоинства ихъ какъ ученыхъ дѣятелей, для нихъ самихъ были бы только постояннымъ повтореніемъ того отношенія къ научнымъ вопросамъ, которое они пережили еще не бывши таковыми. Такое постоянство само по себѣ, безъ сомнѣнія, вовсе не гармо-

нируетъ съ движеніемъ наукъ, за которымъ они должны слѣдовать и по возможности даже стоять въ челѣ его. Очевидно такимъ образомъ, что для таковыхъ научныхъ занятій со студентами университетамъ нашимъ нужны особые люди, которые, не стоя еще на высотѣ профессорскихъ обязанностей, были бы въ тоже время настолько свѣдущи и привычны къ правильному изложенію научныхъ знаній, что въ состояніи были бы въ пониманіи ихъ путеводить и другихъ. Таковые люди и должны бы составлять въ университетахъ особый штатъ университетскихъ учителей, или профессорскихъ адъюнктовъ.

Но чтобы университетскіе учители были истинными адъюнктами профессоровъ, не слѣдуетъ, кажется, просто предоставить имъ, по ихъ собственному усмотрѣнію, доучивать студентовъ,—разъяснять имъ профессорскія лекціи и доводить ихъ до ихъ пониманія, какъ предполагалъ Р. Моль; тогда неминуемо будетъ то, что и случилось въ германскихъ университетахъ съ тамошними репетиторіями: молодые люди начнутъ дѣлать опыты самостоятельнаго изложенія студентамъ науки. Не говоря уже о массѣ недоразумѣній, которыя могутъ при этомъ выступать, студенты во всякомъ случаѣ будутъ чрезъ эти лекціи только еще разъ воспринимать научныя знанія, а не продуцировать ихъ путемъ своего собственнаго размышленія о научныхъ вопросахъ. Для избѣжанія какъ повторенія адъюнктами того, что излагаютъ профессора, такъ и другого рода нежеланныхъ явленій, можно, конечно, какъ это и дѣлалось прежде у насъ, раздѣлять науку на части, изъ коихъ одну излагаетъ профессоръ, а другую адъюнктъ. Но раздѣленіе труда въ такомъ порядкѣ приличествуетъ собственно только равнымъ. Если требовать отъ доцентовъ, чтобы они, доучивая студентовъ тому, что они восприняли въ профессорскихъ лекціяхъ, употребляли не монологи, а давали имъ проблемы и ставили вопросы для бесѣдъ о нихъ со студентами, то, по содержанію своему, эти бесѣды доцентовъ такъ же могутъ быть далеки отъ истинныхъ цѣлей студенческаго ученія, какъ и самыя лекціи ихъ. Для достиженія истинной пользы отъ занятій доцентовъ со студентами по той или другой наукѣ, и должны быть даны имъ въ руководство точныя годегетическія програмы.

Если ближайшимъ образомъ, какъ первый шагъ, занятія университетскихъ учителей со студентами и могутъ пожалуй имѣть своимъ пред-

метомъ непосредственно то, что преподано на лекціяхъ по тому или другому вопросу изучаемаго предмета, то въ этомъ случаѣ они должны быть организованы просто какъ репетиціи профессорскихъ лекцій; но этотъ порядокъ требуетъ на практикѣ большой осторожности, и самъ по себѣ несущественъ. Существеннымъ образомъ занятія студентовъ съ учителями должны простираться на то, что, по указанію профессоровъ, должно быть усвоено учащимися путемъ самостоятельнаго труда ихъ, притомъ или въ формѣ изученія научныхъ сочиненій, или въ формѣ опредѣленной работы надъ даннымъ матеріаломъ по тому или другому научному вопросу. Форма занятій этого втораго вида есть собственно отчетъ учащихся въ исполненной ими работѣ по данному вопросу науки. Здѣсь учащіеся какъ съ одной стороны могутъ обнаружить, въ какой мѣрѣ они усвоили подлежащій научный матеріалъ и методическіе пріемы его научной разработки, такъ равно съ другой стороны должны получить отъ преподавателей и соотвѣтствующія наставленія. Не говоря о наукахъ собственно демонстративныхъ, въ этой послѣдней формѣ занятій очень удобно могутъ быть руководимы студенты университетскими учителями по наукамъ языко-исторической и юридической области, какъ-то: по изученію съ разныхъ сторонъ текста авторовъ, надписей, разныхъ историческихъ собственно, или юридическихъ, или художественныхъ памятниковъ. Но по наукамъ философскимъ, или по тѣмъ же наукамъ языко-исторической и юридической области, но въ тѣхъ ихъ задачахъ, кои подлежатъ философской интерпретаціи. пригоднѣе, несомнѣнно, занятія въ формѣ чтенія съ объясненіемъ относящихся къ данному вопросу частей нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненій, при чемъ руководители должны-бы были предлагать учащимся, для устнаго рѣшенія, также и задачи, именно какъ нѣкотораго рода ἀπορίας и θέσεις. Это должны быть темы для общаго коллоквіума такого свойства, чтобы изясняющему ихъ необходимо было дѣйствовать не иначе, какъ продуктивно, черпая изъ цѣлаго источника знанія.

Хотя практическія занятія всякаго рода необходимы и при изученіи, такъ сказать, теоретическихъ наукъ, однако не эти учебныя practica главнѣйше имѣемъ мы въ виду, говоря о занятіяхъ студентовъ съ доцентами, какъ о новомъ дидактическомъ элементѣ въ университетской учебной системѣ. Практическія занятія составляютъ отдѣльный родъ занятій,

опредѣляемыхъ свойствомъ самаго предмета изучаемаго. Есть такія занятія экспериментальныя или демонстративныя, другія состоятъ въ рѣшеніи задачь, или собственно въ упражненіяхъ. Они всегда были, и достоинство ихъ гораздо болѣе зависитъ отъ прилежанія и навыка учащихся, чѣмъ отъ системы руководства. А когда, какъ въ нашемъ случаѣ, рѣчь идетъ о самомъ усвоеніи студентами научныхъ основаній, о развитіи ими въ себѣ правильныхъ научныхъ понятій, то дѣло, очевидно, касается всей учебной системы. Она до извѣстной степени опредѣляется конечно и предметами ученія, но всего болѣе зависитъ отъ общаго плана, или отъ тенденціи ученія. Еслибы тенденція университетскаго ученія состояла въ томъ, чтобы ознакомить студентовъ съ содержаніемъ науки и съ извѣстнымъ рѣшеніемъ въ ней тѣхъ или другихъ вопросовъ, безъ вниманія къ тому, какъ и насколько правильно они усвоили себѣ все это, или еслибы эта тенденція могла быть ограничена тѣмъ, чтобы чрезъ университетское ученіе приготовить мастеровъ того или другаго дѣла; тогда чтеніе лекцій, или практическія занятія, или то и другое вмѣстѣ вполнѣ довлѣли бы этимъ цѣлямъ. Но если университетское ученіе должно развивать умы учащихся, хотя въ нѣкоторой степени, до активности ихъ самихъ въ постановкѣ и въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ, то кромѣ слушанія профессорскихъ лекцій, кромѣ необходимыхъ, при изученіи особенно нѣкоторыхъ предметовъ, практическихъ занятій всякаго рода, учащіеся должны, очевидно, передумывать и какъ бы переживать своими умами данные научные вопросы, какъ они сложились и существуютъ въ самой наукѣ. Отсюда чтеніе съ пониманіемъ научныхъ сочиненій въ порядкѣ и связи, хорошо согласованныхъ съ соотвѣтствующимъ цѣли ученія дидактическимъ объектомъ даннаго учебнаго предмета, какъ все это должно быть выражено въ программахъ,—вотъ собственно тотъ новый дидактическій элементъ въ учебномъ университетскомъ порядкѣ, на который обращаемъ здѣсь вниманіе.

Такого рода занятія студентовъ, подъ руководствомъ профессорскихъ адъюнктовъ, не должны, кажется, мѣшать самимъ профессорамъ тѣ же самыя научныя темы, которыя студенты уясняютъ себѣ здѣсь по капитальнымъ сочиненіямъ, параллельно съ этимъ, изъяснять въ своихъ лекціяхъ вполнѣ самостоятельно. Такъ, напримѣръ, еслибы въ то время какъ студенты съ адъюнктами занимаются исторіею реформаціи по

Ранке, профессоръ въ своихъ лекціяхъ посмотрѣлъ на дѣло съ другой точки взгляда—не съ лютеранской, а положимъ съ православной, то это было бы только хорошо, Но самостоятельность ученой мысли въ профессорскихъ лекціяхъ, въ свою очередь, не должна отрѣшать ихъ отъ студенческихъ занятій подъ руководствомъ ихъ адъюнктовъ; напротивъ, необходимо, чтобы они время отъ времени сами посѣщали эти занятія, вслушивались въ бесѣды, принимали въ нихъ участіе и такимъ образомъ, сидя на каѳедрахъ, имѣли бы предъ собою не просто массу слушателей, безъ цвѣта, безъ окраски, а коллегію учащихся, достаточно опредѣляющихся въ ихъ глазахъ высотою и содержаніемъ своихъ умовъ.

Впрочемъ, хотя позволительно думать, что при выполненіи основной задачи университетской реформы, привести по возможности въ равновѣсіе свобоoу съ обязательностію, едва ли можно придумать какую нибудь совершенно иную схему для плана того или другого факультетскаго ученія, но ни представленный мною и никакой другой планъ не могутъ имѣть абсолютнаго значенія. Абсолютное здѣсь одно—это сама задача университетскаго ученія, а именно—равновѣсіе въ составѣ учебныхъ занятій студентовъ между наукою, которая, какъ дѣло, доступна каждому только при свободномъ отношеніи къ ней, и обученіемъ, которое состоитъ въ обязательномъ усвоеніи учащимися точныхъ и опредѣленныхъ научныхъ познаній.

Что же касается до установленныхъ теперь у насъ уставомъ 1884 г. экзаменовъ въ университетскихъ или, какъ иногда ихъ называли, въ правительственныхъ комиссіяхъ, то сразу нельзя даже понять, какое особенное значеніе могли бы имѣть эти экзамены, сравнительно съ прежними экзаменами въ нашихъ университетахъ, и по какому побужденію они установлены. Такъ же, какъ и прежде, студенты готовятся къ экзаменамъ по лекціямъ профессоровъ, и потому всячески заботятся о томъ, чтобы экзаменоваться у тѣхъ же профессоровъ, которые читали лекціи, по этимъ лекціямъ часто сами составляютъ даже экзаменныя программы, соотвѣтствующіе имъ вопросы тянутъ по жребію на билетахъ. Разница только въ присутствіи на экзаменѣ посторонняго для студентовъ лица,—въ Петербургѣ—изъ Москвы, въ Одессѣ—изъ Петербурга и т. д.

Въ Германіи государственные экзамены существуютъ издавна, съ тѣхъ поръ, какъ государства сознали достоинство для своихъ дѣлъ лицъ

съ университетскимъ образованіемъ. Государственные экзамены сложились такимъ образомъ въ Германіи на почвѣ естественныхъ отношеній между государственными интересами и университетскимъ ученіемъ, каково оно само по себѣ. Государство чрезъ экзамены желаетъ получить отъ университетовъ, что ему нужно; но благодаря учебной свободѣ, ничѣмъ почти не регулируемой доселѣ въ нѣмецкихъ университетахъ, ему не всегда удавалось получать отъ нихъ то, что нужно; приходилось и доселѣ еще приходится брать, что даютъ университеты, потому что, вслѣдствіе запущенности учебной свободы въ университетахъ, на что давно уже жалуются нѣмецкіе ученые и государственные люди, «неисчислимое богатство драгоцѣннаго научнаго матеріала, расточаемаго профессорами на лекціяхъ», какъ писалъ это Робертъ фонъ Моль, «часто пропадаетъ для студентовъ даромъ, и они являются потомъ на государственные экзамены съ знаніями, почерпнутыми изъ разныхъ научныхъ компендіумовъ, репетиторныхъ конспектовъ науки и т. п.».

У насъ учебной свободы, въ нѣмецкомъ смыслѣ, въ университетахъ никогда не было, и всѣ прежніе наши университетскіе экзамены были государственные: они давали государству такихъ лицъ, какихъ приготовляли университеты, государствомъ же насажденные и всегда имъ управляемые. Но по разнымъ причинамъ совершенно иного свойства, неимѣющимъ ничего общаго съ учебной свободой академическаго быта, и университетскіе экзамены, и само университетское ученіе не разъ оказывались у насъ не соотвѣтствующими государственнымъ потребностямъ въ университетскомъ образованіи. Вмѣсто того чтобы устранить причины этого явленія, чрезъ правильную въ дидактическомъ отношеніи организацію самого университетскаго ученія, надумали, что дѣло исправится само собою, стоитъ только установить экзамены въ правительственныхъ коммиссіяхъ, или, какъ тогда говорили, стоитъ только правительству „не отсутствовать„... И вотъ устанавливаются учебныя програмы и задачи, и объявляется, что въ соотвѣтствующихъ имъ научныхъ познаніяхъ студенты должны будутъ давать отчетъ на „строгомъ“ чуть не на страшномъ «судѣ правительственныхъ комиссій!» Но представителями правительства въ составѣ теперешнихъ экзаменныхъ комиссій въ нашихъ университетахъ являются однако, какъ это и должно быть, тѣже служебныя лица, присутствіе коихъ на прежнихъ экзаменахъ разсматри-

валось, кажется, какъ отсутствіе здѣсь правительства! Это именно профессора университетовъ (настоящіе или бывшіе), только съ пересадкой, какъ сказано, изъ одного города въ другой. Ничего изъ всего этого, конечно, не вышло: ни государство ничего не пріобрѣло, ни университеты, развѣ только одни предсѣдатели комиссій, да и то какъ говорится, mutatis mutandis.... Во всякомъ же случаѣ, теперешняя организація университетскихъ экзаменовъ у насъ сама по себѣ есть только довольно дорогая декорація настоящаго дѣла, а не само дѣло.

Въ Германіи государственные экзамены основаны на автономіи университетовъ. Довѣряя научное образованіе поколѣній людямъ, имѣющимъ къ тому призваніе и признаннымъ въ ихъ научномъ достоинствѣ учеными корпораціями, каковы профессора университетовъ, государство довѣряетъ имъ и опредѣленіе годности этого образованія для тѣхъ или другихъ служебныхъ профессій. Этотъ порядокъ производства экзаменовъ самъ по себѣ есть совершенно правильный. Ибо никто конечно, кромѣ профессора спеціалиста по данной наукѣ, не можетъ быть болѣе компетентнымъ судьею о достоинствѣ соотвѣтствующихъ научныхъ познаній, требуемыхъ отъ студентовъ. Но такъ какъ, по условіямъ самого научнаго дѣла, возможно, что иногда очень глубокія научныя познанія не отвѣчаютъ тѣмъ потребностямъ, которыя предъявляются къ знанію и умѣнью въ области данной науки со стороны практической жизни и государственной службы, то нѣкоторые нѣмецкіе ученые и государственные люди не разъ высказывали мнѣніе, что въ составъ комиссій для государственныхъ экзаменовъ, кромѣ профессоровъ университетовъ, должны быть назначаемы и служебныя лица соотвѣтствующихъ профессій. Мнѣніе это само по себѣ также основательно, но для дѣла оно не есть принципіальное мнѣніе; потому, нѣмецкія учебныя правительства, сколько извѣстно, руководствуются имъ только по возможности (Срав. Verhandl. 611). Вообще сказать, производство государственныхъ экзаменовъ самими профессорами, читающими лекціи, какъ прежде такъ и доселѣ, ведетъ въ Германіи прежде всего къ тому, что аудиторіи этихъ профессоровъ обыкновенно бываютъ переполнены слушателями. Такъ напр. лекціи покойнаго Тренделенбурга въ Берлинскомъ университетѣ, который долгое время былъ предсѣдателемъ испытательныхъ комиссій, не смотря на раннее время 7—8—9 час. утра, всегда посѣщались студентами въ количествѣ

200—300. Такое же число слушателей наполняетъ теперь аудиторіи Куно-Фишера въ Гейдельбергѣ. Эрнстъ Курціусъ разсказывалъ, что, когда онъ въ первый разъ былъ назначенъ въ экзаменную комиссію, то вмѣсто 17 слушателей, какъ было раньше, онъ имѣлъ заразъ 70.

Производство экзаменовъ самими профессорами ведетъ также до нѣкоторой степени къ фабрикаціи компендіумовъ и репетиторій разными гешефтмахерами научнаго дѣла, потому что, не говоря уже о тѣхъ профессорахъ, которые, какъ замѣтилъ недавно одинъ изъ нихъ, забывая, что книгопечатаніе давно уже изобрѣтено, продолжаютъ читать лекціи по своимъ манускриптамъ, даже тѣ, которые и сами напечатали уже нѣсколько своихъ манускриптовъ и постоянно идутъ въ наукѣ впередъ, читая ежегодно данный предметъ, конечно не мѣняютъ каждый разъ своего взгляда на подлежащіе ихъ объясненію научные вопросы. Этимъ единствомъ взгляда и, вслѣдствіе этого, самого изложенія и пользуются люди, сколько нибудь знакомые съ наукою, для составленія компендій по лекціямъ профессоровъ—экзаменаторовъ и по ихъ печатнымъ сочиненіямъ. На этомъ же основано (говорю это по своимъ собственнымъ наблюденіамъ въ 1866 г.) удивительное мастерство оксфордскихъ туторовъ приготовлять заранѣе для студентовъ письменные отвѣты на вопросы по той или другой наукѣ, которые будутъ составлены профессорами и будутъ напечатаны въ типографіи только наканунѣ экзамена, подъ строжайшимъ секретомъ.

Но хотя такимъ образомъ производство экзаменовъ самими профессорами, какъ оказывается, и ведетъ нѣкоторымъ образомъ къ составленію легкихъ пособій всякаго рода для приготовленія студентовъ къ экзаменамъ, однако равнодушіе ихъ къ правильному и успѣшному занятію науками во время университетскихъ курсовъ и механическое приготовленіе къ экзаменамъ по этимъ пособіямъ, есть, какъ теперь ужъ кажется всѣми понято, результатъ запущенности порядка учебной свободы студентовъ. Противъ этой запущенности и принимаются теперь, какъ было сказано выше, надлежащія мѣры въ порядкѣ самого университетскаго ученія. Производство же экзаменовъ самими профессорами несомнѣнно останется въ Германіи навсегда краеугольнымъ камнемъ порядка государственныхъ экзаменовъ. Этому мнѣнію соотвѣтствуетъ и мое личное наблюденіе надъ экзаменами на учителя, при которыхъ я имѣлъ случай

присутствовать въ Берлинѣ въ 1893 г. Лица, несомнѣнно вполнѣ опытныя въ дѣлѣ, предлагали экзаменовавшимся такіе вопросы, скорѣе, темы, что говорить по нимъ что либо въ отвѣтъ можно только при достаточномъ самостоятельномъ знакомствѣ съ дѣломъ, хотя бы въ отношеніи научной отчетливости и широты пониманія не во всѣхъ частяхъ изложенія одинаковомъ. А это—то, то есть, достаточное научное знакомство съ дѣломъ, въ настоящемъ случаѣ только и требуется. Въ отвѣтѣ, соотвѣтствующемъ этому требованію, опытный экзаменаторъ сейчасъ чувствуетъ, какого рода студіи предшествовали отвѣту,—основательныя ли, подлинно академическія, или случайныя, репетиторскія. Обширность научнаго знанія, выражающаяся въ знаніи подробностей, въ точности всѣхъ текстовъ и формулъ, критичность личнаго сужденія, основательность опредѣленія достоинства разныхъ теорій и взглядовъ научныхъ и другое подобное – все это подлежитъ оцѣнкѣ въ ученой литературѣ, а не на экзаменѣ. Если бы что либо подобное было требуемо на экзаменѣ, то экзаменующемуся пришлось бы рядиться къ экзамену, такъ сказать, въ павлиныя перья, потому что въ такихъ формахъ показать на экзаменѣ свое научное образованіе (имѣется въ виду конечно экзаменующійся средняго уровня) онъ можетъ, только взявъ соотвѣтствующія знанія напрокатъ изъ профессорскихъ лекцій, а не изъ собственныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ, научныхъ занятій.

Недостатокъ теперешнихъ нашихъ университетскихъ экзаменовъ, которые также называются иногда государственными, состоитъ именно въ томъ, что они вовсе не суть собственно государственные экзамены. Они установлены въ интересѣ того административнаго порядка, въ которомъ поставлены уставомъ наши университеты. По уставу, предполагалось все данное факультетское ученіе, поскольку оно необходимо и полезно для будущаго служебнаго дѣла учащихся, представить въ видѣ програмъ, обязательныхъ для *государственныхъ* экзаменовъ, при чемъ требовалось, чтобы и сами университетскіе курсы наукъ, обязательные для слушанія студентами, приспособлялись къ этимъ программамъ. Такимъ образомъ само университетское ученіе ставилось уставомъ подъ контроль экзаменовъ. Въ результатѣ этого не можетъ быть ничего иного, какъ съ одной стороны мертвенность университетскаго ученія, а съ другой—механичность университетскихъ экзаменовъ. Профессора хотя и *могутъ*, не по

уставу конечно, а по личному усмотрѣнію, не выполнять программы, но они *должны* ихъ выполнять. Что отъ этого должно происходить,— понять не трудно... А студенты стараются только имѣть профессорскія лекціи, чтобы въ свое время приготовиться по нимъ къ экзамену. Недавно я бесѣдовалъ съ однимъ студентомъ очень серьезнымъ и вполнѣ благонамѣреннымъ, который наканунѣ экзамена по одному изъ предметовъ факультетскаго курса не могъ сказать мнѣ ничего о преподавателѣ этого предмета, такъ какъ онъ никогда его не видалъ и ни на одной его лекціи не присутствовалъ.

На обычное у насъ массовое непосѣщеніе студентами лекцій часто смотрятъ даже какъ на нормальное, чуть не какъ на желательное явленіе, стоящее будто бы въ необходимой связи съ тѣснотою аудиторій и другихъ помѣщеній студентовъ для занятій... Но вѣдь это значитъ просто морочить себя и другихъ и дѣлать только, какъ говорится, bonne mine à mauvais jeu... Ибо скажите на милость, еслибы студенты, собираясь ежедневно *чинно* въ университеты, дѣйствительно не могли всѣ найти себѣ мѣста для занятій и нѣкоторые принуждены были бы стоять за дверьми аудиторій и прочихъ помѣщеній, то ужели нашелся бы когда нибудь такой жестоковыйный министръ финансовъ, который отказалъ бы университетамъ въ небольшихъ деньгахъ на увеличеніе пространства университетскихъ помѣщеній? Нѣтъ, не недостатокъ университетскихъ помѣщеній, а тотъ порядокъ, что для экзамена требуется отъ студентовъ заучиванье профессорскихъ лекцій, а не самостоятельныя ихъ занятія подъ личнымъ руководствомъ профессоровъ и ихъ помощниковъ,—вотъ что есть подлинная причина огульнаго непосѣщенія студентами профессорскихъ лекцій и крайняго равнодушія ихъ къ своимъ учебнымъ обязанностямъ въ теченіе курса; отъ этого и самые экзамены имѣютъ значеніе лотереи, счастливой или несчастливой для экзаменующихся, и никакого государственнаго значенія. Часто бываетъ, что экзаменующійся знаетъ одинъ—два «билета» изъ всего курса науки, и отвѣчаетъ удовлетворительно; другой не знаетъ только одного—двухъ «билетовъ», и отвѣчаетъ неудовлетворительно. Такіе случаи общеизвѣстны. О нихъ уже не разъ на разные лады и въ газетныхъ фельетонахъ писали. А мы все еще продолжаемъ думать, что чрезъ университетскіе экзамены государство получаетъ людей высшаго умственнаго порядка, основательно

и научно образованныхъ въ области знанiй, соотвѣтствующей искомой ими службѣ въ государствѣ.

Университетскiе экзамены могутъ имѣть надлежащее государственное значенiе и быть истинно—государственными экзаменами, только при правильномъ устройствѣ университетскаго ученiя, когда оно не механически согласуется съ потребностями государственной службы, а такъ, что лекцiи профессоровъ служатъ для университетскихъ слушателей преимущественно только методическимъ руководствомъ въ ихъ собственныхъ научныхъ занятiяхъ, подъ руководствомъ какъ самихъ же профессоровъ, такъ и другихъ пригодныхъ къ тому лицъ, при чемъ профессорамъ принципiально должна быть предоставлена надлежащая свобода въ выборѣ какъ отдѣловъ науки для своихъ чтенiй, такъ и самого плана изложенiя. Тогда государство получало бы отъ университетовъ для своихъ служебныхъ поприщъ людей дѣйствительно высшаго умственнаго порядка, съ истинно университетскимъ образованiемъ, какимъ оно должно быть по своему внутреннему достоинству и по своему государственному значенiю. Ибо тогда экзаменъ производился бы не изъ профессорскихъ лекцiй по наукѣ, а изъ самой науки, изъ цѣлаго источника знанiя, какъ оно усвоено студентомъ путемъ самостоятельныхъ занятiй. Такимъ экзаменомъ очень основательно могла бы быть опредѣлена годность испытуемаго къ той или другой государственной службѣ.

Впрочемъ, особенно на первое время, не слѣдовало бы, кажется, установлять отдѣльные экзамены на разныя должности. Достаточно, кажетя, было бы установить государственные экзамены для опредѣленiя научной годности бывшихъ университетскихъ студентовъ къ учительской службѣ въ гимназiяхъ и другихъ однородныхъ учебныхъ заведенiяхъ, къ нѣкоторымъ видамъ юридической службы въ судебномъ вѣдомствѣ и къ службѣ административно—финансовой, также въ нѣкоторыхъ ея видахъ. А для другихъ отраслей государственной службы преимущественно канцелярскаго характера и вообще механическаго въ области административной и финансовой, государство могло бы, кажется, довольствоваться выпускнымъ свидѣтельствомъ, полученнымъ молодымъ человѣкомъ отъ университета объ успѣшномъ и прилежномъ исполненiи имъ учебныхъ занятiй во все установленное время для прохожденiя того или другого факультетскаго курса, при чемъ различiе факультетовъ для очень

многихъ службъ механическаго характера не должно бы, кажется, имѣть принципіальнаго значенія; предпочтительный выборъ лицъ съ тѣмъ или другимъ факультетскимъ образованіемъ тутъ можно бы, кажется, предоставить указаніямъ опыта. Самыя же эти выпускныя свидѣтельства для окончившихъ курсъ того, или другого факультетскаго ученія должны быть выдаваемы имъ изъ университета безъ особаго экзамена, а единственно на основаніи успѣховъ и прилежанія ихъ во время ученія, такъ что если кто, по нерадѣнію, или по увлеченію въ періодъ университетскаго своего ученія неучебнымъ дѣломъ, не исполняетъ въ надлежащемъ порядкѣ и съ должнымъ усердіемъ установленныхъ факультетскихъ занятій, тотъ,—это должно быть установлено какъ непреложный законъ,—признается заявившимъ, онъ онъ желаетъ избрать для себя въ жизни какое либо другое поприще, а не одно изъ тѣхъ, для которыхъ требуется университетское образованіе, и увольняется изъ университета.

Жизнь и служба сами конечно суть хорошія школы; не одинъ бывшій студентъ университета, не подвергавшійся государственному экзамену, а поступившій на службу по выпускному университетскому свидѣтельству, можетъ оказаться очень пригоднымъ къ дѣлу, и оказать въ немъ даже большіе успѣхи, сравнительно съ другими, поступившими на службу по праву, пріобрѣтенному чрезъ государственный экзаменъ. Но эти случаи едвали могутъ служить основаніемъ для занятія этими лицами и высшихъ служебныхъ должностей въ государствѣ. Напротивъ, въ этомъ отношеніи, кажется, долженъ быть поставленъ для нихъ предѣлъ. Если же число таковыхъ лицъ, замѣтно успѣвающихъ на служебныхъ поприщахъ и даже превосходящихъ своимъ успѣхомъ другихъ, державшихъ государственный экзаменъ, будетъ оказываться очень значительнымъ, то это должно служить только указаніемъ, что государственный экзаменъ, или въ составѣ своемъ, или въ порядкѣ производства, организованъ неправильно и долженъ быть исправленъ.

III.

О приготовленіи профессоровъ.

Если для многихъ видовъ службы въ государствѣ требуется нѣкоторое университетское образованіе, то явно, что для службы ученой оно потребно въ высшей степени. Согласно съ этимъ, въ ученомъ мірѣ издавна существуютъ разныя степени учености, или разныя ученыя достоинства. Но въ ряду прочихъ достоинствъ, которыми различаются служащіе какъ на другихъ служебныхъ поприщахъ, такъ даже и на ученомъ, ученое достоинство чувствуется у насъ вообще очень мало. По какой въ самомъ дѣлѣ низкой цѣнѣ идетъ иногда ученость на рынкѣ нашихъ общественныхъ дѣлъ, это видно изъ того, что при назначеніи на должности, связанныя непосредственно съ интересами науки, не рѣдко не обращается вниманія на то, имѣетъ ли кандидатъ высшую ученую степень—не только въ томъ случаѣ, когда требованіе ученой степени не установлено закономъ, но даже и въ томъ случаѣ, когда это установлено, а иногда таковыя должности занимаютъ лица, даже и не учившіеся въ университетѣ.

Въ Пруссіи, для занятія должностей, связанныхъ съ научнымъ дѣломъ, напримѣръ, ассистентовъ при разныхъ учрежденіяхъ въ медицинскомъ факультетѣ, равно при семинаріяхъ другихъ факультетовъ и при многихъ другихъ такого рода университетскихъ учрежденіяхъ, требуется непремѣнно степень доктора по тому факультету, къ какому относится данное учрежденіе (Centralblatt etc. 1895. 336). Это требованіе несомнѣнно много содѣйствуетъ тому, что университетская, вообще ученая служба такъ высоко стоитъ въ Германіи во мнѣніи какъ правительства, такъ и общества. Впрочемъ, и у насъ, для поступленія на ученую службу въ качествѣ профессора, принципіально требуется предварительное

полученіе степени доктора. Уставъ требуетъ также, чтобы кандидатъ на университетскую каѳедру зарекомендовалъ себя съ преподавательской стороны чтеніемъ лекцій, въ продолженіе не менѣе трехъ лѣтъ, въ званіи приватъ—доцента. Не касаясь здѣсь несовершенствъ такого порядка въ дидактическомъ отношеніи, нельзя не признать, что самъ по себѣ этотъ порядокъ есть конечно хорошій искусъ, но онъ умѣстенъ только при самостоятельномъ академическомъ порядкѣ въ университетахъ.

Между тѣмъ, хотя по уставу никто не можетъ быть профессоромъ, не имѣя степени доктора, въ дѣйствительности это не всегда соблюдается, и это съ одной стороны свидѣтельствуетъ о недостаткѣ у насъ лицъ, имѣющихъ ученую степень, а съ другой самый этотъ недостатокъ возрастаетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе случаевъ замѣщенія докторскихъ мѣстъ не докторами. Во всякомъ же случаѣ, это несомнѣнно роняетъ достоинство ученыхъ степеней въ глазахъ не только общества, но и самихъ лицъ, которымъ, для полученія ученой службы въ государствѣ, надлежало бы предварительно довольно потрудиться для пріобрѣтенія требуемой закономъ ученой степени. Но къ чему трудиться, къ чему въ теченіе не одного а болѣе лѣтъ, притомъ въ ту пору жизни, когда разнообразныя впечатлѣнія такъ сильны и заманчивы, оставаться одинокимъ въ тиши кабинета, въ обществѣ только книгъ, хартій и разнаго рода матеріала науки, когда можно тѣмъ или другимъ способомъ достигнуть желаемаго положенія и безъ этого, какъ достигли уже таковаго нѣкоторые другіе?

Въ порядкѣ приготовленія профессоровъ, издавна употребляется у насъ одна очень хорошая мѣра, состоящая въ томъ, что лица, желающія приготовиться къ профессорскому званію, получаютъ иногда казенныя стипендіи, обезпечивающія имъ досугъ для ученыхъ занятій дома, или для сей же цѣли посылаются они на казенный счетъ за границу. Выдача такихъ стипендій есть мѣра не только благопріятная для достиженія предположенной цѣли самими получающими ихъ, но и необходимая въ интересѣ самого дѣла. Безъ нея многія умственныя силы могли бы пропасть для науки, тѣмъ болѣе, что научныя призванія закрѣпляются и зрѣютъ въ сознаніи только въ извѣстномъ возрастѣ, за предѣлами котораго уже невозможна бываетъ часто та энергія труда, которая требуется отъ лицъ, посвящающихъ себя наукѣ.

Но какъ ни хороша эта мѣра правительственныхъ субсидій лицамъ, посвящающимъ себя наукѣ, однако сама по себѣ она не обезпечиваетъ правильнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, такъ какъ само приготовленіе къ экзамену не всегда, кажется, соотвѣтствуетъ цѣли, для которой экзаменъ держится. Если молодой человѣкъ, готовящійся къ экзамену на ученую степень, получаетъ ли стипендію или нѣтъ, остается дома, а не отправляется за границу, то нерѣдко бываетъ, что занимаясь разными дѣлами, отъ даванія уроковъ въ частныхъ домахъ до построчной работы въ газетахъ, онъ готовится въ тоже время къ экзамену по лекціямъ того профессора, по спеціальности котораго самъ намѣренъ быть современемъ профессоромъ. Говорю это по своимъ собственнымъ наблюденіямъ надъ нѣкоторыми изъ моихъ бывшихъ учениковъ и тѣмъ откровеннѣе, что изъ числа тѣхъ же учениковъ могу назвать не одно лицо, имѣющее степонь доктора и готовившееся къ экзамену совершенно другимъ способомъ. А тѣ говорили бывало, что иначе готовиться нельзя, что экзаменаторъ не пропуститъ, если отвѣчать не буквально по его курсу.

Способъ приготовленія къ профессорскому званію путемъ поѣздки за границу также не свободенъ отъ разнаго рода случайностей. Замѣчу при этомъ, что и въ настоящемъ случаѣ, какъ и выше, я говорю только по собственнымъ наблюденіямъ. Молодые люди, пріѣзжая за границу съ жаждою знаній и съ энергіею труда, не рѣдко бываютъ въ положеніи тѣхъ нѣмецкихъ студентовъ перваго семестра, о которыхъ говорилъ одинъ профессоръ на берлинской конференціи, что они очень часто остаются безъ всякаго компаса и имѣютъ самыя наивныя представленія о томъ, что надлежитъ имъ дѣлать въ тотъ или другой семестръ (Verhandl. 614.) Нѣкоторые изъ нашихъ молодыхъ людей начинаютъ съ того, что записываются на очень большое количество профессорскихъ лекцій и иногда самаго разнообразнаго содержанія и характера, потомъ это число сокращаютъ, и нерѣдко кончаютъ тѣмъ, что не дослушавъ ни одного курса, уѣзжаютъ на слѣдующій семестръ въ другой университетъ. Другіе въ своей наукѣ увлекаются за границей какою нибудь одною спеціальною ея частію, оставляя безъ вниманія всѣ другія. Такъ напримѣръ, мнѣ пришлось недавно видѣть за границей одного молодого человѣка, изучавшаго философію, для занятія философ-

ской каѳедры въ одномъ изъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній, почти исключительно только въ такъ называемыхъ психологическихъ лабораторіяхъ. Какъ въ другихъ наукахъ, такъ еще болѣе въ области философскихъ наукъ, къ рѣшенію вѣчныхъ ея вопросовъ постоянно прокладываются новые пути, изыскиваются новыя средства. Такъ образуются какъ бы новыя науки, которыя, въ глазахъ новичковъ въ ученомъ дѣлѣ, представляются даже призванными замѣнить собою всѣ прежнія науки о томъ же предметѣ. Въ философской области такою наукою въ послѣднее время выступила экспериментальная психологія, обзаведшаяся кое-гдѣ такъ называемыми психологическими лабораторіями, въ которыхъ по извѣстной экспериментальной методѣ изслѣдуются нѣкоторыя явленія нашей психической жизни. Нечего говорить, что эти изслѣдованія представляютъ большой интересъ, и умамъ сообразительнымъ могутъ впослѣдствіи дать матеріалъ для очень важныхъ соображеній по многимъ психологическимъ и другимъ вопросамъ философскаго характера. Но они составляютъ, конечно, только нѣкоторую малую часть того дѣла, которымъ издавна занята философія, и во всякомъ случаѣ менѣе значительную въ дѣлѣ философскаго образованія, сравнительно съ другими частями философіи. Если подумать, что будущій нашъ профессоръ занимается за границей исключительно только въ психологическихъ лабораторіяхъ и пассивно и активно, и никакими иными задачами въ философской области не интересуется, не слушаетъ ни академика Дилтея, ни профессора Гартмана въ Берлинѣ, ни Вильмана въ Прагѣ и никого другого, то легко представить, какъ мало будетъ онъ впослѣдствіи полезенъ на своей каѳедрѣ для правильнаго философскаго образованія слушателей.

Въ шестидесятыхъ годахъ, когда особенно много молодыхъ людей было отправляемо заграницу для приготовленія къ профессорскому званію, руководство ихъ на нѣкоторое время было поручено покойному Пирогову. Но мѣра эта, которая для самого Пирогова была, кажется, только мѣрою почетнаго удаленія знаменитаго хирурга отъ учебныхъ дѣлъ, никому изъ командированныхъ тогда заграницу молодыхъ людей, кромѣ можетъ быть медиковъ, не принесла и, понятное дѣло, не могла принести никакой пользы. Тогдашняя усиленная командировка молодыхъ людей заграницу, правда, не обошлась безъ ошибокъ въ выборѣ пригодныхъ для сего лицъ, такъ какъ нѣкоторые изъ командированныхъ были вовсе

не подготовлены къ самостоятельному научному труду, да и внутренно, очевидно, не интересовались наукою; потому проводили время часто попусту. Но эти случаи ничего не говорятъ противъ той щедрости правительства, съ которою оно исполняло тогда свою задачу заботиться о приготовленіи профессоровъ для нашихъ университетовъ. Тогдашній министръ Головнинъ былъ вполнѣ правъ, когда на укоры со стороны нѣкоторыхъ лицъ въ неосмотрительности выбора молодыхъ людей для заграничной командировки, отвѣчалъ, что „поселянинъ, бросая въ землю сѣмена, былъ бы очень наивенъ, если бы думалъ, что каждое изъ нихъ дастъ надлежащій плодъ...“ Зато Головнинымъ была принята тогда прекрасная мѣра какбы надзора за способами и правильностію занятій молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Это именно обязательство ихъ доставлять въ министерство отчеты о своихъ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, мѣра эта не была организована: не было выражено, что именно должно быть содержаніемъ требуемыхъ отчетовъ. Потому нѣкоторые представляли просто чуть не дневники своего пребыванія заграницей; другіе, по страннымъ побужденіямъ, хотѣли явиться въ своихъ отчетахъ учеными, стоящими не только въ уровень съ ученостію корифеевъ нѣмецкой науки, но и возвышающимися надъ ними, потому критиковали ихъ здѣсь, какъ будто они пріѣхали заграницу ревизорами нѣмецкихъ университетовъ. Но и это было не безъ пользы, ибо не только у насъ нашлись люди, которые оцѣнили по достоинству такія выходки, но и заграничные профессора и сами министерства обратили на нихъ должное вниманіе. По крайней мѣрѣ въ департаментѣ прусскаго министерства учебныхъ дѣлъ въ 1893 г. были живы лица, которыя еще помнили, какъ я слышалъ это лично отъ нихъ, и не безъ ироніи разсказывали по департаментаментскимъ *документамъ*, какъ нѣкоторые русскіе ученые хотѣли скомпрометировать тогда нѣмецкую науку....

Какъ бы то ни было, представленіе отчетовъ о занятіяхъ есть совершенно правильная мѣра не только контроля, со стороны учебнаго правительства, цѣлесообразности занятій для приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію, но и нѣкотораго руководства ихъ самихъ въ этихъ занятіяхъ. Такая мѣра и должна быть органически введена въ составъ порядка приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію. Такъ именно, если бы дѣло было организовано такъ, что лица,

желающія приготовиться къ профессорской службѣ, обязательно заявляли бы объ этомъ заблаговременно въ соотвѣтствующій факультетъ и въ опредѣленные сроки представляли бы въ факультетъ свои работы по избранному ими для професоуры предмету, то съ одной стороны они шли бы къ цѣли правильнымъ путемъ, а не заучивая курсы экзаменаторовъ, какъ иногда теперь, а съ другой экзаменаторы и факультетъ имѣли бы въ этихъ работахъ какъ достаточный матеріалъ для содержанія самого экзамена, такъ равно поводъ и основаніе,—по доброй совѣсти поруководить занятіями экзаминанда, въ случаѣ надобности, въ должномъ научномъ направленіи. Отъ этого порядка, кажется, была бы настоящая польза для всего дѣла, не только собственно въ ученомъ, но и въ нравственномъ его смыслѣ.

Какъ ни самобытна личность профессора, однако профессора не поэты,—они не nascutur, а fiunt. Чтобы быть профессоромъ, конечно, прежде всего надо быть ученымъ, что и выражается въ признаніи кого либо другими учеными достойнымъ ученой степени. Но одна ученость еще не создаетъ профессора. «Отъ университетскаго преподавателя, говоритъ профессоръ Вильманъ, кромѣ обладанія предметомъ ученія, требуется еще и опытность въ обученіи, иначе эту послѣднюю онъ долженъ наверстывать уже насчетъ своихъ слушателей» (Didaktik II. 493). Можетъ казаться, что пріобрѣтенію опытности въ преподаваніи всего лучше должно служить приватъ-доценство. Но дѣло именно въ томъ, что приватъ доценты могутъ наверстывать недостающую имъ опытность въ обученіи только насчетъ студентовъ, для руководства которыхъ и требуется, чтобы они были уже опытны. Притомъ, пріобрѣсти нѣкоторую опытность въ преподаваніи приватъ доценты могутъ только въ томъ случаѣ, если они уже основательно усвоили себѣ задачи учебной службы въ государствѣ. Для этого, безъ сомнѣнія, и для нихъ потребно надлежащее руководство путемъ теоретическаго и практическаго изученія дидактики. Это-то именно и недостаетъ нашимъ доцентамъ. Нельзя же думать, чтобы *нѣкоторый* устный экзаменъ, выдержанный молодымъ человѣкомъ чрезъ два—три года по окончаніи имъ университетскаго курса и давшій ему званіе полу—магистра или магистранта, могъ служить гарантіею, что въ своихъ лекціяхъ онъ будетъ читать то и такъ, что и какъ нужно знать студентамъ. Двѣ пробныя лекціи, которыя онъ долженъ

прочитать предварительно, для полученія отъ факультета свидѣтельства на право преподаванія въ званіи приватъ—доцента, точно также очень мало обезпечиваютъ надлежащую годность для учащихся всѣхъ послѣдующихъ его лекцій. Деканъ, ректоръ и попечитель должны контролировать преподаваніе приватъ-доцентовъ. Если оно, будучи полно разнаго вида ученой ересью и обнаруживая невѣжество лектора для самой его аудиторіи, окажется такимъ образомъ «не соотвѣтствующимъ достоинству предмета», или если оно явно будетъ «направляемо къ распространенію между слушателями вредныхъ воззрѣній», то, конечно, дѣло кончится благополучно! Но дидактическое достоинство преподаванія, но годность руководства студентовъ въ путяхъ науки, сообразно съ надлежащимъ систематическимъ планомъ ея изученія—это какъ въ нѣмецкихъ университетахъ, такъ и въ нашихъ, оставлено на личное пониманіе самихъ приватъ--доцентовъ. Впрочемъ приватъ—доценство въ Германіи, особенно же въ Пруссіи, въ наше время потеряло уже прежнее свое значеніе «жала конкуренціи», какъ называли иногда это учрежденіе прежде. Имѣются свѣдѣнія, что по крайней мѣрѣ въ Пруссіи въ будущемъ оно подлежитъ преобразованію въ институтъ служебный, насколько это возможно по достоинству входящихъ въ него элементовъ. Во всякомъ случаѣ, приватъ—доценство, какъ и отмѣненный теперь уже въ Пруссіи профессорскій гонораръ, суть такія учрежденія въ устройствѣ нѣмецкихъ университетовъ, которымъ мы очень не удачно подражали въ устройствѣ нашихъ университетовъ уставомъ 1884 года.

Большимъ благомъ для всего нашего учебнаго образованія было бы, если бы вошло въ обычай и даже установлено было какъ правило, чтобы профессорами университетовъ собственно по тѣмъ предметамъ, научныя задачи коихъ болѣе популярны и болѣе обще—интересны, были лица, преподававшія сперва съ успѣхомъ тѣже, или сопредѣльные съ ними предметы въ гимназіяхъ. Тогда они являлись бы на каѳедрахъ съ яснымъ представленіемъ дидактической задачи преподаванія и не разсуждали бы, какъ иногда теперь, что относительно университетскаго преподаванія «ни о какихъ другихъ дѣлахъ или интересахъ, кромѣ научныхъ, и рѣчи быть не можетъ». Впрочемъ, въ положеніи самого научнаго образованія, какъ оно внутренно слагается изъ университетскаго и изъ приготовительнаго къ нему школьнаго ученія, заключается условіе, при которомъ участіе

университетскихъ профессоровъ въ школьномъ преподаваніи, какъ будетъ изъяснено это въ своемъ мѣстѣ, представляется теперь крайне желательнымъ и полезнымъ, одинаково въ интересѣ какъ школьнаго, такъ и университетскаго ученія.

Въ отдѣльности же въ интересахъ университетскаго ученія, слѣдуетъ утверждать со всею рѣшительностію, что дидактическая задача профессорской службы особенно важна для тѣхъ каѳедръ, съ коихъ преподаются науки, въ большинствѣ своихъ вопросовъ соприкасающіяся съ вопросами жизни и съ тѣми вообще умственными интересами образованнаго общества, правильное пониманіе которыхъ составляетъ существенную часть общественнаго образованія. Необходимо, чтобы университетскіе преподаватели, сидящіе на этихъ каѳедрахъ, стояли на надлежащей высотѣ дидактическаго умѣнья, чтобы изъясняемые ими научные вопросы не будоражили головъ слушетелей ученостію и эффектностію изложенія, а были бы основательно усвояемы ими какъ научныя истины, и озаряли бы въ ихъ глазахъ свѣтомъ истиннаго пониманія и тѣ умственные интересы, которые естественно задѣваются въ умахъ слушателей данными научными вопросами. Если университетскіе преподаватели не стоятъ въ своемъ дѣлѣ на такой дидактической высотѣ, то руководителями сознанія студентовъ по вопросамъ науки, имѣющимъ связь съ общественными интересами, очень легко становятся разные не ученые писатели, а газетные фельетонисты, не профессорскія аудиторіи, а студенческія сборища. Все это въ разныхъ видахъ, къ сожалѣнію, давно уже переживается нашими университетами.

Конечно, были и есть ученые, которые сами непосредственно понимаютъ дидактическія задачи своего профессорскаго служенія. Но при томъ значеніи, которое научныя знанія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ теперь для жизни не только матеріаломъ своимъ, но и тѣмъ вліяніемъ, какое они оказываютъ на общественный духъ и на общественныя отношенія, правильное дидактическое пониманіе научнаго дѣла есть теперь необходимое требованіе отъ всякаго, посвящающаго себя служенію этому дѣлу. Безъ этого, есть прямая опасность, что университеты наши съ ихъ науками, къ ущербу для себя и для всего нашего образованія, должны будутъ и впредь влачить свое существованіе подъ охраною только разныхъ административныхъ мѣръ, и не будутъ жить свойственною имъ настоящею академическою жизнію.

IV.

О надлежащемъ отношеніи между университетами и приготовительными къ нимъ школами.

Чтобы университеты процвѣтали, необходимо, чтобы они стояли на благопріятной для нихъ почвѣ. Эту почву образуютъ школы, приготовляющія молодыхъ людей къ университетскому ученію. Но какъ университеты, существуя исторически, естественно измѣняются внутри себя— въ составѣ своихъ факультетскихъ наукъ и въ задачахъ ихъ, въ самомъ матеріалѣ наукъ и въ методахъ изслѣдованія, такъ очевидно и приготовительныя къ нимъ школы не могутъ и не должны быть всегда неизмѣнными въ своемъ учебномъ составѣ. Неизмѣннымъ должно оставаться только отношеніе между университетами и приготовительными къ нимъ школами. Смыслъ этого отношенія тотъ, что университетское и приготовительное къ нему школьное ученіе, не совмѣстныя между собою, соотвѣтствуютъ одно другому дидактически, какъ производители одного и того же ученаго образованія, и оба вмѣстѣ, въ системѣ всего учебнаго дѣла, составляютъ такое сочлененіе, въ которомъ каждый членъ живетъ и дѣйствуетъ въ согласіи и взаимодѣйствіи съ другимъ.

Главная приготовительная школа къ университету, давно разработанная историческая почва его есть учебное заведеніе, именуемое гимназіею. На этой почвѣ стоятъ и современные университеты, и доселѣ гимназія есть школа, преимущественно предъ другими приготовляющая къ университету. Если же, вслѣдствіе измѣненія культа многихъ наукъ въ университетѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ методическомъ отношеніи, признается теперь возможнымъ допускать къ университетскому ученію молодыхъ людей, учившихся предварительно и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, а не въ гимназіяхъ, то, безъ вреда для универси-

тетскаго ученія и для всего учебнаго дѣла, это возможно только при томъ условіи, если эти учебныя заведенія, будучи иного учебнаго состава чѣмъ гимназіи, въ тоже время близки къ нимъ, какъ школы нѣкотораго ученаго образованія, если и онѣ такъже какъ гимназіи способны оборудовать головы своихъ учениковъ элементами знанія и умѣнья, соотвѣтствующими требованіямъ ученаго отношенія къ предметамъ наукъ.

Но какъ, съ одной стороны, дѣйствительно все болѣе и болѣе выступаетъ теперь побужденій къ расширенію почвы университетскаго ученія чрезъ признаніе, рядомъ съ гимназіями, и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеній школами приготовительными къ университету, такъ, съ другой стороны, издавна уже не было недостатка какъ въ жизненныхъ условіяхъ учебнаго дѣла, такъ и въ теоретическихъ разсужденіяхъ о гимназическомъ ученіи, по силѣ которыхъ задача гимназіи —приготовлять учащихся къ университету казалась слишкомъ узкою для нея, слишкомъ отдаляющею ее отъ интересовъ окружающей дѣйствительности, отъ нуждъ текущей жизни; потому, ее давно уже расширили, вмѣнивъ гимназіи въ обязанность доставлять учащимся нѣкоторое общее образованіе. Это-то и было причиною того, что, во мнѣніи по крайней мѣрѣ общества, такъ рѣшительно вступили теперь въ конкурренцію съ гимназіею и разныя другія учебныя заведенія. Мало по малу составилось представленіе, что гимназія есть только одна изъ ряда среднихъ школъ, занимающихъ въ учебной системѣ пространство между низшими школами и университетами. Въ этомъ представленіи совершенно пропало изъ виду историческое, такъ сказать, спеціальное значеніе гимназіи, что конечно способно вносить не малую путаницу въ разсужденія о ней. Но пока эта путаница существуетъ во мнѣніи общества и встрѣчается лишь въ общей литературѣ по учебнымъ дѣламъ,—отъ этого бѣды большой еще нѣтъ. А коль скоро отъ нея не свободны и сами руководители учебнаго дѣла, то есть опасность, что въ ихъ рукахъ порвутся наконецъ и перепутаются всѣ историческія его нити, такъ что дальнѣйшее органическое развитіе учебнаго дѣла будетъ уже невозможно. Въ виду этого интересно отмѣтить, что въ Пруссіи закономъ 11-го Іюля 1894 года установлено, что среднія школы составляютъ отдѣльную категорію учебныхъ заведеній, доставляющихъ хотя и высшее, сравнительно съ народными школами, образованіе, но не ученое. (Centralblatt f. ges Unterrichtsverwalt. in Preussen 1894 г. стр. 581 и 585.).

Существенная задача современной реформы гимназій состоитъ въ томъ, чтобы поставить гимназію въ правильныя историческія отношенія къ университету. Требуется именно возстановить историческое значеніе гимназіи какъ школы, приготовляющей къ университету. Задача эта требуетъ, очевидно, строгаго историческаго вниманія къ учебному дѣлу. Въ томъ то между прочимъ и бѣда для учебнаго дѣла, что, начиная съ эпохи «просвѣщенія» до настоящаго дня, поколѣніе за поколѣніемъ, министерство за министерствомъ думаютъ, что они могутъ и «должны выдумывать учебныя заведенія непосредственно изъ своего ума... Вообще сказать, учебное наше дѣло и въ частности учебное дѣло гимназій, не имѣя надлежащаго самостоятельнаго значенія въ ряду прочихъ дѣлъ общественно—государственной нашей жизни, а находясь въ совершенно служебномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ, мѣняется уже очень легко, по условіямъ времени и по личнымъ расположеніямъ его руководителей. Противоположный этому образъ дѣйствій состоитъ однако не въ томъ, чтобы учебныя заведенія, въ томъ числѣ и гимназіи, оставались на всегда неизмѣнными въ своемъ устройствѣ. Напротивъ, нелѣпо было бы въ современной гимназіи вести учебное дѣло такъ, какъ велось оно напримѣръ въ гимназіяхъ 17-го вѣка; но историческое отношеніе къ учебному дѣлу вообще и къ гимназіи въ частности, притомъ историческое не въ смыслѣ только исторіи нашихъ дней, а въ смыслѣ прогрессивнаго развитія образовательной работы европейской школы,—вотъ что только и можетъ руководить въ правильной, соотвѣтствующей потребностямъ времени, реформѣ гимназій, предостерегая какъ отъ застоя, такъ и отъ произвола.

То было время такъ называемаго новаго гуманизма, когда гимназія, съ расширеніемъ своего учебнаго содержанія, изъ школы, имѣющей назначеніе приготовлять умы къ университетскому ученію, стала превращаться въ школу общаго образованія. Тогда цѣль гимназіи понимали въ доставленіи учащимся какого--то особеннаго образованія, состоящаго въ «прекраснѣйшей гармоніи силъ внутренняго и внѣшняго человѣка и пригоднаго для руководящихъ сословій» (für die leitenden Stande). Это искусственное возвышеніе роли гимназіи, для чего и перешагнули чрезъ ближайшую ея цѣль, въ дѣйствительной жизни не оправдалось: гимназія доселѣ выпускаетъ молодыхъ людей въ университеты, откуда

выходятъ научно образованные учители, юристы, врачи, рядомъ съ которыми какъ тогда, такъ и теперь выступаютъ въ жизни лица другихъ руководящихъ сословій—капиталисты, техники, инженеры... «Старый Борзигъ, справедливо говорилъ одинъ изъ членовъ берлинской конференціи 1890 г., не менѣе принадлежитъ къ руководящему сословію, какъ и заурядный учитель гимназіи, или какой нибудь чиновникъ судебнаго вѣдомства» (Verhandlungen über Fragen des höheren Unterrichts 1891 стр. 317). Очевидно, дѣло гимназіи значеніемъ ея для руководящихъ сословій мѣрить нельзя. Эта точка взгляда на достоинство гимназическаго ученія вела только къ тому, что оно все болѣе и болѣе отягчалось въ своемъ содержаніи элементами, болѣе или менѣе отдаляющими его отъ надлежащей цѣли. Вслѣдствіе этого уже давно возникла мысль о сближеніи гимназіи съ другими школами, съ которыми она все болѣе и болѣе сливалась по своему учебному содержанію. Такъ еще на знаменитой нѣмецкой школьной кгнференціи, бывшей въ 1849 году, было выражено желаніе устроить учебное заведеніе съ одною общею гимназическою основою ученія до 3-го класса, затѣмъ предполагалось, съ одной стороны, шесть классовъ гимназическаго ученія, и съ другой, шесть классовъ реальнаго. Такимъ образомъ, по этому плану общая основа изъ низшихъ трехъ классовъ предполагалась вполнѣ согласная съ гимназическимъ учебнымъ планомъ; то есть, съ латинскимъ языкомъ. Такого рода учебныя заведенія существуютъ и доселѣ въ небольшомъ числѣ въ Австріи, во многихъ кантонахъ Швейцаріи, въ Вюртембергѣ и въ самой Пруссіи таковыхъ зеведеній имѣется еще въ настоящее время шестнадцать. Въ Вюртембергѣ такія школы изъ трехъ, четырехъ и пяти классовъ существуютъ большею частію отдѣльно отъ высшихъ классовъ, ученики же этихъ школъ поступаютъ изъ нихъ какъ въ старшіе классы гимназій, такъ равно и въ реальныя школы, Такая общая основа гимназіи и реальной школы изъ трехъ классовъ съ латинскиимъ языкомъ разсматривается какъ общій фундаментъ образованія, основаннаго на языкоученіи.

Въ этомъ порядкѣ за латинскимъ языкомъ удерживается его дидактическое значеніе, которое онъ имѣлъ въ школѣ уже не одно столѣтіе. Но скоро появилось мнѣніе, нельзя ли латинскій языкъ, какъ фундаментъ языкоученія, замѣнить какимъ либо новымъ языкомъ, въ Германіи—именно французскимъ. Къ этому мнѣнію присоединилось другое, нельзя ли

такимъ образомъ устроить одну общую основу ученія для учебныхъ заведеній безъ латинскаго языка, или, по нѣмецкой терминологіи, für gymnasiale, realgymnasiale und lateinlose Schularten. Въ первомъ мнѣніи ставится вопросъ собственно о сравнительномъ дидактическомъ достоинствѣ латинскаго и французскаго, или другого новаго языка. Второе же клонится къ замѣнѣ древнихъ языковъ новыми не только въ школахъ реальныхъ, но даже и въ гимназіяхъ, или по крайней мѣрѣ къ сокращенію ихъ здѣсь до крайняго предѣла. Первое мнѣніе обсуждалось еще въ 1873 году въ школьной конференціи въ Берлинѣ при министрѣ Фалькѣ, и такіе авторитеты по школьнымъ дѣламъ, какъ Визе и Боницъ, признали тогда его достойнымъ провѣрки на опытѣ. Второе принадлежитъ позднѣйшему времени; оно примѣнено къ дѣлу въ Скандинавіи, особенно же въ Швеціи, частію въ Даніи. Это есть именно мнѣніе о той пресловутой объединительной школѣ, die einheitliche Schule, которая грезится теперь многимъ, и которая такъ восхищаетъ также собою умы и у насъ въ Россіи. «У защитниковъ общей школы, говорилъ между прочимъ профессоръ Улихъ въ берлинской конференціи, стало модою указывать на Швецію, какъ на педагогическій Эдемъ, въ которомъ господствуетъ счастіе. Тоже говорятъ теперь въ Венгріи и въ Россіи. Одна русская газета, какъ мнѣ пишутъ, сообщаетъ интересное свѣдѣніе, что въ педагогическихъ дѣлахъ теперь только шведы могутъ быть образцомъ, авторитетъ же нѣмецкаго школьнаго дѣла идетъ на убыль... (Verhandl. 87). Но не смотря на увлеченіе скандинавскою педагогикою многихъ не только въ Россіи, но и въ Германіи, берлинская конференція 1890 года, послѣ продолжительнаго и обстоятельнаго обсужденія означеннаго выше мнѣнія, постановила. что для гимназій и безлатинскихъ школъ общей учебной основы рекомендовать не должно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако прусское учебное правительство допустило, *въ видѣ опыта*, устройство гимназій съ низшими тремя классами безъ латинскаго языка, а съ французскимъ, какъ основой (Unterbau) дальнѣйшаго гимназическаго ученія, въ которое такимъ образомъ съ четвертаго класса входитъ латинскій языкъ, а съ шестого и греческій. Это сдѣлано именно только въ видѣ опыта, потому что когда въ 1898 году въ палатѣ депутатовъ одинъ изъ членовъ обратился къ министру Боссе за объясненіемъ, почему онъ отклонилъ ходатайство города Бреславля

устроить здѣсь учебное заведеніе по образцу этой такъ называемой реформенной гимназіи, то министръ въ отвѣтѣ своемъ указалъ на то, что учебный планъ такой гимназіи не есть еще законченный опытъ. Впрочемъ, таковая гимназія, то есть, съ французскимъ языкомъ вмѣсто латинскаго въ низшихъ трехъ классахъ, существуетъ въ Альтонѣ еще съ 1878 года. Затѣмъ, уже послѣ берлинской конференціи, въ 1892 году основана такая же гимназія во Франкфуртѣ на Майнѣ. Еще позднѣе получила такую же организацію такъ называемая французская гимназія въ Берлинѣ. Ганноверъ, Кассель, Карлсруе также дѣлаютъ теперь опыты устройства у себя такихъ гимназій. Учебные планы всѣхъ этихъ реформенныхъ гимназій нѣсколько различны, но нормальный порядокъ ученія такой: французскій языкъ преподается въ низшихъ трехъ классахъ по 6 уроковъ въ каждомъ, и затѣмъ по 2 урока во всѣхъ прочихъ классахъ... Съ 4-го класса начинается латинскій языкъ, и заведеніе дѣлится на гимназію и реальную гимназію. Въ первомъ отдѣленіи онъ преподается въ такомъ количествѣ уроковъ: 10, 10, 8, 8, 8, 8.=52, а во второмъ: 8, 8, 6, 6, 6, 6=40. Съ шестого класса въ гимназическомъ отдѣленіи преподается греческій языкъ по 8 уроковъ въ классѣ, всего 32, а въ реальномъ отдѣленіи англійскій въ такомъ порядкѣ: 6, 4, 4, 4, всего 18 часовъ. Практическое удобство такого устройства гимназіи предполагалось между прочимъ въ томъ, что выборъ пути ученія, наиболѣе подходящаго ученику, падаетъ на такой его возрастъ, когда это легче опредѣлить, чѣмъ въ 9—10 лѣтній возрастъ, и переходъ съ одного пути на другой наиболѣе удобенъ. Но эти выгоды сомнительны, во всякомъ случаѣ теоретичны; на дѣлѣ же въ виду учебнаго правительства, какъ выяснено это было Улихомъ въ его первой рѣчи въ берлинской конференціи, оказывается теперь вотъ что: за вытѣсненіемъ латинскаго языка, какъ предмета школьнаго ученія изъ первыхъ трехъ классовъ гимназіи, въ Швеціи, въ Норвегіи и въ Даніи, да и въ самой Германіи все болѣе и чаще слышатся теперь голоса за дальнѣйшее пониженіе его въ ряду классовъ, а съ нимъ вмѣстѣ конечно—и греческаго языка. Это тяготѣніе къ пониженію въ гимназіяхъ ученія древнимъ языкамъ неудержимо должно привести къ рѣшительному устраненію ихъ изъ гимназическаго ученія; тогда наступитъ царство новой школы... Согласно съ этимъ, прусское учебное правительство, сдѣлавъ

только опытъ замѣны латинскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи французскимъ, основательно держится доселѣ того взгляда, что дидактическое достоинство французскаго языка, какъ основы всего языкоученія въ гимназіи, вмѣсто латинскаго, еще ничѣмъ не выяснилось. Тѣмъ болѣе, значитъ, было бы неблагоразумно устроить у насъ, какъ мечтаютъ объ этомъ нѣкоторые, какую—нибудь объединительную школу, такъ какъ, за отсутствіемъ у насъ реальныхъ гимназій, пришлось бы объединять гимназію съ реальнымъ училищемъ на фундаментѣ ученія французскому или нѣмецкому языкамъ, учителями которыхъ, какъ извѣстно, бываютъ у насъ не рѣдко люди, не знающіе ни древнихъ языковъ, ни русскаго языка. Хороша была бы наша гимназія, поставленная на такомъ фундаментѣ!

Прусское учебное правительство, допустивъ въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ реформу гимназическаго ученія, путемъ какъ бы сближенія его на основѣ французскаго языка съ реальнымъ ученіемъ, относительно вообще всѣхъ своихъ гимназій выступило на иной путь. Было уже сказано, что по мѣрѣ того какъ отъ гимназіи требовали доставленія ея ученикамъ общаго образованія (вообще неопредѣленнаго и измѣнчиваго по своему содержанію), учебное содержаніе гимназій постоянно расширялось. Оставаясь въ тоже время и доселѣ школою преимущественно предъ другими приготовительною къ университету, она давно уже стала разваливаться внутри себя самой по своему ученію на двѣ школы. Хотя и прежде нѣкоторые элементы общаго образованія входили въ составъ гимназическаго ученія, но они не тяготили такъ гимназіи, какъ теперь, ибо къ нимъ относились тогда съ умѣренностію, предоставляя учащимся усвоивать ихъ по мѣрѣ, можно сказать, личнаго ихъ интереса къ нимъ. Теперешній руководитель учебнаго дѣла въ Германіи, маститый Шрадеръ, говоря объ этомъ въ берлинской конференціи, выразился такимъ образомъ: «строгое требованіе отъ учениковъ предписаннаго по программѣ по всѣмъ, даже и по второстепеннымъ предметамъ ученія,—вотъ собственно то зло, отъ котораго мы страдаемъ». Вспоминая свое ученіе, онъ говоритъ: «по нѣкоторымъ предметамъ мы ничего не дѣлали, мы оставались при главныхъ, а что въ побочныхъ предметахъ мы не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ,—на это учители наши смотрѣли сквозь пальцы, и я благодарю ихъ за это еще и теперь (Verhandl.

216). Излишняя требовательность отъ учениковъ полныхъ успѣховъ по всѣмъ предметамъ и стѣсненіе свободы каждаго заниматься болѣе какими либо предметами, чѣмъ другими— эти недостатки теперешнихъ гимназическихъ порядокъ, о которыхъ такъ много было говорено на берлинской конференціи, суть прямое выраженіе того, что въ теперешней гимназіи стараются научить учениковъ какъ можно болѣе тому, что хотя бы посредственно было полезно для жизни, иначе—тому, что, по современнымъ понятіямъ, составляетъ содержаніе общаго образованія.

За этимъ натискомъ въ учебную программу гимназіи элементовъ общаго образованія, значеніе ея, какъ школы, приготовляющей къ университету, естественно отдалилось. Въ ней (говорю собственно о нѣмецкой гимназіи) массами появляются ученики, которые поступаютъ сюда вовсе не для приготовленія къ университетскому ученію, а для пріобрѣтенія черезъ гимназію того или другого изъ положеній въ обществѣ, къ которымъ она открываетъ дорогу и которыя сами по себѣ имѣютъ развѣ очень отдаленное отношеніе къ университетскимъ наукамъ. Между тѣмъ, что особенно худо, многіе изъ таковыхъ учениковъ, безъ призванія и безъ всякаго интереса къ наукѣ, а по простой инерціи движенія, исходящей отъ аттестата зрѣлости, переходятъ изъ гимназіи въ университетъ, образуя тотъ «абитуріентный пролетаріатъ», о которомъ, повторяя слова покойнаго Бисмарка, говорилъ императоръ Вильгельмъ на берлинской конференціи. Впрочемъ, таково положеніе дѣла только съ одной стороны, съ другой же стороны, по статистикѣ министерства за 1889—90 годы, число учениковъ, окончившихъ курсы въ гимназіяхъ, въ реальныхъ гимназіяхъ и въ высшихъ реальныхъ училищахъ, простиралось только до 20,5%, остальные вышли изъ этихъ учебныхъ заведеній прямо въ жизнь, не окончивши курса, то есть, не получивъ законченнаго образованія, притомъ изъ нихъ 50,2% со свидѣтельствами на одногодиюю воинскую службу, а 39,% даже и безъ такихъ свидѣтельствъ. Въ этихъ статистическихъ данныхъ министерство усмотрѣло указаніе на то, что гимназія организована не правильно въ томъ отношеніи, что ученіе въ ней согласовано съ образовательными нуждами меньшаго числа ея учениковъ. Въ виду этого оно признало нужнымъ, для всѣхъ выходящихъ изъ гимназіи до окончанія въ ней курса, особенно же для тѣхъ 40,2%, которые выходятъ изъ гимназіи послѣ шестилѣтняго въ ней ученія (съ

правомъ на однолѣтнюю воинскую службу), устроить все гимназическое ученіе такъ, чтобы оно давало имъ нѣкоторое законченное образованіе. Согласно съ этимъ, гимназія въ Пруссіи дѣлится теперь на двѣ части: отъ секcты до унтеръ-секунды включительно—шесть классовъ, и отъ оберъ-секунды до оберъ-примы—три класса. На порогѣ между унтеръ и оберъ-секундою установленъ окончательный экзаменъ (Abschlussprüfung), на подобіе экзамена зрѣлости, для опредѣленія достоинства общаго образованія испытуемыхъ, по выдержаніи котораго желающіе переходятъ въ оберъ секунду, для продолженія образованія, приготовляющаго ихъ къ университету, а не желающіе уходятъ въ жизнь, пользуясь здѣсь правами, соотвѣтствующими ихъ образованію, особенно же правомъ однолѣтней воинской службы. Но такъ какъ хотѣли, чтобы это шестикласное ученіе давало учащимся нѣкоторое законченное образованіе, то въ цѣломъ составѣ гимназическаго ученія пострадали учебные планы нѣкоторыхъ предметовъ, особенно исторіи, математики, а также и древнихъ языковъ. Именно, нѣкоторыя части математики, которыя прежде проходились уче-учениками старшихъ классовъ, пришлось теперь перенести въ унтеръ секунду, а по исторіи тѣ части ея, которыя доселѣ преподавались въ унтеръ-секундѣ, перенесены въ старшіе классы. Такое перемѣщеніе частей учебныхъ предметовъ изъ класса въ классъ, конечно, не можетъ не разрушать дидактическаго строя гимназическаго ученія, на что и жалуются теперь въ Германіи со всѣхъ сторонъ. Потому, хотя въ Баваріи, гдѣ до послѣдняго времени не было никакихъ экзаменовъ для перевода учениковъ изъ класса въ классъ, теперь установленъ экзаменъ послѣ шестилѣтняго курса, но при этомъ никакого измѣненія въ учебныхъ планахъ не произведено, а самый экзаменъ имѣетъ значеніе простого переводного экзамена, съ цѣлію только устранить вовремя изъ гимназіи непригодныхъ для нея учениковъ. Что же касается до древнихъ языковъ, то ученіе имъ несомнѣнно пострадало теперь въ Пруссіи, вслѣдствіе прежде всего сокращенія учебныхъ часовъ и затѣмъ вслѣдствіе того, что это сокращеніе хотѣли наверстать аналитико—индуктивною методою ученія, которую министерство форсированно рекомендовало въ новыхъ учебныхъ планахъ 1891 года. Но хотя эта метода вовсе не есть какое либо новое дидактическое изобрѣтеніе, однако и въ Пруссіи еще мало приготовленныхъ для нея учителей и вообще мало руководящаго опыта, да и

она сама не одинаково примѣнима ко всѣмъ задачамъ языкоученія. Впрочемъ, министерство само очень скоро замѣтило свою ошибку въ сокращеніи учебныхъ часовъ на древніе языки, и уже теперь прибавило на нихъ до трехъ часовъ въ старшихъ классахъ гимназіи. Вообще же измѣненія, произведенныя теперь въ учебныхъ планахъ прусскихъ гимназій разсчитаны на пользу собственно лишнихъ для нихъ учениковъ, а не тѣхъ, которые принадлежатъ имъ, какъ ихъ настоящій и какъ будущій контингентъ университетовъ. Въ этомъ-то и заключается основной недостатокъ реформы прусской гимназіи. Изъ наблюденій и статистическихъ данныхъ, которыми руководилось въ настоящемъ случаѣ учебное правительство въ Пруссіи, ближайшій выводъ, кажется, долженъ бы быть тотъ, что современная гимназія какъ бы развалилась внутри себя въ своемъ учебномъ составѣ, и, какъ органъ образованія, раздвоилась, выпуская только въ маломъ числѣ лицъ подготовленныхъ къ университету, а въ большомъ числѣ—лицъ не подготовленныхъ къ нему. Отъ этого вывода для учебнаго управленія прямой ходъ къ тому, чтобы возстановить историческое значеніе гимназіи, какъ школы, приготовляющей къ университету, организуя въ ней по этой цѣли какъ учебные элементы, принадлежащіе ей исторически, такъ и тѣ учебные элементы, которые вошедши въ ея программу въ видахъ общаго образованія, такъ сильно перетянули на свою сторону контингентъ ея учениковъ. Но вмѣсто этого, прусское учебное правительство только узаконило раздвоеніе гимназіи какъ такое, и потому, какъ теперь кажется видятъ уже всѣ, нимало не приблизило свою гимназію къ ея историческому призванію.

Недостатокъ дѣйствующаго пока порядка ученія въ прусскихъ гимназіяхъ на дѣлѣ чувствуется теперь особенно въ томъ, что ни одно изъ ожиданій, которыя имѣлись въ виду при реформѣ 1891 г., не оправдалось. Ожидалось именно, что съ этой реформою ученики, не пригодные для гимназіи, гораздо въ большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, будутъ поступать теперь, вмѣсто гимназій, въ разныя школы безъ латыни (lateinlose Schulen), въ которыхъ окончательный экзаменъ для выходящихъ послѣ шестилѣтняго курса и дающій имъ извѣстныя права, особенно же—на одногоднюю воинскую службу, былъ установленъ прежде; ожидалось также, что экзаменъ зрѣлости въ гимназіяхъ освободится отъ массы учебнаго матеріала, усвояемаго памятью, и ученіе въ старшихъ

классахъ будетъ все посвящено собственно научному образованію учащихся. Люди, слѣдящіе за дѣломъ на мѣстѣ, свидѣтельствуютъ, что никакого сокращенія числа поступающихъ въ гимнизіи не произошло, напротивъ, на первое время послѣ реформы почему—то еще увеличилось. Чтоже касается до благотворнаго вліянія реформы на ученіе въ старшихъ классахъ, то этого, говорятъ, никто не будетъ утверждать (das humanistische Gymnasium. H. III—IV. 1897 стр. 170). Само учебное правительство приняло потомъ съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы изъ произведенной реформы не вышло для гимназій чего нибудь еще хуже. Въ Centralblatt 1897 г. стр. 431, на основаніи наблюденій за ходомъ дѣла въ гимназіяхъ въ періодъ времени отъ 1892—3 до 1895—6 года находимъ слѣдующее сообщеніе: съ удовольствіемъ отмѣчено, что хотя число абиту ріентовъ, признанныхъ зрѣлыми, увеличивалось, но это не условило собою усиленнаго стремленія къ университетскому ученію, при чемъ совѣтуется на экзаменѣ, по окончаніи шести классовъ, болѣе обращать вниманія на самую личность ученика, чтобы въ старшіе классы не переходили ученики, не достаточно способные къ дальнѣйшему ученію; въ случаѣ же, если кто изъ переведенныхъ окажется такимъ, то директоръ долженъ давать ему соотвѣтствующій совѣтъ, а при неуспѣшности совѣта, предъявлять къ нему болѣе строгости при переводѣ въ слѣдующій высшій классъ. Явно, что собственно для гимназическаго ученія послѣдняя прусская реформа сводится, какъ говорится, на нѣтъ.

Идея раздѣленія современной гимназіи на двѣ учебныя стадіи сама по себѣ прекрасна, такъ какъ она вполнѣ соотвѣтствуетъ насущнымъ, живымъ потребностямъ учебнаго дѣла. Современная гимназія отограничена какъ отъ всякой низшей школы, такъ какъ большею частію она имѣетъ при себѣ свои приготовительные классы, такъ и отъ университета, потому что она сама, помимо университета, опредѣляетъ пригодность для него своихъ учениковъ чрезъ экзаменъ зрѣлости. Но силою вещей. исторически, современная гимназія поставлена такъ, что теперь она не есть школа, исключительно приготовляющая къ университету, ибо отъ нея требуютъ, чтобы она доставляла своимъ ученикамъ и общее образованіе; равно она не есть теперь и единственная школа, приготовляющая къ университету, такъ какъ нѣкоторыя университетскія науки, въ ихъ теперешнемъ содержаніи и направленіи, и нѣкоторыя цѣли университет-

скаго ученія доступны и достижимы, безъ предварительнаго собственно гимназическаго ученія. Какъ школа приготовительная къ университету, гимназія должна быть для учащихся элементарною школою ученаго отношенія ихъ къ предметамъ знанія, а какъ школа, отъ которой наше время требуетъ общаго образованія, она есть учебное заведеніе, которое должно доставлять его учащимся въ нѣкоторомъ *законченномъ* видѣ (ein Abschluss der Bildung). Хотя вслѣдствіе этого многіе элементы знанія, входящіе въ программу современной гимназіи, отягощаютъ ее чрезмѣрно и представляютъ ту опасность, что отчуждаютъ ее отъ главнѣйшей ея цѣли, однако такое положеніе гимназіи даетъ правительству возможность не изолировать ее, какъ ученую школу, отъ большого общества, тяготѣющаго обыкновенно къ практическимъ выгодамъ знаній, а пропуская его чрезъ гимназіи, при умѣлой постановкѣ гимназическаго ученія, притягивать къ научному дѣлу изъ общества имѣющіеся въ немъ таланты и вообще лучшія его умственныя силы. Для этого—то и необходимо прежде всего правильное раздѣленіе гимназіи на двѣ учебныя стадіи. Ошибка прусскаго учебнаго правительства въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что основная историческая задача гимназіи принесена имъ теперь какъ бы въ жертву тому закругленному, или законченному образованію, которое гимназія должна доставлять ученикамъ, выходящимъ изъ нея послѣ шестиклассного ученія.

Изъ исторіи учебнаго дѣла университетовъ и гимназій мы знаемъ, что первоначально, въ средніе вѣка, предметы университетскаго ученія были тѣже, что и въ тѣхъ школахъ, изъ которыхъ или на почвѣ успѣха которыхъ университеты выростали. Потому въ учебномъ матеріалѣ того времени не было основанія для организаціи какой либо особой приготовительной къ университету школы. Университеты, чрезъ свои ordines artistarum, сами нѣкоторымъ образомъ исполняли функцію приготовительной къ себѣ школы. Съ эпохи возрожденія, приготовительная школа къ университетскому ученію формируется уже болѣе опредѣленнымъ образомъ. То была такъ называемая латинская школа, которая въ учебномъ своемъ содержаніи сложилась изъ основныхъ, собственно школьныхъ элементовъ факультета artistarum; самъ-же факультетъ этотъ мало помалу сталъ философскимъ факультетомъ, а латинская школа превратилась въ гимназію. Но гимназія, вмѣсто того чтобы принять въ себя учебные элементы, первона-

чально входившіе въ составъ факультета философскаго, или —artistarum, все болѣе и болѣе ассимилировалось по своему учебному содержанію со школами энциклопедическаго учебнаго состава. Такимъ образомъ въ системѣ ученаго образованія выпала цѣлая ступень его, и между университетомъ и гимназіею образовалась пустота. Наполнить эту пустоту издавна составляетъ задачу умовъ, преданныхъ дѣлу ученаго образованія. Одни, какъ Гербартъ, Шлейермахеръ, Тиршъ и другіе думали, что эту пустоту должно восполнить само университетское ученіе, чрезъ обязательное для всѣхъ студентовъ изученіе философскихъ дисциплинъ, предварительно того или другого факультетскаго ученія. Равнымъ образомъ и въ нашей литературѣ не такъ давно, помнится, высказано было мнѣніе, чтобы въ университетахъ были организованы нѣкоторые общіе научные курсы, какъ приготовительные къ занятіямъ студентовъ на факультетахъ отдѣльными науками. Другіе, какъ напримѣръ Германъ Кернъ, полагаютъ, что отсутствующую теперь ступень въ ученомъ образованіи, которая должна служить звеномъ, связующимъ въ сознаніи гимназиста пріобрѣтаемыя имъ познанія, должна дать ему сама гимназія. Циллеръ и Карлъ Петеръ, а также и Вильманъ ставятъ для этой цѣли между гимназіею и университетомъ особую школу, при чемъ Петеръ основательно утверждаетъ, что въ процессѣ ученія приготовительнаго къ университетскому должно различать два періода: одинъ —періодъ собственно обученія, и другой—періодъ ученія, наиболѣе согласованнаго со свободою и индивидуальностію учащагося. На основаніи подобныхъ же соображеній, въ практической части своего сочиненія «объ организмѣ гимназіи» (1889 г. стр. 99—100), я также указывалъ на надобность раздѣленія гимназіи на двѣ стадіи—на гимназію собственно, и лицей. Въ настоящее время мысль эта раздѣляется, кажется, уже всѣми, кто вникаетъ въ дѣло глубже.

Насколько можно судить по свѣдѣніямъ въ печати, (по преимуществу Kreuzzeitung, Berliner Tageblatt), и по нашимъ частнымъ, можно, кажется, надѣяться, что, если не встрѣтится какихъ либо особыхъ затрудненій со стороны, теперешнее министерство просвѣщенія въ Пруссіи (dr. Studt), расположено раздѣлить гимназію на двѣ стадіи, въ виду наилучшаго достиженія ею основной ея цѣли, то есть, подготовки къ самостоятельному университетскому ученію, а не такъ, какъ

теперь,—въ виду нѣкоторой законченности образованія тѣхъ ея учениковъ, которые оставляютъ гимназію, не окончивъ въ ней курса и поступаютъ на разныя службы, особенно же въ военную. Но если это можно пока только предполагать, то, какъ дѣйствительный уже фактъ, такое именно раздѣленіе гимназіи принято въ настоящее время правительствомъ Греціи. Теперешній энергичный министръ просвѣщенія въ Греціи Евтаксіасъ, сдѣлавшій эту важную реформу при содѣйствіи лицъ учебнаго вѣдомства, особенно же столь извѣстнаго и въ Германіи Загояниса, встрѣчаетъ теперь въ литературѣ отовсюду одобреніе отъ лицъ, понимающихъ дѣло. Предлагаемое раздѣленіе гимназіи на двѣ учебныя стадіи согласно и съ продолжительностію гимназическаго курса, и съ различными возрастами учащихся, между тѣмъ какъ ученики разныхъ физическихъ и психическихъ возрастовъ руководствуются теперь почти совершенно одинаково какъ въ отношеніи ученія, такъ и въ отношеніи поведенія, что, безъ сомнѣнія, совершенно противорѣчитъ одному изъ основныхъ недагогическихъ требованій согласовывать учебный и бытовой порядокъ съ возрастомъ учащихся: cujus que aetatis notandi sunt tibi mores. Заводить же въ заведеніи два порядка—одинъ для младшихъ учениковъ, а другой для старшихъ, было бы крайне разрушительно для порядка цѣлаго учебнаго заведенія. Одно заведеніе—и одинъ порядокъ, какъ учебный такъ и бытовой. Если же, по силѣ данныхъ условій, требуются два порядка, то, значитъ, должны быть два заведенія.

Средняя ступень ученаго образованія, какъ оно организовано было въ учебномъ порядкѣ прежняго времени—чрезъ латинскую школу и философскій, факультетъ, или чрезъ facultas artistarum, выпала изъ него, съ утратою философскимъ факультетомъ своего значенія, какъ корня или ствола (Stamm) всѣхъ другихъ университетскихъ факультетовъ. Вставить эту ступень—значитъ въ серединѣ между теперешнею гимназіею и университетомъ создать такое учебное заведеніе, въ которомъ ученіе, будучи по матеріалу продолженіемъ гимназическаго, по внѣшнему строю своему было бы школьнымъ ученіемъ, а въ дидактическомъ отношеніи было бы по преимуществу объяснительнымъ ученіемъ, доводящимъ мышленіе учащихся до высшихъ началъ истины, которыми опредѣляется научное достоинство всякаго знанія. Въ составъ этого ученія у насъ должны войти: систематическое религіозное ученіе, централь-

нымъ пунктомъ котораго долженъ быть догматъ объ искупленіи, въ составѣ тѣхъ вѣрованій и воззрѣній, которыя усвоены нашею православною церковію; философское ученіе въ составѣ логики съ ученіемъ о познаніи и основанія психологіи и этики; филологическое ученіе, состоящее въ чтеніи и переводѣ древнихъ авторовъ, и направленное съ одной стороны на выработку стиля родной рѣчи, а съ другой—на пониманіе литературныхъ произведеній, съ примѣненіемъ познанія древней литературы къ пониманію новой. какъ отечественной, такъ и общей; политическая исторія Европы, преимущественно съ ея внутренней стороны, и наконецъ математика примѣнительно къ естествознанію. Программы всѣхъ этихъ наукъ должны быть разработаны въ такомъ планѣ, чтобы преподаваніе ихъ, начинаясь въ обыкновенномъ школьномъ порядкѣ въ видѣ уроковъ, постепенно переходило въ руководство учащихся ихъ собственными занятіями въ порядкѣ академическомъ. Таковъ долженъ быть лицей по составу и характеру ученія. Предваряя собою университетское ученіе, лицей долженъ доставлять университетамъ студентовъ съ надлежащимъ сознательнымъ интересомъ къ истинно—научному труду и знанію. Въ виду этого несомнѣнно, что преобладающимъ элементомъ всего лицейскаго ученія долженъ быть элементъ философическій, не въ смыслѣ преобладанія въ немъ философскихъ дисциплинъ, а въ смыслѣ умозрѣнія, какъ характера самого ученія[1]).

Отдѣленіе высшихъ классовъ гимназіи въ особое учебное заведеніе—лицей, необходимое какъ способъ возстановленія историческаго отношенія между университетомъ и гимназіею, несомнѣнно полезно какъ для гимназіи, такъ и для университета. Теперь, какъ сказано, гимназія

[1]) Профессоръ Вильманъ въ Прагѣ, который одновременно съ изданіемъ моего сочиненія «объ организмѣ гимназіи, часть практическая» (1889 г.) издалъ второй томъ своей «Дидактики, гдѣ онъ также указываетъ на необходимость лицея, какъ особой школы между гимназіею и университетомъ, въ письмѣ ко мнѣ по этому вопросу говоритъ между прочимъ слѣдующее: unsere Ideen werden sich mit der Zeit Bahn brechen, das wichtigste ist ein philosphisches Lehrgut zu gewinnen, ohne welches die Lycealschule nicht anfangen kann. Dazu sind aber wieder Vorarbeiten wissenschaftlicher Natur nothwendig, die Wiederaufnahme der gesunden Denkweise der alten und der christlicher Denker.

отграничена отъ университета экзаменомъ зрѣлости, который служитъ мостомъ для перехода изъ гимназіи въ университетъ чрезъ ту пропасть, которая образовалась между ними, вслѣдствіе выпаденія посредствующей ступени образованія.

Несостоятельность экзамена зрѣлости, какъ моста для перехода изъ гимназіи въ университетъ, выяснена мною въ сочиненіи «недуги нашего учебнаго дѣла» ч. 1-я (стр. 135—145). Къ сказанному прибавлю здѣсь, что внутренняя несостоятельность этого средства связать гимназію съ университетомъ состоитъ въ томъ, что экзаменъ зрѣлости, какъ онъ естественно производится всюду, особенно въ устной своей части, нимало не свидѣтельствуетъ и не можетъ свидѣтельствовать о зрѣлости учениковъ. Производимый въ гимназіи самими учителями въ знаніяхъ, которымъ они обучали экзаменуемыхъ, экзаменъ зрѣлости имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что стоитъ уже позади учениковъ, а не съ тѣмъ, что ждетъ ихъ впереди, и нимало не опредѣляетъ будущаго положенія ихъ въ университетѣ въ отношеніи къ университетскому ученію. Ученики испытываются здѣсь въ отдѣльныхъ познаніяхъ предмета по тѣмъ или другимъ вопросамъ, а не въ обладаніи нѣкоторыми обязательными для зрѣлаго ума представленіями и не въ умѣніи, или навыкѣ оперировать ими при рѣшеніи той или другой умственной задачи. Хотя познанія, въ которыхъ испытываются ученики на экзаменѣ зрѣлости, нужны и полезны для выработки въ ихъ сознаніи соотвѣтствующихъ зрѣлому уму представленій, но такъ какъ на эти послѣднія экзаменъ не простирается, а многія изъ знаній, въ которыхъ они испытываются, не имѣютъ непосредственнаго примѣненія къ ихъ научнымъ занятіямъ въ университетѣ, то понятно, что со стороны университета и его интересовъ, съ точки зрѣнія подготовки къ нему студентовъ, можетъ казаться и дѣйствительно часто кажется, что какъ экзаменъ зрѣлости, такъ и само гимназическое ученіе для него не имѣютъ никакого значенія. Вслѣдствіе сего, современная гимназія и университетъ, вмѣсто сочлененія, представляютъ въ организмѣ учебнаго дѣла расчлененіе... А между тѣмъ, въ порядкѣ теперешняго отношенія гимназіи къ университету чрезъ экзаменъ зрѣлости, они поставлены какъ бы двѣ образовательныя машины, изъ которыхъ одна должна обработывать сырой матеріалъ и, чрезъ искуственный механизмъ экзамена, передавать его въ другую машину для дальнѣйшей обработки.

Но экзаменъ зрѣлости, какъ сказано, самъ по себѣ вовсе не пригоденъ для опредѣленія годности гимназиста къ университетскому ученію. Для сего долженъ быть особый экзаменъ, внѣшній для гимназіи, не въ гимназіи, а въ университетѣ, какъ было въ прежнее время, до введенія экзамена зрѣлости. Установленіе экзамена зрѣлости выставлялось у насъ, какъ освобожденіе университетовъ отъ излишней и неудобной будто бы для нихъ обязанности испытывать приходящихъ къ нимъ учениковъ, пригодны ли они, отъ чего свободны теперь и нѣмецкіе университеты. Въ Германіи дѣйствительно было время, когда университеты какъ будто тяготились испытаніями университетскихъ аспирантовъ, и въ университеты поступали нерѣдко лица совершенно не подготовленныя. Но тутъ главную роль игралъ гонораръ, который аспиранты университетовъ приносили съ собою профессорамъ. У насъ же, во время установленія экзамена зрѣлости, гонорара еще не было, и не помнится, чтобы чрезъ пріемный экзаменъ въ университетѣ входили въ него студенты, столь не подготовленные къ университетскому ученію, какими являются нѣкоторые изъ гимназій теперь, послѣ экзамена зрѣлости. Установленный у насъ экзаменъ зрѣлости въ гимназіяхъ былъ только лишеніемъ университетовъ ихъ учебной автономіи, что много содѣйствовало крайнему отчужденію ихъ теперь отъ гимназіи. Гимназія же, расширяя свои программы примѣнительно къ понятію неопредѣленнаго по своему содержанію общаго образованія, и сама все болѣе и болѣе теряетъ изъ виду университетъ.

Контрольными чиновниками отъ учебнаго управленія присутствуютъ иногда на экзаменахъ зрѣлости, по назначенію попечителя, профессора университета. Но справедливо, какъ говорили это и на берлинской конференціи, что многіе изъ нихъ и сами не выдержали бы этого экзамена, который контролируютъ. Между тѣмъ, если бы они сами экзаменовали университетскихъ аспирантовъ, безъ сомнѣнія испытывали бы ихъ въ томъ, чрезъ обнаруженіе чего въ своихъ отвѣтахъ испытуемые дѣйствительно показами бы, въ какой мѣрѣ они умственно зрѣлы для научныхъ занятій въ университетѣ, или, въ какой мѣрѣ они владѣютъ по предметамъ данной науки нѣкоторыми зрѣлыми представленіями. При этомъ мнѣ припоминается мой собственный вступительный экзаменъ въ московскій университетъ по исторіи у покойнаго профессора П. Н. Кудрявцева.

Когда на вопросъ его о руководствахъ, читанныхъ мною по исторіи, я сказалъ, что читалъ между прочимъ исторію Лоренца, онъ чрезъ рядъ нѣкоторыхъ вопросовъ спросилъ меня, какое представленіе соединяю я съ выраженіемъ «прагматическая исторія»,—и въ этой бесѣдѣ, въ концѣ которой я получилъ отъ профессора нѣкоторыя руководительныя указанія для занятія исторіею, состоялъ мой вступительный экзаменъ. Полагаю, что это было гораздо цѣлесообразнѣе, нежели если бы я прочиталъ наизустъ по какому нибудь тогдашнему учебнику о Кирѣ и Вавилонѣ, или о войнѣ Бѣлой и Алой розы, какъ теперь читаютъ все это абитуріенты гимназіи на экзаменѣ зрѣлости. Для подобныхъ испытаній едвали могутъ быть какіе нибудь конспекты или программы, по которымъ можно было бы готовиться къ нимъ. Напротивъ, одно—два письменныхъ изложенія мыслей будущаго студента, въ которыхъ онъ показалъ бы, въ какой мѣрѣ владѣетъ представленіями изъ области той или другой науки въ своемъ мышленіи, затѣмъ устный отчетъ въ написанномъ,—вотъ, по моему мнѣнію, достаточный матеріалъ для опредѣленія годности аспиранта къ университетскому ученію. Въ Пруссіи теперь постановлено исключить по возможности изъ экзамена зрѣлости матеріалъ памяти, и сосредоточить экзаменъ преимущественно на сужденіяхъ и на умѣньи пользоваться для нихъ надлежащими знаніями. Но этою мѣрою никогда не удастся поднять достоинство экзамена до опредѣленія чрезъ него степени истинной умственной зрѣлости, если онъ будетъ производиться учителями гимназіи, потому что имъ собственно нечего больше дѣлать, какъ только испытывать учениковъ въ томъ, чему они ихъ учили. Напротивъ, если экзаменаторы будутъ имѣть въ виду то дѣло, въ пригодности къ которому они испытываютъ аспирантовъ, то указанными выше способами они, безъ сомнѣнія, очень хорошо могутъ опредѣлить относительно каждаго степень этой пригодности.

Есть, несомнѣнно, нѣкоторыя общія требованія образованнаго мышленія, которымъ должны удовлетворять молодые люди, поступающіе въ университетъ, но едва ли есть надобность эти общія требованія выдѣлять на экзаменѣ въ отдѣльную группу учебныхъ предметовъ, которые должны они всѣ знать одинаково. Центральнымъ пунктомъ общихъ требованій отъ поступающихъ въ университетъ, какъ это постановлено теперь и для экзамена зрѣлости въ прусскихъ гимназіяхъ, можетъ быть только

отечественный языкъ, въ томъ обширномъ смыслѣ, въ который входитъ какъ свободное и соотвѣтствующее надлежащимъ мыслямъ употребленіе словъ и выраженій языка, такъ и умѣнье мыслить, не путая представленій, не смѣшивая причины со слѣдствіемъ, общаго съ частнымъ и др. под.

Удовлетворяющими, или не удовлетворяющими этимъ общимъ требованіямъ образованія испытуемые легко обнаружатъ себя чрезъ испытаніе, какъ письменное такъ и устное, въ сферѣ тѣхъ знаній и умѣній, которымъ должна быть опредѣляема пригодность ихъ къ данному факультетскому ученію. Чрезъ такую постановку дѣла, сама собою устраняется отъ учебной практики та несчастная мысль, что будто бы годными къ университетскому ученію должны быть признаваемы только тѣ молодые люди, которые учились латинскому и греческому языкамъ.

Эта удивительная теорія была бы приложима къ учебному дѣлу въ томъ случаѣ, если бы науки были неподвижными величинами со времени возрожденія. Напротивъ, по матеріалу своему, по средствамъ знанія, которыми мы теперь обладаемъ, по многимъ задачамъ его какъ практическаго, такъ даже и теоретическаго интереса, современныя науки уже совсѣмъ не тѣ, что были прежде. Потому, пригодность молодыхъ людей участвовать въ современной научной работѣ и, слѣдовательно, учиться этимъ наукамъ нелѣпо было бы опредѣлять исключительно только предварительнымъ обученіемъ ихъ древнимъ языкамъ. Во всякомъ случаѣ ни латинскій ни греческій языки, какъ ни значительны они, въ смыслѣ матеріала дидактическихъ объектовъ, для развитія на нихъ въ учащихся зрѣлыхъ сужденій, не заключаютъ въ себѣ какой нибудь магической силы, посредствомъ которой работа надъ ними учащихся также подготовляла бы ихъ умы, напримѣръ, къ строгому математическому мышленію, какъ работа надъ самимъ математическимъ матеріаломъ. Несомнѣнно напротивъ, что пониманіе научныхъ принциповъ естествознанія и медицинскихъ наукъ наиболѣе доступно тѣмъ, кто подготовленъ къ этому пониманію путемъ упражненій собственно въ математическомъ мышленіи. По крайней мѣрѣ, отъ нѣкоторыхъ университетовъ въ Германіи не даромъ, конечно, раздаются иногда жалобы на то, что студентамъ медикамъ трудно читать курсы по физикѣ въ формѣ, соотвѣтствующей теперешнему состоянію этой науки... (Verhandlungen 356). Явно, что гимназія съ двумя древними языками не есть теперь единственная почва, на которой можетъ

стоять университетское ученіе. Согласно съ этимъ, въ самомъ, напримѣръ, Вюртембергѣ, въ этой преимущественно «латинской странѣ Германіи» философскій и естествознательный факультеты давно уже, раньше чѣмъ въ Пруссіи, были открыты для воспитанниковъ реальныхъ училищъ. Въ берлинской конференціи былъ представленъ списокъ *шестидесяти* ученыхъ лицъ, дѣйствующихъ на разныхъ ученыхъ поприщахъ и въ университетахъ, которые не учились предварительно въ классическихъ гимназіяхъ (Verhandlungen 308). Списокъ этотъ съ теченіемъ времени, несомнѣнно, будетъ все увеличиваться.

Но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы всякая безлатинская школа, точнѣе, чтобы всякое реальное училище могло быть дополнительною почвою университетовъ. Реальныя училища не овощи какія нибудь... Потому, крайне легкомысленно разсуждаютъ тѣ, которые желаютъ, чтобы наши теперешнія реальныя училища, рядомъ съ гимназіями, выпускали своихъ учениковъ въ университеты. Хотя и гимназіи наши далеко не тѣ, какими онѣ должны быть, какъ школы, приготовляющія къ университетскому ученію, однако въ нихъ есть такіе учебные элементы, что умный директоръ и учитель, если станутъ выше формальныхъ требованій, могутъ при помощи ихъ подымать головы учениковъ до того уровня, на которомъ онѣ будутъ пригодны для университетскаго ученія, а реальныя наши училища принципіально были поставлены такъ, чтобы учебному правительству не было «затруднительно отказывать домогательствамъ о допущеніи учениковъ ихъ къ поступленію въ университеты». Эта чудная мысль дѣйствительно была въ свое время принята въ руководство нашимъ учебнымъ правительствомъ, при рѣшеніи вопроса о допущеніи, или недопущеніи въ учебный составъ нашихъ реальныхъ училищъ латинскаго языка. (Сборникъ поставленій по гимназіямъ Издан. 1874 г. стр. 11). Недопущеніе латинскаго языка въ программу реальныхъ училищъ, съ цѣлію какъ можно рѣшительнѣе отторгнуть ихъ отъ гимназій, стоитъ въ связи съ такимъ устройствомъ этихъ учебныхъ заведеній, при которомъ они не могутъ служить теперь для расширенія почвы университетовъ, безъ вреда для сихъ послѣднихъ. Въ первой части вышеупомянутаго моего сочиненія (стр. 82—961 было говорено о дидактической несостоятельности учебныхъ плановъ нашихъ реальныхъ училищъ. Хотя, какъ было тамъ изъяснено, есть нѣкоторыя серьезныя

причины, по которымъ доселѣ еще довольно трудно составить учебное содержаніе реальныхъ училищъ такъ, чтобы они служили идеальнымъ, то есть, истиннымъ интересамъ образованія; но такъ игнорировать, такъ забыть эти интересы, какъ они были забыты при устройствѣ нашихъ реальныхъ училищъ,—это равносильно нарочитому невниманію къ тому, чтобы ученіе въ нихъ было истинно-образовательно для учащихся. Для образовательнаго ученія, необходимо избирать въ учебномъ матеріалѣ такіе моменты, чрезъ усвоеніе которыхъ развитіе знанія и углубленіе въ него, или пониманіе было бы вмѣстѣ съ тѣмъ развитіемъ разума и всего сознанія учащихся. Отъ этой цѣли были очень далеки и первые и позднѣйшіе устроители нашихъ реальныхъ училищъ. Суля учащимся какія-то практическія поприща, они наполнили программы реальныхъ училищъ атомистическими элементами всякаго рода знаній, не подумавъ о томъ, что и реальная школа, какъ гимназія, существенно и прежде всего должна служить идеальнымъ интересамъ образованія, и создали такимъ образомъ изъ реальныхъ училищъ школу полузнаній и полуобразованія, которая никакъ уже не можетъ быть опорою университетскаго ученія. Отнесясь крайне легкомысленно къ языкоученію, которое однако доселѣ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ развитія въ учащихся элементовъ научной методы мышленія, они не только отвергли латинскій языкъ, какъ предметъ будто бы вовсе негодный для реальныхъ училищъ, но и новые языки поставили въ нихъ такъ, что занятіе ими не можетъ быть для умовъ учащихся тѣмъ логическимъ школеньемъ (logische Schulung), которое дидактически и есть собственно приготовленіе къ университетскому ученію. Матеріалъ математики представленъ въ программахъ нашихъ реальныхъ училищъ сильнѣе, чѣмъ въ программахъ гимназическихъ, но чрезъ это эти школы не стали ближе къ университетамъ. Въ образовательномъ интересѣ школьнаго ученія, математика должна имѣть значеніе дисциплины, развивающей въ учащихся умѣнье правильно представлять себѣ явленія природы, какъ функціи ея законовъ, и связывать ихъ въ своемъ мышленіи логически въ математическихъ формулахъ. Безъ этого ученія, математика есть простой балластъ головъ учащихся, выбрасываемый ими, по окончаніи ученія, скорѣе, чѣмъ всѣ другія вложенныя въ нихъ знанія. Если такое образовательное значеніе математики наиболѣе свойственно высшимъ ея отдѣ-

ламъ, элементы коихъ введены въ программу нашихъ реальныхъ училищъ, то съ другой стороны правильное пониманіе этихъ отдѣловъ возможно только въ томъ случаѣ, если умы учащихся подготовлены къ этому чрезъ упражненія на простѣйшемъ аппаратѣ логическихъ отношеній, каковъ есть тотъ или другой языкъ и его грамматика. Въ виду этого, въ реальныхъ училищахъ Пруссіи и прежде и теперь языкоученіе считается основнымъ средствомъ того логическаго школенья (der logischen Schulung) учащихся, безъ котораго не возможно употребленіе мышленія въ интересахъ истинно научнаго знанія. Потому, грамматика французскаго языка, притомъ въ систематическомъ изложеніи, проведена тамъ по всѣмъ классамъ реальнаго училища, безъ всякаго опасенія, что ученики ихъ не будутъ чрезъ это «реалистами». Вслѣдствіе такой постановки ученія, реальныя училища, по отношенію къ университету, сравнены съ реальными гимназіями, гдѣ преподается латинскій языкъ, такъ что эти послѣднія составляютъ тамъ только очень хорошій варіантъ реальной школы вообще. По мнѣнію министерства, тѣмъ и другимъ остается теперь только соперничать между собою по вопросу о томъ, кому должно принадлежать будущее, просто ли реальной школѣ безъ латинскаго языка, или реальной гимназіи, то есть реальной школѣ съ латинскимъ языкомъ (Centralblatt 1894 г. стр. 544).

Что бы наши реальныя училища были самостоятельными органами учебнаго дѣла и могли бы, какъ гимназіи, быть учебными заведеніями, составляющими почву университетовъ, для этого они должны быть передѣланы и устроены такъ, чтобы реальное ученіе въ нихъ служило дѣйствительнымъ, то есть идеальнымъ интересамъ образованія, а не практическимъ какимъ-то, то есть мнимымъ. Въ такомъ случаѣ благоразумно было бы, увеличивъ число классовъ реальныхъ нашихъ училищъ, раздѣлить ихъ такъ же, какъ и гимназіи, на двѣ учебныя стадіи. Не отчуждая реальнаго училища отъ задачъ свѣтскаго образованія, интересами котораго оно и было вызвано исторически къ существованію, все ученіе въ немъ должно организовать такимъ образомъ, чтобы въ первой низшей стадіи сильнѣйшимъ факторомъ образованія учащихся, средствомъ логической обработки ихъ умовъ, было языкоученіе, именно изученіе французскаго или нѣмецкаго языка, или послѣдовательно—того и другого, а во второй высшей стадіи, при пользованіи учениками нѣмецкими и французскими

сочиненіями для упражненій въ рѣшеніи задачъ по реальнымъ наукамъ, все ученіе этимъ наукамъ должно быть ведено такъ, чтобы оно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ доводило по возможности учащихся до пониманія сущности и примѣненія хотя бы самыхъ простѣйшихъ законовъ природы (Срав. Вильманъ Didaktik II 455—6 515—16. Гельмгольцъ въ Verhandl. 209). Такимъ путемъ, чрезъ соотвѣтствующія изучаемымъ явленіямъ и законамъ природы математическія формулы, въ реальное ученіе будетъ внесенъ философскій элементъ, безъ котораго оно не можетъ быть истинно-образовательнымъ ученіемъ, приготовляющимъ къ университетскому, а можетъ быть пригодно только для ремесленныхъ интересовъ знанія природы, да и то лишь самыхъ примитивныхъ.

Если, съ отдѣленіемъ старшихъ классовъ гимназій и реальныхъ училищъ въ особые лицеи, число послѣднихъ будетъ меньше числа первыхъ, то это послужитъ только ко благу какъ этихъ учебныхъ заведеніи, такъ и университетовъ. По современнымъ условіямъ ученія, съ одной стороны—внутреннимъ, со стороны развитія его содержанія и учебныхъ задачъ, а съ другой—внѣшнимъ, со стороны правъ, соединяемыхъ съ окончаніемъ курса въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, учебному правительству приходится, кажется, жертвовать или тѣмъ, или другимъ.... Наплывъ теперь въ учебныя заведенія учащихся, разумѣется, зависитъ больше всего отъ послѣдняго условія, а слишкомъ большой контингентъ учащихся естественно не можетъ не понижать уровня самого ученія. Потому, въ общемъ цѣлесообразнѣе представляется даровать нѣкоторыя права низшимъ училищамъ, чѣмъ изъ за нихъ понижать достоинство ученія въ высшихъ. Такъ именно, если бы зрѣлость для лицейскаго ученія была соединена съ тѣми же правами, особенно по воинской службѣ, какими пользуются зрѣлые для университетскаго ученія, то тѣ элементы, которые ищутъ въ учебныхъ заведеніяхъ собственно правъ для жизни, не поступали бы въ лицей и въ университетъ, а спѣшили бы воспользоваться этими правами безъ нихъ. При этомъ время, проведенное ими въ школѣ, хотя бы и за латинскимъ языкомъ, вовсе нельзя считать потеряннымъ для ихъ образованія. Школьный опытъ говоритъ совершенно противное. Во всякомъ случаѣ это не ложный путь къ занятіямъ въ жизни, требующимъ нѣкотораго образованія выше, чѣмъ образованіе, даваемое народными школами, а развѣ только окольный путь. Срав. Verhandlungen... 83. 137 и др.).

Что касается до числа классовъ гимназіи и реальнаго училища, которые должны составлять первую и вторую стадію ихъ, то въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы держаться указаній опыта, и курсы этихъ учебныхъ заведеній располагать не на восемь лѣтъ, а на девять. Тогда первые пять лѣтъ должны составлять первую стадію гимназій и реальныхъ училищъ, а послѣдніе четыре года—стадію лицейскаго ученія. При этомъ университетскій курсъ, особенно на нѣкоторыхъ факультетахъ, можно бы было сократить на одинъ годъ. Впрочемъ, и при восмилѣтнемъ курсѣ гимназій и реальныхъ училищъ, выдѣленіе изъ нихъ лицея возможно, какъ это и сдѣлано теперь въ Греціи, гдѣ гимназическіе классы составляютъ пять лѣтъ, а лицейскіе—три года; семилѣтніе-же курсы нашихъ реальныхъ училищъ вовсе не могутъ быть раздѣлены на двѣ учебныя стадіи, и необходимо должны быть увеличены хоть на одинъ годъ. Пятиклассныя гимназіи и пятиклассныя реальныя училища могутъ быть въ тѣхъ же городахъ, въ какихъ онѣ доселѣ существуютъ, или будутъ открываемы въ будущемъ, а четырехклассные или трехклассные лицеи, какъ классическіе такъ и реальные, принципіально разсуждая, должны быть преимущественно въ университетскихъ городахъ. Въ таковыхъ городахъ около университета могутъ быть по два, по три лицея и болѣе, смотря по надобности. Этимъ способомъ сократится и у насъ тотъ «абитуріентный пролетаріатъ», который давно уже такъ душитъ нѣмецкіе университеты.

Значеніе лицея, какъ ступени отъ школьнаго ученія къ университетскому, будетъ ощутительнѣе на дѣлѣ въ этомъ именно его смыслѣ, если въ составъ преподавателей лицея войдутъ и университетскіе профессора. Предполагая, что, за немногими исключеніями, лицеи должны быть въ университетскихъ городахъ, явно, что для профессоровъ занятія въ лицеѣ будутъ съ практической стороны нимало не обременительны. Такіе именитые профессора какъ Соловьевъ, Буслаевъ, Тихонравовъ и другіе очень долго, въ теченіе своей университетской службы, давали уроки въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ, или просто для пополненія своего бюджета, или иногда по просьбѣ лицъ, завѣдывавшихъ этими заведеніями. Другіе, какъ Крыловъ, Бѣляевъ (говорю о московскихъ профессорахъ, какъ наиболѣе мнѣ извѣстныхъ), давали иногда уроки въ частныхъ домахъ молодымъ людямъ, готовившимся къ поступленію въ

университетъ. Достоинство профессора отъ этого конечно ни мало не можетъ страдать, а участіе профессоровъ въ лицейскомъ преподаваніи было бы въ высшей степени полезно какъ для учащихся, такъ и для самихъ профессоровъ. Лицеисты, имѣя университетскихъ профессоровъ своими преподавателями, которые задаютъ имъ работы, требуютъ отъ нихъ отвѣтовъ на вопросы и вообще отчетовъ въ ихъ знаніяхъ и пониманіяхъ, однимъ словомъ, которые руководятъ ихъ въ занятіяхъ, не станутъ думать, что съ переходомъ въ университетъ они должны будутъ только слушать лекціи профессоровъ и записывать ихъ за ними—дѣло, которое въ глазахъ оканчивающаго курсъ гимназиста представляется обыкновенно какъ найважнѣйшее дѣло будущихъ его студенческихъ занятій, для чего нѣкоторые изъ нихъ заранѣе изучаютъ даже стенографію; они привыкнутъ напротивъ видѣть въ профессорахъ своихъ наставниковъ и руководителей, и будутъ относиться къ нимъ какъ къ таковымъ, не апплодируя и не шикая имъ за ихъ лекціи, какъ иногда теперь. А профессора, въ свою очередь, прежде всего будутъ ближе знать своихъ студентовъ и сознаютъ, что ихъ дѣло въ университетѣ состоитъ не только въ томъ, чтобы читать научные курсы, но и въ томъ, чтобы дѣйствительно учить своихъ слушателей. Такимъ путемъ разовьется въ университетской средѣ взаимность учащихъ и учащихся, созданная не искусственно, а на надлежащей дидактической почвѣ. При этомъ можно еще имѣть и слѣдующее соображеніе. Извѣстно, что въ настоящее время люди болѣе талантливые все менѣе идутъ въ учительскія должности. Это зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ, между прочимъ и отъ невысокаго положенія въ глазахъ общества учительскаго званія въ ряду другихъ званій, что въ свою очередь не можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не отражаться на отношеніяхъ къ нимъ и учащихся. Новый порядокъ, безъ сомнѣнія, будетъ содѣйствовать поднятію въ глазахъ общества учительской роли на надлежащую высоту, а это тѣмъ болѣе желательно, что многіе изъ тѣхъ, которые такъ смѣло говорятъ и пишутъ у насъ о гимназическомъ ученіи и учителяхъ, конечно почувствовали бы себя въ крайне затруднительномъ и безпомощномъ положеніи, еслибы сами были поставлены предъ 7 или 8 классомъ гимназіи. Но предлагая ввести профессоровъ въ составъ лицейскихъ преподавателей, я не думаю, что они должны замѣнить здѣсь теперешнихъ учителей гимназіи, такъ какъ и среди ихъ безъ сомнѣ-

нія найдутся лица, которые хорошо поймутъ задачи лицея, и будутъ вести здѣсь преподаваніе надлежащимъ образомъ. Но важность участія профессоровъ университета въ лицейскомъ преподаваніи состоитъ именно въ той непрерывной связи, которая чрезъ это получается между университетомъ и приготовительными къ нему школами. Притомъ въ этомъ порядкѣ учебное правительство будетъ имѣть величайшее средство поставить университетское ученіе, какъ дѣйствительное ученіе, соотвѣтствующее задачѣ университетовъ выпускать въ жизнь умы высшаго научнаго порядка, а самую жизнь университетскихъ корпорацій устроить согласно этой задачѣ не въ полицейскомъ, а въ академическомъ порядкѣ.

Кто изъ правительственныхъ лицъ, вникая въ учебное дѣло по существу его и исторически, оцѣнитъ предлагаемую мѣру устройства лицеевъ, притомъ по возможности съ преподавательскимъ персоналомъ изъ университетскихъ профессоровъ, тотъ, отбросивъ всѣ искусственныя мѣропріятія для излѣченія этихъ больныхъ органовъ учебнаго нашего дѣла, приложитъ всѣ старанія къ осуществленію этой мѣры, и тотъ только рѣшитъ задачу.

V.

О приготовленіи гимназическихъ учителей.

Приготовленіе молодыхъ людей къ прохожденію университетскихъ курсовъ, чѣмъ университеты особенно охраняются какъ въ ихъ собственномъ научномъ достоинствѣ, такъ и въ государственномъ значеніи, достижимо только путемъ надлежащаго педагого-дидактическаго приготовленія соотвѣтствующихъ учителей. Впрочемъ, въ наше время часто можно слышать и такое разсужденіе: почему, говорятъ, прежде «въ наше время» ни о какомъ педагогическомъ образованіи учителей не заботились, а учители наши были хорошіе педагоги? Если это разсужденіе, вообще говоря, фактически и правильно, то, кромѣ другихъ разнообразныхъ причинъ педагогическаго успѣха прежнихъ учителей, главнѣйшими должно признать во первыхъ то, что прежде, и не такъ давно, разныя другія профессіи не такъ отвлекали образованныя силы отъ учебнаго дѣла, какъ теперь; потому, нѣкоторые изъ прежнихъ учителей, умы самостоятельные, дѣйствительно иногда очень скоро сами становились хорошими педагогами. Затѣмъ, по прежнимъ условіямъ учебнаго дѣла, учители могли имѣть въ немъ гораздо болѣе свободы и личной инициативы, чѣмъ теперь. Важнѣйшая же причина состоитъ несомнѣнно въ томъ, что учебное содержаніе школы, особенно же гимназіи, теперь, вслѣдствіе обширнаго развитія наукъ, такъ осложнилось и развѣтвилось, что отъ учителя, кромѣ знанія учебныхъ предметовъ, требуется еще особое умѣніе, преподавая ученикамъ знанія въ уровень съ современною ихъ научною разработкою, согласовать преподаваніе съ пониманіемъ учащихся, и вообще вести его въ правильномъ дидактическомъ порядкѣ.

Еще двадцать слишкомъ лѣтъ назадъ (1874) Кехли высказалъ, напримѣръ, о филологіи слѣдующее. относящееся сюда наблюденіе,—что

насколько филологія, какъ чистая наука, пріобрѣла за послѣдніе 30 лѣтъ, настолько она потеряла, какъ средство гуманистическаго образованія. По смыслу дѣла это значитъ, что въ то время, какъ для школы нужно, чтобы филологическія дисциплины нормировали мысли учащихся въ логическомъ, этическомъ и эстетическомъ отношеніи, школа не легко можетъ достигать этого вслѣдствіе того, что филологія, какъ наука, сдѣлалась теперь чисто изъяснительною наукою, то есть во всѣхъ частяхъ своихъ она вышла на историческіе пути, и изслѣдуетъ явленія данной области фактически, безъ различія нормальнаго и ненормальнаго, или безъ оцѣнки достоинства изучаемыхъ явленій въ абсолютномъ—логическомъ, этическомъ, или эстетическомъ смыслѣ. Если это отношеніе между интересами школьной и научной филологіи распространимъ и на другія науки, то легко понять, что учителю гимназіи, кромѣ подлинной науки, какъ она есть въ университетскомъ изложеніи, есть еще чему учиться, чтобы излагать ту или другую науку въ школѣ, съ надлежащею пользою для образованія учащихся.

Такъ сложилось въ сознаніи современныхъ учебныхъ правительствъ убѣжденіе въ необходимости особаго педагогическаго образованія гимназическихъ учителей. Послѣ того какъ въ 1890 г. на устройство этого дѣла было обращено особое вниманіе бывшаго министра просвѣщенія въ Пруссіи Госслера, и онъ основалъ такъ называемыя педагогическія семинаріи, подобныя учрежденія не только распространились теперь въ Германіи, но появились также во Франціи, въ Америкѣ и даже въ Румыніи и въ Греціи, но увы только еще не у насъ въ Россіи!

Семинарія въ Германіи есть одинъ изъ давнихъ органовъ учебнаго дѣла. Этимъ именемъ обозначается такой порядокъ занятій учащихся, когда ихъ учатъ не чрезъ чтеніе лекцій и не чрезъ объясненіе уроковъ, а путемъ самостоятельныхъ работъ ихъ самихъ надъ матеріаломъ науки, обсуждаемыхъ товарищами и директоромъ семинаріи. Этотъ семинарскій порядокъ естественно получилъ развитіе въ сферѣ собственно ученыхъ занятій и издавна былъ усвоенъ здѣсь, какъ самый цѣлесообразный порядокъ для приготовленія ученыхъ спеціалистовъ. Къ педагогическому образованію учителей онъ впервые былъ примѣненъ въ Пруссіи Гедике, который, руководясь словами Фридриха Великаго въ указѣ министру Зедлитцу (1789 г.), что ученіе, особенно же воспитаніе юношества идетъ

въ школахъ дурно, основалъ въ Берлинѣ «Королевскую педагогическую семинарію для ученыхъ школъ». Но какъ эта, такъ и другія семинаріи, устроенныя затѣмъ по ея образцу прусскимъ правительствомъ въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, очень скоро приняли характеръ научныхъ, большею частію филологическихъ семинарій, а занятія педагогическія все болѣе и болѣе отодвигались въ нихъ на задній планъ, ибо тогда господствовало мнѣніе, что учитель гимназіи, если онъ не математикъ, долженъ быть филологъ. Между тѣмъ потребность въ правильно организованномъ порядкѣ приготовленія учителей выступала все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ болѣе осложненныя въ своемъ содержаніи не только науки, но и сама общественная жизнь требовали отъ правительства болѣе строгаго вниманія къ школѣ, и не дозволяли ей жить по прежнему своею тихою жизнію, полною иногда даже разныхъ своеобразныхъ странностей.

Но пока это требованіе, какъ именно въ наше время, созрѣло во всей своей силѣ, издавна въ учебномъ мірѣ были лица дѣльные, имѣвшіе несомнѣнный успѣхъ въ своей учебной практикѣ. Однако руководители учебнаго дѣла не хотѣли основывать его успѣхъ на случайномъ талантѣ и умѣньи только нѣкоторыхъ лицъ особенно даровитыхъ: ихъ единичные учебные пріемы, ихъ опытность и умѣнье они хотѣли сдѣлать по возможности достояніемъ всѣхъ будущихъ учителей. Съ этою цѣлію, для приготовленія кандидатовъ на учительскія должности въ гимназіяхъ, установленъ былъ въ Пруссіи въ 1826 году пробный годъ. Но probandi, не подготовленные къ учительству никакимъ руководящимъ пониманіемъ его задачъ, размѣщенные по разнымъ гимназіямъ, очень скоро стали здѣсь просто помощниками учителей (Hülfslehrer). На это и обратилъ вниманіе министръ Госслеръ, признавъ, что, для болѣе цѣлесообразнаго прохожденія кандидатами пробнаго года, ему долженъ предшествовать годъ семинарскихъ, или научныхъ занятій кандидатовъ педагогикою.

Достоинство означенной мѣры Госслера состоитъ въ томъ, что давно уже оказавшійся несостоятельнымъ порядокъ приготовленія учителей чрезъ пробный годъ этою мѣрою замѣненъ такимъ порядкомъ, при которомъ учебнымъ занятіямъ кандидатовъ въ періодъ пробнаго года, къ коимъ они доселѣ ничѣмъ не были приготовляемы, должно предшествовать изученіе ими разными способами педагогическихъ, особенно же дидак-

тическихъ вопросовъ, притомъ преимущественно методическаго свойства, какъ указано это въ § 2 относящихся сюда правилъ (Ordnung der praktischen Ausbildung der Kandidaten fur das Lehramt an höhe ren Schulen). Это, безъ сомнѣнія, должно приготовлять въ нихъ умственную почву для образованной и правильной практики въ періодъ слѣдующаго затѣмъ пробнаго года. Но недостатокъ мѣры Госслера состоитъ въ томъ, что это столь важное и трудное дѣло руководства будущихъ учителей въ вопросахъ педагогическихъ и дидактическихъ, которое только въ наше время получаетъ самостоятельное значеніе среди другихъ задачъ учебной службы, онъ, такъ сказать, раскидалъ по разнымъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, довѣривъ его просто хорошимъ учителямъ и директорамъ. Порядокъ этотъ имѣлъ роковое значеніе для всего учрежденія. Еще при самомъ началѣ дѣла нѣкоторые изъ директоровъ гимназій отказывались отъ принятія на себя обязанности руководить кандидатовъ, какъ говорили мнѣ объ этомъ сами эти директора (Мюллеръ и Шульце въ Берлинѣ), другіе, взявшіе на себя эту обязанность, искали потомъ отъ нея отказаться (напримѣръ Беллерманъ), и изъ директоровъ семинарныхъ гимназій были переведены въ не-семинарныя гимназіи. «Не обращаютъ вниманія на то, писалъ тогда Мейеръ, одинъ изъ редакторовъ журнала Lehrproben und Lehrgänge (H. 24. стр. 16), что искусству педагогическаго и дидактическаго руководства другихъ требуется такъ же учиться, какъ и всякому другому и что не всякій, успѣвающій въ своемъ дѣлѣ учитель, съ равнымъ успѣхомъ въ состояніи учить другихъ искусству ученія». «Вся ошибка въ прусскомъ устройствѣ педагогической семинаріи, говорилъ мнѣ лично профессоръ Вильманъ въ Прагѣ, (авторъ знаменитаго труда по дидактикѣ) состоитъ именно въ томъ, что задачу теоретическаго руководства кандидатовъ, не отдѣливъ ея отъ практическихъ упражненій въ преподаваніи, возложили прямо на хорошихъ директоровъ гимназій. Вѣдь это вотъ что значитъ, иллюстрировалъ Вильманъ: вы сегодня хорошій директоръ, такъ будьте завтра хорошій руководитель педагого-дидактическаго образованія будущихъ учителей. Это-то и неправильно. Для исправленія и возстановленія надлежащаго значенія пробнаго года, прусскому правительству ничего больше не оставалось дѣлать, какъ устроить академическимъ способомъ педагогическую семинарію въ Галле, поручивъ ея дѣло тогда Фрику, а теперь (по

смерти его) Фрису». «Теперь въ Пруссіи, говорилъ мнѣ также Шиллеръ въ Гиссенѣ, ничего особеннаго не сдѣлали, прибавивъ къ пробному году еще годъ какихъ-то неопредѣленныхъ занятій, но въ сущности тѣхъ-же пробныхъ уроковъ, какіе и прежде были въ теченіе одного года». Здѣсь въ видѣ курьеза можно привести также выраженіе одного нѣмецкаго профессора, что если бы чертъ былъ глупъ, то надо было бы подумать, что онъ выдумалъ эти педагогическія семинаріи. Съ своей стороны, еще до введенія означеннаго порядка въ Пруссіи, я писалъ о недостаткахъ его въ одной изъ своихъ статей помѣщенной въ Zeitschrift für das Gymnasialwesen (Январь 1891 г.). По открытіи же семинарій, я, съ разрѣшенія министра Боссе, посѣтилъ многія изъ нихъ, и лично убѣдился въ несостоятельности такого порядка. Очень скоро несостоятельность его была признана и самимъ министерствомъ: именно, чрезъ два года по введеніи его, министръ просвѣщенія Боссе сдѣлалъ распоряженіе, чтобы семинаріи при гимназіяхъ, чрезъ извѣстные сроки, сообщали одна другой протоколы и темы своихъ педагогическихъ занятій. Явно, что учебное управленіе нашло нужнымъ не оставить дѣла, на сколько при данныхъ условіяхъ возможно, безъ объединенія одною руководящею мыслію. Въ настоящее же время, по совѣту маститаго Шрадера, министерство просвѣщенія въ Пруссіи, въ виду несостоятельности большей части семинарій при гимназіяхъ въ достиженіи предположенной для нихъ цѣли, учредило отдѣльную каѳедру педагогики, впрочемъ пока только въ берлинскомъ и галльскомъ университетахъ, за неимѣніемъ въ другихъ университетахъ подходящихъ къ тому лицъ, назначивъ профессоромъ въ Галле именно Фриса, на котораго указывалъ Вильманъ. Такимъ образомъ теперь въ Пруссіи какъ-бы исторически сложились три ступени педагогическаго образованія учителей: научный педагогическій курсъ въ университетѣ, семинарія при гимназіи и пробный годъ.

Опытъ Пруссіи убѣдительно учитъ, что у насъ было бы крайне нецѣлесообразно дѣло педагого-дидактическаго приготовленія будущихъ учителей гимназіи возложить непосредственно на тотъ или другой учебный персоналъ нашихъ гимназій. Если даже въ Пруссіи такимъ путемъ дѣло не пошло, то трудно ожидать чего либо путнаго отъ подобнаго порядка у насъ. Съ другой же стороны, неблагоразумно было бы также центръ тяжести надлежащаго приготовленія нашихъ учителей помѣстить въ

университетахъ. Если въ Пруссіи, для веденія дѣла въ такомъ порядкѣ, министерство могло найти только два лица; то еще болѣе затрудненія представилъ бы такой порядокъ у насъ, если только мы не хотимъ, чтобы педагогическое руководство будущихъ нашихъ учителей съ университетскихъ каѳедръ было пустымъ и часто вреднымъ для дѣла умничаньемъ—тѣмъ Klugrednerei, котораго такъ опасался въ свое время еще Боницъ. Все такимъ образомъ говоритъ въ пользу того, что предположенное у насъ учрежденіе для педагогическаго приготовленія учителей гимназій должно быть организовано какъ самостоятельное и отдѣльное учебное заведеніе, имѣющее свое собственное дѣло. Хотя и для такого учрежденія не легко найти соотвѣтствующее лицо, но все же легче, чѣмъ нѣсколько таковыхъ для всѣхъ нашихъ университетовъ. Къ тому же, въ условіяхъ университетскаго порядка, педагогическое руководство кандидатовъ, съ одной стороны, естественно не можетъ быть практическимъ или демонстративнымъ, развѣ искусственно, а съ другой, оно не можетъ быть ведено по одному плану, строго согласованному съ дѣйствительными и живыми потребностями нашего учебнаго дѣла. Потому необходимымъ представляется, чтобы предполагаемое учрежденіе находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ министра просвѣщенія, чтобы въ дѣлѣ, долженствующемъ имѣть такое важное значеніе для всего нашего средняго образованія, всѣ мѣропріятія были центральнаго происхожденія и хорошо согласовались бы съ руководящими правительственными идеями, такъ какъ здравая педагогика должна имѣть въ виду опредѣленное воспитаніе юношества, соотвѣтствующее данному времени и народу, а всеобщая педагогика, годная для всѣхъ временъ и народовъ, обречена вращаться только въ тривіальныхъ обобщеніяхъ.

Цѣлію предполагаемаго учрежденія должно быть теоретическое (научное) и практическое (демонстративное) занятіе будущихъ учителей вопросами о воспитаніи и ученіи, какъ они изъясняются въ современной дидактикѣ. При этомъ слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что дидактика, хотя какъ дѣло существуетъ давно, но, какъ наука, должна быть помѣчена ближайшимъ числомъ. Притомъ, не существуетъ, конечно, и не можетъ существовать никакой такой дисциплины, которую бы слѣдовало изучить по какому нибудь руководству, чтобы пріобрѣсти соотвѣтствующее дидактически знаніе. Дидактика, въ смыслѣ науки, не похожа ни на грамма-

тику, ни на анатомію, или другія науки, замкнутыя въ своемъ матеріалѣ и въ средствахъ его уразумѣнія. Соотвѣтствующее задачѣ учительства дидактическое знаніе должно составляться въ каждомъ путемъ его личной работы надъ разнообразными, относящимися сюда вопросами, путемъ наблюденія самого учебнаго дѣйствія въ разныхъ его видахъ, чрезъ историческое его изученіе, и разными другими способами. Понятно, что все это доступно только для лицъ, имѣющихъ уже высшее научное образованіе, то-есть, окончившихъ уже курсъ въ университетѣ по историко-филологическому и физико-математическому факультетамъ. Эти лица должны сойтись для совмѣстной работы и составить изъ себя то, что обыкновенно называется семинаріею, или академіею.

Срединный и основной пунктъ педагогической академіи должно составлять изученіе кандидатами науки о воспитаніи и ученіи, съ философской и исторической стороны и въ методическомъ отношеніи. Этому дѣлу должны служить здѣсь прежде всего соотвѣтствующіе научные курсы директора заведенія и упражненія самихъ кандидатовъ въ изъясненіи вопросовъ по ученію и воспитанію, предлагаемыхъ директоромъ въ обычномъ семинарскомъ порядкѣ. Но то и другое—и научные курсы директора и семинарскія упражненія кандидатовъ должны быть ведены не абстрактно, но примѣнительно къ порядку и составу дѣйствительнаго ученія и воспитанія учениковъ, какъ оно установлено въ нашихъ школахъ, учителями которыхъ готовятся быть кандидаты. Для этой цѣли требуется, чтобы при академіи была школа (гимназія), которая сама, какъ школа, может быть ввѣрена особому лицу, но которою академія могла бы пользоваться, какъ школою для практическихъ занятій кандидатовъ.

Самый трудный вопросъ по устройству дѣла педагогическаго образованія будущихъ учителей состоитъ въ томъ, въ какомъ видѣ и порядкѣ должны быть установлены практическія занятія кандидатовъ въ дѣйствительномъ учебномъ заведеніи, которое, какъ такое, существуетъ конечно не для практики будущихъ кандидатовъ, а для надлежащаго образованія настоящихъ учениковъ. Вопросъ этотъ дѣйствительно такъ труденъ, что, при основательномъ размышленіи о немъ, приходится держаться только той цѣли, чтобы не сдѣлать чего нибудь хуже, когда можно лучше.

Изъ ученія въ школѣ нельзя дѣлать представленій, и учить можно только дѣйствительныхъ учениковъ, а не подставныхъ, притомъ —учи-

телями настоящимъ, то-есть отвѣтственнымъ за свое дѣло предъ тѣми, для кого они его дѣлаютъ. Такимъ образомъ, существенная задача при установленіи практическихъ занятій кандидатовъ въ дѣйствительной школѣ состоитъ въ томъ, чтобы учащіеся здѣсь не были пробными камнями для цѣлаго ряда лицъ, учащихся на нихъ быть учителями. Общество, ближайшимъ образомъ родители учениковъ, естественно, могутъ быть недовольны этимъ и не имѣть должнаго довѣрія къ такимъ учебнымъ заведеніямъ. Такъ, напримѣръ, директоръ гимназіи въ Штетинѣ не разъ жаловался и печатно заявлялъ о недовольствѣ родителей учениковъ этой гимназіи тѣмъ, что учители ихъ дѣтей учатся на нихъ учить другихъ. Точно также нѣкоторые изъ директоровъ берлинскихъ гимназій, какъ мнѣ это извѣстно, по тѣмъ же побужденіямъ просили министерство освободить ввѣренныя имъ учебныя заведенія отъ практики въ нихъ кандидатовъ на учительскія должности.

Этотъ трудный вопросъ рѣшается единственно только при томъ убѣжденіи, котораго держатся теперь лучшіе и авторитетные руководители дѣла педагогическаго образованія учителей, что научное образованіе кандидатовъ и теоретически и практически, въ области педагогики и дидактики, должно быть отдѣлено отъ даванія ими уроковъ въ школѣ. Даже о посѣщеніи кандидатами учительскихъ уроковъ съ цѣлію подражанія. Шрадеръ напримѣръ разсуждаетъ такимъ образомъ: «посѣщеніе кандидатами уроковъ въ гимназіи не необходимо, оно можетъ быть допущено только при томъ условіи, если не причиняетъ ученію чувствительнаго неудобства и разстройства. (Lehrprob. und Lehrg. 1897. Hf. 53. стр. 10). Еще рѣшительнѣе высказывается объ этомъ Фрисъ: «хотя вообще вѣрно, что longum est iter per praecepta, breve et efficax per exempla, однако кандидатъ, посѣщая уроки учителей, обыкновенно останавливаетъ вниманіе только на внѣшней сторонѣ преподаванія и не въ состояніи оцѣнить трудностей методы, ея тонкостей, если онъ не владѣетъ въ извѣстномъ объемѣ теоретическими знаніями. Ibid. H. 56. S. II. 1898.

Такимъ образомъ, хотя при педагогической академіи нужна школа, но не для даванія кандидатами «пробныхъ уроковъ, а въ интересѣ собственно демонстративнаго усвоенія изучаемыхъ ими правилъ дидактики и методики. Для этой цѣли всего лучше было бы, если бы въ методикѣ каждаго учебнаго предмета могли руководить кандидатовъ сами учители

этой школы, какъ это имѣетъ мѣсто въ Іенѣ, въ Галле и въ нѣкоторыхъ другихъ семинаріяхъ. Способъ такого руководства долженъ быть семинарскій: онъ долженъ состоять въ изученіи кандидатами соотвѣтствующихъ сочиненій и въ обсужденіи разныхъ темъ по методикѣ, въ формѣ рефератовъ. Вмѣстѣ съ этимъ кандидаты представляютъ учителямъ и директору письменныя приготовленія уроковъ, такъ чтобы изъ нихъ можно было понять, на сколько кандидатъ старался и успѣлъ примѣнить къ данной задачѣ требованія преподавательскаго искусства. Сюда относятся: a) методическія соображенія, касающіяся разложенія подлежащаго преподаванію матеріала на его элементы съ научной точки зрѣнія, и формулированіе его съ учебной точки зрѣнія, въ видѣ дидактическихъ объектовъ, согласно съ дидактическими требованіями; b) распредѣленіе ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ на отдѣльные уроки или темы; c) ходъ ученія въ каждомъ отдѣльномъ урокѣ,—сообщеніе новаго на основаніи преподаннаго прежде, усвоеніе его учениками чрезъ переработку его въ ихъ мышленіи и чрезъ упражненія въ немъ. Такія приготовленія кандидатовъ къ урокамъ составляютъ предметы особыхъ собесѣдованій ихъ съ учителями и директоромъ. Съ ними соединяются обыкновенно и собесѣдованія, посвящаемыя систематическому выясненію методическихъ правилъ по преподаванію отдѣльныхъ предметовъ, ознакомленіе кандидатовъ съ дѣйствующимъ учебнымъ планомъ въ его дидактической цѣлостности, со школьною дисциплиною, гигіеною, со школьнымъ управленіемъ и т. п.

Когда, чрезъ вышеозначенныя приготовленія учебнаго матеріала къ преподаванію, кандидаты уже достаточно освоятся съ задачами дѣла, учитель, въ теченіе даваемаго имъ урока, въ присутствіи кандидатовъ, предлагаетъ тому или другому изъ нихъ исполнить при себѣ нѣкоторую опредѣленную преподавательскую работу, напримѣръ: сообщить ученикамъ слѣдующее по ходу преподаванія новое знаніе, на основаніи только что преподаннаго имъ учителемъ, или повторить съ ними знанія, преподанныя имъ въ предыдущіе уроки, по связи ихъ съ новымъ, или только что преподанное знаніе переработать въ ихъ мышленіи чрезъ соотвѣтствующіе вопросы, или укрѣпить его въ нихъ чрезъ соотвѣтствующія упражненія и др. подобное. Все это и должно быть для кандидатовъ настоящею демонстраціею усвояемыхъ ими правилъ методики.

Эти способы методической практики кандидатовъ въ преподаваніи, примѣнимые ко всѣмъ учебнымъ предметамъ, вполнѣ цѣлесообразны и удобны, такъ какъ не вносятъ никакого разстройства въ нормальный ходъ ученія въ классѣ. А такъ—называемые пробные уроки должны быть выдѣлены изъ состава занятій кандидатовъ въ педагогической академіи; для нихъ, если бы то было признано нужнымъ, должно быть назначено отдѣльное время, въ видѣ именно «пробнаго года» какъ въ Германіи, или долѣе. Но если и въ Германіи «пробный годъ» не приноситъ и не можетъ приносить педагогическому образованію учителей той пользы, которой отъ него когда-то ожидали, то трудно, кажется, надѣяться сдѣлать изъ этого учрежденія что либо истинно полезное у насъ.

Въ интересѣ развитія въ кандидатахъ правильныхъ понятій собственно о воспитаніи учащихся, было бы очень полезно, если бы при учебномъ заведеніи, состоящемъ при педагогической академіи, былъ пансіонъ. Тогда, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ обязанностей надзирательства, каждому кандидату, какъ это съ большимъ успѣхомъ ведется въ Галле, могли бы быть назначаемы два—три мальчика, для спеціальнаго руководства ихъ какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи. Чрезъ это кандидаты сразу становятся не чужими дѣлу учебнаго заведенія, а настоящими служащими въ немъ, въ нѣкоторой степени *отвѣтственными* за него— условіе, конечно, очень важное для надлежащаго успѣха приготовленія ихъ къ учительской службѣ.

VI.

Объ управленіи учащимися

Все можно дѣлать и всѣмъ можно управлять, дѣйствуя согласно съ существомъ объекта дѣйствія, или управленія, или по той формулѣ, которая, языкомъ древнихъ, соотвѣствуетъ самому *бытію* того, что подлежитъ дѣланію или управленію. Такъ и учащимися управлять надлежащимъ образомъ можно только по формулѣ ихъ бытія, именно какъ личностями еще не сложившимися, но долженствующими сложиться по идеѣ извѣстнаго умственнаго и нравственнаго порядка. Существо объекта или идея его есть живой элементъ каждаго дѣйствія. Поэтому и управленіе учащимися, согласованное съ указаннымъ существомъ объекта этого дѣйствія, не должно быть пустымъ бездушнымъ механизмомъ, но нѣкотораго рода творчествомъ, живымъ актомъ роста и развитія самихъ молодыхъ людей. Ибо управлять ими согласно съ ихъ природою значитъ именно управлять ими, не какъ мертвыми, или не самодѣйствующими, напротивъ, на самодѣйствіе ихъ и должно быть обращено все вниманіе управляющихъ.

Согласно съ этимъ управленіе въ школѣ есть собственно соблюденіе здѣсь опредѣленнаго порядка, въ согласіи съ которымъ должна самобытно сложиться нравственная личность учащихся. Въ самомъ же порядкѣ должно различать двѣ стороны—внутреннюю, или нравственную и внѣшнюю, или полицейскую. Нравственный порядокъ есть идея отношеній каждаго къ самому себѣ и къ другимъ, а соотвѣтствующія этой идеѣ требованія даютъ то, что есть собственно внѣшній, или полицейскій порядокъ. Конечно, нравственный порядокъ долженъ быть выраженъ въ каждомъ учебномъ заведеніи въ нѣкоторомъ внѣшнемъ порядкѣ; однако правила и требованія, обращенныя къ учащимся, не производятъ порядка.

Напротивъ, сами они имѣютъ силу только въ томъ случаѣ, если хорошо соотвѣтствуютъ идеѣ нравственнаго порядка. Искусственно и произвольно созданный въ школѣ полицейскій порядокъ нѣкоторымъ образомъ можетъ быть въ ней даже причиною разрушенія нравственнаго порядка и началомъ хаоса. Осуществленіе же нравственнаго порядка вообще не мыслимо безъ самоуправленія тѣхъ, въ дѣятельности и отношеніяхъ коихъ онъ долженъ быть выражаемъ. Самоуправленіе есть общая основа всякаго нравственнаго быта. Но во всѣхъ прочихъ формахъ этого быта самоуправленіе есть нѣчто предполагаемое, а въ школѣ оно есть вмѣстѣ и искомое. Это значитъ, что всѣ мѣры управленія въ школѣ, всѣ требованія и распоряженія, по существу своему, должны быть такого свойства, чтобы для выполненія ихъ учащимся необходимо было искать въ себѣ и развивать самоуправленіе, какъ точку опоры для своей нравственной дѣятельности, для своей нравственной личности. Возможность этого изъясняется изъ того, что нравственные элементы, присущіе душѣ человѣческой изначала, непосредственно руководствуютъ учащихся къ самоуправленію. И если бы человѣческой природѣ былъ чуждъ тотъ нравственный порядокъ, который мы хотимъ развить въ сознаніи учащихся, то никакое управленіе ими было бы невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно управлять, если подлежащіе управленію сами собою не управляютъ? Звонокъ, напримѣръ, есть обычная форма опредѣленнаго требованія, обращеннаго непосредственно къ учащимся; и требованія въ этой формѣ совершенно достаточно, быть можетъ, для доброй половины дѣла управленія учащимися, если только они сами собою управляютъ. Но, что прикажете дѣлать, если учащіеся—сто, триста, тысяча человѣкъ не идутъ по звонку въ классы, или не расходятся изъ классовъ? Явно, что внѣ отношенія къ самоуправленію управляемыхъ управлять ими никто не сумѣетъ, и потому всѣ попытки создать какой либо механизмъ управленія въ учебныхъ заведеніяхъ, внѣ этого основного начала, должны быть признаны совершенно пустымъ дѣломъ.

Но хотя самоуправленіе учащихся есть такимъ образомъ основное начало порядка во всякомъ учебномъ заведеніи, и къ нему именно должны быть адресованы всѣ распоряженія и требованія учебнаго начальства; ошибочно однако было бы думать, что самоуправленіе учащихся исключаетъ уже всякій надзоръ за ними: дерево само растетъ, но и за нимъ нуженъ

уходъ, если хотимъ, чтобы оно выросло сообразно съ извѣстною цѣлію. Такъ и живая, но еще не сложившаяся личность юноши. Но при этомъ должно только помнить, что міръ учебный не есть міръ юридическій. Въ юридическомъ мірѣ нѣтъ собственно живого лица, а есть только форма его—тотъ кто (quidam, или quisque); а въ мірѣ учебномъ дано живое лицо. Это живое лицо, со всѣми аттрибутами его возраста и положенія, но и съ началомъ самоуправленія, должно быть постояннымъ объектомъ всѣхъ мѣръ учебнаго управленія. Потому, какъ, съ одной стороны, не слѣдуетъ всѣмъ проявленіямъ несовершенствъ учащагося придавать рѣшающее значеніе, такъ равно должно помнить, что всѣ мѣры воздѣйствія на него должны имѣть значеніе предупрежденія, чтобы неизбѣжные, быть можетъ, по психологическимъ его условіямъ, случаи уклоненія съ пути должнаго самоуправленія не получили для него значеніе тенденціи. Въ этомъ и заключается весь смыслъ управленія учащимися. Дѣйствительно, не случай, хотя бы печальный и дурной, есть выраженіе развращеннаго духа, но тенденція, та инерція воли, тотъ недостатокъ самоуправленія, когда никакія наставленія уже не дѣйствуютъ. Поэтому наставленіе, какъ одна изъ мѣръ дѣйствія на учащихся, должно имѣть конецъ: нельзя безпредѣльно терпѣть нарушеніе установленнаго порядка, не смотря на всѣ предупреждающія наставленія. Тогда выступаютъ другія мѣры, но конецъ имъ долженъ быть еще скорѣе, чѣмъ наставленіямъ, потому что учебному заведенію не приходится быть исправительнымъ. Не на то оно существуетъ, и для этого у него, здраво разсуждая, нѣтъ надлежащихъ средствъ. Традиціонное сравненіе учебнго заведенія съ садомъ, гдѣ души растущія воздѣлываются, вообще гораздо вѣрнѣе, чѣмъ сравненіе его съ какимъ либо мѣстомъ, гдѣ исправляются порочныя души.

Какъ должно дѣйствовать для развитія въ учащихся надлежащаго самоуправленія, въ какомъ согласіи съ учебными мѣрами и какими средствами собственно дисциплинарнаго дѣйствія,—вопросы эти предположено разсмотрѣть отдѣльно въ статьѣ о дисциплинѣ учащихся, вслѣдъ за статьею о дидактикѣ учебныхъ предметовъ гимназіи. Въ настоящее же время желательно обратить вниманіе на тѣ условія въ нашемъ учебномъ быту, которыя, кажется, всего болѣе мѣшаютъ поставить дѣло руковод

ства учащимися въ нравственномъ отношеніи на началѣ самоуправленія. Эти условія суть, съ одной стороны, внутреннія, а съ другой, внѣшнія для учебныхъ заведеній.

Важнѣйшее изъ внутреннихъ условій неустойчивости въ учебныхъ заведеніяхъ начала самоуправленія и имманентное здѣсь—это крайній схематизмъ постановки дѣла самого управленія учебными заведеніями. Реально и внутренно вести дѣло развитія въ учащихся начала самоуправленія можно, дѣйствуя тутъ же на мѣстѣ, а не изъ центра. Между тѣмъ это живое, творческое дѣло руководства и воспитанія учащихся поставлено такъ, что является часто дѣломъ простого исполненія формальныхъ распоряженій центральнаго управленія. Къ педагогической дѣятельности, съ точки зрѣнія ея живого объекта, примѣнимо вполнѣ требованіе одного римскаго полководца, который, когда римскому войску нужно было однажды перейти изъ одной мѣстности въ другую, назначилъ только время сбора, а способъ передвиженія и самый путь предоставилъ на усмотрѣніе каждаго. Но вмѣсто чего нибудь подобнаго, центральная власть надъ учебными заведеніями старается установить не только задачи, но и всю методу управленія; не смотря на то, что объектъ управленія есть въ этомъ случаѣ живой, растущій духъ человѣческій, она хочетъ представить себѣ всѣ возможныя явленія его роста, нормальныя и ненормальныя, дѣлая изъ нихъ нѣкоторую мозаическую картину и узаконяя шаблонъ, по которому должна дѣйствовать мѣстная власть въ томъ или другомъ случаѣ. Правда, что относящіяся сюда распоряженія предоставляютъ педагогическимъ совѣтамъ измѣнять касающіяся руководства поведеніемъ учениковъ общія правила; но какая живая надобность можетъ заставить такъ дѣйствовать? Потому естественно, что дѣло управленія учащимися идетъ по шаблону, данному центральной властію. А при такомъ порядкѣ, формальное отношеніе къ этому живому дѣлу есть обычное въ учебныхъ заведеніяхъ. Но формализмъ этотъ, имѣя свой источникъ въ самой постановкѣ дѣла, усиливается иногда еще тѣмъ, что руководящая власть предъявляетъ при этомъ къ мѣстному управленію нерѣдко столь сложныя требованія относительно письменнаго производства по руководству учащимися, что удовлетвореніе имъ способно поглотить всю энергію дѣятелей, такъ что исполненіе этихъ требованій подъ часъ, естественно, кажется имъ исполненіемъ самого дѣла.

Вообще же обстоятельство, усиливающее означенное условіе господствующаго теперь формализма въ управленіи учащимися, или схематизмъ его, заключается въ самой организаціи правящей власти въ учебныхъ заведеніяхъ. По смыслу дѣла, повидимому, требуется, чтобы органомъ правящей власти здѣсь было одно лицо. Основаніемъ такого требованія служитъ то, что только единоличная власть можетъ быть развита изъ нравственнаго начала, а власть коллективная необходимо должна быть опредѣлена формальнымъ началомъ. Это формальное начало есть большинство. Благодаря между прочимъ такому началу управленія учащимися въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, устарѣвшее названіе ихъ учебными республиками можетъ принадлежать имъ иногда и доселѣ въ его худшемъ смыслѣ. Это начало управленія мало пригодно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда объектъ власти есть живое лицо и его нравственная судьба, когда вся задача управленія должна состоять въ такомъ воздѣйствіи власти на подчиненныхъ ей, чтобы въ результатѣ его все болѣе и болѣе развивалось и крѣпло въ нихъ самоуправленіе. Эта проблема психологическая, и психологія здѣсь не легкая. Знакомые съ дѣломъ по наслышкѣ говорятъ въ этомъ случаѣ о душѣ ребенка; нужно говорить объ опытности въ руководствѣ, о способности къ нѣкоторому творческому синтезу явленій психической жизни учащихся, о пріобрѣтаемомъ практикою умѣніи постигать, по даннымъ признакамъ этихъ явленій, необходимыя схемы соотвѣтствующаго психическаго процесса. Принципіально нельзя конечно допустить, чтобы источникомъ формальнаго начала правящей власти въ нашихъ гимназіяхъ служила та отвлеченная теорія демократіи, что большинство лицъ, хотя въ отдѣльности не вполнѣ совершенныхъ, судитъ и понимаетъ лучше одного хорошаго (Аристотель), чтобы въ коллегіи, потому что она коллегія, было болѣе опытности въ оцѣнкѣ явленій психической жизни учащихся и болѣе умѣнья распорядиться ими въ интересѣ соотвѣтствующаго нравственнаго порядка, чѣмъ въ одномъ лицѣ; но фактически дѣло управленія учащимися въ нашихъ гимназіяхъ поставлено какъ бы такъ. При гимназіяхъ состоятъ педагогическіе совѣты. Опредѣляемый по идеѣ, какъ институтъ, назначенный для болѣе вѣрнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, относящихся преимущественно къ учебной и воспитательной части заведенія (§ 68 Устава), педагогическій совѣтъ поставленъ однако какъ органъ высшей

власти въ дѣлѣ управленія учащимися; ибо окончательному его рѣшенію подлежатъ между прочимъ назначеніе въ важнѣйшихъ случаяхъ взысканія съ учащихся, а равно и указанія относительно примѣненія правилъ о взысканіяхъ къ даннымъ случаямъ (§ 74 и 9 Устава). Само по себѣ то обстоятельство, что педагогическій совѣтъ поставленъ какъ высшая инстанція правящей власти въ заведеніи, не исключаетъ для него возможности обсуждать и изучать явленія, подлежащія его правленію; но постановкою самого дѣла это отъ него не требуется. Именно что мы видимъ? Существуютъ разные проступки въ мірѣ учащихся дѣтей и юношей; но существуетъ и техника ихъ исправленія, изложенная въ правилахъ о взысканіяхъ. И вотъ функція педагогическаго совѣта, какъ высшаго органа управленія учащимися, совершенно законно исполняется въ томъ, чтобы для даннаго проступка ученика, подлежащаго его обсужденію, отыскать въ правилахъ о взысканіяхъ, какъ въ какомъ нибудь лѣчебникѣ, соотвѣтствующее средство врачеванія нравственности провинившагося. Эта же метода нравственнаго воздѣйствія на учащихся, на томъ же законномъ основаніи, усвоивается обыкновенно и отдѣльными членами педагогическаго совѣта, въ предѣлахъ установленной компетентности ихъ въ томъ дѣлѣ. Между тѣмъ самая эта механизація, вся эта техническая метода управленія учащимися потребовалась именно потому, что педагогическій совѣтъ поставленъ на дѣлѣ не по идеѣ своей, именно—какъ органъ дѣйствующей власти, а не какъ органъ судящей мысли. Ибо оставить коллегію дѣйствовать безъ канона, безъ обязательнаго руководства, значило бы оставить самое дѣло управленія въ рукахъ случайнаго большинства. Руководящія правила потребовались для того, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ даннаго дѣйствія управленія могло составиться въ совѣтѣ благоразумное большинство;—это ли не демократически?

Если бы педагогическій совѣтъ былъ не органомъ высшей власти въ заведеніи, а органомъ судящей мысли, одухотворяющей все учебное дѣйствіе въ немъ, если бы задачи сужденія вытекали изъ свободнаго отношенія его къ этому дѣйствію, а не были бы предрѣшены для него въ правилахъ, какъ для ученика бываютъ предрѣшены задачи въ ариѳметическомъ задачникѣ, тогда, безъ сомнѣнія, педагогическій совѣтъ могъ бы дѣйствовать, какъ нравственная сила. Теперь же, напротивъ, какъ органъ высшей мѣстной власти, какъ институтъ, обязанный окончательно

рѣшать по данной схемѣ вопросы о достоинствѣ явленій нравственной жизни учащихся, онъ, естественно, часто оказывается только лишь функціею простого канцелярскаго механизма. Во всякомъ же случаѣ, обсужденіе нравственныхъ явленій въ жизни учащихся и изученіе ихъ мало чувствуется членами его, какъ непосредственная задача ихъ дѣятельности. Такимъ образомъ учрежденіе на практикѣ оказывается отрицающимъ себя, каково оно въ принципѣ. Для внутренняго же дѣла учебнаго заведенія оно, какъ форма его отправленія, является слишкомъ широкою; и эта-то именно столь широкая форма управленія учащимися въ нравственномъ отношеніи едва-ли не есть одна изъ причинъ того шатанія нравственнаго порядка, которое такъ часто бывало доселѣ въ нашихъ гимназіяхъ. Если же нѣтъ, то несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что дѣло, достоинство котораго, по отношенію къ его цѣли, тѣмъ выше, чѣмъ оно ведется проще, благодаря данному порядку, оказывается очень затруднено. Вообще сказать, еслибы вопросы, касающіеся нравственнаго порядка въ учебномъ заведеніи, не рѣшались здѣсь большинствомъ, то это было бы безъ сомнѣнія совсѣмъ иное положеніе управленія заведеніемъ, чѣмъ теперь, когда директоръ имѣетъ, правда, право не согласиться съ мнѣніемъ большинства, но такъ, что окончательная судьба его распоряженія будетъ установлена лишь послѣ доклада о немъ попечителю округа правителемъ его канцеляріи.

Между тѣмъ, вслѣдствіе указанной формальной постановки дѣла управленія учащимися въ нашихъ гимназіяхъ, за успѣхъ дѣла, особенно въ отношеніи къ нравственному воспитанію учащихся, у насъ теперь, можно сказать, никто не отвѣчаетъ. Конечно, по закону и частію по мнѣнію общества, отвѣтственнымъ считается начальсгво учебнаго заведенія: при благополучіи въ немъ, начальникъ иногда награждается, а при неблагополучіи не безъ того чтобы съ него и не взыскивали; но самая эта отвѣтственность его измѣряется обыкновенно степенью точнаго исполненія имъ всѣхъ относящихся къ его служебной роли распоряженій. Явно, что отвѣтственность начальника заведенія, если она опирается только на такую категорему, есть чисто юридическое установленіе, и какъ такое, оно естественно раздѣляетъ на практикѣ участь всѣхъ подобнаго рода юридическихъ институцій. Именно, по данной точкѣ зрѣнія, отвѣтственность директора гимназіи—тоже, что отвѣтственность,

напримѣръ, машиниста на паровозѣ за благополучный ходъ поѣзда, отвѣтственность городского головы за благосостояніе городского населенія и др. Такая отвѣтственность значитъ, что машинистъ, или городской голова исполняютъ свои обязанности, а поѣздъ (вмѣстѣ съ машинистомъ) падаетъ съ откоса, и городское населеніе (вмѣстѣ съ городскимъ головою) чахнетъ отъ міазмовъ, то есть отвѣтственность, какъ юридическая институція, практически часто не можетъ быть примѣнена или ко всей дѣятельности лица отвѣтственнаго, или къ той или другой части ея. Такова ли отвѣтственность директора гимназіи? Намъ говорятъ: „юридически установленная отвѣтственность директора практически не можетъ быть проведена вполнѣ; но такъ какъ едва ли возможно юридически—состоятельное установленіе осуществить другимъ путемъ, и такъ какъ на практикѣ, въ отношеніи къ обсужденію дѣятельности директора, въ администраціи господствуетъ всегда правдивость, то на указанный недостатокъ въ этомъ установленіи можно не обращать вниманія“. (Шиллеръ. Handbuch der prakt. Pädagogik. 1886 г. стр. 70) Странно! Если установленіе, состоятельное юридически, оказывается практически почти ничѣмъ, то слѣдуетъ, кажется, не оставлять это безъ вниманія, а напротивъ изслѣдовать, отчего происходитъ практическая негодность этой юридической важности. Именно, спрашивается, дѣйствительно ли отвѣтственность директора гимназіи за нравственное направленіе учащихся само по себѣ есть юридическое установленіе? Не является ли она таковымъ только практически, вслѣдствіе крайне формальной постановки на практикѣ правящей власти директора? Въ самомъ дѣлѣ, объектъ юридической отвѣтственности есть исполненіе закона и распоряженій начальства. Затѣмъ все, что лежитъ внѣ этого, все, что не предусмотрѣно, или не можетъ быть предусмотрѣно ни закономъ, ни распоряженіями, не можетъ быть признано и объектомъ обязательнаго исполненія для исполнителей. Выполненіе задачъ такого рода трактуется только какъ нѣчто возможное, случайное, за отсутствіе котораго въ данномъ дѣлѣ исполнитель его отвѣчаетъ, а за присутствіе иногда и награждается. Относящіеся сюда случаи въ дѣятельности управителей (машиниста, напримѣръ, управляющаго локомотивомъ, городского головы, управляющаго улицами и канавами въ городѣ) могутъ быть легко представлены. Спрашивается, различны ли такъ случаи управленія учащи-

мися директоромъ гимназіи—одни предусмотрѣнные закономъ и распоряженіями, другіе—не предусмотрѣнные? Въ администраціи, потому что она администрація, есть естественная тенденція создать такую мозаику схемъ для производства управленія учащимися, въ которой было бы какъ можно болѣе положеній пригодныхъ на тотъ или другой возможный случай управленія, чтобы вся эта мозаика соотвѣтствовала какъ можно большему количеству элементовъ этого живого дѣла и ихъ причудливому расположенію въ дѣйствительности. Затѣмъ, относительно всего, что паче чаянія не подошло бы подъ данныя схемы, требуется, чтобы мѣстное начальство или испрашивало отъ администраціи новую схему для производства управленія, или дѣйствовало по личному усмотрѣнію, но не иначе, какъ въ согласіи съ какою нибудь существующею схемою. Въ послѣднемъ случаѣ, при неудачѣ принятыхъ мѣръ, in der praktischen Handhabung stets Billigkeit bezuglich der Beurtheilung waltet, какъ говоритъ Шиллеръ, а удача награждается, какъ результатъ отдѣльнаго усмотрѣнія, согласнаго съ тою или другою формою схематическаго производства управленія.

Но, по существу дѣла, не одно ли только правило должно быть обязательно для производства управленія учащимися—управлять ими такъ, чтобы они были хорошими? Всякій схематизмъ въ производствѣ этого дѣла, явно, есть только выраженіе инерціальной тенденціи того административнаго порядка, въ которомъ, по условіямъ господствующаго строя жизни, оно находится. И только съ точки зрѣнія этой тенденціи администраціи, только въ виду этого административнаго порядка, въ которомъ какъ всѣ другія общественныя дѣла, находится и это дѣло, можетъ казаться и дѣйствительно кажется, что отвѣтственность директора гимназіи за нравственную доброкачественность учениковъ само по себѣ есть юридическое установленіе, подобно отвѣтствености машиниста, городского головы и др. лицъ такого рода. Между тѣмъ внутренно, по существу дѣла, которое ведетъ директоръ гимназіи, отвѣтственность его за него, безъ сомнѣнія, прежде всего есть нравственное требованіе, первично и непосредственно вытекающее изъ задачи самого дѣла, а не изъ положенія дѣйствующаго. Разница большая! Ибо если во взглядѣ на отвѣтственность директора не дать всей силы той мысли, что это есть собственно нравственное требованіе, то на самое дѣло его—на управленіе

учащимися должно смотрѣть просто, какъ на функцію его служебнаго положеннія, а не какъ на нравственную задачу творчества, или созиданія дѣла. Если же, далѣе, такую постановку этого понятія удержать въ гимназической педагогикѣ и въ сознаніи самихъ педагоговъ, какъ дѣлаетъ напримѣръ Шиллеръ, то это просто значитъ признать гимназію, какъ воспитательное заведеніе, несостоятельнымъ для дѣла нравственнаго усовершенствованія учащихся. И дѣйствительно, не отъ такого ли, между прочимъ, взгляда на отвѣтственность учебнаго начальства въ заведеніи происходитъ тотъ хаосъ въ нравственномъ складѣ нашихъ учащихся, отъ котораго они доселѣ не могутъ освободиться? Какъ уже было сказано, за нравственную порчу учащагося юношества у насъ теперь никто не отвѣчаетъ. Отцы и матери всегда болѣе или менѣе наклонны считать своихъ дѣтей по природѣ хорошими, и согласно съ той теоріей, по которой и сами успѣли уже воспитаться, считаютъ управленіе ими даже насиліемъ, однако, въ случаѣ порчи ихъ, спѣшатъ обвинять учебное заведеніе, а учебное заведеніе, опираясь на точное исполненіе съ его стороны всѣхъ предписанныхъ ему правилъ, не безъ основанія, какъ ему кажется, утверждаетъ, что ученики его гибнутъ нравственно отого, что отцы и матери не противодѣйствуютъ, если даже сами не способствуютъ ихъ нравственному развращенію. Это, безъ сомнѣнія, хаосъ и, такъ сказать, соціальный развратъ. Реформа, повидимому, должна прежде всего совершиться въ умахъ педагоговъ съ понятіемъ объ отвѣтственности ихъ за дѣло, какъ о нравственномъ долгѣ. Иначе, если отвѣтственность учебнаго начальства за нравственность учащихся дѣйствительно сама по себѣ есть юридическое установленіе, притомъ выступающее обыкновенно за предѣлы практическихъ условій, то учебному міру скорѣе нужно отказаться вовсе отъ этой юридической фикціи, чѣмъ удерживать ее какъ формулу, а на дѣлѣ говорить: non possumus!

Развитію въ сознаніи общества представленія объ отвѣтственности учебнаго начальства за нравственнность учащихся, какъ о нравственномъ требованіи, большую пользу оказало бы то, если бы, какъ юридическое установленіе, въ дѣйствительности оно практиковалось во всей силѣ, а не чрезъ Billigkeit. Такъ, между прочимъ, если бы вмѣсто того, чтобы таскать учащихся по судамъ, какъ политическихъ преступниковъ, иногда даже подъ гарантіею депутата отъ учебнага вѣдомства,

съ ними поступали, какъ должно по условіямъ ихъ не сложившейся нравственной личности, а призывались бы къ суду тѣ, кому они ввѣрены государствомъ, то содержаніемъ суда было бы нѣчто достойное государственнаго сужденія. Тогда и судимымъ и внимающимъ суду было бы ясно, что отвѣтственность учебнаго начальства за нравственность учащихся и практически должна быть поставлена такъ, какъ она есть сама по себѣ, то есть, какъ нравственное требованіе.

Но, если отвѣтственность учебнаго начальства есть нравственное требованіе, то она должна быть разсматриваема какъ то нравственное начало, изъ котораго собственно должна быть развита вся его власть въ заведеніи; причемъ явно, что такъ развита можетъ быть только личная власть, а не коллективная, потому что коллективная власть выражается большинствомъ, а для большинства, какъ такого, отвѣтственность, какъ нравственное требованіе, безъ сомнѣнія, есть фикція; къ тому же власть большинства, какъ совершенно формальная по своему составу, или источнику, не подлежитъ никакому развитію, и сама по себѣ есть лишь явленіе административнаго порядка, а не нравственнаго. Поэтому, для того чтобы управленіе учащимися выступало изъ нравственнаго начала отвѣтственности, центръ тяжести этого управленія долженъ быть связанъ съ личностію, а не съ большинствомъ, или что тоже, правящая власть директора учебнаго заведенія должна быть поставлена независимо отъ большинства. Конечно, существуютъ нѣкоторыя серьезныя причины, по силѣ которыхъ порядокъ управленія въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ поставленъ такъ, что отвѣтственность за дѣло управленія поставлена на практикѣ какъ бы подъ гарантіею большинства; тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ опускать изъ виду, что это есть выраженіе только положенія учебнаго дѣла въ порядкѣ административномъ, а не въ порядкѣ нравственномъ. Это различіе нравственнаго порядка отъ административнаго, какъ въ отношеніи къ учебному дѣлу, такъ и въ другихъ случаяхъ, само по себѣ не отрицаетъ въ послѣднемъ нравственнаго начала: напротивъ, всякій административный порядокъ и изобрѣтается собственно для сохраненія той или другой стороны нашей жизни вѣрною ея нравственному началу. Но въ практикѣ жизни онъ получаетъ иногда такую силу, что въ сознаніи нашемъ становится прямо на мѣсто того нравственнаго порядка, въ которомъ должна быть развиваема данная

сторона жизни, только подъ охраною порядка административнаго, Отсюда и бываетъ, что нравственно дѣла нащи оказываются далеко не состоятельными, хотя административно совершенно выполнены, ибо административный порядокъ самъ по себѣ не производитъ нравственныхъ дѣйствій. Потому, въ интересѣ общей экономіи нравственнаго блага, административному порядку, особенно въ тѣхъ дѣлахъ, достоинство которыхъ связано съ живою личностію и съ ея свободною энергіею, какъ въ дѣлѣ учебномъ, нужно умѣючи поступаться собою въ пользу нравственнаго порядка, нужно искренно довѣрить дѣло доброй волѣ дѣятелей, болѣе положиться на присное духу человѣческому нравственное начало. Тогда оно окрѣпнетъ и получитъ силу начала, производящаго дѣйствія истинно-нравственнаго порядка. Вѣдь нравственность есть такая же функція живого духа человѣческаго, какъ, напримѣръ, и познаніе; и она, какъ всякая функція, развивается чрезъ упражненія, и напротивъ какъ бы атрофируется отъ бездѣйствія... Но, такъ или нѣтъ это вообще, несомнѣнно, что дѣло управленія учащимися имѣетъ достоинство только какъ дѣло нравственнаго порядка, а не административнаго, и что исполнители этого дѣла-начальники учебныхъ заведеній прежде всего должны сознавать свою задачу, какъ нравственную, и имѣть энергію дѣло управленія учащимися развивать изъ начала отвѣтственности, какъ нравственнаго требованія, а не юридическаго установленія.

Впрочемъ, убѣжденіе въ этомъ не ведетъ непосредственно къ требованію какой либо коренной реформы въ управленіи нашими средними учебными заведеніями. Съ нимъ былабы вполнѣ согласна, какъ уже это сказано, принципіальная независимость распоряженій начальника заведенія отъ мнѣнія большинства, а также освобожденіе его дѣйствій по управленію учащимися отъ всякаго схематизма. Болѣе широкая личная свобода мѣстной власти есть въ этомъ случаѣ достаточная гарантія болѣе широкаго развитія интереса къ дѣлу и болѣе сообразнаго со смысломъ нравственнаго порядка его исполненія. При этомъ не должно давать мѣсто тому резонерству общаго смысла, что для такой постановки дѣла нужны какіе-то особенные люди, которыхъ у насъ нѣтъ. Эта жалкая теорія недостатка у насъ людей всего болѣе, кажется, и мѣшаетъ появленію ихъ на тѣхъ поприщахъ, гдѣ ихъ пока, пожалуй, дѣйствительно нѣтъ...

Но, чѣмъ болѣе свободы и личной инціативы въ управленіи уча-

щимися было бы предоставлено директору, тѣмъ болѣе потребовалось бы вниманія къ нему. Вниманіе прежде всего требуется со стороны мѣстныхъ обществъ, гдѣ существуютъ гимназіи. Городскія думы, земскія управы, или спеціальныя учрежденія въ составѣ мѣстныхъ жителей моглибы, повидимому, принять на себя всецѣло заботу по исполненію всѣхъ хозяйственныхъ потребностей заведенія. Эта сторона службы директора теперь отнимаетъ у него много времени и силъ, и часто ставитъ его въ совершенно ложныя отношенія къ его подлинному дѣлу. Подряды и поставы, обезпеченные залогами, экономы, свѣдующіе въ экономіи и радѣющіе, архитекторы, слѣдящіе за ремонтами,—все это, особенно для провинціи, существуетъ только на бумагѣ; на дѣлѣ же хлопоты обо всемъ этомъ, съ прибавкою къ нимъ еще многаго другого, о чемъ дать понять нельзя тому, кто самъ не испытывалъ, тяготятъ не одного нашего директора дотого, что, въ виду не фиктивной, а реальной отвѣтственности за все это, поневолѣ онъ машетъ подчасъ рукой на все прочее. А переписка по этимъ дѣламъ о нужномъ и о ненужномъ съ разными учрежденіями, да еще при какомъ попало письмоводителѣ!.. Вниманіе особаго рода нужно еще со стороны людей опытныхъ. Въ интересѣ живого опыта, въ путяхъ котораго только и можетъ совершиться и крѣпнуть дѣло воспитанія учащагося юношества, при моральномъ началѣ власти управляющей и руководящей имъ въ учебномъ заведеніи, для успѣха этого дѣла не столько нуженъ какой либо канонъ мѣръ руководительнаго дѣйствія, сколько возможность получить совѣтъ отъ людей опытныхъ, равно конечно и собственная опытность лицъ, коимъ ввѣрена эта власть.

Обратимся къ внѣшнимъ для гимназіи условіямъ, мѣшающимъ надлежащему развитію въ учащихся начала сомоуправленія. Для этой цѣли, совнѣ гимназіи требуется, чтобы, вмѣстѣ съ надлежащимъ выборомъ гимназическаго контингента, порядокъ всей жизни учениковъ былъ хорошо сообразованъ съ ихъ учебнымъ дѣломъ. Въ чемъ должна состоять эта сообразность,—это должно быть понятно глубже, нежели какъ часто понимаютъ это въ наше время. Вопросъ въ томъ, какъ согласить самъ по себѣ независимый отъ гимназіи и частный домашній порядокъ каждаго гимназиста съ общимъ и необходимымъ гимназическимъ порядкомъ ихъ учебной жизни. Явно, что если гимназистъ половину дня

живетъ и растетъ въ гимназіи, а половину дня—дома, то онъ можетъ въ одинъ и тотъ же день жить и расти въ двухъ разныхъ порядкахъ. Чтобы этого не было, одинъ порядокъ, явно, долженъ быть подчиненъ другому. Между тѣмъ, при очевидной необходимости, чтобы домашній порядокъ ученика подчинился его учебному порядку, важно ясно и точно понять, въ чемъ именно должно состоять это подчиненіе.

Люди, для которыхъ педагогика есть нѣкоторая сезонная болтовня, резонируютъ нерѣдко на ту тему, что школа та и хороша, которая похожа на семью. Это наивное желаніе было бы, можетъ быть, кстати развѣ въ древнѣйшую эпоху господства материнскаго права, когда дѣти назывались по матери, а не по отцу. Только въ то время школы—то, кажется, не было. Какъ школа внутренно, такъ и семья внутренно—каждая есть, конечно, форма опредѣленнаго нравственнаго порядка, но эти формы различны. Школа, или учебное заведеніе, какъ особый общественный институтъ, отдѣльный отъ института семьи, потому и образовался и давно уже существуетъ у людей, что семья принципіально не можетъ быть тѣмъ для молодого ея поколѣнія, чѣмъ должна быть для него школа. Зачѣмъ же самой ей быть теперь похожею на семью? Не было ли бы это уродствомъ учрежденія и даже совершеннымъ его отрицаніемъ? На самомъ же дѣлѣ, иные люди—богатые, если учатъ своихъ дѣтей дома въ семьѣ, то собираютъ обыкновенно около нихъ кружокъ товарищей, чтобы было похоже на школу, и чтобы учащимся казалось, что они въ школѣ; равнымъ образомъ люди также богатые, которые въ состояніи были бы устроить у себя на дому хоть университетъ, отдаютъ однако своихъ дѣтей учиться въ учебныя заведенія. Замѣчательно при этомъ, что существующимъ постановленіемъ по нашему учебному вѣдомству, что молодые люди, учась дома по гимназической программѣ, могутъ, для пріобрѣтенія соотвѣтствующихъ правъ, выдерживать лишь экзаменъ вмѣстѣ съ учащимися въ гимназіяхъ, сперва въ IV классѣ, а чрезъ два года въ VI классѣ, пользовались и пользуются доселѣ очень не многіе.

Что такое семья? Это—мать. Ибо она есть основа того нравственнаго порядка жизни, который называется семьею. Гдѣ нѣтъ матери, тамъ внутренно нѣтъ и семьи, хотя бы и было нѣкоторое семейное общежитіе. И въ этомъ случаѣ, всякій знаетъ, жизнь можетъ быть уже

всякая: находится личность материнскаго свойства,—порядокъ общежитія приближается къ порядку семьи; нѣтъ такого лица,—нѣтъ и семейнаго порядка. Ясно, что семья и школа, или въ нашемъ случаѣ—гимназія, суть двѣ различныя формы порядка по своимъ началамъ. Въ основѣ семьи, какъ нравственнаго порядка, лежитъ помощь; въ основѣ того нравственнаго порядка, который представляетъ школа, притомъ именно гимназія, лежитъ самодѣятельность.

Семья и школа перестали бы каждая быть нравственнымъ порядкомъ, если бы какъ нибудь онѣ перемѣстились со своихъ основъ. Поэтому, чтобы школа имѣла успѣхъ въ своемъ дѣлѣ, должно потребовать отъ семьи, чтобы она, отдавая дѣтей въ школу, уступила бы, такъ сказать, себя школѣ, въ пользу ея дѣла. Это не значитъ, что для дѣла школы необходимо, чтобы, разъ дѣти поступаютъ въ нее учиться, они должны быть совсѣмъ изъяты изъ сферы семейнаго порядка, какъ нѣкоторые рекомендуютъ это, совершенно неразумно требуя въ тоже время, чтобы сама школа была семьею; напротивъ, школа, въ нашемъ случаѣ собственно гимназія, требуетъ отъ семьи только того, чтобы она доставила ея ученикамъ все, что нужно, для того чтобы они могли быть самостоятельными въ подлежащемъ имъ дѣлѣ учебнаго и нравственнаго развитія.

И такъ, для устройства правильнаго учебнаго порядка въ гимназіи, требуется, чтобы начало этого порядка—самостоятельность учащихся было господствующимъ началомъ всей учебной ихъ жизни и дѣятельности. Но самостоятельность возможна только въ сферѣ труда; потому все ученіе должно быть расположено такъ, чтобы учащіеся чувствовали, что все содержаніе ихъ учебной жизни есть трудъ, что здѣсь все—знаніе ли и умѣнье ихъ, или нравственное дѣяніе и даже удовольствіе, развлеченіе должны быть результатомъ ихъ личнаго труда, напряженія ихъ собственныхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Безъ такой постановки дѣла, учебный порядокъ въ гимназіи, до какихъ бы мелочей онъ ни былъ разсчитанъ и установленъ его руководителями, всегда будетъ только мертвымъ и внѣшнимъ, а не живымъ и нравственнымъ порядкомъ.

Съ указанною школьною тенденціею, отъ которой гимназія не можетъ отказаться, не отказываясь отъ себя самой, семья и семейный

порядокъ часто бываютъ не солидарны. При чемъ добровольное и цѣлесообразное подчиненіе одного порядка другому можетъ быть собственно только въ томъ случаѣ, когда въ самой семьѣ есть надлежащее пониманіе нравственнаго порядка въ школѣ. Безъ этого, сфера семейнаго порядка бываетъ обыкновенно такъ плотна, что не уступаетъ себя школѣ. А при господствѣ начала семейнаго порядка въ учебной жизни учениковъ, учебный порядокъ, какъ форма нравственнаго быта, для нихъ какъ бы не существуетъ.

Оплотненіе семейнаго порядка встрѣчается одинаково какъ въ семьяхъ съ недостаточнымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, такъ и въ семьяхъ обезпеченныхъ. Условіе одно,—и вредъ отъ нихъ для устойчивости нравственнаго порядка въ школѣ одинаковъ. Но едва ли не большему разрушительному дѣйствію подвергается нравственный порядокъ гимназіи, когда въ семьяхъ учениковъ, имѣющихъ достаточное обезпеченіе, не только не содѣйствуютъ подчиненію ихъ должному учебному порядку, какъ это часто встрѣчается со стороны семей необезпеченныхъ, но даже противодѣйствуютъ этому. Учебное заведеніе не представляетъ собою для учениковъ никакого нравственнаго порядка, если въ семьѣ весь планъ ихъ ученія считаютъ пошлостію, глупостію, въ лучшемъ случаѣ совѣтуя имъ мириться съ своими обязанностями, или говорятъ имъ, что нужно задобрить учителя, или,—что они пользуясь своимъ положеніемъ, захотятъ—такъ дадутъ себя знать гимназіи. Ясно, что при этомъ надлежащее самоуправленіе въ ученикахъ укрѣпиться не можетъ, и живая потребность въ чемъ-то такомъ, естественно, ищетъ себѣ тогда иной сферы, а не учебной,—и находитъ... А въ гимназіи все становится тогда вверхъ дномъ, и вмѣсто нравственнаго порядка господствуетъ безнравственный хаосъ. Но не нужно особенно сильныхъ противодѣйствій со стороны семьи учебному дѣлу гимназіи, чтобы поколебать въ сознаніи ученика ея нравственный порядокъ: достаточно какъ можно чаще оставлять его дома, по разнымъ соображеніямъ; достаточно время его домашней жизни расположить такъ, чтобы оно не соотвѣтствовало потребностямъ его учебной жизни; достаточно просто окружить ученика всѣми средствами, которыя, повидимому, такъ облегчаютъ ему его учебный успѣхъ. Возьмемъ простой примѣръ. Какъ во всякомъ производствѣ, и въ производствѣ учебнаго дѣла гимназіи существуетъ под-

дѣлка его, въ видѣ, между прочимъ, такъ называемыхъ подстрочниковъ, то есть подстрочныхъ переводовъ текстовъ древнихъ авторовъ, иногда еще съ прибавкою перевода начисто. Повидимому, такая книжка есть только доброе средство, облегчающее ученику достиженіе цѣли ученія; на самомъ же дѣлѣ эта грошевая обыкновенно вещь способна именно только разрушить всю цѣль. Не входя въ неумѣстныя здѣсь дидактическія основанія этого, легко однако поймемъ, что это такъ, если представимъ себѣ, что не одинъ кто либо изъ учениковъ и не разъ, при случаѣ, а всѣ ученики, притомъ постоянно, во всѣхъ классахъ, иначе не занимаются чтеніемъ древнихъ авторовъ, какъ съ подстрочниками въ рукахъ. Легко понять, что такъ заниматься можно сколько угодно лѣтъ, —толку отъ этого занятія не будетъ, потому что оно противорѣчитъ необходимой для успѣха самостоятельности учащихся. Точно также этой основѣ нравственнаго порядка гимназіи противорѣчитъ крайне распространенное въ семьяхъ учениковъ и большею частію совершенно неумѣлое пользованіе репетиторами.

Есть еще порядки въ семейномъ и общественномъ быту, которые, повидимому, не противорѣчатъ задачѣ учебнаго заведенія основать нравственный строй жизни юношей на началѣ самоуправленія; кажется даже, что участіе ихъ въ этихъ порядкахъ вполнѣ соотвѣтствуетъ означенной задачѣ. На самомъ же дѣлѣ они очень мѣшаютъ этому. Изъ числа многихъ, особенно имѣемъ здѣсь въ виду такъ называемые выѣзды и сопутствующія имъ карты и танцы. Если въ тѣхъ и другихъ подобныхъ порядкахъ жизни и есть мѣсто самоуправленію, то лишь въ отношеніи къ формамъ соотвѣтствующихъ этимъ порядкамъ дѣйствій, а не въ смыслѣ начала нравственной жизни, притомъ для личностей сложившихся, а не для слагающихся, каковы вообще учащіеся. Нѣтъ ничего жалче, съ учебной точки зрѣнія, какъ видѣть гимназиста „выѣзжающаго“, играющаго „серьезно“ въ карты, или танцующаго „на вечерѣ“. Не будемъ говорить о картахъ и выѣздахъ,—относительно гимназиста это охотно отвергаютъ въ теоріи всѣ. Но за танцы всѣ, кажется, стоятъ горой; ихъ даже ставятъ наравнѣ съ гимнастикою. Хороша гимнастика!

Предметъ щекотливый; но требуется разсуждать просто и откровенно. Какія чувства долженъ испытать, какое потрясеніе сосредоточенности

ума и воли долженъ потерпѣть юноша, если мы дозволимъ ему обнять женщину или дѣвицу, чувствовать ея дыханіе, грудь съ грудью, глазъ съ глазомъ, рука съ рукой, и оставаться такъ съ нею сидя? Измѣняется ли его психическое состояніе отъ того, что въ такомъ положеніи онъ вихремъ вертится? Не усиливаетъ ли, напротивъ, этотъ вихрь движеній условія неблагопріятныя для его нравственнаго спокойствія и умственной сосредоточенности? А между тѣмъ, въ этомъ вихрѣ, въ этой праскѣ двухъ тѣлъ подъ музыку, какъ это обыкновенно исполняется на вечерахъ, всѣ эстетическіе моменты движенія потеряны. Конечно, господствующій этикетъ пріучаетъ юношей переживать, выбивающія ихъ при этомъ изъ сферы самоуправленія впечатлѣнія, какъ бы овладѣвая ими. Но на дѣлѣ переживаемыя ими впечатлѣнія скорѣе сами овладѣваютъ ими и психически и физіологически. Въ 17 лѣтъ и ранѣе начинаются галлюцинаціи любви, ревности, соперничества и проч. отъ чего, конечно, избави Богъ ихъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Или создается искусственная потребность жить всѣми отправленіями жизни[1]). «Мущинъ требуютъ» плакалась учебному начальству одна содержательница частной квартиры для ученицъ женской гимназіи, въ объясненіе того, что повадились ходить къ нимъ гимназисты и студенты. «А будете запрещать, добавила она ихъ слова,—мы сойдемъ съ квартиры». Поди тогда учебное заведеніе веди дѣло такъ, чтобы учащіеся были хоть доступны управленію, а не то чтобы развивали въ себѣ самоуправленіе.

Въ связи съ указанными явленіями, разрушительными для устойчивости въ учащемся юношествѣ необходимаго начала самоуправленія, должно поставить столь распространенное среди его противоестественное, животное отношеніе къ своему тѣлу. Привыкли думать, что порокъ, о которомъ рѣчь, гнѣздится чаще въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но не то ли это на самомъ дѣлѣ, что здѣсь онъ скорѣе обнаруживается? Между тѣмъ какъ въ семейномъ быту онъ бываетъ менѣе замѣтенъ, подъ принятыми здѣсь

---

[1]) Въ послѣднее время стали уже извѣстны и случаи женитьбы гимназистовъ до окончанія курса, и случаи самоубійства 18, 17 лѣтнихъ юношей вслѣдствіе неудачной любви, нераздѣленной страсти, а еще чаще—случаи подобные описанному въ извѣстной повѣсти Андреева, только, пожалуй, безъ такой ужасной возмутительной катастрофы.

формами отношеній разныхъ членовъ семьи, часто ищутъ его въ тѣхъ признакахъ, которые сами по себѣ о немъ далеко еще не свидѣтельствуютъ, а не видятъ его въ томъ, съ чѣмъ онъ дѣйствительно бываетъ связанъ. Конечно, очень трудно уловить порокъ въ точныхъ признакахъ, на всѣхъ ступеняхъ его развитія; но едва-ли въ тоже время можно указать и на такія тѣлесныя и душевныя данныя въ юношахъ, которыя бы можно было признать за гарантію полной свободы ихъ отъ него[1]). Иногда, не смотря на порокъ, юноши проявляютъ склонность къ умственнымъ занятіямъ и къ внѣшней добропорядочности; но самоуправленіе, какъ начало, все болѣе и болѣе ослабляется въ нихъ, и первый случай легко уноситъ ихъ изъ надлежащаго умственнаго и нравственнаго строя въ сферу какого-то экстатическаго существованія, въ которомъ они теряютъ мало по малу различіе между добромъ и зломъ, между умнымъ и глупымъ. Опытнымъ глазомъ это именно и должно быть замѣчено какъ въ поведеніи ихъ, такъ и въ ученіи. Хотя съ лѣтами наклонность къ пороку можетъ проходить, но наклонность къ фальшивымъ состояніямъ остается. Фальшивыя представленія и фальшивыя чувства—эти идолы въ разныхъ видахъ, жертвами которыхъ становятся нерѣдко теперь молодые люди, быть можетъ, имѣютъ для нихъ субъективные корни въ томъ фальшивомъ, пропущенномъ семейнымъ глазомъ животномъ отношеніи ихъ къ себѣ самимъ, при которомъ самоуправленіе не могло развиться въ нихъ дотого, чтобы было началомъ всей разумной ихъ нравственной жизни.

Врачи обыкновенные и врачи психіатры, которые, быть можетъ,

---

[1]) Въ Берлинѣ и Оксфордѣ въ свое время (болѣе двадцати лѣтъ назадъ), живя въ квартирахъ, рядомъ съ учебными заведеніями для дѣвочекъ и мальчиковъ, я бывалъ случайнымъ свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ сценъ между ними въ плотскомъ отношеніи, что, видя этихъ дѣтей въ порядкѣ, каждый, безъ сомнѣнія, счелъ бы безумнымъ того, кто заподозрилъ бы ихъ въ порокѣ. Не могу не упомянуть при этомъ о старомъ учителѣ, содержателѣ школы въ Оксфордѣ, который съ глубокою горестію заявлялъ, что порочность дѣтей учебнаго возраста развилась такъ на его глазахъ, за послѣднія двадцать—тридцать лѣтъ его учительской дѣятельности.

отъ нечего дѣлать, такъ любятъ теперь возвышать свой голосъ по вопросу о методахъ и о составѣ гимназическаго ученія, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы болѣе полезное, если бы указали точные признаки для распознаванія въ учащемся молодомъ поколѣніи разныхъ возрастовъ губительнаго порока, на всѣхъ возможныхъ степеняхъ его развитія, и предложили бы средства его врачеванія, безъ нарушенія при этомъ требуемаго учебнымъ возрастомъ порядка жизни. Вмѣсто того досужіе нѣмецкіе врачи изобрѣли для своей практики небывалую болѣзнь отъ ученія вообще и отъ гимназическаго въ особенности, окрестивъ ее, по обычаю языка, кованымъ словомъ Überbürdung, которое мы, подражая нѣмцамъ, перевели безсмысленнымъ для нашего языка словомъ «переутомленіе», хотя, конечно, простого утомленія отъ гимназическаго ученія достаточно для того чтобы бросить его, какъ негодное. Но проще, должно быть, резонировать о переутомленіи, чѣмъ veras rerum cognoscere causas. Не много мудрости и въ тѣхъ совѣтахъ нѣкоторыхъ врачей, которые они даютъ родителямъ, убѣждая ихъ такъ устроить жизнь ихъ дѣтей, чтобы фальшивыя состоянія ихъ души и тѣла превратить въ истинныя, согласныя съ природою.

Но обратимся къ семьѣ. Если не безъ успѣха можно защищать то положеніе, что благоразумные родители, не начитавшіеся разныхъ полученыхъ книгъ по физіологіи и гигіенѣ, въ состояніи устроить жизнь учащагося юношества такъ, что гибельный порокъ или не коснется ихъ, или будетъ подавленъ въ зародышѣ, то современное осложненіе условій порядка семейной жизни позволяетъ съ рѣшительностію высказать и то положеніе, что для развитія, въ согласіи съ высокими интересами гимназическаго ученія самоуправленія учащихся, какъ основного начала всего порядка ихъ нравственной жизни, постоянное, изо дня въ день, пребываніе ихъ въ учебномъ заведеніи вообще гораздо цѣлесообразнѣе, чѣмъ дѣленіе ихъ жизни между двумя порядками—учебнымъ и семейнымъ. По крайней мѣрѣ устраненіе явленій, препятствующихъ правильному развитію въ учащихся самоуправленія, и жизнь юношей вполнѣ свободная, но въ такихъ формахъ свободы, которыя соотвѣтствуютъ степени развитія ихъ нравственной личности и сами способствуютъ дальнѣйшему ея развитію,—все это гораздо удобнѣе можетъ быть достигнуто при господствѣ одного порядка, чѣмъ при сомнительномъ, часто совершен-

но невозможномъ, подчиненіи семейнаго порядка порядку учебному. Во всякомъ же случаѣ, если учащіеся во всякое время, и когда учатся и когда не учатся, находятся тутъ же, подъ руками у учебнаго начальства, то душамъ ихъ, какъ мягкому воску, безъ особеннаго труда можно дать мало по малу надлежащія формы сознательной нравственной жизни. Это сравненіе съ воскомъ душъ учащейся молодежи не простая реторика; по внутреннему смыслу, это истина, сомнѣваться въ которой можетъ развѣ тотъ, кто самъ, какъ нравственная личность, представляетъ собою мудреную систему компромиссовъ долга и здраваго смысла съ теоріями біологическими, психіатрическими и другими. Разные утописты и политическіе психопаты тѣмъ и берутъ, что дѣйствуютъ на молодежь въ извѣстномъ направленіи безъ всякихъ компромиссовъ, они и лѣпятъ изъ нихъ нравственныхъ уродовъ, они и вьютъ изъ нихъ веревки для своего дѣла. Но компромиссы компромиссами—въ нихъ большое и принципіальное зло для нравственнаго воспитанія нашей молодежи. Есть и реальныя—объективныя причины, которыя затрудняютъ руководителей учебныхъ заведеній въ томъ, чтобы типически, по идеѣ нравственнаго порядка, лѣпить изъ учащихся людей, какъ изъ воска, или вить изъ нихъ веревки, по формѣ требуемаго благоустройствомъ общественной жизни отношенія каждаго къ себѣ самому и къ другимъ. Это именно то, что, при разнообразныхъ, столь осложненныхъ въ наше время условіяхъ семейной жизни, часто неизвѣстно, подъ дѣйствіемъ какого порядка нравственныхъ впечатлѣній находятся учащіеся большую часть дня и всей своей учебной жизни....

Въ жизни нашихъ учебныхъ заведеній, особенно въ послѣднее время, бываютъ еще исключительные случаи, иногда крайне неблагопріятно дѣйствующіе на рѣшительность мѣръ управленія со стороны учебнаго начальства и на устойчивость самоуправленія учащихся. Имѣются въ виду случаи соприкосновенія на учебныхъ заведеніяхъ разныхъ властей. Многовластіе вообще есть условіе малопригодное для всякаго живого дѣла, особенно же для дѣла учебныхъ заведеній. Всякая власть, пока на живой объектъ она дѣйствуетъ внѣ соприкосновенія съ другою властію, можетъ все болѣе и болѣе располагаться къ тому, чтобы для своего успѣха искать опоры въ нравственномъ началѣ; но сталкиваясь на такомъ объектѣ своего дѣйствія съ другою властію, каждая власть,

естественно, располагается быть эгоистичною и может терять подъ собою нравственную основу.

Явленіе это, по существу своему, чисто психологическое. Ограниченная въ своемъ проявленіи на данный объектъ извѣстными задачами и условіями, каждая отдѣльная власть, будучи для носителя ея выраженіемъ его нравственнаго отношенія къ данному объекту, не хочетъ быть для него простою механическою силою; напротивъ она стремится стать личнымъ источникомъ его блага, и потому хочетъ подчинить себѣ данный объектъ всецѣло, чтобы въ томъ или другомъ положеніи его выступало торжество того нравственнаго порядка, который власть собою представляетъ и который она охраняетъ. Иное дѣло, когда одна власть соприкасается на данномъ предметѣ съ другою. Нужна особенная отрѣшенность отъ себя каждой изъ нихъ, нужна особенная солидарность одной съ другою въ пониманіи явленій соотвѣтствующаго нравственнаго порядка, чтобы обѣ власти взаимно себя дополняли. Потому столкновеніе есть какъ бы естественное положеніе ихъ. Въ случаяхъ, когда непосредственнымъ объектомъ власти является мертвый матеріалъ и его употребленіе, столкновеніе есть, быть можетъ, даже благопріятное условіе для дѣла, или въ нѣкоторой степени — гарантія возможно лучшаго рѣшенія возникающихъ относительно его вопросовъ. Но въ нашемъ случаѣ, именно въ отношеніи къ учащимся, это какъ бы естественное положеніе оказывается совершенно не естественнымъ, по отношенію къ непосредственной цѣли управленія учащимися къ развитію въ нихъ самоуправленія. Поэтому, извѣстныя учебныя заведенія въ Англіи и доселѣ, а въ Германіи нѣкоторыя въ прежнее время, организованы такъ, что власть учебнаго начальства поставлена по возможности внѣ соприкосновенія съ другими и во всякомъ случаѣ такъ, что эти другія ей преданы и въ нѣкоторомъ смыслѣ даже подчинены.

Въ нашемъ быту дѣло стоитъ не совсѣмъ такъ. Правда, существуютъ постановленія, опредѣляющія формально отношенія нѣкоторыхъ властей къ тому порядку жизни и дѣятельности учащихся, строеніе и руководство которымъ лежитъ на обязанности учебнаго начальства; но такъ какъ всякая власть есть власть, а не подчиненіе, то на дѣлѣ эти отношенія опредѣляются еще личными отношеніями между собою носителей данныхъ властей. Такое положеніе дѣла ведетъ къ тому, что узда

самоуправленія иногда очень ослабѣваетъ на учащихся. Сами они и все общество усвоиваютъ между прочимъ и такое воззрѣніе, что молодой человѣкъ можетъ позволить себѣ то и другое, главное только, чтобы непопасться. Такимъ же воззрѣніемъ, вслѣдъ за другими, начинаетъ иногда руководиться и само учебное начальство. Ясно, что при этомъ начало самоуправленія не можетъ быть развито въ учащихся, напротивъ, весь порядокъ ихъ жизни, естественно, строится тогда на сдѣлкѣ между идеею даннаго нравственнаго порядка и необнаруженіемъ безпорядка, при чемъ необнаруженіе безпорядка въ глазахъ всѣхъ становится соблюденіемъ самого порядка. Такъ бываетъ въ особенности въ томъ случаѣ, когда въ самомъ заведеніи имѣются рядомъ двѣ власти параллельныя и почти равныя, изъ коихъ каждая о себѣ думаетъ, что не на ней, а на другой лежитъ нравственный долгъ управленія, и когда вслѣдствіе этого жизнь ученниковъ дома и даже въ стѣнахъ школы остается безъ всякаго призора и воспитательнаго руководства.

Особенно такому колебанію начало самоуправленія учащихся подвержено въ нашихъ университетахъ и другихъ подобныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ибо здѣсь болѣе, чѣмъ въ отношеніи къ гимназіямъ, имѣетъ мѣсто соприкосновеніе властей. Нравственный порядокъ жизни университетовъ, прилежаніе и скромное поведеніе студентовъ—это pium desiderium всѣхъ благомыслящихъ, тѣмъ менѣе, быть можетъ, удается осуществить на дѣлѣ, чѣмъ на большее количество властей дѣлятся хлопоты объ этомъ: по крайней мѣрѣ, въ теченіе болѣе четверти вѣка, мы постоянно то закрывали, то открывали наши университеты, и все—таки доселѣ еще не снятъ съ очереди какой-то такъ называемый университетскій, или студенческій вопросъ, притомъ въ такомъ странномъ видѣ, въ какомъ онъ и самъ не разрѣшается и мѣшаетъ разрѣшенію многихъ какъ учебныхъ, такъ и прочихъ добрыхъ общественныхъ дѣлъ. Впрочемъ власти такъ переплетаются на этомъ учрежденіи, что ближайшій интересъ каждой изъ нихъ, повидимому, только тотъ, чтобы не обнаружилось здѣсь чего нибудь такого, что свидѣтельствовало бы о ея несостоятельности. «День прошелъ безъ исторіи,—и перекрестишься», припоминаются при этомъ слова нѣкоего представителя одной изъ дѣйствующихъ здѣсь властей. А вотъ, когда разыграется какая-нибудь исторія, тутъ и начинается метафизика: ищутъ источникъ, первичное

начало ея, опредѣляютъ моментъ поворота исторіи, когда одна власть стала не отвѣтственна, а другія были отвѣтственны, и такимъ образомъ, на мѣсто одной исторіи, появляется другая—распря властей, до новой университетской исторіи.... Что же касается гимназіи, то, вслѣдствіе самого состава этихъ учебныхъ заведеній, столкновеніе властей, вооочще говоря, имѣетъ здѣсь менѣе мѣста, чѣмъ въ университетахъ, хотя бываетъ и на нихъ, причемъ понятно, что учебный міръ гимназіи, какъ міръ личностей болѣе не сложившихся, еще менѣе, чѣмъ университетскій міръ, въ состояніи выносить на себѣ такую катавасію.

VII.

Объ управленіи учебными дѣлами.

Министерство учебныхъ дѣлъ, или по нашему, министерство просвѣщенія, какъ отдѣльный правительственный органъ, существуетъ въ виду величайшей важности учебнаго дѣла въ государственной жизни. Съ внѣшней стороны учебное дѣло есть одно изъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ; потому, въ Пруссіи долгое время оно было въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Выдѣленіе учебныхъ дѣлъ отъ другихъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ въ особое министерство требуется не внѣшнею стороною учебныхъ дѣлъ, не благоустройствомъ учебныхъ заведеній въ полицейскомъ смыслѣ благочинія,—съ этой стороны учебное дѣло очень удобно могло бы быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ,--а внутреннею стороною, организаціею самого ученія.

Полицейское благоустройство учебнаго дѣла состоитъ въ открытіи учебныхъ заведеній разнаго рода, въ количествѣ потребномъ для населенія, въ обезпеченіи ихъ матеріальными средствами, въ устройствѣ управленія ими въ соотвѣтствіи съ другими государственными управленіями, въ организаціи точной отчетности во всемъ ходѣ ихъ дѣлъ, въ ревизіи ихъ для провѣрки этой отчетности и самого веденія дѣла, согласно съ данными распоряженіями, въ согласованіи правъ и преимуществъ, пріобрѣтаемыхъ учащимися въ разныхъ заведеніяхъ, на основаніи близости и разницы учебныхъ программъ и другое подобное. Внутренняя же сторона учебнаго дѣла, выражающаяся въ организаціи самого ученія, состоитъ въ оцѣнкѣ исторической задачи учебнаго дѣла, въ ряду задачъ другихъ дѣлъ исторической жизни общества, въ разложеніи исполненія этой задачи на разные виды учебныхъ заведеній, съ сохраненіемъ при этомъ ея историческаго единства и національныхъ особенностей во всѣхъ

ихъ, въ такомъ выборѣ учебнаго матеріала для каждаго вида учебныхъ заведеній, при которомъ каждый элементъ его входилъ бы въ сознаніе учащихся, какъ элементъ ихъ образованія, и всѣ вмѣстѣ они слагались и чувствовались бы учащимися, какъ нѣчто живое и дѣйствующее въ нихъ, иначе,—какъ руководящее ихъ мыслями и волею. Этою внутреннею стороною учебнаго дѣла опредѣляются далѣе какъ всѣ отношенія между основными элементами каждаго учебнаго заведенія, учащими и учащимися въ нихъ, такъ и смыслъ самого управленія учебными заведеніями какъ внутренними, такъ и внѣшними для него органами власти. Явно, что устройство и веденіе учебнаго дѣла съ внѣшней стороны доступно для всякаго дѣлового и образованнаго ума, а для устройства и веденія его съ внутренней стороны требуется умъ болѣе глубокій и нѣкоторая особенная научная подготовка. Но такъ какъ, въ порядкѣ веденія учебнаго дѣла на практикѣ, и внѣшняя его сторона имѣетъ большое значеніе, охраняя или даже непосредственно условливая собою достоинство его съ внутренней стороны, то вниманіе и заботы объ этой внѣшней сторонѣ легко могутъ казаться исчерпывающими всю задачу управленія учебнымъ дѣломъ.

Организація управленія учебными заведеніями всего лучше дастъ понять, на какую сторону учебнаго дѣла обращается наиболѣе вниманія, —на внѣшнюю, или на внутреннюю.

Согласно съ общимъ строемъ нашего государственнаго управленія, и учебное управленіе организовано у насъ на принципѣ централизаціи. И это очень хорошо, какъ кажется вообще, такъ несомнѣнно и для учебнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, было бы очень гибельно для нашего государства, если бы на пространствѣ всей Россіи разнообразныя земства, городскія, ученыя, техническія и всякія другія общества вели учебное дѣло въ своемъ районѣ или вѣдомствѣ, каждое по своему, выходя изъ подъ вліянія государственной власти и не соотвѣтствуя общимъ видамъ государства. Если можно и должно говорить о децентрализаціи учебнаго дѣла, то только въ смыслѣ разнообразія методы преподаванія учебнаго матеріала въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи,—разнообразія, простирающагося также какъ на выборъ элементовъ его въ тотъ или другой періодъ ученія, такъ и на время, посвящаемое на занятія тѣми или другими учебными предметами, чтобы такимъ образомъ ученіе въ шко-

VII.

Объ управленіи учебными дѣлами.

Министерство учебныхъ дѣлъ, или по нашему, министерство просвѣщенія, какъ отдѣльный правительственный органъ, существуетъ въ виду величайшей важности учебнаго дѣла въ государственной жизни. Съ внѣшней стороны учебное дѣло есть одно изъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ; потому, въ Пруссіи долгое время оно было въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ. Выдѣленіе учебныхъ дѣлъ отъ другихъ внутреннихъ дѣлъ въ государствѣ въ особое министерство требуется не внѣшнею стороною учебныхъ дѣлъ, не благоустройствомъ учебныхъ заведеній въ полицейскомъ смыслѣ благочинія,—съ этой стороны учебное дѣло очень удобно могло бы быть въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ,--а внутреннею стороною, организаціею самого ученія.

Полицейское благоустройство учебнаго дѣла состоитъ въ открытіи учебныхъ заведеній разнаго рода, въ количествѣ потребномъ для населенія, въ обезпеченіи ихъ матеріальными средствами, въ устройствѣ управленія ими въ соотвѣтствіи съ другими государственными управленіями, въ организаціи точной отчетности во всемъ ходѣ ихъ дѣлъ, въ ревизіи ихъ для провѣрки этой отчетности и самого веденія дѣла, согласно съ данными распоряженіями, въ согласованіи правъ и преимуществъ, пріобрѣтаемыхъ учащимися въ разныхъ заведеніяхъ, на основаніи близости и разницы учебныхъ программъ и другое подобное. Внутренняя же сторона учебнаго дѣла, выражающаяся въ организаціи самого ученія, состоитъ въ оцѣнкѣ исторической задачи учебнаго дѣла, въ ряду задачъ другихъ дѣлъ исторической жизни общества, въ разложеніи исполненія этой задачи на разные виды учебныхъ заведеній, съ сохраненіемъ при этомъ ея историческаго единства и національныхъ особенностей во всѣхъ

ихъ, въ такомъ выборѣ учебнаго матеріала для каждаго вида учебныхъ заведеній, при которомъ каждый элементъ его входилъ бы въ сознаніе учащихся, какъ элементъ ихъ образованія, и всѣ вмѣстѣ они слагались и чувствовались бы учащимися, какъ нѣчто живое и дѣйствующее въ нихъ, иначе,—какъ руководящее ихъ мыслями и волею. Этою внутреннею стороною учебнаго дѣла опредѣляются далѣе какъ всѣ отношенія между основными элементами каждаго учебнаго заведенія, учащими и учащимися въ нихъ, такъ и смыслъ самого управленія учебными заведеніями какъ внутренними, такъ и внѣшними для него органами власти. Явно, что устройство и веденіе учебнаго дѣла съ внѣшней стороны доступно для всякаго дѣлового и образованнаго ума, а для устройства и веденія его съ внутренней стороны требуется умъ болѣе глубокій и нѣкоторая особенная научная подготовка. Но такъ какъ, въ порядкѣ веденія учебнаго дѣла на практикѣ, и внѣшняя его сторона имѣетъ большое значеніе, охраняя или даже непосредственно условливая собою достоинство его съ внутренней стороны, то вниманіе и заботы объ этой внѣшней сторонѣ легко могутъ казаться исчерпывающими всю задачу управленія учебнымъ дѣломъ.

Организація управленія учебными заведеніями всего лучше дастъ понять, на какую сторону учебнаго дѣла обращается наиболѣе вниманія, —на внѣшнюю, или на внутреннюю.

Согласно съ общимъ строемъ нашего государственнаго управленія, и учебное управленіе организовано у насъ на принципѣ централизаціи. И это очень хорошо, какъ кажется вообще, такъ несомнѣнно и для учебнаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, было бы очень гибельно для нашего государства, если бы на пространствѣ всей Россіи разнообразныя земства, городскія, ученыя, техническія и всякія другія общества вели учебное дѣло въ своемъ районѣ или вѣдомствѣ, каждое по своему, выходя изъ подъ вліянія государственной власти и не соотвѣтствуя общимъ видамъ государства. Если можно и должно говорить о децентрализаціи учебнаго дѣла, то только въ смыслѣ разнообразія методы преподаванія учебнаго матеріала въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи,—разнообразія, простирающагося также какъ на выборъ элементовъ его въ тотъ или другой періодъ ученія, такъ и на время, посвящаемое на занятія тѣми или другими учебными предметами, чтобы такимъ образомъ ученіе въ шко-

лахъ не было тѣмъ деревяннымъ ученіемъ, которое совершается по указанной въ учебныхъ планахъ казенной методѣ, съ употребленіемъ на тотъ или другой учебный предметъ назначеннаго въ планахъ времени съ солдатскою аккуратностію. Этого требуетъ жизнь школы, это нужно для истиннаго успѣха ученія, для котораго не существуетъ какой либо нормы, внѣ самого производства его въ школѣ учащими и учащимися. Во всемъ же прочемъ строеніе учебнаго дѣла должно быть вполнѣ согласовано со строемъ другихъ дѣлъ въ государствѣ, со строемъ всего государственнаго управленія. Потому, какъ сказано, у насъ учебное дѣло устроено и ведется въ централизаціонномъ порядкѣ. Управляемое отдѣльнымъ министромъ, оно дѣлится по территоріальнымъ районамъ на округа, управляемые попечителями. Довольно высокое положеніе попечителя учебнаго округа въ служебной іерархіи, большія прерогативы его власти —все это такія обстоятельства, которыя издавна, со времени учрежденія этого мигистрата, манили къ нему самыхъ разнообразныхъ людей по происхожденію, по состоянію, по образованію и по участію вь наукѣ... Кто да кто не были попечителями округовъ: и военные, и гражданскіе, и русскіе, и не русскіе люди, титулованные, и не титулованные... Но, кажется, не много было такихъ, изъ коихъ кто нибудь, какъ нѣмецкіе шульраты, въ состояніи былъ бы взять при случаѣ изъ рукъ учителя въ свои руки то или другое ученье, и повести его, въ назиданіе ему, правильно дидактически; мало было такихъ, кто самъ занимался бы учебнымъ дѣломъ по существу, изъяснялъ бы относящіеся къ нему педагогическіе и дидактическіе вопросы, или хотя былъ бы знакомъ съ обширною ихъ ученою разработкою въ наше время, и могъ бы руководить въ пониманіи ихъ окружающихъ его учителей и директоровъ. Говоря короче, разрабатывалъ ли кто либо изъ давнихъ попечителей внутреннюю сторону учебнаго дѣла? Нѣтъ, чуть ли не всѣ они вели его обыкновенно въ порядкѣ только внѣшняго полицейскаго благоустройства. Къ самому ученію, къ его составу и дидактическому достоинству они относились большею частію безучастно, наблюдая лишь, чтобы въ рапортахъ о ходѣ его оно было согласно съ установленными программами. Хотя были между ними и такіе, которые до фанатизма увлекались, напримѣръ, классическимъ ученіемъ въ гимназіяхъ, и такіе, которые совсѣмъ не сочувствовали классицизму, но тѣ и другіе въ этой области знанія сами или были вовсе не состоятельны,

или были знакомы только съ первыми ея элементами; были и такіе, которые не получивъ отъ ученика надлежащаго отвѣта на одинъ какой либо случайный вопросъ ихъ, тутъже въ классѣ демонстративно указывали на это учителю, какъ на доказательство несостоятельности его преподаванія; были и такіе, которые посѣщая учебныя заведенія, предлагали ученикамъ, смотря по возрасту ихъ и по учебному матеріалу класса, разные *остроумные*, всегда одни и тѣ же вопросы, или загадки, и веселили учениковъ разными прибаутками; были также и такіе, которые почти никогда не посѣщали учебныхъ заведеній.... Но, не говоря о старомъ времени, когда все было проще, и въ позднее время бывали наконецъ такіе, которые добродушно относясь къ своимъ подчиненнымъ, были расположены говорить съ ними о чемъ угодно, даже о вчерашнемъ карточномъ вечерѣ, но не о дѣлѣ; въ такомъ случаѣ они направляли обыкновенно своего собесѣдника къ правителю канцеляріи. Канцелярія попечителя округа-вотъ иногда настоящій органъ управленія учебнымъ дѣломъ; «ходить въ канцелярію»—это терминъ, говорящій очень многое... Въ нѣкоторыхъ округахъ лица учебнаго вѣдомства, какъ въ своемъ собственномъ учебномъ мірѣ, такъ даже и въ самомъ обществѣ не въ шутку различаются иногда между собою именно тѣмъ, что тотъ ходитъ въ канцелярію, а тотъ не ходитъ въ канцелярію...

Канцелярія попечителя округа есть атмосфера, состоящая изъ многихъ элементовъ. Иногда правитель канцеляріи не есть здѣсь господствующій элементъ. Господствующими элементами бываютъ окружные инспектора, или одинъ изъ нихъ. По идеѣ управленія, окружные инспектора суть очи попечителя, но въ системѣ управленія они поставлены безъ опредѣленной инициативы; потому естественно, что сфера ихъ служебной дѣятельности канцелярская, и сама дѣятельность совершенно формальная. Изъ за массы служебныхъ дѣлъ формальнаго свойства,—провѣрки безконечныхъ отчетовъ по учебнымъ заведеніямъ, подготовки матеріала и справокъ для разрѣшенія разныхъ ходатайствъ, храненія секретовъ экзамена зрѣлости въ гимназіяхъ и другихъ подобнаго рода дѣлъ, они часто не видятъ живого учебнаго дѣла въ его дидактическомъ свойствѣ, да къ тому же по службѣ это отъ нихъ и не требуется (и сами они большею частію вовсе не преданы ему по существу его). Посылаемые, большею частію по какому либо внушительному случаю, на ревизію учебныхъ

заведеній, въ качествѣ ока попечителя, они являются здѣсь оффиціальными начальниками, какъ бы попечителями minoris generis... Впрочемъ, при случаѣ они не отказываются иногда перемѣнить свое положеніе на хорошо обставленное мѣсто директора какого либо изъ подвѣдомственныхъ имъ учебныхъ заведеній. Вообще сказать, окружное инспекторство по идеѣ своей представляетъ собою очень хорошій матеріалъ, чтобы быть органомъ учебнаго управленія, но поставленные на практикѣ въ служебныя отношенія къ попечителямъ округовъ, лишенные въ учебномъ дѣлѣ опредѣленной инициативы, теперешніе окружные инспектора являются большею частію только элементами, иногда очень сильными, канцелярскаго режима попечительской власти.

Но, если канцелярія есть иногда истинный органъ управленія учебнымъ округомъ, то самъ попечитель округа, какъ служебное лицо, сравнительно съ другими лицами тогоже ранга въ государствѣ, поставленъ какъ бы генералъ-губернаторъ въ учебномъ мірѣ. Конечно, въ отношеніяхъ попечителя къ министерству имѣютъ большое значеніе личныя отношенія его къ министру; но такія отношенія, которыя были въ свое время между попечителемъ графомъ Строгановымъ и министромъ графомъ Уваровымъ, возможны только при томъ условіи, что попечитель есть дѣйствительно какъ бы генералъ-губернаторъ въ учебномъ вѣдомствѣ. Такимъ положеніемъ попечителя объясняются и тѣ отношенія, которыя иногда и доселѣ встрѣчались между попечителями и губернаторами и которыя потребовали, кажется, когда-то урегулированія ихъ особымъ законоположеніемъ. Всѣ такія отношенія, безъ всякаго сомнѣнія, никакой пользы учебному дѣлу принести не могутъ. Но гораздо хуже для дѣла, когда въ попечители попадаютъ такія лица, которыя внутренно держатся совсѣмъ другого, чаще-никакого взгляда на учебное дѣло, напримѣръ, гимназій, чѣмъ министерство: тогда между ними и министерствомъ слагаются совершенно искусственныя отношенія... Такія искусственныя отношенія существовали, во время министерства графа Толстого, между центральнымъ учебнымъ управленіемъ и нѣкоторыми тогдашними попечителями, изъ коихъ иные, не успѣлъ графъ Толстой оставить министерство, —спѣшили отречься отъ того направленія въ учебномъ дѣлѣ, котораго онъ держался и за которое при немъ они готовы были распинаться...

Еще болѣе вредныя послѣдствія для дѣла проистекають изъ тѣхъ отношеній, въ которыя, вслѣдствіе именно своего генералъ-губернаторскаго положенія въ учебномъ мірѣ, нѣкоторые попечители ставятъ себя къ управляемымъ ими учебнымъ заведеніямъ и подчиненнымъ имъ служебнымъ лицамъ. Тотъ обычный, какъ бы совершенно нормальный порядокъ, что попечители округовъ, являясь въ какое либо учебное заведеніе, напримѣръ, въ гимназію, входятъ въ тотъ или другой классъ во время урока, конечно, крайне противорѣчитъ достоинству дѣла, о которомъ они попечительствуютъ. Учитель объясняетъ ученикамъ что либо, или ученики занимаются рѣшеніемъ какой либо задачи письменно или устно,—вдругъ является попечитель, обыкновенно въ сопровожденіи начальства заведенія: ученье прерывается, ученики естественно теряютъ нить мыслей, происходитъ замѣшательство, и время урока уходитъ даромъ. Войдя въ классъ и поздоровавшись, и то не всегда, съ учениками, попечитель обращается обыкновенно къ учителю прямо съ вопросомъ: „чѣмъ занимаетесь". Рѣдко бываетъ, чтобы произведя такую пертурбацію въ классѣ, попечитель оставался въ немъ до конца урока. Большею частію онъ остается здѣсь нѣсколько минутъ, поручивъ учителю продолжать, иногда самъ предложитъ на ходу кому либо изъ учениковъ вопросъ по предмету ученія, и уходитъ. Иные при этомъ любятъ сказать ученикамъ что либо назидательное, нерѣдко какое нибудь острословіе. Изъ одного класса переходятъ въ другой, изъ другого въ третій и т. д. Иногда пріѣздъ попечителя обставляется, какъ какой нибудь торжественный случай: «съ вокзала, пишетъ корреспондентъ одной газеты, господинъ попечитель округа послѣдовалъ въ городъ, гдѣ ему были представлены учащіе и учащіеся городского училища и двухъ частныхъ женскихъ училищъ. Ученики городского училища, въ присутствіи г. попечителя округа, исполнили нѣсколько фронтовыхъ упражненій со знаменемъ и деревянными ружьями. Всѣ они были одѣты въ однообразную Высочайше утвержденную для городскихъ училищъ форму. Подъ звуки барабана, учащіеся стройнымъ маршемъ продѣлали цѣлый рядъ военныхъ упражненій, при чемъ своею выправкою, тактичностію и умѣньемъ держать себя произвели на г. попечителя округа пріятное впечатлѣніе. Г. попечитель округа со многими учениками и ученицами разговаривалъ, распрашивая ихъ о томъ, что они прошли, какія знаютъ молитвы, стихотворенія и пр. Въ заклю-

ченіе ученики пропѣли народный гимнъ, «коль славенъ» и нѣсколько народныхъ и патріотическихъ пѣсенъ. Мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, преподавателей и преподавательницъ г. попечитель округа благодарилъ за хорошее состояніе училищъ, а учащихся освободилъ на одинъ день отъ занятій». Право, если бы въ корреспонденціи не было сказано, что то былъ попечитель, то есть чиновникъ IV класса министерства народнаго просвѣщенія, то можно было бы подумать, что это не попечитель удостоилъ училище своимъ посѣщеніемъ. Впрочемъ бывали, говорятъ, случаи, что попечителей встрѣчали на какой нибудь пристани ученики и ученицы, разставленные шпалерами, и подносили имъ букеты, произнося при этомъ приличныя случаю привѣтствія, а въ городѣ встрѣчали ихъ чуть не съ колокольнымъ звономъ... Что касается освобожденія учащихся отъ занятій по случаю пріѣзда попечителя въ какой либо городъ, что, кажется, частенько практикуется, то это явно переходитъ уже за предѣлы правъ всякаго лица, служащаго по опредѣленію отъ правительства. При этомъ припоминается такой случай. Въ одинъ уѣздный городъ, для посѣщенія учебныхъ заведеній, прибылъ попечитель округа съ чиновниками; одинъ изъ нихъ имѣлъ неосторожность поделикатничать съ директоромъ мѣстной гимназіи и, предъ отъѣздомъ попечителя изъ города, спросилъ директора въ присутствіи попечителя, какъ онъ лично думаетъ объ освобожденіи своихъ учениковъ дня на два отъ уроковъ, по случаю посѣщенія гимназіи попечителемъ,— «отпускать ли ихъ, или нѣтъ». «Конечно нѣтъ, отвѣчалъ директоръ, г. попечитель, посѣтивъ гимназію, исполнилъ, кажется, только одну изъ своихъ служебныхъ обязанностей, съ чего же тутъ быть празднику ученикамъ»... По отъѣздѣ попечителя, гимназисты продолжали учиться, а ученики городского и другихъ училищъ въ городѣ, а также ученицы женской гимназіи гуляли два дня. Остается только сказать, что все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно.

Но едва ли не болѣе грустныя впечатлѣнія получаются при безпристрастномъ вниманіи къ тому положенію, въ которое уставомъ 1884 года поставлены наши университеты къ попечителямъ учебныхъ округовъ. Лишивъ ихъ автономіи въ свободномъ выборѣ внутреннихъ властей, ректоровъ и декановъ, уставъ ввѣрилъ ихъ начальству попечителей округовъ, чрезъ которыхъ происходятъ всѣ сношенія министерства съ университетомъ.

Если попечители округовъ, хотя они большею частію и сами учились когда-то въ университетѣ, съ тѣхъ поръ остаются чуждыми университетскому дѣлу и непосредственно не дѣлали и не дѣлаютъ его, то естественно, что для выполненія своихъ обязанностей въ отношеніи къ университету они принуждены искать содѣйствія и указаній въ средѣ профессоровъ. Хорошо понимая, что такимъ дѣломъ, какъ университетское, безъ нѣкоторой солидарности съ самимъ университетомъ, управлять неудобно, какъ бы не нажить какой бѣды, попечители, для рѣшенія того или другого университетскаго дѣла, должны прислушиваться къ мнѣніямъ о немъ лицъ университетской корпораціи. Эти лица могутъ быть сперва случайными собесѣдниками попечителя, а потомъ мало по малу и нарочитыми. Тогда можетъ образоваться при попечителѣ правящая университетская коллегія, внѣ самого университета. Эта негласная коллегія, если бы даже она была проникнута самыми лучшими намѣреніями, безъ сомнѣнія, хуже гласной, дѣйствующей какъ университетскій совѣтъ, или факультетъ. А при другомъ настроеніи этой коллегіи, университетская корпорація, изъ благоустроенной академической республики, очень легко можетъ сдѣлаться настоящимъ адомъ. А въ аду какая уже наука!...

Если въ послѣднее время попечителями учебныхъ округовъ назначаются профессора университетовъ, то это не мѣняетъ дѣла. Ибо указанный выше порядокъ управленія университетами зависитъ не столько отъ личности попечителя, сколько отъ положенія его, какъ власти.... Никто, хотя бы и бывшій профессоръ, не можетъ замѣнить собою въ управленіи университетами коллегіальнаго управленія. Нашъ государственный порядокъ вообще не устраняетъ коллегіальнаго начала въ управленіи дѣлами разныхъ вѣдомствъ; напротивъ, даже при министрахъ установлены особые совѣты... Во всякомъ же случаѣ, если коллегіальное управленіе дѣлами, которыя одинаково близки и интересны всѣмъ членамъ коллегіи, вообще говоря, лучше того управленія ими, которое ведется представителемъ управленія по докладу ему этихъ дѣлъ однимъ, или нѣсколькими случайными докладчиками, то коллегіальное управленіе, очевидно, всего болѣе приличествуетъ дѣламъ, относящимся до университетовъ, такъ какъ университетъ и есть собственно коллегія лицъ, интересующихся дѣломъ науки и всѣмъ, что къ нему относится.

Что же касается до прочихъ функцій власти попечителя округа, то бывшіе профессора университетовъ такъже мало обезпечиваютъ ихъ правильность и цѣлесообразность, какъ и всѣ другія лица, назначаемыя на эту должность. Прежде всего, сама должность поставлена такъ широко, и такъ разновидна по предметамъ и задачамъ, съ которыми лицу, несущему ее, приходится имѣть непосредственное личное и умственное отношеніе, что едва ли даже возможна къ ней какая нибудь дослужебная подготовка. Потому и профессора университета, кажется, ничѣмъ не лучше подготовлены къ должности попечителя, чѣмъ, напримѣръ, лица военнаго званія. Хорошій дѣловой профессоръ,—юристъ ли, кабинетный ученый, или медикъ экспериментаторъ легко могутъ оказаться даже болѣе плохими попечителями, чѣмъ человѣкъ военный. По мнѣнію одного французскаго писателя, юристы именно всего менѣе подготовлены къ веденію учебныхъ дѣлъ, потому что стоятъ позади жизни, изучая то, что уже есть въ ней, а учебное дѣло стоитъ впереди жизни, направляя ее къ тому, что должно быть...

Въ виду всего сказаннаго, управленіе учебными дѣлами по округамъ чрезъ попечителей представляется порядкомъ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ задачѣ самого управленія. Власть, простирающаяся на нѣсколько разнообразныхъ учебныхъ заведеній въ цѣломъ рядѣ губерній, мая къ себѣ лицъ изъ разныхъ общественныхъ круговъ, слишкомъ тяжела для всякаго, кто бы ее ни занималъ, и потому, между прочимъ, вмѣсто внутреннихъ задачъ учебнаго дѣла, она естественно очень часто простирается только на внѣшнія его стороны, и дѣятельность ея ограничивается лишь показнымъ полицейскимъ режимомъ, подъ которымъ учебное дѣло по существу своему вянетъ, атрофируется, превращаясь изъ дѣла живого въ дѣло мертвое какъ въ средѣ учащихъ, такъ и учащихся. Потому было бы, несомнѣнно, цѣлесообразнѣе, если бы управленіе учебными заведеніями по губерніямъ было поручено особымъ губернскимъ совѣтникамъ министерства народнаго просвѣщенія, принципіально по одному въ каждой губерніи, а въ губерніяхъ, гдѣ учебныхъ заведеній разныхъ видовъ много, по два и болѣе. Зато въ нѣкоторыхъ случаяхъ двѣ губерніи или мѣстности могли бы пожалуй быть поручены одному лицу[1]). Вообще сказать, въ устройствѣ учебнаго управленія трудно

[1]) Проэктируемый авторомъ институтъ губернскихъ совѣтниковъ

надѣяться придумать намъ что нибудь лучше того порядка, какой издавна существуетъ въ Германіи. Мы всѣ знаемъ, какую важную услугу оказывали и доселѣ оказываютъ нѣмецкому учебному дѣлу тамошніе шульраты. Точные, но самостоятельные исполнители задачъ учебнаго дѣла, какъ онѣ въ то или другое время, при ихъ же содѣйствіи, устанавливаются центральнымъ или государственнымъ учебнымъ правительствомъ, нѣмецкіе шульраты выносятъ сами и поддерживаютъ учителей выносить на своихъ плечахъ все бремя нѣмецкаго учебнаго дѣла противъ тѣхъ бурь разныхъ случайныхъ мнѣній, которыя безъ нихъ давно повалили бы его въ бездну. Извѣстно, что лучшія педагогическія семинаріи для приготовленія учителей доселѣ были руководимы шульратами. Хотя нѣмецкіе шульраты и теперь стоятъ очень близко къ учителямъ, какъ совѣтники и руководители ихъ, однако въ послѣднее время министерство учебныхъ дѣлъ въ Пруссіи находитъ нужнымъ какъ можно менѣе обременять ихъ заботами о внѣшней сторонѣ учебнаго дѣла въ государствѣ, сосредоточивая ихъ дѣятельность на внутренней. Такъ слѣдовало бы поступать и намъ съ самаго начала учрежденія этого магистрата. Многія дѣла, относящіяся къ внѣшнему благоустройству учебныхъ заведеній, постройки и ремонты, подряды и поставы и проч. могли бы быть въ

министерства просвѣщенія, въ качествѣ постоянныхъ блюстителей и активныхъ руководителей учебнаго дѣла въ губерніи, конечно, весьма симпатиченъ и желателенъ; но только онъ, кажется, вовсе не исключаетъ собою существующаго института попечителей округовъ, а напротивъ требуетъ его, съ одной стороны, какъ своего восполненія чрезъ удержаніе за симъ послѣднимъ всѣхъ тѣхъ функцій, о которыхъ ниже говоритъ самъ авторъ, а съ другой для своего, такъ сказать, завершенія и объединенія, т. е. для достиженія чрезъ него нѣкотораго единства въ основныхъ началахъ, тенденціяхъ и планахъ веденія учебнаго дѣла въ цѣломъ округѣ. А затѣмъ само собою понятно, что и нынѣшніе окружные инспектора не оказались бы излишними въ этомъ новомъ институтѣ. Напротивъ, изъ нихъ-то и могъ бы составиться первый контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства просвѣщенія, для чего пришлось-бы только перемѣнить ихъ титулъ, да расширить кругъ ихъ полномочій и обязанностей.

вѣдѣніи чиновъ общаго губернскаго управленія, а губернскіе совѣтники министерства просвѣщенія должны вѣдать внутреннюю сторону учебнаго дѣла, заключающуюся въ составѣ и ходѣ самого ученія. Чрезъ нихъ министерство должно имѣть сношенія со всѣми учебными заведеніями и, по представленіямъ ихъ, утверждать въ должностяхъ всѣхъ служащихъ въ нихъ, избираемыхъ начальниками учебныхъ заведеній. Наблюдая дѣло въ самомъ его производствѣ, изучая его живыя условія, какъ общія такъ и мѣстныя, они могли бы быть самыми основательными совѣтниками министерства, доставляя министру свѣдѣнія, почерпнутыя изъ постояннаго живого опыта. Въ свою очередь это вело бы къ столь необходимому въ учебномъ дѣлѣ разнообразію мѣръ для достиженія одной цѣли и къ освобожденію его отъ мертвящей униформы и отъ того казеннаго отношенія учителей къ преподаванію учебныхъ предметовъ, которое состоитъ только въ исполненіи программъ.

Контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства долженъ быть составляемъ изъ лицъ, понимающихъ задачи учебнаго дѣла и преданныхъ ему, доказавшихъ на дѣлѣ, или учеными трудами, свое самостоятельное и правильное о немъ сужденіе. Таковыми лицами могутъ быть бывшіе директоры и учители гимназій, профессора университетовъ, равно учебныя лица военнаго сословія, бывшіе воспитанники духовной академіи и другіе. Во всякомъ случаѣ можно смѣло надѣяться, что этотъ магистратъ, поставленный въ служебной іерархіи ниже теперешнихъ попечителей округовъ и выше окружныхъ инспекторовъ, какъ дѣйствующій самостоятельно, не привлекая къ себѣ лицъ изъ высшихъ общественныхъ круговъ и другихъ лицъ случайныхъ, самъ создастъ въ учебномъ нашемъ мірѣ соотвѣтствующій себѣ контингентъ лицъ, которые будутъ готовиться къ ней, изучая учебное дѣло по существу и исторически, а не знакомясь съ нимъ только на службѣ.

При такомъ порядкѣ учебнаго управленія, университеты должны получить приличествующую имъ и необходимую для нихъ автономію, которая должна выражаться какъ въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ жизни университетовъ, такъ преимущественно въ выборѣ внутреннихъ властей и въ непосредственномъ сношеніи по своимъ дѣламъ съ министерствомъ чрезъ выборнаго ректора. Гимназіи и другія подобныя учебныя заведенія должны получить каждая личную педагогическую силу въ болѣе само-

стоятельномъ управленіи директора, ири благотворномъ руководствѣ министерскаго совѣтника[1]). Тогда онѣ перестанутъ быть тѣми безличными, отличающимися одно отъ другаго только по номерамъ, этапами по пути нашего юношества къ университетскому ученію, какими онѣ остаются доселѣ, живя и дѣйствуя большею частію по буквѣ мертвыхъ канцелярскихъ циркуляровъ.

---

[1]) Кажется, что обѣ эти да и всѣ другія рекомендуемыя авторомъ мѣры для поднятія, оживленія и процвѣтанія учебнаго дѣла, едвали дадутъ желаемые блистательные результаты безъ нѣкотораго подспорья имъ со стороны окружающей школу среды, изъ себя же ее выдѣляющей, тоесть, общества, среди котораго школа дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ подспорьемъ моглобы, кажется, служить учрежденіе по возможности при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ при реальныхъ училищахъ, такъ и при гимназіяхъ такихъ училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входилибы и лица постороннія по отношенію къ школѣ,—конечно, прежде всего такіе, которые компетентны въ теоріи и въ практикѣ ученія и воспитанія, а потомъ и вообще лица, мнѣнія которыхъ могутъ быть въ томъ или другомъ отношеніи цѣнны и полезны для школы. Это учрежденіе уже тѣмъ было бы хорошо, что постепенно ослабилобы существующій антагонизмъ между школою и семьею, часто слишкомъ ужъ раздуваемый нашею прессою. Но отъ него можно ожидать и нѣкотораго прямого благотворнаго воздѣйствія на жизнь школы—и на постановку въ ней ученія, и въ особенности на нравственную, на воспитательную въ ней сторону. Зачатокъ такихъ училищныхъ совѣтовъ давно уже есть въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и существуютъ они тамъ не безъ пользы. Возникли они даже тамъ не смотря на то, что тамъ въ училищахъ съ учащихся духовнаго званія совсѣмъ не взимаютъ платы за ученіе. Тѣмъ болѣе умѣстно и законно участіе въ дѣлахъ школы того общества, члены котораго воспитываютъ въ ней своихъ дѣтей не даромъ, а за плату, и если между ними найдутся такіе, которые могутъ принести нѣкоторую пользу школѣ своимъ добрымъ вліяніемъ, своими разумными совѣтами, указаніями, предостереженіями и т. п., то даже грѣшно не привлечь ихъ къ столь великому святому дѣлу.

вѣдѣніи чиновъ общаго губернскаго управленія, а губернскіе совѣтники министерства просвѣщенія должны вѣдать внутреннюю сторону учебнаго дѣла, заключающуюся въ составѣ и ходѣ самого ученія. Чрезъ нихъ министерство должно имѣть сношенія со всѣми учебными заведеніями и, по представленіямъ ихъ, утверждать въ должностяхъ всѣхъ служащихъ въ нихъ, избираемыхъ начальниками учебныхъ заведеній. Наблюдая дѣло въ самомъ его производствѣ, изучая его живыя условія, какъ общія такъ и мѣстныя, они могли бы быть самыми основательными совѣтниками министерства, доставляя министру свѣдѣнія, почерпнутыя изъ постояннаго живого опыта. Въ свою очередь это вело бы къ столь необходимому въ учебномъ дѣлѣ разнообразію мѣръ для достиженія одной цѣли и къ освобожденію его отъ мертвящей униформы и отъ того казеннаго отношенія учителей къ преподаванію учебныхъ предметовъ, которое состоитъ только въ исполненіи программъ.

Контингентъ губернскихъ совѣтниковъ министерства долженъ быть составляемъ изъ лицъ, понимающихъ задачи учебнаго дѣла и преданныхъ ему, доказавшихъ на дѣлѣ, или учеными трудами, свое самостоятельное и правильное о немъ сужденіе. Таковыми лицами могутъ быть бывшіе директоры и учители гимназій, профессора университетовъ, равно учебныя лица военнаго сословія, бывшіе воспитанники духовной академіи и другіе. Во всякомъ случаѣ можно смѣло надѣяться, что этотъ магистратъ, поставленный въ служебной іерархіи ниже теперешнихъ попечителей округовъ и выше окружныхъ инспекторовъ, какъ дѣйствующій самостоятельно, не привлекая къ себѣ лицъ изъ высшихъ общественныхъ круговъ и другихъ лицъ случайныхъ, самъ создастъ въ учебномъ нашемъ мірѣ соотвѣтствующій себѣ контингентъ лицъ, которые будутъ готовиться къ ней, изучая учебное дѣло по существу и исторически, а не знакомясь съ нимъ только на службѣ.

При такомъ порядкѣ учебнаго управленія, университеты должны получить приличествующую имъ и необходимую для нихъ автономію, которая должна выражаться какъ въ нѣкоторыхъ другихъ формахъ жизни университетовъ, такъ преимущественно въ выборѣ внутреннихъ властей и въ непосредственномъ сношеніи по своимъ дѣламъ съ министерствомъ чрезъ выборнаго ректора. Гимназіи и другія подобныя учебныя заведенія должны получить каждая личную педагогическую силу въ болѣе само-

стоятельномъ управленіи директора, при благотворномъ руководствѣ министерскаго совѣтника[1]). Тогда онѣ перестанутъ быть тѣми безличными, отличающимися одно отъ другаго только по номерамъ, этапами по пути нашего юношества къ университетскому ученію, какими онѣ остаются доселѣ, живя и дѣйствуя большею частію по буквѣ мертвыхъ канцелярскихъ циркуляровъ.

---

[1]) Кажется, что обѣ эти да и всѣ другія рекомендуемыя авторомъ мѣры для поднятія, оживленія и процвѣтанія учебнаго дѣла, едвали дадутъ желаемые блистательные результаты безъ нѣкотораго подспорья имъ со стороны окружающей школу среды, изъ себя же ее выдѣляющей, тоесть, общества, среди котораго школа дѣлаетъ свое дѣло. Такимъ подспорьемъ моглобы, кажется, служить учрежденіе по возможности при всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ какъ при реальныхъ училищахъ, такъ и при гимназіяхъ такихъ училищныхъ совѣтовъ, въ составъ которыхъ, съ правомъ совѣщательнаго голоса, входилибы и лица постороннія по отношенію къ школѣ,—конечно, прежде всего такіе, которые компетентны въ теоріи и въ практикѣ ученія и воспитанія, а потомъ и вообще лица, мнѣнія которыхъ могутъ быть въ томъ или другомъ отношеніи цѣнны и полезны для школы. Это учрежденіе уже тѣмъ было бы хорошо, что постепенно ослабилобы существующій антагонизмъ между школою и семьею, часто слишкомъ ужъ раздуваемый нашею прессою. Но отъ него можно ожидать и нѣкотораго прямого благотворнаго воздѣйствія на жизнь школы—и на постановку въ ней ученія, и въ особенности на нравственную, на воспитательную въ ней сторону. Зачатокъ такихъ училищныхъ совѣтовъ давно уже есть въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, и существуютъ они тамъ не безъ пользы. Возникли они даже тамъ не смотря на то, что тамъ въ училищахъ съ учащихся духовнаго званія совсѣмъ не взимаютъ платы за ученіе. Тѣмъ болѣе умѣстно и законно участіе въ дѣлахъ школы того общества, члены котораго воспитываютъ въ ней своихъ дѣтей не даромъ, а за плату, и если между ними найдутся такіе, которые могутъ принести нѣкоторую пользу школѣ своимъ добрымъ вліяніемъ, своими разумными совѣтами, указаніями, предостереженіями и т. п., то даже грѣшно не привлечь ихъ къ столь великому святому дѣлу.

А. Покровскій.

О „Введеніи въ исторію Греціи"

проф. В. П. Бузескула.

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1903.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

Директоръ *Ф. Гельбке*.

О книгѣ: Введеніе въ исторію Греціи. Лекціи проф. В. Бузескула. Харьковъ. 1903.

Рефератъ, читанный въ засѣданіи Историко-филологическаго Общества при Институтѣ Князя Безбородко въ іюнѣ 1903 г.

«Введеніе въ исторію Греціи» проф. В. П. Бузескула состоитъ изъ двухъ «частей»: первая часть содержитъ въ себѣ систематическій, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ и историческій, *обзоръ источниковъ* греческой исторіи; вторая часть представляетъ собою историческое «обозрѣніе пособій» по греческой исторіи, «или, точнѣе, *очеркъ разработки греческой исторіи* въ новое время, преимущественно *въ XIX в.*» (295) [1])

Обзоры источниковъ и пособій по исторіи древнихъ еллиновъ, составленные съ такою выдающеюся добросовѣстностью и тщательностью, какъ эти обзоры проф. Бузескула, могутъ быть полезными и для ученыхъ-спеціалистовъ; для не-спеціалистовъ же—для образованныхъ читателей, для преподавателей исторіи и классической филологіи, для студентовъ-филологовъ, для будущихъ (т. е. начинающихъ) спеціалистовъ — такіе обзоры не только полезны, но и прямо необходимы: обзоръ «пособій» поможетъ имъ разобраться въ наличномъ состояніи научной разработки греческой исторіи, въ относительныхъ достоинствахъ налич-

[1]) Слова напечатанныя здѣсь курсивомъ передаютъ—не совсѣмъ точныя—заглавія частей „Введенія".—Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы разбираемой книги.

ныхъ ея изложеній; важнѣйшее—единственное по своему значенію—средство для сколько-нибудь сознательнаго отношенія къ этимъ изложеніямъ сообщить имъ обзоръ источниковъ, который покажетъ имъ, на чемъ основываются или могутъ основываться всѣ вообще наши свѣдѣнія по исторіи древнихъ еллиновъ. Для кого не полная тайна значеніе древнихъ еллиновъ въ общей экономіи человѣческой культуры, и кто дорожитъ тѣмъ, чтобы оно не было тайной и для другихъ, или кто, самъ работая надъ изученіемъ исторіи древнихъ еллиновъ, помогаетъ другимъ работать надъ этимъ изученіемъ, тотъ не можетъ не считать новаго труда проф. Бузескула поистинѣ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ русской научно-популярной и научно-учебной литературы,—тѣмъ болѣе что въ ея составѣ до сихъ поръ не существовало не только обзоровъ сколько-нибудь подобныхъ обзорамъ проф. Бузескула, но и вообще никакихъ обзоровъ источниковъ и пособій по греческой исторіи, а сколько-нибудь полнаго «обозрѣнія пособій, или очерка разработки греческой исторіи» не имѣетъ даже нѣмецкая литература (IV) [1]. Къ этому надо прибавить, что обзоры проф. Бузескула изложены необыкновенно ясно, просто и общедоступно [2].

Такое выдающееся значеніе книги проф. Бузескула заставляетъ «рецензента» [3]) распространяться не столько о достоинствахъ, сколько о недостаткахъ этого въ высшей степени почтеннаго и цѣннаго труда. Достоинства его слишкомъ уже очевидны и достаточно говорятъ за себя сами; любой читатель легко оцѣнитъ ихъ—и оцѣнитъ очень высоко—безъ всякой посторонней помощи. Къ тому же, такая книга, какъ «Введеніе»,

---

[1]) Краткіе—недостаточно, къ сожалѣнію, использованные г. Бузескуломъ—очерки разработки греческой исторіи даны въ послѣднее время J. Kaerst'омъ (Die Geschichte des Altertums im Zusammenhange der allgemeinen Entwickelung der modernen historischen Forschung, въ *N. Iahrbb. f. d. kl. Altertum* u. s. w. IX., 1902, 32 ff., и *R. Pöhlmann*'омъ (Griechische Geschichte im neunzehnten Jahrhuudert, Festrede, München 1902). Не вполнѣ тщательно использовалъ г. Бузескулъ и книгу *A. Bauer* Die Forschungen zur Griechichen Geschichte 1888—1898 (München 1899), которой онъ вообще много обязанъ—между прочимъ отчасти, повидимому, и нѣкоторыми несовершенствами порядка изложенія въ отдѣлѣ обзора источниковъ объ „историкахъ“.

[2]) Слѣдуетъ отмѣтить и то, что издано «Введеніе» превосходно, съ полной заботливостью объ удобствахъ читателей, въ томъ числѣ и тѣхъ, которые „смотрятъ на подобнаго рода обзоры, какъ на справочную книгу“.

[3]) Названіе: рецензія нельзя, конечно, не считать слишкомъ громкимъ въ примѣненіи къ нижеслѣдующимъ отрывочнымъ замѣчаніямъ о нѣкоторыхъ болѣе общаго характера недостаткахъ «Введенія», главнымъ образомъ первой—наиболѣе важной—его части.

могла быть написана лишь подвижникомъ науки, человѣкомъ не словъ, а дѣла,—такъ что и самому автору ея гораздо больше можно угодить, конечно, не восхваленіемъ ея совершенствъ, а указаніемъ ея недочетовъ[1]).

1.

Въ Предисловіи уважаемый авторъ «Введенія въ исторію Греціи» въ слѣдующихъ выраженіяхъ разъясняетъ цѣли, какими онъ задавался: «на рубежѣ истекшаго XIX и новаго XX стол. мнѣ казалось особенно умѣстнымъ и полезнымъ обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ какъ въ видѣ источниковъ, такъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи, и, такъ сказать, подвести итогъ,—показать, что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ этой исторіи, какъ мѣнялись точки зрѣнія и направленія въ ея изученіи; мнѣ хотѣлось дать очеркъ исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи, изобразить то движеніе, которое происходило въ этой области, обозрѣть великія открытія за послѣднія десятилѣтія и проч.; на подобнаго рода обзоры я смотрю не только какъ на справочную книгу, но и какъ на главы изъ исторіи нашей науки, какъ на страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.» (III).

Итакъ, г. Бузескулъ хочетъ не только «обозрѣть тотъ матеріалъ, которымъ, въ видѣ источниковъ и въ видѣ пособій, располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ дать и «главы изъ исторіи науки, страницы изъ исторіи умственной жизни древности и XIX в.», а «не справочную только книгу»; онъ хочетъ также «показать, на рубежѣ XIX и XX стол., что сдѣлалъ минувшій вѣкъ по разработкѣ греческой исторіи». Иными словами, авторъ одновременно преслѣдуетъ въ своемъ трудѣ какъ практическія, такъ и теоретическія, какъ общія, или основныя, такъ и частныя, или случайныя цѣли. Но совмѣстное преслѣдованіе столь различныхъ цѣлей едва-ли

---

[1]) Мало того,—это указаніе недочетовъ можетъ даже оказаться не только болѣе угоднымъ, но и болѣе пригоднымъ для автора: хотѣлось бы не сомнѣваться въ томъ, что «Введеніе» найдетъ себѣ столько читателей и почитателей, что въ скоромъ времени оно окажется—подобно «Периклу» «того же автора»—«распроданнымъ», и тогда потребуется новое его изданіе; а трудолюбіе и трудоспособность автора ручаются за то, что это новое изданіе «Введенія» будетъ изданіемъ не только дополненнымъ, но и исправленнымъ...

возможно не только безъ взаимнаго для нихъ ущерба, но и безъ ущерба для самаго дѣла. Эта неотчетливость—точнѣе сказать раздвоенность—въ постановкѣ основной задачи (или основныхъ задачъ) «Введенія» должна была, конечно, болѣе или менѣе невыгодно отразиться на общей его цѣльности. Правда, отожествленіе «обозрѣнія пособій» съ «очеркомъ разработки греческой исторіи» могло и не обусловливать собою слишкомъ значительнаго ущерба для дѣла: въ области тѣхъ фактовъ и вопросовъ, которые подлежали разсмотрѣнію въ этой (второй) части «Введенія», координація сравнительно легко могла переходить въ субординацію,—иногда онѣ даже могли совпадать одна съ другою; систематическое и историческое изложеніе могли здѣсь уживаться вмѣстѣ сравнительно спокойно и мирно; страницы «справочной книги» безъ особенныхъ усилій или насилій могли смѣняться или замѣняться «страницами умственной жизни XIX в.»[1]). Не слишкомъ уже большой ущербъ для дѣла могъ получиться и отъ того, что, писанный на рубежѣ XIX и XX столѣтій, «обзоръ пособій, или очеркъ разработки греческой исторіи» ограничивался «преимущественно XIX вѣкомъ»: на количествѣ дефектовъ въ «справочной книгѣ» это ограниченіе едва-ли могло отразиться сколько-нибудь чувствительнымъ образомъ, а важнѣйшія изъ «главъ» или «страницъ» исторіи «умственной жизни», или «исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи», во всякомъ случаѣ могли остаться въ нашемъ распоряженіи,—тѣмъ болѣе что свой «Очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX вѣкѣ» авторъ начинаетъ съ замѣчаній объ «ученыхъ XVI—XVII в., о Вико и о новомъ Возрожденіи классической древности» (298—302), а заканчиваетъ XX вѣкомъ. Больше—и къ большему ущербу для дѣла—должна была сказаться двойственность поставленной себѣ авторомъ задачи—въ первой части «Введенія», въ «обзорѣ источниковъ». Ближайшее назначеніе обзора источниковъ греческой исторіи—чисто практическое: главная задача его—ознакомленіе со всею, по возможности, наличностью дошедшихъ до насъ (такими или иными путями) остатковъ или слѣдовъ

---

[1]) Объясняется это прежде всего тѣмъ, что если „источники—по вѣрному замѣчанію г. Бузескула—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны" (2), то этого чрезвычайнаго разнообразія не представляютъ собою пособія, или—лучше сказать—разнообразіе пособій далеко не столь существенно (т. е. далеко не имѣетъ столь существеннаго значенія для „сколько нибудь серьезно изучающаго исторію"), какъ разнообразіе источниковъ.

самой исторіи древнихъ еллиновъ, а также современнныхъ ей внѣшнихъ о ней свидѣтельствъ; слѣды же эти—не говоря уже о свидѣтельствахъ—«чрезвычайно разнообразны». Поэтому обзоръ источниковъ прежде всего долженъ представлять собою не столько цѣльное, сколько полное описаніе этихъ разнообразныхъ слѣдовъ (т. е. ихъ группъ). Конечно, составителю такого обзора пришлось бы встрѣтиться съ значительными теоретическими трудностями уже при опредѣленіи такихъ понятій. какъ «исторія Греціи» (т. е. понятій: «исторія» и «Греція») или «историческій источникъ», а затѣмъ и при классификаціи самихъ источниковъ греческой исторіи; дальнѣйшія теоретическія затрудненія принесла бы ему необходимость считаться какъ съ количественнымъ, такъ и съ качественнымъ, какъ съ статическимъ, такъ и съ динамическимъ значеніемъ наличныхъ источниковъ. Достаточно и этихъ теоретическихъ затрудненій (къ которымъ неизбѣжно долженъ присоединиться цѣлый рядъ затрудненій практическихъ), чтобы не стараться добровольно увеличивать ихъ количество,—какъ поступаетъ проф. Бузескулъ, когда рядомъ съ задачей «обозрѣть тотъ разнообразный матеріалъ, которымъ въ видѣ источниковъ располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», онъ ставитъ себѣ другую задачу—дать «страницы изъ исторіи умственной жизни древности». Безспорно, болѣе чѣмъ желательны—между прочимъ и въ видахъ лучшаго уясненія нашихъ источниковъ греческой исторіи—такія «страницы»; но, вѣдь, строго говоря, это будутъ лишь страницы изъ исторіи греческой литературы (въ частности—исторіографіи), рядомъ съ которыми могли бы быть поставлены страницы исторіи греческаго языка и греческаго искусства, или страницы исторіи монетнаго и архивнаго дѣла у грековъ. Сколько бы ни было общаго у такихъ страницъ съ обзоромъ источниковъ, но, по своему назначенію, а стало быть и значенію, онѣ будутъ не страницами обзора историческихъ источниковъ, а страницами самой исторіи, и различіе между тѣми и другими страницами будетъ такое же, какое—правда, только теоретически—существуетъ, напримѣръ, между археологіею и исторіею искусства: одни и тѣже вещественные памятники изучаются обѣими этими дисциплинами; но если для одной изъ нихъ они служатъ цѣлью, то для другой—лишь средствомъ (точнѣе—однимъ изъ средствъ) изученія.

2.

Если уже совмѣстное преслѣдованіе нѣсколькихъ столь-различныхъ

цѣлей не могло не вести къ нарушенію общей цѣльности „Введенія“, то цѣльность эта должна была подвергнуться нѣкоторому испытанію и отъ того, что „подводя“ свой „итогъ“ на рубежѣ истекшаго и новаго столѣтій, авторъ „Введенія“ чувствовалъ потребность опредѣлить свои отношенія къ „обществу“ начинающагося столѣтія. Такъ какъ онъ не могъ, конечно, позволить себѣ „стать наравнѣ съ вѣкомъ“, то желаніе его свести счеты съ современнымъ „обществомъ“ не могло не смущать его спокойствія—и повидимому не тогда только, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ свои лекціи“, но и тогда, когда онъ обработывалъ ихъ для печати. „Не безъ колебаній—пишетъ онъ въ Предисловіи—выпускаю я въ свѣтъ свои лекціи, посвященныя изученію столь непопулярной въ нашемъ обществѣ греческой древности. Но между тѣмъ классицизмомъ или, вѣрнѣе, грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго, и нельзя антипатіи къ первому переносить на изученіе античнаго міра вообще, тѣмъ болѣе, что именно въ настоящее время это изученіе вступаетъ на новый путь—разработки съ болѣе широкой точки зрѣнія; въ области древнегреческой исторіи, равно какъ и исторіи древняго Востока, совершаются такія открытія и такое движеніе, какъ ни въ одной другой сферѣ современнаго историческаго знанія“... (V).

Эти „колебанія“ уважаемаго автора „Введенія въ исторію Греціи“ кажутся намъ совершенно напрасными; не совсѣмъ понятны, по крайней мѣрѣ, мотивы этихъ колебаній. „Общество“ можетъ-быть и имѣетъ свои основанія питать антипатію къ греческой древности чрезъ посредство своего классицизма, или грамматизма; но вся логика этихъ основаній не сводится-ли къ отожествленію теоретическихъ моментовъ съ практическими, или даже къ подмѣнѣ первыхъ послѣдними? А если такого рода логическія операціи не считать обязательными и для профессора греческой исторіи, то казалось-бы, что, разъ имъ констатирована „антипатія общества“ къ предмету его научныхъ занятій, то тѣмъ меньше должно быть у него „колебаній“ при „выпусканіи въ свѣтъ своихъ лекцій“, и тѣмъ меньше долженъ онъ быть склоннымъ дѣлать—хоть самую незначительную—уступку господствующимъ въ обществѣ насчетъ его предмета предразсудкамъ или смѣшеніямъ понятій. А на такую именно уступку идетъ, повидимому, проф. Бузескулъ, когда утверждаетъ, что „между тѣмъ классицизмомъ, или вѣрнѣе грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію, и научною исторіею Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго“. Неужели дѣйствительно „нѣтъ

ничего общаго"? Я думаю, напротивъ, что это „общее" существуетъ,— что этимъ „общимъ" служилъ и служитъ именно „классицизмъ или грамматизмъ", — только, конечно, не „тотъ, который вызвалъ къ себѣ такую антипатію общества", точнѣе — не въ той своей формѣ или не въ томъ своемъ примѣненіи.

Эти мои замѣчанія могутъ показаться слишкомъ уже мелочными и придирчивыми. Такими кажутся они и мнѣ; но я все-таки рѣшаюсь не оставлять ихъ при себѣ, потому что это мое не совсѣмъ спокойное отношеніе къ словамъ проф. Бузескула опредѣлялось мотивами, кажется, не совсѣмъ случайнаго характера. Какъ самыя „колебанія", такъ и объясненія по поводу этихъ „колебаній" проф. Бузескула чрезвычайно характерны потому, что они лишній-разъ подчеркиваютъ собою то далеко не случайное недоразумѣніе, которое дѣлитъ „общество" и ученыхъ на два враждебныхъ лагеря. Разумѣется, общество и ученые и должны представлять собою два лагеря; но лагери эти не должны быть враждебными одинъ другому; напротивъ, врагъ у нихъ долженъ быть общій (невѣжество во всѣхъ его видахъ и формахъ), и, какъ бы ни были различны интересы, симпатіи и антипатіи обоихъ лагерей, между ними должны существовать постоянныя дружественныя сношенія, основанныя прежде всего на уваженіи правъ того и другого лагеря; въ лагерѣ ученыхъ одинъ отрядъ составляется изъ посвятившихъ себя спеціально изученію античнаго міра, будутъ-ли то филологи, или историки,—причемъ между тѣми и другими comilitones (такъ же, какъ и между всѣми вообще отрядами, на какіе можетъ дѣлиться лагерь ученыхъ) должны существовать тѣ же основанныя на взаимномъ уваженіи отношенія, что и между обоими лагерями. Дѣйствительность „на рубежѣ истекшаго и новаго столѣтій" слишкомъ мало, конечно, соотвѣтствуетъ такого рода στρατοπέδου (или στρατοπέδων) πολιτείᾳ и вытекающимъ изъ нея νόμοις. Такъ, въ „обществѣ" преобладаетъ, напримѣръ, по вѣрному наблюденію проф. Бузескула, антипатія не только къ „грамматизму или классицизму", но и къ „греческой древности"; въ такомъ случаѣ ученые и должны придти къ обществу на помощь,—какъ это и сдѣлалъ, съ своей стороны, проф. Бузескулъ; но помощь эту должны они подать, при первой возможности, безъ всякихъ уже „колебаній"; съ неослабѣвающею энергіею должны они выяснять—и не въ формѣ лишь афоризмовъ,—что не можетъ быть достаточно культурнымъ то общество, которое не желаетъ отдавать себѣ отчета въ томъ значеніи, какое имѣла и имѣетъ въ общей экономіи человѣческой культуры культура древнихъ еллиновъ, что не

можетъ быть достаточно культурнымъ то общество, которое считаетъ для себя излишнимъ знакомство съ древнеэллинской культурой. Не такъ проста, конечно, и эта задача—обстоятельно уяснить, почему именно „общество" должно имѣть не только въ своемъ оборотѣ, но и въ своемъ основномъ фондѣ извѣстную сумму возможно-отчетливыхъ представленій о томъ—„чтó для насъ греки" [1]). Но неизмѣримо труднѣе ея другая задача—точно опредѣлить самую эту сумму. Не говоря уже о чрезвычайной сложности этой задачи по самому ея содержанію, при рѣшеніи ея пришлось бы считаться, между прочимъ, и съ тѣмъ субъективизмомъ, который—если дать ему просторъ—раздѣлилъ-бы нашъ „лагерь ученыхъ" на двѣ партіи: ученые спеціально работающіе надъ изученіемъ античнаго міра невольно тяготѣли бы въ сторону максимальной суммы, а остальные ученые, такъ же, какъ и „общество",—въ сторону минимальной суммы. Но допустимъ, что удалось бы (насколько вообще это мыслимо) устранить этотъ субъективизмъ; въ такомъ случаѣ въ вѣрномъ рѣшеніи той задачи, въ точномъ опредѣленіи той суммы прежде всего и больше всего заинтересованы были бы, разумѣется, ученые работающіе надъ изученіемъ античнаго міра. Казалось бы, что хоть ради этой цѣли, если уже не ради большей успѣшности своей работы вообще, должны были бы они не только устойчивѣе организоваться, но и тѣснѣе сплотиться и крѣпче держаться другъ за друга: къ пользѣ дѣла можетъ служить, конечно, если *ἄλλος ἄλλοισιν ἀνὴρ ἐπιτέρπεται ἔργοις* (*ἄλλος ἄλλῳ χαρδίην ἰαίνεται*), но не можетъ служить къ пользѣ дѣла, если *καὶ κεραμεὺς κεραμεῖ κοτέει καὶ τέκτονι τέκτων, καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει καὶ ἀοιδὸς ἀοιδῷ*. Дѣйствительность и здѣсь, однако, очень мало соотвѣтствуетъ желательному порядку вещей; иной разъ приходится тутъ даже желать избавленія не столько отъ враговъ, сколько отъ друзей,—когда, напримѣръ, филологъ, вообще съ полнѣйшимъ дружелюбіемъ относящійся къ историкамъ, полагаетъ, что акрибія есть лишь предметъ роскоши для историка древняго міра, а историкъ, въ свою очередь, полагаетъ, что акрибія есть предметъ первой необходимости лишь для филолога. [2]) Я опасаюсь, что именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ могутъ быть поняты или истолкованы слова проф. Бузескула, что „между тѣмъ классицизмомъ или грамматизмомъ, который вызвалъ къ себѣ такую

---

[1]) Ср. *P. Natorp,* Was uns die Griechen sind. (Rede) Marburg 1901.

[2]) Здѣсь имѣются въ виду кое-какіе факты изъ только что переставшаго быть настоящимъ прошлаго русской науки.

антипатію, и научной исторіей Греціи и Рима нѣтъ ничего общаго",— тѣмъ болѣе, что кое-какія основанія для такого пониманія или толкованія этихъ словъ можно было-бы найдти и въ самомъ „Введеніи". Въ той его части, которая посвящена „разработкѣ греческой исторіи въ XIX в.", мы почти не встрѣчаемъ прямыхъ разъясненій о классической филологіи,—о ея громадной роли (прежде всего, конечно, положительной, но отчасти и отрицательной), о ея громадныхъ заслугахъ въ исторіи разработки греческой исторіи. Но даже и въ „обзорѣ источниковъ" собственно-филологическая сторона дѣла представлена очень недостаточно; чисто внѣшнимъ образомъ выразилось это въ болѣе нежели скудномъ примѣненіи въ книгѣ греческаго шрифта[1]). Возможно, конечно, что, издавая свои лекціи, авторъ имѣлъ въ виду и чувствующихъ непреодолимую „антипатію къ грамматизму" или даже и совсѣмъ не имѣющихъ ничего общаго съ „грамматизмомъ" читателей; но ему слѣдовало расчитывать прежде всего на такихъ читателей, которые способны понять, что историческая работа должна идти рука объ руку съ филологической[2]), что историческое изслѣдованіе или изученіе невозможно безъ изслѣдованія или изученія филологическаго.

3.

Впрочемъ не исключительно готовностью сдѣлать хоть какую-нибудь уступку „обществу" съ его антипатіей къ классицизму или грамматизму (лишь-бы оно не „переносило этой антипатіи и на изученіе античнаго міра вообще") объясняется это не достаточно пристальное вниманіе нашего автора къ филологическому методу, какъ онъ долженъ быть примѣняемъ при ознакомленіи съ источниками греческой исторіи, и какъ онъ примѣнялся при разработкѣ этой исторіи. Здѣсь сказалась также и другая принципіальная,—можно сказать даже, наиболѣе характерная—особенность „Введенія", а именно наблюдаемое не только во

---

[1]) Съ этой же точки зрѣнія характерна недостаточная отчетливость большинства библіографическихъ указаній „Введенія" касающихся изданій греческихъ писателей. Нерѣдко заставляютъ желать большей тщательности и приводимые во „Введеніи" переводы греческихъ текстовъ.

[2]) Г. Бузескулъ утверждаетъ только, что „въ области изученія древности филологи и историки могутъ и должны идти рука объ руку"; но изъ его аргументаціи этого положенія (513) видно, что и онъ держится того мнѣнія, что историкъ долженъ быть отчасти и филологомъ.

второй его части, но и на всемъ его протяженіи нѣкоторое перемѣщеніе (но, конечно, не перенесеніе) центра тяжести отъ источниковъ къ пособіямъ. Болѣе чѣмъ страннымъ можетъ показаться это мое указаніе на перемѣщеніе центра тяжести въ сторону пособій въ книгѣ, бо́льшая половина которой (295 страницъ изъ 514) посвящена „обзору источниковъ". Но, повидимому, перемѣщеніе это происходило, или производилось не только не безъ вѣдома, но и по доброй волѣ автора: недаромъ и источники, и пособія онъ называетъ „видами того матеріала, которымъ располагаетъ наука по части греческой исторіи", недаромъ онъ пишетъ, что источники служатъ лишь „исходнымъ (а не центральнымъ) пунктомъ, первоосновою (а не единственною основою) нашихъ свѣдѣній,—откуда свѣдѣнія эти проистекаютъ, берутъ свое начало", причемъ опредѣленіе „понятія объ источникахъ" предваряется (т. е. вводится) такимъ положеніемъ: „всякій сколько-нибудь серьезно изучающій исторію не долженъ довольствоваться руководствами и вообще новѣйшею литературою по интересующему его вопросу,—онъ долженъ обращаться къ самымъ источникамъ" (2). Конечно, эти и имъ подобныя заявленія автора слѣдовало-бы считать простыми обмолвками или недомолвками,—если бы интересъ къ „новѣйшей литературѣ, такъ называемымъ пособіямъ", (2) не доминировалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ надъ всѣмъ вообще содержаніемъ и изложеніемъ „Введенія". Самый поверхностный просмотръ „Введенія" немедленно обличаетъ въ авторѣ не только выдающагося знатока, но и прямого любителя „литературы пособій"; какъ въ обзорѣ источниковъ онъ непремѣнно отмѣчаетъ всѣ по возможности пособія для ознакомленія съ отдѣльными источниками, такъ и въ обзорѣ пособій онъ непремѣнно указываетъ всѣ по возможности пособія для ознакомленія съ отдѣльными пособіями; въ Предисловіи и въ Добавленіяхъ (515—519) онъ касается библіографическихъ преимущественно недочетовъ „Введенія". И если иной читатель „Введенія" почувствуетъ, можетъ быть, нѣкоторую неполноту въ трактованіи того или другого вопроса со стороны филологической, то со стороны библіографической трактованіе или изложеніе вполнѣ удовлетворитъ, вѣроятно, даже самыхъ взыскательныхъ на этотъ счетъ читателей, и конечно даже и имъ не придется много жалѣть о томъ, что составитель „Введенія" „не стремился къ исчерпывающей полнотѣ библіографическихъ указаній" (IV). Авторъ этой „рецензіи" по принципіальнымъ соображеніямъ[1])

---

[1]) Man ist in Gefahr sich auf dem Wege zur Wahrheit zu verirren, wenn man

не принадлежить къ числу слишкомъ взыскательныхъ по части полноты библіографіи читателей: тѣмъ больше у него основаній прямо изумляться проявленнымъ въ этой области энергіи и трудолюбію автора „Введенія", который, кажется, съ полнымъ правомъ могъ бы претендовать на титулъ Χαλκέντερος—только на этотъ разъ не за сопоставленіе и разъясненіе греческихъ текстовъ, а за собираніе научной литературы по поставленнымъ или затронутымъ въ его книгѣ вопросамъ. Обстоятельность и точность его библіографическихъ указаній не оставляютъ желать почти ничего бóльшаго, какъ не оставляетъ желать почти ничего лучшаго и сознательность выбора, или выборовъ, какіе приходилось дѣлать автору, поскольку онъ не могъ „стремиться къ исчерпывающей полнотѣ библіографическихъ указаній". „Нѣкоторыхъ книгъ и статей изъ приводимыхъ мною—заявляетъ авторъ—я не могъ имѣть подъ рукою, и, чтобы дать необходимыя справки и указанія, иногда приходилось ссылаться изъ вторыхъ рукъ" (IV); но по всѣмъ признакамъ этихъ „нѣкоторыхъ книгъ и статей" было сравнительно слишкомъ немного,—сколько-нибудь значительныя книги и статьи почти всѣ, очевидно, были у него „подъ рукою". Само собою разумѣется, что г. Бузескулъ не имѣлъ никакой возможности познакомить читателей „Введенія" одинаково близко съ каждымъ изъ извѣстныхъ ему авторовъ книгъ или статей по греческой исторіи, что не всегда знакомство это могло идти дальше фамиліи автора (съ иниціалами имени-отчества) и заглавія книги или статьи; но авторы всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ книгъ или статей не ограничиваются уже этими, такъ сказать, визитными карточками, а наносятъ читателямъ „Введенія" непремѣнно уже личные визиты,—конечно, не слишкомъ продолжительные,—встрѣчаясь тутъ обыкновенно съ другими лицами своего круга, имѣющими тѣ же, что и они, интересы, поднимающими тѣ же вопросы и высказывающими по этимъ вопросамъ или одинаковыя, или не одинаковыя мнѣнія; читатель присутствуетъ такимъ образомъ при этомъ обмѣнѣ мнѣній или мнѣніями, которымъ руководитъ, естественно, самъ составитель „Введенія",—причемъ предъ глазами читателя проходитъ настолько длинная вереница изслѣдователей греческой исторіи съ ея источниковѣдѣніемъ, что если онъ и успѣваетъ ознакомиться со всѣми сколько-нибудь значительными ихъ мнѣніями по тому или другому вопросу, то, конечно,

---

sich um gar keine Vorgänger kümmert, und man versäumt sich ohne Noth, wenn man sich um alle bekümmern will (слова Лессинга).

не успѣваетъ ознакомиться со всѣми аргументами или мотивами этихъ мнѣній; но требовать, чтобы каждое изъ этихъ мнѣній представлено было во всѣхъ подробностяхъ, значило бы совершенно уже не щадить силъ ни читателей, ни составителя «Введенія». И въ настоящемъ своемъ видѣ «Введеніе» (оставляя въ сторонѣ другія его достоинства) представляетъ собою превосходную bibliographie raisonnée греческой исторіи и ея источниковѣдѣнія. Нельзя не поблагодарить составителя «Введенія» и за то, что «о русской научной литературѣ онъ, по понятныхъ причинамъ, считалъ необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полнѣе» (IV), и особенно за то, что онъ «далъ изображеніе и новѣйшаго движенія въ области древне-греческой исторіи, далъ понятіе о богатствѣ новаго матеріала, о той живой, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки» (V), причемъ во «Введеніи» (съ его «Добавленіями») нашли себѣ мѣсто даже самыя послѣднія открытія въ области археологіи или папирологіи[1]), и зарегистрированы иныя изъ помѣченныхъ даже 1903 годомъ книгъ и статей по греческой исторіи.

4.

Таковы общія, основныя свойства или тенденціи «Введенія въ исторію Греціи». Недостаточная отчетливость (или даже—раздвоенность) въ постановкѣ задачи всего «Введенія» и задачъ обѣихъ его частей, не совсѣмъ законное перемѣщеніе центра тяжести изъ области источниковъ въ область пособій, какъ и изъ области филологіи въ область библіографіи, не могли, конечно, обезпечивать собою отсутствіе въ этомъ трудѣ не только уже частныхъ или случайныхъ, но и принципіальныхъ недочетовъ; и если отъ этихъ принципіальныхъ недочетовъ не могло не пострадать все вообще «Введеніе», то первая его часть должна была пострадать больше, нежели вторая. Роковымъ образомъ и причины чисто практическаго характера, о которыхъ сообщается въ Предисловіи[2]),

---

1) Напримѣръ, новѣйшія критскія раскопки, „едва-ли не величайшія (?) изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана“ (446—453), или Anonymus Argentinensis (434—436) и „Персы“ Тимоѳея (434).

2) „Въ основѣ издаваемой книги--говоритъ г. Бузескулъ—лежатъ лекціи, читанныя въ Харьковскомъ университетѣ; лекціи эти появляются въ значительно распространенномъ и дополненномъ видѣ; по первоначальному плану онѣ должны были составлять лишь часть общаго курса по исторіи Греціи; но по мѣрѣ обработки онѣ

содѣйствовали тому, чтобы первая часть «Введенія» (и особенно въ въ первыхъ своихъ отдѣлахъ) въ общемъ вышла менѣе удачной, нежели вторая. Не только поэтому, но прежде всего потому, что обзоръ источниковъ по своему содержанію неизмѣримо важнѣе, нежели обзоръ пособій, намъ приходится главную долю вниманія удѣлить недочетамъ именно этой первой части—обзора источниковъ.

Г. Бузескулъ не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіями «исторія», «Греція», «исторія Греціи», или, по крайней мѣрѣ, не условливается съ читателями на счетъ того,—что онъ будетъ разумѣть подъ этими понятіями; непосредственно устанавливаетъ онъ—но и то слишкомъ общо и не совсѣмъ, какъ мы видѣли, отчетливо—лишь «понятіе объ источникахъ» и даетъ затѣмъ классификацію источниковъ греческой исторіи. «Источники—говоритъ онъ—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны; такъ, источниками греческой исторіи служатъ: 1) языкъ, 2) преданія (миѳы и сказанія), 3) памятники вещественные, 4) надписи и другіе документы и 5) литературныя произведенія» (2 сл.).

Безспорно, классификація источниковъ—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ теоріи исторической науки[1]). Теоретическая трудность этой классификаціи обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что для нея не только одинаково законны, но и одинаково необходимы два—не совпадающіе между собою—принципа,—внѣшній и внутренній, что ею должны быть приняты въ расчетъ и бо́льшая или меньшая непосредственность въ реальномъ или матеріальномъ содержаніи, и меньшая или бо́льшая непосредственность въ идеальномъ или духовномъ содержаніи отдѣльныхъ источниковъ.

Если, исходя хотя-бы изъ возможно широкаго пониманія содержанія исторіи вообще и установивъ хотя-бы возможно высокій terminus

---

разрослись въ особый, спеціальный курсъ(?), въ цѣлую книгу (III). Издаваемыя лекціи печатались, въ видѣ приложеній къ Запискамъ Императорскаго Харьковскаго Университета, медленно, съ большими перерывами; этимъ объясняется нѣкоторая, можетъ быть, непропорціональность въ изложеніи",—какъ объясняется этимъ и „не строго выдержанная система ссылокъ и библіографическихъ указаній, нѣкоторая непослѣдовательность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч.» Особенно мало, повидимому, удовлетворяли самого автора, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ" свою книгу, „напечатанные уже давно" «первые два листа» (IV).

[1]) Нельзя считать удачной и ту классификацію, какую находимъ въ только что вышедшей (1903) новымъ (3-мъ и 4-мъ) изданіемъ книгѣ *Bernheim,* Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, 230 ff.

ante quem древнеэллинской исторіи, разсматривать и расцѣнивать дошедшіе до насъ отъ самой этой исторіи[1]) слѣды или остатки по степени непосредственности въ ихъ формальномъ происхожденіи и сохраненіи, то прежде всего пришлось-бы выдѣлить, какъ особую группу—правда, лишь косвенныхъ—слѣдовъ эллинской исторіи, физическія свойства тѣхъ странъ, на территоріи которыхъ она совершалась. Въ слѣдахъ, представленныхъ природою, поскольку она обусловливала собою историческую жизнь эллиновъ, тѣсно примыкаютъ (одной своей стороною даже сливаясь съ ними), прямые уже слѣды самой этой исторической жизни—слѣды того, что дѣлали эллины съ данными этой природы. Такъ намѣтились бы двѣ не попавшія въ классификацію проф. Бузескула группы источниковъ нашихъ свѣдѣній объ исторической жизни эллиновъ,—одна спеціально подлежащая изученію географіи, другая—спеціально подлежащая изученію топографіи[2]). Какъ къ географическимъ слѣдамъ примыкаютъ слѣды топографическіе, такъ къ этимъ послѣднимъ примыкаютъ (опять-таки сливаясь съ ними одной своей стороной) слѣды того, что дѣлали эллины не столько уже съ данными, сколько изъ данныхъ природы, т. е. слѣды, въ содержаніи которыхъ еще больше сказывается сознательная, цѣлесообразная (по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ значеніи) дѣятельность, слѣды, въ содержаніи которыхъ (также какъ и въ содержаніи топографическихъ слѣдовъ) комбинируются елементы матеріальные и духовные, но такъ, что елементамъ духовнымъ принадлежитъ уже рѣшительно преобладающая роль. Это—третья и частью четвертая изъ группъ проф. Бузескула,—группа, представленная громад-

[1]) Дошли до насъ и кое-какія внѣшнія свидѣтельства объ отдѣльныхъ явленіяхъ эллинской исторіи (особенно эллинистической или римской эпохи), современныя этимъ явленіямъ,—въ восточныхъ памятникахъ искусства и письменности (въ томъ числѣ и въ Библіи), а также и въ римской письменности; но этихъ свидѣтельствъ совсѣмъ не касается г. Бузескулъ въ своемъ обзорѣ источниковъ,—нѣкоторымъ оправданіемъ чему можетъ служить, конечно, отсутствіе сколько-нибудь систематической обработки всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ и почти всѣхъ отдѣльно взятыхъ категорій этихъ свидѣтельствъ.

[2]) Кстати сказать, «значеніе географіи для цѣлей исторіи» нашло себѣ въ послѣднее время (особенно въ трудахъ Ratzel'я) тщательную теоретическую разработку, какъ сдѣлана была (ср. G. Hirschfeld, Aus dem Orient, 1897) попытка исторической теоретизаціи и греческой топографіи.—Въ концѣ своего „очерка разработки греческой исторіи" г. Бузескулъ упоминаетъ впрочемъ, что «по географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта и Бурсіана (труда Neumann'a и Partsch'a онъ и здѣсь не называетъ) и атласы Киперта и Шпрунера-Менке», т. е. Шпрунера-Зиглина (499).

нымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ по своему назначенію (и по своему значенію) „вещественныхъ памятниковъ". Уже г. Бузескулъ „отмѣчаетъ, какъ особую категорію среди вещественныхъ памятниковъ, медали (?) и монеты", причемъ называетъ ихъ „металлическими источниками" (12—13), какъ бы забывая, что существуютъ металлическіе источники и внѣ этой „категоріи" (6. 14). Но развѣ одну изъ категорій среди вещественныхъ же памятниковъ не представляютъ собою также и надписи, а другую—папирусы? И развѣ монеты своими „легендами" не примыкаютъ къ группѣ или категоріи надписей, становясь такимъ образомъ какъ бы на рубежѣ между „вещественными памятниками" и „надписями"? Но на рубежѣ этомъ оказываются даже и не однѣ монеты: до насъ дошли вѣдь и такіе вещественные памятники еллинской письменности, гдѣ письмо было лишь добавленіемъ къ прочему содержанію памятника, и такіе,—гдѣ письмо само было существеннымъ содержаніемъ, основною цѣлью памятника, такъ что мы могли-бы, не выдѣляя ни надписей, ни папирусовъ изъ группы вещественныхъ памятниковъ, внутри этой группы различать ближайшимъ образомъ слѣдующія три „категоріи": памятники искусства[1]), памятники искусства и письменности, и памятники письменности,—причемъ, конечно, между этими категоріями нельзя было-бы провести рѣзкихъ пограничныхъ линій: онѣ сливаются между собою, незамѣтно переходятъ—одна въ другую, другая въ третью; а эта третья категорія (т. е. громадное большинство надписей и папирусы) такъ же незамѣтно переходитъ уже въ новую группу—не въ группу „другихъ документовъ" или „литературныхъ произведеній", а въ группу слѣдовъ еллинской письменности вообще, поскольку они дошли до насъ не непосредственно отъ самихъ еллиновъ (т. е. не на камнѣ или металлѣ, или не на папирусѣ), а чрезъ посредство средневѣковыхъ переписчиковъ, причемъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что иные изъ этихъ слѣдовъ еллинской письменности (правда, немногіе) дошли до насъ одновременно обоими этими путями, и что посредство средневѣковыхъ переписчиковъ было въ сущности лишь случайнымъ, лишь служебнымъ[2]). Такъ или въ такомъ родѣ могли бы

---

[1]) Разумѣется, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

[2]) „Искаженіе многочисленныхъ переписчиковъ" (15) относится все-же больше къ категоріи исключеній, нежели къ категоріи правила. И „вещественные памятники" впрочемъ также стали намъ доступны чрезъ посредство лишь копателей, если не „гробокопателей".

группироваться слѣды еллинской исторіи, если идти отъ большей къ меньшей наличности въ ихъ содержаніи или въ ихъ значеніи болѣе-устойчивыхъ матеріальныхъ елементовъ, пока мы не дошли бы этимъ путемъ до такихъ слѣдовъ, въ которыхъ роль этихъ матеріальныхъ елементовъ сведется до минимума (папирусы), а наконецъ и прямо на *нѣтъ* (средневѣковыя рукописи).

Но группировка слѣдовъ еллинской исторіи должна считаться также и съ наличностью въ ихъ содержаніи и значеніи и елементовъ духовныхъ—по самому существу своему чрезвычайно сложныхъ, разнообразныхъ и пестрыхъ, причемъ степень матеріальной непосредственности и степень духовной непосредственности въ содержаніи и значеніи этихъ слѣдовъ не пропорціональны одна другой ни прямо, ни обратно. Въ этомъ пунктѣ мы и наталкиваемся на чрезвычайныя—можетъ быть даже непреодолимыя—трудности классификаціи. Какія бы мы ни устанавливали группы или категоріи,—отдѣльные историческіе памятники придется теперь не только уже помѣщать на пограничныя между этими группами или категоріями полосы, но даже разбивать на части, и части эти размѣщать, или разносить по различнымъ этимъ группамъ или категоріямъ; и поступать такъ съ отдѣльными памятниками приходится даже не только въ томъ случаѣ, если наблюдать въ нихъ комбинированіе духовныхъ элементовъ съ матеріальными, но и въ томъ случаѣ, если наблюдать одни лишь духовные ихъ элементы. Какъ нельзя болѣе справедливо, напримѣръ, замѣчаніе г. Бузескула о „трудахъ греческихъ историковъ", что „они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ)"; но едва-ли правъ г. Бузескулъ, когда онъ именно съ этой (и только съ этой) точки зрѣнія считаетъ „труды историковъ" „болѣе важными, какъ историческій источникъ", нежели прочіе „памятники греческой литературы" (39). Развѣ не являются такими „источниками вдвойнѣ (или даже больше, чѣмъ вдвойнѣ,—т. е. втройнѣ и т. д.)", напримѣръ, „гомерическіе" (какъ онъ ихъ называетъ) и не гомерическіе эпосы, или „произведенія трагиковъ", или „произведенія философскія", или „рѣчи ораторовъ" (хотя-бы Исократа)? Мало того,—если въ греческой литературѣ мы очень часто встрѣчаемся съ воспроизведеніями еллинскаго прошлаго не постольку лишь, поскольку возсозданіе прошлаго было ея цѣлью, но и постольку, поскольку оно

становилось ея средствомъ (т. е. однимъ изъ средствъ), то съ подобными же воспроизведеніями прошлаго мы встрѣчаемся (хотя и несравненно рѣже) и въ греческомъ искусствѣ. Итакъ, классификація источниковъ греческой исторіи должна считаться, далѣе, съ тѣмъ, что одни изъ источниковъ являются хронологически-непосредственными, другіе—хронологически-посредственными слѣдами этой исторіи, а третьи—и тѣми, и другими вмѣстѣ[1]). Но кромѣ возможной наличности въ нѣкоторой части нашихъ историческихъ источниковъ субъективизма такъ-сказать хронологическаго разстоянія, классификація источниковъ должна считаться также и съ—не только возможной, но и неизбѣжной—наличностью въ нихъ и той или иной степени субъективизма синхронистическаго, или исохронистическаго (при чемъ опять-таки нужно имѣть въ виду, что относительно болѣе объективными или относительно болѣе субъективными могутъ быть не только памятники письменности, но и памятники искусства).

Если классификація источниковъ должна, такимъ образомъ, считаться не только съ бóльшимъ или меньшимъ значеніемъ въ ихъ содержаніи элементовъ матеріальныхъ, но и съ меньшей или большей субъективностью входящихъ въ ихъ содержаніе духовныхъ элементовъ,—то дальнѣйшее—или, лучше сказать, ближайшее—распредѣленіе источниковъ на группы или категоріи можетъ обусловливаться уже лишь соображеніями болѣе практическаго характера. Такъ, оно должно считаться съ самымъ содержаніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ комплексовъ источниковъ, въ зависимости отъ того,—въ чемъ мы условимся видѣть сущность историческаго процесса вообще и процесса еллинской исторіи въ частности. Съ этой точки зрѣнія возможно, напримѣръ, выдѣленіе въ особую группу „монетъ", или „документовъ", или „трудовъ исто-

---

[1]) Кстати сказать,—особенно съ этой точки зрѣнія было бы важно установить—конечно, условный—terminus ante quem греческой исторіи,—хотя бы уже для большей ясности и отчетливости въ трактованіи не только о Діодорѣ или Плутархѣ, или о географахъ и періэгетахъ, но и о писателяхъ, которые въ обзорѣ г. Бузескула занимаютъ мѣсто между Плутархомъ и географами (284—290), и которые перечисляются здѣсь въ такомъ—довольно причудливомъ—порядкѣ: Діогенъ Лаэртскій (?), Діонъ Хрисостомъ, Фаворинъ, Аѳиней и Эліанъ, Стобей, Поліэнъ, Элій Аристидъ, Лукіанъ, хронографы Юлій Африканъ и Евсевій, Фотій, эксцерпторы Константина Багрянороднаго, Аристодемъ, лексикографы (римской и византійской эпохи); вѣдь, если къ кому, то именно къ большинству изъ этихъ писателей подходитъ выраженіе г. Бузескула, что они даютъ „современной наукѣ" „матеріалъ" отчасти „въ видѣ источниковъ", отчасти „въ видѣ пособій".

риковъ" и т. п.; возможны при этомъ, конечно, и болѣе сложныя отвлеченія, путемъ которыхъ можно дойдти и до установленія если уже не въ качествѣ особыхъ группъ или категорій источниковъ, то въ качествѣ отдѣльныхъ предметовъ источниковѣдѣнія и такихъ явленій, какъ „языкъ" или „преданія"[1]). Наряду съ тѣмъ, группированіе источниковъ можетъ считаться и съ практикою науки вообще, т. е. съ наличностью особыхъ (вспомогательныхъ относительно исторіи) дисциплинъ, спеціально вѣдающихъ тѣ или иныя категоріи источниковъ,— каковы, напримѣръ, географія, топографія, археологія и исторія искусства, нумизматика, эпиграфика, папирологія, исторія литературы, метрологія, дипломатика, геральдика[2]) и другія—возможныя если не въ настоящемъ, то въ будущемъ науки—дисциплины.

Какъ бы ни были поверхностны эти замѣчанія (развивать ихъ подробно не можетъ быть задачею „рецензіи",—и безъ того, кажется, достаточно уже уклонившейся отъ своего прямого назначенія), они показываютъ во всякомъ случаѣ одно,—что классификація источниковъ греческой исторіи далеко не такъ проста, и не можетъ быть такъ упрощена, какъ ее упрощаетъ наше „Введеніе". Отчасти въ связи съ этой недостаточной отчетливостью классификаціи источниковъ въ обзорѣ проф. Бузескула стоитъ и то, что обзоръ этотъ не ко всѣмъ изъ установленныхъ имъ группъ источниковъ относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Такъ, „языку" удѣляется гораздо меньше вниманія, нежели „преданіямъ", „вещественнымъ памятникамъ"—меньше, нежели „надписямъ", надписямъ меньше, нежели „литературнымъ произведеніямъ"; среди вещественныхъ памятниковъ главное вниманіе удѣляется монетамъ,

---

[1]) *Bernheim* (Lehrbuch[3] 230 ff. 430 ff.) считаетъ, правда, „языкъ" и „устную традицію (разсказъ, сага, анекдоты и пр.)" прямо видами источниковъ, наряду съ образной и письменной традиціей или съ körperliche Reste, Zustände und Jnstitutionen и т. д.; но, кажется, именно въ этомъ пунктѣ (т. е. въ опредѣленіи и раздѣленіи источниковъ) его представленія не отличаются полной отчетливостью. *Wundt* (Logik II, 2, 353 ff) находитъ возможнымъ разсматривать „языкъ", „миѳъ (и сагу)", но и „обычай (Sitte)", какъ „лежащіе внѣ области изслѣдованія собственной исторіи объекты историческаго развитія", подлежащіе изученію особыхъ „филологическо-историческихъ наукъ"—науки объ языкѣ, миѳологіи и этологіи (ср. также его Völkerpschychologie, I).

[2]) О метрологіи въ примѣненіи къ источниковѣдѣнію греческой исторіи см. особенно A. Pernice въ *Zeitschrift f. Numismatik*, XX, 222 ff., о дипломатикѣ—*Bernheim*, Lehrbuch[3], 276, о геральдикѣ—статью проф. Шерцля въ Χαριστήρια (Сборникъ въ честь Ѳ. Е. Корша), 341 сл.

среди надписей—исключительное вниманіе удѣляется надписямъ „документальнаго и притомъ офиціальнаго“ содержанія, а среди литературныхъ произведеній—львиная доля вниманія удѣляется произведеніямъ исторіографическимъ. Уже изъ этого видно, что обзору источниковъ г. Бузескула можно будетъ сдѣлать и тотъ упрекъ, какой—по его сообщенію—дѣлаетъ „извѣстному краткому обзору Арн. Шефера“ Виламовицъ, „считающій его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно (wesentlich) изъ историковъ“ (487), и тотъ упрекъ, какой онъ самъ дѣлаетъ „Введенію“ К. Ваксмута, „гдѣ собранъ богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распредѣленный, безъ надлежащей системы, и непропорціонально обработанный“ (1. 490). Рѣшительное предпочтеніе, какое г. Бузескулъ постоянно оказываетъ источникамъ собственно-политической (и притомъ чисто-фактической) исторіи Еллады, можетъ-быть даже и объясняется отчасти вліяніемъ этихъ „трудовъ Ваксмута и Шефера, служившихъ для автора настольными пособіями при обработкѣ многихъ отдѣловъ I части Введенія“ (IV), хотя теоретически онъ самъ, по всѣмъ признакамъ, слишкомъ мало склоненъ съуживать содержаніе исторіи такъ, какъ съуживаютъ его Шеферъ или Ваксмутъ,—т. е. какъ съуживала его бёковская концепція филологіи.

5.

Естественно, что и раньше указанные принципіальные недостатки всего «Введенія», и только-что указанные общіе недостатки первой его части вмѣстѣ съ—также указанными выше—причинами чисто-практическаго характера въ значительной степени обусловливали собою и различные недочеты отдѣльныхъ главъ и параграфовъ нашего «обзора источниковъ»; къ сожалѣнію, намъ приходится ограничиться только бѣглымъ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ недочетовъ.

Объ «языкѣ», т. е. о греческомъ языкѣ, поскольку онъ «служитъ источникомъ греческой исторіи», г. Бузескулъ даетъ (2—3) лишь нѣсколько самыхъ краткихъ и самыхъ общихъ замѣчаній; даже вся библіографія вопроса представлена здѣсь лишь сочиненіями Шрадера[1]) и

---

[1]) Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура (переводъ 1-го изданія). Другой трудъ Шрадера, чрезвычайно цѣнный и для «изучающихъ греческую исторію»,--Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde (1901)—не указывается.

Kretschmer'a[1]). Такое трактованіе этого вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ ни важности, ни трудности его для «сколько-нибудь серьезно изучающаго греческую исторію». Болѣе чѣмъ полезно было бы здѣсь обстоятельное (не въ смыслѣ подробности, а въ смыслѣ отчетливости) уясненіе самыхъ свойствъ языка, качествъ «проливаемаго имъ свѣта», характера заключающихся въ немъ «показаній» и «отраженій»; умѣстными были бы тутъ и указанія на современное состояніе разработки явленій языка вообще и греческаго языка въ частности въ тѣхъ специальныхъ научныхъ дисциплинахъ, изъ коихъ только объ одной упоминаетъ г. Бузескулъ, но которыя всѣ, такъ же, какъ и эта одна, «блестяще развились въ XIX столѣтіи» (хотя зачатки ихъ встрѣчаемъ и въ античной литературѣ); таковы — кромѣ сравнительнаго языкознанія—наука объ языкѣ и исторія греческаго языка съ его діалектологіею.

Большей обстоятельности, большей отчетливости въ изложеніи нельзя не пожелать и—слѣдующему за отдѣломъ объ «языкѣ»—отдѣлу о «преданіяхъ (миѳахъ и сказаніяхъ)» (3—6). Такъ какъ «преданія въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли[2]), а сохранились... въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр.» (3), то слѣдовало-бы остановиться на вопросѣ, въ какой именно мѣрѣ въ доступныхъ намъ слѣдахъ этихъ преданій «сказывается міросозерцаніе» (3) или «духовный міръ народа» (6), уяснить, какое значеніе принадлежало здѣсь появленію и распространенію письменности, и какъ вообще могли фиксироваться преданія, пока они не находили себѣ такого или иного выраженія «въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ», точнѣе выяснить самую природу преданій—между прочимъ и характерное для нихъ столь сложное соотношеніе между формою и содержаніемъ[3]),—отчетливѣе установить ихъ внутреннюю классификацію, не забывъ при этомъ—наряду съ «миѳомъ, сагами, легендами и т. под.»—и

---

[1]) Мимоходомъ замѣтимъ, что вышедшая часть „Völkerpsychologie" Wundt'a ошибочно цитуется авторомъ къ отдѣлу о «преданіяхъ» (515), а не къ отдѣлу объ «языкѣ».

[2]) Что преданія не дошли до насъ въ устной формѣ непосредственно отъ древнихъ грековъ, это разумѣется само собою; но они могли дойдти до насъ въ устной формѣ посредственно (напр., чрезъ посредство новыхъ грековъ), чему, впрочемъ не приходится придавать большого значенія; во всякомъ случаѣ устная форма едва-ли обезпечивала бы собою неповрежденность и «народность» преданій.

[3]) Ср. особенно *Wilamowitz-Moellendorff*, Euripides Herakles I[2], 96 ff.

новеллъ и даже анекдотовъ, сказокъ, пословицъ[1]), разъяснить то «отношеніе», какое «имѣютъ миѳы (а также и другія «сказанія»?) къ религіи и культу», наконецъ не ограничиваться отдѣльными произвольно выбранными и не совсѣмъ точно переданными «примѣрами» «разнообразныхъ и противорѣчивыхъ» «объясненій миѳовъ и сказаній», когда рѣчь идетъ о «нелегкомъ дѣлѣ» «толкованія» не то «сказаній», не то «миѳа», не то „саги", не то «сказаній или миѳовъ» (4—5), а попытаться установить (т. е. указать) такіе общіе принципы, которые предохранили бы желающихъ «извлечь изъ фантастической оболочки зерно исторической дѣйствительности» отъ «ошибокъ, натяжекъ, или произвольныхъ, фантастическихъ толкованій» (4), или, по крайней мѣрѣ, познакомить—конечно въ общихъ, но отчетливыхъ чертахъ—съ методами или пріемами толкованія преданій составляющими послѣднее слово (или послѣднія слова) науки[2]).

Не вполнѣ отвѣчаетъ важности вопроса и изложеніе отдѣла о «вещественныхъ памятникахъ» кромѣ выдѣленныхъ въ «особую категорію» монетъ. Нѣсколько болѣе чѣмъ общихъ замѣчаній, въ формѣ тезисовъ, о «важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника» (6—7), нѣсколько такихъ же замѣчаній о «служащихъ самымъ яркимъ примѣромъ» этой «важности» «открытіяхъ Шлимана, его сотрудниковъ и продолжателей» (7—8) и голый, или почти голый перечень «важнѣйшихъ(?) съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественныхъ памятниковъ», въ количествѣ 25 нумеровъ, (9—12) далеко не даютъ достаточнаго понятія о «видномъ (можно сказать даже—виднѣйшемъ) мѣстѣ», какое «занимаютъ въ ряду источниковъ греческой исторіи вещественные памятники». Впрочемъ нѣкоторыя довольно-существенныя (фактическія) «дополненія» къ изложенію этого отдѣла читатели «Введенія» «найдутъ—какъ указывается и въ Предисловіи—въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ очерка разработки греческой исторіи, гдѣ рѣчь идетъ тоже(?) о раскопкахъ, хотя и съ другой точки зрѣнія» (III).

---

[1]) Т. е. и пословицъ вообще, и спеціально пословицъ такого типа, какъ δέχετα καὶ βῶλον 'Αλήτης или Μεγαρέων δάκρυα или Λοκροὶ τὰς συνθήκας (подобными παροιμίαι пользовались и греческіе историки, между прочимъ и Аристотель въ своихъ Политіяхъ). Сюда же относятся и поговорки, высмѣивавшія, напр., обитателей отдѣльныхъ областей Еллады (Βοιωτία ὗς) или демотовъ отдѣльныхъ демовъ Аттики.

[2]) Новое (фольклористическое?) направленіе въ изслѣдованіи греческихъ «миѳовъ и сказаній» (Usener, Rohde, Dümmler) не затронуто г. Бузескуломъ даже въ библіографическихъ указаніяхъ.

Хоть также слишкомъ коротко, но уже нѣсколько отчетливѣе трактуются «монеты» (12—13); не совсѣмъ понятно только, какія именно «медали» составляютъ вмѣстѣ съ монетами «особую категорію памятниковъ» (12), и какими именно „точными датами снабжены греческія монеты», благодаря чему «онѣ (по словамъ автора) имѣютъ большое значеніе и для хронологіи» (13).

Слѣдующій отдѣлъ обзора источниковъ (14—23) носитъ малообѣщающее заглавіе: «Надписи и другіе документы». Надписямъ здѣсь посвящены всего $8^1/_2$ страницъ; но и изъ нихъ почти половина удѣлена на сообщеніе общихъ свѣдѣній объ эпиграфикѣ съ ея исторіей (18—19) и на перечисленіе „сборниковъ надписей" (19—22); на остальныхъ страницахъ говорится о внѣшней формѣ надписей (14), указывается ихъ „значеніе и содержаніе" (14—15), перечисляются кое-какія „важнѣйшія надписи"[1]) (16—18), и, сверхъ того, особо (т. е. въ особомъ параграфѣ) выясняются „недостатки надписей какъ источника" (15—16). Казалось бы, что въ наше время споръ о томъ,—что̀ важнѣе, надписи, или „литературные источники", такъ же невозможенъ, какъ и споръ XVII-го столѣтія о томъ,—важнѣе-ли монеты, или надписи, или какъ споръ—читать-ли въ книгѣ однѣ четныя, или однѣ нечетныя страницы. Если г. Бузескулъ опять поднимаетъ этотъ праздный споръ, рѣшая его, повидимому, не въ пользу надписей (ср. 504), то объясняется это тѣмъ, что онъ не достаточно полно и отчетливо представляетъ себѣ (и другимъ), какой своеобразной и громадной важности источникъ,—бьющій живымъ ключемъ, почти не иссякаемый и далеко еще не исчерпанный,— представляютъ собою греческія надписи. „Самое разнообразное содержаніе надписей", „обнимающихъ государственную, религіозную и частную жизнь" (15), почти все безъ остатка г. Бузескулъ сводитъ къ понятію о документахъ. Безспорно, громадная масса надписей представляетъ собою именно документы, относящіеся къ области междуна-

[1]) Неуловимы тѣ основанія, по какимъ выдѣляются эти «важнѣйшія надписи», какъ непонятно и то, почему „Паросскій мраморъ (поскольку онъ—„скорѣе литературное произведеніе") составляетъ исключеніе изъ общаго типа надписей", а „зато типична гортинская надпись" (17). Говоря объ эпиграфическихъ «древнихъ договорахъ» (42), авторъ цитуетъ лишь „C.J.G. I, 11" (Michel, 1; трудъ v. *Scala*, Die Staatsverträge des Altertums, I, замѣтимъ кстати, не упоминается во „Введеніи"), какъ и „списокъ жрецовъ Поссейдона въ Галикарнасѣ" (не единственный въ своемъ родѣ изъ числа епиграфическихъ) цитуется (42) лишь по „C.J.G. II, N 2655" [Ditt. S[2] 608].

роднаго, государственнаго или частнаго[1]) права, т. е. или его законодательныхъ нормъ, или его практическаго осуществленія; но уже по своему количеству рядомъ съ этими документальными надписями стоятъ надписи посвятительныя и надгробныя, и если даже и признавать наличность въ этихъ послѣднихъ надписяхъ юридическаго момента, то уже никакъ нельзя сводить къ нему все ихъ значеніе, какъ это рекомендовалъ нѣкогда В. А. Шефферъ[2]); во всякомъ случаѣ, поскольку въ этихъ послѣднихъ надписяхъ краткія отмѣтки смѣняются или замѣняются цѣлыми ἐπιγράμματα, ихъ приходится уже сближать скорѣе съ тѣми—вовсе не такъ уже малочисленными, чтобы считать ихъ «своего рода исключеніями изъ общаго типа» (14[3]. 17)—надписями, которыя представляютъ собою «литературныя произведенія». Но если по своему существенному содержанію далеко не всѣ надписи имѣютъ значеніе лишь «источника документальнаго и притомъ большею частію офиціальнаго» (15), то еще болѣе разнообразныя показанія, нежели это ихъ основное содержаніе, даетъ намъ ихъ формальная сторона, т. е. различныя приводимыя въ отдѣльныхъ надписяхъ частности и подробности. Конечно, правъ г. Бузескулъ, когда онъ утверждаетъ, что «о многомъ надписи ничего не сообщаютъ, да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала», и что «и по отношенію къ надписямъ необходима критика»[3]); но едва-ли онъ правъ, когда полагаетъ, что «надписи ничего не скажутъ намъ о стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ общества, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи»[4]) и даже «о насиліяхъ и правонарушеніяхъ», или

---

[1]) Разумѣется, эти и другія наши дѣленія права, не вполнѣ устойчивыя и теоретически, еще менѣе устойчивы въ примѣненіи къ греческому праву. Выдѣлять здѣсь сакральное право (т. е. ставить его внѣ государственнаго и частнаго права) едва-ли необходимо.

[2]) *Филологическое Обозрѣніе*, I, 114 сл.

[3]) „Надписи могутъ съ намѣреніемъ... представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда оффиціальною версіею, мало соотвѣтствующею дѣйствительности“ (16): эти (вѣрныя) замѣчанія (въ параграфѣ о „недостаткахъ надписей“) не согласованы у г. Бузескула съ замѣчаніемъ (параграфа о „значеніи надписей“), что „надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ“ (15).

[4]) Неужели ничего не скажутъ намъ о взглядахъ общества хотя бы, напр., defixionum tabellae (atticae и не atticae), или объ умственномъ движеніи—тѣ очень многочисленныя надписи, которыя содержатъ въ себѣ литературныя произведенія или свидѣтельства о литературныхъ произведеніяхъ призванныхъ (нашей рукописной традиціей) и не признанныхъ геніевъ?

не успѣваетъ ознакомиться со всѣми аргументами или мотивами этихъ мнѣній; но требовать, чтобы каждое изъ этихъ мнѣній представлено было во всѣхъ подробностяхъ, значило бы совершенно уже не щадить силъ ни читателей, ни составителя «Введенія». И въ настоящемъ своемъ видѣ «Введеніе» (оставляя въ сторонѣ другія его достоинства) представляетъ собою превосходную bibliographie raisonnée греческой исторіи и ея источниковѣдѣнія. Нельзя не поблагодарить составителя «Введенія» и за то, что «о русской научной литературѣ онъ, по понятныхъ причинамъ, считалъ необходимымъ говорить сравнительно подробнѣе и полнѣе» (IV), и особенно за то, что онъ «далъ изображеніе и новѣйшаго движенія въ области древне-греческой исторіи, далъ понятіе о богатствѣ новаго матеріала, о той живой, энергичной работѣ, которую ведутъ теперь въ этой области почти всѣ культурныя націи Европы и Америки» (V), причемъ во «Введеніи» (съ его «Добавленіями») нашли себѣ мѣсто даже самыя послѣднія открытія въ области археологіи или папирологіи[1]), и зарегистрированы иныя изъ помѣченныхъ даже 1903 годомъ книгъ и статей по греческой исторіи.

4.

Таковы общія, основныя свойства или тенденціи «Введенія въ исторію Греціи». Недостаточная отчетливость (или даже—раздвоенность) въ постановкѣ задачи всего «Введенія» и задачъ обѣихъ его частей, не совсѣмъ законное перемѣщеніе центра тяжести изъ области источниковъ въ область пособій, какъ и изъ области филологіи въ область библіографіи, не могли, конечно, обезпечивать собою отсутствіе въ этомъ трудѣ не только уже частныхъ или случайныхъ, но и принципіальныхъ недочетовъ; и если отъ этихъ принципіальныхъ недочетовъ не могло не пострадать все вообще «Введеніе», то первая его часть должна была пострадать больше, нежели вторая. Роковымъ образомъ и причины чисто практическаго характера, о которыхъ сообщается въ Предисловіи[2]),

---

1) Напримѣръ, новѣйшія критскія раскопки, „едва-ли не величайшія (?) изъ всѣхъ, сдѣланныхъ на греческой почвѣ со времени Шлимана" (446—453), или Anonymus Argentinenis (434—436) и „Персы" Тимоѳея (434).

2) „Въ основѣ издаваемой книги—говоритъ г. Бузескулъ—лежатъ лекціи, читанныя въ Харьковскомъ университетѣ; лекціи эти появляются въ значительно расширенномъ и дополненномъ видѣ; по первоначальному плану онѣ должны были составлять лишь часть общаго курса по исторіи Греціи; но по мѣрѣ обработки онѣ

содѣйствовали тому, чтобы первая часть «Введенія» (и особенно въ въ первыхъ своихъ отдѣлахъ) въ общемъ вышла менѣе удачной, нежели вторая. Не только поэтому, но прежде всего потому, что обзоръ источниковъ по своему содержанію неизмѣримо важнѣе, нежели обзоръ пособій, намъ приходится главную долю вниманія удѣлить недочетамъ именно этой первой части—обзора источниковъ.

Г. Бузескулъ не опредѣляетъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіями «исторія», «Греція», «исторія Греціи», или, по крайней мѣрѣ, не условливается съ читателями на счетъ того,—что онъ будетъ разумѣть подъ этими понятіями; непосредственно устанавливаетъ онъ—но и то слишкомъ общо и не совсѣмъ, какъ мы видѣли, отчетливо—лишь «понятіе объ источникахъ» и даетъ затѣмъ классификацію источниковъ греческой исторіи. «Источники—говоритъ онъ—бываютъ обыкновенно чрезвычайно разнообразны; такъ, источниками греческой исторіи служатъ: 1) языкъ, 2) преданія (миѳы и сказанія), 3) памятники вещественные, 4) надписи и другіе документы и 5) литературныя произведенія» (2 сл.).

Безспорно, классификація источниковъ—одна изъ труднѣйшихъ проблемъ теоріи исторической науки[1]). Теоретическая трудность этой классификаціи обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что для нея не только одинаково законны, но и одинаково необходимы два—не совпадающіе между собою—принципа,—внѣшній и внутренній, что ею должны быть приняты въ расчетъ и бóльшая или меньшая непосредственность въ реальномъ или матеріальномъ содержаніи, и меньшая или бóльшая непосредственность въ идеальномъ или духовномъ содержаніи отдѣльныхъ источниковъ.

Если, исходя хотя-бы изъ возможно широкаго пониманія содержанія исторіи вообще и установивъ хотя-бы возможно высокій terminus

---

разрослись въ особый, спеціальный курсъ(?), въ цѣлую книгу (III). Издаваемыя лекціи печатались, въ видѣ приложеній къ Запискамъ Императорскаго Харьковскаго Университета, медленно, съ большими перерывами; этимъ объясняется нѣкоторая, можетъ быть, непропорціональность въ изложеніи",—какъ объясняется этимъ и „не строго выдержанная система ссылокъ и библіографическихъ указаній, нѣкоторая непослѣдовательность въ передачѣ собственныхъ именъ и въ транскрипціи и проч.» Особенно мало, повидимому, удовлетворяли самого автора, когда онъ „выпускалъ въ свѣтъ" свою книгу, „напечатанные уже давно" «первые два листа» (IV).

[1]) Нельзя считать удачной и ту классификацію, какую находимъ въ только что вышедшей (1903) новымъ (3-мъ и 4-мъ) изданіемъ книгѣ *Bernheim*, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, 230 ff.

ante quem древнеэллинской исторіи, разсматривать и расцѣнивать дошедшіе до насъ отъ самой этой исторіи[1]) слѣды или остатки по степени непосредственности въ ихъ формальномъ происхожденіи и сохраненіи, то прежде всего пришлось-бы выдѣлить, какъ особую группу—правда, лишь косвенныхъ—слѣдовъ еллинской исторіи, физическія свойства тѣхъ странъ, на территоріи которыхъ она совершалась. Къ слѣдамъ, представляемымъ природою, поскольку она обусловливала собою историческую жизнь еллиновъ, тѣсно примыкаютъ (одной своей стороною даже сливаясь съ ними) прямые уже слѣды самой этой исторической жизни—слѣды того, что̀ дѣлали еллины съ данными этой природы. Такъ намѣтились бы двѣ не попавшія въ классификацію проф. Бузескула группы источниковъ нашихъ свѣдѣній объ исторической жизни еллиновъ,—одна спеціально подлежащая изученію географіи, другая—спеціально подлежащая изученію топографіи[2]). Какъ къ географическимъ слѣдамъ примыкаютъ слѣды топографическіе, такъ къ этимъ послѣднимъ примыкаютъ (опять-таки сливаясь съ ними одной своей стороной) слѣды того, что дѣлали еллины не столько уже съ данными, сколько изъ данныхъ природы, т. е. слѣды, въ содержаніи которыхъ еще больше сказывается сознательная, цѣлесообразная (по крайней мѣрѣ въ общемъ своемъ знаназначеніи) дѣятельность, слѣды, въ содержаніи которыхъ (также какъ и въ содержаніи топографическихъ слѣдовъ) комбинируются елементы матеріальные и духовные, но такъ, что елементамъ духовнымъ принадлежитъ уже рѣшительно преобладающая роль. Это—третья и частью четвертая изъ группъ проф. Бузескула,—группа, представленная громад-

[1]) Дошли до насъ и кое-какія внѣшнія свидѣтельства объ отдѣльныхъ явленіяхъ еллинской исторіи (особенно еллинистической или римской эпохи), современныя этимъ явленіямъ,—въ восточныхъ памятникахъ искусства и письменности (въ томъ числѣ и въ Библіи), а также и въ римской письменности; но этихъ свидѣтельствъ совсѣмъ не касается г. Бузескулъ въ своемъ обзорѣ источниковъ,—нѣкоторымъ оправданіемъ чему можетъ служить, конечно, отсутствіе сколько-нибудь систематической обработки всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ и почти всѣхъ отдѣльно взятыхъ категорій этихъ свидѣтельствъ.

[2]) Кстати сказать, «примѣненіе географіи для цѣлей исторіи» нашло себѣ въ послѣднее время (особенно въ трудахъ Ratzel' я) тщательную теоретическую разработку, какъ сдѣлана была (ср. *G. Hirschfeld,* Aus dem Orient, 1897) попытка исторической теоретизаціи и греческой топографіи.—Въ концѣ своего „очерка разработки греческой исторіи" г. Бузескулъ упоминаетъ впрочемъ, что «по географіи древней Греціи извѣстны труды Киперта и Бурзіана (труда Neumann'a и Partsch'a онъ и здѣсь не называетъ) и атласы Киперта и Шпрунера-Менке», т. е. Шпрунера-Зиглина (499).

нымъ количествомъ самыхъ разнообразныхъ по своему назначенію (и по своему значенію) „вещественныхъ памятниковъ“. Уже г. Бузескулъ „отмѣчаетъ, какъ особую категорію среди вещественныхъ памятниковъ, медали (?) и монеты“, причемъ называетъ ихъ „металлическими источниками“ (12—13), какъ бы забывая, что существуютъ металлическіе источники и внѣ этой „категоріи“ (6. 14). Но развѣ одну изъ категорій среди вещественныхъ же памятниковъ не представляютъ собою также и надписи, а другую—папирусы? И развѣ монеты своими „легендами“ не примыкаютъ къ группѣ или категоріи надписей, становясь такимъ образомъ какъ бы на рубежѣ между „вещественными памятниками“ и „надписями“? Но на рубежѣ этомъ оказываются даже и не однѣ монеты: до насъ дошли вѣдь и такіе вещественные памятники еллинской письменности, гдѣ письмо было лишь добавленіемъ къ прочему содержанію памятника, и такіе,—гдѣ письмо само было существеннымъ содержаніемъ, основною цѣлью памятника, такъ что мы могли-бы, не выдѣляя ни надписей, ни папирусовъ изъ группы вещественныхъ памятниковъ, внутри этой группы различать ближайшимъ образомъ слѣдующія три „категоріи“: памятники искусства[1]), памятники искусства и письменности, и памятники письменности,—причемъ, конечно, между этими категоріями нельзя было-бы провести рѣзкихъ пограничныхъ линій: онѣ сливаются между собою, незамѣтно переходятъ—одна въ другую, другая въ третью; а эта третья категорія (т. е. громадное большинство надписей и папирусы) такъ же незамѣтно переходитъ уже въ новую группу—не въ группу „другихъ документовъ“ или „литературныхъ произведеній“, а въ группу слѣдовъ еллинской письменности вообще, поскольку они дошли до насъ не непосредственно отъ самихъ еллиновъ (т. е. не на камнѣ или металлѣ, или не на папирусѣ), а чрезъ посредство средневѣковыхъ переписчиковъ, причемъ, конечно, нужно имѣть въ виду, что иные изъ этихъ слѣдовъ еллинской письменности (правда, немногіе) дошли до насъ одновременно обоими этими путями, и что посредство средневѣковыхъ переписчиковъ было въ сущности лишь случайнымъ, лишь служебнымъ[2]). Такъ или въ такомъ родѣ могли бы

---

[1]) Разумѣется, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

[2]) „Искаженіе многочисленныхъ переписчиковъ“ (15) относится все-же больше къ категоріи исключеній, нежели къ категоріи правила. И „вещественные памятники“ впрочемъ также стали намъ доступны чрезъ посредство лишь копателей, если не „гробокопателей“.

группироваться слѣды еллинской исторіи, если идти отъ большей къ меньшей наличности въ ихъ содержаніи или въ ихъ значеніи болѣе-устойчивыхъ матеріальныхъ елементовъ, пока мы не дошли бы этимъ путемъ до такихъ слѣдовъ, въ которыхъ роль этихъ матеріальныхъ елементовъ сведется до минимума (папирусы), а наконецъ и прямо на *нѣтъ* (средневѣковыя рукописи).

Но группировка слѣдовъ еллинской исторіи должна считаться также и съ наличностью въ ихъ содержаніи и значеніи и елементовъ духовныхъ—по самому существу своему чрезвычайно сложныхъ, разнообразныхъ и пестрыхъ, причемъ степень матеріальной непосредственности и степень духовной непосредственности въ содержаніи и значеніи этихъ слѣдовъ не пропорціональны одна другой ни прямо, ни обратно. Въ этомъ пунктѣ мы и наталкиваемся на чрезвычайныя—можетъ быть даже непреодолимыя—трудности классификаціи. Какія бы мы ни устанавливали группы или категоріи,—отдѣльные историческіе памятники придется теперь не только уже помѣщать на пограничныя между этими группами или категоріями полосы, но даже разбивать на части, и части эти размѣщать, или разносить по различнымъ этимъ группамъ или категоріямъ; и поступать такъ съ отдѣльными памятниками приходится даже не только въ томъ случаѣ, если наблюдать въ нихъ комбинированіе духовныхъ элементовъ съ матеріальными, но и въ томъ случаѣ, если наблюдать одни лишь духовные ихъ элементы. Какъ нельзя болѣе справедливо, напримѣръ, замѣчаніе г. Бузескула о „трудахъ греческихъ историковъ", что „они являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ: они не только отражаютъ въ себѣ, до нѣкоторой степени, современную имъ эпоху, но и содержатъ изложеніе самой исторіи (насколько удовлетворительное и достовѣрное, это, конечно, другой вопросъ)"; но едва-ли правъ г. Бузескулъ, когда онъ именно съ этой (и только съ этой) точки зрѣнія считаетъ „труды историковъ" „болѣе важными, какъ историческій источникъ", нежели прочіе „памятники греческой литературы" (39). Развѣ не являются такими „источниками вдвойнѣ (или даже больше, чѣмъ вдвойнѣ,—т. е. втройнѣ и т. д.)", напримѣръ, „гомерическіе" (какъ онъ ихъ называетъ) и не гомерическіе эпосы, или „произведенія трагиковъ", или „произведенія философскія", или „рѣчи ораторовъ" (хотя-бы Исократа)? Мало того,—если въ греческой литературѣ мы очень часто встрѣчаемся съ воспроизведеніями еллинскаго прошлаго не постольку лишь, поскольку возсозданіе прошлаго было ея цѣлью, но и постольку, поскольку оно

становилось ея средствомъ (т. е. однимъ изъ средствъ), то съ подобными же воспроизведеніями прошлаго мы встрѣчаемся (хотя и несравненно рѣже) и въ греческомъ искусствѣ. Итакъ, классификація источниковъ греческой исторіи должна считаться, далѣе, съ тѣмъ, что одни изъ источниковъ являются хронологически-непосредственными, другіе—хронологически-посредственными слѣдами этой исторіи, а третьи —и тѣми, и другими вмѣстѣ[1]). Но кромѣ возможной наличности въ нѣкоторой части нашихъ историческихъ источниковъ субъективизма такъ-сказать хронологическаго разстоянія, классификація источниковъ должна считаться также и съ—не только возможной, но и неизбѣжной —наличностью въ нихъ и той или иной степени субъективизма синхронистическаго, или исохронистическаго (при чемъ опять-таки нужно имѣть въ виду, что относительно болѣе объективными или относительно болѣе субъективными могутъ быть не только памятники письменности, но и памятники искусства).

Если классификація источниковъ должна, такимъ образомъ, считаться не только съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ въ ихъ содержаніи элементовъ матеріальныхъ, но и съ меньшей или большей субъективностью входящихъ въ ихъ содержаніе духовныхъ элементовъ,—то дальнѣйшее—или, лучше сказать, ближайшее—распредѣленіе источниковъ на группы или категоріи можетъ обусловливаться уже лишь соображеніями болѣе практическаго характера. Такъ, оно должно считаться съ самымъ содержаніемъ и значеніемъ отдѣльныхъ комплексовъ источниковъ, въ зависимости отъ того,—въ чемъ мы условимся видѣть сущность историческаго процесса вообще и процесса еллинской исторіи въ частности. Съ этой точки зрѣнія возможно, напримѣръ, выдѣленіе въ особую группу „монетъ", или „документовъ", или „трудовъ исто-

---

[1]) Кстати сказать,—особенно съ этой точки зрѣнія было бы важно установить —конечно, условный—terminus ante quem греческой исторіи,—хотя бы уже для большей ясности и отчетливости въ трактованіи не только о Діодорѣ или Плутархѣ, или о географахъ и періэгетахъ, но и о писателяхъ, которые въ обзорѣ г. Бузескула занимаютъ мѣсто между Плутархомъ и географами (284—290), и которые перечисляются здѣсь въ такомъ—довольно причудливомъ—порядкѣ: Діогенъ Лаэртскій (?), Діонъ Хрисостомъ, Фаворинъ, Аѳиней и Эліанъ, Стобей, Поліэнъ, Элій Аристидъ, Лукіанъ, хронографы Юлій Африканъ и Евсевій, Фотій, эксцерпторы Константина Багрянороднаго, Аристодемъ, лексикографы (римской и византійской эпохи); вѣдь, если къ кому, то именно къ большинству изъ этихъ писателей подходитъ выраженіе г. Бузескула, что они даютъ „современной наукѣ" „матеріалъ" отчасти „въ видѣ источниковъ", отчасти „въ видѣ пособій".

риковъ" и т. п.; возможны при этомъ, конечно, и болѣе сложныя отвлеченія, путемъ которыхъ можно дойдти и до установленія если уже не въ качествѣ особыхъ группъ или категорій источниковъ, то въ качествѣ отдѣльныхъ предметовъ источниковѣдѣнія и такихъ явленій, какъ „языкъ" или „преданія"[1]). Наряду съ тѣмъ, группированіе источниковъ можетъ считаться и съ практикою науки вообще, т. е. съ наличностью особыхъ (вспомогательныхъ относительно исторіи) дисциплинъ, спеціально вѣдающихъ тѣ или иныя категоріи источниковъ,— каковы, напримѣръ, географія, топографія, археологія и исторія искусства, нумизматика, эпиграфика, папирологія, исторія литературы, метрологія, дипломатика, геральдика[2]) и другія—возможныя если не въ настоящемъ, то въ будущемъ науки—дисциплины.

Какъ бы ни были поверхностны эти замѣчанія (развивать ихъ подробно не можетъ быть задачею „рецензіи",—и безъ того, кажется, достаточно уже уклонившейся отъ своего прямого назначенія), они показываютъ во всякомъ случаѣ одно,—что классификація источниковъ греческой исторіи далеко не такъ проста, и не можетъ быть такъ упрощена, какъ ее упрощаетъ наше „Введеніе". Отчасти въ связи съ этой недостаточной отчетливостью классификаціи источниковъ въ обзорѣ проф. Бузескула стоитъ и то, что обзоръ этотъ не ко всѣмъ изъ установленныхъ имъ группъ источниковъ относится съ одинаковымъ вниманіемъ. Такъ, „языку" удѣляется гораздо меньше вниманія, нежели „преданіямъ", „вещественнымъ памятникамъ"—меньше, нежели „надписямъ", надписямъ меньше, нежели „литературнымъ произведеніямъ"; среди вещественныхъ памятниковъ главное вниманіе удѣляется монетамъ,

---

[1]) *Bernheim* (Lehrbuch[3] 230 ff. 430 ff.) считаетъ, правда, „языкъ" и „устную традицію (разсказъ, сага, анекдоты и пр.)" прямо видами источниковъ, наряду съ образной и письменной традиціей или съ körperliche Reste, Zustände und Jnstitutionen и т. д.; но, кажется, именно въ этомъ пунктѣ (т. е. въ опредѣленіи и раздѣленіи источниковъ) его представленія не отличаются полной отчетливостью. *Wundt* (Logik II, 2, 353 ff) находитъ возможнымъ разсматривать „языкъ", „миѳъ (и сагу)", но и „обычай (Sitte)", какъ „лежащіе внѣ области изслѣдованія собственной исторіи объекты историческаго развитія", подлежащіе изученію особыхъ „филологическо-историческихъ наукъ"—науки объ языкѣ, миѳологіи и этологіи (ср. также его Völkerpsychologie, I).

[2]) О метрологіи въ примѣненіи къ источниковѣдѣнію греческой исторіи см. особенно A. Pernice въ *Zeitschrift f. Numismatik*, XX, 222 ff., о дипломатикѣ—*Bernheim*, Lehrbuch[3], 276, о геральдикѣ—статью проф. Шерцля въ Χαριστήρια (Сборникъ въ честь Ѳ. Е. Корша), 341 сл.

среди надписей—исключительное вниманіе удѣляется надписямъ „документальнаго и притомъ офиціальнаго“ содержанія, а среди литературныхъ произведеній—львиная доля вниманія удѣляется произведеніямъ историографическимъ. Уже изъ этого видно, что обзору источниковъ г. Бузескула можно будетъ сдѣлать и тотъ упрекъ, какой—по его сообщенію—дѣлаетъ „извѣстному краткому обзору Арн. Шефера“ Виламовицъ, „считающій его въ значительной мѣрѣ виною того, что студенты думаютъ, будто греческой исторіи мы можемъ научиться преимущественно (wesentlich) изъ историковъ“ (487), и тотъ упрекъ, какой онъ самъ дѣлаетъ „Введенію“ К. Ваксмута, „гдѣ собранъ богатый матеріалъ, но нѣсколько странно и неудобно распредѣленный, безъ надлежащей системы, и непропорціонально обработанный“ (1. 490). Рѣшительное предпочтеніе, какое г. Бузескулъ постоянно оказываетъ источникамъ собственно-политической (и притомъ чисто-фактической) исторіи Еллады, можетъ-быть даже и объясняется отчасти вліяніемъ этихъ „трудовъ Ваксмута и Шефера, служившихъ для автора настольными пособіями при обработкѣ многихъ отдѣловъ I части Введенія“ (IV), хотя теоретически онъ самъ, по всѣмъ признакамъ, слишкомъ мало склоненъ съуживать содержаніе исторіи такъ, какъ съуживаютъ его Шеферъ или Ваксмутъ,—т. е. какъ съуживала его бёковская концепція филологіи.

5.

Естественно, что и раньше указанные принципіальные недостатки всего «Введенія», и только-что указанные общіе недостатки первой его части вмѣстѣ съ—также указанными выше—причинами чисто-практическаго характера въ значительной степени обусловливали собою и различные недочеты отдѣльныхъ главъ и параграфовъ нашего «обзора источниковъ»; къ сожалѣнію, намъ приходится ограничиться только бѣглымъ указаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ недочетовъ.

Объ «языкѣ», т. е. о греческомъ языкѣ, поскольку онъ «служитъ источникомъ греческой исторіи», г. Бузескулъ даетъ (2—3) лишь нѣсколько самыхъ краткихъ и самыхъ общихъ замѣчаній; даже вся библіографія вопроса представлена здѣсь лишь сочиненіями Шрадера[1]) и

---

[1]) Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная культура (переводъ 1-го изданія). Другой трудъ Шрадера, чрезвычайно цѣнный и для «изучающихъ греческую исторію»,--Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde (1901)—не указывается.

Kretschmer'a[1]). Такое трактованіе этого вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ ни важности, ни трудности его для «сколько-нибудь серьезно изучающаго греческую исторію». Болѣе чѣмъ полезно было бы здѣсь обстоятельное (не въ смыслѣ подробности, а въ смыслѣ отчетливости) уясненіе самыхъ свойствъ языка, качествъ «проливаемаго имъ свѣта», характера заключающихся въ немъ «показаній» и «отраженій»; умѣстными были бы тутъ и указанія на современное состояніе разработки явленій языка вообще и греческаго языка въ частности въ тѣхъ специальныхъ научныхъ дисциплинахъ, изъ коихъ только объ одной упоминаетъ г. Бузескулъ, но которыя всѣ, такъ же, какъ и эта одна, «блестяще развились въ XIX столѣтіи» (хотя зачатки ихъ встрѣчаемъ и въ античной литературѣ); таковы — кромѣ сравнительнаго языкознанія—наука объ языкѣ и исторія греческаго языка съ его діалектологіею.

Большей обстоятельности, большей отчетливости въ изложеніи нельзя не пожелать и—слѣдующему за отдѣломъ объ «языкѣ»—отдѣлу о «преданіяхъ (миѳахъ и сказаніяхъ)» (3—6). Такъ какъ «преданія въ устной формѣ отъ грековъ до насъ не дошли[2]), а сохранились... въ передачѣ художниковъ, поэтовъ, историковъ, философовъ и пр.» (3), то слѣдовало-бы остановиться на вопросѣ, въ какой именно мѣрѣ въ доступныхъ намъ слѣдахъ этихъ преданій «сказывается міросозерцаніе» (3) или «духовный міръ народа» (6), уяснить, какое значеніе принадлежало здѣсь появленію и распространенію письменности, и какъ вообще могли фиксироваться преданія, пока они не находили себѣ такого или иного выраженія «въ памятникахъ искусства и въ письменной литературѣ», точнѣе выяснить самую природу преданій—между прочимъ и характерное для нихъ столь сложное соотношеніе между формою и содержаніемъ[3]),—отчетливѣе установить ихъ внутреннюю классификацію, не забывъ при этомъ—наряду съ «миѳомъ, сагами, легендами и т. под.»—и

---

[1]) Мимоходомъ замѣтимъ, что вышедшая часть „Völkerpsychologie" Wundt'а ошибочно цитуется авторомъ къ отдѣлу о «преданіяхъ» (515), а не къ отдѣлу объ «языкѣ».

[2]) Что преданія не дошли до насъ въ устной формѣ непосредственно отъ древнихъ грековъ, это разумѣется само собою; но они могли дойдти до насъ въ устной формѣ посредственно (напр., чрезъ посредство новыхъ грековъ), чему, впрочемъ не приходится придавать большого значенія; во всякомъ случаѣ устная форма едва-ли обезпечивала бы собою неповрежденность и «народность» преданій.

[3]) Ср. особенно *Wilamowitz-Moellendorff,* Euripides Herakles I[1], 96 ff.

новеллъ и даже анекдотовъ, сказокъ, пословицъ[1]), разъяснить то «отношеніе», какое «имѣютъ миѳы (а также и другія «сказанія»?) къ религіи и культу», наконецъ не ограничиваться отдѣльными произвольно выбранными и не совсѣмъ точно переданными «примѣрами» «разнообразныхъ и противорѣчивыхъ» «объясненій миѳовъ и сказаній», когда рѣчь идетъ о «нелегкомъ дѣлѣ» «толкованія» не то «сказаній», не то «миѳа», не то „саги", не то «сказаній или миѳовъ» (4—5), а попытаться установить (т. е. указать) такіе общіе принципы, которые предохранили бы желающихъ «извлечь изъ фантастической оболочки зерно исторической дѣйствительности» отъ «ошибокъ, натяжекъ, или произвольныхъ, фантастическихъ толкованій» (4), или, по крайней мѣрѣ, познакомить—конечно въ общихъ, но отчетливыхъ чертахъ—съ методами или пріемами толкованія преданій составляющими послѣднее слово (или послѣднія слова) науки[2]).

Не вполнѣ отвѣчаетъ важности вопроса и изложеніе отдѣла о «вещественныхъ памятникахъ» кромѣ выдѣленныхъ въ «особую категорію» монетъ. Нѣсколько болѣе чѣмъ общихъ замѣчаній, въ формѣ тезисовъ, о «важности вещественныхъ памятниковъ, какъ историческаго источника» (6—7), нѣсколько такихъ же замѣчаній о «служащихъ самымъ яркимъ примѣромъ» этой «важности» «открытіяхъ Шлимана, его сотрудниковъ и продолжателей» (7—8) и голый, или почти голый перечень «важнѣйшихъ(?) съ точки зрѣнія греческой исторіи вещественныхъ памятниковъ», въ количествѣ 25 нумеровъ, (9—12) далеко не даютъ достаточнаго понятія о «видномъ (можно сказать даже—виднѣйшемъ) мѣстѣ», какое «занимаютъ въ ряду источниковъ греческой исторіи вещественные памятники». Впрочемъ нѣкоторыя довольно-существенныя (фактическія) «дополненія» къ изложенію этого отдѣла читатели «Введенія» «найдутъ—какъ указывается и въ Предисловіи—въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ очерка разработки греческой исторіи, гдѣ рѣчь идетъ тоже(?) о раскопкахъ, хотя и съ другой точки зрѣнія» (III).

---

[1]) Т. е. и пословицъ вообще, и спеціально пословицъ такого типа, какъ δέχετα καὶ βῶλον 'Αλήτης или Μεγαρέων δάκρυα или Λοκροὶ τὰς συνθήκας (подобными παροιμίαι пользовались и греческіе историки, между прочимъ и Аристотель въ своихъ Политіяхъ). Сюда же относятся и поговорки, высмѣивавшія, напр., обитателей отдѣльныхъ областей Еллады (Βοιωτία ὗς) или демотовъ отдѣльныхъ демовъ Аттики.

[2]) Новое (фольклористическое?) направленіе въ изслѣдованіи греческихъ «миѳовъ и сказаній» (Usener, Rohde, Dümmler) не затронуто г. Бузескуломъ даже въ библіографическихъ указаніяхъ.

Хоть также слишкомъ коротко, но уже нѣсколько отчетливѣе трактуются «монеты» (12—13); не совсѣмъ понятно только, какія именно «медали» составляютъ вмѣстѣ съ монетами «особую категорію памятниковъ» (12), и какими именно „точными датами снабжены греческія монеты», благодаря чему «онѣ (по словамъ автора) имѣютъ большое значеніе и для хронологіи» (13).

Слѣдующій отдѣлъ обзора источниковъ (14—23) носитъ малообѣщающее заглавіе: «Надписи и другіе документы». Надписямъ здѣсь посвящены всего $8^1/_2$ страницъ; но и изъ нихъ почти половина удѣлена на сообщеніе общихъ свѣдѣній объ эпиграфикѣ съ ея исторіей (18—19) и на перечисленіе „сборниковъ надписей" (19—22); на остальныхъ страницахъ говорится о внѣшней формѣ надписей (14), указывается ихъ „значеніе и содержаніе" (14—15), перечисляются кое-какія „важнѣйшія надписи"[1]) (16—18), и, сверхъ того, особо (т. е. въ особомъ параграфѣ) выясняются „недостатки надписей какъ источника" (15—16). Казалось бы, что въ наше время споръ о томъ,—что важнѣе, надписи, или „литературные источники", такъ же невозможенъ, какъ и споръ XVII-го столѣтія о томъ,—важнѣе-ли монеты, или надписи, или какъ споръ—читать-ли въ книгѣ однѣ четныя, или однѣ нечетныя страницы. Если г. Бузескулъ опять поднимаетъ этотъ праздный споръ, рѣшая его, повидимому, не въ пользу надписей (ср. 504), то объясняется это тѣмъ, что онъ не достаточно полно и отчетливо представляетъ себѣ (и другимъ), какой своеобразной и громадной важности источникъ,—бьющій живымъ ключемъ, почти не изсякаемый и далеко еще не исчерпанный,—представляютъ собою греческія надписи. „Самое разнообразное содержаніе надписей", „обнимающихъ государственную, религіозную и частную жизнь" (15), почти все безъ остатка г. Бузескулъ сводитъ къ понятію о документахъ. Безспорно, громадная масса надписей представляетъ собою именно документы, относящіеся къ области междуна-

---

[1]) Неуловимы тѣ основанія, по какимъ выдѣляются эти «важнѣйшія надписи», какъ непонятно и то, почему „Паросскій мраморъ (поскольку онъ—„скорѣе литературное произведеніе") составляетъ исключеніе изъ общаго типа надписей", а „зато типична гортинская надпись" (17). Говоря объ эпиграфическихъ «древнихъ договорахъ» (42), авторъ цитуетъ лишь „C.J.G. I, 11" (Michel, 1; трудъ v. *Scala*, Die Staatsverträge des Altertums, I, замѣтимъ кстати, не упоминается во „Введеніи"), какъ и „списокъ жрецовъ Поссейдона въ Галикарнасѣ" (не единственный въ своемъ родѣ изъ числа эпиграфическихъ) цитуется (42) лишь по „C.J.G. II, N 2655" [Ditt. S^2 608].

роднаго, государственнаго или частнаго[1]) права, т. е. или его законодательныхъ нормъ, или его практическаго осуществленія; но уже по своему количеству рядомъ съ этими документальными надписями стоятъ надписи посвятительныя и надгробныя, и если даже и признавать наличность въ этихъ послѣднихъ надписяхъ юридическаго момента, то уже никакъ нельзя сводить къ нему все ихъ значеніе, какъ это рекомендовалъ нѣкогда В. А. Шефферъ[2]); во всякомъ случаѣ, поскольку въ этихъ послѣднихъ надписяхъ краткія отмѣтки смѣняются или замѣняются цѣлыми ἐπιγράμματα, ихъ приходится уже сближать скорѣе съ тѣми—вовсе не такъ уже малочисленными, чтобы считать ихъ «своего рода исключеніями изъ общаго типа» (14[3]. 17)—надписями, которыя представляютъ собою «литературныя произведенія». Но если по своему существенному содержанію далеко не всѣ надписи имѣютъ значеніе лишь «источника документальнаго и притомъ большею частію офиціальнаго» (15), то еще болѣе разнообразныя показанія, нежели это ихъ основное содержаніе, даетъ намъ ихъ формальная сторона, т. е. различныя приводимыя въ отдѣльныхъ надписяхъ частности и подробности. Конечно, правъ г. Бузескулъ, когда онъ утверждаетъ, что «о многомъ надписи ничего не сообщаютъ, да иногда и не могутъ сообщить по самому свойству эпиграфическаго матеріала», и что «и по отношенію къ надписямъ необходима критика»[3]); но едва-ли онъ правъ, когда полагаетъ, что «надписи ничего не скажутъ намъ о стремленіяхъ, взглядахъ, идеалахъ общества, о перемѣнахъ въ нихъ, объ умственномъ движеніи»[4]) и даже «о насиліяхъ и правонарушеніяхъ», или

---

[1]) Разумѣется, эти и другія наши дѣленія права, не вполнѣ устойчивыя и теоретически, еще менѣе устойчивы въ примѣненіи къ греческому праву. Выдѣлять здѣсь сакральное право (т. е. ставить его внѣ государственнаго и частнаго права) едва-ли необходимо.

[2]) *Филологическое Обозрѣніе*, I, 114 сл.

[3]) „Надписи могутъ съ намѣреніемъ... представлять дѣло въ нѣсколько иномъ свѣтѣ; онѣ являются иногда оффиціальною версіею, мало соотвѣтствующею дѣйствительности“ (16): эти (вѣрныя) замѣчанія (въ параграфѣ о „недостаткахъ надписей“) не согласованы у г. Бузескула съ замѣчаніемъ (параграфа о „значеніи надписей“), что „надписи чужды той субъективности, которая отличаетъ произведенія историковъ“ (15).

[4]) Неужели ничего не скажутъ намъ о взглядахъ общества хотя бы, напр., defixionum tabellae (atticae и не atticae), или объ умственномъ движеніи—тѣ очень многочисленныя надписи, которыя содержатъ въ себѣ литературныя произведенія или свидѣтельства о литературныхъ произведеніяхъ признанныхъ (нашей рукописной традиціей) и не признанныхъ геніевъ?

когда онъ считаетъ надписи «лишенными, такъ сказать, индивидуальности».

Короче говоря, трактованіе надписей въ обзорѣ проф. Бузескула ни въ какомъ отношеніи, за исключеніемъ библіографическаго, не соотвѣтствуетъ тому «чрезвычайно важному мѣсту», какое «занимаютъ онѣ среди источниковъ греческой исторіи» (14).

Отъ «каменнаго архива надписей»[1]) авторъ переходитъ къ самымъ бѣглымъ замѣчаніямъ о «существовавшихъ въ Греціи рукописныхъ документахъ» (22) и о «сохранившихся въ Египтѣ[2]) греческихъ папирусахъ» (23), опять-таки отмѣчая лишь «документальный матеріалъ, содержащійся во многихъ изъ этихъ папирусовъ». Впрочемъ, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о папирусахъ находимъ во второй части Введенія,—гдѣ идетъ рѣчь объ «открытіяхъ 90-хъ годовъ и начала XX в.» (427—438).

6.

Покончивъ на двадцати одной страницѣ съ языкомъ, преданіями, памятниками вещественными, надписями и другими документами, авторъ остальныя 272 страницы своего обзора источниковъ посвящаетъ отдѣлу о «литературныхъ произведеніяхъ». «Какъ ни важны—говоритъ онъ—для современнаго историка Греціи вещественные памятники и надписи, все-же главнымъ источникомъ для него являются памятники литературные,—конечно, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. разумѣя не только произведенія поэтическія, но и философскія, историческія и проч.; они даютъ намъ самый богатый и разнообразный матеріалъ» (23—24).

---

[1]) Это выраженіе: „каменный архивъ" г. Бузескулъ примѣняетъ не только ко всей наличности дошедшихъ до насъ (иногда и не на камнѣ) надписей (ср. 503): „надписи—читаемъ у него (14)—составляютъ какъ-бы каменный музей или архивъ Эллады, и въ нѣкоторыхъ областяхъ ея, напр. въ Аттикѣ, каждый городъ (?), почти каждая деревушка (?) имѣла свой подобнаго рода архивъ". Вѣроятно, тутъ имѣются въ виду уже древнегреческія τεμένη, обыкновенно представлявшія собою, дѣйствительно, и каменные (не исключительно, впрочемъ, каменные) архивы, и каменные (не исключительно, впрочемъ, каменные) музеи, но уже не надписей, а произведеній искусства, отчасти-же и каменныя библіотеки (поскольку вырѣзались на камнѣ не документы, а литературныя произведенія).

[2]) О весьма важныхъ для историка volumina Herculanensia г. Бузескулъ не упоминаетъ.

Этотъ отдѣлъ обзора авторъ начинаетъ съ «указаній и замѣчаній» о гомерическомъ эпосѣ, Гесіодѣ, о лирикахъ до Пиндара и Бакхилида (включительно), о трагикахъ до Еврипида, о комикахъ до Аристофана (24—34); затѣмъ, «обращаясь къ прозаической литературѣ Греціи», онъ «касается прежде всего произведеній философскихъ и ораторскихъ»—до Аристотеля и до Демосѳена (34—38) и, такъ какъ, «говоря объ источникахъ, слѣдуетъ упомянуть о Гиппократѣ», то упоминаетъ о сочиненіи περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων, безусловно приписывая его Гиппократу (39); далѣе онъ «подробнѣе останавливается на историкахъ» (39—290), при чемъ говоритъ не о собственно-исторіографическихъ только произведеніяхъ, но также и о мемуарахъ, о политическихъ трактатахъ и памфлетахъ, о философско-риторическихъ и другихъ сочиненіяхъ какъ «историковъ» (Ксенофонта, Плутарха), такъ (иногда) и собственно не историковъ; замыкая собою рядъ историковъ, фигурируютъ, безъ какого-либо общаго (нарицательнаго) наименованія, не только Діогенъ Лаэртскій, Фаворинъ, Аѳиней и Эліанъ, Поліэнъ и хронографы, но и Діонъ Хрисостомъ, Стобей, Элій Аристидъ, Лукіанъ (какъ авторъ трактата πῶς δεῖ ἱστορίαν συγγράφειν), лексикографы, Фотій и собиратели эксцерптовъ при Константинѣ Багрянородномъ[1]); заключается отдѣлъ указаніями и замѣчаніями о «географахъ и путешественникахъ(?)-періэгетахъ» (290—295).

Таково содержаніе и таково распредѣленіе содержанія въ отдѣлѣ о «литературныхъ произведеніяхъ». Очевидно, при этомъ распредѣленіи авторъ руководился отчасти обычной въ исторіяхъ греческой литературы классификаціей литературныхъ произведеній по ихъ родамъ и видамъ, отчасти моментами историческими, или хронологическими, отчасти можетъ-быть даже и „идеей эволюціи“ литературныхъ родовъ и и видовъ[2]), отчасти, наконецъ, и чисто-внѣшними, случайными мотивами[3]). И это смѣшеніе различныхъ принциповъ сказалось не только на

---

[1]) Авторъ заходитъ здѣсь такимъ образомъ и въ «византійскую эпоху». Онъ касается—но совсѣмъ вскользь—и римской исторической литературы, упоминая о Трогѣ Помпеѣ и Юстинѣ (264), Корнеліи Непотѣ (265), Авлѣ Геллін (286) и латинской переработкѣ Евсевія (288).

[2]) Не подъ вліяніемъ-ли этой идеи получились такіе низкіе termini ante quos изложеній о различныхъ родахъ литературныхъ произведеній, кромѣ «трудовъ историковъ» и «географовъ и періэгетовъ»,—особенно же объ эпосѣ и лирикѣ?

[3]) Такъ, изложеніе о псевдо-ксенофонтовой Аѳинской Политіи (135—139), хотя „въ настоящее время почти (?) никто не сомнѣвается, за исключеніемъ развѣ Belot (писав-

общей схемѣ изложенія всего этого отдѣла, но и на ходѣ изложенія отдѣльныхъ его параграфовъ—какъ тѣхъ, гдѣ «оставляются въ сторонѣ историки», такъ и тѣхъ, которые посвящены «трудамъ историковъ». Разумѣется, главную роль и тутъ сыграла знакомая намъ теоретическая двойственность, или раздвоенность поставленной себѣ авторомъ задачи, т. е. желаніе его дать одновременно и «обозрѣніе того разнообразнаго матеріала, которымъ въ видѣ источниковъ располагаетъ современная наука по части греческой исторіи», и «очеркъ исторической мысли, страницы изъ исторіи умственной жизни древности»; но несомнѣнно и то, что и самое выполненіе такъ поставленной задачи не только не сглаживало собою, но нерѣдко даже подчеркивало вытекавшія изъ ея двойственности практическія неудобства. Въ результатѣ получилось изложеніе ни историческое, ни систематическое, а лишь отрывочное, эпизодическое—и очень, притомъ неравномѣрное, т. е. «непропорціональное».

На самый существенный пунктъ этой «непропорціональности» указываетъ самъ г. Бузескулъ. «Здѣсь не мѣсто—говоритъ онъ—подробно, систематически обозрѣвать этотъ родъ источниковъ (т. е. литературныя произведенія), такъ какъ это значило бы обозрѣвать едва-ли не всю[1]) греческую литературу; я ограничусь краткими указаніями и нѣсколькими замѣчаніями; подробнѣе же остановлюсь лишь на греческихъ историкахъ» (24),—«ибо труды историковъ являются для насъ источникомъ, такъ сказать, вдвойнѣ» (39). Итакъ, относительно «памятниковъ греческой литературы» кромѣ тѣхъ, которые выдѣлены имъ къ качествѣ не то «историковъ», не то «трудовъ историковъ», авторъ ограничивается лишь «краткими указаніями и нѣсколькими замѣчаніями»: какъ нельзя болѣе вѣрно это опредѣленіе тѣхъ свѣдѣній, какія даются о произведеніяхъ не-историковъ или не-историческихъ въ нашемъ обзорѣ.

Таковы, прежде всего, свѣдѣнія о «гомерическомъ эпосѣ», которому, по словамъ г. Бузескула, «мы обязаны знакомствомъ съ такъ назыв. гомерической эпохой и ея бытомъ,»[2]) и, въ связи съ тѣмъ, о «гоме-

шаго въ 1880 г.), въ томъ, что это произведеніе не Ксенофонта", а хотя „трактатъ написанъ, повидимому, въ первые годы Пелопоннесской войны" (136),—заключаетъ собою главу о Ксенофонтѣ; впрочемъ въ этой главѣ ставятся на счетъ Ксенофонту и тѣ трактаты, „относительно принадлежности коихъ Ксенофонту нѣкоторые сомнѣваются", напр. Πόροι (122. 135); то же видимъ и въ параграфѣ о Moralia Плутарха 275—276.)

[1]) Почему-же не прямо: всю?

[2]) Пора было-бы перестать изолировать гомеровскую эпоху.

рическомъ вопросѣ» (24—27). «Краткость указаній» не только совсѣмъ не соотвѣтствуетъ значенію гомеровскихъ поэмъ, какъ источника—мы сказали-бы, не по «гомерической эпохѣ», а вообще по древнѣйшей исторіи еллиновъ,—но и обусловливаетъ собою не полную тщательность изложенія. Сложный «гомеровскій вопросъ» излагается здѣсь не только слишкомъ сокращенно, но и слишкомъ упрощенно; какъ показываютъ отчасти и ссылки самого автора на Грота и Эргардта, далеко не вся исторія этого вопроса сводится къ борьбѣ двухъ «лагерей»—«вольфіанцевъ и унитаріевъ», «съ теченіемъ времени сдѣлавшихъ» другъ другу «большія уступки». Вѣрное замѣчаніе, что «гомерическій эпосъ является продуктомъ многовѣковаго развитія», почему «въ немъ и отразились черты не одной какой-либо (напр., «гомерической»?) тѣсно ограниченной эпохи» (27), заслуживало-бы разъясненія болѣе обстоятельнаго и болѣе точнаго, нежели то, какое дѣлается авторомъ «Введенія», мало считающимся съ тѣмъ, что наши гомеровскія поэмы «развивались», или творились долгое время—какъ въ своемъ содержаніи, такъ и въ своей формѣ, причемъ соотношенія между содержаніемъ и формой въ исторіи «развитія» этихъ поэмъ были чрезвычайно сложными и пестрыми[1]). Кромѣ того, «оцѣнка гомерическаго эпоса, какъ историческаго источника» только выиграла бы, если-бы авторъ не изолировалъ его, т. е. «оцѣнивалъ»-бы его въ связи если не со всѣми остальными источниками нашихъ «знаній о древнѣйшемъ періодѣ греческой исторіи», то по крайней мѣрѣ въ связи съ другими древнѣйшими греческими эпосами.

О нѣкоторыхъ изъ этихъ эпосовъ авторъ упоминаетъ (самымъ бѣглымъ образомъ) лишь въ главѣ о греческой исторіографіи (40); здѣсь же послѣ замѣчаній о гомерическомъ эпосѣ онъ дѣлаетъ «краткія указанія» объ «эпосѣ Гесіода», т. е. только о Ѳеогоніи и Трудахъ и дняхъ (27—28), а затѣмъ переходитъ къ не менѣе краткимъ и блѣднымъ указаніямъ о лирикахъ VII—V в. (28—29). Лирики тутъ имѣютъ для него значеніе лишь постольку, поскольку они касаются «современныхъ имъ событій» (въ томъ числѣ, впрочемъ, и «борьбы классовъ») или даютъ «указанія и намеки на историческія лица и событія или на преданія и миѳы», или «являются свидѣтелями и выразителями того высоко

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что вопросъ о соотношеніи между содержаніемъ и формой, столь существенно-важный для пониманія особенно греческой литературы, и вообще не существуетъ для г. Бузескула,—какъ не упоминаетъ онъ нигдѣ и труда *Norden*, Die antike Kunstprosa (1898).

приподнятаго настроенія, того подъема духа, которые обнаружились въ Греціи послѣ торжества надъ персами». Если, такимъ образомъ, на лириковъ авторъ смотритъ съ точки зрѣнія не будущихъ, не возможныхъ вообще, а уже существующихъ налицо общихъ изложеній еллинской исторіи, то съ той же точки зрѣнія и драматическую литературу, т. е трагедію (29—31) и комедію (31—34), онъ разсматриваетъ не во всемъ ея развитіи, а лишь въ такихъ ея явленіяхъ, какъ трагедіи Эсхила, Софокла и особенно Еврипида и комедіи Аристофана[1]). Характерно, что эпосъ послѣ Гесіода, лирика послѣ Пиндара и Бакхилида, трагедія и комедія послѣ Еврипида и Аристофана какъ бы не существуютъ для нашего обзора источниковъ, какъ не существуютъ для него и, напримѣръ, сколіи, епиграммы, или номы, гимны, диѳирамбы, пэаны, βουκολικά и другіе столь многочисленные (не всегда, конечно, легко поддающіеся разграниченію) виды еллинской поэзіи[2]).

Въ томъ же направленіи (т. е. примѣнительно къ наличнымъ изложеніямъ греческой исторіи) нѣсколько суживается и трактованіе о «произведеніяхъ философскихъ (34—36) и ораторскихъ» (36—38), которое тоже доводится лишь до Аристотеля и до Демосѳена.[3]) Немногимъ шире

[1]) „Произведенія трагиковъ"—замѣтимъ кстати—даютъ намъ не только „воспроизведеніе миѳовъ и сказаній", „матеріалъ для характеристики міросозерцанія грековъ, ихъ идеаловъ" и „указанія на современныя поэту событія и явленія" (29—30): важна и „die Wahrung des kulturgeschichtlichen Kolorits im griechischen Drama" (такое заглавіе носятъ полезныя программы *R. Hecht'* а, посвященныя одна Эсхилу и другая Софоклу, Tilsit 1899. 1900). „Персовъ" Эсхила слѣдовало бы поставить въ связь не съ „Эвменидами" (30), а съ соотвѣтствующими трагедіями Фриниха съ одной стороны и съ эпосомъ Хирила—съ другой, а также и съ ролью персидскихъ войнъ въ исторіи не только греческой (и греко-римской) литературы, но и греческаго искусства (ср. *F. Koepp*, Sage und Geschichte in der griech. Kunst, 1898). Въ параграфѣ о комедіи—помимо уже элементовъ комедіи, или новой комедіи, или комедіи внѣ Аттики—слѣдовало-бы коснуться и комедіи историко-политической (особенно Евполида). Отсутствуютъ здѣсь, естественно, и указанія на новую (обширную и прекрасную) литературу по исторіи драмы внѣ поднятыхъ или затронутыхъ въ текстѣ вопросовъ.

[2]) Г. Бузескулъ упоминаетъ, правда, объ „извѣстной эпиграммѣ Симонида въ честь павшихъ при Ѳермопилахъ" (28) или „о застольныхъ пѣсняхъ", поскольку ими „не пренебрегалъ Аристотель въ πολ. 'Αθ." (211); зато онъ не упоминаетъ, напр., даже гомеровскихъ гимновъ.

[3]) Къ Политикѣ и къ Политіямъ и къ Этикѣ (Никомаховой) еще возвращается впрочемъ г. Бузескулъ въ отдѣлѣ объ историкахъ (153 сл. 216), какъ упоминаетъ онъ тамъ и о сочиненіяхъ Ѳеофраста и Дикеарха (217). При случаѣ касается онъ потомъ и рѣчей Діона Хрисостома, «особенно интереснаго тѣмъ, что у него (только-ли у него?) мы встрѣчаемъ идеи, напоминающія намъ Руссо и Л. Н. Толстого» (285), а также

трактуются «географы и путешественники (?)-періэгеты», которыхъ, по словамъ г. Бузескула, «нельзя обойти молчаніемъ при обзорѣ источниковъ греческой исторіи», но которымъ зато онъ и указываетъ въ своемъ обзорѣ мѣсто уже послѣ историковъ и даже послѣ «византійскихъ лексикографовъ» (290—295). И этотъ послѣдній параграфъ отдѣла о литературныхъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ имѣющій въ виду конечно Страбона и Павсанія, оказывается нѣсколько усѣченнымъ снизу, какъ параграфы объ эпикахъ, лирикахъ, трагикахъ, комикахъ, философахъ, ораторахъ являются рѣшительно усѣченными сверху, не говоря уже о болѣе или менѣе свойственной всѣмъ этимъ параграфамъ внутренней урѣзанности, т. е. и неполнотѣ, и нецѣльности.

Эта внѣшняя и внутренняя урѣзанность параграфовъ, посвященныхъ прочимъ видамъ литературныхъ произведеній кромѣ произведеній исторіографическихъ, отчасти конечно обусловливается тѣмъ привилегированнымъ и изолированнымъ положеніемъ, какое въ общей экономіи и въ общей архитектоникѣ этого отдѣла нашего обзора источниковъ (и вмѣстѣ всего обзора) занимаютъ «историки». Слѣдующій примѣръ лучше всего покажетъ, какія отсюда могли проистекать неудобства—и для автора, и для читателей «Введенія». «Произведенія философовъ—читаемъ въ параграфѣ о философахъ—являются нашимъ источникомъ не потому лишь, что служатъ выразителями умственныхъ теченій», но «и въ болѣе прямомъ (?) смыслѣ: они нерѣдко содержатъ фактическія сообщенія и наблюденія надъ историческою жизнью, надъ современнымъ философу порядкомъ; въ нихъ трактуются, напр., вопросы о государствѣ, его цѣли и задачахъ, о его наилучшемъ устройствѣ»; «многія рѣчи ораторовъ——говорится въ параграфѣ объ ораторахъ—имѣютъ характеръ политическій»; «ораторы нерѣдко были своего рода публицистами того времени»; «нѣкоторыя рѣчи Исократа (только-ли Исократа?) содержатъ въ себѣ историческія указанія», а его «Ареопагитикъ (только-ли Ἀρεοπαγιτικός?) показываетъ, какъ смотрѣли на старину въ IV в. въ Аѳинахъ лица, подобныя (?) Исократу». Мы попадаемъ здѣсь такимъ образомъ въ область той литературы—политическихъ и историко-политическихъ «трактатовъ, памфлетовъ и рѣчей», къ которой нашъ авторъ возвра-

---

двухъ (аѳинскихъ) рѣчей Элія Аристида (287). Отмѣтимъ еще, что аѳинскіе епитафіи, имѣющіе немаловажное значеніе и для пониманія общаго характера аѳинской исторической традиціи (*E. Meyer*, Forsch., II, 220 ff), въ обзорѣ г. Бузескула совсѣмъ не упоминаются.

щается ниже—въ главѣ объ историкахъ (151—158; ср. 135—139). „Безъ сомнѣнія,—читаемъ тамъ—историкъ не можетъ игнорировать этотъ родъ произведеній; для него они служатъ важнымъ и любопытнымъ источникомъ“ (151—152). Не стройность лишь изложенія, но и сущность дѣла много бы выиграла, если бы г. Бузескулъ удѣлилъ „этому роду произведеній“ въ своемъ обзорѣ особое мѣсто или, по крайней мѣрѣ, особое вниманіе[1]). Справедливо замѣчаетъ онъ, что „самостоятельное значеніе греческая политическая литература получила лишь V в.“ (151), при чемъ, конечно, имѣются въ виду преимущественно Аѳины; не менѣе вѣрно его указаніе на „сильный политическій элементъ въ лирикѣ“ (151; ср. 28); „политическій элементъ мы найдемъ—продолжаетъ онъ—и въ произведеніяхъ историковъ, у Геродота и Ѳукидида“ (151). Но развѣ этотъ „политическій элементъ“ (т. е. интересъ къ политикѣ не только въ ея прошломъ, но и въ ея настоящемъ и будущемъ) не выступаетъ уже и въ эпосѣ (особенно въ гомеровскомъ), затѣмъ въ трагедіи (больше всего, естественно, въ трагедіяхъ Еврипида), наконецъ въ комедіи, о которой самъ г. Бузескулъ говоритъ, что „греческая (аттическая?) комедія V-го вѣка была комедіей по преимуществу политической“ (32)? Развѣ не былъ замѣтенъ этотъ „политическій элементъ“ и въ философіи, особенно поскольку она переходила въ софистику или разрѣшалась въ реторику,—еще раньше чѣмъ стали появляться уже спеціально-политическіе трактаты и рѣчи? И если историки (и не только конечно Геродотъ и Ѳукидидъ) интересовались, наряду съ политической исторіей, и политической практикой и даже политической теоріей, то и политическіе писатели[2]) въ свою очередь, пользовались исторіей[3])—конечно чаще всего такъ, какъ пользовались ею, по наблюденію Аристотеля (Poet. 1451 b.), трагики, т. е. искажая ее въ своихъ цѣляхъ, по своему усмотрѣнію,—такъ-сказать

---

[1]) Для г. Бузескула не существуетъ (если не считать его—совершенно смѣшивающаго всѣ понятія—замѣчанія объ открытомъ Эд. Мейеромъ у Ефора памфлетѣ царя Павсанія, 153) не-аѳинская, или внѣаѳинская (по своему происхожденію и содержанію) и послѣаристотелевская (кромѣ Ѳеофраста и Дикеарха) политическая литература.

[2]) Политическіе мыслители, мечтатели, публицисты, памфлетисты, авторы политическихъ комедій и романовъ (ср. 132—о Киропедіи Ксенофонта).

[3]) Въ этой области встрѣчаемся мы даже—въ Политикѣ Аристотеля (Платонъ, хотя и пользовался историческимъ методомъ въ своихъ политико-соціальныхъ построеніяхъ, но слишкомъ презиралъ „ἱστορίη“, ср. Schmid, *N. Jahrbb.* CXLV, 88)—почти можно-сказать съ отожествленіемъ не только политики, но и тогдашней соціологіи съ исторіей.

заднимъ числомъ оправдывая свои теоріи болѣе или менѣе мнимою историческою практикою. Этой своей стороною собственно-политическая литература дѣйствительно соприкасается съ исторіографіей,—можно сказать даже, входитъ въ ея область,—какъ другими, и болѣе существенными, своими сторонами она соприкасается и съ эпосомъ, и съ лирикой, и съ драмой, и съ философіей, и съ риторикой, и даже съ «технической»[1]) литературой. И если авторъ обзора источниковъ не могъ не затронуть ея въ главѣ о произведеніяхъ философскихъ и ораторскихъ, какъ не могъ не затронуть ея и въ главѣ о произведеніяхъ исторіографическихъ,—то въ каждомъ изъ этихъ обоихъ случаевъ политическая литература подлежала бы разсмотрѣнію уже съ существенно-различныхъ точекъ зрѣнія; въ обзорѣ-же г. Бузескула эти точки зрѣнія не различаются,—въ чемъ можно видѣть новое доказательство недостаточной отчетливости изложенія и вообще отдѣла о «литературныхъ произведеніяхъ», и спеціально—главы объ «историкахъ».

7.

Въ этой главѣ объ «историкахъ» авторъ, какъ мы видѣли, хотѣлъ дать не только свѣдѣнія объ отдѣльныхъ «трудахъ историковъ» (въ хронологическомъ порядкѣ), но и цѣльный очеркъ исторіи «исторической мысли», «насколько она проявилась въ древности». Онъ и начинаетъ эту главу съ разсмотрѣнія «элементовъ начальной греческой исторіографіи» (40—42). «Эпосъ,преимущественно гесіодовъ, генеалогическій, и списки и записи, ἀναγραφαί—вотъ два главные элемента, изъ которыхъ развилась греческая исторіографія, въ ея первоначальной формѣ; къ нимъ затѣмъ нужно присоединить устныя, большею частью мѣстныя, преданія и свѣдѣнія или наблюденія, явившіяся результатомъ путешествій»,—такъ резюмируетъ свое разсмотрѣніе «элементовъ» исторіографіи г. Бузескулъ. Но «устныя преданія и свѣдѣнія, явившіяся результатомъ путешествій», едва-ли слѣдуетъ въ этомъ случаѣ лишь «присоединять» къ «эпосу и спискамъ и записямъ»,—потому что вѣдь и эпосъ разработывалъ—конечно посвоему—эти «преданія» и эти «свѣдѣнія»; какъ эпосъ съ одной стороны и «устныя преданія» и «свѣдѣнія» (о землѣ и о людяхъ) съ другой являются, въ данномъ случаѣ. величинами не со-

[1]) Ср. *Gomperz*, Griech. Denker, I, 310 ff.—*Espinas*, Les origines de la Technologie, 165 et suiv.

измѣримыми, такъ величинами различнаго порядка являются „списки", т. е. списки „побѣдителей, высшихъ сановниковъ (?), жрецовъ и проч.", „записи", т. е. „мѣстныя записи или хроники", и наконецъ „древніе договоры и законы, записанные на камнѣ и тому подобномъ матеріалѣ, принадлежащіе къ категоріи надписей (?)", о которыхъ здѣсь „не говоритъ", т. е. говоритъ г. Бузескулъ. Можно, разумѣется, представлять себѣ дѣло такъ, что греческая исторіографія вышла изъ эпоса съ одной стороны и изъ каталоговъ эпонимовъ съ другой[1]), причемъ первые историки (логографы) примыкаютъ—не къ „гесіодову", конечно, а къ гесіодовскому (или, если угодно, гесіодическому) эпосу; что же касается до „устныхъ преданій" или „свѣдѣній, являвшихся результатомъ путешествій", то, конечно, и ими пользовались историки, такъ же, какъ пользовались они иногда и „договорами и законами",—или какъ пользовались они, напр., и посвятительными надписями, или поэтами, не только эпическими, но и лирическими (или трудами своихъ предшественниковъ по работѣ); эти ихъ источники можно, если угодно, тоже называть элементами исторіографіи; только это будутъ элементы совсѣмъ уже другого порядка, нежели эпосъ и „списки". Относительно же „мѣстныхъ записей или хроникъ" является—кажется, болѣе чѣмъ законное—сомнѣніе, не слѣдуетъ-ли считать ихъ не элементами, а просто продуктами исторіографіи; вопросъ во всякомъ случаѣ заслуживалъ-бы гораздо болѣе пристальнаго разсмотрѣнія, нежели то, какое удѣлилъ ему авторъ въ разныхъ мѣстахъ своего обзора источниковъ.[2])

Такимъ образомъ, элементы греческой исторіографіи „въ начальной стадіи ея развитія" (т. е. въ стадіи логографіи), такъ или иначе, прямо отмѣчаются авторомъ. Но о дальнѣйшихъ стадіяхъ этого развитія мы не находимъ уже сколько-нибудь цѣльныхъ трактованій, и кто хотѣлъ бы при помощи обзора г. Бузескула слѣдить за теченіями „исторической мысли древности", за „движеніемъ, происходившимъ въ этой

---

1) Такъ, повидимому, представлялъ себѣ дѣло еще авторъ платоновскаго Ἱππίας μείζων, 285 D sq.

2) (42. 49. 149—151. 193—201. 217. 219. 224. 434—436). Эта „локальная традиція" разработана, правда, еще не достаточно (*Wilamowitz-Möllendorff*, Aristoteles und Athen, II, 17 ff. I, 260 ff.; Vogt въ *N. Jahrbb.* Suppl. XXVII, 3); весьма важный матеріалъ для уясненія ея характера даютъ и надписи (*Dittenb.*[2] 259. 492. 671. 721. 722; *Michel*, 36. 65. 66. 206. 296; *SGDJ* 2724ff.; *Gr. Inscr. Br. Mus.* 403. 409; *BCH.* XIII, 250; *JPE.* I 184; *CIGP* 1153), особенно недавно найденная надпись паросская (*Ath. Mitth.* XXV, 1 ff.).

области", долженъ много потратить усилій, чтобы добраться до отдѣльныхъ уже указаній на этотъ счетъ, попутно высказываемыхъ въ разныхъ мѣстахъ обзора. «Связь, напримѣръ, исторіографіи съ эпосомъ» не опредѣляется только тѣмъ, что «произведенія логографовъ имѣютъ много общаго съ эпосомъ, который служилъ для нихъ образцомъ», и если они «ближе примыкаютъ къ эпосу гесіодову (т. е. гесіодовскому), нежели гомерическому»,—то не потому, конечно, что «миѳы и саги, генеалогіи и т. под. занимаютъ въ нихъ видное мѣсто» (44), а потому, что для логографовъ, вообще говоря, не существовало гомеровскаго единства дѣйствія[1]), что полнота́ знанія и для нихъ замѣняла собою его цѣльность[2]),—тогда какъ «отецъ исторіи» «ближе стоитъ къ Гомеру» (52) именно потому, что возвращается опять къ «единству главной темы» (52), т. е. къ гомеровскому единству дѣйствія; и то же единство дѣйствія мы видимъ и въ исторіи Ѳукидида. Но «тема Ѳукидида несравненно у̀же и не такъ сложна», какъ тема Геродота (80), и, соотвѣтственно этому «ограниченію горизонта» (79), «разница» между Ѳукидидомъ и Геродотомъ оказывается «едва-ли» не «большей», нежели «между Геродотомъ и его предшественниками» (52)—въ томъ числѣ и Гекатеемъ,—въ томъ именно слыслѣ, что Ѳукидидъ «положилъ начало исторіи какъ наукѣ» (80), такъ какъ у него критическое отношеніе къ традиціи—сказывавшееся и раньше (особенно у Гекатея и Геродота), но случайно, не систематично, часто даже наивно[3])—рѣшительно одерживаетъ верхъ надъ рапсодической передачею дѣяній,—такъ что спустя два поколѣнія поднимается даже[4]) теоретическій споръ о томъ, что̀ вообще поучительнѣе—исторія или поэзія, споръ любопытный не только потому, что исторія здѣсь противопоставлялась уже поэзіи, но и потому, что спорившіе (или примкнувшіе къ этому спору) не могли не исходить изъ того или иного опредѣленія содержанія исторіи: это содержаніе рѣшительно сводилось къ отдѣльнымъ дѣяніямъ и рѣчамъ[5]); единству дѣй-

---

[1]) Ср. Aristot. *Poet.* 1451 a.

[2]) Именно за то, что они растерялись въ этой массѣ своихъ свѣдѣній, не знали, какъ спаять ихъ, порицаетъ этихъ συγγραφεῖς Діонисій Галикарнасскій (44), противопоставляя имъ Геродота.

[3]) Относительно „раціонализма" у Геродота (62—63) г. Бузескулъ напрасно, кажется, не воспользовался разъясненіями и ограниченіями *E. Meyer*'a, Forsch. II, 252 ff.

[4]) Прежде всего, конечно, Аристотель (*Poet.* 1457a sq.) и поднявшій брошенную имъ перчатку Поливій (II, 56, 10 sq.).

[5]) Рѣчь, т.е. ея произнесеніе, есть въ сущности такой же актъ и фактъ, какъ и дѣяніе; этимъ средствомъ и пользовались античные историки, чтобы объяснять дѣя-

ствія ни теоретически, ни практически опять не придавалось уже важнаго значенія ни въ монографическихъ, ни въ «всеобщихъ», или «универсальныхъ» изложеніяхъ греческой исторіи[1]),—пока въ «величайшемъ созданіи Судьбы» (ср. 235)—въ римской державѣ не указанъ былъ Поливіемъ (227. 232 сл.) центральный пунктъ, вокругъ котораго могли бы теперь группироваться важнѣйшіе факты исторіи, но уже не всегреческой, а всемірной исторіи (т. е. исторіи грекоримской культурной сферы); но и этимъ указаніемъ Поливія почти не воспользовались послѣдующіе историки; впрочемъ и онъ самъ воспользовался этимъ своимъ центральнымъ пунктомъ уже гораздо болѣе внѣшнимъ образомъ, нежели Геродотъ своей борьбой еллинскаго Запада съ варварскимъ Востокомъ.

Но если въ лицѣ Ѳукидида исторіографія отрѣшилась отъ поэзіи,—то отрѣшилась не во всемъ, а главное—не на всегда. Въ общей экономіи греческой литературы преобладаніе поэзіи смѣняется преобладаніемъ риторики, и можно сказать даже—поэзія въ общемъ своемъ значеніи разрѣшается въ риторику[2]); естественно, что и въ исторіографію, послѣ Ѳу-

---

нія (т. е. ихъ мотивы, обстановку, иногда и результаты) не нарушая хронологической нити своего расказа. Этотъ пріемъ влагать рѣчи въ уста героевъ повѣствованій наслѣдовала исторіографія отъ эпоса (посредствующимъ звеномъ между эпосомъ, особенно гомеровскимъ, и Ѳукидидомъ, у котораго рѣчи составлены уже по всѣмъ правиламъ расцвѣтшаго къ тому времени ораторскаго искусства, былъ Геродотъ). По Поливію (XII, 25a) рѣчи суть σχεδὸν ὡς εἰ κεφάλαια τῶν πράξεων (эти слова Поливія упускаетъ изъ виду г. Бузескулъ, когда говоритъ о рѣчахъ въ его исторіи, 245—246). Что касается до „дѣяній" вообще, къ которымъ сводили исторію античные писатели, то напрасно не считаются обыкновенно съ тѣмъ, что это не были исключительно военныя или политическія дѣянія, но также и дѣянія культурныя: и миѳы, легенды, новеллы, анекдоты, и эпосъ (особенно гомеровскій), и Геродотъ, и логографы, и мѣстные историки (напр. атѳидографы, или вновь открытый—въ надписи *Ath. M.* XXV, 1 ff.—паросскій историкъ Δημέας, или вновь открытый Anonymus Argentinensis), и Ѳеопомпъ, и Тимей, не говоря уже о монографической литературѣ, явившейся въ результатѣ раздѣленія исторіографическаго труда (особенно со времени Аристотеля,—хотя это раздѣленіе началось еще въ V в.), вовлекаютъ въ сферу своихъ повѣствованій „дѣянія" (въ частности εὑρήματα) не изъ области только войны и политики, а также и изъ области культа, литературы, искусства, науки (философіи); особенно характерно въ этомъ отношеніи Marmor Parium.

[1]) Разсужденія г. Бузескула объ „универсальности" исторій Ефора и Ѳеопомпа, особенно поскольку они касаются сравненія Ефора съ Геродотомъ и Поливіемъ (141 сл. 227), не отличаются, кажется, особенной отчетливостью.

[2]) Ср. особенно *Norden*, Die antike Kunstprosa, 1, 30 ff. 73 ff. Съ этимъ можно поставить въ связь и „стремленіе" Дурида (219) или Филарха (223), а также и другихъ историковъ (напр., по отзывамъ древнихъ критиковъ—Ктесія) „къ изобразительности и занимательности,—къ чувствительнымъ или трагическимъ сценамъ".

кидида и Ксенофонта, «проникаетъ риторическое направленіе» (141), которому и подчиняется, въ той или иной мѣрѣ, большинство греческихъ (а за ними и римскихъ и греко-римскихъ) историковъ[1]). Но рядомъ съ поэзіей, разрѣшавшейся въ риторику, выдвигается и нехудожественная проза, «дѣловая рѣчь», между прочимъ и «съ цифрами или именами» (41), и, соотвѣтственно этому, въ исторіографіи, наряду съ художественнымъ моментомъ, заявляетъ себя и моментъ научный[2]); цѣлый рядъ «историческихъ произведеній»—какъ, повидимому, труды Дамаста (139)[3]), или «мѣстныхъ историковъ», въ томъ числѣ атѳидографовъ, (149—151)—даетъ уже не возможно-цѣльныя, а возможно-полныя, «сухія, фактическія, безъ риторическихъ прикрасъ» (150) изложенія исторіи, или исторій и біографій, и отчасти къ этимъ труженикамъ исторической науки примыкаетъ въ своихъ историческихъ штудіяхъ и Аристотель со своими учениками (157 сл. 216 сл.).

Но и въ этой художественной, и въ этой ученой исторіографіи если не все содержаніе, то существенное содержаніе исторіи сводится опять-таки лишь къ дѣяніямъ, лишь къ тому, что̀ виднѣлось на поверхности исторической жизни[4]); и если историки и уклонялись иногда въ сторону отъ этой своей ближайшей задачи—излагать лишь видныя дѣянія, то уклоненія эти являлись обыкновенно какими-то «екскурсами» (если не подстрочными примѣчаніями), какими-то неорганическими придатками къ основнымъ схемамъ ихъ повѣствованій. Однако въ этихъ уклоненіяхъ, еще больше, нежели въ выборѣ (или подборѣ) и трактованіи отдѣльныхъ фактовъ, сказывалось сознаніе важнаго, широкаго и общаго значенія исторіи, сказывалась своего рода философія исторіи,—и мы можемъ отчасти прослѣдить, какъ мѣнялся объемъ этого историческаго любопытства, этой исторической любознательности. Мы

---

[1]) Недаромъ ведутся потомъ нескончаемые споры о томъ, какимъ стилемъ должна писаться исторія.

[2]) Само собою разумѣется, что моменты эти могли заявлять себя или совмѣстно (въ одномъ и томъ же произведеніи), или раздѣльно.

[3]) Рядомъ съ Дамастомъ (139) слѣдовало-бы упомянуть и Главка Регійскаго.

[4]) Вопросы тогдашней критики историческихъ сочиненій сводятся лишь къ тому, въ достаточномъ-ли количествѣ и въ достаточно-ли провѣренномъ видѣ излагаются эти „дѣянія“, и какъ они излагаются, т. е. не слишкомъ-ли сухо, или не слишкомъ-ли ярко (съ излишними драматическими ефектами); поучительность же исторіи сводится къ положенію, что она есть „философія въ примѣрахъ“. Неудивительно, что въ исторіи стали потомъ видѣть (ср. Sext. Emp. adv. gram. I, 12) ὕλην ἀμέθοδον, ἀμέθοδον παράπηγμα.

видимъ, напримѣръ, какъ въ художественной исторіографіи, на смѣну интересу къ «землѣ и людямъ» вообще (44 сл. 57 сл.), является интересъ къ политической (отчасти и политико-соціальной) жизни (ср. 63. 95. 122. 144 сл.), уступая потомъ свое мѣсто интересу къ вопросамъ политикоэтическимъ или даже чисто-этическимъ (ср. 236 сл.), и отчасти опять интересу къ землѣ и людямъ (221 сл. 238 сл. 263. 267. 290 сл.); мы видимъ, какъ ученая исторіографія кромѣ видныхъ дѣяній начинаетъ косвенно интересоваться уже и бытовой стороной историческаго процесса, и если уже въ Атѳидахъ, по (не совсѣмъ счастливому) выраженію г. Бузескула, «преобладаетъ историко-антикварный элементъ» (151), то со времени Аристотеля этотъ «большой интересъ» къ собственно «антикварнымъ» уже «изслѣдованіямъ» (216) «обнаруживается» и въ спеціальныхъ работахъ[1]), причемъ интересъ этотъ подхватывается потомъ и античными филологами (критиками или грамматиками), поскольку въ своихъ схоліяхъ и лексиконахъ[2]) они сопоставляютъ наряду съ другимъ важнымъ для пониманія классическихъ произведеній греческой литературы матеріаломъ—и матеріалъ антикварный. Въ связь съ этими писателями о «древностяхъ» могли бы быть поставлены и періэгеты,—какъ съ другой стороны они естественно стоятъ въ связи и съ географами, которые также, въ свою очередь, связываютъ ихъ собою съ историками (290).

Подъ такими приблизительно углами зрѣнія могли бы сводиться въ болѣе цѣльную картину или картины широко (хотя и скудно) разбросанныя по двумъ съ половиной сотнямъ страницъ нашего обзора источниковъ отдѣльныя болѣе-общія замѣчанія о «движеніи исторической мысли въ древности». Въ противоположность проф. Бузескулу мы (какъ говорили выше) считаемъ законнымъ споръ о томъ, насколько необходимы, насколько достижимы эти цѣльныя картины собственно въ обзорѣ источниковъ; но въ его обзорѣ этихъ цѣльныхъ картинъ мы, во

[1]) Напримѣръ, изъ числа упомянутыхъ у г. Бузескула—Ѳеофрастъ, Дикеархъ (217), Клеархъ (218), Сосибій (224), Александръ Полигисторъ, Дидимъ (225), Геліодоръ (292), Полемонъ (293).

[2]) О схоліяхъ г. Бузескулъ сообщаетъ только (не дѣлая даже никакихъ библіографическихъ указаній), что „немало цѣнныхъ извѣстій находится въ схоліяхъ, напр., къ Аристофану“ (289); о лексиконахъ онъ трактуетъ также болѣе чѣмъ бѣгло, указывая лишь монографію Stojentin'а о Поллуксѣ (289—290), но не указывая ни изслѣдованій Wentzel'я или Reitzenstein'а, ни даже Лексикографіи Cohn'а (въ Jw. Müllers Handb. d. kl. Alt.-W. II, 1²).

всякомъ случаѣ, не находимъ. Въ своемъ очеркѣ античной исторіографіи г. Бузескулъ въ сущности усвоилъ себѣ обычную ей схему изложенія: какъ-бы по цицероновскому рецепту (de orat. II, 62) всю exaedificatio этого своего очерка онъ сводитъ лишь къ отдѣльнымъ res и отчасти къ verba (т. е. къ самымъ трудамъ и отчасти къ прямымъ заявленіямъ) историковъ, причемъ rerum ratio, естественно, ordinem temporum desiderat; а когда рѣчь заходитъ о трудахъ историковъ выдающихся fama ac nomine, то присоединяются и разъясненія de cuiusque vita atque natura, какъ присоединяются иногда и regionum descriptiones,— напр. трактованіе объ эпосѣ, въ сосѣдствѣ съ которымъ приходится дѣйствовать логографамъ, или о политической литературѣ, на фонѣ которой выступаетъ аристотелева πολιτεία 'Αθηναίων.

Но именно такая схема изложенія,—хотя она одинаково шла въ разрѣзъ и съ желаніемъ автора дать «справочную книгу», и съ желаніемъ дать «главы изъ исторіи нашей науки»,—лучше всего обезпечивала собою одно драгоцѣнное качество нашего обозрѣнія греческой исторіографіи, именно—его объективность и вмѣстѣ фактичность; благодаря той же нецѣльности (и вмѣстѣ неравномѣрности или непропорціональности) въ составѣ этого обозрѣнія оказались обстоятельнѣйшія, вполнѣ стоящія на высотѣ современной научной литературы монографіи о наиболѣе выдающихся fama ac nomine греческихъ историкахъ—Геродотѣ (51—78), Ѳукидидѣ (78—120), Ксенофонтѣ (120—135), Полибіи (226—262), Діодорѣ Сицилійскомъ (265—273), Плутархѣ (273—284) и особенно объ Аристотелѣ, какъ объ авторѣ «очерка исторіи аѳинскаго строя» въ 'Αθηναίων πολιτεία (153—216); замѣтимъ кстати, что эта 'Αθηναίων πολιτεία (точнѣе—ея «историческая» часть) вообще слишкомъ уже доминируетъ не только здѣсь, но и почти на всемъ протяженіи «Введенія».

8.

Тотъ же цицероновскій рецептъ, о которомъ мы только что упоминали, опредѣляетъ собою и изложеніе второй части «Введенія», т. е. «обозрѣнія пособій, или, точнѣе, очерка разработки греческой исторіи въ новое время». Тѣми res, какія здѣсь подлежали разсмотрѣнію, были не только изслѣдованія и изложенія самой древне-греческой исторіи, но и «открытія», т. е. «раскопки» и находки, а также опубликованія и ближайшія обслѣдованія «новаго матеріала», т. е. новыхъ источниковъ

этой исторіи; объ обѣихъ этихъ группахъ rerum и повѣствуетъ г. Бузескулъ, придерживаясь того же ordo temporum и останавливаясь на vitae тѣхъ hominum, которымъ принадлежатъ здѣсь res magnae memoriaque dignae.[1]) «При распредѣленіи на главы и на періоды—жалуется онъ въ Предисловіи—встрѣчались неизбѣжныя затрудненія: иногда приходилось ради удобства пріурочивать къ одному какому-либо періоду обзоръ трудовъ ученаго, дѣятельность котораго въ дѣйствительности относилась не къ одному, а къ нѣсколькимъ періодамъ» (IV—V)[2]); эти затрудненія, дѣйствительно, были «неизбѣжны»,—поскольку авторъ, доведя свой очеркъ разработки греческой исторіи «до 60-хъ годовъ» XIX в., дальнѣйшій ходъ этой разработки подѣлилъ уже на внѣшне-хронологическіе «періоды», одинъ—обнимающій собою «70-е и 80-е годы», и другой—«новѣйшій», обнимающій собою «90-е годы и начало XX в.».

Вообще «очеркъ разработки греческой исторіи въ новое время» имѣетъ тѣ же недостатки, что и посвященная «историкамъ» глава обзора источниковъ; не представляя собою достаточно цѣльной картины «исторической мысли, насколько она проявилась въ обработкѣ греческой исторіи», онъ недостаточно устанавливаетъ внутреннюю связь отдѣльныхъ трудовъ по изученію этой исторіи—какъ между собою, такъ и съ «исторіей умственной жизни» вообще; нѣкоторой рекомпенсаціей этой недостоточной цѣльности очерка является, впрочемъ, присоединенное къ нему «заключеніе», въ которомъ авторъ «подводитъ, такъ сказать, итогъ,—резюмируетъ сказанное и характиризуетъ современное научное движеніе въ области греческой исторіи» (502—514). Отчасти въ связи съ этой недостаточной цѣльностью очерка стоитъ и его неравномѣрность или непропорціональность: на нѣкоторыхъ сочиненіяхъ или «открытіяхъ» очеркъ «останавливается» очень «подробно», о другихъ—даются слишкомъ уже краткія—иногда даже и слишкомъ блѣдныя—указанія[3]),—при

---

[1]) Особенно подробны біографическія свѣдѣнія о Бекѣ (305—313), К. О. Миллерѣ (315—319), Гротѣ (327—336), Курціусѣ (339—345), Куторгѣ (357—360), Шлиманѣ (371—381).

[2]) Иногда г. Бузескулъ, наоборотъ, разносилъ дѣятельность одного ученаго (напр., Дункера, какъ автора Geschichte des Alterthums, или Бузольта) по „нѣсколькимъ періодамъ“ (315 сл. и 404 сл.; 417 сл. и 457 сл.).

[3]) Приведемъ нѣсколько болѣе мелкихъ примѣровъ. „На мѣстѣ храма Геры Аргосской Американскою школою предприняты были раскопки въ 1892(?) г. Въ Калавріи производили раскопки шведы. Hiller изслѣдовалъ о. Θеру.... На о. Паросѣ найденъ новый отрывокъ его(?) хроники“. (454—455). „Въ изданіи Геракла Еврипида (Виламовица) мы находимъ введеніе (гдѣ Виламовицъ касается пеласговъ, переселе-

чемъ не всегда объемъ изложенія оказывается прямо пропорціональнымъ важности излагаемаго. Съ этой же точки зрѣнія можно отмѣтить еще одну особенность «очерка»: въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній научной литературы, особенно поскольку оцѣнка эта производится при посредствѣ конкретныхъ примѣровъ, чрезвычайно многообразное и разнообразное содержаніе греческой исторіи очень послѣдовательно (и потому очень замѣтно) сводится къ отдѣльнымъ ея вопросамъ; впрочемъ тѣ же вопросы—хотя и не такъ послѣдовательно, зато въ одномъ по крайней мѣрѣ (уже отмѣченномъ нами) случаѣ слишкомъ рѣзко—выдвигаются на первый планъ и въ обзорѣ источниковъ: быть-можетъ не будетъ большой нескромностью замѣтить, что въ этихъ случаяхъ мы обыкновенно имѣемъ дѣло съ вопросами, которые особенно близки нашему автору—потому что въ свое время были имъ разработаны или изложены монографически. Это послѣднее обстоятельство, конечно, повышаетъ научную правоспособность соотвѣтствующихъ страницъ «Введенія», и вопросы, выступающіе такимъ путемъ на первый планъ, несомнѣнно, принадлежатъ къ числу не только виднѣйшихъ, но и важнѣйшихъ вопросовъ древне-греческой исторіи; но такъ какъ принадлежность этихъ вопросовъ къ числу важнѣйшихъ не опредѣляетъ еще собою ихъ исключительной важности, то ту видную роль, какая имъ отводится во «Введеніи», приходится объяснять лишь изъ случайныхъ, чисто-субъективныхъ авторскихъ соображеній, въ этомъ (и можетъ-быть только въ этомъ) пунктѣ нарушающихъ, такимъ образомъ, не только уже цѣльность, но и объективность «Введенія».

Но если «очеркъ разработки греческой исторіи» имѣетъ, такимъ образомъ, тѣ же недостатки диспозиціи, что и посвященная «истори-

---

ній и вторженія дорянъ), греческій текстъ, переводъ и обширный комментарій" (485). „Роде принадлежатъ два замѣчательныхъ труда; первый важенъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи романа вообще, и едва-ли нужно распространяться объ интересѣ этой темы; второй интересенъ не только для историка или филолога-классика, но и для этнолога и психолога" (489). „Исторія греч. и макед. государствъ Niese входитъ въ составъ той же коллекціи, къ которой принадлежитъ и Греческая исторія Бузольта, и отличается подобнымъ же характеромъ, т. е. съ сжатымъ текстомъ и многочисленными примѣчаніями" (490). „Paulys Real-Encyclopädie, издаваемая въ переработкѣ п. ред. Wissowa, представляетъ, такъ сказать, кодификацію современныхъ свѣдѣній по классической древности" (491). „Даже во многихъ отношеніяхъ замѣчательная Weltgeschichte Л. Ранке, при всей своей оригинальности, имѣетъ крупные пробѣлы и недостатки и притомъ написана до открытія Аѳинской Политіи Аристотеля". (496).

камъ» глава обзора источниковъ, то само собой разумѣется, что онъ имѣетъ и общія съ той главою—и отчасти также обусловливаемыя этими недостатками—достоинства. Такъ, теряя въ своей цѣльности, онъ выигрываетъ въ общей объективности своего седержанія, а также въ ясности и общедоступности своего изложенія; не преслѣдующая строгой пропорціональности частей архитектоника даетъ возможность автору тѣмъ обстоятельнѣе изложить отдѣльныя—по той или другой причинѣ привлекшія его особенное вниманіе—явленія въ области разработки греческой исторіи; таковы, напр., параграфы, посвященные Бёку (304—314), Дройзену (321—326), Гроту (327—336), Курціусу (338—345), Дункеру (345—349. 404—407), Фюстель де Куланжу (349—356), Куторгѣ (357—362), Шлиману (371—382), Шварцу (407—411), Гольму (411—417), «открытіямъ 90-хъ годовъ и начала XX вѣка» (427—457), Белоху (463—468) и Эд. Мейеру (468—477).

9.

Слишкомъ много времени удѣливъ первой—важнѣйшей по содержанію—части «Введенія», я вынужденъ относительно этой второй его части ограничиться, кромѣ сдѣланныхъ болѣе-общихъ, еще лишь самыми немногими болѣе-частными замѣчаніями, ближайшимъ образомъ имѣя въ виду «заключеніе» автора, гдѣ онъ «подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное, характеризуетъ въ общихъ чертахъ современное научное движеніе въ области древне-греческой исторіи».

«Первое, что—по словамъ г. Бузескула—характеризуетъ современное движеніе въ изученіи греческой исторіи, есть именно чрезвычайный ростъ матеріала, открытіе новыхъ данныхъ» (502 сл.); точнѣе было бы сказать, что «открытіе новыхъ данныхъ» характеризуетъ все, а не «современное» только «движеніе», но что не только «ростъ матеріала», но и вниманіе къ матеріалу «за послѣднія лѣтъ тридцать» опять становится чрезвычайнымъ, причемъ однако едва-ли можетъ идти рѣчь о смѣнѣ «эпохи эпиграфики (70-е и 80-е годы)» «эпохою папирологіи (90-е годы XIX и начало XX вѣка)», или о «заступленіи послѣднею мѣста эпиграфики» (427—428).

«Но не только—продолжаетъ г. Бузескулъ—чрезвычайно возросъ матеріалъ по греческой исторіи; измѣнилось и самое отношеніе къ ма-

теріалу. Во-первыхъ, между тѣмъ какъ прежде исторію Греціи излагали, основываясь почти исключительно на древнихъ авторахъ, теперь первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ и—въ послѣднее время—папирусамъ»; «увлеченіе эпиграфическимъ матеріаломъ заходитъ иногда слишкомъ далеко, и изъ-за этого матеріала слишкомъ пренебрегаются источники литературные» (504). Намъ не совсѣмъ понятно, какіе именно факты имѣетъ здѣсь въ виду авторъ: общія изложенія греческой исторіи доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, если и склонны чѣмъ пренебрегать, то скорѣе уже епиграфическимъ матеріаломъ, нежели литературными источниками [1]); если же въ монографической литературѣ «первое мѣсто нерѣдко отводится надписямъ» или даже «папирусамъ», то это съ одной стороны касается лишь «роста матеріала», а не «отношенія къ матеріалу» историковъ, а съ другой стороны—обусловливается самыми темами отдѣльныхъ монографій. Нѣсколько прямолинейно и замѣчаніе автора, что «такимъ образомъ исторія Греціи получила характеръ документальный» [2])—какъ будто бы нѣтъ документовъ внѣ надписей и папирусовъ, и нѣтъ надписей и папирусовъ внѣ документовъ[3]).

«Измѣнился въ послѣднее время—читаемъ далѣе—и взглядъ на древнихъ авторовъ. Въ 60-хъ и отчасти въ 70-хъ годахъ господствовала Einquellentheorie; въ настоящее время она можетъ считаться уже оставленною, какъ совершенно невѣрная по отношенію къ древнимъ ав-

---

[1]) Самъ г. Бузескулъ замѣчаетъ о Гольмѣ (для котораго „данныя нумизматики, на-ряду съ топографіей, одна изъ главныхъ основъ"), что онъ „сравнительно мало пользуется данными эпиграфики", что „главнымъ источникомъ для него служили все-же произведенія греческихъ историковъ" (413).

[2]) Сравненіе этой „перемѣны въ разработкѣ исторіи Греціи" съ той „перемѣной, какая произошла въ разработкѣ новой исторіи гораздо раньше, еще въ 20-хъ годахъ XIX ст.", когда „изслѣдователи новой исторіи обратились къ наполненнымъ бумагами архивамъ, подобно тому, какъ новѣйшіе историки Греціи обращаются къ каменному архиву Эллады" (504), при всей своей заманчивости, относится, кажется, къ категоріи тѣхъ сравненій, о которыхъ сказано: comparaison n'est pas raison. Вѣдь „сдѣлавшая эпоху, стоящая въ связи съ работами надъ Corp. Jnscr. Graec. монографія Бека о государственномъ хозяйствѣ аѳинянъ, для которой главный матеріалъ дали надписи,—вышла въ свѣтъ еще въ 1817 г." (307—311), а въ 20-хъ годахъ XIX ст. „изслѣдователь новой исторіи" напалъ (не въ архивѣ, а въ библіотекѣ) на такія „бумаги" (венеціанскія реляціи), аналогичныхъ которымъ не даетъ ни „каменный архивъ Еллады", ни даже папирусный архивъ еллинизованнаго Египта.

[3]) Вовсе не „получила документальнаго характера", напримѣръ, аѳинская исторія въ очень полезной русской монографіи, гдѣ не только „первое мѣсто", а и все мѣсто „отводится папирусу",—въ диссертаціи В. П. Бузескула объ Аѳинской Политіи Аристотеля.

торамъ». Намъ кажется еще нѣсколько преждевременнымъ считать Einquellentheorie окончательно «оставленной»; можетъ-быть она и признается теперь «невѣрною», но не «совершенно»[1]) и не по отношенію ко всѣмъ «древнимъ авторамъ»[2]).

«XIX вѣкъ—справедливо говоритъ, далѣе, г. Бузескулъ—отличается, между прочимъ, высокимъ развитіемъ исторической критики»; но, конечно, это высокое развитіе выражалось и выражается не въ «гиперкритикѣ» (504) и даже не въ «торжествѣ болѣе умѣреннаго направленія» или въ «склонности относиться довѣрчивѣе къ исторической традиціи грековъ», и не въ томъ, что «новѣйшія великія открытія[3]) должны были подѣйствовать умѣряющимъ образомъ на нашъ скептицизмъ» (505), а въ выработкѣ гораздо болѣе широкихъ и сложныхъ и гораздо болѣе тонкихъ пріемовъ анализа показаній «исторической традиціи».[4]).

«Къ тому же общее направленіе исторической науки должно было отразиться и на изученіи исторіи Греціи». (505). Это «общее направленіе исторической науки» г. Бузескулъ сводитъ къ нѣсколькимъ моментамъ, которые изолируются имъ, кажется, не безъ излишней прямолинейности (505—508; ср. 459—461). Первое мѣсто въ ряду этихъ моментовъ отводится «умаленію роли личности» (505—506); едва-ли удаченъ, однако, выбранный авторомъ примѣръ «отраженія этой тенденціи и въ разработкѣ греческой исторіи»: «личность Ликурга признается миѳическою»[5]) не исключительно на почвѣ «умаленія роли лич-

---

[1]) Ср. (нѣсколько сбивчивое) изложеніе „Обзора источниковъ“ объ Einquellenlehre въ примѣненіи къ Діодору и Плутарху (269—272. 280—283).

[2]) Ср., напримѣръ, указанія г. Бузескула „о состояніи вопроса въ настоящее время“ о Фаворинѣ, Аѳинеѣ и Эліанѣ, или о Діогенѣ Лаертіи (284—286).

[3]) Мимоходомъ замѣтимъ, что если новѣйшія открытія и „показали, что въ гомерическомъ эпосѣ не все ложь и вымыселъ“, то они вовсе еще не показали, что „аттическіе хронисты могли пользоваться имѣвшимися уже въ VI в. въ Аѳинахъ начертанными на камнѣ надписями“: думающіе такъ имѣютъ въ виду, конечно, ψήφισμα касающееся Саламина, но не имѣютъ въ виду ту участь, какая рано постигла эту надпись.

[4]) Равнымъ образомъ, и „болѣе безпристрастное отношеніе къ дѣятелямъ аѳинской демократіи, подобнымъ, напр., Периклу, явилось“ едва-ли лишь „въ результатѣ рѣзкихъ нападокъ“ на эту демократію и на этихъ дѣятелей (505): не всегда post hoc=propter hoc.

[5]) Я полагаю, впрочемъ, что и противники этого „господствующаго взгляда“ (напр., здравствующій *Thumser*, Hermanns Gr. Staatsalt.[6], I, 148 f., и покойные *Holm*, Gr. G., I, 225 ff, и *Toepffer*, Beiträge, 353 ff) охотно согласились бы „видѣть въ государственномъ устройствѣ Спарты“ то, что по словамъ г. Бузескула видятъ въ немъ

ности», а прежде всего на почвѣ «развитія исторической критики». Второе мѣсто въ ряду этихъ моментовъ указывается «идеѣ эволюціи» (506); примѣры и здѣсь выбраны не совсѣмъ удачно, не потому только, что выбраны они вообще случайно (и трактованы не точно[1]), но и потому, что всѣ они представляютъ собою такіе случаи, гдѣ «идея эволюціи» находитъ себѣ не столько уже «новую опору», сколько свой исходный пунктъ—«въ новомъ матеріалѣ, археологическомъ и литературномъ». Итакъ, относительно этихъ первыхъ двухъ моментовъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ нихъ сказывались, взаимно переплетаясь, и «измѣненія въ (теоретическихъ) воззрѣніяхъ на исторію», и измѣненія въ «матеріалѣ» греческой исторіи и въ способахъ «отношенія къ этому матеріалу»; такое сочетаніе «общаго направленія современной исторической науки» съ «открытіемъ новыхъ надписей» самъ г. Бузескулъ вѣрно указываетъ въ третьемъ изъ установленныхъ имъ моментовъ—въ «интересѣ (и) ко второстепеннымъ (греческимъ) общинамъ» (506—507), а также и въ четвертомъ изъ этихъ моментовъ—въ «интересѣ къ соціально-экономической сторонѣ» (507—508); но и въ обоихъ этихъ пунктахъ дѣло не ограничивается этимъ «совпаденіемъ и, такъ сказать, взаимодѣйствіемъ между новыми открытіями и новыми воззрѣніями въ исторической наукѣ»: наряду съ «новыми воззрѣніями» и «новыми открытіями» здѣсь сыграло роль и новое (т. е. болѣе пристальное) вниманіе къ матеріалу, какъ новому, такъ и старому, которое обусловливалось не исключительно «измѣненіемъ воззрѣній на предметъ и задачи исторіи и основные факторы историческаго процесса»[2].

поборники господствующаго взгляда: „частью созданіе глубокой древности, частью продуктъ постепеннаго развитія, подъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ различныхъ факторовъ" (506).

[1]) Такъ, хотя „благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и находкамъ и открываются все новыя и новыя точки соприкосновенія и переходныя ступени между микенской культурой и культурой позднѣйшей, чисто-эллинской", однако „микенская" культура все-же еще не перестала (и едва-ли когда перестанетъ) „поражать своею своеобразностью и отличіемъ" не только отъ „позднѣйшей", но и отъ древнѣйшей эллинской культуры. И если „Периклъ въ отношеніи строительной дѣятельности оказывается (впрочемъ лишь отчасти; ср. *Curtius*, Stadtg. v. Athen, 138 ff; *Keil*, Anonymus Argentin., 81 ff) продолжателемъ Кимона", то—спрашивается— при чемъ тутъ собственно „идея эволюціи"?

[2]) „Самый ревностный поборникъ изслѣдованія соціально-экономической стороны греческой исторіи" (477) Pöhlmann „воспользовался" вѣдь именно тѣмъ „матеріаломъ, который оказался въ (старыхъ) нашихъ литературныхъ источникахъ" (479); мало того, онъ самъ указываетъ даже на то, что, обращая политическую исторію грековъ

«Такимъ образомъ,—резюмируетъ г. Бузескулъ—въ настоящее время интересъ(?) сосредоточивается преимущественно(?) на исторіи общества и общественныхъ классовъ» (508): намъ не совсѣмъ ясно, чей именно интересъ имѣется здѣсь въ виду[1]). «При подобной точкѣ зрѣнія—продолжаетъ авторъ—невольно напрашивалось(?) сравненіе древности съ новыми вѣками, съ нашимъ временемъ. И дѣйствительно, одной изъ главнѣйшихъ особенностей современнаго направленія въ разработкѣ греческой исторіи является черта, которую я назвалъ бы модернизаціей этой исторіи». Авторъ тутъ «спѣшитъ, однако, оговориться»: подъ модернизаціей онъ «разумѣетъ не искаженіе древней исторіи посредствомъ сообщенія ей совершенно чуждыхъ началъ, не тенденціозное подновленіе и, такъ сказать, фальсификацію ея, а скорѣе сближеніе и сопоставленіе ея съ современностью, проведеніе аналогіи между развитіемъ древняго міра и новаго времени» (508). Но, вѣдь, безъ такого или иного (обыкновенно даже непроизвольнаго и безсознательнаго) «сближенія и сопоставленія древности съ современностью» едва-ли возможно на практикѣ историческое изученіе древности[2]), а «проведеніе аналогіи» или приведеніе аналогій къ «развитію древняго міра» не ограничивается «развитіемъ лишь новаго времени»[3]) и потому сводится къ «сравнительной точкѣ зрѣнія», которую г. Бузескулъ помѣщаетъ уже внѣ своей «модерниза-

---

въ исторію соціальную, „новая наука, сознательно или безсознательно, идетъ по стопамъ самихъ грековъ“ (ср. Griech. Geschichte im XIX. Jahrh., 24 ff). Кстати сказать, въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ греческая (напр., древняя аѳинская) исторія уже давно (напр., у Грота),—поскольку то прямо рекомендовалось источниками,—была если не соціальной, то соціально-политической исторіей (ср. также диссертацію незабвеннаго Ѳ. Г. Васильевскаго, о которой напрасно г. Бузескулъ не „говоритъ сравнительно подробнѣе и полнѣе“, 362).

[1]) Именно такое положеніе выставляетъ и *Pöhlmann* въ своей рѣчи Griechische Geschichte im XIX. Jahrh., 23. 34, имѣя въ виду, кажется, только свои труды; у другихъ двухъ „главнѣйшихъ представителей современнаго направленія въ изученіи исторіи древняго міра“, которыхъ г. Бузескулъ ставитъ рядомъ съ Пёльманомъ,—у Эд. Мейера (ср., теперь, и его книжку: Zur Theorie und Methodik der Geschichte, 1902) и Белоха въ общихъ изложеніяхъ греческой исторіи, какъ видно изъ трактованія у самого г. Бузескула (464—477), нѣтъ такого „преимущественнаго сосредоточенія интереса“; зато монографическая литература по греческой исторіи дѣйствительно „обращаетъ теперь большое (но все-же пока не преимущественное) вниманіе на соціально-экономическіе вопросы“ (463. 472—474. 478—481).

[2]) Ср. *Pöhlmann,* Aus Altertum u. Gegenwart, 41 f.

[3]) Самъ г. Бузескулъ не разъ указываетъ на проводимое, напр., Э. Мейеромъ и Пельманомъ „сближеніе древности не только съ новыми, но и съ средними вѣками“ (471—473. 510. 512).

ціи» (512). Итакъ, модернизаціей скорѣе могла бы быть названа не «модернизація» проф. Бузескула, а лишь одна «опасная сторона» этой его «модернизаціи», состоящая въ томъ, что «тутъ (какъ и вездѣ) легко впасть въ крайность и натяжки» (508)[1]). Но если, такимъ образомъ, сравнительно-историческую точку зрѣнія не слѣдуетъ смѣшивать съ модернизаціей, то едва-ли слѣдуетъ смѣшивать ее и съ точкой зрѣнія «универсально-исторической», какъ это дѣлаетъ, повидимому, г. Бузескулъ (512).

Въ заключеніи своего Заключенія г. Бузескулъ «касается еще одного спорнаго вопроса: кто долженъ заниматься древнею исторіей—филологъ или историкъ»,—хотя «споръ этотъ кажется ему въ сущности лишнимъ; дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ». (512—513). Намъ этотъ споръ представляется даже не только «въ сущности лишнимъ», но и «въ сущности» не существующимъ, во всякомъ случаѣ чрезмѣрно упрощеннымъ и потому раздутымъ у Бауера[2]), а за нимъ и у г. Бузескула, въ довольно плачевномъ видѣ выставляющаго спорящихъ, т. е. Виламовица и Пёльмана: вся аргументація Виламовица сводится у г. Бузескула къ тому, что «древняя культура отличается единствомъ, представляетъ собою нѣчто особенно цѣльное»[3]), а аргументація Пельмана—

[1]) Die Gefahr, die aus dem Streben nach unmittelbarer lebendiger Veranschaulichung erwächst, die Gefahr einer einseitigen Modernisierung, wird am wirksamsten durch eine umfassende, einen weiten Horizont umspannende geschichtliche Perspektive überwunden werden können: такое замѣчаніе присоединяетъ Kaerst къ своему трактованію о „характерной для современнаго разслѣдованія (Forschung) греческой исторіи, стоящей въ связи съ емпирическимъ его характеромъ, реалистической его тенденціи“ (*N. Jahrbb. f. d. kl. Alt.*, IX, 501). Г. Бузескулъ, наоборотъ, замѣчаніе о томъ, что „послѣднія десятилѣтія характеризуются натурализмомъ“, и что „современное направленіе исторической науки тоже отличается большимъ реализмомъ, стремится изучить реальную жизнь“ (509) присоединяетъ къ трактованію о своей модернизаціи.

[2]) *Bauer*, Die Forschungen z. Gr. G., 24 f. (ср. *Preuss. Jahrbb.*, LXXXIV, 405 ff). Такой споръ, поскольку онъ существуетъ, является прежде всего отголоскомъ теоретическихъ споровъ о томъ,—тожественна-ли филологія исторіи по своему содержанію, и не представляетъ-ли собою исторія лишь отдѣлъ филологіи, или, наоборотъ, не служатъ-ли ближайшимъ, центральнымъ предметомъ изученія филологіи лишь нѣкоторыя изъ подлежащихъ изученію исторіи явленій, и т. п., (ср. *Wundt*, Logik II, 2, 303 ff., и *Bernheim*, Lehrb.[3], 78 ff); но изъ этой теоретической области споръ этотъ всегда незамѣтно переходитъ и въ область практическую, затрогивая собою не только уже вопросъ о практическихъ удобствахъ-неудобствахъ раздѣленія научнаго труда, но и наличное состояніе исторической и филологической научной литературы.

[3]) Это положеніе Wilamowitz устанавливаетъ однако именно съ той «широкой исторической точки зрѣнія», которая, по словамъ г. Бузескула (513), „не должна быть

къ «указанію на односторонность и недостатки филолого-антикварной школы, не удовлетворяющей уже современнымъ требованіямъ, и на необходимость болѣе широкаго взгляда». Если, такимъ образомъ, „филологи и историки въ области изученія древности могутъ и должны идти рука объ руку"[1]), то г. Бузескулу „крайне желательно было бы привлечь къ изученію греческой исторіи и юристовъ, которые напрасно до сихъ поръ пренебрегали ею"[2]). Г. Бузескулъ усвоиваетъ въ этомъ случаѣ идею Виламовица, удивляясь тому, что „даже Виламовицъ, съ его поэтической натурой и симпатіями къ идеализму,—тотъ самый Виламовицъ, который стоитъ за исключительную привилегію филологовъ заниматься античною исторіей,—настаиваетъ теперь на необходимости создать исторію государственнаго права Аѳинъ" (514). Но ту идею, какая здѣсь имѣется въ виду, Виламовицъ выставляетъ[3]), какъ отчасти это видно и изъ изложенія самого г. Бузескула въ параграфѣ о Виламовицѣ (488—489), въ такой оболочкѣ, что она не идетъ въ разрѣзъ съ его „поэтической натурой",—какъ не чужда эта поэтическая натура и творцу „Римскаго государственнаго права", а „Виламовицъ требуетъ, вѣдь, чтобы то, что̀ Моммзенъ стѣлалъ" для исторіи Рима (а не „для римскаго государственнаго права"), „было сдѣлано теперь и для Греціи"; онъ не сводитъ всю греческую исторію къ „исторіи государственнаго права Аѳинъ"; это „государственное право Аѳинъ"—и не столько въ своей „исторіи", сколько въ своей „логикѣ",—должно, по его мысли, служить лишь средствомъ для построенія греческаго государственнаго права вообще; такъ какъ „институціи сами носятъ въ себѣ свою логику" („которая предохраняетъ отъ софистическихъ забавъ" тѣхъ изслѣдова-

---

чужда и филологу" (ср. особенно „Weltperioden", въ Reden und Vorträge, Berl. 1901.), а *O. Kern* (Ueber die Anfänge der hellenischen Religion, 1902, 33 f.) говоритъ даже, что „благодаря Виламовицу классическая филологія стала исторической наукой".

[1]) Весьма благовременно (къ сожалѣнію) напоминаетъ тутъ г. Бузескулъ, что „исходною точкою для каждаго историка-изслѣдователя служитъ текстъ, и первое условіе—умѣть точно и правильно понимать текстъ", и что „историкъ древности долженъ обладать надлежащимъ(?) знаніемъ античной литературы, археологіи, эпиграфики" (513).

[2]) Приводимый авторомъ по этому поводу списокъ „изданій и работъ, касающихся права", очень не полонъ, даже если имѣть въ виду лишь работы юристовъ (отсутствуютъ, напр., Mitteis и Hitzig).

[3]) Aristoteles и Athen, I, 379 ff. (Wege und ziele der griechischen historie). Съ этой идеей Виламовицъ, впрочемъ, не стоитъ совсѣмъ одиноко (ср., напр., *Szanto*, Das griechische Bürgerrecht, 1 ff. и Thumser въ *Xenia Austriaca*, I, 261 ff.).

телей, которые будутъ считаться съ ними, а не съ одними лишь отдѣльными показаніями исторической литературы), то „логика права (и государственнаго, и частнаго) должна дать руководящія (упорядочивающія) мысли для нагромождаемаго въ „Древностяхъ" матеріала и вмѣстѣ должна указать историческому сужденію въ государствѣ и его жизни болѣе достойный предметъ, нежели вина Ѳукидида или невинность Демосѳена". Итакъ, для Виламовица греческое государственное право является не столько „цѣлью", сколько однимъ изъ „путей греческой исторіи", поскольку она должна стремиться не только къ полнотѣ и объективности, но и къ цѣльности знанія въ своихъ предѣлахъ. И если «Моммзенъ говоритъ, что необходимо, чтобы и за исторію Греціи когда-нибудь взялся юристъ», то, конечно, эти слова не приходится толковать въ томъ смыслѣ, что историки, не устраненные еще отъ занятій греческою исторіею филологами (съ Виламовицемъ во главѣ), должны теперь уступить свое мѣсто юристамъ; «дѣло, вѣдь, не въ словахъ, не въ ярлыкѣ»; кромѣ историковъ-неюристовъ и юристовъ-неисториковъ и кромѣ юристовъ-историковъ на работу въ области греческой исторіи могутъ выйдти и историки-юристы. И вообще «это—область интересная и благодарная, далеко еще не вполнѣ, со всѣхъ сторонъ, изслѣдованная»: такими словами заканчиваетъ г. Бузескулъ свое Введеніе, стараясь внушить «бодрость и энергію» «работающимъ въ этой области изслѣдователямъ». «Не должно—говоритъ онъ здѣсь, между прочимъ,—не должно смущать изслѣдователя и дѣйствовать на него подавляющимъ образомъ», если «многія изъ общепринятыхъ и, казалось бы, твердо обоснованныхъ воззрѣній скоро устраняются и замѣняются другими, новыми... Новый матеріалъ не только подрываетъ прежніе взгляды и обличаетъ наши ошибки: часто онъ блистательно подтверждаетъ догадки и мнѣнія, высказанныя раньше... И такихъ примѣровъ немало» (514).

Сквозящее, лучше сказать—просвѣчивающее въ этихъ словахъ (какъ и на протяженіи, впрочемъ, всего „Введенія") бодрое, возвышенное настроеніе автора, его вѣра въ прогрессъ той науки, которой онъ преданъ такъ всецѣло, expers если не omnis curae, то по крайней мѣрѣ той curae, которая больше всего могла-бы etsi non flectere a vero, sollicitum tamen efficere его animum (не какъ scribentis, а какъ издавшаго «Введеніе»), т. е. ложнаго, мелочнаго самолюбія, даетъ основаніе надѣяться на то, что глубокоуважаемый авторъ «Введенія»

покрылъ-бы мантіей своей любви къ наукѣ вообще и къ научной разработкѣ греческой исторіи въ частности ту вину своего «рецензента», что, ставя въ упрекъ разбираемой имъ книгѣ между прочимъ и нѣкоторое перемѣщеніе центра тяжести, онъ самъ въ своемъ разборѣ этой книги позволяетъ себѣ подобное же перемѣщеніе центра тяжести—изъ широкой области ея достоинствъ въ тѣсную область ея недостатковъ. Отъ недостатковъ, не только случайныхъ и частныхъ, но и принципіальныхъ и общихъ, само собой разумѣется, не могъ бы быть свободенъ никакой трудъ, задуманный и поставленный такъ широко, какъ наше „Введеніе". Зато далеко не во всякомъ трудѣ эти недостатки покрываются достоинствами съ такимъ избыткомъ, какъ въ нашемъ „Введеніи". Мало того, мы не разъ могли даже констатировать, какъ иные принципіальные недостатки „Введенія" прямо вели къ повышенію его реальныхъ достоинствъ,—и болѣе внимательный и наблюдательный читатель подмѣтитъ, вѣроятно, въ разныхъ частностяхъ и подробностяхъ „Введенія", не мало еще такихъ метаморфозъ, не мало еще такихъ превращеній теоретическихъ недостатковъ въ практическія достоинства. И если авторъ „Введенія" и не совсѣмъ, можетъ быть, правильно ставилъ свою задачу, то онъ заслуживаетъ самой горячей благодарности уже за то, что поставилъ себѣ эту задачу; если онъ и не далъ окончательнаго, полнаго и цѣльнаго рѣшенія этой задачи, то онъ заслуживаетъ самой горячей благодарности уже за то, что очень близко подошелъ къ этому рѣшенію.

М. Лилеевъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ
РАСКОЛА НА ВѢТКѢ
И ВЪ СТАРОДУБЬѢ
XVII—XVIII вв.

ВЫПУСКЪ II.

(Продолженіе).

НѢЖИНЪ.
Типо-литографія М. В. Глезера.
1904.

Печатано по постановленію Конференціи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко. Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

кая на немъ хиротонія останется отъ вашего простонароднаго прощенія, а духовникъ его не имать власти хиротонисати, ниже разрѣшити, по свидѣтельству богоносныхъ отецъ нашихъ. Ей—ей, по истинѣ глаголю, а не отъ вражды: книгъ имате множество на прелесть грубѣйшимъ и на тщеславіе народное; а весь законъ вашъ виситъ въ словѣ единомъ: по нуждѣ закону премѣненіе бываетъ... Апостолъ пишетъ о іерействѣ и о жертвѣ ветхозаконной премѣненіе быти, а отъ новой благодати іерейству и жертвѣ во вѣки быти въ васъ ли отщепенцахъ, но точію въ насъ, въ грекороссійской церкви"... Въ заключеніе миссіонеръ грозитъ раскольникамъ немилостью Государя. „А за противность вашу, что обругали вѣру, юже самъ благочестивый Монархъ содержитъ, вскорѣ ожидайте резолюціи, понеже въ письмѣ своемъ за всѣхъ войтовъ руками отверглися; не восхотѣсте благословенія, и удалится отъ васъ"...[1]).

И это увѣщательно—обличительное посланіе не произвело надлежащаго дѣйствія на раскольниковъ. Они и теперь были глухи и невнимательны къ увѣщаніямъ и обличеніямъ миссіонера; призывъ его къ соединенію съ православною церковію и на этотъ разъ не нашелъ отвѣта въ ихъ сердцѣ. Противъ этого вторичнаго письменнаго увѣщанія раскольники—слобожане ограничились лишь краткимъ письмомъ на имя Рѣшилова. „Вѣдомо вашей честности буди", писалъ „Еремѣй Карповъ съ товарищи и съ войты и со всѣми міряны": „получили мы отъ вашей милости письмо сего мая 27 числа, а отписи отъ насъ никакой не ожидай, того ради, что мы къ вашей милости прежде сего писали обо всемъ; при семъ спасайся"[2]). Такъ неудачно закончилась послѣдняя попытка Рѣшилова вызвать раскольниковъ на разглагольствованія о вѣрѣ. Вмѣсто публичныхъ состязаній въ лицѣ его представителей, для него теперь оставался только путь частныхъ бесѣдъ съ отдѣльными личностями, наиболѣе „прельщенными и прельщающимися". Согласно инструкціи, этихъ послѣднихъ слѣдовало миссіонерамъ „увѣщавать благоусмотрительно такими увѣщаніями, которыя бъ могли пользу принести

---

[1]) Тамъ же, IV, № 1323, стр. 169—170, ст. 1—2.
[2]) Тамъ же, IV, № 1386, стр. 242, ст. 2.

и отъ заблужденія къ познанію истины обратить", избирая притомъ „удобное время и мѣсто, кого когда увѣщавать возмогутъ".

Для сужденія о томъ, какъ «благоусмотрительно» миссіонерствовалъ Рѣшиловъ съ своими помощниками среди стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ, нѣкоторый подходящій матеріалъ можетъ быть извлеченъ изъ донесеній въ Кіевскую губернскую канцелярію стародубскаго коменданта Пашкова, показаній нѣкоторыхъ раскольниковъ при слѣдствіяхъ о нихъ и наконецъ изъ показаній самаго Рѣшилова, данныхъ имъ по разнымъ случаямъ Св. Синоду и пр. Изъ донесеній Пашкова оказывается, что Рѣшиловъ и его помощники на первыхъ же порахъ среди стародубскихъ раскольниковъ начали дѣйствовать крайне безтактно и даже жестоко. Уже въ началѣ 1723 г. въ стародубское комендантское управленіе поступило «челобитье отписныхъ слободъ жителей Андрея Стряпчева съ товарищами о охраненіи ихъ отъ находящихъ имъ обидъ и о недопущеніи ихъ до разореній и никакого убытка и турбацей». Дѣло началось съ того, что стародубской Іоанно-предтеческой церкви «дьячекъ со школьниками, собрався многолюдствомъ, пришедъ на дворъ тѣхъ же отписныхъ слободъ ко вдовѣ Одинцовой, на которомъ стоялъ войтъ Андрей Стряпчей, и, втаща онаго во дворъ, били смертнымъ боемъ при свидѣтеляхъ». Въ тоже время самъ іеромонахъ Рѣшиловъ попадавшихся ему въ руки слободскихъ обывателей заключалъ «въ погребъ», и тѣмъ только возбуждалъ къ своей дѣятельности общее недовѣріе и безпокойство среди раскольниковъ[1]). Еще поразительнѣе данныя о обидахъ и разореніяхъ стародубскихъ слобожанъ отъ іеромонаха Рѣшилова и его помощниковъ, собранныя въ доношеніи Сенату Кіевской губернской канцеляріей, отъ 23-го іюля 1724 г. Здѣсь говорится, что слободскимъ обывателямъ нельзя разъѣзжать по мѣстечкамъ, селамъ и деревнямъ въ Стародубскомъ и Черниговскомъ полкахъ для покупокъ ради своихъ домашнихъ нуждъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 241, ст. 1—2. Андрей Стряпчевъ былъ войтомъ слободы Лужковъ, въ которой поселился вмѣстѣ съ братомъ Артеміемъ Никифоровымъ Стряпчевымъ въ 1694 г. Послѣдній былъ осадчимъ слободы Лужковъ. По мѣсту первоначальнаго жительства они были посадскіе люди г. Бѣлева. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118.

потому что Рѣшиловъ разослалъ письма къ подчиненнымъ ему священникамъ и другимъ лицамъ, чтобы «тѣхъ описныхъ обывателей по торгамъ и по дорогамъ ловили и грабили, и присылали бы ихъ къ нему, Рѣшилову, и попу Игнатію», и что указанныя лица пользовались этимъ разрѣшеніемъ въ широкой мѣрѣ для своихъ корыстныхъ цѣлей. Въ реестрѣ, приложенномъ къ доношенію и состоящемъ изъ 23 пунктовъ, приведены между прочимъ слѣдующіе конкретные случаи, имѣющіе значеніе и какъ характерныя данныя для бытовой жизни стародубскихъ слобожанъ того времени.

1. «Іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ описной слободы Еленки жителей: Ѳедора Шалудкина и др., которые ѣздили въ малороссійскіе города, для продажи конопляного масла, и оной Рѣшиловъ въ Черниговѣ оныхъ еленскихъ жителей изымавъ, и грабежемъ взялъ 5 лошадей съ телѣги и съ хомуты, 4 пуды конопляного масла, и со всякою при нихъ рухлядью.

2. Въ черниговскомъ у., въ с. Черновичахъ, онъ же, Рѣшиловъ, наѣхавъ описной слободы Еленки жителей: Тита Поддеренку, Андрея Кухтина, Кондратья Носова, Харитона Смольячихина, которые ѣздили въ оное с. Черновичи для взятья зажатью своего хлѣба..., изымалъ еленскихъ жителей и пограбилъ 6 лошадей, 6 возовъ разнаго хлѣба, 6 хомутовъ, и со всякою при сихъ рухледью.

3. «Петропавловской попъ Игнатій пограбилъ описной слободы Еленки Андрея Холщевникова, а грабежомъ взялъ 32 чети ржи, которую купилъ онъ, Холщевниковъ, въ Стародубѣ.

6. «Стародубовскаго уѣзда Ропской попъ Володимеръ Зыбковскихъ жителей изымалъ по дорогѣ: Ивана Васильева, Павла Степанова, Сергѣя Емельянова, и привелъ въ Стародубовское, во дворъ къ старостѣ Якову Ѳедорову, которые ѣздили въ Конотопскій уѣздъ для взятья зажатаго своего хлѣба... И оной попъ, со старостою, Зыбковскихъ жителей, забивъ въ колодки, держалъ многое время, а лошадей де и ихъ морилъ голодною смертію недѣли съ двѣ.

8. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ у описной слободы Шаломовъ у жителей: Ивана Ульянова, Павла Кириллова, Якова Захарова, которые пріѣзжали по подряду стародубскаго мѣщанина Демьяна Григорьева, для взятья пеньки, и оной чернецъ съ подданными

своими у упомянутыхъ шаломовскихъ жителей отнялъ 6 берковцевъ пеньки.

10. «Стародубовскаго уѣзда, села Понуровки попъ Ѳедоръ Васильевъ описной слободы Воронка жителя Ѳедора Савельева, который ѣздилъ въ помянутое село Понуровку для продажи рыбной съ сыномъ своимъ, —и оной попъ, изымавъ ихъ, билъ дубьемъ смертно и пограбилъ возъ рыбы, да денегъ отбилъ 10 рублей.

11. «Катошинскаго монастыря чернецъ Александръ описной слободы Зыбкой жителей Василья да Ив. Макаровыхъ, которые ѣздили для взятья долговъ своихъ—денегъ въ с. Катошинъ къ жителю Андрею Скоропадкѣ, и оной чернецъ, изымавъ Макаровыхъ, билъ смертно и держалъ многое время въ тюрьмѣ, а грабежемъ взялъ 8 рублей.

12. «Стародубовскаго уѣзда, м. Ропска, господина полковника Толстого староста и войтъ, да господарь Евсевей, Черниговскаго уѣзда описной слободы Радульи жителя Ивана Никифорова, которой ѣхалъ съ Москвы, и оной староста, и войтъ, и господарь, изымавъ онаго радульскаго жителя, били смертно и пограбили одну лошадь, 3 тюка китайки, 5 шубъ, крашенины 130 аршинъ, 8 золотниковъ жемчюгу, 7 фунтовъ мыла, 3 рубахи, 2 платка шелковыхъ, 1 платокъ бѣлой, вышитъ золотъ, 1 штаны пестрединные, 1 хомутъ, 1 сѣделку, 2 узды ременныя, 2 чюлки, 1 рукавицы.

15. «Стародубовскаго жъ уѣзда с. Синяго-Колодезя попъ Павелъ описной слободы Зыбкой жителя Подрябинникова, которой пріѣзжалъ въ с. Манюки для взятья долга своего и для продажи рыбной, и оной попъ, онаго Подрябинникова въ ономъ с. Манюкахъ изымавъ, билъ смертно и грабежомъ взялъ рыбы самины возъ, рукавицъ 200 паръ, соли возъ, мѣшокъ конопель.

17. «Стародубовскаго жъ уѣзду, господина Рагузинскаго слободы Туросны дьячокъ Родіонъ, описной слободы Орденки жителя Михайла Хорохорина, которой пріѣзжалъ въ помянутую слободу Туросну для продажи конопляпаго масла, и оной дьячокъ ево, Хорохорина, изымавъ, билъ дручьемъ, масло и деньги пограбилъ.

21. «Того жъ у. м. Ропска г. полковника Толстого староста Осипъ Линевичъ описной слободы Климовой жителей: Марка Семенова, Сергѣя Ѳеоктистова, Ивана Шампула, Якова Голядника, которые ѣздили въ оной

Ропскъ для продажи соли и для покупки на нужды домашнія хлѣба,— и оной староста Линевичъ, изымавъ Климовскихъ жителей, пограбилъ 5 лошадей съ хомутами, 2 сѣдла съ потниками, конопель осмину, безмѣнъ соли, 2 четверти ячменю, полторы четверти овса, 2 шубы бараньи, четвертку ржи, топоръ русской, 300 ступокъ соли, кафтанъ бѣлой сермяжной, денегъ 2 руб. 26 алт. 4 деньги, рукавицы, ножикъ“....[1]).

Правдоподобность взводимыхъ на Рѣшилова Пашковымъ обвиненій, относительно обидъ и разореній слободскихъ раскольниковъ, подтверждается нѣкоторыми безпорными данными, засвидѣтельствованными самимъ миссіонеромъ. Въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ показаніе раскольническаго старца Александра. Пробираясь въ началѣ 1724 г. изъ Керженскихъ лѣсовъ, въ сообществѣ съ старцемъ Іоной, черезъ Калугу и Брянскъ, на Вѣтку, онъ былъ задержанъ казаками с. Гарцова, Стародубскаго у., и отданъ іеромонаху Рѣшилову, представившему его (Іона бѣжалъ) въ розыскную раскольническихъ дѣлъ канцелярію въ Москвѣ. Здѣсь Александръ разсказалъ, что Рѣшиловъ, сопровождая его изъ Стародуба въ Черниговъ, дорогою захватилъ десять человѣкъ крестьянъ «пограничныхъ слободъ», отнялъ у нихъ 10 возовъ хлѣба и 11 лошадей; что хлѣбъ продалъ въ с. Чернотачѣ, а лошадей оставилъ въ Черниговѣ. По поводу этого обвиненія, когда оно было предъявлено Рѣшилову, онъ, не отрицая самаго факта, объяснилъ Св. Синоду: на пути изъ Стародуба въ Черниговъ взялъ онъ «не пограничныхъ слободъ жителей, а Стародубскаго уѣзда слободы Еленки десятникова сына Андрея и съ нимъ другихъ раскольниковъ и бородачей, человѣкъ 7 или 8, и взялъ за то, что помянутый Андрей и другіе той слободы раскольники въ переписке и въ платежѣ за расколъ двойнаго оклада учинились стародубскому Петропавловскому священнику Игнатію противны: въ слободу не пустили, а бывшихъ съ нимъ казаковъ и солдатъ били и изъ ружья ранили, о чемъ въ полковой канцеляріи и дѣло производится. Бывшій при взятыхъ имъ раскольникахъ хлѣбъ, а сколько четвертей

---

[1]) X. Тамъ же, IV, № 1454. Дѣло о несогласіи Св. Синода на опредѣленіе правит. сената о изслѣдованіи въ Малороссійской Коллегіи дѣйствій іеромонаха Рѣшилова и свящ. Игнатія Стрыйковскаго. Стр. 311—315, ст. 1—2.

не упомнитъ, онъ отобралъ и продалъ за 8 рублей, которые издержалъ на проѣздъ съ раскольниками въ Москву, а 11 лошадей отдалъ на кормъ въ Черниговскій архіерейскій домъ[1]). Такова была миссіонерская «умѣренность», обязательная по синодальной инструкціи для миссіонера.

Были и довольно соблазнительные случаи въ миссіонерской практикѣ іеромонаха Іосифа Рѣшилова, какъ показываетъ дѣло св. Синода о присылкѣ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ св. Синодъ двухъ раскольницъ для изслѣдованія доноса ихъ на іеромонаха Іосифа Рѣшилова (Опис. док. и д., хран. въ архивѣ св. прав. синода, № 351/210, стр. 345—347). Такъ бѣглая крестьянка слободы Верхняго Городца, Болховскаго уѣзда, Аксинья Шадурова заявила стародубскому коменданту подполковнику Пашкову: «въ нынѣшнемъ 1724 г., въ февралѣ мѣсяцѣ, бѣжала она съ мужемъ и дѣтьми и старицею керженскихъ лѣсовъ Маремьяною въ стародубовскіе посады, но была поймана въ с. Гарцовѣ и отослана въ Стародубъ къ іеромонаху Іосифу Рѣшилову, который отдалъ ее съ мужемъ и двумя сыновьями въ тюрьму, а двухъ дочерей и старицу Маремьяну взялъ къ себѣ въ келью. Чрезъ двѣ недѣли одну дочь ея Лукерью прислалъ въ тюрьму, а другую Прасковью, какъ поѣхалъ въ Черниговъ, взялъ съ собою и на дорогѣ, бивши, изнасиловалъ и дѣвство ея растлилъ, и жилъ съ нею. какъ съ женою; изъ Чернигова возилъ, ради блуда же въ Москву, и только на возвратномъ пути въ Черниговъ отпустилъ изъ с. Уланова, Глуховскаго у., въ Стародубъ съ письмомъ къ Петропавловскому попу Игнатію, который и отдалъ ее подъ караулъ. Видя такое Рѣшилова ругательство и опасаясь впредь того жъ, она, оставивъ мужа и пожитки, съ сыновьями и дочерьми и старицею Маремьяною изъ подъ караула бѣжала въ канцелярію комендантскаго правленія». Доносъ этотъ Парасковья Шадурова подтвердила на допросѣ

---

[1]) Дѣло по доношенію Московской синодальной канцеляріи о разслѣдованіи взведеннаго раскольническимъ старцемъ Александромъ, на бывшаго въ Черииигов. епархіи для изысканія и увѣщанія раскольниковъ іеромонаха І. Рѣшилова, обвиненія въ насильственномъ отнятіи у пойманныхъ около Чернигова раскольниковъ хлѣба и лошадей. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. IV, № 470, 1729—1725 г., ст. 476—477.

въ комендантскомъ правленіи, пояснивъ при этомъ, «что Рѣшиловъ растлилъ ея дѣвство въ с. Улановѣ противъ праздника Сошествія Св. Духа, отслужа всенощную, и блудилъ съ нею всю нощь, до свѣта». Пашковъ донесъ объ этомъ кіевскому губернатору князю Трубецкому, по распоряженію котораго означенныя лица были вновь допрошены въ губернской канцеляріи, причемъ старица Маремьяна съ своей стороны показала, «что Рѣшиловъ блудилъ и съ нею подъ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, послѣ вечерни и до заутрени, также на страстной недѣлѣ въ великую пятницу, и блудя, въ церковь ходилъ и ей велѣлъ ходить, не обмывавшись». Таково это дѣло, видимо скабрезнаго свойства, по показанію потерпѣвшихъ. Между тѣмъ, по объясненію товарища Рѣшилова, Петропавловскаго священника Игнатія, дѣло происходило не такъ, какъ оно описано. 2-го іюня о. Игнатій писалъ Черниговскому еп. Иродіону Жураковскому: «26-го мая прислалъ въ Стародубъ іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ съ Уланова раскольничью черницу и дѣвку, которыя желали сообщитися св. греко-россійской православной церкви; но господинъ комендантъ Илья Ивановичъ Пашковъ, увѣдомившись о присылкѣ оныхъ, рано 27 числа прислалъ солдатовъ своихъ, которые насильно взяли черницу и дѣвку во дворъ его комендантскій, а о полудни комендантскіе жъ посылные отбили караульню, гдѣ сидятъ колодники, и взяли насиліемъ старую раскольницу съ дочерью дѣвкою и хлопца малаго, а старика той же бабы и хлопца хвораго покинули, также забрали ихъ раскольничій *буторъ* (хламъ, скарбъ, пожитки) съ мѣшками. Видячи таковыя нападки», заключаетъ о. Игнатій, «ужасаемся, и нельзя чего съ раскольниками починити, ибо весьма интересъ государевъ онъ, камендантъ, уничтожаетъ». Св. Синодъ, обративъ вниманіе, что Пашковъ и Трубецкой въ данномъ случаѣ дѣйствовали противъ «именного Е. И. В. собственною рукою на докладныхъ синодскихъ пунктахъ 1721 г., марта 15 дня, подписаннаго указа, который изъ прав. сената печатнымъ, генваря 21 дня 724 г., листами во всѣ коллегіи и канцеляріи, въ губерніи и провинціи публикованъ, 13-го января 725 г. постановилъ: «оныхъ раскольницъ, для освидѣтельствованія явной въ поруганіе свящ. чину вышепомянутой отъ камендаанта Пашкова написанной вины, изъ Кіев. губ. канцеляріи прислать въ св. синодъ немедленно, и о томъ въ Кіевскую губернію послать указъ, въ которомъ

написать, чтобъ въ такія и тѣмъ подобныя духовныя дѣла впредь свѣтскія командиры вступать отнюдь не дерзали, и тѣмъ свящ. чину напраснаго ругательства и въ народѣ соблазна и посмѣянія не чинили" (П. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. VI, № 1386, стр. 240). На это кн. Трубецкой доношеніемъ 4 января 1727 г. отвѣтилъ: «я здѣсь, въ Кіевѣ, главнымъ командиромъ, и Стародубовскій комендантъ Пашковъ и описныя слободы въ моей диспозиціи зостаютъ. И вѣдая онъ, камендантъ, командира своего, ко мнѣ о томъ репортовалъ, по которому его доношенію, какъ есть моя должность, доносилъ я въ св. синодъ и съ того дѣла копіи къ рѣшенію послалъ и требовалъ на это резолюцію, но въ то дѣло не вступалъ и розыска ни какого не дѣлалъ, и того дѣла не вершилъ, и тѣмъ указовъ и регламента не нарушилъ. А не доносить о томъ въ Синодъ отнюдь не возможно; понеже въ печатномъ указѣ 21 января 724 г., съ согласія прав. сената съ св. синодомъ состоявшемся, сказано: дѣламъ вѣдомымъ въ свѣтскомъ судѣ быть о любодѣяніи и о блудномъ насиліи. И потому прошу св. синодъ, дабы впредь не изволилъ на меня безвинно въ презрѣніи указовъ и въ нарушеніи духовныхъ регламентовъ нарекать, чему я и не подлежу, понеже посланное мое по тому дѣлу доношеніе въ св. синодъ къ нарушенію указовъ и регламента весьма не приличествуетъ». Разсматривалъ-ли св. синодъ настоящій отвѣтъ кн. Трубецкаго—изъ дѣла невидно. Нѣтъ указаній и о дальнѣйшей судьбѣ Шадуровой и старицы Маремьяны[1]).

Изъ дѣла св. Синода 1728 г. по прошенію статскаго совѣтника Василія Никитича Татищева о разводѣ его съ женою, видно, что Іосифъ Рѣшиловъ, въ то время игуменъ Раковскаго монастыря (въ Старицкомъ у., Тверской губ.), былъ виновникомъ разстройства семейной жизни и знаменитаго историка. Въ прошеніи отъ 1-го мая В. Н. Татищевъ просилъ Синодъ о расторженіи брака съ своего женою Анною Васильевною Андреевскою, бывшею въ первомъ бракѣ за Реткинымъ, за расточительность, прелюбодѣяніе и попытку лишить его жизни отравленіемъ. Именно, относительно прелюбодѣянія, Василій Никитичъ писалъ. что жена его, „забывъ Законъ Божій и свое предъ Богомъ обѣщаніе, прелюбодѣй-

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. Росс. Имп. т. IV, № 1459, ст. 318. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син.

ствовала съ игуменомъ Раковскаго монастыря, что въ Старицкомъ уѣздѣ, которому есть такое доказательство, что оной игуменъ, не имѣя никакова съ нами свойства, ниже со мною знакомства, противо закона монашескаго многократно къ ней, женѣ моей, въ домъ ѣздя пьянствовалъ, чрезъ цѣлыя ночи съ нею сиживалъ, и въ хоромахъ у нея ночевывалъ; такожде и она, жена моя, къ нему ѣздя въ келью чрезъ цѣлыя ночи въ уединеніи пребывала, которому могутъ свидѣтельствовать бывшіе при ней служители, а именно: поваръ Еѳимъ Ивановъ, дворовой человѣкъ Ларіонъ Никитинъ съ женою Ульяною, да дѣвки Авдотья Иванова, Ульяна Ѳедорова, вдова Дарья Григорьева. Сіи же надѣюся, что и большіе доказательства знаютъ, и ежели токмо отъ истины не устранятся»[1]).

На основаніи вышеуказаннаго доношенія Кіевской губерніи канцеляріи, отъ 23 іюля 1724 г., Сенатъ 21-го сентября постановилъ: «по тому доношенію изслѣдовать о всемъ подлинно въ Малороссійской Коллегіи, и что по тому слѣдованію явится, о томъ прислать въ Сенатъ выписку съ подлинною очисткою, понеже въ сообщенномъ изъ св. синода въ сенатъ іюня 2-го нынѣшняго 724 г. вѣдѣніи объявленъ Его Величества указъ, что повелѣно челобитчиковъ, которые бьютъ челомъ на духовныхъ, удовольствовать и суду той Малороссійской Коллегіи быть тѣмъ духовнымъ послушнымъ, и св. правит. синоду о томъ вѣдать, а съ присланнаго изъ Кіевской губерніи доношеніи и реестра при семъ сообщается копія, а въ малороссійскую коллегію и для вѣдома Кіевскому губернатору указы изъ Сената посланы». Св. Синодъ не согласился съ постановкой вопроса въ Сенатѣ о дѣйствіяхъ Рѣшилова въ качествѣ синодальнаго миссіонера, и 13-го января 1725 г., «разсуждая довольно, согласно приговорили: означенного іеромонаха, который нынѣ при С.-Петербургѣ, о всемъ противъ показанныхъ доносовъ въ Синодальной Канцеляріи допросить обстоятельно, въ сущую правду, съ подлинною о всемъ очисткою, по пунктамъ, и росписавъ приличныя къ тому правилы и указы, предложить къ синодальному разсмотрѣнію. А прав. Сенату сообщить

---

[1]) Дѣло арх. св. син., № 272—438. Опис. док. и д., хран. въ арх. прав. син. т. VIII (1728 г.). Спб. 1891 г. ст. 268—272.—С. С. Татищевъ: Родъ Татищевыхъ. 1400—1900. Историко-генеалогич. изслѣд. Спб. 1900, стр. 84.

вѣдѣніе съ такимъ объявленіемъ, что стародубской комендатъ Пашковъ будто о происшедшихъ отъ тѣхъ, іером. I. Рѣшилова и попа Игнатія, стародубскихъ слободъ обывателемъ обидахъ и разореніяхъ, доноситъ, отбывая показанныхъ на него отъ Рѣшилова продерзостей, о которыхъ и правит. Сенату изъ св. Синода письменно прешедшаго 724 г., октября 9 и ноября 20 чиселъ сообщено (ibidem, №№ 1323 и 1386), чего для оному ево доносу вѣрить не надлежитъ, и слѣдованію о томъ приличествуетъ быть въ духовномъ правительствѣ потому, что сообщенной изъ Синода въ Сенатъ іюня 2 прошлаго 724 г. Е. И. В. указъ, того же 724 г. марта 2 состоявшейся, въ Малороссійской Коллегіи дѣйство чинить повелѣваетъ объ однихъ токмо тамошнихъ обывателяхъ Малороссійцахъ, а не о посылаемыхъ изъ св. Синода управителяхъ (ibidem, № 1222), наипаче же что оной Рѣшиловъ посыланъ изъ Синода для изысканія раскольниковъ и обращенія ихъ въ православную вѣру, то что оные жъ раскольники, негодуя на него, можетъ быть и затѣваютъ напрасно. И о такихъ партикулярныхъ дѣлахъ, по состоявшемуся на докладныхъ синодскихъ пунктахъ марта 15 дня 721 г. Е. И. В. собственноручному указу, велѣно челобитчикомъ на духовныхъ нигдѣ индѣ бить челомъ токмо въ Синодѣ, того ради требовать, дабы по силѣ онаго Е. И. В. указа (1-е пол. собр. закон. росс. им. т. VI, № 3761), по вышеозначеннымъ на іеромонаха Рѣшилова и на попа Игнатія, о обидахъ, доносамъ въ Малороссейской Коллегіи слѣдованія не производить, и во изыскиваніи раскольническихъ лжеучителей препятія не чинить, и о томъ бы изъ правит. Сената во онуую малороссійскую коллегію послать указъ, и что учинено будетъ для извѣстія св. Синоду сообщить письменно, какъ указы повелѣваютъ» (ibidem, № 1454, стр. 314—315). На этомъ дѣло и останавливается по данному вопросу.

Того же 13 Января 1725 г. состоялось синодское постановленіе по доношенію іеромонаха Іосифа Рѣшилова, отъ 4 декабря 1724 г., въ которомъ онъ требовалъ отъ прав. сената резолюціи по вопросу: на какомъ именно разстояніи отъ границы слѣдуетъ считать раскольниковъ за порубежныхъ, которые не подлежатъ, какъ живущіе вблизи рубежа, платежу штрафныхъ за расколъ и пошлинныхъ за вѣнечныя памяти денегъ? Синодъ согласился съ основною мыслію доношенія Рѣшилова, и

постановилъ: «о оныхъ раскольникахъ, которые въ платежѣ надлежащихъ съ нихъ за расколъ окладныхъ денегъ и вѣнечныхъ пошлинъ чинятся не послушны, называяся порубежными, а отъ польской границы жительство имѣютъ разстояніемъ верстъ по сту и больши и меньши, какъ съ ними въ сборѣ оныхъ за расколъ окладныхъ денегъ поступать, и въ коликомъ разстояніи отъ границы живущихъ пограничными вмѣнять, требовать резолюціи въ правит. Сенатѣ, и о томъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ написать синодальное мнѣніе: что со оныхъ раскольниковъ окладныя деньги надлежитъ брать, и которые тамо поселились, выбѣжавъ изъ великороссійскихъ городовъ, тѣхъ, учинивъ имъ наказаніе, по силѣ имяннаго Е. И. В., въ низовомъ походѣ о сибирскихъ раскольникахъ 1722 г. октября 15-го состоявшагося указа (Пол. собр. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. росс. имп. т. II, № 882), высылать на прежнія мѣста, и о томъ, что учинено будетъ, для извѣстія св. Синоду требовать письменнаго изъ прав. Сената увѣдомленія, а вѣнечныя пошлины съ свадебъ ихъ брать по тому жъ какъ и съ прочихъ, купно и съ лазаретными, безъ всякаго упущенія, и оныя на лазаретъ сбираемыя деньги присылать со обстоятельными репортами въ св. Синодъ, какъ указы повелѣваютъ неотложно» (ibidem, № 455).

11-го октября, во время вторичнаго обсужденія того же вопроса, вице-президенты, архіепископы: Новгородскій Ѳеофанъ и Тверской Ѳеофилактъ заявили, что въ 1724 г., когда они въ домѣ И. В. покойному Государю Императору „о мѣсторазстояніи отъ рубежей жительства раскольническаго, требуя изъясненія, упомянули напечатанный Е. И. В. указомъ указъ 716 г., февраля 8 дня, въ которомъ означено, чтобъ раскольниковъ описать, кромѣ живущихъ близь рубежей, тогда Е. И. В. изволилъ сказать, что такого повелѣнія, дабы порубежныхъ раскольниковъ выключить, отъ Е. В. никому не бывало, о чемъ тогда же самъ Е. И. В. спрашивалъ сенатскаго оберъ-прокурора Бибикова, что гдѣ такой указъ записанъ, дабы то объявить Е. В., и онъ, оберъ-прокуроръ, обѣщался было тогда справиться о томъ въ Сенатѣ,—отчего сумнительство есть, что такого указа, можетъ быть, отъ самого Е. И. В. и не было". (Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. IV, № 530—299, ст. 541—543). Не видно однакоже, что такое «сумнительство» удалось Синоду установить какъ фактъ, какъ онъ особенно старался это сдѣлать

въ царствованіе Екатерины I (П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. V, №№ 1669—1670, ст. 202—203. № 1674, п. 6, ст. 212—213).

Не церемонились съ миссіонеромъ и его помощниками и слободскіе раскольники. Въ самомъ г. Стародубѣ дѣятельность миссіонеровъ вызвала ожесточенный и дикій протестъ. На пасхѣ 1723 г. сдѣлано было нападеніе на соборную церковь, въ которомъ главная роль принадлежала старообрядствующимъ солдатамъ изъ команды стародубскаго коменданта Ильи Пашкова, «презельнаго раскольниковъ заступника», и сдѣлано было «во время литургіи, подъ часъ самой еліоваціи». Въ протестахъ, занесенныхъ въ мѣстныя магистратскія книги протопопомъ и его намѣстникомъ, записано, что «солдаты Предтечевской церкви дьячка Ивана за волосы подъ самыя царскія враты волочили, у которой де церкви былъ наказный полковникъ Петръ Корецкій съ протчими полковыми и магистратовыми особами, и аще бы не оборонили, то бы церковь божественная кровополитіемъ осквернилася». Около того же времени вышеупомянутый дьячекъ, „по древнему обыкновенію, ходилъ съ крестомъ славить Христа по приходскимъ дворамъ, и зашелъ въ Вонесенской приходъ на дворъ новообращеннаго отъ раскола въ православіе Ивана Матвѣева, и невѣдомо де какихъ ради причинъ, вышедши изъ комнаты, раскольщикъ Андрей Никифоровъ (которой живетъ въ слободѣ Лужкахъ въ стряпчихъ) съ слугою своимъ и прочими раскольниками учинили съ дьячкомъ заводъ, и изъ помянутыхъ де раскольщиковъ одинъ рукою ударилъ по святомъ крестѣ, отчего де мало не весь погнулся и упалъ, а потомъ когда дьячка и всѣхъ съ нимъ причетниковъ били смертью, тогда и крестъ Господень ногами ругательно попирали»... Обстоятельства этого дѣла подвердилъ потомъ Семенъ Моисеевъ, бывшій житель Гремяцкій, а въ то время въ Стародубѣ въ школѣ св. Іоанна Предтечи за подъячего правившій.[1]) Особенно злы были раскольники на самаго Рѣшилова и его дѣятельнаго помощника о. Игнатія Стрійковскаго: ихъ «бранили сквернобранными словами и забойствомъ похвалялися», т. е. грозили ихъ убить. Самому Рѣшилову не разъ приходилось получать увѣдомленія и

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. пр. исп. IV, № 1323, стр. 166—167, ст. 1—2. Ср. № 1386, стр. 241, ст. 1—2. О школѣ Іоанно-предтеченской упоминается и въ Компутахъ 1723 г., л. 319 об.

предостереженія въ этомъ смыслѣ. Такъ въ письмѣ къ нему отъ нѣкоего Якова Дружины говорится, что, по отъѣздѣ Рѣшилова изъ его усадьбы, ему въ тотъ же день сдѣлалось извѣстно, что Еленскіе расколники въ числѣ 20 человѣкъ бѣжали за ними съ бердышами почти по пятамъ, съ цѣлью убить его въ Еленскомъ лѣсу. Священникъ Савва Замишевскій доносилъ въ Стародубскую коммиссію раскольническихъ дѣлъ, что житель раскольничьей слободы Городища Константинъ Харлампіевъ Поляковъ говорилъ ему, чтобы онъ, Савва, въ Зыкую слободу не ходилъ: «какъ де Рѣшилова, такъ и тебя убьютъ, понеже де они на то сообщилися». О. Стефанъ Сацковскій въ началѣ марта 1724 г., въ своемъ доношеніи въ ту же комиссію, представляетъ раскольниковъ членами какого-то религіозно-вооруженнаго братства, которые только и мечтаютъ о томъ, чтобы убить комисара Рѣшилова. „А комисара Рѣшилова, хотя и всѣ смертію постраждемъ, гдѣ бы напасть, то убити его“. Такъ говорилъ о. Стефану Климовскій раскольникъ Василій Хрущъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщалъ, что „въ каждой слободѣ, въ каждомъ дворѣ, сколько есть человѣкъ, всякъ косу, увязавши на правецъ, при себѣ держитъ, копьи таковыя имѣютъ при себѣ обо двухъ концахъ острыя, желѣзные бердыши, тако жъ, аки бритва острые жъ, и съ собою возятъ, гдѣ бы заслышали на якой слободѣ отца Рѣшилова и съ козаками“, и что для поимки Рѣшилова съ козаками высланы „съ каждой слободы, съ каждаго двора, по человѣку“[1]).

Двухлѣтняя миссіонерская дѣятельность Рѣшилова въ Стародубьѣ оказалась почти безплодной и безрезультатной. 3 октября 1724 г., когда уже Рѣшиловъ оставилъ Стародубье, онъ доносилъ въ Св. Синодъ, что „въ прошлыхъ 1722, 1723 и нынѣшнемъ 1724 годѣхъ въ разныхъ мѣсяцѣхъ ѣздилъ двократно въ Стародубскій полкъ и Черниговскій, для увѣщанія и описи раскольниковъ, также посыланъ былъ Петропавловской церкви священникъ Игнатій двократно жъ съ солдаты и козаки Малороссійской Коллегіи, для онаго жъ раскольниковъ увѣщанія. И оные

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд, прав. исп. IV, № 1323, стр. 168, ст. 1; 167, ст. 2; № 1386, стр. 240—241, ст. 2—1. Ср. стр. 237. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. III, № 441, 20 авг. 1724 г.; № 368, 22 нояб. 1726 г., ст. 453—455.

раскольщики во всемъ явились противны и посланные отъ нихъ раскольщиковъ смертнымъ боемъ биты и граблены, и отъ ихъ раскольническаго звѣрства всѣмъ православнымъ вспомоществовать стало немощно". Во время своего двухлѣтняго пребыванія въ Стародубьѣ онъ пришелъ къ тому горькому убѣжденію, что „бѣсноватые раскольщики съ своими заблужденіями весьма не хотятъ у православныхъ пастырей въ послушаніи быть". Изъ доношенія его Св. Синоду, отъ 4 декабря 1724 г., видно, что были раскольничьи слободы и келейные жители, которые рѣшительно отказались слушать Рѣшилова какъ миссіонера, не дали себя описывать и не хотѣли платить «оброчныхъ и повѣнечныхъ пошлинъ»; это именно слободы: Еленка, Воронокъ, Залужье, Климова, Митьковка, Свяцкая, Зыбкая, Добрянка, Злыка, Тимошкинъ Поревозъ, Радуль и келейные жители въ Ходятинѣ лѣсѣ. «Да сверхъ того есть и прочія непокоряющихся раскольниковъ слободы», говорилось въ доношеніи. Счастливое исключеніе для Рѣшилова представляла слобода Млынка, принадлежавшая къ вотчинамъ свѣтлѣйшаго князя А. Д. Меньшикова, вмѣстѣ съ другими— раскольниками, поселившимися въ вотчинахъ послѣдняго. Тутъ Рѣшилову удалось сыскать и обратить «къ соединенію греко-россійскаго благочестія душъ съ полтретья ста», да записать въ расколъ подъ двойной платежъ 27 дворовъ, «за увѣщаніемъ и спомоществованіемъ въ Почепской его свѣтлости канцеляріи, безъ всякаго препятствія, отъ управителя тѣхъ вотчинъ Гаврилы Никифоровича Лукина, предобраго рачителя по церкви святой»[1]). Въ прошеніи, поданномъ имъ Св. Синоду 4 января 1726 г., въ которомъ онъ просилъ «уволить его отъ миссіонерскаго послушанія», объ успѣхахъ своей миссіонерской дѣятельности въ Стародубьѣ онъ между прочимъ писалъ, что въ теченіи около двухлѣтняго пребыванія въ Черниговской епархіи, «къ святой апостольской церкви сообщилъ человѣкъ съ 800», а съ упорныхъ раскольниковъ и не исповѣдавшихся собралъ «съ 1700 руб.»[2]).

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр 237, 239; № 1455, стр. 315—316, ст. 1—2.

[2]) Опис. докум. и д., хран. въ арх. св. Синода т. I, стр. 588, примѣч. Въ прошеніи на свое мѣсто къ увѣщанію раскольниковъ онъ

Къ положительнымъ результатамъ миссіонерской дѣятельности Рѣшилова въ Статодубьѣ можно отнести и слѣдующее. Изъ письма его къ наказному гетману П. Л. Полуботку, отъ 21 мая 1723 г., видно, что, благодаря его настоянію, въ раскольнической слободѣ Радулѣ была устроена Полуботкомъ православная церковь, Именно онъ писалъ Полуботку: «за ревность же по церкви святѣй грекороссійской, яко благоразсужденіемъ своимъ ктиторство воспріяли, *своимъ же иждевеніемъ въ слободѣ Радулѣ церковь Божественную построити*, за что отъ всемогущаго Творца сторицею въ спасеніе пріймете мздовоздаяніе, монаршую милость, Святѣйшаго Правительствующаго Синода благословеніе, а отъ насъ ничто иное, только мое зъ благодареніемъ принижайшее поклоненіе вельможности вашей»[1]). Весьма вѣроятно, что этому обстоятельству слѣдуетъ приписать значительный успѣхъ у Радульцевъ позднѣйшаго миссіонера, протоіерея Журавлева, когда изъ Радульцевъ весьма многіе согласились принять законное священство, какъ и преосвященнаго Черниговскаго Михаила Десницкаго (1813 – 1818 г.г.), который, во время своего здѣсь пребыванія, силою своихъ вразумительныхъ поученій, многихъ слобожанъ примирилъ съ церковію[2]).

Во время своей Стародубской миссіонерской дѣятельности іеромонаху Рѣшилову удалось также собрать и довольно обстоятельныя свѣдѣнія о поселившихся за границей великороссійскихъ раскольникахъ, какъ и вообще объ эмиграціонномъ движеніи раскольниковъ въ концѣ царствованія Петра I изъ Великой Россіи за польскій рубежъ, или, какъ выражается Рѣшиловъ, «въ польское панство, въ Ляхетчину». Для собиранія свѣдѣній о поселившихся за границей раскольникахъ отправленъ былъ имъ на Вѣтку и въ другія мѣста обратившійся изъ раскола Иванъ Бѣляевъ, именно «ради свѣдомства раскольщиковъ, которые съ 1720 и 1721 годовъ

просилъ опредѣлить, если соблагоизволено будетъ, нѣкоего Θедора Алексѣева сына Мясника, который знаемъ въ Москвѣ въ Тіунской палатѣ.

[1]) Москов. Румян. Муз. арх. Маркевича, № 225 См. наши Нов. Мат. для ист. раск. на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. № 20, стр. 114—15.

[2]) Верховскій, Т. А.: Стародубье. Ч. III, стр. 62—63. Ср, ч. I, стр. 18; ч. III, 82—85.

вновь ушли за границу Московскіе жители и разнымъ городовъ монастырскіе и боярскіе и всякихъ чиновъ люди»... Оказалось, что вновь населилось за польскимъ рубежомъ 9 слободъ только на земляхъ Халецкаго и Красевскаго и около 300 дворовъ на Вѣткѣ и около Вѣтки по старымъ слободамъ. Раскольники селились вновь и на свободныхъ земляхъ пана Любомірскаго, за которымъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, имѣлось «слободъ съ пятнядцать и два монастыря». «И въ разныхъ мѣстахъ за Днѣпромъ и въ м. Кричевѣ и около м. Полоннаго и по разнымъ мѣстамъ, по пустынямъ и по заводамъ, писалъ Бѣляевъ, всѣхъ жителей тѣхъ раскольниковъ обрѣтается напримѣръ тысячей съ тридцать или больше, кромѣ старыхъ слободъ, народа русскаго... И всѣхъ раскольщиковъ блазнитъ все неосвященная церковь вѣтковская, которая за паномъ Халецкимъ, и оный Халецкій великій себѣ отъ нихъ, раскольщиковъ, интересъ получаетъ, а имперіи великой Россійской не малая тщета и убыль интересу и суммы, а душамъ христіанскимъ гибель»[1]).

Интересны и данныя, собранныя Іосифомъ Рѣшиловымъ о переходѣ изъ Великой Россіи раскольниковъ въ Ляхетчину, ихъ первоначальномъ мѣстѣ жительства, согласіяхъ и ученіи. Особенно много ихъ попало въ руки Рѣшилова и его агентовъ въ 1723 г. Вотъ характерныя черты въ ихъ показаніяхъ: 1) Кузьминъ—жилъ на Балахнѣ, вступилъ въ расколъ и «былъ въ согласіи» съ старицею Полинаріею, что жила въ Керженскихъ лѣсахъ, недалеко отъ Ларіонова починка, исповѣдывался и причащался у раскольническаго чернаго попа Никифора съ Яику,

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, № 1386, стр. 238, ст 2; 239. ст. 1.—О *Кричевскихъ* старообрядцахъ нѣкоторыя свѣдѣнія за прошлый вѣкъ см. въ Опис. Кричевскаго „графства или бывшаго староства" Андрея Мейера: ркп. библ. Имп. Казанскаго универс., № 1543. Лѣт. зан. арх. ком. Вып. VII.—Опис. ркп., хран. въ библ. Имп. Каз. унив. А. И. Артемьева.—Въ 1725 г. „раскольническій обращатель", іером. І. Рѣшиловъ, донесъ св. Синоду о потаенныхъ раскольникахъ, находящихся въ Курскомъ, Обоянскомъ и Миропольскомъ уѣздахъ Бѣлогородской епархіи, о которыхъ ничего не доносилъ мѣстный еп. Епифаній, съ точнымъ указаніемъ мѣстъ ихъ поселенія, ихъ обрядовъ и пр. Всѣ раскольники были „согласія Вѣтковскаго попа Асафа и Александра". Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Синода. Т. V, ст. 400—402.

занимался перевозомъ за рубежъ раскольниковъ. 2) Гавриловъ—Балахонецъ, изъ дѣтства крестился двуперстно. «опознался» съ старцею Полинарьею, переводилъ старцевъ и старицъ на Вѣтку. 3) Васильевъ—Балахонецъ, Софонтьева согласія, вѣнчанъ Керженскимъ попомъ Васильемъ, жилъ на Керженцѣ недалеко отъ Ларіонова починка, близъ келіи старицъ Капитолины и Иринархіи того жъ согласія, перевозилъ изъ Воронжина починка за границу старицу Ненилу. 4) Евдокимовъ—впалъ въ расколъ въ 1716 г. со всей своей семьей въ Городцѣ, свезъ на Вѣтку свою жену и на обратномъ пути попался въ руки агентовъ Рѣшилова. 5) Кирсановъ—Балахонецъ, Городецкой волости, изъ дѣтства молился двуперстно, исповѣдовался и причащался у вѣтковскаго чернаго попа Антонія, свезъ на Вѣтку свою жену, трудника старца Якова, старицу Иранарху и еще неизвѣстныхъ ему по имени старицу и трудника, ѣхалъ взять на Вѣтку своего отца. 6) Пономаревъ—Нижегородецъ, Софонтьева согласія, изъ дѣтства исповѣдывался и причащался у бѣлаго попа Авраамія, свезъ за границу, на Вилеву слободу, гдѣ жилъ дьяконовецъ черный попъ Андрей, двухъ раскольниковъ и на обратномъ пути пойманъ Рѣшиловымъ. 7) Старица Анисья—родомъ Городецкой волости, крещена раскольническимъ попомъ, пострижена такимъ же чернымъ попомъ Никифоромъ; когда была взята, въ то время съ нею ѣхало на Вѣтку изъ Керженскихъ келій 8 подводъ, на которыхъ было 16 старицъ и бѣлицъ. 8) Емельяновъ—Балахонецъ, раскольникъ «издревле», съѣхалъ на Вѣтку съ сестрой своей старицей Матроной и на обратномъ пути пойманъ; возилъ ихъ Зыбковскій раскольникъ за 5 руб. 9) Ивановъ—Заузельской волости, раскольникъ года съ 4 со всей семьей, духовника имѣлъ бѣлаго попа Авраамія, везъ изъ найму на Вѣтку старицъ: Маремьяну и Авдотью. 10) Жуковъ—Вязниковецъ, раскольникъ, ѣздилъ на Вѣтку съ двумя семьями. 11) Ероѳѣевъ—работникъ Вязниковскаго посадскаго человѣка Мокѣя Тимоѳеева, наученъ расколу хозяиномъ, свезъ его на Вѣтку съ книгами и образами. 12) Схимница Ѳеодора—родомъ изъ г. Романова (Яросл. губ.), за мужемъ была въ Казани, 45 л. тому назадъ пострижена въ Керженскомъ скиту Онуфріева согласія попомъ Досиѳеемъ, жила въ сосѣднемъ скиту подъ началомъ у матери своей Мароы, у которой подъ началомъ было старицъ до 30, да «поколщиковъ» (дрова кололи?) мужчинъ человѣка по

два, схвачена на дорогѣ въ Вѣтку съ просфорой и агнцемъ, полученными будто бы отъ постригавшаго ее попа Досиѳея и другаго попа Онуфрія; созналась, что причащала этимъ агнцемъ раскольниковъ, которыхъ предварительно исповѣдывала, что правила съ своими келейницами утрени, вечерни, часы и молебны; ѣхала на Вѣтку провѣдать, чтобы самой переѣхать и другихъ перевезти туда; указала на притонъ Онуфріевцевъ въ Нижнемъ у Василья Максимова и Ивана Муратова, а въ Кузьмодемьянскѣ - у кузнеца Онисима Ѳомина. 13) Михайловъ—раскольникъ Ларіонова починка, ѣхалъ на Вѣтку съ матерью и сестрой и старицей Ѳеодорой. 14) Матвѣевъ—раскольникъ отъ дѣда и отца, родомъ Костромичъ, жилъ на Москвѣ въ расколѣ за укрывательствомъ 4 поочередно приходскихъ поповъ, изъ которыхъ одинъ, съ Краснаго пруда, по имени Евфимій, крестилъ у него дѣтей по старопечатному требнику, другой—Ѳедоръ былъ съ Покровки отъ Предтечи, третій - Василій, его духовникъ, оставя приходъ, жилъ по домамъ тайно; Матвѣевъ же указалъ на три скита - женскій старицы Дороѳеи, безъ указанія его мѣстоположенія, мужескій въ Семеновскомъ починкѣ и такой же Макарьевскій, гдѣ исповѣдывалъ и причащалъ бѣлый попъ Семенъ; съѣхалъ на Вѣтку, „*бѣгая отъ управленія Питирима*“ и двойнаго оклада. 15) Ѳедоровъ - родомъ Костромичъ, раскольникъ лѣтъ 15, ѣхалъ на пограничье въ слободу Зыбкую съ матерію, везъ и другихъ за деньги. 16) Захарова - родомъ изъ Суздальскаго края, безпоповщинскаго согласія, ѣхала на пограничье, гдѣ жилъ ея духовникъ Макарій. По ея показанію Макарій исповѣдывалъ ихъ такъ: «собравъ человѣкъ 30 или 40, исповѣдывалъ глухою исповѣдью, напоминая кійждой свой грѣхъ, соединенный въ разныхъ лицахъ человѣческимъ естествомъ, и нѣкую исповѣдь проповѣдывалъ будто скитскихъ отцовъ, и общее всѣмъ прощеніе давалъ, а по исповѣди проглаталъ сіе слово: «Богъ васъ проститъ, а вы де меня простите». А во ученіи де проповѣдывалъ: «плачьтеся, Богъ васъ не оставитъ»; а о причастіи—де толковалъ: «слезы-де намъ вмѣняются вмѣсто причастія, и вѣра наша правая, и по вѣрѣ-де нашей вся намъ готова отъ Бога». А погребеніе—де у нихъ однимъ канономъ, а крещенія—де младенцевъ у нихъ никакова не бывало». 17) Матвѣева—дочь православной матери, завезла мать свою насильно въ раскольническую слободу Стародубскую Тимошкинъ Перевозъ, гдѣ она «въ раскольническомъ сусвѣріи и умре», какъ ни

старался спасти ее отъ раскола ея сынъ. 18) Ивановъ—родомъ изъ Юрьевца Повольскаго, увлеченъ въ расколъ въ Чернораменскихъ скитахъ учителемъ Меркуріемъ Григорьевымъ, который говорилъ ему «отъ св. писанія и отъ Ипполита о временахъ и о лѣтахъ, и о царствѣ антихристовѣ и о печати его, и о Иліи и о Епохѣ и о мерзости запустѣнія», и о прекращеніи таинства пригащенія,—послѣ чего и самъ Василій Ивановъ проповѣдывалъ «единомудренное согласіе» въ стародубской раскольнической слободѣ Чернецкой; ѣхалъ на границу съ 18 раскольниками. 19) Иванъ Григорьевъ—изъ Орла, увлеченъ въ расколъ въ Орлѣ учителемъ Ѳедоромъ Ѳоминымъ, жилъ въ Ригѣ, гдѣ зналъ многихъ раскольниковъ, изъ Риги переѣхалъ на Вѣтку, гдѣ былъ въ духовенствѣ у попа Антонія; ѣхалъ во второй разъ на Вѣтку съ сестрой Мареой и былъ Рѣшиловымъ пойманъ. Григорьевъ указалъ въ Орлѣ на нѣсколькихъ человѣкъ раскольниковъ, въ томъ числѣ на сборщика Корякина, который, по его словамъ, «зналъ премножество всякихъ раскольниковъ» въ этомъ городѣ, и на пристанище раскольниковъ въ этомъ городѣ у Савелья Гатилина, жившаго въ Стрѣлецкой слободѣ. 20) Михайло Мартыновъ, Зыбковскій войтъ, крестьянинъ дворцоваго села Даниловскаго, деревни Хабаровой, поповщинѣ наученъ съ малолѣтства дѣдомъ и отцомъ, отца духовнаго не имѣлъ на родинѣ лѣтъ съ 20; 25 лѣтъ тому назадъ поселился въ Зыбкой съ семьею, гдѣ они духовными отцами имѣли раскольническихъ поповъ Александра Римлянина, Бориса Калужанина и Леонтія, жившаго въ Слободѣ Зыбкой. Мартыновъ вмѣстѣ съ бурмистромъ Карповымъ не допускалъ Рѣшилова до переписи слобожанъ. Послѣдній не былъ изъ числа пойманныхъ при переходѣ за рубежъ; онъ былъ взятъ къ допросу за сопротивленіе миссіонеру Рѣшилову[1]).

Опис. док. и д., хран. въ арх. св. син. т. I, ст. 583—585. Полн. соб. пост. и расп. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 160—164. О старицѣ Анисьи см также № 1386, стр. 242—244. Она была заключена подъ началъ въ женскій монастырь подъ Новогородсѣверскомъ. Подводчику Акиму Ѳедорову Пригарницкому, жителю Новгородскому, она разсказывала, что Рѣшиловъ „изымалъ“ ее въ Почепѣ, взялъ «лошадей двоя и денегъ рублей съ 20» *и нудилъ меня къ студодѣянію*, я его не послушала». При помощи того же Акима Пригарниц-

Въ числѣ пойманныхъ въ 1723 г. агентами миссіонера Рѣшилова, при переходѣ черезъ границу, былъ и «презельный раскольническій учитель Иванъ Парфеновъ, сынъ Подпружниковъ» (21). На допросѣ онъ сказалъ, что лѣтъ съ 40 онъ крестится двуперстно, что въ 1705 г. „съѣхалъ“ за рубежъ на Вѣтку и былъ здѣсь въ духовенствѣ сначала у чернаго попа Ѳеодосія, а потомъ у брата его Александра, также чернаго попа, что «читая лѣтъ 30 Библію, печати Острожской, благовѣрнаго де князя Константія Константіевича, напечатанную—де въ 1581 г.», онъ нашелъ, что въ нынѣшнія времена исполняется апокалипсическое пророчество, заключающееся въ 20 главѣ: „седьмое де царство наше русское, возьмутъ де христіане во владѣніе Царьградъ“. Находя, что указаніемъ на 20 главу Апокалипсиса Подпружниковъ коснулся «высокой чести Е. И. Величества», Рѣшиловъ не дерзнулъ дальше и разговаривать съ Подпружниковымъ; онъ передалъ его своему директору, Черниговскому еп. Иродіону, который препроводилъ его въ только что почти образовавшуюся тогда Малороссійскую Коллегію для отправки въ сенатъ. Въ синодальной канцеляріи Подпружниковъ подробно разсказалъ свою біографію и обстоятельства, при которыхъ сдѣлался раскольникомъ, и притомъ убѣжденнымъ раскольникомъ. Оказалось, что онъ родился въ Юрьевѣ Польскомъ и крещенъ былъ православнымъ священникомъ и «не противнымъ дѣйствомъ», т. е. не пораскольнически. Еще мальчикомъ перебрался онъ съ своимъ отцомъ, посадскимъ человѣкомъ, по ремеслу сыромятникомъ, въ Москву, «гдѣ и учился церкви живоначальныя Троицы, что въ Сыромятникахъ, у пономаря Мирона по старопечатнымъ книгамъ, и священное писаніе знаетъ. Какъ пришелъ въ совершенный разумъ и совершенный возрастъ, жилъ онъ въ приходѣ упомянутой церкви, въ посадѣ, въ Сыромятной слободѣ, и всякія подати платилъ, и по выбору слободскихъ людей службы служилъ, въ старостахъ и въ ратушѣ бур-

---

каго „черницы—старовѣрки“ были изъяты раскольниками и изъ женскаго монастыря Печеницкаго. Онъ же разсказывалъ, что слышалъ въ слободѣ Воронкѣ, во дворѣ Петра Терентьева, когда собрались туда мѣстные раскольники, то «говорили обще всѣ»: «*оного де врага Божія, Ирода Рѣшилова, убить*, гдѣ на уѣздѣ или въ городѣ, *всѣми силами старатися имѣютъ*».

мистромъ и на пушечномъ дворѣ у пріему и отдачѣ денежной казны, и сочтенъ и начету на немъ неявилось, и довольствовался мастерствомъ— дѣлалъ сыромятныя кожи, къ сѣдламъ подпруги и имѣлъ торгъ въ лавкѣ". О семейномъ своемъ положеніи объяснилъ, что женатъ и имѣетъ трехъ сыновей, которые «учились у разныхъ чиновъ людей по старопечатнымъ книгамъ и божественное писаніе знаютъ». У мѣстныхъ священниковъ въ Москвѣ онъ, Подпружниковъ, жена и дѣти его исповѣдывались и пріобщались, «и къ службамъ въ церковь ходилъ и священниковъ съ потребы въ домъ къ себѣ пускалъ; но потомъ, тому лѣтъ съ 17, съ женою и дѣтьми сшелъ за польскій рубежъ въ Вѣтковскій Покровскій монастырь... А сшелъ онъ не по подговору чьему, но собою, уповая тамъ удобнѣе себѣ питомство получить, понеже въ бытіе въ службахъ въ Сыромятной слободѣ пришелъ въ оскудѣніе; а пропускнаго письма у него не было, понеже въ то время и безъ пропускного письма проходить было свободно. И пришедъ къ Вѣтковскому старостѣ Халецкому, получилъ отъ него для житья пустой дворъ, съ котораго платилъ въ годъ по два рубля, и въ ономъ дворѣ жилъ полтретья года, и потомъ сшелъ въ стародубскій уѣздъ, въ дворцовое село Еленки»[1]). Въ этомъ дворцовомъ селѣ Иванъ Парфеновъ и жилъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтился въ Стародубѣ съ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ. Въ періодъ своей Вѣтковской еленской жизни Подпружниковы уже въ православную церковь не ходили, исповѣдывались и пріобщались отъ присланнаго изъ за рубежа, именно съ Вѣтки, попа Бориса; но «церковныя преданія», настойчиво утверждалъ Подпружниковъ, «и прежде сего и нынѣ содержу и ни въ чемъ св. церкви никакой противности и расколу, кромѣ двоеперстнаго сложенія и старопечатныхъ книгъ, не имѣю». Оставить двуперстное сложеніе и старопечатныя книги Подпружниковъ рѣшительно отказался, и на допросѣ въ Синодѣ выразилъ только готовность платить за то двойной окладъ, какъ это онъ и всегда дѣлалъ по переѣздѣ въ Еленку, выплачивая сначала по 4, а потомъ по 12 и даже больше

---

[1]) По показанію Подпружникова онъ съѣхалъ за рубежъ на Вѣтку въ 1705 г., между тѣмъ по переписнымъ книгамъ Ергольскаго и Брянчанинова онъ съ семьей переселился въ Еленку уже въ 1701 г. М. А. М. Ю. Кн. Малоросс. прик. № 118.

рублей въ годъ еленскимъ войтамъ, для отсылки въ Кіевогубернскую канцелярію. О своемъ злохитромъ и хульномъ мудрованіи въ Синодѣ онъ объяснилъ, что находилъ въ книгѣ Ездры и въ 20 главѣ Апокалипскаго пророчества о послѣднемъ времени: «въ нынѣшнее де время Ездрино пророчество присутственно и дѣется де же по оному пророчеству; да и двадесятая глава Апокалипсиса Іоанна Богослова зѣло по настоящему времени вся такъ чинится и седмое царство наше русское нарицается; войдутъ христіане въ Царьградъ и во владѣніе себѣ возьмутъ, и агарянское злочестіе до конца истребится отъ благочестиваго царя». Св. Синодъ усмотрѣлъ «великую противность» Подпружникова чести Его Величества, что онъ такимъ образомъ примѣнялъ пророчества изъ Ездры и Апокалипсиса, и 9-го іюля 1723 г. опредѣлилъ отослать его для розыска въ Тайную Канцелярію. 1-го февраля 1724 г. послѣдняя сообщила Синоду, что „раскольникъ Подпружниковъ сперва по увѣщанію архіерейскому троекратно не покоренъ пребывалъ въ противномъ своемъ толкованіи, а потомъ онъ былъ пытанъ и съ розыску винился и говорилъ, что впредь такъ толковать не станетъ, а съ кѣмъ оное толковалъ и изначала обученъ, тѣ всѣ померли, а потомъ и онъ Подпружниковъ умре“. Отъ роду ему было 70 лѣтъ. Предметъ его толкованій о послѣднемъ врдмени въ извѣстной степени совпадаетъ съ бреднями Донскихъ раскольниковъ конца XVII в., попа Самойла и др. Возможно, что толкованія Подпружникова имѣли и преемственную связь съ донскими черезъ черного попа Θеодосія, живалшаго на Дону до Вѣтковской своей дѣятельности[1]).

Не смотря на эти положительные, повидимому, результаты, миссіонерская дѣятельность іеромонаха Рѣшилова въ Стародубьѣ, тѣмъ не менѣе,

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 ст. 171. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. I, ст. 577—588; т. III, ст. 340—343. Дополн къ Акт. Ист. т. XII, № 17, стр. 144, 187. Дружининъ: Расколъ на Дону Спб. 1889 г., стр. 143-145. Іеромонахъ Симонъ Кохановскій по порученію Синода составлялъ отвѣты на какое-то раскольническое толкованіе на книгу Апокалипсисъ, для чего и передано было ему самое толкованіе. Опис. док. ад., хран. въ арх. св. Син. III. ст. 476.

прошла почти рѣшительно безслѣдно; главное, что онъ имѣлъ въ виду и по возможности дѣлалъ во время своего пребыванія среди Стародубкихъ раскольниковъ, было непрочно. Хотя, по его словамъ, имъ и было присоединено къ православной церкви нѣсколько сотъ раскольниковъ, но всѣ они почти вслѣдъ за своими обращеніемъ опять перешли въ расколъ, подъ вліяніемъ раскольничьей среды и раскольническаго фанатизма. Положеніе новообращенныхъ и остававшихся на жительствѣ въ тѣхъ же раскольническихъ слободахъ было крайне непригдядно и тяжело, благодаря тому, что раскольники на оставлявшихъ старую вѣру смотрѣли какъ на предателей и измѣнниковъ, и всячески старались ихъ притѣснять. Не говоря уже о побояхъ, рѣзкихъ выходкахъ противъ православія и разнаго рода нравственныхъ оскорбленіяхъ, эти притѣсненія выражались и болѣе сильно, задѣвая самые существенные жизненные интересы новообращенныхъ. Волостные раскольничьи начальники, бурмистръ и выборные съ слободскими войтами, умѣвшіе ладить съ отдаленнымъ Кіевскимъ и ближайшимъ стародубскимъ начальствами, доходили даже до того, что безнаказано взимали съ новообращенныхъ въ большемъ сравнительно съ раскольниками количествѣ указныя и неуказныя окладныя деньги, или отнимали подъ разными предлогами принадлежавшіе имъ, какъ слобожанамъ, грунты и разныя угодья, а также и пожитки, „безчестя и ругаяся за соединеніе". Такое отношеніе къ новообращеннымъ, кромѣ раскольническаго фанатизма, объясняется и самымъ положеніемъ раскольническихъ общинъ въ Стародубьѣ. Дѣло въ томъ, что Стародубскіе раскольники съ 1718 г. платили извѣстный опредѣленный окладъ въ Кіевскую губернскую канцелярію. Если нѣкоторые плательщики этого оклада соединялись съ православною церковью, то тѣмъ самымъ, по существовавшимъ въ то время узаконеніямъ, они выходили изъ раскольническаго общества, и, стало быть, усиливали платежъ тѣхъ, которые оставались въ расколѣ. Чтобы отстоять самостоятельность раскольническаго общества и раскольничьяго управленія, волостные начальники и принимали съ своей стороны мѣры, чтобы не уменьшалось число волостныхъ плательщиковъ. Невыгоды такого порядка хорошо понималъ Рѣшиловъ и справедливо видѣлъ въ немъ самый существенный тормазъ успѣху своей миссіонерской дѣятельности. Въ доношеніи своемъ Св. Синоду, отъ 3 октября 1724 г., онъ писалъ: «Въ Стародубскомъ полку и

Черниговскомъ за разными помѣщики живутъ раскольщики, которые, по ревности своей раскольнической, записалися въ тягловой платежъ ко онымъ слободамъ раскольническимъ въ команду ихъ раскольническую; а нынѣ Божіимъ спомоществованіемъ и увѣщаніемъ обратилися къ церковному соединенію и, приходя къ намъ, скорбятъ слезно, предлагая свою нужду о нападкахъ отъ раскольщиковъ въ платежахъ несносныхъ за то, что обратилися отъ раскола, также и развращенныя свои приносятъ рѣчи на прельщеніе ихъ простоты“. Въ другомъ своемъ болѣе раннемъ доношеніи онъ утверждалъ, что „раскольническій бурмистръ Ерема Карповъ съ войты своими и солдаты и раскольники тѣхъ обратившихся отъ раскола паки развращаютъ, и за соединеніе, безчестя и ругаяся, берутъ пожитки ихъ и всякіе платежи правятъ сильно, чего де ради прочіе отговариваются, что де имъ обращаться невозможно, понеже де *сильна рука Еремина, а не синодальная*“. Онъ желалъ, чтобы новообращенные „по прежнему“ оставались «въ подданствѣ у своихъ помѣщиковъ»[1]). Позже, когда раскольничьи слободы находились въ ближайшемъ вѣдѣніи стародубской полковой канцеляріи, послѣдняя не разъ дѣлала распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы волостные раскольничьи начальники не взимали съ новообращенныхъ двойнаго оклада противъ раскольниковъ и ни въ чемъ не имѣли до нихъ дѣлъ, и что обратившіеся отъ раскола должны «дабелѣ и протчое отбувать противъ православныхъ Грекороссійскаго исповѣданія обывателей, а не противъ суевѣрныхъ раскольниковъ, и вѣдомымъ имъ быть въ полковой стародубовской канцеляріи, а не въ раскольническомъ правленіи». Всѣ подобнаго рода соображенія и распоряженія однако-же, надо думать, не облегчали положенія нообращенныхъ, что видно отчасти и изъ того, что не разъ приходилось ихъ дѣлать. Кіевская губернская канцелярія въ 1751 г., по дѣлу Дядькина и Кухтина обратилась въ сенатъ за разрѣшеніемъ вопроса, „гдѣ обратившимся изъ раскола жительство имѣть—въ раскольническихъ ли слободахъ, въ какихъ нынѣ находятся, по прежнему, или въ другихъ какихъ мѣстахъ, и гдѣ имъ судомъ и расправою быть вѣдомымъ“[2]). Послѣдовало ли какое

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, стр. 168, 172 и 139. Ист. стат. опис. Черн. еп, VII, стр. 218.

[2]) Харьк. ист. архивъ № 12937.

сенатское распоряженіе по этому вопросу—мы не знаемъ. Св. Синодъ въ подобныхъ случаяхъ не разъ высказывался, какъ напр. по дѣлу Михайла Патрикѣева, сына извѣстнаго попа Патрикія, въ томъ смыслѣ, чтобы новообращенныхъ изъ раскола переводить изъ раскольническихъ слободъ въ другія мѣста жительства, православныя. Практическаго значенія подобныя соображенія повидимому не имѣли.

Въ неуспѣхѣ своей миссіонерской дѣятельности Рѣшиловъ винилъ всѣхъ и вся, но только не себя. Кромѣ Кіевскаго генералъ-губернатора князя Трубецкаго и подчиненнаго ему Стародубскаго коменданта Пашкова[1]), онъ обвинялъ въ томъ же и тогдашнихъ мѣстныхъ малороссій-

[1]) Подполковникъ Илья Ивановичъ Пашковъ до 1724 г. былъ Стародубскимъ комендантомъ, съ 1724 г. былъ назначенъ вмѣсто Кокошкина Стародубскимъ полковникомъ, пробывъ таковымъ до 1728 г., и смѣщенъ вслѣдствіе поданныхъ на него жалобъ за взятки и другія насилія. О свойствѣ этихъ насилій говорятъ намъ отчасти протоколы Верховнаго Тайнаго Совѣта. По жалобѣ полчанъ Пашковъ допрашивался какъ въ Глуховѣ, такъ и въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и показалъ, что стоящимъ на заставахъ офицерамъ онъ давалъ инструкцію о сборѣ на него съ проѣзжающихъ купцовъ съ пароконнаго воза по 20 коп., съ одноконнаго по 16 коп., а съ ярмовъ и меньше... Кромѣ того жаловались на неправильные его суды, отниманіе мельницъ и грунтовъ. Въ докладѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Верховному Тайному Совѣту по этому дѣлу говорится: «понеже Петръ I изволилъ въ Малой Россію въ нѣкоторыхъ полкахъ полковникамъ изъ великороссійскихъ людей быть для того, чтобы они, по примѣрамъ прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, не были, и тѣмъ бы народъ тамошній отъ чинимыхъ имъ отъ старшихъ тягостей, обидъ, грабительствъ, отнятіемъ грунтовъ, лѣсовъ, мельницъ, весьма былъ свободенъ, и судъ и расправу чинили правдою, безволокитно и безъ взятокъ, и безъ накладовъ. Ежели кто преступитъ и станетъ жить съ примѣра прежнихъ тамошнихъ полковниковъ, то и за одно малое преступленіе повиненъ казни; а довольство имъ, полковникамъ, велѣно имѣть съ полковыхъ маетностей». 11 Января 1729 г. Верховный Тайный Совѣтъ положилъ резолюцію, по которой у Пашкова были отобраны всѣ деревни и онъ отрѣшенъ отъ должности; все награбленное имъ должно быть возращено прежнимъ владѣльцамъ. Сб.

скихъ властей: наказнаго гетмана П. Л. Полуботко, представителей

рус. ист. общ., т. 94, стр. 22—24. А. М. Лазаревскій: Опис. Ст. Малор., т. I, стр. 48—50, 56, 127, 129, 130, 414—422. Интересна характеристика Пашкова, сдѣланая еп. Иродіономъ въ донош. его св. Синоду 1723 г. Оп. док. и д., хран. въ арх. св. Син. т. III, ст. 453—455. Въ немъ онъ писалъ, что «въ его епархіи раскольники обрѣтаются въ Стародубщинѣ и ко увѣщанію не склоняются, понеже защищаетъ ихъ накрѣпко господинъ комендантъ Стародубскій, Ил. Ив. Пашковъ, и не только оные раскольщики не опасаючись ничего живутъ въ Стародубовѣ, а пріѣзжаютъ туда и изъ околичныхъ селъ безбоязненно; и тіи, которымъ повѣрено дѣлъ раскольническихъ управленіе не безпечни въ житіи своемъ, понеже онъ, г. комендантъ, часто на ихъ нападаетъ и убойствомъ имъ грозитъ и раскольщикамъ въ своемъ заблужденіи нѣтъ никакого страха». Въ доказательство справедливости своего доношенія преосвященный приложилъ въ копіи доношеніе, полученное имъ отъ одного изъ стародубскихъ священниковъ, Игнатія Петропавловскаго, который въ своемъ доношеніи сообщилъ еп. Иродіону нѣсколько фактовъ защиты Пашковымъ раскольниковъ, а именно: 1) «27 мая 1723 г., онъ, Пашковъ, чрезъ солдатъ своихъ отбилъ изъ подъ аресту, присланныхъ въ Стародубъ іеромонахомъ Іосифомъ Рѣшиловымъ раскольническую черницу и дѣвку (о нихъ см. выше), а гдѣ онъ ихъ подѣвалъ, то не свѣдомо; 2) 29 мая его же комендантскій служка на предмѣстьѣ въ дѣнь торговый напалъ на самого попа Игнатія, бранилъ скверными словами и забойствомъ похвалялся, и сія вся по приказу комендантскому дѣлаются, и во дни торговые премного ихъ, раскольниковъ, изъ слободъ бываютъ и всякъ не безъ запасу, съ палками ходятъ по мѣсту, тутъ же и солдаты и дворовые служки бродятъ, а того и смотрятъ, хто бы не зачепилъ раскольщика; 3) 31 мая въ недѣлю всѣхъ святыхъ самъ комендантъ озарничати почалъ, понеже со свящ. Александра, бывшаго Кулозснаго (с. Короснова? Курковскаго?), всенародно на предмѣстьѣ, по служеніи въ церкви идучаго, казалъ рясу сдерети, и какъ его, священника, мордовали, сдираючи рясу, назадъ руки заворочали, самъ онъ на письмѣ донесетъ Вашему преосвященству». Копія письма приложена къ дѣлу св. Синода за № 441—363. Изъ него видно, что священника схватили солдаты комендатскіе, по его приказанію, за то, что онъ когда—то задержалъ раскольника, котораго потомъ у него отбили, а священнику эту вину припомнили и

генеральной канцеляріи и малороссійской коллегіи, правителя генеральной канцеляріи Ивана Левенца, генеральнаго есаула Ивана Мануйловича, стародубскаго наказнаго полковника Петра Корецкаго и др. Епископъ Иродіонъ, со словъ Рѣшилова, въ своихъ донесеніяхъ Св. Синоду 1723 г. писалъ относительно Полуботка: «Наказный де г. гетманъ съ генеральною старшиною необратившихся раскольниковъ въ Москвѣ отсылать не хотятъ, а требуютъ отъ него, епископа, тѣмъ раскольникамъ на подъемъ прогонныхъ денегъ...; онъ же де наказный г. гетманъ съ старшиною стародубскому наказному полковнику къ розыску потребныхъ раскольниковъ за арестомъ у себя держать и въ градскія тюрьмы принимать и караульщиковъ давать не велѣлъ, и въ томъ градскимъ начальникамъ возбраняетъ». Генеральная канцелярія и малороссійская коллегія, не принимая уловленныхъ Рѣшиловымъ раскольниковъ для отправленія ихъ въ «раскольную розыскныхъ дѣлъ канцелярію» и другія мѣста, отговаривались всегда тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на то сенатскихъ указовъ, или что отъ епископа не прислано прогонныхъ и кромовыхъ денегъ для отправленія такихъ арестантовъ. На ссылки и указанія епископа на общія правительственныя распоряженія по розыску раскольниковъ обыкновенно отвѣчали, что то «повелѣно великороссійскимъ управителямъ», а не имъ, и что въ тѣхъ указахъ „о малороссійскомъ правленіи нигдѣ не указано“. Левенца и Мануйловича Рѣшиловъ обвинялъ и въ томъ, что

улучили случай схватить его и ограбить. «А какъ онъ, комендантъ, велѣлъ содрать съ меня суконную рясу», пишетъ обиженный, я не даваючися согнулъ руки на персѣхъ крѣпко, а оные солдаты, по его комендантскому велѣнію, почали мои руки назадъ выворачивать и вывернувши стягли съ меня рясу, а мене на томъ же мѣстѣ простоволасаго оставили». По секретарской помѣтѣ на доношеніи епископа слѣдовало *„о противныхъ поступкахъ Пашкова предложить къ разсмотрѣнію немедленно“*; но было-ли что сдѣлано—невидно. Полн. соб. п. и р. по вѣд. прав. исп. т. IV, № 1323 стр. 158—159, 168—169; № 1386, стр. 237—238, 240, 246. О Пашковѣ см. и Ист. стат. опис. Черниг. еп. Черниговъ. 1873 г. VII, 210—211, 215, 217—218, 221—223. О взяткахъ подполк. Пашкова см. А. М. И. Д. Д. М. св. 62, 1728 г., № 15. Объ отрѣшеніи Ильи Пашкова отъ стародубскаго полковничества за взятки тамъ же и у Лазаревскаго, т. I. Опис. ст. Малор.

они пойманныхъ въ Глуховѣ раскольщиковъ и посаженныхъ подъ арестъ „въ ратушу въ бородахъ“, а равно и „нехотящихъ носить образцоваго платья“ отпускали безъ 60-ти рублеваго штрафа „паки въ расколъ“, и тѣмъ нарушали государственный интересъ. Особенно сильно изъ малороссійскихъ властей Рѣшиловъ жаловался на стародубскаго наказнаго полковника Корецкаго, что онъ, полковникъ, „для собранія съ неисповѣдывавшихся штрафныхъ денегъ сборщиковъ, также и для поимки раскольниковъ, не носящихъ образцоваго платья..., людей не дастъ, отчего де чинится не малая трудность и остановка, и оное дѣло за не малыми трудностями въ совершенство никогда придти не можетъ“. Противъ стародубскаго магистрата и вообще малороссійскихъ обывателей Рѣшиловъ выдвигалъ другое обвиненіе, что они спорятъ противъ указа о бородачахъ и говорятъ: „тотъ де указъ не къ намъ присланъ и не про нихъ писанъ, но про раскольниковъ“.

Особенно несочувственно малороссійскія власти относились къ Рѣшилову за то, что онъ настаивалъ на сборѣ штрафныхъ денегъ съ неисповѣдывавшихся, начиная съ 1718 г., и совершенно справедливо находили, что слѣдовало постепенно пріучать людей къ исповѣди и исполненію обязанностей „званія христіанскаго“, а не наказывать ихъ прямо штрафомъ, въ особенности „посполитыхъ людей“, по большей части не исполняющихъ этихъ обязанностей „за многотрудными работами“ и другими причинами, „а не нарочности ради“. Въ такомъ-именно смыслѣ высказывался наказный гетманъ и Черниговскій полковникъ П. Л. Полуботко. Въ письмѣ къ еп. Иродіону, приведенномъ послѣднимъ въ извлеченіи въ одномъ изъ его донесеній св. Синоду, онъ такъ говоритъ по этому поводу: „Писалъ панъ Петръ Корецкій, наказный полковникъ Стародубовскій съ тамошнею старшиною, что, по указу св. Синода, присланный отъ него, епископа, іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ великое надъ полчанами стародубовскими, градскими и сельскими людьми, чинитъ затрудненіе: съ каждаго неисповѣдавшагося съ 718 г. беретъ по 5 коп. штрафу, въ чемъ де упомянутый стародубскій полковникъ просилъ его, дабы до него, епископа, писать, чтобы штрафованія трудность въ сіе скудное время была оставлена къ осени. По которому де его, полковника, прошенію, полагается онъ на него, епископа, дабы онъ, епископъ, респектуючи на нынѣшніе людскіе недостатки (понеже де въ сей часъ на

хлѣбъ есть дороговь), послалъ до его, Рѣшилова, указъ, чтобы означенный штрафъ до осени былъ оставленъ, понеже де нынѣ обывателемъ во всемъ нужда: первое-пропитаніе имѣти, второе-консистентовъ довольствовати надлежитъ. Да и исповѣданія де посполитыхъ людей, какъ разсуждати можно, одни за слабостью здоровья, а другіе за многотрудными работами, а не нарочности ради не могли исполнити, понеже де прежъ сего обстоятельно о штрафахъ приказанія и объявленія не было, а нынѣ по объявленіи... обстоятельнаго со штрафомъ указа надѣются, что отъ сего часу всякъ подлиннаго званія христіанскаго безпремѣнно въ надлежащее время исповѣдаться будутъ»[1]).

Попытка Св Синода присоединить къ православной церкви Стародубскихъ раскольниковъ не имѣла успѣха; Рѣшиловъ не оправдалъ возложенныхъ на него Св. Синодомъ надеждъ въ дѣлѣ обращенія Стародубскихъ раскольниковъ. О его противораскольнической дѣятельности слѣдуетъ сказать тоже, что сказалъ одинъ изслѣдователь о дѣятельности его учителя на поприщѣ миссіонерства-Питиримѣ. Отдавая должную дань уваженія послѣднему, какъ ревностнѣйшему борцу противъ раскола, энергичному, дѣятельному и постоянному въ своихъ мѣрахъ до конца жизни, онъ однакоже находилъ во всей его дѣятельности «одинъ главнѣйшій недостатокъ: отсутствіе искренности, фальшь въ дѣйствіяхъ». Эта фальшь въ дѣйствіяхъ и отсутствіе искренности замѣтны и у учениковъ Питирима, въ томъ числѣ и у Іосифа Рѣшилова. Подобно Питириму, и Рѣшиловъ, хотя менѣе умѣло, чѣмъ первый, старался рисоваться предъ раскольниками, православными, правительствомъ, какъ миссіонеръ по призванію, для котораго единственное средство обратить заблуждающихся—слово убѣжденія, проповѣдь, а не внѣшнія принудительныя или же жестокія мѣры. А между тѣмъ эти—то послѣднія мѣры и составляли самую сущность миссіонерскихъ пріемовъ какъ Питирима, такъ и Рѣшилова[2]).

---

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. IV, стр. 153, 165, 171, 238.

[2]) Такъ смотрѣли на нихъ и раскольники. Въ числѣ перехваченныхъ Рѣшиловымъ раскольничьихъ писемъ съ Вѣтки были письма и въ Поволожье къ родственникамъ, въ которыхъ Вѣтковцы писали, чтобы «пріѣжали къ нимъ поизмѣшкавъ, пообождавъ писемъ отъ нихъ..., понеже де нынѣ имъ за рубежомъ отъ присланнаго изъ св. Синода Рѣ-

Правда, послѣднiй не могъ такъ властно и увѣренно дѣйствовать противъ раскольниковъ, какъ первый, сильный своими связями съ сильными мiра; но и онъ, какъ мы видѣли, для обращенiя раскольниковъ пользовался «погребомъ», конфискацiей имущества и тому подобными средствами. «Такой фальшивый способъ дѣятельности», говоритъ тотъ же изслѣдователь о миссiонерствѣ Питирима, «естественно не могъ привести къ благимъ послѣдствiямъ. Хотя по отчетамъ Питирима и выходило, что раскольниковъ обратилось много—цѣлыя тысячи; но, нужно признаться, обращенiе это было лицемѣрное, вынужденное «страхомъ наказанiй» и «рванiя ноздрей». Вынужденность по началу блистательно и показала себя въ концѣ. Лишь только мѣры насилiя были оставлены, - всѣ обратившiеся снова впали въ расколъ, и начали тѣснить даже православныхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствовалъ самъ Питиримъ. По его словамъ дѣло дошло до того, что раскольники стали убивать священниковъ, заботившихся о поддержанiи православiя.. Весьма натурально, что одинъ и тотъ же способъ дѣйствiй произвелъ одинаковые результаты въ Поволожьѣ и Стародубьѣ и далъ ясное и убѣдительное указанiе на то, какъ миссiонерствовать не слѣдуетъ[1]).

шилова великое чинится затрудненiе, также какъ и имъ отъ Питирима. .» П. с. п. и р. по в. прав. исп. IV, стр. 160.

[1]) Н. А. Сахаровъ: Дѣятельность Питирима противъ раскола. Странникъ за 1881 г. сентябрь, стр. 114—116.—Ср. Есиповъ. Раск. дѣла. Т. 1, стр. 648; т. 11, стр. 195, 219; Древ. Рос. Вивл. X, стр. 406 и др. Ист. Рос. Соловьева, XVIII, 332—333 Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. 1, № 65—28, стр. 46;—т. V, № 121, ст. 207—208. У Поможскихъ раскольниковъ и донынѣ живетъ память о Питиримѣ въ поговоркѣ, напр. „Питиримъ людей пятерилъ“ и т. д. О послѣдующей миссiонерской дѣятельности Рѣшилова внѣ предѣловъ Черниг. епархiи, напр. въ Новгородской, въ Старорусскомъ у., по порученiю преосвящ. Θеодосiя, см. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V, № 145—151, стр. 257—261. Здѣсь, между прочимъ, Рѣшиловъ натолкнулся на бывшаго въ расколѣ свящ. старорус. у., погоста Черенчицъ, Флора Харитонова, обращеннаго въ расколъ раскольническимъ начальникомъ и учителемъ, изв. *Θеодосiемъ Васильевымъ*. Послѣднiй «проклялъ бывшiй на

Вдобавокъ, какъ миссіонеръ, Іосифъ Рѣшиловъ не обладалъ и сотой

Харитоновѣ свящ. чинъ, растригъ и перекрестилъ по своему ученію тремя токмо въ воду погруженіями и назвалъ Григоріемъ». Харитоновъ бѣжалъ за польскій рубежъ, жилъ за паномъ Куницкимъ вблизи скита Ѳеодосія Васильева. Въ маѣ 1725 г. «изыскиватель раскольниковъ, іеромонахъ Іосифъ Рѣшиловъ, былъ призванъ въ св. Синодъ и спрашиванъ о томъ, что отъ него, Рѣшилова, извѣстно учинилось: нѣкакой де въ Москвѣ раскольникъ жену свою, придерживающуюся благочестія, за пріобщеніе божественныхъ таинъ и за пріятіе церковныхъ святынь тирански до смерти замучилъ, о чемъ для лучшаго увѣренія въ Москву приватно и писано, только такого дѣла въ Розыскной Раскольническихъ дѣлъ канцеляріи не сыскано, чтобы онъ, Рѣшиловъ, обстоятельно о томъ показалъ. И онъ, Рѣшиловъ, въ присутствіи св. Синода объявилъ, что о вышеобъявленномъ ругательствѣ раскольника онъ слышалъ въ прошломъ 1724 г. въ Москвѣ отъ архіепископа Сарскаго и Подонскаго Леонида, что и дѣло о томъ есть въ Духовной Дикастеріи, а гдѣ этотъ раскольникъ живетъ, какъ ему имя, отечество и прозваніе, о томъ онъ неизвѣстенъ. Когда въ Духовной Дикастеріи дѣла не сыскалось, Рѣшиловъ опять былъ допрошенъ и показалъ, что въ августѣ 1724 г. жилъ онъ на Крутицахъ въ домѣ преосвящ. Леонида, и былъ у нихъ разговоръ о необращающихся богомерзскихъ раскольникахъ: онъ, Іосифъ, говорилъ, что въ Черниговѣ и Стародубѣ имѣлъ онъ съ раскольниками, о св. церкви разглагольствіе; они де, раскольщики, ни мало ко св. церкви по замерзѣлому своему упрямству не сообщаются", и что съ ними дѣлать и какъ поступать, просилъ его преосвященство доложить св. Синоду; преосвященный же Леонидъ разсказалъ ему и вышеприведенный случай. Спрошенный по этому дѣлу архіеп. Леонидъ (уже Крутицкій) отвѣтилъ, что ничего подобнаго не было и быть не могло, «понеже для положенныхъ на него дѣлъ пребываніе тогда и нынѣ имѣетъ на Московскомъ дворѣ, а не на Крутицахъ»; а если бы было такое или подобное дѣло, то давно бы было донесено о немъ св. Синоду. Предвидя новый допросъ, Рѣшиловъ неизвѣстно куда скрылся. Оп. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. V, № 122—215, ст. 207—208. Вскорѣ впрочемъ послѣ того Рѣшиловъ очутился въ синодальной тюрьмѣ. Взятый архіепископомъ Ѳеофилактомъ изъ послѣдней, въ 1726—1727 г.г. Рѣшиловъ разыскивалъ и обращалъ записныхъ и потаенныхъ раскольниковъ Ржевы Володимеровой, приложивъ

долей тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя проявилъ Питиримъ въ своей противораскольнической дѣятельности. Да и всѣ вообще свѣдѣнія о немъ невыгодно характеризуютъ его какъ нравственную личность. По словамъ г. Чистовича, автора извѣстнаго изслѣдованія: «Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время» (Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. IV, Спб. 1868 г.), знакомаго впрочемъ болѣе съ послѣ—стародубскою жизнью и судьбой Рѣшилова, послѣдній «былъ человѣкъ пустой и продажной, грубый и наглый проходимецъ, у котораго въ душѣ не осталось повидимому ни одного чистаго понятія, ни одного честнаго движенія. Онъ въ грошъ не ставилъ монашество, хотя былъ іеромонахомъ; развратничалъ съ крайнимъ безстыдствомъ; но гдѣ нужно было, ползалъ и пресмыкался съ такимъ же крайнимъ самоуничиженіемъ. Въ монастыряхъ Тверской епархіи (послѣ стародубской миссіонерской дѣятельности), которыми онъ управлялъ съ званіемъ игумена, онъ не возбуждалъ ничего, кромѣ ненависти, своими притѣсненіями монаховъ и монастырскихъ крестьянъ, хищничествомъ и поборами. Даже снисходительный къ нему Ѳеофилактъ (Лопатинскій, тверской архіепископъ, разсчитывавшій на Рѣшилова какъ на человѣка начитаннаго въ раскольнической письменности и знавшаго разные раскольническіе толки) долженъ былъ дѣлать ему иногда строгія внушенія и подвергать его административнымъ взысканіямъ. «Посланъ ты, писалъ ему разъ преосвящ. Ѳеофилактъ, во св. обитель Клобуковскую (переведенъ изъ Ракова монастыря въ 1728 г.) настоятелемъ въ такомъ надѣяніи, чтобы ты въ началѣ самъ исправленъ былъ, также и врученное вамъ, какъ братію, такъ и епархіальныя дѣла духовныя, по данной инструкціи, исправлялъ. А нынѣ слышно намъ не только отъ тамошнихъ жителей, но и отъ многихъ посторонних людей, что житіе и поступки имѣешь ты весьма не добрые и правиламъ св.

при доношеніи тверскому архіепископу о нихъ и списокъ главныхъ потаенныхъ раскольниковъ и раскольничьихъ скитовъ. Опис. док. и д., хран. въ арх. св. Синода, т. VI, ст. 564—565. Объ общемъ характерѣ миссіонерской дѣятельности Іосифа Рѣшилова см. въ изслѣдованіи священника А. Синайскаго: „Отношеніе русской церковной власти къ расколу старообрядства въ первые годы Синод. управленія при Петрѣ Вел. (1721—1725 г.г.). Спб. 1895. Стр. 40—48.

апостолъ и св. отецъ противные, а именно: пріѣхавъ ты въ Клобуковъ монастырь и вшедъ въ св. церковь, изъ алтаря въ царскія двери въ мантіи входъ и выходъ имѣлъ, чего во всей Россіи и при томъ никому не дано, кромѣ высшихъ степеней архимандритовъ, а не всѣмъ архимандритамъ, о чемъ и въ настольной грамотѣ сего дерзать не велѣно. Также въ церковь не ходишь, только въ воскресные дни, и для того своего выхода приказываешь, чтобы звонъ былъ и безъ звону не ходишь; а въ поліелейные дни праздновать не велишь и звонъ по церковному уставу воспрещаешь; а когда служишь, и въ томъ служеніи діаконовъ не токмо руками бьешь, но и служебникомъ въ нихъ бросаешь. А издревле въ оной обители читали на повечеріи по три канона съ акаѳистомъ: ты оставилъ. О св. обители никакого радѣнія не имѣешь, только по своимъ прихотямъ все старое переламываешь, отчего, за вашими бездѣльными и излишними прихотями и расходами, св. обитель во всеконечное пришла разореніе, а паче и въ барышничествѣ твоемъ Клобуковскихъ казенныхъ и собственныхъ твоихъ лошадей, чего настоятелямъ дерзать не надлежитъ. И не токмо что самъ ты, и кумъ твой Суворовъ всякими вымыслами, для своихъ бездѣльныхъ корыстей, священниковъ и церковнослужителей тирански мучите, но еще по сердцу своему избрали, для бездѣльнаго своего средства, введенскаго попа Тимоѳея, и безъ выбора того города священниковъ самовольно опредѣлили въ старосты поповскіе, который, подозрительный съ тобою въ свойствѣ, по уѣзду ѣздилъ, а для чего и по какому указу, того не объявляетъ. И не токмо священникамъ съ причетники чинитъ онъ, попъ Тимоѳей, бѣды и разоренія, но въ монастырь пріѣзжая власти ругаетъ. Паче же, что ты церковнымъ вещамъ касаешься, а именно: двѣ чаши серебряныя, которыя для соединенія божественныя службы построены, взялъ ты себѣ въ келью, а вмѣсто тѣхъ поставилъ оловянныя; да и другія церковныя вещи забираешь себѣ въ келью». Добрый по природѣ архіепископъ прощалъ ему всѣ эти вины, если онъ исправится. «Если же опять на тебя будетъ какое доношеніе, то на тѣлѣ твоемъ будетъ положеніе не малыхъ ранъ и изверженіе изъ игуменскаго сана. Да ты-жъ, разверзши свое адское горло, при многихъ знатныхъ особахъ кричишь, что въ Кашинѣ и въ уѣздѣ всѣхъ поповъ разорю, и что взятки беру для того, что у меня у всѣхъ глаза залѣплены и никакого де не боюсь». Письмо заканчи-

вается собственноручною припискою Өеофилакта: «о семъ тебя остерегаетъ Өеофилактъ, архіепископъ Тверскій и Кашинскій. Марта 19, 1729 г.». Въ другомъ случаѣ тотъ же изслѣдователь, говоря о извѣстномъ процессѣ по поводу подметнаго письма 1732 г. съ пасквилемъ на Өеофана Прокоповича, къ которому привлеченъ былъ и Рѣшиловъ, какъ подозрѣваемый вмѣстѣ съ другими составитель письма отъ папы къ новгородскому архіепископу Өеофану Прокоповичу, называетъ Рѣшилова человѣкомъ «съ изворотливой совѣстью, дурнымъ и болтливымъ», который, ничего не понимая, обо всемъ разсуждалъ и со всѣми толковалъ: о солдатахъ, что они не бодры и очень не надежны, и еслибъ въ народѣ стала смута или замѣшательство, то отъ нихъ не много помощи надѣяться, объ отягощеніи народа, о недородахъ хлѣбныхъ, о иноземцахъ, находившихся въ службѣ русской, о распоряженіяхъ св. Синода, обо всемъ». «Вотъ де,—разсуждалъ онъ съ Симоновскимъ экономомъ Серафимомъ,—по указамъ св. Синода, которые были указы напредь сего, о привѣсахъ на св. иконахъ, о свѣчахъ въ церквахъ и о голубцахъ, что надъ умершими, о малыхъ монастыряхъ и пустыняхъ въ приписку къ большимъ монастырямъ: за все токмо Өеодосій (Яновскій) пропалъ, а ихъ святѣйшества какъ живутъ, такъ живутъ». Правду сказалъ о Рѣшиловѣ Саввинскій архим. Антоній, также привлеченный къ Рѣшиловскому дѣлу: «Рѣшиловъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелетъ». То мечталъ онъ о епископствѣ, то о схимонашествѣ въ Бизюковѣ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ нѣсколько времени передъ привлеченіемъ къ процессу о подметномъ письмѣ. «Схимонашескій образъ онъ, Рѣшиловъ, въ Бизюковѣ монастырѣ воспріять хотѣлъ-ли, о томъ я нижайшій не знаю»,—разсказывалъ въ собраніи слѣдственной комиссіи Іоасафъ Маевскій, архим. Бизюкова монастыря, такой же проходимецъ въ то время изъ Малороссовъ, какимъ былъ Рѣшиловъ изъ Великороссовъ, дошедшій однакоже въ Кіевскихъ школахъ до реторики и «подъ дирекціей» Өеофана Прокоповича слушавшій тамъ логику,—«и у трезваго его о семъ не слыхалъ. А напившись пьянъ, онъ, Рѣшиловъ, говаривалъ, что желалъ бы въ Бизюковѣ монастырѣ схимонахомъ быть и келью себѣ построить. И я, нижайшій, оныя его, Рѣшилова, пьяныя рѣчи вмѣнялъ въ смѣхъ, а не въ правду». Не даромъ и преосвященный Өеофилактъ, такъ много и долго покровительствовавшій Рѣшилову, въ концѣ концовъ горько разо-

чаровался въ немъ и признал публично его недобросовѣстнымъ. Въ іюнѣ 1735 г. Ѳеофилактъ былъ привлеченъ къ Рѣшиловскому дѣлу, по оговору самаго Рѣшилова, а въ декабрѣ того же года его передали изъ Кабинета въ Тайную Канцелярію, съ тѣмъ, чтобы допросить его кабинетнымъ министрамъ и, въ случаѣ разнорѣчій, сдѣлать ему очныя ставки съ Маевскимъ и Рѣшиловымъ. На одной изъ такихъ очныхъ ставокъ Рѣшиловъ не постыдился просить Ѳеофилакта, чтобы онъ укрывательствомъ не пролилъ его, Рѣшилова, крови. Ѳеофилактъ не выдержалъ этой безсовѣстности и публично отвѣчалъ на его просьбу такъ: «Въ тебѣ, сударь, свиная кровь»; съ тѣхъ поръ Рѣшиловъ сдѣлался ему просто противенъ. Между обвиненіями, взведенными на Лопатинскаго, со словъ Маевскаго и Рѣшилова, было 4 пункта, по которымъ тогдашній подсудимый не могъ избѣжать пытки: а) онъ говаривалъ, что Петръ I, а за нимъ и весь царскій домъ, преданъ лютеранству; б) о поведеніи Екатерины I выражался слишкомъ непочтительно и даже не благопристойно; в) говорилъ, что Петръ II воспитанъ былъ дурно и притомъ въ лютеранствѣ; г) что послѣ него слѣдовало бы на престолѣ русскомъ быть не Аннѣ Ивановнѣ, а дѣтямъ Анны Петровны, старшей дочери Петра Вел.

Въ 1738 г., 13-го декабря слѣдственная по Рѣшиловскому дѣлу комиссія изъ кабинетныхъ министровъ обвиняла архіеп. Ѳеофилакта и въ томъ, что онъ не обращалъ вниманія» «на важныя продерзости» Рѣшилова, а именно, что въ бытность его въ Клобуковомъ монастырѣ «произносилъ о имѣющихся въ крестѣ св. мощахъ, что онъ малу вѣру имѣетъ и образъ живоначальныя Троицы съ мощами изъ церкви понамарю выкинуть вонъ приказалъ и прочія продерзости чинилъ»... Таковъ былъ «коханный прелать», какъ назвалъ его разъ въ 1728 г. архіеп. Ѳеофилактъ, поздравляя за чашею вина съ Клобуковскимъ игуменствомъ, и «коммиссаръ св. правительствующаго Синода», во время своей стародубской миссіонерской дѣятельности, мечтавшій, при слухахъ о возстановленіи патріаршества при Петрѣ II, сдѣлаться епископомъ, при посредствѣ того же своего покровителя Ѳеофилакта, одного изъ кандидатовъ на патріаршество въ то время по народной молвѣ[1]).

[1]) *Чистовичъ*, И. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время стр. 461—462, 482—483. Подробности процесса о подметномъ письмѣ съ пас-

---

квилемъ на Θеофана тамъ же, стр. 407—412, 470—493. Письмо папы къ архіеп. Новгородскому напечатано г. Чистовичемъ въ «Нов. мат. для Рѣшил. дѣла», стр. 57—58. Срав. его же: 1) «Рѣшиловске дѣло. Θеофанъ Прокоповичъ и Θеофилактъ Лопатинскій. Матеріалы для ист. первой полов. XVIII в.» Спб. 1861. 2) Новые матеріалы для Рѣшиловскаго дѣла. М. 1862. Особенно важны въ первомъ изъ указанныхъ сочиненій приложенія, а именно: 1) «*Примѣчанія, которыя подаютъ подозрѣніе въ сочиненіи подметнаго письма на іеромонаха Іосифа Рѣшилова*» (стр. 8—14); 2) «*Примѣчанія изъ разныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, что извѣстнаго пашквиля, въ 1732 году, мѣсяца... авторъ или сочинитель есть бывшій монахъ, что нынѣ разстрига Иванъ Рѣшиловъ*» (стр. 15—16). О дальнѣйшей судьбѣ Рѣшилова извѣстно слѣд. Не смотря на то, что онъ все свалилъ съ своихъ плечь на Θеофилакта и Маевскаго, его пытали въ тайной канцеляріи столько разъ, что почти со всѣмъ разорвали. До 1740 г. онъ содержался въ крѣпости, получая на содержаніе по 3 к. въ сутки. Въ 1740 г. онъ былъ еще живъ, потому что 20 декабря состоялся Высочайшій указъ, которымъ повелѣвалось: Маевскому, Рѣшилову, Ясинскому и др., хотя они и виновны явились, вины ихъ отпустить и разослать въ разные монастыри, именно разстригъ: Маевскаго, Рѣшилова и Ясинскаго въ братство»... Тайная канцелярія, по обычаю, обязала ихъ подпиской: «О чемъ они въ тайной канцеляріи спрашиваны и что на то показали, о томъ имъ разговоровъ ни съ кѣмъ никогда не имѣть и ни подъ какимъ видомъ отнюдь не разглашать; а ежели они о томъ съ кѣмъ имѣть будутъ разговоры или хотя мало о чемъ станутъ разглашать, и въ ономъ отъ кого будутъ обличены, и за то учинена имъ будетъ смертная казнь». Это послѣднее офиціальное извѣстіе о Рѣшиловѣ. Толки о возстановленіи патріаршества послѣ смерти Петра I ходили не только въ монашеской средѣ, но и въ средѣ государственныхъ сановниковъ, принадлежавшихъ къ приверженцамъ русской старины. По слухамъ кн. Д. М. Голицынъ и И. А. Мусинъ-Пушкинъ стояли на сторонѣ тверскаго архіепископа Θеофилакта; Долгорукіе поддерживали Ростовскаго архіеп. Георгія Дашкова; о Θеофанѣ Прокоповичѣ—никто ни слова. Только архим. Іоасафъ Маевскій разсуждалъ съ Рѣшиловымъ; «ежели бъ,—да чего Боже сохрани,—произвели въ патріархи новгородскаго архіерея, то

не прекращались и по удаленіи Рѣшилова изъ Стародубья въ концѣ

живыхъ насъ поглотаетъ». Въ иныхъ общественныхъ слояхъ обращались имена Нижегородскаго архіеп. Питирима и духовника Императрицы, Тройцкосергіевскаго архим. Варлаама. Объ одномъ изъ кандидатовъ —Георгіи Дашковѣ Маевскій толковалъ, «что будетъ въ томъ великое диво, какъ то произведеніе въ патріарха Ростовскому учинится»; въ другой разъ онъ же говорилъ Рѣшилову: „увидимъ де, какъ онъ, Георгій, на патріаршество на лошадяхъ въѣдетъ". Когда слѣдственная комиссія потребовала у него объясненія: „какое же диво онъ тутъ видѣлъ?" Маевскій объяснилъ: „это у него было въ разсужденіи потому, что онъ, бывшій Ростовскій, человѣкъ не ученый, и духовнымъ персонамъ, которыя суть природою изъ малороссіянъ, будетъ великое изгоненіе, понеже онъ Малороссійцевъ, какъ о томъ и прочимъ есть не неизвѣстно, весьма ненавидѣлъ". (Допросы и показанія 7-го марта 1734 г.). Авторъ извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры" писалъ: „Смертію Петровою воскресоша паки Яворскаго единомышленники, яко—Лопатинскій, еп. Тверской; Дашковъ бывъ уже отъ Петра въ заточеніе опредѣленъ, но потомъ епископство Ростовское пріялъ; такожъ еп. Коломенскій помощію суевѣрныхъ вступи въ Синодъ: по своимъ прихотямъ прилежа о тиранствѣ папежскомъ трудились. Изъ которыхъ Дашковъ уже такъ близокъ былъ къ патріаршеству, что никакого сумнительства къ возведенію на престолъ не осталось. Но смерть Петра I и судъ Всевышняго не только все оное въ ничто превратилъ, но и ихъ—Ростовскаго, Коломенскаго и Воронежскаго явно обличилъ". (Ркп. Рум. Муз. № CCCCLXVII). Возражатель Молотку отвѣчалъ на это: «Понеже ты дерзнулъ и не постыдился природныхъ русскихъ архіереевъ, отнюдь папства не знающихъ, и съ породы ненавидящихъ, нахально и напрасно папствомъ порицать: то уже изъ того можно видѣти, какова правда и въ прочихъ твоихъ клеветахъ.... Архіереемъ, отъ тебѣ хулимымъ, неповинно страдавшимъ, по сего свѣта мнѣнію, кончина бѣ христіанская, въ совершенной надеждѣ жизни вѣчныя". Ѳеофилактъ, человѣкъ многосторонняго образованія, знатокъ греческой литературы, авторъ многихъ сочиненій противъ раскольниковъ и иновѣрцевъ, лютеранъ и кальвинистовъ, былъ повидимому безразличенъ къ молвѣ о возстановленіи патріаршества: это былъ человѣкъ далеко не честолюбивый. За то окружающіе его мечтали о почестяхъ отъ будущаго патріарха: Рѣшиловъ уже мнилъ себя еписко-

1724 г.[1]). За весь послѣдующій періодъ до Екатерины II, миссіонерство среди ихъ вмѣнялось въ обязанность представителямъ мѣстнаго духовнаго правленія, т. е. главнымъ образомъ Стародубскому протопопу и его помощникамъ. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петрѣвны были однакоже попытки назначенія самостоятельныхъ или спеціальныхъ противораскольническихъ миссіонеровъ, хотя и не удачныя по приведенію ихъ въ исполненіе. Не видно, чтобы представителями мѣстнаго духовенства предпринимались какія либо систематическія и постоянныя мѣры для миссіонерствованія среди раскольниковъ; однимъ словомъ, это было случайное миссіонерство, по какому либо данному поводу. Дѣло обыкновенно происходило такъ: попадался какой либо раскольникъ мѣстнымъ властямъ —

помъ; Маевскій былъ менѣе честолюбивъ: онъ желалъ только печерской архимандріи послѣ дяди своего Іоанникія Сенютовича... При одномъ разговорѣ съ Маевскимъ Рѣшиловъ спросилъ: „Отчего не сбылось патріаршество Ѳеофилакта"?—„*Быть бы ему давно патріархомъ*" отвѣчалъ Маевскій, «*только скрипочки, да дудочки помѣшали*», прибавивъ, что эти слова—объ охотѣ Ѳеофилакта до музыки онъ слышалъ отъ князя Д. М. Голицына въ бытность въ Москвѣ по дѣлу архіепископа. Когда Маевскій сталъ защищать архіепископа, князь сказалъ: «Полно, полно! Я знаю, каковъ вашъ архіерей. Не такъ онъ живетъ какъ отецъ его, преосв. Стефанъ митрополитъ». (Нов. Мат., стр. 59). Ѳеофанъ также любилъ музыку. Голиковъ, *Дѣянія П. В.* т. XV, стр. 212. Чистовичъ: Ѳеоф. Прок. и его время. Стр. 628—629. Извѣстны также заведенныя Ѳеодосіемъ Яновскимъ въ Москвѣ въ 1723 г. *ассамблеи*, на которыя должны были собираться синодальные члены и прочія духовныя власти; правила для нихъ были установлены тѣ же, какъ и для государевыхъ ассамблей. Въ Донскомъ монастырѣ 29 декабря «для ассамблету былъ изготовленъ обѣдъ», что правилами не воспрещалось. Отеч. зап. 1857 г., стр. 21—22.

[1]) 12 іюня 1725 г. Кіевскій генералъ губернаторъ князь Трубецкой въ своемъ доношеніи св. Синоду писалъ о посылкѣ листовъ «увѣщ. св. Синода объ обращеніи раскольниковъ къ православной вѣрѣ», между прочимъ, и «въ раскольничьи слободы, поселенныя въ Стародуб. и Черниговъ. уѣздѣхъ ко тамошнимъ комендатамъ». Опис. д. и д., хран. въ арх. св. Син. т. II, ст. 180, примѣч. прилож. IX.

и его по обычаю присылали Стародубскому протопопу на увѣщаніе, который или самъ лично его увѣщевалъ или передавалъ для увѣщанія своимъ помощникамъ; въ случаѣ упорства или крайне рѣзкаго, иногда кощунственнаго отношенія къ православной церкви и ея представителямъ, попадавшихся такимъ образомъ раскольниковъ отправляли въ мѣстную духовную дикастерію или консисторію, въ случаяхъ особенной важности—даже въ контору св. Синода. Вотъ нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе о характерѣ предпринимаемыхъ въ то время мѣстными духовными властями миссіонерскихъ мѣръ противъ раскольниковъ.

19-го мая 1729 г. намѣстникъ протопопіи Стародубской Игнатій Стрыйковскій доносилъ еп. Иродіону, что «отъ давнихъ де годовъ зашлій великороссіянинъ торговщикъ Савва въ Стародубовъ, и, между прихожанами разныхъ приходовъ живя, общеніе имѣлъ съ правовѣрными во всѣхъ обрядахъ церковныхъ, со всѣмъ домовствомъ своимъ; а въ 729 г., въ посніе св. четыредесятницы дни, развратился онъ, Савва, и первѣе исповѣдоватися и таинъ святыхъ сообщникомъ быти не похотѣлъ, и съ молитвою Стародубовскаго священника церкви Сошествія св. Духа Іоанна въ домъ свой недопустилъ; а послѣ оному священнику Іоанну, дабы его ни въ какихъ требахъ не вѣдалъ, понеже де онъ, Савва, отступникъ, старую вѣру принялъ, отказалъ». По донесенію намѣстника еп. Иродіонъ обратился къ правителямъ полка Стародубскаго съ отношеніемъ, въ которомъ просилъ ихъ помочь намѣстнику отослать раскольщика Савву въ Черниговъ, согласно имѣвшимся на этотъ счетъ указамъ. Правители—судья полковой Ханенко и наказной полковникъ Андрей Миклашевскій—«отступника и раскольника Савву намѣстнику выдать ослушалися и взять самому возбранили; ибо де гетманъ Апостолъ въ духовній судъ заказалъ не отдавать, но изслѣдовавъ, ему, гетману, то слѣдствіе отослать къ разсмотрѣнію, которое де и послано для резолюціи». Дѣло было представлено на усмотрѣніе св. Синода; послѣдній писалъ и требовалъ отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, которой въ то время была подчинена гетманская Малороссія, такого указа на этотъ счетъ: «въ малороссійскихъ городахъ и уѣздахъ являющихся раскольниковъ, для увѣщанія ихъ къ православію, отсылать къ архіереямъ неудержанно, и свѣтскіе препятствія духовнымъ персонамъ въ томъ отнюдь не чинили; ибо увѣщаніемъ и обращеніемъ ко св. церкви и къ соединенію съ правовѣрными и раскольники повинны

быть въ вѣдомствѣ духовнаго суда».[1]) Дальнѣйшій ходъ этого дѣла намъ неизвѣстенъ.

По дѣлу 1745 года о книгахъ, отобранныхъ у слободскаго раскольника, членъ Малороссійской Канцеляріи Ильинъ писалъ, что Стародубскій священникъ, явясь въ домъ раскольника Васильева, грабительски забралъ книги и много вещей и надѣлалъ много другихъ обидъ, почему просилъ подвергнуть священника строгому отвѣту. Когда произведено было слѣдствіе, бурмистръ Карповъ, доносившій Ильину на священника, обѣщалъ представить доказательства на доносъ и не представилъ, а Васильевъ, въ прошеніи своемъ, писалъ, что у него взяты только книги, но ничего другаго и обиды никакой не видалъ онъ отъ священника. Преосвященный, сообщая о томъ канцеляріи, просилъ подвергнуть Карпова наказанію за клевету. Ильинъ наивно отвѣчалъ, что „въ канцеляріи сгорѣли указы, подвергающіе Карпова отвѣту". Такъ передается этотъ интересный фактъ въ Историко-статистическомъ описаніи Черниговской епархіи, на основаніи дѣла архива Черниговской Духовной Консисторіи за 1745 г., № 380. (кн. 1, стр. 138). Самаго дѣла намъ не удалось найти въ указанномъ архивѣ лѣтомъ 1891 г.

15-го марта того же 1745 года извѣстный намъ слободской заводчикъ Кореневъ донесъ въ Канцелярію Министерскаго Правленія, что 3-го марта, будучи въ Стародубѣ, онъ «нашелъ тетратку, писанную рукою Еленскаго схимника, раскольника Григорья Яковлева, въ которой написаны нѣкакіе вопросы». При доношеніи Коренева приложена была и самая тетрадка съ вопросами, при чемъ сообщалось, что надпись на ней о времени ея полученія, по признанію Коренева, сдѣлана была рукой другаго раскольника Владиміра Михайлова. Началось дѣло; въ министерскую канцелярію прежде всего привлеченъ былъ Еленскій схимникъ, и потомъ, по его показанію, „сысканы и допрашиваны" еще два раскольника: Михаилъ Григорьевъ и Кузьма Соснинъ. Оказалось, что тетрадка по содержанію представляла «100 вопросовъ о крестѣ» сочиненія Михаила

[1]) П. с. п. и р. по вѣд. прав. исп. VII, № 2333. Дѣло 1730 г., № 204. Объ отношеніи гетмана Даніила Апостола къ малороссійскимъ архіереямъ, Черниговскому и Переяславскому, интересныя данныя тамъ же: №№ 2290 и 2398.

Григорьева, Климовскаго жителя, по профессіи иконника, пріятеля Ивана Алексѣева, беэпоповца, извѣстнаго автора «Исторія о бѣгствующемъ священствѣ». Григорьевъ принадлежалъ къ Діаконовскому толку, и пользовался въ то время и въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка славой ученаго человѣка среди слободскихъ раскольниковъ. По сказанію Вѣтковскаго лѣтописца, онъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Алексѣевымъ, «самоучкою» изучалъ «граматику и риторику съ діалектикой Лихудіевы». Министерская Канцелярія, не компетентная, конечно, въ разрѣшеніи вопросовъ о крестѣ, помимо духовнаго правленія и Черниговской Консисторіи, прямо отъ себя экстрактъ по этому дѣлу отправила въ св. Синодъ, который указомъ, отъ 3-го ноября 1746 года, опредѣлилъ рѣшеніе по означенному дѣлу учинить Черниговскому епископу Амвросію Дубневичу (1742—1750 г.г.). Въ Черниговѣ дѣло было расмотрѣно и рѣшено быстро, но едва ли справедливо; Михаилъ Григорьевъ, отосланный изъ министерской канцеляріи вмѣстѣ съ другими соприкосновенными къ дѣлу лицами на судъ Черниговскаго архіерея, какъ авторъ «100 вопросовъ о крестѣ», по раскольническому свидѣтельству, былъ «сѣченъ плетьми по доносу въ Черниговѣ у архіерея..., и съ тѣхъ поръ ни черты не выпускалъ, боялся»; потому,—замѣчается въ Вѣтковской лѣтописи,—что «времена были строгія». Между прочимъ изъ этого дѣла о «нѣкакихъ вопросахъ» видно и то, что вопросы, предложенные преосвященнымъ Питиримомъ діакону Александру съ братіей, «не мало тревожили и слободскихъ діаконовцевъ» въ сороковыхъ еще годахъ. «Они давали ихъ читать пріѣзжавшему съ Вѣтки попу Семену и просили отзыва его. Попъ возвратилъ вопросы безъ отвѣтовъ»[1]).

[1]) Указъ св. Синода, отъ 3-го ноября 1746 г., по дѣлу о «нѣкакихъ вопросахъ» напечатанъ въ Ист. стат. опис. Черн. еп. VII, 227—228. Тамъ же, кн. 1, стр. 137, 139—140, находится указаніе и на самое дѣло Михаила Григорьева съ товарищи, хранившееся въ Черн. консисторскомъ архивѣ: Дѣло Консисторіи 1745 г., № 383. Намъ лично не удалось его отыскать въ Консисторскомъ архивѣ, какъ и многихъ другихъ раскольничьихъ дѣлъ, указанныхъ въ Ист. стат. опис. По всей вѣроятности это дѣло, как и другія раскольничьи дѣла, которыми пользовались при составленіи Ист. стат. опис. Черн. еп., не были возвращены въ консисторской архивъ, если только тогда же не были унич-

Изъ процесса 1747 г. о Воронковской лжехристовщинѣ, начатаго по доношенію того же Коренева и Стародубскаго полковника Ѳедора Максимовича, видно, что привлеченный къ отвѣту Воронковскій житель Семенъ Моисеевъ «первѣе былъ увѣщеваемъ попомъ Стародубовскимъ соборнымъ Григоріемъ Виницкимъ, а потомъ и протопопою Григоріемъ Подлузкимъ» и «склонился, чтобы ему буть по прежнему вѣры православной христіанской»[1]).

Весьма характеристиченъ случай обращенія въ православіе раскольника Кухтина. Дѣло было такъ. 10-го сентября 1751 года обратился въ Стародубское духовное правленіе съ прошеніемъ Еленскій раскольникъ Георгій Степановъ Дядькинъ, въ которомъ объяснилъ, что 23 года тому назадъ родители его вышли изъ Великороссіи въ малороссійскую раскольничью слободу Еленку, будучи въ правовѣріи, и что онъ, Георгій, родился въ правовѣріи и былъ по православному окрещенъ на мѣстѣ своего рожденія. По переселеніи въ Еленку, по наущенію раскольниковъ, отецъ и мать и сестры его дѣвки, по простотѣ своей, превратились въ расколъ, «и его малолѣтняго тому жъ соединили». Первоначальныя православныя традиціи въ семьѣ Дядькиныхъ были однакоже такъ сильны, что онъ, не смотря на 23-лѣтнее пребываніе въ расколѣ, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и своими сестрами, пришелъ къ мысли оставить „явное заблужденіе раскольническаго суевѣ-

---

тожены, какъ уже не нужныя якобы.—О учености Михаила Григорьева и сѣченіи его плетьми «у архіерея» см. Лѣт. Вѣтк. церкви—рукоп. нашей библ., л. 108.—О Еленскомъ схимникѣ Григоріѣ Яковлевѣ упоминается въ синодскомъ указѣ отъ 3-го ноября 1746 г. Преосв. Филаретъ Гумилевскій въ Обз. рус. дух. лит., изд. III, кн. II, стр. 318—321, отожествляетъ этого Григорія Яковлева съ авторомъ «Испытанія о раскольническихъ мнѣніяхъ и исповѣд. о единой соборной, истинной и православной церкви» и пр., которое писано въ 1748 г. Насколько справедливо это отожествленіе—сказать трудно, не имѣя въ рукахъ указаннаго дѣла косисторскаго архива о Михаилѣ Григорьевѣ и Григоріѣ Яковлевѣ. О Григоріи Яковлевѣ, какъ авторѣ «Испытанія»... см. и наше «Опис. ркп., хран. въ Черн. Дух. Сем. Спб. 1880 г., стр. 151—157.

[1]) Харков. историч. арх. № 21299. Нов. Мат. по ист. раск. на В. и въ Старод. Кіевъ. 1893 г., № 23, стр. 131—140.

рія" и увидѣлъ въ немъ «прямую души погибель». Особенно тяготило его, какъ и многихъ другихъ, находившихся въ сходномъ съ нимъ положеніи, отсутствіе законнаго священства у старообрядцевъ—поповцевъ. Среди Еленскихъ раскольниковъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаг. вѣка были и другіе случаи обращенія въ православіе, на что есть указаніе и въ дѣлѣ Дядькина съ Кухтинымъ, какъ и въ другихъ тоговременныхъ дѣлахъ. Въ 1751 г. Стародубская полковая канцелярія доносила въ Генеральную, что раскольничье волостное правленіе чинитъ обиды обратившимся въ православіе жителямъ описной слободы Еленки Евдокиму, Никифору и Кондрату Сидоровымъ, а другихъ не допускаетъ до этого обращенія, какъ напр. Дядькина. Такое движеніе къ обращенію въ православіе вызвало рѣзкое проявленіе раскольничьяго фанатизма со стороны большинства мѣстныхъ слобожанъ, считавшихъ своею нравственною обязанностью остановить дальнѣйшій ходъ этаго движенія, угрожавшаго интересамъ раскола. Въ этихъ видахъ, болѣе фанатичные представители Еленскихъ раскольниковъ, въ томъ числѣ Еленскій войтъ и нѣкій Данило Кухтинъ съ товарищи, начали «чинить обращающимся отъ раскола въ православіе людямъ обиды». Сторону обидчиковъ православія держали и волостныя власти: тогдашній бурмистръ Тимофей Смирновъ и выборный Алексѣй Хрущовъ. Чинимыя обращающимся въ православіе «обиды» прежде всего состояли въ томъ, что у Дядькина, какъ и у прежде его обратившихся въ православіе Еленскихъ раскольниковъ, раскольничьими волостными властями былъ отобранъ «грунтъ и другія угодья». Вмѣстѣ съ тѣмъ Дядькинъ былъ намѣренно обвиненъ въ воровствѣ, котораго онъ не совершалъ, и держанъ «въ желѣзахъ» сначала при волостномъ слободскомъ правленіи, а потомъ 20 недѣль и при Кіевской губернской канцеляріи, признавшей его въ заключеніе не виновнымъ по не имѣнію надлежащихъ уликъ. По освобожденіи изъ заключенія Дядькинъ въ Стародубскомъ духовномъ правленіи возбудилъ противъ Кухтина дѣло, перенесенное потомъ въ іюлѣ 1752 г. въ Черниговскую Духовную Консисторію, за то, что онъ, Кухтинъ, «поносилъ православную каѳолическую греческаго исповѣданія вѣру» и «нещадно билъ его, Дядькина». На допросѣ въ Консисторіи Кухтинъ показалъ, что онъ «православно каѳолической греческаго исповѣданія вѣры ни въ какомъ случаѣ не хулилъ, и въ обращеніи отъ расколу доносителя Георгія

Дядькина на оную вѣру онъ, Кухтинъ, къ называнію еретическою, католицкою, никакъ не блядословилъ, и онъ де Дядькинъ донеслъ напрасно, по единой за учинившійся ему бой злобѣ. И того де онъ, Дядькинъ, доказать не можетъ; потому де, что тотъ бой ему, Дядькину, послѣдовалъ до обращенія отъ раскола». Дядькинъ утверждалъ противное и говорилъ, что Кухтинъ православную вѣру называлъ «еретическою, католицкою», и что уже вызванный въ Черниговъ просилъ его, доносители, «чтобъ онъ сказалъ, что онъ, Кухтинъ, тѣхъ рѣчей не говорилъ». Послѣднее обстоятельство Кухтинъ призналъ, но объяснялъ тѣмъ, чтобы «ему, Кухтину, отъ того дѣла скоро освободиться». Въ тѣхъ же видахъ скораго освобожденія отъ суда, Кухтинъ подалъ наконецъ преосвященному Ираклію Комаровскому прошеніе о своемъ желаніи принять православіе. 19-го марта 1753 г. преосвященный Ираклій передалъ Кухтина іеромонаху каѳедральнаго монастыря Иродіону, которому повелѣвалось его, Кухтина, «по его усердному желанію о принятіи къ православно каѳолической греческаго исповѣданія вѣры наставлять подлежащихъ должностей». Оказалось, что «всего отмѣненія съ православіемъ только и вѣдалъ Кухтинъ», что, во-первыхъ, «гнушался въ брадобритіи» и говорилъ, что съ брадобривцами, «какъ съ піаницами и табашниками ясти, пити и молитися возбранено»; что двуперстное крестосложеніе «крѣпко содержалъ», и что наконецъ «не безсумнителенъ и въ обливаніи младенцевъ при крещеніи». По увѣщанію каѳедральнаго іеромонаха Кухтинъ перестал «въ брадобритіи гнушатися», призналъ истину триперстнаго крестосложенія «во изображеніе равенства Пресвятыя Тройцы», и просилъ грекороссійскому исповѣданію православныя вѣры его сообщить»; соглашался «охотно учинить и отрицаніе» отъ раскола по печатной книжицѣ 1742 г. На докладѣ іеромонаха Иродіона преосвящ. Ираклій положилъ весьма оригинальную и характерную для архіерея — малоросса резолюцію: „По учиненіи отрицанія очистить ему (Кухтину) предъ духовникомъ совѣсть свою и за приготовленіемъ по должности христіанской пріобщить его, Данила, святымъ тайнамъ. *Въ знакъ же его, Данилы, отрицанія отъ раскола и принятія имъ, Кухтинымъ, православной грекороссійскаго исповѣданія вѣры, ему, Кухтину, бороду и волоса на головѣ постричь по малороссійску,* и утвердить его къ непревратному содержанію вѣры довольнымъ наставленіемъ,

и за тѣмъ особливымъ доношеніемъ отпуску въ домъ ему требовать"[1]).

Такъ относимись архіереи—малороссы къ великороссійскимъ раскольникамъ...

Въ началѣ 1757 г. слободской заводчикъ Никита Кореневъ обратился въ св. Синодъ съ доношеніемъ, въ которомъ просилъ „о присылкѣ къ нему, Кореневу, священниковъ великороссійскихъ двухъ человѣкъ, изъ коихъ одному быть при его, Коренева, заводѣ, а другому въ слободѣ Климовой, гдѣ волостная контора, въ коей де кромѣ раскольниковъ имѣются православные". Свое прошеніе объ опредѣленіи двухъ православныхъ великороссійскихъ священниковъ въ старообрядческія слободы заводчикъ—миссіонеръ мотивировалъ тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, удовлетворить церковно-религіознымъ потребностямъ жившихъ среди слободскихъ раскольниковъ православныхъ великороссіянъ, издавна нерасположенныхъ къ малороссійскимъ священникамъ, заподозрѣннымъ въ обливанствѣ, съ другой—содѣйствовать среди раскольниковъ распространенію православія и «учинить усѣченіе раскольническимъ потаеннымъ попамъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ прошеніи Кореневъ весьма категорично утверждалъ, что „раскольники, живущіе въ описныхъ слободахъ, нѣкоторые склонны священниковъ имѣть православныхъ, *только бъ оные были великороссійскіе*". Св. Синодъ въ общемъ согласился съ представленіемъ заводчика Коренева и только послѣднему пункту его не придалъ того значенія, на которое указывалъ проситель, благодаря чему и весь послѣдующій ходъ этого дѣла получилъ не надлежащее направленіе. Именно, св. Синодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мѣстный Черниговскій епископъ Ираклій удовлетворилъ желаніе просителя, назначилъ въ указанныя имъ мѣста «священниковъ искусныхъ», «трезваго и благочиннаго житія», и чтобы раскольники «тѣмъ священникамъ отдавали достойное безъ всякаго презрѣнія почтеніе», а послѣдніе увѣщевали живущихъ въ описныхъ слободахъ раскольниковъ, «изъясняя при томъ, что все единое, какъ великороссійскимъ, такъ и малороссійскимъ священникамъ чрезъ благодать св. Духа священство данное и церковь великороссійскаго народа съ

---

[1]) Харков. ист. арх. № 12937, лл. 1—3, 6—8 и пр.—Арх. Черниг. Духов. Конс. № 673, ящ. 24. Новые Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод. № 82, стр. 152—160.

малороссійскимъ ничѣмъ не разнствуетъ, но во всемъ есть правовѣріе и православіе сходственно». Таковъ общій смыслъ синодскаго указа, даннаго Черниговскому епископу Ираклію 7 іюня 1757 г.

Посмотримъ, какимъ образомъ приводился въ исполненіе этотъ синодскій указъ мѣстною властію. 29 октября Стародубскій протопопъ Григорій Подлузскій получилъ изъ Консисторіи въ свою очередь указъ, которымъ повелѣвалось «востребовать обстоятельное письменное утвержденіе отъ волостной конторы, на какомъ именно основаніи и довольствѣ полученіемъ за трудъ свой въ слободу Климову при волостной конторѣ опредѣленный священникъ имѣетъ жить, имѣется ль для жилья священника дворъ и гдѣ тому опредѣленному священнику и съ кѣмъ церковныя священнослуженія христіанскія прилучающіяся и требы отправлять». Требовался при этомъ именной и достовѣрный реестръ находящихся православныхъ при волостной конторѣ и въ описныхъ раскольническихъ слободахъ. По полученія требуемаго „письменнаго утвержденія“ протопопу поручалось избрать въ своей протопопіи „*изъ звонаріевъ*, или за неимѣніемъ ихъ и изъ настоящихъ священниковъ, въ коей церкви по два и по три ихъ имѣется“, такого священника, который удовлетворялъ бы выраженнымъ въ синодскомъ указѣ требованіямъ, т. е. былъ бы священникомъ искуснымъ, трезвымъ, благочиннаго житія. Дѣло шло теперь уже только объ одномъ священникѣ, такъ какъ еще 12 октября заводчикъ Кореневъ объявилъ доношеніемъ еп. Ираклію, что только „въ слободу Климову священникъ одинъ потребенъ при волостной конторѣ“...

Дальнѣйшій ходъ дѣла показалъ ясно, что въ описныхъ слободахъ было весьма ограниченно число раскольниковъ, которые были склонны имѣть православныхъ священниковъ. Управитель Морозовъ писалъ Стародубскому протопопу, что если православный священникъ и потребенъ въ описныхъ раскольническихъ слободахъ, то только для находящихся при волостной конторѣ православныхъ служителей, которые однакожъ не могутъ „священника съ причетники на своемъ коштѣ содержать за малоимѣніемъ жалованья“. На собранной по этому поводу волостной сходкѣ бурмистръ, всѣхъ слободъ войты и выборные люди отказались взять на себя содержаніе православнаго священника: не дали ни денегъ, ни хлѣба. Не смотря на такое явно несочувственное отношеніе слобожанъ къ православнымъ священникамъ, богатый заводчикъ не переста-

валъ указывать мѣстному епархіальному начальству на необходимость указанной имъ мѣры, именно въ видахъ содѣйствія распространенію православія среди раскольниковъ, и былъ совершенно правъ въ настойчивомъ проведеніи своей мысли. Между прочимъ въ своемъ доношеніи въ Черниговскую Консисторію, отъ 11-го декабря 1760 года, онъ писалъ о необходимости опредѣленія въ раскольничьи слободы православныхъ великороссійскихъ священниковъ слѣдующее: „А въ оныхъ (священникахъ) состоитъ крайняя надобность..., отчего я принужденъ былъ прибывшаго ко мнѣ изъ раскольниковъ ко увѣщанію отправить въ Каташинскій монастырь къ отцу игумену при письмѣ, объявя, чтобы оному посланному отъ меня никакого принужденія и отягощенія не было учинено, дабы и другимъ впредь приходить было повадно; токмо де отъ него, о. игумена, съ нимъ поступлено инымъ образомъ: отосланъ въ Стародубъ подъ карауломъ, отчего де и другіе, страхъ возъимѣвъ, намѣреніе свое оставили. И за неприсылкою таковыхъ священниковъ въ порученномъ мнѣ дѣлѣ учинилась остановка и время упущается втунѣ, безъ всякаго дѣйствія»... Ту постановку дѣла, которую придумала мѣстная духовная администрація, именно, вмѣсто назначенія постоянныхъ священниковъ въ раскольничьи слободы, посылать туда священниковъ на время, по мѣрѣ надобности въ нихъ, съ разрѣшенія въ каждомъ даннномъ случаѣ Стародубскаго протопопа, Кореневъ находилъ непрактичной и неудобной. Лишней онъ находилъ и переписку съ управителемъ „о дворѣ священнику и о пропитаніи...; ибо де когда бъ оные священники присланы ко мнѣ были, то бъ о всемъ томъ учинено было и довольствіе“...[1]).

За неудачной миссіонерской попыткой Коренева почти непосредственно послѣдовала другая, не болѣе удачная по своимъ послѣдствіямъ, со стороны Клинцовскаго жителя Ѳедора Ѳедорова Попова, „повѣреннаго отъ желающихъ сущаго благовѣрія“. Какъ и въ первомъ случаѣ, дѣло началось доношеніемъ въ св. Синодъ, поданнымъ 13 марта 1761 г. ротмистромъ казацкой службы Димитріемъ Матвѣевымъ Поповымъ, по

---

[1]) Арх. Черн. Дух. Конс., № по описи 1033, ящ. 37. Дѣло о опредѣленіи въ стародубскія раскольничьи слободы по просьбѣ заводчика Корнева двухъ православныхъ священниковъ.

происхожденію Еленскимъ раскольникомъ, въ то время уже обратившимся въ православіе. Этому послѣднему въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка дано было порученіе «выводить изъ за границы въ крѣпость св. Елисаветы желающихъ быть въ казачьей службѣ людей», т. е. главнымъ образомъ раскольниковъ, жившихъ въ предѣлахъ Польши. Не мало ихъ въ то время переселилось и изъ Стародубья и заселило въ окрестностяхъ новооснованной крѣпости большія и богатыя селенія, какъ-то: *Злынку*, *Клинцы*, *Никольское* и др. Первыя два названія образовавшихся тамъ поселеній указываютъ на стародубское происхожденіе своихъ поселенцевъ.[1]) Отправляясь въ февралѣ 1761 г. въ С.-Петербургъ по дѣламъ заграничныхъ „выходцовъ“, ротмистръ Поповъ въ Стародубьѣ столкнулся съ указаннымъ Ѳедоромъ Поповымъ и его единомысленниками, объявившими ему, что уразумѣли «правость православныя вѣры», и что «все то, что всероссійская церковь одолжаетъ, съ радостію пріемлютъ и содержатъ». Ихъ было всего «человѣкъ до десяти»; отъ имени ихъ ротмистръ Поповъ, по просьбѣ ихъ, и подалъ доношеніе въ Св. Синодъ о соединеніи ихъ съ православною церковію. Они разсчитывали, что и «изъ другихъ раскольническихъ слободъ жителей, коихъ считается до

---

[1]) 16-го января 1752 г. имп. Елисавета Петровна дала жалованную грамоту генералъ-маіору Ив. Хорвату и повелѣла, для защиты поселяемыхъ въ новой Сербіи гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, устроить земляную крѣпость съ наименованіемъ ея крѣпостью св. Елисаветы. Вокругъ крѣпости скоро стали заселяться слободы изъ разнаго сброда, въ числѣ ихъ были и „русскіе люди“ изъ Польши, преимущественно раскольники, отчего и слободы получили названіе „раскольничьихъ“. Благодаря раскольникамъ, Елисаветградъ скоро сдѣлался торговымъ городомъ. Уже въ 60-хъ годахъ раскольники (Семенъ Сенковскій) отправляли свои товары въ Константинополь чрезъ Хаджибейскую пристань, впослѣдствіи Одессу, куда многіе потомъ и выселились, чему способствовало и само правительство. Екатерина II, желая поощрить устройство новыхъ городовъ Екатеринославской и Вознесенской губерній, въ томъ числѣ и Одессы, указомъ 2 октября 1795 г. предоставила поселявшимся тамъ жителямъ значительныя преимущества, а *раскольникамъ, позволила строить церкви и монастыри* и отправлять богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ священникамъ, поставляемымъ православ.

десяти тысячъ душъ, сыщется де нѣсколько человѣкъ, желающихъ соединиться св. православной всероссійской церкви“. Уразумѣніе „правости православныя вѣры“ было однакоже далеко неполное и безусловное; единомысленники Ѳедора Попова, какъ позднѣйшіе единовѣрцы, принимали законное благословенное церковію священство, но только подъ условіемъ содержанія старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ. Такое условное единеніе съ православною церковію они мотивировали крайнимъ невѣжествомъ и затвердѣлымъ расколомъ, и потому находили, что «какъ имъ самимъ откровенно приступить, такъ и протчихъ вдругъ въ правовѣріе обратить неудобно и невозможно, кромѣ какъ на первой случай выбрать изъ нихъ же грамотныхъ двоихъ въ попы, которые бъ могли имъ проповѣдуя св. вѣру, всѣ ея догматы подробно внушить, и построить бы тамъ въ Климовой слободѣ близъ раскольнической конторы ихъ коштомъ церковь, въ которой бы де все, что до догматовъ вѣры касается, исправляемо было какъ оно и во всей всероссійской церкви происходитъ: точію бъ де на первой случай, дабы де удобнѣе было оныхъ раскольниковъ въ ту церковь привлещи, позволить исправлять службу по старопечатнымъ книгамъ и не запрещать бы двоеперстнаго креста сложеніе».

Вообще говоря, сушность доношенія Ѳедора Попова съ товарищами сводилась къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ пунктамъ, Кромѣ содержанія старыхъ обрядовъ, особенно настаивалось въ доношеніи на томъ, чтобы изъ самыхъ мѣстныхъ старообрядцевъ, желающихъ сущаго благовѣрія, были выбраны люди достойные «ко принятію хиротоніи» (двое), которые могли бы заняться дѣломъ «обращенія находящихся въ раскольническихъ слободахъ затвердѣлыхъ раскольниковъ и невѣждъ Божественнаго писанія». Выдвинуто было и то требованіе, чтобы снята была «лежащая за двоеперстное сложеніе клятва». Таковы первые два пункта доношенія. Въ двухъ послѣднихъ дѣло шло о внѣшнихъ условіяхъ новаго церковнаго порядка, имѣвшаго установиться у стародубскихъ слобожанъ, въ случаѣ условнаго единенія съ православною церковію. Въ третьемъ пунктѣ говорилось «о опредѣленіи тѣмъ двумъ человѣкамъ для повсемѣстной проповѣди и труда на дневную пищу и на протчіе расходы изъ сборныхъ

архіереями. П. С. З. т. XXIII, стр. 793. Ср. Зап. од. общ. ист. и др. II, стр. 384—401; III, стр. 358.

той волости оброчныхъ повсягодныхъ денегъ по сту рублевъ на годъ»; а пунктомъ четвертымъ проектировался особый «президентъ при волостной конторѣ или духовныхъ дѣлъ управитель», который былъ бы «теплымъ ревнителемъ и поборникомъ православно-каѳолическія церкви» и защищалъ бы „желающихъ перейдти отъ раскола въ православіе“. Въ качествѣ подходящаго для такой роли человѣка составители доношенія просили опредѣлить вышеупомянутаго ротмистра Попова, бывшаго Еленскаго раскольника. Таковъ общій смыслъ доношенія, поданнаго въ св. Синодъ 13-го марта 1761 г.

Св. Синодъ весьма сочувственно отнесся къ самой мысли о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію; но не обратилъ серьезнаго вниманія на формальную сторону проектируемаго составителями доношенія условнаго единенія съ православною церковію раскольниковъ. Дѣло представлялось возможнымъ и легкимъ. Для ускоренія его, безъ предварительнаго сношенія съ ближайшимъ къ стародубскимъ раскольническимъ слободамъ архіереемъ, т. е. Черниговскимъ, какъ дѣлалось до тѣхъ поръ въ подлежащихъ случаяхъ, рѣшено было на этотъ разъ испробовать иной путь. Именно, по опредѣленію св. Синода, отъ 1-го іюня, «за лучшій и ближайшій къ склоненію тѣхъ раскольниковъ въ правовѣріе усмотрѣнъ способъ, послать туда на первой случай отъ св. Синода изъ великороссійскихъ хотя въ школахъ не ученаго (ибо обучавшіеся въ школахъ по затвердѣлому въ раскольникахъ упрямству уповательно имъ не весьма будутъ пріятны), но православныя церкви нашея догматы и преданіи довольно знающаго, житія и состоянія добраго и ко обращенію раскольниковъ въ правовѣріе способнаго, которой бы одноличнымъ своимъ бытіемъ всѣ ихъ состоянія разсмотрѣть и пристойными изъясненіями и средствами къ правовѣрію тѣхъ раскольниковъ соединить удобнѣе могъ». По вопросу о построеніи въ слободѣ Климовой церкви св. Синодъ высказался въ томъ смыслѣ, чтобы построить ее тогда, когда «раскольниковъ знатное людей число обратится и церковь православную имѣть пожелаютъ».

Столь же сочувственно отнесся къ мысли о соединеніи слободскихъ раскольниковъ съ православною церковію и правительствующій Сенатъ, когда св. Синодъ обратился къ нему за разрѣшеніемъ вопроса о назначеніи извѣстной суммы на содержаніе священника-миссіонера „изъ оброч-

ныхъ повсягодныхъ денегъ", собираемыхъ раскольничьей волостной конторой, и о назначеніи „для лучшаго вспоможенія священнику при обращеніи изъ раскола и защищенія обратившихся въ правовѣріе людей отъ раскольниковъ" особаго президента или духовныхъ дѣлъ управителя.

Въ своемъ опредѣленіи по даннымъ вопросамъ, отъ 27-го августа того же 1761 г., увлекаясь мыслью о возможности соединенія раскольниковъ съ православною церковію, Сенатъ между прочимъ выражалъ и ту мысль, чтобы въ малороссійской раскольничьей слободѣ Климовой, по возможности въ непродолжительномъ времени, была построена православно-каѳолическая церковь, „для желающихъ сущаго благовѣрія и другихъ къ лучшему обращенію и приведенію въ правовѣріе", и чтобы туда поскорѣе, былъ назначенъ способный священникъ—миссіонеръ. Для построенія церкви, потребной, по смыслу Сенатскаго опредѣленія, какъ „для находящихся надъ тѣми раскольниками управителей и служителей", такъ въ особенности „для обращенія раскольниковъ", назначалось Сенатомъ 500 руб. казенныхъ денегъ „изъ таможнихъ доходовъ" Кіевской губернской канцеляріи, а на содержаніе священника съ причетниками до 300 руб. изъ суммъ, собираемыхъ съ раскольничьихъ слободъ. Сенатъ находилъ возможнымъ удовлетворить и то требованіе, чтобы назначенъ былъ особый президентъ или духовныхъ дѣлъ управитель „для обращенія раскольниковъ въ правовѣріе", въ лицѣ ротмистра Попова, „подъ смотрѣніемъ опредѣленныхъ надъ раскольниками управителей".

Указомъ Св. Синода отъ марта 1762 г., даннымъ на имя преосвященнаго Кирилла, епископа Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, предписывалось, чтобы онъ отправилъ «для обращенія раскольниковъ въ слободу Климову, истребовавъ чрезъ надлежащее сношеніе изъ Смоленской или Бѣлоградской епархій, единаго изъ великороссійскихъ священника, хотя въ школахъ и неученаго, и при немъ діакона и двухъ церковниковъ». Относительно священника—миссіонера и церковниковъ въ указѣ было сказано, чтобы они состояли «подъ вѣдомствомъ и надсмотрѣніемъ» Черниговскаго преосвященнаго, и отписывали ему, «какъ о имѣющихъ обращаться въ правовѣріе, такъ и о всѣхъ тамошнихъ поведеніяхъ, а особливо о могущихъ случиться каковыхъ трудностяхъ и недоумѣніяхъ», испрашивая у него надлежащее наставленіе во всѣхъ недоумѣнныхъ случаяхъ. Въ свою очередь преосвященному Кириллу поставлялось въ

обязанность—чинить по отзывамъ священника-миссіонера «немедленныя разсмотрѣніи и распоряженіи, дабы въ таковомъ полезномъ дѣлѣ остановки быть не могло, и что происходить имѣетъ, о томъ за извѣстіе, а въ случаѣ надобности и съ требованіемъ резолюціи представлять Св. Синоду чрезъ полгода, или когда каковая въ чемъ потребность настоять будетъ». Соотвѣтствующіе указы немедленно посланы были епископамъ: Парфенію Смоленскому, Іоасафу Бѣлогородскому и въ Кіевскую Губернскую Канцелярію. Такъ быстро и энерично дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ Св. Синодъ.

Съ неменьшею быстротою дѣйствовалъ и преосвященный Кириллъ. Къ іюлю 1762 г. имъ были уже закончены сношенія съ Бѣлогородскимъ епископомъ Іоасафомъ, и 31-го іюля были присланы въ Черниговъ при промеморіи изъ Бѣлогородской консисторіи: священникъ Троицкаго Бѣлогородскаго собора ключарь Симеонъ, Логиновъ діаконъ Бѣлогородскаго уѣзда с. Мурома Даніилъ, Насѣткинъ и два церковника,—дьячокъ, сынъ ключаря, Алексѣй Семеновъ и пономарь Бѣлогородскаго собора Леонъ Романовъ. 5-го августа священникъ-миссіонеръ и состоящіе при немъ церковники, по распоряженію преосвященнаго, отправились къ мѣсту своего назначенія въ слободу Климову. Положеніе о. Симеона Логинова оказалось весьма незавиднымъ и тяжелымъ на новомъ мѣстѣ служенія: онъ не зналъ настроенія слобожанъ; не зналъ и того, что и какъ ему дѣлать и съ кѣмъ имѣть дѣло. Тѣ, по иниціативѣ которыхъ возбуждено было дѣло въ Св. Синодѣ и которые повидимому искренно желали условнаго соединенія съ православною церковью, но при посредствѣ избранныхъ изъ своей среды священниковъ, теперь ничѣмъ не обнаруживали своего желанія, отстранились отъ начатаго дѣла, а главный вожакъ и иниціаторъ этой миссіонерской попытки даже скрылся изъ Стародубья. Вмѣсто сочувствовавшихъ дѣлу соединенія съ православною церковію раскольниковъ, единственнымъ мѣстнымъ руководителемъ въ данномъ положеніи оказался православный управитель раскольничьихъ слободъ надворный совѣтникъ Титовъ. Къ нему преосвященный Кириллъ отъ 5-го августа писалъ: «означенному священнику съ причетники, прибывъ въ оную слободу Климову и невѣдя кто зъ раскольниковъ къ правовѣрію сущее имѣетъ желаніе, къ таковому ихъ обращенію вступить слѣда будетъ взять трудно; ему же и о возбудителяхъ къ таковому богоугодному дѣлу... довѣдаться безъ пособія вашего благородія будетъ

невозможно; особливо же пока устроится церковь, не имѣя ему, священнику, къ отправленію надлежащихъ въ церквѣ православной отправляемыхъ церемоній, благопристойнаго мѣста, къ таковому обращенію приступить будетъ тяжестно». Преосвященный Кириллъ «богомолчески» просилъ управителя потрудиться «въ благоугодномъ дѣлѣ», объявить священнику иниціаторовъ Поповыхъ и отъ нихъ обстоятельнымъ образомъ разузнать, кто изъ раскольниковъ описныхъ слободъ „къ сущему правовѣрію имѣетъ желаніе, и тѣхъ «представить священнику, съ чего ему возимѣть способъ къ наставленію ихъ и протчихъ въ православіи». Въ заключеніе своего письма преосвященный писалъ и просилъ: «если кто къ правовѣрію настоящее окажетъ доброхотство, то не токмо отъ нежелающихъ сего благочестія благопристойно сохранять, но и всякое имъ показывать къ возбужденію къ сему и протчихъ удовольство»....

Оказались напрасными всѣ богомольческія просьбы преосвященнаго Кирилла. Отвѣтное письмо управителя Титова не давало никакой надежды на благопріятный исходъ начатаго миссіонерскаго дѣла.[1]) Онъ доносилъ преосвященному, что назначенный Сенатомъ въ качествѣ президента или духовныхъ дѣлъ управителя находится въ Кіевѣ подъ слѣдствіемъ, а Ѳедоръ Поповъ—въ безвѣстномъ отсутствіи; что во всей слободѣ нѣтъ «особаго и способнаго мѣста», кромѣ раскольнической часовни, «для исправленія церковныхъ церемоній и поученія божественнаго писанія ко обращенію отъ раскола въ правовѣріе и для удобнѣйшаго къ священнику приходу»; что, наконецъ, какъ онъ ни старался «провѣдать о желающихъ сущаго благочестія», но что «ни единаго не сыскалось», хотя онъ и собиралъ для этого провѣдыванія волостной съѣздъ. Раскольники, по словамъ управителя, почти единогласно объявили, «что отцы ихъ, а иные и сами изъ Великороссіи, оставя домы и имущества, бѣжали не отъ чего инаго, какъ только соблюсти по ихъ раскольническому суевѣрію древніе обряды, и иначе приступить не могутъ, какъ если имъ дозволятъ построить церковь стариннымъ обычаемъ и въ священника посвятить, коего они изберутъ изъ среды ихъ народа, которому и въ грамотѣ прописано было бъ, чтобъ исправлять всякія духовныя требы по старо-

---

[1]) Отвѣтное письмо Титова отъ 25-го сентября 1762 г.

печатнымъ книгамъ, непротивнымъ св. восточной церкви, а лежачую имѣющуюся клятву на двоецерстное сложеніе снять и разрѣшить. А окромя сего объявляютъ, предая себе во власть и высокомонаршее благоволеніе, къ нынѣшнимъ же церковнымъ обрядамъ приступить не похотятъ и склоняемы не будутъ. Словомъ сказать «Владыко преосвященнѣшій»,—заключалъ свою мысль надворный совѣтникъ Титовъ,—«развѣ зъ благословенія Вашего Преосвященства построится здѣсь въ слободѣ церковь, и егда невидимая десница Господня тронетъ ихъ окамененнія сердца и отверзетъ ихъ ослѣпленные очи, то они склоняемы будуть, а не иначе; ибо они себя считаютъ правовѣрными, по преданію св. апостолъ ходящими, и за грѣхъ почитаютъ молиться и отправу всякую духовную исправлять по новоисправнымъ книгамъ». Таково было общее религіозно-церковное умонастроеніе тоговременныхъ слобожанъ, которое не давало надлежащей почвы для миссіонерскаго дѣла на условіяхъ полнаго обращенія въ православіе, какъ ставилось дѣло св Синодомъ.

Въ ноябрѣ 1762 г. о. Логиновъ съ діакономъ и причетниками возвратился изъ слободы Климовой въ Черниговъ и жилъ, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, „на всемъ катедральномъ коштѣ", какъ видно изъ донесенія Св. Синоду еп. Кирилла отъ 18-го декабря 1762 г.

12-го февраля 1763 года о. Симеонъ Логиновъ и состоящіе при немъ церковники были отправлены обратно изъ Черниговской епархіи въ Бѣлогородскую[1]).

Къ Елизаветинскому времени относится еще одна попытка сближенія съ православною церковію ревнителей стараго обряда въ Стародубьѣ. Единственное упоминаніе о ней пока находится въ старообрядческомъ сборникѣ Хлудовской библіотеки (№ 352 по описанію Попова), писанномъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія Е. Г. Брониной въ Москвѣ. Именно здѣсь находится весьма интересное для насъ въ данномъ слу-

---

[1]) Арх. Черн. Дух. Консист. № 1408. Нов. Мат. для ист. раск. на В. и въ Starод. № 47. Изъ дѣла 1761—62 г. объ устроеніи въ слоб. Климовой правосл. церкви и о назначеніи туда изъ Бѣлогородской епархіи «единаго изъ великороссійскихъ священника» съ діакономъ и двумя церковниками. Стр. 220—231.

чаѣ, особенно по своему предисловію, старообрядческое сочиненіе явно Стародубскаго происхожденія, озаглавленное своеобразно такъ: „*Артикулъ, то есть наука отговорная противу новшественнаго увѣщанія, увѣщавающаго ко пріятію новодѣйственнаго священства*“. Поводъ или „вина и случай сочиненія сего Артикула“ такъ объясняется въ предисловіи къ нему: „Въ лѣто 7267 (1759 г.) іюня присланъ указъ изъ Кіевской губернской канцеляріи въ волостную контору староверцевъ, тако-же къ подполковнику Дмитрію Андреевичу Шмакову, на той часъ при комиссіи ему бывшу. Кой по тому указу собравъ со всѣхъ слободъ во іюлѣ того-же лѣта волостную съѣздку, и вычиталъ имъ съ указу выписку, въ ней же сицевъ положенъ вопросъ: „Желаютъ ли староверцы по старымъ книгамъ поставити кого себѣ въ попы, дабы той у нихъ службу служилъ, и звонъ-бы имѣлъ какъ въ Великой Россіи къ службѣ“? Кой вопросъ слышавше, собранніи отпросишася о томъ у подполковника между собою подумать. И собирахуся о томъ яко бы рещи съ седмицу: и овіи убо на томъ собраніи склоняющеся на сіе, овіи же на ино, и прочіи на прочая“ .. Въ концѣ концовъ стародубскіе слободскіе раскольники высказались рѣшительно противъ сдѣланнаго имъ указнаго предложенія, мотивируя свое нежеланіе послѣдовать ему тѣмъ, что такое дѣло поведетъ во все не къ миру, а къ раздору.... Вѣдь священникъ, говорили слобожане, ничего не можетъ сдѣлать безъ воли своего епископа: какъ-же онъ будетъ креститься двумя перстами, когда его епископъ молится тремя? Если же онъ будетъ креститься тремя перстами, то значитъ, - разсуждали стародубскіе ревнители стараго обряда,—намъ неискренно желаютъ добра, а желаютъ и насъ впослѣдствіи заставить креститься троеперстно. Приводили и другія основанія несоотвѣтствія съ излюбленной ими стариной при пріятіи „новодѣйственнаго священства“. Таковъ внутренній ходъ мыслей, развиваемыхъ въ „Артикулѣ“ (Опис. ркп. Худовской библіотеки А. Попова, № 352; въ самомъ сборникѣ „Артикулъ“ помѣщенъ на лл. 159 об.—179 об.).

Подъ какимъ воздѣйствіемъ явилось вышеизложенное указное предложеніе Кіевской губернской канцеляріи—ближайшимъ образомъ неизвѣстно. Возможно, какъ и есть нѣкоторое основаніе полагать что это былъ отвѣтъ черезъ Кіевскую губернскую канцелярію со стороны высшей власти, духовной или свѣтской, на просьбу 1755 г. Вѣтковскихъ,

Гомельскихъ и Стародубскихъ слобожанъ -раскольниковъ поповщинскаго толка о дарованіи имъ епископа „отъ великороссійскихъ архипастырей „о которой уже нами упоминалось въ предшествующей главѣ (стр. 696). Такимъ образомъ вмѣсто самостоятельнаго старообрядческаго епископа, котораго добивались отъ „великороссійскихъ архипастырей" мѣстные слобожане въ 1755 г., имъ предлагали въ 1759 г. поставить изъ нихъ самихъ лишь только особыхъ священниковъ, которые служили бы у нихъ по старопечатнымъ книгамъ и съ подобающею этому служенію внѣшней церковной обстановкой. По точному смыслу „Артикула" дѣло представляется иначе, а именно такъ, что инициатива указнаго предложенія исходила вполнѣ самостоятельно отъ Кіевской губернской канцеляріи, исполнителемъ которой и являлся въ данномъ случаѣ подполковникъ Шмаковъ, находившійся въ то время въ Стародубскихъ раскольническихъ слободахъ. Проф. Нильскій, извѣстный знатокъ исторіи раскола, отрицалъ даже возможность самостоятельной инициативы со стороны Кіевской губернской канцеляріи въ данномъ случаѣ, находя весьма сомнительнымъ, чтобы подобнаго рода предложенія могла даже дѣлать губернская канцелярія, въ вѣдомствѣ которой находились всѣ Стародубскіе и Черниговскіе раскольники, одна, безъ всякаго участія духовнаго вѣдомства въ той или иной формѣ (Чт. по ист. рус. старообряд. раскола 1889—1890 г. И. Ѳ. Нильскаго). Тѣмъ не менѣе и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Въ XVIII в., въ отношеніи церковныхъ дѣлъ вообще, въ особенности же по дѣламъ раскола, инціатива очень часто исходила отъ вліятельныхъ свѣтскихъ лицъ, а потомъ дѣлалась и достояніемъ духовнаго правительства. Ближе къ дѣлу мы укажемъ на слѣдующее. Въ 1759 г. Кіевская губернская канцелярія находила возможнымъ указно предложить подчиненнымъ ей стародубскимъ „старовѣрцамъ" высказаться о томъ, желаютъ ли они кого-либо изъ своей среды поставить себѣ въ священника по старымъ книгамъ и обрядамъ, чтобы онъ потомъ и всѣ службы совершалъ по тѣмъ же старопечатаннымъ книгамъ и обрядамъ. Въ слѣдующемъ 1760 году малороссійскій гетманъ, графъ К. Г. Разумовскій, находилъ возможнымъ войти съ широкимъ представленіемъ на Высочайшее имя относительно церковнаго устройства тѣхъ же стародубскихъ и черниговскихъ раскольниковъ. Онъ представлялъ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ отъ 31-го августа 1760 г., не столько, конечно, въ церковно-государственныхъ интересахъ, сколько въ своихъ

личныхъ, владѣльческихъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго возвращенія зарубежныхъ старообрядцевъ въ Малую Россію и заселенія ими своихъ обширныхъ и слабо населенныхъ земель въ ней, о чемъ совершенно прозрачно и высказывался и просилъ, „для приласканія ихъ", не сносясь ни съ св. Синодомъ, ни съ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, Высочайше дозволить имъ „содержаніе закона по ихъ преданіямъ и старопечатнымъ книгамъ", имѣть своихъ священниковъ и даже даровать имъ право строить свои церкви и монастыри (Х. И. А. Д. М №о 6673. См. также наши Мат. для ист. раск. на В. и въ Старод., №о 45, стр. 205—216. Васильчиковъ, А. А.: Сем. Разумовскихъ, т. 1, стр. 253—254, 265—268). Есть много и другихъ аналогичныхъ фактовъ изъ XVIII в.

Упоминаемый въ „Артикулѣ" подполковникъ Д. А. Шмаковъ не разъ исправлялъ служебныя обязанности въ стародубскихъ раскольническихъ слободахъ то въ качествѣ слободскаго управителя, то во главѣ слѣдственной коммиссіи о спорныхъ грунтахъ и разныхъ смертноубійственныхъ дѣлахъ. Въ дѣлахъ бывшей Малороссійской Коллегіи, хранящихся теперь въ Харьковскомъ университетскомъ историческомъ архивѣ, имѣется обширное дѣло подъ №о 10888 (11026) на 729 листахъ „о происшедшихъ у раскольниковъ съ малороссійскими владѣльцами и обывателями спорныхъ, за землю, обидныхъ и смертноубивственныхъ дѣлахъ и о учрежденіи въ раскольнической слободѣ Климовой слѣдственной коммиссіи и о прочихъ къ сей коммиссіи касаючихся дѣлахъ", обнимающее собою время съ 1764 г. по 1780 г. когда слѣдственная коммисія перестала существовать. Здѣсь между прочимъ въ одномъ изъ дѣлъ за 1774 г. говорится, что подполковнику 5-го Кіевскаго баталіона Д. А. Шмакову было поручено въ 1757—1758 г. указомъ Кіевской Губернской Канцеляріи разобрать дѣло о спорныхъ грунтахъ слободы Климовой и Митьковки, съ Ропскою волостью, въ томъ числѣ и с. Могилевецъ съ обывательми, которое и слѣдовано было при депутатѣ съ малороссійской стороны бунчуковомъ товарищѣ Гудовичѣ (л. 560). Въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ сохранились нѣкоторыя дѣла этой слѣдственной коммиссіи отъ 1757 г, напр. предложеніе повѣренному генералъ-фельдмаршала и кавалера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго Титову, отъ 3-го іюля, дополнить поданный имъ экстрактъ въ комиссію отъ 21-го мая по дѣлу съ раскольниками, подписанное подполковникомъ Шмаковымъ, какъ и доно-

шеніе повѣреннаго по этому поводу отъ 9-го іюля того же года. Въ 1761 г. тотъ же подполковникъ уже завѣдывалъ дѣлами Васильковскаго форпоста, какъ видно изъ другого дѣла, хранящагося теперь въ Кіевскомъ центральномъ архивѣ въ связкахъ дѣлъ о переселеніяхъ и колонизаціи. Въ 1768 г. тотъ же подполковникъ былъ временно опредѣленъ Кіевской губернской канцеляреій „къ управительской должности“ въ раскольническихъ слободахъ Стародубья, а въ 1769 г., за назначеніемъ правительствующимъ сенатомъ „настоящаго управителя“ надворнаго совѣтника Вырыпаева, ему велѣно снова быть въ слѣдственной коммиссіи на мѣсто уволившагося по болѣзни премьеръ—маіора Ефрема Гущина и всякія спорныя о земляхъ, обидныя и смертноубійственныя дѣла „порознь слѣдовать и разбирать по крѣпостямъ и другимъ достовѣрнымъ документамъ, а у кого оныхъ не явится, то по свидѣтельскимъ показаніямъ“, согласно указу сената о допущеніи раскольниковъ во свидѣтельство и къ присягѣ (л.л. 242 - 244). Въ слѣдственной комиссіи подполковникъ Шмаковъ состоялъ и въ началѣ 70-хъ годовъ, какъ видно изъ разныхъ указаній вышеупомянутаго обширнаго дѣла Харьковскаго историческаго архива (л.л. 308, 311—315), такъ и изъ разныхъ дѣлъ Кіевскаго центральнаго архива (св. дѣлъ о пересел. и колонизаціи). Въ 1774 г. за смертію управителя Вырыпаева подполковникъ Шмаковъ снова назначенъ былъ отправлять обязанности управителя по волостной конторѣ (л. 595 об.). Вмѣстѣ съ маіоромъ Мельниковымъ, преемникомъ Шмакова по слѣдственной комиссіи, послѣдній считался малороссійскими депутатами при слѣдственной комиссіи мирволившимъ слобожанамъ (л. 304 об. и др.)

Извѣстія Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко

ТОМЪ I—XXI.

Содержаніе неоффиціальныхъ отдѣловъ.

I ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *П. И. Люперсольскаго.*—Философскіе этюды А. А. Козлова. *Н. Я. Грота.*—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича.*—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова.*—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго.*—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоимѣнія. *А. В. Добіаша.*

II ТОМЪ (распроданъ).

Сновидѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота.*—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича.*

III ТОМЪ (распроданъ).

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго.*—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова.*—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго.*—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта.*—Патмосскія схоліи къ Демосѳену. *П. В. Никитина.*—Первобытные Славяне. I, 2. *А. С. Будиловича.*

IV ТОМЪ Вып. I. (Ц. 75 к.)

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкопана. *А. С. Будиловича.*—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича

„Османъ". *Р. Θ. Брандта.*—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій I. *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріанова.*—Психологія чувствованій. II. *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Θ. Брандта.*

VI ТОМЪ (распроданъ).

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ (распроданъ).

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ словъ. *Р. Θ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола.

II. *А. В. Добіаша*.—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича*, Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакціею *Р. Θ. Брандта*. I.

IX ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—Эпиграфическія и другія замѣтки. Г. *Э. Зенгера*.—P. Terenti Afri Eunuchus съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля*.—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ объясненіями. *П. А. Адріанова*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. II.

X ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля*.—*Миклошичъ*, Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. III—IV.—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Θ. Карскаго*.

XI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.).

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова*.—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И. Соколова*.—*Миклошичъ*, Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. V.—Titi Livi ab urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля*.—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова*.

XII ТОМЪ. (ракпроданъ.).

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго*.—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова*.—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилеева*.—Матеріалы для исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (I) *Е. В. Пѣтухова*.

XIII ТОМЪ (распроданъ).

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша*.—О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича*.—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева*.—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова*.

XIV ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Замѣтки по греческому синтаксису. (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*—M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А.* М. *Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). М. *И. Лилеева.*

XV ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист. фил. Института Князя Безбородко (1875—95).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу. *Е. В. Пѣтухова.*— О картинной галлереѣ Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Ѳ. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—И. А. Левицкій. (Некрологъ) *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

XVII ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.).

Душевное настроеніе Фридриха Великаго во время семилѣтней войны. *Е. Н. Щепкина.*—О шестой пѣснѣ Энеиды Вергилія. *А. А. Брока.*—Культъ Весты въ древнемъ Римѣ (продолженіе). *И. Г. Турцевича.*—Исторія Сербіи съ половины XIV до конца XV в., т. I (критическое изслѣдованіе источниковъ). *В. В. Качановскаго.*

XVIII ТОМЪ (Ц. 3 р.).

Научная цѣнность христіанскаго знанія. Свящ. *А. В. Лобачевскаго.*—Начало академической свободы въ западной Европѣ. *В. К. Пискорскаго.*—Объ одной историко-политической запискѣ временъ присоединенія Крыма. *М. Н. Бережкова.*—Homerica. *С. Н. Жданова.*—Неизданное письмо Фр. Авг. Вольфа. Б. *Ф. Бурзи.*—Обращенія къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи *И. Г. Турцевича.*—Н. А. Лавров-

скій. *А. В. Добіаша.*—Описаніе рукописей библіотеки Института. Подъ ред. *М. Н. Сперанскаго.*—Изъ исторіи сербской литературы. *В. В. Качановскаго.*—Что такое филологія и каково ея значеніе? *А. В. Добіаша.*

XIX ТОМЪ (Ц. 1 р. 75 к.)

Описаніе рукописей библіотеки Института, окончаніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"), сост. *М. Н. Сперанскій.*—Религія Лукреція. *А. А. Брока.*—Обращеніе къ императору провинціальныхъ сеймовъ, городскихъ и другихъ обществъ въ первые три вѣка римской имперіи, приложеніе (см. XVIII томъ „Извѣстій"). *П. Г. Турцевича.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв., выпуска II, части I-й стр. 1—90. *М. И. Лилеева.*—Задачи исторіи античныхъ литературъ, вступительная лекція *М. И. Мандеса.*—Памяти В. В. Качановскаго. *М. Н. Сперанскаго.*

XX ТОМЪ (Ц. 2 р.).

Отчетъ о дѣятельности временной „Гоголевской" коммиссіи, составилъ *И. А. Сребницкій.*—Памяти Н. Е. Скворцова. Г. *В. Милеванскаго.*—Объ источникахъ Аѳинскаго права. Б. *Ф. Бурзи.*—Новооткрытая „Буквица" Досиѳея Обрадовича. *К. Ѳ. Радченка.*—Малоизвѣстное сочиненіе Евѳимія Зигабена, трактующее о богомилахъ. *К. Ѳ. Радченка.*—Отношеніе Великаго Курфюрста Фридриха Вильгелма къ земскимъ чинамъ Бранденбурга по вопросу объ акцизномъ налогѣ. Бывш. студ. *А. И. Солнцева.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

XXI ТОМЪ (Ц. 2 р. 50 к.)

Описаніе рукописей библ. Пріобрѣтенія 1901—1903 г.г. (см. XVIII и XIX томы «Извѣстій») сост. *М. Н. Сперанскій.*—Школьный вопросъ въ древней Греціи. Б. *Ф. Бурзи.*—О краснорѣчіи у древнихъ Еллиновъ. *А. И. Покровскаго.*—Въ память проф. П. А. Люперсольскаго. *М. Н. Бережкова.*—Недуги нашего учебнаго дѣла. *П. Е. Скворцова.*—О введеніи въ Исторію Греціи проф. В. П. Бузескула. *А. И. Покровскаго.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII вв. Выпускъ II. (Продолженіе). *М. И. Лилеева.*

Историко-филологическій Институтъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ. 1875—1900. Преподаватели и воспитанники. (Ц. 1 р.).

Гоголевскій Сборникъ (Юбилейный). изд. состоящей при Истор.-Филол. Инст. Гоголевской Комиссіей подъ ред. М. Сперанскаго. Кіевъ 1902. (Ц. 2 р.).

1) *М. Н. Сперанскій*: Одно изъ послѣднихъ писемъ Н. В. Гоголя.

2) *П. А. Заболотскій:* Н. В. Гоголь въ русской литературѣ.

3) Гоголевская Выставка.

4) *И. А. Сребницкій:* Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя изъ архива Гимназіи высшихъ наукъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
КІЕВСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ
въ 1904 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлію, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.

2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.

3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и посторонних слушателей.

4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.

5. Програмы, конспекты и библіографическіе указатели для учащихся.

6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.

7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной административной и хозяйственной части Университета.

8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.

9. Годичные отчеты по Университету.

10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.

11. Разборъ дисертацій, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, pro venia legendi и т. п., а также и самыя диссертаціи.

12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части: 1)—оффиціальную, протоколы, отчеты и т. п.—2)—неоффиціальную

(статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники*, заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели библіотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1904 году будутъ выходить ежемѣсячно книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесять копѣекъ,** а съ пересылкой **семь рублей.** Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородныя могутъ обращаться съ требованіями своими или къ коммиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину (въ С.-Петербургѣ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же), или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Гл. Редакторъ *В. Иконниковъ.*